

B35 84

2. L

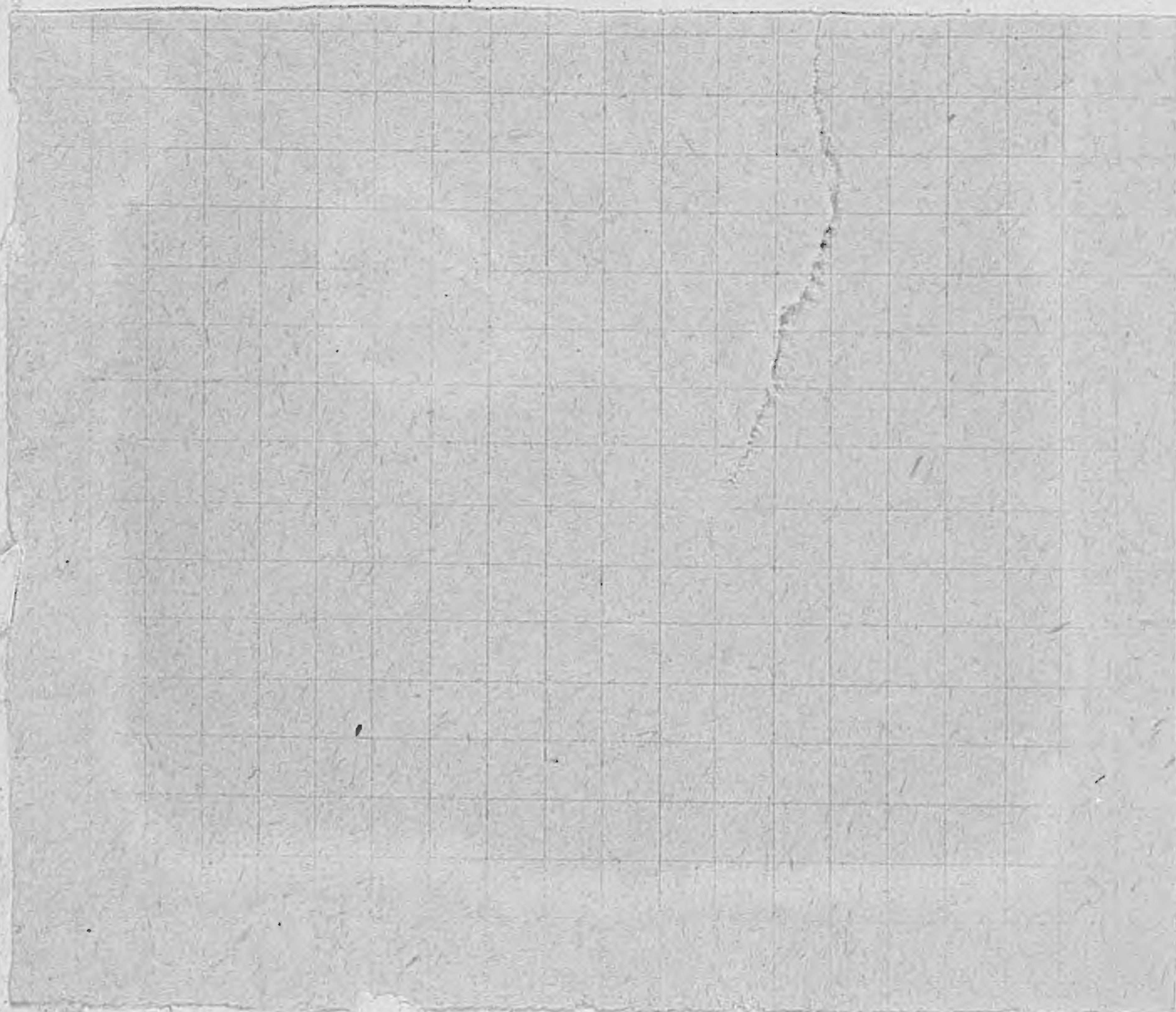
Эксперимент

Шкафъ 2

Полка 10

№ 15

БИБЛИОТЕКА НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

MT 386/3

20/15

22

33584

MTV 386/5
Луб. М
рб

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отъ древнѣйшихъ временъ до смерти Александра Великаго

(323 г. до Р. Х.)

— 200018

22

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. Траншеля, на углу Невск. и Владим., д. № 45—1.

1872

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ДРЕВНИЙ ВРЕМЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

916992✓

22

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire: c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modellez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung; — denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren? — und wer hatte je Uebung in der schweren Kunst des Feldherrn, ehe er zu dieser erhabenen Stelle gelangte? — sondern Bereicherung des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch Kenntniss und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

19310584

17051573

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая нынѣ всеобщая военная исторія древнихъ временъ была составлена мною еще въ бытность мою (1838—1847) профессоромъ военной исторіи и стратегіи въ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба) и предназначалась служить руководствомъ къ преподаванію и изученію въ ней этой науки.—Въ первыя 20 лѣтъ со времени учрежденія академіи, въ ней преподавалась военная исторія древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ до 1815 года включительно, въ видѣ болѣе полнаго и подробнаго обзора войнъ и походовъ великихъ полководцевъ и болѣе или менѣе краткаго — военноисторическихъ событій между ними, — въ необходимой связи съ современною исторіей: политическою, военнаго искусства, искусства и науки веденія войны и военной литтературы. — По этому плану, съ ходомъ времени, постепенно составлялись, исправлялись, пополнялись и литографировались записки курса военной исторіи, но печатнаго руководства по этому предмету на русскомъ языкѣ еще не было ни въ академіи, ни въ нашей военной литтературѣ. Такого именно рода трудъ я, съ разрѣшенія академическаго и высшаго начальства, и принялъ на себя, съ нѣсколькими военными сотрудниками (изъ бывшихъ академическихъ же офицеровъ), составляя въ то же время, съ тою же цѣлію и по тому же плану, и военную

исторію среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ. — Обширный трудъ этотъ былъ уже почти довершенъ въ составленіи, когда полученное мною иное назначеніе по службѣ заставило меня, къ сожалѣнію, прервать его, а послѣдующія затѣмъ обстоятельства долгое время не дозволяли мнѣ довершить и издать его.

Нынѣ, наконецъ, издается первая часть его — всеобщая военная исторія древнихъ временъ, отъ древнѣйшихъ временъ до смерти Александра Великаго (323 г. до Р. Х.), за которою, въ непродолжительномъ времени, послѣдуютъ вторая и третья части, отъ смерти Александра Великаго до паденія западной римской имперіи (323 г. до Р. Х. — 476 по Р. Х.), а затѣмъ и слѣдующія, по порядку времени. — Всѣ онѣ, подобно нынѣ издаваемой, будутъ, до изданія, тщательно пересмотрѣны и исправлены и значительно пополнены.

Это будетъ первый у насъ опытъ полнаго, систематическаго изложенія существенно важнаго предмета военныхъ знаній — всеобщей военной исторіи. — Европейская военная литтература, при всѣхъ своихъ богатствѣхъ и разнообразіи, не имѣетъ еще подобнаго рода сочиненія — недостатокъ, въ настоящее время особенно ощутительный.

При первоначальномъ составленіи этого труда имѣлось въ виду, чтобы онъ соотвѣтствовалъ потребностямъ и пользамъ не только офицеровъ, образуемыхъ въ академіи, но и всѣхъ вообще военныхъ людей, — чтобы онъ могъ служить полезнымъ руководствомъ къ изученію всеобщей военной исторіи, въ наибольшихъ, по возможности, полнотѣ и объемѣ ея, — наконецъ, чтобы изданіемъ его сдѣлать, такъ сказать, первый шагъ къ восполненію означеннаго выше недостатка въ военной литтературѣ.

Основанный на тѣхъ началахъ, которыя, со времени учрежденія бывшей Императорской Военной Академіи, 20 лѣтъ приняты были въ ней для преподаванія военной исторіи, трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ практически-по-

лезное изложеніе оной, какъ единственнаго источника, изъ котораго можетъ и должна быть почерпнута теорія стратегіи или наука веденія войны.

Военная исторія изслѣдуется въ немъ, согласно съ сказаннымъ выше, въ необходимой связи съ современною исторіею: политическою, военнаго искусства, искусства веденія войны и литтературы военной исторіи.

Собственно всеобщая военная исторія древнихъ временъ раздѣлена, сообразно съ ходомъ и развитіемъ, совершенствованіемъ или упадкомъ военнаго искусства вообще и искусства веденія войны въ особенности, на извѣстное число періодовъ. — Въ каждомъ періодѣ изслѣдованію войнъ и походовъ предшествуютъ: краткое указаніе источниковъ и изложеніе состоянія военнаго искусства. Войны и походы великихъ полководцевъ или чѣмъ-либо особенно важные, замѣчательные и поучительные въ отношеніи къ искусству и наукѣ, излагаются съ бѣльшими: полнотою и подробностью, а остальные затѣмъ — болѣе или менѣе кратко, соразмѣрно съ степенью важности ихъ въ означенномъ отношеніи.

Согласно съ этими главными основаніями, всеобщая военная исторія древнихъ временъ раздѣлена на слѣдующіе четыре главные періода:

Первый — начала и постепеннаго развитія военныхъ учрежденій и военнаго дѣла на востокѣ, у древнихъ народовъ азійскихъ и африканскихъ, и въ Европѣ у грековъ, до начала греко-персидскихъ войнъ (за 500 лѣтъ до Р. Х.).

Второй — наибольшаго развитія и цвѣтущаго состоянія военныхъ учрежденій и военнаго искусства у грековъ, отъ начала греко-персидскихъ войнъ до смерти Александра Великаго (500—323 г. до Р. Х.).

Третьй — наибольшаго развитія и цвѣтущаго состоянія военныхъ учрежденій и военнаго искусства у римлянъ, отъ смерти Александра Великаго до Августа или образованія римской имперіи (323—30 г. до Р. Х.).

Четвертый—постепеннаго упадка военныхъ учреждений и военнаго искусства у римлянъ, отъ Августа до паденія западной римской имперіи (30 до Р. Х.—476 по Р. Х.).

Всеобщая военная исторія древнихъ временъ составлена на основаніи извѣстнѣйшихъ и лучшихъ, древнихъ источниковъ и новѣйшихъ историческихъ пособій. Въ введеніи къ ней, помѣщенномъ вслѣдъ за этимъ, они означены и рассмотрѣны всѣ въ совокупности, а затѣмъ въ началѣ каждой главы — относящіяся къ ней указаны лишь вкратцѣ. Такимъ образомъ, рассмотрѣніе ихъ всѣхъ въ совокупности, въ введеніи, составляетъ, само по себѣ, краткій обзоръ литературы всеобщей военной исторіи древнихъ временъ.

Князь Н. Голицынъ.

Іюль 1872 года.

ВВЕДЕНІЕ.

- I. Понятіе о военной исторіи; предметъ и цѣль ея, дѣленіе, изслѣдованіе, изложеніе, изученіе, методы и система, значеніе, важность и польза. —
II. Источники и историческія пособія для изученія военной исторіи древнихъ
: ВРЕМЕНЪ.
-

I.

Для того, чтобъ уяснить себѣ понятіе о военной исторіи, какъ наукѣ, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ нынѣ, полезно предварительно изслѣдовать происхожденіе и развитіе ея, а для того прослѣдить отъ начала, съ этою цѣлію въ виду, ходъ и развитіе исторіи вообще.

Исторія получила свое начало тамъ, гдѣ образовались первыя гражданскія общества, гдѣ впервые возникли науки и искусства — на востокѣ древняго міра. Но древній языческій востокъ не оставилъ намъ полной и достовѣрной исторіи, а что и дошло до насъ, то лишь въ отрывкахъ и не заслуживаетъ названія исторіи. Только одинъ народъ древняго востока, чуждый въ началѣ язычества, именно — еврейскій, возвысился до истинной исторіи, въ своихъ, въ цѣлости и полнотѣ до насъ дошедшихъ, такъ называемыхъ историческихъ книгахъ священнаго писанія ветхаго завѣта. Истина и достовѣрность ихъ засвидѣтельствованы новѣйшею наукой, въ лицѣ лучшихъ ея представителей. Въ этихъ книгахъ заключаются первыя, истинныя и достовѣрныя свѣдѣнія о

началъ и происхожденіи рода человѣческаго и о судьбахъ еврейскаго народа и, по отношенію къ нему, современныхъ народовъ древняго востока — Азіи и Африки. А какъ еврейскій народъ, съ самаго исхода изъ Египта, почти постоянно находился въ войнахъ съ сосѣдственными племенами, народами и государствами, то въ историческихъ книгахъ библіи заключаются, между прочимъ, также свѣдѣнія о военныхъ: событіяхъ, бытѣ и искусствѣ у еврейскаго и другихъ народовъ древняго востока. Поэтому, первая достовѣрная исторія, заключающаяся въ библіи, уже имѣетъ характеръ отчасти военный.

Послѣ евреевъ на востокѣ, исторія въ XII вѣкѣ передъ Р. Х. впервые является въ Европѣ — у грековъ, которымъ позже суждено было стать во главѣ ея и всей цивилизаціи древняго міра. И хотя исторія у нихъ впервые явилась въ формѣ эпической поэмы — Иліады Гомера (или Омира), но и по предмету содержанія своего — 10-ти-лѣтней осадѣ Трои греками и сопряженнымъ съ нею военнымъ дѣйствіямъ ихъ и троянцевъ, и по заключающимся въ ней свѣдѣніямъ о военныхъ бытѣ и искусствѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ, она имѣетъ характеръ на половину военный.

Семь столѣтій спустя, въ V вѣкѣ передъ Р. Х., у тѣхъ же грековъ, Геродотъ, положившій первое начало исторической наукѣ и потому прозванный отцомъ исторіи, въ главномъ, образцовомъ твореніи своемъ, описалъ греко-персидскую войну, а непосредственно послѣ него Фукидидъ — пелопоннесскую. Ксенофонтъ же, вслѣдъ за Фукидидомъ, написалъ Киропедію или исторію персидскаго завоевателя Кира старшаго, и Анабазисъ или походъ Кира младшаго въ верхнюю Азію и отступление изъ нея въ малую Азію 10 т. грековъ. Въ образцовыхъ твореніяхъ этихъ трехъ первыхъ и превосходныхъ историковъ Греціи, исторія имѣетъ уже характеръ преимущественно военный. Она сохраняетъ его и въ твореніяхъ послѣдующихъ, лучшихъ историковъ Греціи: Полибія, Діодора, Діонисія, Арріана, Плутарха и др., и позже римскихъ: Юлія Цезаря, Саллустія, Тита Ливія, Тацита, Корнелія Непота и др. У нѣкоторыхъ изъ этихъ историковъ, какъ

напримѣръ у Ксенофонта, Арріана и особенно Юлія Цезаря, исторія имѣетъ характеръ даже почти исключительно военный.

Такимъ образомъ вообще исторія въ древнія времена, отъ самаго начала ея у евреевъ до разрушенія западной римской имперіи и съ нею всего строя древняго міра, всегда, менѣе или болѣе, вмѣстѣ съ характеромъ политическимъ, имѣла часто преимущественно, а иногда почти исключительно, характеръ военный, не переставая однако носить, какъ у грековъ, такъ и у римлянъ, одно общее названіе исторіи. Причины того весьма естественны и понятны. Война въ древнія времена, съ самаго начала образованія на востокѣ первыхъ гражданскихъ обществъ и большихъ государствъ, была, можно сказать, почти нормальнымъ состояніемъ народовъ и государствъ, и въ продолженіе 30-ти вѣковъ (25-ти до и 5-ти по Р. Х.) едва ли можно пріпскать одинъ годъ, въ которомъ не было бы войны. Въ числѣ этихъ, почти непрерывныхъ войнъ были и мелкія племенные, и большія международныя, и завоевательныя, и междуусобныя, и даже всемірныя, какъ войны грековъ съ востокомъ, а римлянъ со всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ и, наконецъ, съ народами сѣвера и востока, сокрушившими наконецъ западную римскую имперію. При этомъ, повсюду и всегда въ древнія времена, военная повинность была всеобщею, каждый гражданинъ былъ воиномъ, военное званіе было важнѣйшимъ и почетнѣйшимъ, и высшіе дѣятели общественные и государственные большею частію были вмѣстѣ съ тѣмъ и военными. Вслѣдствіе всего этого, исторія, какъ и вся вообще литтература, въ древнія времена была почти всегда, по словамъ одного новѣйшаго французскаго эллиниста (*), » результатомъ тогдашняго общественнаго быта, и древніе историки были не исключительно кабинетными учеными, но всегда общественными, государственными, политическими и военными дѣятелями, нерѣдко полководцами, словомъ — гражда-

(*) Gail, въ его предисловіи къ переводу Эуклидовой исторіи пелопоннесской войны, помѣщенному въ 1-й части *Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sauvan, Paris, 1838.*

нами, находившимися въ постоянномъ соприкосновеніи съ общимъ политическимъ движеніемъ и писавшими потому, что жили, а не жившими для того, чтобы писать.»

Съ паденіемъ западной римской имперіи, въ продолженіе наступившихъ варварства и невѣжества среднихъ вѣковъ, исторія, какъ наука, совершенно пала и низошла на степень хроники или лѣтописи, основанной на преданіяхъ и писанной въ западной Европѣ на искаженномъ латинскомъ языкѣ, а въ восточной римской или греческой имперіи на такомъ же греческомъ. Въ эти хроники вносились также и свѣдѣнія о войнахъ, военныхъ событіяхъ и т. п., и хотя онѣ заключаютъ въ себѣ обильный матеріалъ для военной исторіи этихъ временъ, но немногія изъ нихъ имѣютъ истинное военно-историческое значеніе.

Только съ возрожденіемъ въ западной Европѣ, въ XV и особенно въ XVI столѣтіяхъ, наукъ и искусствъ, возродилась и исторія, сначала въ духѣ подражанія древнимъ классическимъ образцамъ и съ изложеніемъ на испорченномъ латинскомъ языкѣ, почему и характеръ имѣла нѣсколько подобный древнему, т. е. политическій и военный вмѣстѣ. Но какъ общій строй, и частный, и общественный, и государственный, политическій и военный, былъ уже совершенно иной, нежели въ древнія времена, то, сообразно съ нимъ, историческая наука стала постепенно получать иное, новое направленіе. Между государствами западной Европы стали возникать начала новыхъ международныхъ отношеній, послужившія первыми основаніями позднѣйшей системѣ европейской политики. А въ образѣ и искусствѣ веденія войны, со времени введенія огнестрѣльнаго оружія, произошелъ такой переворотъ, что и все вообще военное искусство получило совершенно иное, нежели прежде, новое направленіе. Такимъ образомъ, и политика, и война одновременно имѣли рѣшительное вліяніе на существо и характеръ исторической науки, и она начала уже раздѣляться на политиче-

скую и собственно военную. Первая стала заниматься преимущественно политическими событиями, не вдаваясь въ подробности военныхъ; вторая же, наоборотъ, начала преимущественно и позже почти исключительно посвящать свое вниманіе изслѣдованію событийъ военныхъ, лишь для необходимой связи касаясь политическихъ. Въ этомъ именно раздѣленіи исторической науки и скрывается начало новой, особенной отрасли ея — военной исторіи. Но ходъ и развитіе послѣдней сначала были довольно медленные. Обаяніе и вліяніе классическихъ образцовъ древности были столь сильны и продолжительны, что новое направленіе, возникшее въ силу самыхъ обстоятельствъ, встрѣчало упорную борьбу и замедленіе со стороны стараго. Три вѣка — XVI, XVII и XVIII — длилась эта борьба, сильнѣе въ началѣ, слабѣе въ послѣдствіи. Упорно держалось старое, но и новое росло и крѣпло. Въ XV и XVI вѣкахъ преимущественно издавались и переводились историческія произведенія древнихъ писателей, а немногія оригинальныя, политическія и военныя, писались большею частію на латинскомъ языкѣ. Въ XVII вѣкѣ число оригинальныхъ военныхъ, на новѣйшихъ языкахъ, стало увеличиваться, а на латинскомъ — уменьшаться; но вліяніе классической древности все еще было господствующимъ. Это продолжалось и въ XVIII вѣкѣ, особенно во Франціи, и хотя военная исторія, какъ и политическая, уже значительно развилась и получила самостоятельность, но пристрастіе къ классической древности все еще было очень сильно, даже въ концѣ XVIII вѣка. Во Франціи оно повело даже къ непрактическому и малополезному, мелочному педантизму, выразившемуся преимущественно въ составленіи комментаріевъ на историковъ и военныхъ писателей древности и на военныя событія древнихъ временъ. Отъ такого направленія военно-исторической науки была, конечно, пѣкоторая доля пользы (какъ, напр., въ продолжительной полемикѣ о древнемъ, глубокомъ и о новѣйшемъ, тонкомъ строѣ), но едва-ли не было еще болѣе вреда отъ того, что собственно прямой, практической пользы въ этомъ вообще было очень мало. Тѣмъ не менѣе однако, военно-историческая наука въ XVIII вѣкѣ все-таки сдѣлала большіе успѣхи и, безъ сомнѣнія, могла бы сдѣлать и еще болѣе значительные,

еслибы не была задерживаема и замедляема на истинномъ пути къ своему развитію и совершенствованію и даже отчасти совращаема съ него, какъ сказано, пристрастіемъ къ грекамъ и римлянамъ.

Но 1-я французская революція, повлекшая за собою, почти 23 года продолжавшіяся, большія европейскія войны, произвела совершенный переворотъ какъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, такъ и собственно въ направленіи военной литтературы вообще и военно-исторической въ частности. Громадныя, міровыя событія этихъ 23 лѣтъ (1792—1815) отвлекли вниманіе отъ классической древности къ себѣ и послужили поводомъ къ первому началу новѣйшей военно-исторической науки. Въ теченіе болѣе полувѣка со времени общаго замиренія въ 1815 году, она получила постепенно такое направленіе и такое быстрое движеніе по немъ и достигла такого развитія, какихъ никогда дотолѣ не имѣла. Въ такой степени развитія находится она нынѣ и не остановилась на немъ, но продолжаетъ ходъ свой далѣе и далѣе.

Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго усматривается, что наука военно-историческая есть наука новая, не существовавшая ни въ древнія, ни въ среднія времена, но обязанная своимъ происхожденіемъ общему возрожденію наукъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, постепенно, хотя и медленно, развивавшаяся съ тѣхъ поръ, и въ послѣднія 57 лѣтъ достигшая нынѣшняго, значительнаго развитія своего.

Въ этомъ, современномъ намъ, состояніи своемъ, она уже не общая исторія, хотя бы съ преимущественно военнымъ характеромъ, какъ въ древнія времена, еще менѣе хроника или лѣтопись, какъ въ среднія времена, но особая, самостоятельная военная наука, хотя и отрасль одного общаго корня, исторіи, важнѣйшая изъ всѣхъ военныхъ наукъ, образующихъ съ нею одну общую систему.

Предметомъ ея—военныя событія, имѣвшія большія или меньшія: значеніе, важность и вліяніе 1) въ политическомъ

отношеніи, въ судьбахъ цѣлаго міра, или извѣстной части его, или одного народа либо государства, и 2) собственно въ военномъ, т. е. въ отношеніи къ военному искусству вообще, къ различнымъ отраслямъ его и къ искусству веденія войны въ особенности.

Цѣль ея—состоитъ въ научномъ, критическомъ изслѣдованіи означенныхъ военныхъ событій, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, критически же разработанныхъ, и затѣмъ въ историческомъ изложеніи этихъ событій, согласно съ требованіями новѣйшей военно-исторической науки, въ необходимой связи съ исторіей политической, съ свѣдѣніями военно-статистическими и военно-географическими, съ современнымъ состояніемъ военного искусства и различныхъ отраслей его, и съ надлежащимъ раскрытіемъ причинъ, послѣдствій и результатовъ событій, взаимной связи ихъ между собой, и видовъ, намѣреній, распоряженій и дѣйствій съ обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Этими: предметомъ и цѣлію военной исторіи въ наше время опредѣляются, какъ значеніе ея, въ смыслѣ особой, самостоятельной военной науки, такъ и способы дѣленія, изслѣдованія, изложенія и изученія ея, и полная система ея, и польза изученія оной.

Дѣленіе ея, подобно какъ и политической исторіи, двоякое: 1) по пространству—на всеобщую, т. е. всѣхъ главныхъ и исвѣстнѣйшихъ народовъ и государствъ міра, какъ угасшихъ или исчезнувшихъ, такъ и существующихъ, на спеціальную или частную—одного извѣстнаго народа или государства, личную—одного извѣстнаго лица (военная біографія или жизнеописаніе, характеристика и т. п.), или же одного какого-либо извѣстнаго военного событія изъ общей или частной военной исторіи (монографія),—и 2) по времени,—на военную исторію древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ, каждая изъ которыхъ, для бóльшаго удобства въ изложеніи, обзрѣніи и изученіи, подраздѣляется еще на извѣстное число періодовъ, по важнѣйшимъ эпохамъ политическимъ и военнымъ.

Такимъ образомъ военную исторію принято дѣлить и подраздѣлять по времени слѣдующимъ образомъ:

I. Военная исторія древнихъ временъ — отъ образованія первыхъ государствъ на востокѣ древняго міра (за 2500 лѣтъ до Р. Х.) до паденія западной римской имперіи (въ 476 по Р. Х.).

Періодъ 1-й — начала и постепеннаго развитія военныхъ учрежденій и военного дѣла на востокѣ, у народовъ азійскихъ и африканскихъ, и въ Европѣ у грековъ, до начала греко-персидскихъ войнъ (за 500 л. до Р. Х.).

Періодъ 2-й — наибольшаго развитія и цвѣтущаго состоянія военныхъ учрежденій и военного искусства у грековъ и македонянъ, отъ начала греко-персидскихъ войнъ до смерти Александра В. (500—323 г. до Р. Х.).

Періодъ 3-й — наибольшаго развитія и цвѣтущаго состоянія военныхъ учрежденій и военного искусства у римлянъ, отъ смерти Александра В. до Августа или образованія римской имперіи (323—30 до Р. Х.).

Періодъ 4-й — постепеннаго упадка военныхъ учрежденій и военного искусства у римлянъ и въ древнемъ мірѣ, отъ Августа до паденія западной римской имперіи (30 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.).

II. Военная исторія среднихъ временъ — отъ паденія западной римской имперіи до тридцатилѣтней войны (476—1618).

Періодъ 1-й — отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго включительно (476—814).

Періодъ 2-й — собственно среднихъ вѣковъ, отъ смерти Карла Великаго до введенія огнестрѣльнаго оружія (814—1350).

Періодъ 3-й — отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до тридцатилѣтней войны (1350—1618).

III. Военная исторія новыхъ временъ — отъ начала 30-ти-лѣтней войны до начала войнъ 1-й французской революціи и республики (1618—1792 г.).

Періодъ 1-й — 30-ти-лѣтней войны (1618—1648).

Періодъ 2-й — войнъ конца XVII и начала XVIII столѣтій (1650—1740).

Періодъ 3-й — войнъ Фридриха Великаго: силезскихъ и

семилѣтней, и современныхъ имъ, до начала войнъ 1-й французской революціи и республики (1740—1792).

IV. Военная исторія новѣйшихъ временъ, отъ начала войнъ 1-й французской революціи и республики до нашихъ временъ.

Періодъ 1-й — войнъ 1-й французской революціи и республики до люневильскаго мира (1792—1801).

Періодъ 2-й — войнъ 1-й французской имперіи или Наполеона I-го (1805—1815).

Періодъ 3-й — войнъ послѣ 1815 года до нашихъ временъ.

Этому дѣленію можетъ быть подчинена какъ всеобщая, такъ и частная военная исторія.

Исслѣдованіе военной исторіи обнимаетъ 1) исслѣдованіе источниковъ и 2) исслѣдованіе событій, то и другое путемъ научной критики. Источники должны быть подвергнуты тщательнымъ: изученію, разработкѣ, очищенію и взаимному сличенію, для опредѣленія степени достовѣрности и значенія ихъ, а самыя событія — критическому разбору, для разъясненія всѣхъ причинъ ихъ, историческаго хода, взаимныхъ: связи и вліянія, результатовъ и послѣдствій, равно всѣхъ сомнительныхъ фактовъ, всѣхъ приведенныхъ въ дѣйствіе мѣръ и способовъ, и вообще всего того, что могло имѣть или имѣло вліяніе на ходъ, характеръ и результаты военныхъ событій. Поэтому критическое исслѣдованіе источниковъ и событій военной исторіи, путемъ исторической критики, есть первый, главный и основной трудъ военно-историческаго писателя, являющагося въ немъ собственно исслѣдователемъ военной исторіи.

Вторымъ затѣмъ, не менѣе важнымъ трудомъ его, уже какъ военно-историческаго писателя, есть собственно составленіе или изложеніе военной исторіи.—Оно должно быть разсматриваемо въ двоякомъ отношеніи: 1) методы или способа и 2) системы. Методъ или способовъ изложенія военной исторіи могутъ быть три, смотря по формѣ изложенія и особенно по большому или меньшему участію и вліянію критики.—Первый способъ, простѣйшій, состоитъ въ хронологическомъ, болѣе или менѣе сжа-

томъ и краткомъ, общемъ обзорѣ военныхъ событій, ихъ причинъ, хода, характера и результатовъ, представляющемъ матеріалы для собственныхъ: размышленія и сужденія. — Второй способъ, болѣе сложный, совершенный и возвышенный, заключается въ изложеніи болѣе подробномъ и обстоятельномъ, основанномъ на историческомъ изслѣдованіи фактовъ, ихъ причинъ, хода, связи, результатовъ и послѣдствій. — Наконецъ третій способъ, высшій, но и труднѣйшій, состоитъ въ тщательномъ, критическомъ изслѣдованіи и разборѣ военныхъ событій и всѣхъ фактовъ ихъ, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на изслѣдованіе и обсужденіе всѣхъ мѣръ и способовъ, приведенныхъ въ дѣйствіе, разъясненіе сомнительныхъ фактовъ и проч.

Въ отношеніи къ системѣ изложенія военной исторіи должно сказать, что, по самому существу войны и отношеніямъ ея къ политикѣ и къ средствамъ и способамъ, содѣйствующимъ достиженію цѣлей той и другой, всякое военпо-историческое изложеніе должно быть расположено въ извѣстной, логической системѣ, а именно:

Такъ какъ война есть средство достиженія вооруженною силою, управляемою искусствомъ, извѣстныхъ политическихъ цѣлей, указываемыхъ политикой, то въ главѣ всего должно стоять изложеніе политическаго состоянія и взаимныхъ политическихъ отношеній, побужденій, намѣреній, видовъ и цѣлей, какъ двухъ воюющихъ государствъ или союзовъ государствъ, такъ и другихъ, неучаствующихъ въ войнѣ или нейтральныхъ, а также ближайшихъ политическихъ причинъ, произведшихъ войну, и политическихъ цѣлей, которыя каждая сторона предположила достигнуть войною.

Затѣмъ должны быть рассмотрѣны и изложены всѣ военныя средства и способы, которые съ той и съ другой стороны могли и имѣли быть употреблены въ дѣйствіе, для достиженія вооруженною силой политическихъ цѣлей. — Сюда должно войти все, что обнимаетъ состояніе вооруженныхъ силъ воюющихъ государствъ, вообще и въ частныхъ подробностяхъ, въ данный моментъ, и что составляетъ предметъ военной статистики.

Послѣ того необходимо сдѣлать военно-географическій и военно-

топографическій обзоръ, какъ цѣлаго театра войны, такъ и различныхъ частей его, которыя могли послужить или и послужили театрами частныхъ, побочныхъ или второстепенныхъ военныхъ дѣйствій, что составляетъ предметъ военной географіи и военной топографіи. При этомъ театры войны и военныхъ дѣйствій должны быть рассмотрѣны въ связи съ находящимися на нихъ, въ данный моментъ, естественными и искусственными пособіями и препятствіями къ веденію войны (сухопутными и водяными путями сообщенія, крѣпостями, складами и проч.).

Затѣмъ должно быть изложено взаимное распредѣленіе и расположеніе вооруженныхъ силъ и военныхъ средствъ и способовъ на театрахъ войны и военныхъ дѣйствій, и планы дѣйствій, общій и частные, съ обѣихъ сторонъ, передъ самымъ началомъ войны и военныхъ дѣйствій.

И, наконецъ, за этимъ уже должно слѣдовать самое историческое изложеніе хода войны и военныхъ дѣйствій.

То, что здѣсь сказано было о методахъ и системѣ изслѣдованія и изложенія военной исторіи, можетъ быть примѣнено и къ методамъ и системѣ изученія ея. — Онѣ столько же необходимы для послѣдняго, сколько и для двухъ первыхъ. — Изученіе военной исторіи, безъ извѣстныхъ: методы и системы, т. е. безъ порядка, не только бесполезно, но и вредно; — но съ другой стороны, для извлеченія изъ него надлежащей пользы, оно не только не легко, но и очень трудно, и по этимъ-то именно причинамъ, разумное избраніе лучшихъ: методы и системы существенно необходимо для полезнаго изученія военной исторіи. Для рѣшенія же выбора ихъ, желающій изучить военную исторію съ пользою долженъ прежде всего тщательно сообразить желаніе свое съ степенью своихъ познаній, общихъ и спеціальныхъ военныхъ, и съ цѣлю, которой онъ намѣренъ достигнуть. Поле обширное, начиная отъ самыхъ мелкихъ подробностей до самыхъ высшихъ сферъ военныхъ соображеній, распоряженій и дѣйствій цѣлой войны, иначе — отъ предметовъ, входящихъ въ скромный кругъ обязанностей подчиненнаго офицера и постепенно доходящихъ до обширнаго круга важныхъ и трудныхъ обязанностей высшихъ на-

чальствующимъ лицъ и самаго предводителя цѣлаго войска. Каждый, по своимъ силамъ и цѣлямъ, можетъ избрать то, что ему пригоднѣе и нужнѣе, а особенно любознательный и желающій изучить все, нужное и для низшихъ и для высшихъ чиновъ, всецѣло посвятить себя труду полного и всесторонняго или по крайней мѣрѣ многосторонняго изученія военной исторіи. Военная же исторія такъ богата и щедра, что, какъ одинъ греческій писатель (Діонъ Хрисостомъ) выразился объ Иліадѣ Гомера—«она каждому, и юношѣ, и мужу, и старцу, столько даетъ, сколько кто можетъ взять».

Выгоднѣйшими способами изученія военной исторіи могутъ быть слѣдующіе три, различающіеся степенью полноты и подробности:

Во 1-хъ самый полный и подробный, критическій — войнъ и походовъ великихъ полководцевъ разныхъ временъ, особенно: древнихъ—Александра Великаго, Аннибала и Юлія Цезаря, и новѣйшихъ — Густава - Адольфа, Фридриха Великаго, Наполеона I-го и, собственно для насъ Русскихъ, Петра Великаго и Суворова, — а также и всѣхъ вообще войнъ новѣйшихъ временъ, начиная съ 30-ти лѣтней. — Наполеонъ I (въ запискахъ своихъ, писанныхъ на островѣ св. Елены), совѣтуетъ изучать походы Александра В., Аннибала, Юлія Цезаря, Густава-Адольфа, Тюрення, принца Евгенія Савойскаго и Фридриха В. (см. эниграфъ въ заглавіи этой книги). При всемъ уваженіи къ такому военному авторитету, нельзя однако согласиться на поставленіе Тюрення и принца Евгенія Савойскаго на ряду съ другими 5-ю великими полководцами, названными Наполеономъ. — И Тюреннь, и принцъ Евгений Савойскій были, безспорно, весьма искусными и замѣчательными полководцами, но и въ древнія, и въ новѣйшія времена было много полководцевъ, не уступавшихъ имъ въ искусствѣ, и ни по степени онаго, ни въ особенности по объему и значенію совершенныхъ ими подвиговъ, Тюреннь и принцъ Евгений Савойскій не могутъ быть поставлены на ряду съ такими, можно сказать, колоссальными, міровыми военными дѣятелями, какъ Александръ В., Аннибалъ, Юлій Цезарь, Густавъ-

Адольфъ и Фридрихъ В. Но на ряду съ ними безспорно и несомнѣнно долженъ быть поставленъ нами самъ Наполеонъ І.

Во 2-хъ менѣе подробный и обстоятельный, хотя и не менѣе тщательный, способъ изученія, сверхъ того, войнъ и походовъ особенно искусныхъ и замѣчательныхъ полководцевъ, число которыхъ было весьма значительно во всѣ времена, и древнія, и среднія, и новыя, и новѣйшія.

И наконецъ въ 3-хъ, сверхъ того, краткій обзоръ остальныхъ затѣмъ войнъ и походовъ древнихъ и среднихъ временъ, для необходимой связи между перво-и второ-степенными и для изученія постепеннаго хода и развитія военного искусства вообще, различныхъ его отраслей и искусства веденія войны въ особенности (*).

Что касается порядка занятій по изученію военной исторіи, то во 1-хъ необходимо имѣть предварительное знаніе политической исторіи, военной географіи странъ, въ которыхъ велись войны, военной статистики государствъ и состоянія военного искусства у народовъ, которые вели ихъ, и главныхъ второстепенныхъ и вспомогательныхъ военныхъ наукъ; — во 2-хъ слѣдуетъ коротко ознакомиться съ историческимъ ходомъ войны или войнъ и всѣми ихъ военными событіями, — и наконецъ въ 3-хъ заняться критическимъ разборомъ ихъ, составляя письменныя замѣчанія о главныхъ моментахъ ихъ и періодахъ между ними, сличая ихъ съ теоріей и дѣлая изъ этого разумные выводы.

При этомъ случаѣ и по этому поводу, нелишнимъ будетъ привести слѣдующія мысли прусскаго генералъ-маіора фонъ-Гойера (**), въ предостереженіе противъ излишняго многовѣдѣнія (Ueberfüllung), въ такую эпоху, въ которую вообще стремленіе клонится къ чрезмѣрному книжному образованію (Ueberbildung)

(*) Въ изложеніи настоящей всеобщей военной исторіи древнѣйшихъ временъ приняты всѣ три, означенные здѣсь, способа въ совокупности.

(**) Handbibliothek für Officiere etc. 2-r. Band: Litteratur der Kriegswissenschaften und Kriegsgeschichte, bearbeitet von D-r. J. G. von Hoyer, K. Preussischen General-Major, Berlin 1832.

молодаго воина, т. е. къ сообщенію ему слишкомъ многихъ знаній и тѣмъ къ содѣланію его непригоднымъ для того назначенія, которое онъ имѣетъ въ данное время. «Если съ одной стороны» — говоритъ Гойеръ — «придавать себѣ ученое значеніе, изыскивать и критиковать ошибки главнаго предводителя войска составляетъ пріятное чувство, то съ другой стороны офицеръ въ подчиненныхъ званіяхъ долженъ имѣть слишкомъ много любви къ чести для того, чтобы заслужить упрекъ въ незнаніи необходимаго въ его званіи и должности, и недостаткомъ вниманія, къ мелочамъ подвергать своихъ начальниковъ и подчиненныхъ опасности. — Только тогда, когда офицеръ въ младшихъ чинахъ знаетъ и исполняетъ съ любовію и усердіемъ обязанности своего личнаго положенія, можетъ онъ помышлять о пріуготовленіи себя къ высшему назначенію. — Генералъ фонъ-Лоссовъ, въ своемъ сочиненіи: *Der Krieg für wahre Krieger* (1815), говоритъ: «Военный человѣкъ долженъ знать столько, сколько отъ него требуетъ занимаемое имъ мѣсто, но въ то же время долженъ быть въ состояніи исполнить столько, сколько имѣетъ нужныхъ для того познаній». — Того же мнѣнія по этому предмету — говоритъ Гойеръ — и геніяльный Делинь, и ученый Валентини, и осторожный Каницъ, и остроумный Брандтъ, и разумный авторъ *Свѣта и тѣней* (*Licht und Schatten*, 1829). Человѣкъ многознающій (*der Vielwisseur*), по изображенію Коцебу, во всякомъ случаѣ непріятель, въ военномъ же званіи — особенно вреденъ и нетерпимъ».

Здѣсь же слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе, одинаково относящееся и къ изслѣдованію, и къ изложенію, и къ изученію военной исторіи. Исторія новѣйшей литтературы ея, къ сожалѣнію, представляетъ немало примѣровъ увлеченія изслѣдователей и писателей ея, предвзятыми, часто невѣрными, перѣдко ложными, теоретическими мыслями, мнѣніями, предположеніями и даже правилами и теоріями, будто бы прямо извлеченными изъ военной исторіи. — Но военная исторія нимало не причастна этому и не виновата въ томъ: истины ея — непреложны. Напротивъ, умъ человѣческій не изъять отъ заблужденія и ошибокъ въ воззрѣніяхъ и сужденіяхъ, особенно если упорно устремленъ къ одной пред-

взятой, постоянной мысли (*idée fixe*). Подъ вліяніемъ ея и сроднаго иногда человѣку тщеславія блеснуть созданіемъ новой теоріи, истины и достоинство военной исторіи легко искажаются, извращаются, изображаются въ ложномъ свѣтѣ и съ прямаго пути къ истинной цѣли сводятся на побочные, удаляющіеся отъ нея и приводящіе иногда къ выводамъ, по видимому будто-бы и правильнымъ въ теоріи, но невѣрнымъ, ложнымъ и вреднымъ въ отношеніи къ практикѣ. Этого-то увлеченія и направленія особенно слѣдуетъ остерегаться и при изслѣдованіи, и при изложеніи, и при изученіи военной исторіи. Иначе, на мѣсто исторической истины нечувствительно и незамѣтно встанетъ—ложь, а на мѣсто пользы—вредъ, тѣмъ болѣе опасный, что ложь будетъ по видимому основана на прямыхъ выводахъ изъ военной исторіи и по внѣшности согласна съ ея истинами.

Выше было упомянуто, что военная исторія служитъ средоточіемъ всѣхъ военныхъ наукъ и онѣ составляютъ съ нею одну общую систему.

Для указанія мѣста, которое каждая изъ нихъ занимаетъ въ этой системѣ и для опредѣленія взаимныхъ отношеній ихъ между собою и къ военной исторіи, можно раздѣлить ихъ на основныя или главныя, приготовительныя, частныя и вспомогательныя (*).

Основною или главною наукой есть безспорно военная исторія, какъ вмѣщающая въ себѣ и преподающая основное понятіе о минувшихъ военныхъ событіяхъ въ жизни народовъ и государствъ — событіяхъ, основу которыхъ составляетъ война во всемъ смыслѣ этого слова. Но основное понятіе о состояніи народа или государства въ военномъ отношеніи, въ настоящее время или же въ данный моментъ исторіи, заключаетъ въ себѣ и преподаетъ военная статистика, а

(*) Система военно-историческихъ наукъ изложена здѣсь примѣнительно къ принятой системѣ наукъ общенсторическихъ.

потому ее слѣдуетъ поставить рядомъ съ военною исторіей въ числѣ основныхъ или главныхъ военныхъ наукъ (*).

Приготовительною наукой слѣдуетъ считать ту, безъ которой основныя или главныя не могутъ быть возвышены до научной формы и изображены въ необходимой внутренней, взаимной связи, а именно: наука объ изученіи источниковъ (Quellenkunde) военной исторіи, путемъ исторической критики.

Частными военными науками слѣдуетъ признать тѣ, которыя содержатся въ основныхъ или главныхъ, какъ части въ цѣломъ, но, во взаимныхъ: сопоставленіи и связи, возвышаются каждая до самостоятельной научной формы. Сюда должно отнести: 1) исторію военного устройства и военныхъ учрежденій или вообще военного быта (Kriegswesen); 2) исторію военного дѣла и военного искусства вообще; 3) исторію тактики или тактическихъ: устройства, образованія, строя и образа дѣйствій войскъ разныхъ родовъ; 4) исторію баллистики (метательнаго оружія) и позже артиллеріи (огнестрѣльнаго оружія); 5) исторію фортификаціи, полевой и долговременной; 6) исторію поліорцетики или осады и обороны укрѣпленныхъ городовъ и крѣпостей; 7) исторію военной администраціи или внутренняго устройства и управленія войскъ по всѣмъ отраслямъ; 8) исторію стратегіи или искусства и науки веденія войны; 9) военную географію и 10) военную этнографію различныхъ странъ и народовъ въ различныя времена, и 11) исторію литературы всѣхъ главныхъ и частныхъ военныхъ наукъ.

Наконецъ, въ разрядъ вспомогательныхъ военной исторіи наукъ слѣдуетъ поставить: 1) на первомъ и главномъ мѣстѣ—исторію политическую, во всемъ ея объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ, особенно къ политикѣ и политическимъ, между-

(*) Исторія есть продолжающаяся статистика, а статистика — остановившаяся исторія (Шлецеръ: Теорія статистики). На это замѣчаютъ, что правильнѣе слѣдовало бы сказать: статистика есть картина государства въ данный моментъ.

народнымъ отношеніямъ и договорамъ народовъ и государствъ; 2) исторію международнаго права и дипломатіи въ новѣйшія времена; 3) исторію морскаго дѣла и искусства, по связи его съ военнымъ,—и тѣ изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи вообще, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, болѣе или менѣе, могутъ способствовать возвышенію и совершенству научной формы военной исторіи.

Изъ этого легко усмотрѣть можно, какія первенствующія значеніе и важность имѣетъ военная исторія въ общей системѣ военныхъ наукъ, и по истинѣ нельзя не признать и обширной, многообразной пользы ея въ области военного знанія и военной дѣятельности. «Если», говоритъ Кауслеръ въ предисловіи къ своему Опыту военной исторіи всѣхъ народовъ (*), «исторія вообще заслуживаетъ быть названною источникомъ всѣхъ опытныхъ знаній для всякаго состоянія, наставницей въ общественной, какъ и въ частной жизни, то это имѣетъ особенное значеніе въ отношеніи къ военному человѣку. При усиленныхъ требованіяхъ отъ него въ нашъ вѣкъ, въ такое время, которое отличается сильнымъ стремленіемъ къ усовершенствованію во всѣхъ отрасляхъ знанія, военный человѣкъ не можетъ болѣе оставаться за рѣзко-обозначенною чертою. Прошедшее, этотъ обильный источникъ поученія и побужденія къ великимъ подвигамъ, не можетъ оставаться замкнутымъ для него, а обширное поле, на классической почвѣ котораго онъ можетъ обогатить себя—пустымъ и неразработаннымъ. Изученіемъ жизни и подвиговъ отличныхъ военныхъ дѣятелей, военный человѣкъ нашего времени пріобрѣтаетъ на столько же и опытности, а кто болѣе нуждается въ собственной и чужой опытности, какъ не офицеръ, который въ практической военной жизни встрѣчается со столькими же, различными случайностями, сколько мѣстность и измѣнчивое счастье представляютъ возможностей къ тому? Кто болѣе нуждается въ руковод-

(*) Versuch einer Kriegsgeschichte aller Völker, nach den Quellen bearbeitet von F. v. Kausler, Hauptmann im K. Württembergischen General-Quartiermeisterstab, etc. 1 Band. 1825.

ствѣ опыта, какъ не военный человѣкъ, который, доколѣ не имѣетъ опытности, будетъ вѣчно оставаться несовершеннѣйшимъ на великомъ поприщѣ своего призванія!»

Гойеръ, въ своемъ сочиненіи: Литтература военныхъ наукъ и военной исторіи (см. выше), по поводу изученія военной исторіи говоритъ, что «правила тактическихъ и стратегическихъ учебниковъ основываются частію на обычныхъ опредѣленіяхъ, частію же на мнѣніяхъ, о которыхъ можно судить только посредствомъ или многосторонней опытности, или продолжительнаго чтенія военной исторіи, съ взаимнымъ сличеніемъ установленныхъ правилъ и дѣйствительныхъ послѣдствій и подвиговъ. Часто невѣрные предположенія и заключенія благопріятствуются счастьемъ и, при бѣльшихъ еше ошибкахъ непріателя, являются основными правилами для дѣйствій, такъ что этимъ путемъ можно было бы приходить къ мнѣнію, что сраженія выигрываются лишь отрицательно, или что все творитъ одно счастье, а военного искусства не существуетъ, какъ полагалъ Беренгорстъ. Но не слѣдуетъ обманывать себя: хорошій полководецъ, которому содѣйствуютъ отважные офицеры и безстрашные солдаты, всегда будетъ приковывать побѣду къ своимъ знаменамъ. При ближайшемъ изслѣдованіи военной исторіи, часто будутъ обнаруживаться совсѣмъ другія причины счастливыхъ или несчастливыхъ послѣдствій, нежели тѣ, которыя обыкновенно приписываетъ имъ толпа. Иной разъ хорошо соображенное предпріятіе не удалось вслѣдствіе невѣрно понятыхъ наставленій, поспѣшности, вялости или нерѣшительности подчиненныхъ; въ другомъ случаѣ дурно составленный планъ, вслѣдствіе отличныхъ качествъ подчиненныхъ начальниковъ и войскъ, былъ, напротивъ, причиной незаслуженной побѣды. Поэтому критическое изученіе военной исторіи для офицера, близко знакомаго съ правилами военныхъ наукъ, составляетъ высшій, важнѣйшій предметъ: оно замѣняетъ ему опытность, которую онъ въ продолжительной войнѣ не всегда имѣетъ случай пріобрѣсть. И военная исторія древнихъ временъ не чужда его

цѣли: правила новѣйшей войны извлечены изъ событій древней».

Еще выше стоятъ мнѣнія великихъ полководцевъ о пользѣ и необходимости изученія военной исторіи.

Въ заглавіи настоящей книги приведены, въ видѣ эпиграфовъ, изреченія о томъ Фридриха В., Наполеона I и эрцгерцога Карла. Такихъ изреченій знаменитыхъ полководцевъ и военныхъ писателей можно было бы привести еще множество; но здѣсь приведены избранныя и приличнѣйшія предмету, принадлежащія первостепеннымъ военнымъ авторитетамъ и сдѣлавшіяся, такъ сказать, классическими афоризмами и непререкаемыми аксіомами.

Изъ нихъ изреченіе Фридриха В., одинаково относящееся къ изученію общей и военной исторіи, выражаетъ пользу фактовъ прошедшаго въ отношеніи къ воображенію, памяти и разсудку. Факты питаютъ воображеніе и наполняютъ память, а разсудокъ очищаетъ этотъ запасъ мыслей.

Весьма замѣчательны оба изреченія Наполеона I, одинаково выражающія мысль, что знаніе высшей тактики (т. е. искусства веденія войны) пріобрѣтается только опытностью и многократнымъ чтеніемъ и изученіемъ исторіи походовъ всѣхъ великихъ полководцевъ (которыхъ Наполеонъ I называетъ 7), образованіемъ себя по этимъ образцамъ и веденіемъ, подобно имъ, наступательной войны: въ этомъ Наполеонъ I поставляетъ единственное средство сдѣлаться великимъ полководцемъ и постигнуть тайну искусства.

Эти мысли Наполеона I, изложенныя въ немногихъ словахъ и строкахъ, заключаютъ въ себѣ однако обширный и глубокій смыслъ. Разборъ и изъясненіе его подали прусскому генералу фонъ-Лоссау, въ его сочиненіи: Идеалы веденія войны (*),

(*) Ideale der Kriegführung, in einer Analyse der Thaten der grössten Feldherrn, von dem General-Lieutenant von Lossau. 1-sten Bandes 1-st^e Abtheilung. Berlin, 1836.

поводъ къ предпосланію ему глубокомысленнаго, высоко-прочувствованнаго и вѣрно-выраженнаго предисловія. Главныя, замѣчательнѣйшія мысли Лоссау заключаются въ слѣдующемъ: «Трудную, достойную размышленія задачу составляютъ слова Наполеона. Легко сказать вести наступательную войну такъ, какъ названные имъ великіе полководцы, но трудно исполнить это. Наполеонъ указываетъ вспомогательное средство къ тому—частое чтеніе и перечитываніе (*lisez et relisez*) исторій ихъ походовъ. Но одно это не можетъ еще образовать великаго полководца. Только одна мысль заслуживаетъ въ высшей степени вниманія, она заключается въ 4-хъ словахъ: «*modelez vous sur eux*», образуйте себя по нимъ, и имѣетъ такой широкій смыслъ, что должна быть рассматриваема, какъ главное условіе задачи. Если-же съ этимъ связать изреченіе Фридриха В., то, кажется, будетъ яснымъ, какъ должно смотрѣть на это правило или задачу.—Чувство возвышеннаго и великаго развивается въ человѣкѣ поздно. Если нѣтъ этого чувства, то подавно не будетъ и самаго дѣйствія или дѣла (*That*). Безъ него, самая обширная ученость не послужитъ къ надлежащей оцѣнкѣ великихъ людей и ихъ подвиговъ, и не воспламенитъ въ умѣ и сердцѣ того огня, которымъ пламенѣли великіе полководцы, и въ нихъ будутъ усматриваться единственно только образцы, достойные изученія и подражанія. Только одна самоличность (*Persönlichkeit*) рѣшаетъ это, и это именно и подразумѣвалъ Наполеонъ въ 4-хъ словахъ: *modelez vous sur eux* и въ другомъ изреченіи своемъ о силѣ личности Александра, Аннибала, Цезаря, Тюрення, Фридриха (*). Поэтому всего важнѣе впечатлѣніе, производимое фактами. Смотря по тому, какое впечатлѣніе факты производятъ

(*) Ce n'est pas l'armée romaine, qui a soumis la Gaule, mais César; ce n'est pas l'armée carthaginoise qui faisait trembler la république aux portes de Rome, mais Annibal; ce n'est pas l'armée macédonienne qui a été sur l'Indus, mais Alexandre; ce n'est pas l'armée française qui a porté la guerre sur le Weser, mais Turenne; ce n'est pas l'armée prussienne qui a défendu sept ans la Prusse contre les trois plus grandes puissances de l'Europe, mais Frédéric le Grand.

на каждого, можетъ быть опредѣлено, въ какой степени каждому возможно самому себя образовать по великимъ образцамъ и идти туда, гдѣ воля подчиняется зрѣлому рѣшенію разума, и такимъ образомъ дѣломъ осуществить мысль, достойную такого рѣшенія. Этимъ путемъ личности и воли, вѣроятно, шли великіе образцы, и онъ-то, по совершеніи ихъ подвига, и можетъ быть изслѣдованъ. Умъ и твердая воля всегда приковывали счастье, пока были соединены между собой и съ отважностью. По всѣмъ этимъ причинамъ, Наполеонъ и говоритъ: «вашъ геній (а не вашъ умъ), просвѣщенный такимъ образомъ, заставитъ васъ отвергнуть правила, противныя правиламъ этихъ великихъ людей». Сила воли требуетъ ежедневнаго упражненія, безъ чего не можетъ достигнуть значительной силы. У великихъ людей она постоянно была въ напряженіи и приращеніи. А посторонній человѣкъ не можетъ самъ достаточно постигнуть и оцѣнить этого. Въ изученіи подвиговъ великихъ полководцевъ должно изслѣдовать именно эту нравственную силу воли, дабы усмотрѣть, обсудить и привести въ исполненіе истинный образъ дѣйствій этихъ полководцевъ. Наполеонъ требовалъ похитить тайны искусства изъ ихъ хранилища, какъ нѣкогда въ древней мифологіи былъ похищенъ священный огонь съ неба. Этимъ онъ разумѣлъ, что все дѣло въ разъясненіи вспомогательныхъ средствъ, нравственныхъ пружинъ, посредствомъ которыхъ великіе полководцы дѣйствовали. Это и должно составлять цѣль изученія войнъ и походовъ великихъ полководцевъ. Впрочемъ, искусство веденія войны было и будетъ во всѣ времена тоже. Орудія войны — арміи и оружіе — могутъ измѣняться, но соображенія, имѣющія цѣлю побѣждать непріятеля, будутъ постоянно и неизмѣнно имѣть тотъ-же источникъ и должны быть извлекаемы изъ превосходства ума полководца, подкрѣпленнаго силою его воли. Само счастье переходитъ наконецъ на сторону того изъ двухъ противодѣйствующихъ полководцевъ, который превосходитъ другаго умомъ и волей. Нѣтъ примѣра, чтобы сильнѣйшій умомъ и волей былъ наконецъ одолѣваемъ слабѣйшимъ ими. По этому, какое бы пространство вре-

мени ни лежало между великими полководцами, всегда остаются неизмѣнными тѣже качества, которыми они сдѣлались великими и которыя привлекаютъ наше вниманіе. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ни древняго, ни новаго, и походы отъ Александра до Наполеона представляютъ одинаковый интересъ и возбуждаютъ одинаковое участіе, конечно только для того, кто разумѣетъ изслѣдовать причины проявленія ихъ силы и не довольствуется бѣглымъ обзоромъ исторіи великихъ всемірныхъ событій. Наполеонъ не могъ требовать иного, поставивъ Александра, Аннибала и Цезаря рядомъ съ новѣйшими полководцами и каждого назвавъ идеаломъ. Цѣль такой мысли велика и высока. Только тотъ, кто слѣдовалъ этимъ путемъ, можетъ постигнуть смыслъ словъ Наполеона: отвергнуть правила, противныя правиламъ великихъ полководцевъ. Къ этому и должно вести общеніе съ ними, т. е. изученіе ихъ подвиговъ. О сходствѣ событій нечего и думать: тому препятствуетъ безконечное разнообразіе обстоятельствъ. Наполеонъ имѣлъ зорко въ виду независимость искусства полководца; поэтому именно слова его и заслуживаютъ величайшаго вниманія».

Вообще смыслъ обоихъ изреченій Наполеона тотъ, что знаніе искусства веденія войны пріобрѣтается прежде изученіемъ военной исторіи, а потомъ уже опытностью. Первое, весьма естественно, должно предшествовать послѣднему. Это подтверждается и разсудкомъ, и исторіей: всѣ великіе полководцы съ молодыхъ лѣтъ образовали себя чтеніемъ и ученіемъ. Александръ В., получившій тщательнѣйшее и обширнѣйшее греческое образованіе во всѣхъ отрасляхъ знаній, военное искусство изучилъ, между прочимъ, изъ чтенія Иліады Гомера, къ которому былъ такъ пристрастенъ, что во всѣхъ своихъ походахъ имѣлъ Иліаду при себѣ, хранилъ ее въ золотомъ ковчегѣ, читалъ ее даже между военныхъ дѣйствій и наканунѣ сраженій, и на ночь клалъ ее, вмѣстѣ съ мечомъ, подъ свое изголовье. Аннибалъ, какъ извѣстно, получилъ весьма тщательное греческое образованіе, изучилъ греческихъ историковъ и даже самъ сочинилъ военную исторію, которая къ сожалѣнію не дошла до насъ. Юлій Цезарь былъ однимъ изъ образованнѣй-

шихъ людей своего времени и съ славой великаго полководца достойно соединилъ и славу искуснаго оратора и превосходнаго историка. Въ новѣйшія времена, Густавъ-Адольфъ, Фридрихъ В. и Наполеонъ I, и въ молодыхъ, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, высоко образовали себя книжнымъ ученіемъ и, подобно Цезарю, будучи великими полководцами, были и образованнѣйшими людьми своего времени, по всѣмъ отраслямъ знаній вообще и военныхъ особенно. Изъ нашихъ отечественныхъ великихъ полководцевъ, Петръ В. въ молодости своей не могъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, получить основательнаго и обширнаго военнаго образованія, но въ послѣдствіи образовалъ себя самъ и, при своихъ необыкновенныхъ природныхъ дарованіяхъ, въ высшей степени соединяя силу ума и воли, былъ въ полномъ смыслѣ образованный великій полководецъ. А что касается Суворова, то изъ его жизни всякому извѣстно, что онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полюбилъ уединеніе и книжное ученіе, любимыми писателями его были историки и преимущественно военные, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ также однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Въ наше же время, при значительномъ расширеніи области знаній вообще и военныхъ въ частности, уже далеко недостаточно ограничиваться первоначальнымъ образованіемъ, общимъ и военнымъ, полученнымъ въ молодыхъ лѣтахъ, но необходимо продолжать его и въ послѣдствіи, постоянно и самостоятельно, тому, кто желаетъ пріобрѣсти основательное военное образованіе, для полезнаго примѣненія его на дѣлѣ, на всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ званіяхъ военной службы, до самыхъ высшихъ включительно. Благоразумную средину между невѣдѣніемъ и многовѣдѣніемъ, одинаково вредными, составляетъ надлежащая степень и мѣра истинной образованности, которая никогда не можетъ быть вредною, но всегда будетъ полезною.

Третье изреченіе эрцгерцога Карла, который самъ былъ высокообразованнымъ полководцемъ и военнымъ писателемъ, прямо, положительно и вѣрно выражаетъ преимущество научныхъ: стремленія и опыта передъ однимъ практическимъ личнымъ опытомъ, для образованія полководца, по той причинѣ, что

жизнь ни одного человека не богата на столько дѣлами или подвигами, чтобы въ полной мѣрѣ даровать опытность, и что никто не упражнялся въ трудномъ искусствѣ полководца прежде, нежели достигнулъ этого высокаго призванія. Поэтому, прежде, нежели полководецъ пріобрѣтетъ личную опытность, ему необходимо обогащеніе собственнаго знанія чужою опытностью, знаніемъ и оцѣнкою прежнихъ изслѣдованій, сличеніемъ знаменитыхъ военныхъ подвиговъ и обильныхъ послѣдствіями событій военной исторіи.

Такимъ образомъ, общій смыслъ всѣхъ трехъ изреченій Фридриха В., Наполеона I и эрцгерцога Карла тотъ, что личной опытности полководца необходимо должно предшествовать книжное или научное военное образованіе вообще и преимущественно изученіе военной исторіи и войнъ и походовъ великихъ полководцевъ всѣхъ временъ, древнихъ, какъ и новыхъ.

Свидѣтельства великихъ авторитетовъ военныхъ, только-что упомянутыхъ, и всѣхъ военныхъ дѣятелей на поприщѣ войны и военной науки, всѣхъ временъ и народовъ, и наконецъ—убѣжденія самаго разума, не могутъ, кажется, оставить въ умѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ неоспоримой пользѣ изученія военной исторіи всѣхъ временъ безразлично и военныхъ подвиговъ всѣхъ искусныхъ полководцевъ вообще и великихъ въ особенности, къ какимъ бы временамъ они ни принадлежали.

Но если сличить между собою, въ этомъ отношеніи, три главные періода военно-исторической науки: въ древнія, новыя и новѣйшія времена, то въ направленіи ея, въ каждомъ изъ нихъ, нельзя не усмотрѣть значительнаго различія. — Въ древнія времена историки и военные писатели излагали безразлично и равномерно военныя событія разныхъ временъ и народовъ, или одного извѣстнаго періода либо народа, или ближайшія и современныя имъ, или тѣ, въ которыхъ они участвовали сами. — Но съ XV—XVI вѣковъ до конца XVIII-го военные писатели посвящали свое вниманіе и свои труды военнымъ событіямъ и об-

разцамъ классической древности преимущественно предъ ближайшими и современными, а въ новѣйшее время, наоборотъ, они посвящаютъ ихъ ближайшимъ и особенно современнымъ преимущественно же предъ болѣе или менѣе отдаленными, отъ временъ древности даже до конца XVШ вѣка. Иными словами — военно-историческая наука до конца XVШ вѣка имѣла направленіе обратное — къ классической древности, въ наше же время — современное и прогрессивное къ будущему — слѣдовательно одно другому совершенно противоположныя. — Которое же правильнѣе и вѣрнѣе съ практической точки зрѣнія? — Безъ сомнѣнія второе болѣе перваго. При всемъ уваженіи къ достойнымъ опаго трудамъ военныхъ писателей XV — XVШ вѣковъ, къ чему повело ихъ преимущественное пристрастіе къ классической военной древности? — Къ мелочнымъ и ложнымъ педантизму и методизму, которые, въ практическомъ отношеніи, были не только безплодны и бесполезны, но и болѣе или менѣе вредны. Доказательствомъ тому служить ложный методизмъ и въ тактикѣ, и въ веденіи войны, въ концѣ XVI и въ началѣ XVШ вѣковъ, да и въ теченіе всего XVШ вѣка и даже въ началѣ XIX, не взирая на жестокіе удары, нанесенные ему дѣйствіями многихъ необыкновенныхъ, изъ ряду выходявшихъ полководцевъ и особенно такихъ первостепенныхъ, какъ Фридрихъ В. и Наполеонъ I, а изъ нашихъ русскихъ — Суворовъ. Но методизмъ пустилъ такіе глубокіе корни, что умы отрезвились отъ него едва только послѣ 1815 года, когда среди міра, послѣ большихъ и продолжительныхъ войнъ, наука начала критически и всесторонне разрабатывать весь накопившійся запасъ опыта военной исторіи, какъ ближайшихъ временъ, такъ и болѣе и болѣе отдаленныхъ, слѣчать и сопоставлять выводы изъ нея и извлекать изъ нихъ поучительные и полезные въ практическомъ отношеніи уроки, указанія и наставленія. И въ 57 лѣтъ съ того времени она сдѣлала въ этомъ отношеніи, можно сказать, гораздо болѣе, нежели въ цѣлые три вѣка (XVI — XVШ) передъ тѣмъ и получила такое практически-полезное развитіе, котораго не достигала прежде. И этимъ она, безспорно, была обязана преимущественно нѣмцамъ, подобно тому, какъ прежнимъ, ложнымъ направленіемъ — преимущественно французамъ. —

Нигдѣ она не была такъ обширна, глубоко и всесторонне обработана, какъ въ Германіи и въ ней особенно въ Пруссіи, и имѣ преимущественно обязана она, какъ и всѣ военныя науки, своимъ теперешнимъ развитіемъ.

При всемъ томъ, по справедливости нельзя однако умолчать, что въ наше время едва-ли она не обратилась отъ одной крайности къ другой — отъ преимущественной разработки классической военной древности, какъ прежде, къ преимущественной же разработкѣ современныхъ военныхъ событій, какъ нынѣ. Не отвергая практической пользы и даже необходимости послѣдней, нельзя однако не сожалѣть, что этимъ нарушаются, нѣкоторымъ образомъ, то безразличіе и та равномѣрность, о которыхъ говорено выше, и вводятся отчасти исключительность и, слѣдовательно, односторонность, отъ которыхъ наука должна бы быть свободна. Повторимъ еще разъ непреложную истину, уже высказанную выше — первостепенными военными авторитетами: «Орудія войны — арміи и ихъ оружіе и тактика могутъ измѣняться, но высшія соображенія искусства веденія войны всегда были и будутъ неизмѣнны въ своихъ основныхъ законахъ: для нихъ нѣтъ ни пространства, ни времени, ни перемѣны.» — Лучшими образцами ихъ всегда были и будутъ принадлежавшія искуснѣйшимъ, особенно же великимъ полководцамъ всѣхъ временъ безъ различія. Сокровищницею же ихъ есть военная исторія, изъ которой исключительно почерпаются поучительные уроки искусства и науки веденія войны, и не однимъ положительнымъ разумомъ, но и тѣмъ живымъ духомъ, который способствуетъ, какъ говоритъ Лоссау, похитить тайну искусства, какъ нѣкогда, по преданіямъ греческой мифологіи, Прометей похитилъ священный огонь съ неба!

II.

Источниками военной исторіи древнихъ временъ суть дошедшія до насъ, подлинныя творенія древнихъ историковъ и военныхъ писателей, печатно воспроизведенныя со времени изобрѣтенія книгопечатанія и переведенныя на всѣ новѣйшіе языки. Комментарии же на нихъ, критическіе разборы ихъ, сочиненія, писанныя по поводу ихъ и тѣ, которыя имѣли предметомъ изслѣдованіе и изложеніе военного устройства (*organisation militaire, Kriegsorganisation, Kriegsverfassung*), военныхъ учрежденій (*institutions militaires, Kriegseinrichtungen*), военного искусства (*art militaire, Kriegskunst*), вообще всего военного быта (*état militaire, Kriegswesen*) и военной исторіи (*histoire militaire, Kriegsgeschichte*) древнихъ временъ, словомъ все, что съ этими цѣлями было писано и издано со времени возрожденія наукъ и изобрѣтенія книгопечатанія, должно быть отнесено къ разряду историческихъ пособій.

Относительныя: количество, качество, значеніе и важность тѣхъ и другихъ далеко неравномѣрны. Собственно древніе источники и дошли до насъ, къ сожалѣнію, въ весьма ограниченномъ числѣ и не въ полнотѣ, весьма многіе лишь въ отрывкахъ и притомъ не безъ искаженія, въ большей или меньшей степени, переписчиками до изобрѣтенія книгопечатанія, — наибольшая же часть и вовсе не дошла и совершенно утрачена для насъ. Но, вѣдь того, немногіе, дошедшіе до насъ, древніе источники, въ качественномъ отношеніи, составляютъ такое драгоцѣнное сокровище, которое вознаграждаетъ ограниченность ихъ въ отношеніи количественномъ, особенно тѣмъ, что въ числѣ ихъ находятся нѣкоторыя, какъ въ древности, такъ и въ новѣйшія времена справедливо признанныя за образцовыя произведенія (*chef-d'oeuvres*) ума человѣческаго, имѣющія высокія значеніе и важность.

Новыхъ же и новѣйшихъ временъ историческія пособія, которымъ они послужили поводомъ и основаніемъ, напротивъ, значи-

тельно превосходятъ ихъ въ количественномъ отношеніи, болѣе, нежели въ качественномъ. Со времени возрожденія въ Европѣ наукъ и изобрѣтенія книгопечатанія, количество всего писаннаго и издавнаго о военномъ бытѣ, военномъ искусствѣ и военной исторіи древнихъ временъ, особенно двухъ первенствующихъ народовъ—грековъ и римлянъ, съ каждымъ столѣтіемъ постепенно возрастало болѣе и болѣе, и въ наше время составляетъ такую громадную массу печатныхъ изданій, которую не только невозможно изучить одному человеку въ теченіе цѣлой жизни, но даже трудно и перечислить вполнѣ. Въ этой массѣ историческихъ пособій, какъ весьма естественно, много и хорошаго, и отличнаго, но едва-ли не еще болѣе посредственнаго, хотя нерѣдко, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не лишеннаго своей доли частныхъ достоинствъ и потому не подлежащаго безусловному отверженію. Время въ этомъ не имѣетъ никакого участія и значенія: хорошее и посредственное — распредѣлены во всѣ новыя и новѣйшія времена довольно равномерно, и, не оспаривая значительнаго развитія и успѣховъ наукъ въ наше время, далеко не слѣдуетъ однако заключать, что чѣмъ далѣе отъ насъ—тѣмъ хуже, чѣмъ ближе—тѣмъ лучше, и что все новѣйшее есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшее.

И такъ, обнявъ мыслию всю совокупность древнихъ источниковъ и новѣйшихъ историческихъ пособій военной исторіи древнихъ временъ, и признавъ, съ одной стороны—существенную потребность и даже необходимость всевозможной полноты источниковъ и историческихъ пособій для историческихъ изслѣдованій вообще, съ всевозможною же всесторонностію,—а съ другой стороны—трудность, даже невозможность и отчасти бесполезность изслѣдованія всѣхъ ихъ безъ исключенія во всей полнотѣ, — слѣдуетъ, въ примѣненіи собственно къ военной исторіи древнихъ временъ, избрать благоразумную середину. Для практической пользы изученія этой исторіи, достаточно ограничиться указаніемъ главныхъ, важнѣйшихъ, лучшихъ и полезнѣйшихъ источниковъ и историческихъ пособій къ тому, и преимущественныхъ ихъ достоинствъ или недостатковъ,—и затѣмъ лишь краткимъ указаніемъ, изъ числа второстепенныхъ, нѣкоторыхъ, заслуживающихъ, въ томъ или дру-

гомъ отношеніи, ббльшаго или меньшаго вниманія. — Такой именно способъ и избранъ здѣсь.

1. Древніе источники.

Въ 1-й половинѣ настоящаго введенія было уже объяснено, что первая, истинная и достовѣрная исторія, дошедшая до насъ въ полнотѣ, принадлежитъ еврейскому народу и заключается въ такъ называемыхъ историческихъ книгахъ священнаго писанія ветхаго завѣта. Въ главѣ ихъ стоятъ книги пророка Моисея: Бытія, Исхода и Числъ, за которыми слѣдуютъ книги: Исуса Навина, Судей Израилевыхъ, Царствъ, Паралипоменонъ, Руѣи, Эздры, Неемїи, Товїта, Іудїи и Эсѣири. Въ нихъ изложены: начало и дальнѣйшая исторія рода человѣческаго и историческія судьбы еврейскаго и современныхъ, извѣстнѣйшихъ народовъ древняго востока. Новѣйшая наука доказала, что въ этихъ книгахъ заключается полная истина и что каждое слово, каждое хронологическое указаніе ихъ вполнѣ подтверждается наукой въ современномъ ея состояніи. А какъ въ нихъ заключаются также свѣдѣнія о военномъ бытѣ и дѣлѣ, войнахъ и военныхъ событіяхъ (битвахъ, осадахъ и пр.) евреевъ и сосѣднихъ народовъ Азіи и Африки, то онѣ и должны быть поставлены въ главѣ источниковъ военной исторіи древнихъ временъ.

Второе послѣ нихъ, по времени, мѣсто занимаетъ древнѣйшая и знаменитѣйшая эпическая поэма грековъ — Иліада Гомера (или Омира). По предмету содержанія своего — 10-ти-лѣтней осадѣ Трои и войнѣ грековъ съ троянцами (1194 — 1184 г. передъ Р. Х.) и по превосходному изображенію современнаго военного быта и военного дѣла у грековъ и троянцевъ, — хотя и въ формахъ эпическихъ, — Иліада по справедливости должна быть признана вторымъ, важнѣйшимъ источникомъ военной исторіи древнихъ временъ.

Отъ древнѣйшихъ временъ до войны Троянской и за цѣлые семь вѣковъ послѣ нея, за исключеніемъ Иліады, до насъ не дошло никакихъ письменныхъ историческихъ памятниковъ грековъ и даже имена писателей, за исключеніемъ немногихъ, исчезли вмѣстѣ съ утраченными твореніями ихъ.

За то уже одинъ V вѣкъ передъ Р. Х. щедро вознаградилъ утраты временъ до и послѣ войны троянской. Трое превосходныхъ и знаменитыхъ греческихъ историковъ: Геродотъ (или Продотъ), Фукидидъ и Ксенофонтъ, одинъ непосредственно вслѣдъ за другимъ, въ теченіе V вѣка, украсили исторію своими высокими твореніями и положили блистательное начало истинной исторіи у грековъ, которымъ мы прежде и болѣе всего обязаны тѣмъ, что дошло до насъ изъ исторіи древнихъ временъ.

Геродотъ (род. въ 484 г. передъ Р. Х. въ Галикарнасѣ, въ Каріи, умеръ въ 418 г.), справедливо названный отцомъ исторіи, въ томъ смыслѣ, что онъ первый достойно составилъ и изложилъ ее (по выраженію Цицерона—*historiam ornavit*, украсилъ исторію). Въ 9-ти книгахъ его исторіи, посвященной описанію греко-персидской войны, онъ превосходно изобразилъ, сначала, въ видѣ вступленія—описаніе всѣхъ извѣстныхъ тогда сѣверныхъ странъ и жителей Европы и Азіи, равно исторію мидянъ, ассиріянъ, лидіянъ и персовъ, а потомъ—и самую картину необыкновенно важной, по своему значенію, войны грековъ съ персами, до битвы и побѣды при Платеѣ. Описаніе странъ и народовъ онъ составилъ какъ очевидецъ, совершивъ многія и дальнія путешествія въ большей части этихъ странъ, а свѣдѣнія о странахъ, гдѣ не былъ самъ, равно и свѣдѣнія историческія, онъ старался собирать изъ подлинныхъ или достовѣрныхъ источниковъ. Правдивость его подтвердилась новѣйшими географическими и этнографическими изслѣдованіями. Исторія же его явно доказываетъ, что онъ имѣлъ высокое понятіе объ обязанностяхъ историка и считалъ болѣе важнымъ «быть правдивымъ и заслуживающимъ довѣрія, нежели краснорѣчивымъ и пріятнымъ». Нѣкоторые критики обвиняли его въ легковѣріи, сообщеніи недостовѣрныхъ преданій въ видѣ историческихъ истинъ, въ изло-

женіи своей исторіи еще въ формахъ нѣсколько эпическихъ, подобно Иліадѣ Гомера, хотя и менѣе, и т. п. Но это нисколько не въ состояніи умалить несомнѣнныя, первостепенныя достоинства его исторіи. Собственно въ военномъ отношеніи, она есть одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ для изученія и познанія военного быта и военного искусства у грековъ, персовъ и другихъ современныхъ народовъ, въ періодъ греко-персидской войны, равно и самой этой войны, со всѣми ея частными военными дѣйствіями (сраженіями, осадами и проч.).

Θυκιδιδης (родился въ 470 г. передъ Р. Х. въ Аѣнахъ, умеръ около 384 г.), лучший изъ греческихъ историковъ. Сочиненіе, составившее славу его имени, имѣетъ заглавіемъ: «Πολεμικὴ ἱστορία τῆς Πελοποννησιακῆς πόλεως», въ 8 книгахъ, изъ которыхъ только 7 доконченныхъ, а 8-я недокончена по случаю смерти автора. Но и эти 8 книгъ обнимаютъ только первые 21 годъ пелопоннесской войны, остальныхъ же 6-ти лѣтъ не достаетъ. Исторія Θυκιδίδα есть безспорно произведеніе глубокопроницательнаго ума, съ свѣтлымъ взглядомъ и вполне ясно постигающаго существо исторіи. Она стоитъ выше исторіи Геродота: Θυκιδιδης смотритъ на исторію съ гораздо высшей точки зрѣнія и дѣлаетъ изъ нея наставницу не только того, что произошло, но и того, что должно было произойти. Онъ превосходно изображаетъ характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ и событій, со всѣми побужденіями первыхъ и причинами послѣднихъ, и тщательно, строго изслѣдуетъ историческую истину. Особенное вниманіе его обращено на политику, но и въ военномъ отношеніи онъ есть отличный военный историкъ, совѣстливо и ясно давая отчетъ о силахъ каждой стороны, о средствахъ нападенія и обороны во всѣхъ случаяхъ и мѣстахъ дѣйствій этой войны, живымъ, нагляднымъ образомъ описывая битвы и осады ея (напримѣръ Платей, Амфиполя, Сиракузъ и пр.). Вообще исторія его, въ военномъ отношеніи, заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о военномъ бытѣ и искусствѣ грековъ, о войнѣ и различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ ея у нихъ, и потому составляетъ одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ для познанія этихъ предметовъ.

Непосредственно за нимъ слѣдуетъ третій, также превосходный греческій историкъ и отличный полководецъ, Ксенофонтъ (родился въ Аѣинахъ около 450 г., умеръ около 360 г.), участвовавшій въ пелопоннесской войнѣ, въ походѣ отряда спартацкихъ, вспомогательныхъ Киру младшему, наемныхъ войскъ въ верхнюю Азію и особенно прославившій себя начальствованіемъ 10 т. человекъ остатковъ ихъ, отступленіемъ съ ними къ южнымъ берегамъ Понта Эвксинскаго (Чернаго моря) и превосходнымъ описаніемъ этого отступленія подъ названіемъ Анабазисъ (похода Кира вверхъ, т. е. въ верхнюю Азію). Кромѣ того, онъ написалъ, подъ названіемъ Элленики, продолженіе Фукидидовой исторіи Греціи, до 1-го сраженія при Мантинѣ, Киропедію или жизнеописаніе Кира старшаго, въ наставленіе Киру младшему (которую однако правильнѣе назвать военно-историческимъ романомъ, нежели исторіей), излагая въ ней собственныя мысли и мнѣнія о военномъ устройствѣ и искусствѣ, и присовокупляя къ тому свѣдѣнія о состояніи военнаго дѣла у персовъ и другихъ современныхъ народовъ востока, и наконецъ 2 книги о верховой ѣздѣ и конной военной службѣ, и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія, въ томъ числѣ и военныя. Современники высоко цѣнили его творенія, называя его греческою пчелою и аттическою музою. И для насъ они также, какъ исторія Геродота и Фукидида, одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ военной исторіи древнихъ временъ.

За время болѣе 150 лѣтъ послѣ Ксенофонта, до насъ не дошло никакихъ замѣчательныхъ греческихъ историческихъ сочиненій, и первымъ послѣ Ксенофонта греческимъ историкомъ является Полибій (родился въ Мегалополѣ, въ Аркадіи, въ 202 г., умеръ въ 121 г. передъ Р. Х.), ученикъ Филопемена и другъ Сципіоновъ; во времена покоренія Греціи римлянами принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ съ послѣдними и потомъ вступилъ въ ихъ службу, сопровождалъ Сципіона Эмилиана въ Африку и позже былъ съ нимъ при осадѣ Нуманціи. Знаменитый историческій и военный писатель, онъ составилъ: 1) жизнеописаніе Филопемена, 2) исторію войны нумантійской, 3) книгу

о тактикѣ, 4) трактатъ объ обитателяхъ экватора и 5) всеобщую исторію въ 40 книгахъ. Изъ этихъ сочиненій его до насъ дошло только послѣднее и то лишь 5 книгъ (до 216 г.) въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были написаны Полибіемъ; остальнаго (отъ 216 до 166 г.) дошли только отрывки. Исторія Полибія обнимаетъ пространство времени отъ начала пуническихъ войнъ до конца македонской. Первые 2 книги содержатъ, въ видѣ введенія, краткій обзоръ событій до 220 г. Описывая преимущественно событія войнъ римлянъ съ Карфагеномъ, Македоніей и Греціей, Полибій касается также современныхъ военныхъ событій въ Греціи, малой Азіи и Египтѣ. Въ точности и вѣрности изложенія и въ обиліи политическихъ и военныхъ свѣдѣній Полибій не былъ превзойденъ ни однимъ изъ историковъ древнихъ временъ. Въ военномъ отношеніи исторія его всегда была и есть драгоцѣннѣйшій источникъ исторіи военного искусства и военной исторіи древнихъ народовъ, особенно римлянъ, въ III и II столѣтіяхъ передъ Р. Х.

Послѣ Полибія слѣдуютъ, по порядку времени, шесть современныхъ историковъ и писателей I вѣка передъ Р. Х., двое греческихъ: Діодоръ Сицилійскій и Діонисій Галикарнассскій, и четверо римскихъ: Юлій Цезарь, Саллустій, Титъ Ливій и Корнелій Непотъ.

Діодоръ Сицилійскій (Diodorus Siculus), такъ названный по мѣсту рожденія своего въ Сициліи, въ городѣ Аргиріѣ, знаменитый историческій писатель временъ Юлія Цезаря и Августа. Онъ написалъ всеобщую исторію почти всѣхъ извѣстныхъ тогда народовъ міра. Для того, чтобы изложить ее съ всевозможными полнотою и точностью, онъ совершилъ, подобно Геродоту, путешествія въ большей части Европы и Азіи. 30 лѣтъ употребилъ онъ на составленіе своей исторіи, которую назвалъ историческою бібліотекою. Она отличается преимущественно точностью, состояла изъ 40 книгъ, отъ временъ до-историческихъ, передъ войною троянскою, до начала войны Юлія Цезаря въ Галліи, но, къ сожалѣнію, почти вся утрачена: до насъ дошли, изъ 40 книгъ, только 15 полныхъ: 1—5 и 11—20, и отрывки прочихъ 25 книгъ.

Въ военномъ отношеніи она весьма замѣчательна и полезна тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о военномъ бытѣ и искусствѣ и о войнахъ различныхъ народовъ, особенно римлянъ, и весьма точныя описанія осадъ городовъ, и потому также составляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ военной исторіи древнихъ временъ.

Діонисій Галикарнасскій, названный такъ по мѣсту рожденія своего въ Галикарнассѣ, городѣ малоазіятской области Каріи, учитель краснорѣчія, ученый критикъ и писатель, современникъ Діодора. Около 30 года передъ Р. Х. онъ прибылъ въ Римъ и написалъ въ немъ Римскую археологію въ 20-ти книгахъ, въ которой изложилъ древнія: исторію и государственное устройство Рима отъ основанія этого города до 1-й пунической войны. До насъ дошли только 11 первыхъ книгъ его исторіи вполнѣ, а изъ остальныхъ лишь нѣсколько отрывковъ. Исторія его можетъ быть очень полезна, но съ критическою осторожностью; автора ея особенно упрекаютъ, какъ отчасти и Діодора и всѣхъ греческихъ историковъ, въ общей послѣднимъ привычкѣ придавать греческій оттѣнокъ нравамъ и обычаямъ иноплеменныхъ народовъ. Въ военномъ отношеніи она, какъ и исторія Діодора, также можетъ служить хорошимъ источникомъ военной исторіи древнихъ временъ, особенно римской, и отличается преимущественно подробностью въ описаніи сраженій.

Каіій Юлій Цезарь (родился 10 іюля 100 года, убитъ 15 марта 44 г. передъ Р. Х., 56 лѣтъ отъ роду), величайшій изъ полководцевъ римлянъ и древнихъ временъ, знаменитый государственный человѣкъ и политикъ, и превосходный историкъ и военный писатель. Краткое жизнеописаніе его будетъ помѣщено въ своемъ мѣстѣ ниже (въ началѣ изложенія его походовъ). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о немъ, какъ объ историкѣ и военномъ писателѣ. Всемирную славу его въ этомъ отношеніи составили его Комментаріи или записки о войнѣ въ Галліи (*Commentarii de bello Gallico*), въ 7-ми книгахъ, доведенныхъ до сраженія при Алезіи и взятіи въ плѣнъ Верцингеторикса. — 8-я же и послѣдняя книга и 3 книги о междуусобной войнѣ въ Италіи,

Иллиріи, Африкѣ, Понтѣ и Испаніи составлены легатомъ и довѣреннымъ лицомъ Цезаря, Гирціемъ Панзой (Hirtius Pansa), по собственнымъ письмамъ и запискамъ Цезаря. — 7 первыхъ книгъ Цезаря о войнѣ въ Галліи изложены простымъ, но благороднымъ языкомъ, съ необыкновенными ясностью и точностью, и составляютъ образцовое произведение (chef-d'oeuvre) исторіи вообще и военной въ особенности, и, вмѣстѣ съ 4-мя книгами Гирція Панзы, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ военной исторіи римлянъ и древнихъ временъ. Во всѣхъ этихъ 11-ти книгахъ находится множество свидѣтельствъ высокихъ дарованій Цезаря въ военной политикѣ, стратегіи, тактикѣ, фортификаціи, поліорцетикѣ, военномъ управленіи, словомъ — во всѣхъ отрасляхъ военного искусства и военной науки. Поэтому комментаріи Цезаря во всѣ времена были поучительнѣйшимъ для военныхъ людей сочиненіемъ, по которому образовали себя всѣ послѣдующіе великіе и искусные полководцы, и изученіе ихъ существенно необходимо и полезно для познанія военныхъ: быта и искусства римлянъ во времена Цезаря.

Саллустій (род. въ 86 г., въ сабинскомъ городѣ Амитернѣ, умеръ въ 35 г. передъ Р. Х.), современникъ Цезаря и преторъ въ Нумидіи, а потомъ, въ частной жизни, написавшій подробную римскую исторію отъ смерти Силлы до возмущенія Катилины, изъ которой, къ сожалѣнію, до насъ дошло только нѣсколько отрывковъ. Но другія два сочиненія его: 1) о войнѣ римлянъ съ Югуртою, царемъ нумидійскимъ, и 2) о заговорѣ Катилины, достигли до насъ вполне и замѣчательны одинаково и содержаніемъ, и способомъ изложенія. Саллустій, кажется, принялъ въ нихъ за образецъ Фукидида, котораго, по мнѣнію Квинтиллиана, даже превзошелъ. Въ военномъ отношеніи сочиненія его могутъ служить полезнымъ источникомъ, хотя не отличаются надлежащею точностью въ описаніи военныхъ дѣйствій.

Титъ Ливій (родился въ 59 г. передъ Р. Х. въ Патавіи, нынѣ Падуа, умеръ въ 16 г. по Р. Х.), современникъ Августа, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ его, прославился своею римскою исторіею отъ прибытія Энея въ Италію до

сраженія при Акціѣ. Онъ употребилъ 20 лѣтъ на составленіе ея, на основаніи древнихъ преданій и римскихъ историковъ (начиная съ Фабія Пиктора). Военныя событія онъ описалъ въ ней съ большою подробностью, но часто легковѣренъ и увлекается пристрастіемъ (особенно къ Сципіону и противъ Аннибала). Исторія его состояла изъ 140 или 142 книгъ, изъ которыхъ до насъ дошли вполнѣ только 10 первыхъ и затѣмъ 21 — 45, всего 35, и небольшой отрывокъ изъ 91-й книги. Краткое извлеченіе изъ цѣлой исторіи Тита Ливія, дошедшее до насъ, одни приписываютъ ему, а другіе римскому писателю Флору.

Корнелій Непотъ, уроженецъ Веронскій, жилъ въ золотомъ вѣкѣ римской литтературы и былъ современникомъ Цезаря и другомъ Катутла, Цицерона и др., современныхъ имъ, римскихъ писателей, умеръ въ 30 г. до Р. Х. Изъ его многочисленныхъ сочиненій до насъ дошли только 24 жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ, римскихъ и особенно греческихъ, равно и иноплеменныхъ, и, сверхъ того, Катона старшаго и Аттика. Характеры описанныхъ имъ лицъ изображены превосходно, но часто важныя свѣдѣнія изложены слишкомъ коротко, а неважныя слишкомъ пространно; притомъ онъ не всегда почерпалъ ихъ изъ вѣрныхъ источниковъ. По причинѣ своей краткости, онъ даетъ мало новыхъ свѣдѣній для исторіи. Полагаютъ, что дошедшее до насъ сочиненіе есть только извлеченіе, сдѣланное Эмилиемъ Пробомъ, писателемъ временъ Феодосія В.

Этимъ оканчивается рядъ лучшихъ историковъ и военныхъ писателей греческихъ и римскихъ, временъ передъ Р. Х. и затѣмъ слѣдуютъ уже другіе и много достоинства, съ I до конца V столѣтій по Р. Х.

Квинтъ Курцій, современникъ Тиберія, Калигулы, Клавдія и Нерона (14—68 г. по Р. Х.), преторъ, консулъ и наконецъ проконсулъ въ Африкѣ, гдѣ умеръ въ 69 г. въ глубокой старости; ученый человѣкъ и посредственный историкъ, особенно извѣстенъ своею исторіею Александра В., въ 10 книгахъ, изъ которыхъ двѣ первыя утрачены, а дошли до насъ только 8 послѣднихъ. Сочиненіе его болѣе похоже на историческій романъ, нежели на исторію, и не заслуживаетъ большаго довѣрія.

Страбонъ, знаменитый греческій географъ, род. въ 19 г. по Р. Х. въ Амассіи, въ Каппадокіи, путешествовалъ по Греціи, Италіи, Египту и Азіи, и старался съ точностью изслѣдовать всѣ эти страны и собирать вѣрныя свѣдѣнія о нихъ. До насъ дошло большое географическое сочиненіе его въ 17-ти книгахъ, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и историко-статистическое, ибо содержитъ также подробныя свѣдѣнія объ образѣ правленія, нравахъ и обычаяхъ народовъ описываемыхъ странъ. Свѣдѣнія свои онъ почерпалъ частію изъ собственныхъ наблюденій, частію изъ географическихъ трудовъ Гекатея, Артемидора, Евдокія и Эратосѣена, а также изъ историковъ и другихъ писателей, и такимъ образомъ составилъ сочиненіе, которое богатствомъ содержанія и основательностью превзошло всѣ предшествующія подобнаго рода сочиненія и можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для изученія военной исторіи и географіи древнихъ временъ.

Іосифъ Флавій, родомъ іудей, но имѣвшій греческое и римское образованіе. Храбрый защитникъ города Іотапата, въ Іудеѣ, во время возстанія іудеевъ противъ римлянъ, онъ, бывъ взятъ послѣдними въ плѣнъ, находился при Титѣ въ продолженіе осады Іерусалима (68 г. по Р. Х.) и неоднократно, но тщетно былъ употребленъ Титомъ для склоненія іерусалимлянъ къ добровольной сдачѣ. Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ Римѣ. Онъ написалъ на греческомъ языкѣ 1) исторію этой войны, чрезвычайно любопытную и поучительную для изслѣдующихъ и изучающихъ исторію военного искусства и военную исторію этихъ временъ, и 2) іудейскія древности.

Суэтоній (Suetonius, 70—121 г.), риторикъ и грамматикъ, другъ Плинія младшаго, писмоводитель или секретарь (magister epistolarum) императора Адріана и весьма хорошій историческій писатель, составилъ подробныя жизнеописанія 42 римскихъ императоровъ отъ Юлія Цезаря до Доміціана, весьма полезный источникъ военной исторіи этого времени.

Тацитъ (род. 57 г. по Р. Х. при Неронѣ, умеръ при Траянѣ), знаменитый и превосходный римскій историкъ. До насъ дошло 4 различныя историческія сочиненія его: 1) *Annales* или лѣто-

писи, заключающія изложеніе важнѣйшихъ событій отъ смерти Августа до смерти Нерона (всего 54 года), изъ нихъ книги 6—10 (отъ 37-го до 47-го года) утрачены, равно какъ и конецъ отъ 17-й книги (68 года); 2) двѣ книги *Historiarum* или исторій, писанныя ранѣе и въ которыхъ Тацитъ хотѣлъ изобразить современную ему исторію; отъ нихъ также до насъ только 4 и часть 5-й (отъ 69 г. до 71 г. включительно); 3) превосходное историко-статистическое сочиненіе: *De situ, moribus et populis Germaniae*, въ которомъ описаны германскіе народы и ихъ нравы и обычаи (иные считаютъ его, впрочемъ, болѣе политическимъ романомъ, нежели исторіей и статистикой); и 4) *De vita et moribus Sp. Jul. Agricolae liber* (книга жизнеописанія Агриколы). Современники и потомки единогласно признали творенія Тацита образцовыми произведеніями первостепеннаго ума. Объемомъ, подробностью и разнообразіемъ изложенія исторіи Тацита стоятъ выше его лѣтописей, почти ограничивающихся краткимъ изложеніемъ событій въ самомъ Римѣ. Въ военномъ отношеніи сочиненія его вообще составляютъ превосходный источникъ современной Тациту военной исторіи и исторіи военного искусства римлянъ и другихъ народовъ, особенно германцевъ.

Плутархъ (род. 50 г., умеръ около 130 г. по Р. Х.), названный Херонейскимъ, по мѣсту рожденія своего въ городѣ Херонеѣ, въ Віотіи, ученый и плодовитый греческій писатель, наставникъ (какъ нѣкоторые полагаютъ) Траяна, удостоенный имъ гражданскихъ званій. Полагаютъ, что онъ написалъ до 300 философическихъ и историческихъ сочиненій, изъ которыхъ до насъ дошли только 125, и изъ тѣхъ многія приписываются ему, кажется, неправильно. Его историческія сочиненія стоятъ еще выше философическихъ и весьма важны для исторіи древняго міра, въ особенности столь извѣстныя его 44 сравнительныя жизнеописанія и характеристики знаменитыхъ мужей Греціи и Рима, а также сочиненія о греческихъ, римскихъ, и египетскихъ древностяхъ. Въ военномъ отношеніи особенную цѣну имѣютъ его жизнеописанія, весьма полезныя для характеристики великихъ и другихъ искусныхъ полководцевъ древности.

Отчасти I-му и отчасти II-му столѣтіямъ по Р. Х. принадлежатъ Фронтинъ и Аппіанъ.

Фронтинъ (въ концѣ I-го и началѣ II-го вѣка), три раза консулъ, при Веспасіанѣ полководецъ въ Британіи, особенно извѣстенъ своими 4-мя книгами *De Strategematibus* (о стратегемахъ или военныхъ хитростяхъ), изложенными систематически и съ опытнымъ знаніемъ военнаго дѣла. Это сочиненіе Фронтинна замѣчательно предметомъ содержанія своего, любопытнымъ въ отношеніи къ той отрасли искусства веденія войны, которая въ древнія времена играла немаловажную роль въ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ полководцевъ, съ цѣлію побѣжденія непріятели не одною силою, но и хитростью (*). Въ этомъ отношеніи сочиненіе Фронтинна полезно желающимъ изучить военные права и обычаи древнихъ народовъ. Оно заключаетъ въ себѣ не только примѣры военныхъ хитрости и ловкости, но и практическія правила дѣйствій и военнаго порядка на войнѣ. Выборъ ихъ Фронтинномъ весьма удаченъ, а тактическія распоряженія и дѣйствія описаны имъ ясно и понятно.

Аппіанъ Александрійскій, современникъ Траяна, Адриана и Антонина, написалъ римскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до Августа, въ 24 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошла только половина. Аппіанъ почерпалъ свѣдѣнія изъ разнообразныхъ источниковъ неодинаковаго достоинства, а потому исторія его есть

(*) Цицеронъ сказалъ, что «война есть состязаніе, рѣшаемое не одною силою, но также хитростью и стратегемами», а новѣйшій писатель Фоларъ (см. ниже) — что «все искусство веденія войны основано на этомъ; нѣтъ ни одной отрасли его, которая не имѣла бы цѣлю хитрости и не вела къ ней; поэтому наиболѣе искусный въ ней есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе смѣлый или отважный (*couageux*), ибо полководцы посредственной смѣлости или отважности никогда не сохраняютъ присутствія духа въ опасности». — Юлій Цезарь, по свидѣтельству Суэтонія и другихъ римскихъ писателей, также считалъ не менѣе славнымъ побѣждать умомъ, чѣмъ мечомъ (*Julius Caesar non minus praesclatum censuit consilio quam gladio superare*). Это справедливо въ томъ отношеніи, что на войнѣ побѣждаетъ сила, руководимая искусствомъ, соединеннымъ съ хитростью или вообще умомъ.

неравнобѣрная компиляція и можетъ служить источникомъ лишь съ осторожнымъ употребленіемъ.

Изъ писателей II-го вѣка слѣдуетъ назвать Арріана, Поліена и Діона Кассія.

Арріанъ Никомидійскій, современникъ Адріана (117—138), ученикъ Эпиктета, глубокомысленный философъ, свѣдущій, опытный и искусный полководецъ, лучшій, добросовѣстнѣйшій и правдивѣйшій изъ историковъ Александра В., написалъ нѣсколько сочиненій географическихъ, историческихъ и военныхъ, въ которыхъ весьма удачно подражалъ Ксенофону. Изъ нихъ до насъ дошли: 1) главное и замѣчательнѣйшее — походъ Александра въ Персію и Индію, достойно уважаемое сочиненіе въ 7-ми книгахъ, составленное по запискамъ (утраченнымъ для насъ) Птолемѣя и Аристовула, военачальниковъ Александра, сопровождавшихъ его въ Азію, и дополненія, составляющія 8-ю книгу; это — лучшій источникъ военной исторіи Александра В.; 2) походъ самаго Арріана противъ алановъ, произведшихъ нашествіе на малую Азію въ то время, когда Арріанъ былъ правителемъ Каппадокіи; 3) два сочиненія, относящіяся къ тактикѣ и дающія хорошія понятія о военныхъ познаніяхъ Арріана, и 4) описаніе путешествія, совершеннаго имъ, по повелѣнію Адріана, по берегамъ Эвксинскаго Понта (Чернаго моря).

Поліенъ Македонскій, современникъ Марка-Аврелія-Антонина (101—180), общественный и придворный риторъ, особенно извѣстенъ своимъ сочиненіемъ такого же содержанія, что и Фроп-тиново, т. е. о стратагемахъ и хитростяхъ военныхъ. Онъ былъ ученый, но не военный человѣкъ, а потому сочиненіе его, болѣе обширное и подробное, нежели Фронтиново, содержитъ въ себѣ изслѣдованіе бластательнѣйшихъ подвиговъ великихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ древности, не всегда однако ограничиваясь одними военными подвигами и не отличаясь строгимъ выборомъ военныхъ хитростей, въ числѣ которыхъ помѣщены многія низкія, коварныя и преступныя, недостойныя истиннаго военнаго человѣка и, между прочимъ, свойственныя лишь варварамъ, т. е. дикимъ или полудикимъ народамъ

(и Фронтинъ также не совсѣмъ свободенъ отъ этого упрека, хотя и менѣе). Въ военномъ отношеніи сочиненіе Поліена имѣетъ такое же значеніе, какъ и объясненное выше о сочиненіи Фронтинна.

Іустинъ, римскій историкъ, жившій въ Римѣ, вѣроятно во II или въ III вѣкѣ. Онъ составилъ извлеченіе изъ исторіи Трога Помпея, родомъ изъ Галліи, жившаго во времена Августа и написавшаго всеобщую исторію съ древнѣйшихъ временъ, въ 44 книгахъ, особенно же подробно изложилъ исторію Македоніи, почему она и носила заглавіе *Historia Philippica*. Подлинникъ утраченъ; въ немъ, судя по извлеченію Іустина, было много грубыхъ ошибокъ; извлеченіе же Іустина пользовалось большимъ вниманіемъ, потому что, при всей краткости, содержало очень много замѣчательнаго въ отношеніи къ исторіи.

Діонъ Кассій (род. въ 155 г. въ Никсѣ, въ Виѳиніи), современникъ римскихъ императоровъ Нертинакса, Септимія Севера, Каракаллы и Иліогабала (192 — 222), написалъ римскую исторію отъ прибытія Энея въ Италію до 228 г. по Р. Х., въ 80 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошли волишь только 19 (36—54), а изъ остальныхъ извлеченіе Ксифилина. Исторія его имѣетъ то достоинство, что событія въ ней расположены въ хронологическомъ порядкѣ, а современныя автору изображены вѣрно, но недостатокъ ея тотъ, что авторъ часто несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ о великихъ людяхъ, суевѣренъ, ласкателенъ и раболѣпенъ, а риторическій слогъ его несвойственъ исторіи.

Элліанъ изъ Пренесты, писатель III вѣка, современникъ Діона Кассія и ученый софистъ, написавшій 2 компиляціи: Разныя рассказы и анекдоты, и естественную исторію животныхъ, дошедшія до насъ. Изъ нихъ первое принадлежитъ отчасти къ историческому роду и содержитъ нѣкоторые военные рассказы.

Изъ писателей IV вѣка особеннаго вниманія заслуживаютъ Амміанъ Марцеллинъ и Флавій Вегецій.

Амміанъ Марцеллинъ (род. въ Антіохіи, около половины IV в.), римскій историкъ, служилъ въ военной службѣ, участво-

валъ въ походахъ въ Азіи, въ Галліи и въ Персіи, написалъ *Res gestae* или римскую исторію отъ Нервы до Валента включительно (96—378), которую можно считать продолженіемъ исторіи Тацита и Суэтонія. Изъ 31 книги оной, первыя 13 утрачены, а 18 послѣднихъ, дошедшія до насъ и содержащія изложеніе событій отъ 353 до 378 г., суть самыя важныя, потому что авторъ описываетъ въ нихъ событія какъ современникъ и очевидецъ. Хотя онѣ написаны дурнымъ латинскимъ языкомъ и слогомъ, но изобилуютъ любопытными фактами и важными свѣдѣніями, отличаются безпристрастіемъ и заключаютъ въ себѣ многія, весьма замѣчательныя мѣста, въ общемъ и въ военномъ историческомъ отношеніи.

Флавій Вегецій Ренатъ (*Flavius Vegetius Renatus*), знаменитѣйшій изъ древнихъ римскихъ писателей о военномъ искусствѣ, жилъ въ концѣ IV вѣка при Валентиніанѣ II, былъ христіанинъ, знатнаго рода и высокаго сана, жилъ по инымъ въ Константинополѣ, а по другимъ въ Римѣ; особенно извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: *De re militari libri quinque* (о военномъ дѣлѣ пять книгъ), посвященнымъ Валентиніану II. По словамъ самаго Вегеція, это—извлеченіе изъ сочиненій Катона цензора, Корнелія Цельза, Фронтіна и Патерна, и изъ военныхъ учрежденій Августа, Траяна и Адріана. Содержаніе его слѣдующее: 1-я книга о наборѣ войскъ и обученіи новобранцевъ; 2-я о легіонѣ, его устройствѣ, начальникахъ и ихъ обязанностяхъ, и объ оружій; 3-я о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, преимущественно въ тактическомъ отношеніи; 4-я о правилахъ атаки и обороны городовъ и крѣпостей; 5-я о наукѣ мореплаванія и о морскихъ силахъ римской имперіи. Это сочиненіе, писанное уже въ то время, когда военное искусство римлянъ находилось въ упадкѣ, по неровному слогу, частой темнотѣ и множеству повтореній, изобличаетъ происхожденіе свое изъ многихъ и разнородныхъ источниковъ. Вегецій не различаетъ эпохъ и періодовъ исторіи военного искусства римлянъ, смѣшиваетъ римскіе военные обычаи съ греческими и даже его боевой порядокъ легіона похожъ болѣе на современный ему, Вегецію, нежели на первоначальный, древній. Но за то Ве-

гецій — первый военный писатель древнихъ временъ, написавшій систематическое и подробное сочиненіе о всѣхъ отрасляхъ военнаго искусства, дающее весьма полное и ясное понятіе объ исторіи и состояніи послѣдняго у римлянъ, и потому во всѣ времена, и древнія, и новыя, справедливо признавалось весьма важнымъ источникомъ для изслѣдованія и изученія этого предмета. Планъ сочиненія систематическій, оно изобилуетъ мудрыми и разумными правилами, совѣтами и указаніями о военномъ искусствѣ вообще и объ искусствѣ веденія войны въ частности. Вотъ почему сочиненіе Вегеція всегда имѣло особенное достоинство, не можетъ оставаться чуждымъ ни одному образованному военному человѣку и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ военной исторіи древнихъ временъ.

Оносандръ, писатель V вѣка, незадолго до паденія западной Римской имперіи; о времени и мѣстѣ его рожденія и жительства свѣдѣній не имѣется: иные полагаютъ, что онъ былъ современникъ Траяна и Тацита, а другіе Клавдія I, но это сомнительно; извѣстно только, что онъ былъ философъ, послѣдователь ученія Платона, и потому страннымъ кажется, что сочиненіе его, дошедшее до насъ, имѣетъ заглавіе: Наука полководца (по гречески *Στρατηγικὸν λόγος*) и преподаетъ наставленія полководцу! Но не слѣдуетъ забывать, что Оносандръ писалъ въ то время, когда и военное искусство, и военная дисциплина у римлянъ уже пали совершенно, и не римскія арміи заставляли трепетать варваровъ, а наоборотъ. И хотя въ сочиненіи Оносандра не встрѣчается, какъ у Фронтинна и Поліена, ни одного военно-историческаго примѣра, но какъ Оносандръ явно почерпалъ изъ очень хорошихъ источниковъ, то все-таки сочиненіе его содержитъ очень много весьма хорошихъ правилъ и наставленій. Особенную извѣстность ему доставили императоръ Левъ философъ, помѣстившій его цѣликомъ въ своемъ сочиненіи о военныхъ учрежденіяхъ, а въ XVIII вѣкѣ маршалъ графъ Саксонскій и Гишаръ (см. ниже въ своемъ мѣстѣ). Во всякомъ случаѣ это — источникъ не столько историческій, сколько дидактическій.

Оносандромъ заключается рядъ историческихъ и военныхъ

писателей древнихъ временъ, сочиненія которыхъ, одни преимущественно, другія болѣе или менѣе, служатъ источниками военной исторіи этихъ временъ.

2. Историческія пособія для изученія военной исторіи древнихъ временъ.

Они суть военно-историческія и обще-историческія.

Военно-историческія могутъ быть указаны или по способу хронологическому (по порядку времени изданія), или по географическому (по странамъ) и этнографическому (по народамъ). Первый способъ—наиболѣе естественный и цѣлесообразный, а второй—примѣнимъ лишь на столько, на сколько связанъ съ исторіей политической, облегчающей отысканіе источниковъ и пособій. Здѣсь принять преимущественно первый способъ и отчасти (гдѣ нужно) второй, и указываются писатели новыхъ и новѣйшихъ временъ, посвятившіе свои труды, или изданію и переводу древнихъ историковъ и военныхъ писателей, или критическому разбору ихъ, или изслѣдованію нѣкоторыхъ особенныхъ событій либо предметовъ военныхъ, или характеристикъ нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ лицъ, или наконецъ исторіи военного искусства и военной исторіи древнихъ временъ. Число писателей, занимавшихся послѣдними двумя родами исторіи, отъ начала книгопечатанія до нашихъ временъ, болѣе 400 лѣтъ, постепенно возрастаетъ. Такъ, на примѣръ, до XVII вѣка (1600 года) ихъ насчитываютъ около 80-ти, съ 1600 года до 1750—болѣе 600, а съ 1750 года—пропорціонально еще болѣе. Исчислить ихъ всѣхъ и трудно, и бесполезно; достаточно указать главныхъ и важнѣйшихъ, раздѣляя ихъ, какъ сказано, по роду и предмету ихъ изданій, переводовъ и сочиненій.

Въ самомъ началѣ должно поставить печатныя изданія, со времени изобрѣтенія книгопечатанія, сохранившихся твореній историковъ и военныхъ писателей древнихъ временъ, указанныхъ

выше. Эти изданія начались съ конца и даже съ половины XV вѣка, и съ тѣхъ поръ продолжались постоянно до нашихъ временъ, совершенствуясь болѣе и болѣе. Первымъ удостоилось чести изданія едва-ли не сочиненіе Вегеція, въ 1487 году и, кажется, даже еще ранѣе, сначала особо, а потомъ частію вмѣстѣ съ сочиненіемъ Оносандра, частію съ другими историческими и военными писателями, подъ заглавіемъ: *Veteres de re militari scriptores* (древніе писатели о военномъ искусствѣ), folio въ 1524—32—35, 8-vo въ 1553—69—80, и 4-to въ 1584, 1602—7—44—70 и т. д. — Вообще всего болѣе печатныхъ изданій было Ксенофонта, Полибія, Юлія Цезаря, Фронтина, Поліана, Вегеція и Оносандра.

Затѣмъ слѣдуютъ переводы ихъ на новѣйшіе европейскіе языки, сначала безъ примѣчаній или комментаріевъ, а потомъ постепенно болѣе и болѣе съ комментаріями, число которыхъ особенно возрасло въ XVIII вѣкѣ и преимущественно во Франціи. Въ этомъ вѣкѣ и въ этой странѣ, въ главѣ комментаторовъ древнихъ историковъ стоитъ кавалеръ де-Фоларъ (*chevalier de Folard*), полковникъ французской пѣхоты, издавшій въ 1724 году *Découvertes nouvelles sur la guerre, dans une dissertation sur Polybe*, а въ 1727 году *Histoire de Polybe, avec un commentaire ou un cours de science militaire, enrichi de notes critiques et historiques, où toutes les grandes parties de la guerre, soit pour l'offensive, soit pour la défensive, sont expliquées* (7 volumes). — Поводомъ къ составленію Фоларомъ этихъ двухъ сочиненій послужило изданіе передъ тѣмъ исторіи Полибія въ латинскомъ и французскомъ переводахъ ученымъ бенедиктинскимъ монахомъ Dom (т. е. Dominus) Thuillier. Изданіе же двухъ сочиненій Фолара въ свою очередь послужило поводомъ къ военно-ученой полемикѣ и къ изданію, однихъ вслѣдъ за другими, нѣсколькихъ комментаріевъ на комментаріи Фолара. Въ главѣ ихъ стоятъ сочиненія Гишара, Шабо, Дю-Пюже и Брезе — критиковъ и противниковъ Фолара. Гишаръ (*Guischard*), котораго Фридрихъ В. прозвалъ Квинтомъ Ициліемъ

(Quintus Icilius), издалъ въ 1757 году *Mémoires militaires sur les Grecs et les Romains*, pour servir de suite à l'histoire de Polybe, commentée par Folard, avec une dissertation sur l'attaque et la défense des places des anciens, la traduction d'Onosander et de la tactique d'Arrien et l'analyse de la campagne de Jules César en Afrique, а въ 1774 году *Mémoires critiques et historiques sur plusieurs points d'antiquités militaires*. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій Гишаръ обнаружилъ многія ошибки перевода и комментариевъ Фолара. — Шаббо (Chabot) издалъ въ 1756 году *Réflexions critiques sur les différents systèmes du chevalier Folard*, — Дю-Пюжé (Du Puget) въ 1771 году *Essai sur l'usage de l'artillerie dans la guerre de campagne et dans celle des sièges*, а Брезé (Brézé) въ 1762 году *Observations historiques et critiques sur les commentaires de Folard et sur la cavalerie*. Но Фоларъ имѣлъ и защитниковъ, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ Ло-Лоозъ (Lo-Looz), издавшій въ 1770 году *Recherches d'antiquités militaires, avec la défense du chevalier de Folard contre les allégations de Guischart*. Сущность всей этой полемики заключалась преимущественно въ спорѣ о глубокомъ (древнемъ) строѣ, который превозносилъ Фоларъ, и о тонкомъ (новѣйшемъ, прусскомъ), который Гишаръ ставилъ выше.

Такого же рода комментаріевъ и полемики удостоились особенно сочиненія Юлія Цезаря, Вегеція и рядомъ съ ними—Фронтинна, Поліена и Оносандра! Первый переводъ комментаріевъ Юлія Цезаря на французскій языкъ былъ сдѣланъ еще въ XV вѣкѣ Дю-Шеномъ (Jean Du-Chêne), по повелѣнію Карла Смѣлаго, герцога бургундскаго, а изданъ въ 1774 году. За нимъ послѣдовали многіе другіе, изданные въ разные годы, начиная съ 1539 (De Laigne), и на разныхъ языкахъ. Комментаріи же на комментаріи Юлія Цезаря издали: Guischart (1758 и 1774), Davon (1780), Warnery (1782) и Rösch (1783), а противъ

Гишара—Observations sur la campagne de Jules César en Espagne, contre les lieutenants de Pompée, et sur l'histoire détaillée que M. Guischard en a faite (1782), и противъ Давона—Vaudrécourt: Commentaires de César, traduction nouvelle, suivie d'un examen de l'analyse critique de M. Davon (1781 или 1782), и наконецъ графъ Тюрпень-де Криссе (comte Turpin de Crissé) Commentaires sur les commentaires de César (1785).

Сочиненіе Вегеція удостоилось едва-ли не бóльшого еще числа изданій, переводовъ на всѣ языки и комментаріевъ (вообще составлявшихъ особенную страсть въ XVIII вѣкѣ и почти исключительно у французовъ). Первымъ переводомъ его былъ Ньютона въ 1459 году на англійскій языкъ, изданный въ 1489 году; затѣмъ послѣдовали переводы его на нѣмецкій языкъ въ 1470 или 1480 году, въ 1511, особенно примѣчательный въ 1529 году, подъ заглавіемъ: Flavii Vegetii Renati, vier Bücher der Ritterschaft, zu dem Allerdurchlauchtigsten, Grossmächtigsten Fürsten und Herrn Maximilian Römischer Kaiser löblicher Gedächtniss, mit mancherlei Gerüsten, Bolwerken un geleuwen zu Kryersleuffen gehörig; mit yren mustern und Figuren daneben verzeychnet; — mit einem Zusatz, von Büchsen geschoss, Pulver, Fewrwerk;—auf ein newes gemeeret und gebessert DMXXIX, folio, 1565 (въ Fronspergers Kriegsbuche, извѣтнаго Фронсбергера, полководца императора Максимилиана); — другіе нѣмецкіе переводы въ 1616, 1759, 1827 гг. и т. д., а на французскій языкъ Христиною изъ Пизы, позже Perrot d'Ablancourt (1748), Bongars (1759 и 1772), съ комментаріемъ Turpin de Crissé (1783). Переводъ и комментарій послѣдняго считаются лучшими на французскомъ языкѣ. Частыя и многія изданія и переводы Вегеція свидѣлствуютъ, что, по возрожденіи наукъ, сочиненіе его цѣнилось очень высоко и считалось единственнымъ, содержащимъ въ себѣ всѣ военныя науки.

Сочиненія Фронтинна, Поліена и Оносандра также удостоились, въ разныя времена, множества изданій, переводовъ на разныя языки и комментаріевъ, потому что предметъ сочиненій этихъ писателей, особенно двухъ первыхъ, до самаго конца XVIII вѣка пользовался большимъ сочувствіемъ военныхъ писателей, преимущественно французскихъ, даже бóльшимъ, нежели сколько заслуживалъ того. Лучшими переводами этихъ сочиненій на французскій языкъ считаются: Фронтинна — Perrot d'Ablancourt, Поліена — Dom Gué-Alexis-Lobineau, бенедиктинскаго монаха конгрегаціи св. Мавра (de la congrégation de St-Maur), а Оносандра — барона Цурлаубена (Zur-Lauben) и особенно Гишара, хотя и менѣе извѣстный, нежели первый. Комментаріи же на Фронтинна и Поліена написалъ Joly de Maizeroü (1765).

Сверхъ переводовъ приведенныхъ выше сочиненій, и сочиненія другихъ, лучшихъ историковъ и военныхъ писателей греческихъ и римскихъ также были переведены въ разныя времена и на разныя языки. Такъ сочиненія Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Діодора и Діонисія были переведены на нѣмецкій языкъ и изданы въ 1826 году въ собраніи греческихъ прозаиковъ: Die griechischen Prosaiker, in neuen Uebersetzungen von Tafel, Oslander und Schwab, in Stuttgart. — Въ Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sauvan (1836—1862, 7 vol. et supplément), помѣщены прежніе, пересмотрѣнные и исправленные, или новые, переводы на французскій языкъ: Фукидида — извѣстнаго французскаго эллиниста Гэля (Gail), Ксенофонта — графа де-ла-Люзернъ (comte de la Luzerne), генерала временъ Людовика XV, Арріана — Шоссара (Chaussard) 1802 года, Полибія — Тюиллье (Dom Thuillier, см. выше), Юлія Цезаря — Вальи (Wailly), исправившаго прежній переводъ Perrot d'Ablancourt, Оносандра — Гишара (см. выше) и наконецъ Фронтинна — Perrot d'Ablancourt и Поліена — монаха Lobineau (см. выше). Арріанъ переведенъ на нѣмецкій языкъ въ 1791 и въ 1813 г. Боргекомъ (Borheck), Квинтъ Курцій на нѣмецкій языкъ Остертагомъ (Ostertag) въ 1799 г.

и на франц. Вожеласомъ (Vaugelas) и потомъ Бозе (Beauzée) въ 1818 г.; Титъ Ливій—на нѣмецк. Ostertag въ 1790 г., Klai-ber въ 1827 г. и Oertel въ 1828 г.; Аппіанъ—на нѣмецк. Dil-lenius и Hammerdörfer въ 1828 г., Саллустій—на нѣмецк. Abbt въ 1767 г., Meissner въ 1790 г., Schlüter въ 1806 г. и Herzog въ 1827 г.; Тацитъ—на нѣмецк. въ 1787 г., Wolt-mann въ 1811 г., Haske, Herrmann и Rickleff въ 1827 г.; Іосифъ Флавій—на французск. Gillet въ 1756 г. и на нѣмецк. Friese въ 1804 г. Кромѣ того, всѣ эти и вышеозначенные писа-тели были переведены и на другіе новѣйшіе языки, въ томъ числѣ нѣкоторые и на русскій, а именно: Иліада Гомера—превосходный переводъ Гнѣдича, изд. 1826 г.; Ѡукпидидъ, Ксенофонтъ и Арріанъ—въ Военной Библиотекѣ, изданной подъ редакціей Сен-ковскаго и генералъ-лейтенанта барона Медема въ 1838 г. (3 тома) и въ 1839 г. (3 тома), Комментаріи Юлія Цезаря и Саллустій въ 1857 г. и Титъ Ливій въ 1858—61 гг.—Клевановымъ, Корнелій Непотъ—Лебедевымъ въ 1785 г., Плутархъ—Дестунисомъ въ 1820 г. и подъ редакціей В. Герье въ 1862 г., Квинтъ Курцій—Крашенинниковымъ въ 1812—13 гг., Іосифъ Флавій о войнѣ іудейской—Михаиломъ Алек-сѣевымъ въ 1804 г. и древности іудейскія — священникомъ Михаиломъ Самуйловымъ въ 1818 г. Имѣются-ли другіе русскіе переводы древнихъ классиковъ — изъ книжныхъ каталоговъ не видно, но вообще такихъ переводовъ у насъ, сравнительно съ иностранными, мало.

Послѣ переводовъ слѣдуетъ указать оригинальныя сочи-ненія писателей новыхъ и новѣйшихъ временъ, имѣвшія предме-томъ исторію военнаго быта и военнаго искусства, воен-ныя древности и т. п. и собственно военную исторію древ-нихъ временъ.

Изъ числа сочиненій перваго рода, лучшими и замѣчательнѣй-шими, по порядку времени изданія, суть:

1) Justus Lipsius: De militia romana, lib. V, о римскомъ войскѣ, и Poliorceticon, lib. V, 1596, изображаетъ подробно осад-ныя: войну и машины у римлянъ.

2) Gronowii (Jacob Gronow) Thesaurus antiquitatum romanorum grecarumque, XIII vol., 1697, съ Johan. Poleni Supplement. V vol., 1737; вся X часть посвящена военному устройству римскаго государства и римскимъ военнымъ дорогамъ; оба эти сочиненія составляютъ богатое пособіе для изученія римскихъ военныхъ древностей.

3) Sixtus Arcerius: Illustrium aliq. proeliorum ex veteribus descriptio, описаніе знаменитѣйшихъ сраженій древнихъ временъ, съ изображеніями боевыхъ порядковъ (изд. XVI вѣка).

4) Panoplia seu armaamentarium, описаніе и изображенія древнихъ и новыхъ: оружія и военныхъ принадлежностей (изд. XVI вѣка).

5) Guillaume Du Choul: Discours sur la castramétation et discipline militaire des Romains, 1556 и 1731.

6) La Ramée: Traité de l'art militaire, ou usances de guerre de J. César, traduit du latin par Poisson, 1583.

7) Hugone: De militia equestri antiqua et nova, о конницѣ древней и новой, 1630.

8) Hygini Grammatici et Polybii Megalopolitani de castris romanis, Игина и Полибія о римскихъ лагеряхъ, 1660.

9) Contareni de Frumentaria: De militari romanorum stipendio, 1669, о жалованьѣ въ римскомъ войскѣ.

10) Merula: De Romanorum comitiis et praemiis quae militiam sequebantur, 1675, о наградахъ въ римскомъ войскѣ.

11) Bergier: Histoire des grands chemins de l'empire romain, 1722, полнѣйшее и лучшее изслѣдованіе о римскихъ государственныхъ дорогахъ, устроенныхъ войсками.

12) Saltzmann: Antonii Foresti Kurzer Begriff der römischen Alterthümer, 1736.

13) Quincy: L'art de la guerre, 1728 и 1740, и

14) Puységur: Art de la guerre, par principes et par règles, 1749, и Extraits de l'art de la guerre, 1760; въ этихъ сочиненіяхъ Quincy и Puységur включены, по обычаю того времени, многія свѣдѣнія о военномъ бытѣ и искусствѣ у грековъ и римлянъ.

22) L'esprit du chevalier de Folard, tiré de ses commentaires sur l'histoire de Polybe, 1760.

23) Maubert de Gouvest: Mémoires militaires sur les anciens, 1762.

24) Joly de Maizeroy: Traité des stratagèmes permis à la guerre, ou remarques sur Polyen et Frontin, 1765 (см. выше).

25) Lo-Looz: Recherches d'antiquités militaires, avec la défense du chevalier de Folard, 1770 (см. выше).

26) Hennert: Abhandlung von der Beschaffenheit und den Gebrauch der Kavallerie in den ältesten Zeiten, nach Homer, 1774.

27) Feuquières (Marquis de, lieutenant-général): Mémoires contenant des maximes et l'application des exemples aux maximes, 5-me édit. 1775 (правила и примѣры изъ военной исторіи грековъ и римлянъ).

28) Rösch: Römische Kriegsalterthümer, aus ächten Quellen, ein Beitrag zur Aufklärung der römischen Taktik, 1782, и Commentar über die Commentarien des Caesars, 1783; оба эти сочиненія, особенно первое, весьма хороши и полезны.

29) Warnery: Mélanges des remarques sur César et autres auteurs militaires, 1783.

30) Comte de St-Cyr: Notes sur le génie, la discipline militaire et la tactique des Egyptiens, des Grecs, des rois d'Asie, des Carthagiноis et des Romains, 1783; особенно полезное сочиненіе.

31) Julius Caesar und anderen Schriftstellern historische Nachweisungen, 1785—88.

32) Nast: Einleitung in die griechischen Kriegsalterthümer, 1790; особенно полезное сочиненіе.

33) Hoyer: Geschichte der Kriegskunst, 1797; также весьма хорошее и полезное сочиненіе.

34) Nieuport, Reiz, Ciliano, Adams, равно Rösch и Nast (см. выше), сообщаютъ въ своихъ сочиненіяхъ весьма хорошія свѣдѣнія о военномъ устройствѣ римскаго государства.

35) Rheinhard: Griechische und Römische Kriegsalterthümer, für den Gebrauch in gelehrten Schulen; очень полезное пособие.

36) Laverne: L'art militaire chez les nations les plus célèbres de l'antiquité et des tems modernes, analysé et comparé, 1805.

37) Nitsch: Beschreibung des häuslichen, gottesdienstlichen, sittlichen, politischen, kriegerischen und wissenschaftlichen Zustandes der Griechen, 1806; очень полезное пособие для изученія греческихъ древностей вообще и военныхъ въ частности.

38) Körpke: Ueber das Kriegswesen der Griechen im heroischen Zeitalter, 1807; полезное пособие.

39) Chantreau: Éléments d'histoire militaire, 1808; также полезное пособие, хотя и не расположено довольно систематически.

40) Rogniat (le général): Considérations sur l'art de la guerre, 1816—20—38; весьма хорошее и полезное сочинение.

41) Naudet: Des changements opérés dans toutes les parties de l'administration de l'empire romain depuis Dioclétien jnsqu'à Julien, 1817.

42) Adam: Antiquités romaines, 1818.

43) Bismark: Der Feldherr nach Vorbildern der Alten, 1820; по предмету содержанія заслуживаетъ особеннаго вниманія.

44) Robinson: Antiquités grecques, traduit de l'anglais, 1822.

45) Benicken: Zeitschrift für die Völker-und Kriegs-geschichte der Vorzeit, 1822.

46) Carrion-Nisas: Essai sur l'histoire générale de l'art militaire, 1824; хорошее и полезное сочинение.

47) Ottenberger: Das Kriegswesen der Römer, 1824, и

48) Löhr: Ueber die Taktik und das Kriegswesen der Griechen und Römer, 1826; оба эти сочиненія служатъ очень хорошими и полезными пособиями.

49) Handbibliothek für Offiziere, von einer Gesellschaft preussischer Offiziere (извѣстныхъ своими военно-учеными познаніями), 1-er Band 1-te Abtheilung: Das Kriegswesen des Alterthums (von Cyriaci), 1828; весьма полезное пособие.

50) Jacquinet de Presle: Cours d'art et d'histoire militaires, 1829, и

51) Rocquancourt: Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires, 1831, оба, особливо послѣднее, хорошія и полезныя пособия.

52) Барона Зедделера (генераль-лейтенанта): Обзорѣніе исторіи военнаго искусства, часть 1-я: древнихъ временъ, 1836, — первое, по времени, у насъ, на русскомъ языкѣ, оригинальное сочиненіе объ этомъ предметѣ, составленное съ близкимъ и основательнымъ знаніемъ военныхъ древностей и изложенное, хотя кратко, но вполне достаточно по цѣли, заслуживаетъ особеннаго вниманія и составляетъ весьма полезное пособіе.

53) Rückert: Das Römische Kriegswesen, 1850, и

54) Rüstow und Köchly: Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus, 1852; оба, особенно последнее, очень хорошія и полезныя сочиненія.

55) Богдановича (генераль-лейтенанта): Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ, 1853, — второе, по времени, послѣ сочиненія барона Зедделера (см. выше), оригинальное, на русскомъ языкѣ, сочиненіе объ этомъ предметѣ, также заслуживаетъ особеннаго вниманія и составляетъ весьма полезное пособіе.

56) Fonscolombes: Résumé historique des progrès de l'art militaire depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours, 1854.

57) De la Barre Du Parcq: Histoire de l'art de la guerre, 1860, — et avant l'usage de la poudre, 1860, — и Parallélisme des progrès de la civilisation et de l'art militaires, 1860.

58) Vial: Cours d'art et d'histoire militaires, 1861; — всѣ эти три сочиненія (56, 57 и 58) суть хорошія учебныя руководства для преподаванія во французскихъ военныхъ училищахъ; — особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе De la Barre du Parcq: Parallélisme etc., по предмету содержанія своего.

59) Rüstow: Heerwesen und Kriegführung J. Caesars, 2-te Auflage, 1862; весьма хорошее сочиненіе, какъ и прочія того же автора.

60) Lamarre: De la milice romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à Constantin, 1863.

Изъ числа сочиненій втораго рода, имѣющихъ предметомъ военную исторію и различныя военныя событія древнихъ временъ,

лучшими, замѣчательнѣйшими или полезнѣйшими, также по порядку времени изданія ихъ, суть:

1) Séran de la Tour: Histoire d'Epaminondas, général des Thébains, avec des remarques de M. de Folard, 1741 (жизнеописание и походы).

2) De Mestre: Annibal et Scipion, ou les grands capitaines, avec les ordres et plans de batailles, 1768.

3) Whitaker: The course of Annibal over the Alps ascertained, 1794;—авторъ утверждаетъ, что Аннибалъ перешелъ черезъ Большой Сентъ-Бернаръ.

4) S-te Croix: Examen critique des anciens historiens d'Alexandre, 1804; весьма хорошее сочиненіе, считается классическимъ и однимъ изъ лучшихъ по исторіи Александра В.

5) Jubé et Servan: Histoire des guerres des Gaulois et des Français en Italie, 1805.

6) Jekel: Die Schlachten der Alten vom 1-sten messenischen Kriege angefangen bis auf die Schlacht bei Actium, 1811.

7) Vacca Berlinghieri: Examen des opérations et des travaux de César au siège d'Alesia, 1812.

8) Vaudoncourt (général Guillaume de): Histoire des campagnes d'Annibal en Italie pendant la 2-me guerre punique, 3 vol. et 3 planches, 1812 и 1822, критическое изслѣдованіе, одно изъ лучшихъ сочиненій о походахъ и дѣйствіяхъ Аннибала въ Италиі.

9) S-t Allais: Les sièges, batailles et combats mémorables de l'histoire ancienne et romaine, 1815; хорошее пособіе.

10) De Luc: Histoire du passage des Alpes par Annibal, 1818; также одно изъ лучшихъ сочиненій объ этомъ предметѣ.

11) Benicken: Zeitschrift für die Völker-und Kriegs-geschichte der Vorzeit, 1822 (см. выше), весьма полезное пособіе.

12) Kausler: Versuch einer Kriegsgeschichte aller Völker, bis zum 15-ten Jahrhundert, 4 Bände и, какъ приложеніе къ этому сочиненію, того же автора: Wörterbuch und Atlas der Schlachten, Treffen und Belagerungen, и Synchronistische Tabellen der Kriegsgeschichte, der Fortschritte der Kriegskunst und der gleichzeitigen Quellen, 1825—30. Авторъ этихъ сочиненій, капитанъ виртембергскаго

генералъ-квартирмейстеръ-штаба, возымѣлъ мысль составить 1) сжатое (для большей доступности по цѣнѣ), но по возможности полное обзорѣніе всеобщей военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ, въ 6-ти частяхъ: 2-хъ — древнихъ временъ, 2-хъ — среднихъ и 2-хъ — новыхъ и новѣйшихъ, — и при этомъ, въ видѣ приложенія: 2) словарь и атласъ сраженій и осадъ, описанныхъ подробнѣе, нежели въ военной исторіи, — и 3) синхронистическія таблицы военной исторіи, успѣховъ военнаго искусства и современныхъ источниковъ. Авторъ исполнилъ это, хотя и не вполнѣ, издавъ въ 1825 — 30 гг. 4 части военной исторіи, словарь сраженій и осадъ, и синхронистическія таблицы, всѣ — древнихъ и среднихъ временъ только до XV вѣка; атласъ же сраженій — всѣхъ временъ, и древнихъ, и среднихъ, и новѣйшихъ. Огромный, почтенный трудъ этотъ, составленный чрезвычайно тщательно и основательно, по подлиннымъ источникамъ, изданіемъ котораго авторъ оказалъ большую заслугу наукѣ и изучающимъ военную исторію, достойно заслужилъ общее уваженіе и вниманіе и сдѣлался весьма полезнымъ классическимъ пособіемъ для изученія военной исторіи. Онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что есть первый и до сихъ поръ единственный опытъ изложенія всеобщей военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ, въ томъ видѣ, какъ его задумалъ и на половину исполнилъ авторъ. Хотя обзорѣніе военной исторіи въ немъ довольно сжато и кратко, и болѣе фактическое, нежели аналитическое и критическое, но тѣмъ не менѣе всѣ, означенныя выше, сочиненія Кауслера составляютъ весьма хорошее и полезное пособіе для изученія военной исторіи всѣхъ народовъ древнихъ и среднихъ временъ. Остается только крайне сожалѣть, что авторъ не могъ довершить своего прекраснаго труда, доведя его до новѣйшихъ временъ. 1-я и 2-я части этого сочиненія заключаютъ въ себѣ военную исторію древнихъ временъ.

13) Larauza: Histoire critique du passage des Alpes par Annibal, 1826.

14) Zander: Der Heereszug Hannibals über die Alpen, 1828.

15) Baron Félix de Beaujour: De l'expédition d'Annibal en Italie, 1832, и

16) Reichard: Geographische Nachweisungen der Kriegsvorfälle Caesars und seiner Truppen in Gallien, nebst Hannibals Zug über die Alpen, 1852, — всѣ эти четыре сочиненія, особенно 1-е (Larauza) и 2-е (Zander), составляютъ весьма хорошія и полезныя пособія для изученія похода Аннибала въ Италію, а 4-е (Reichard), сверхъ того — и походовъ Юлія Цезаря въ Галліи.

17) Napoléon I: Précis des guerres de César, écrit par Marchand, à l'isle de S-te Hélène, sous la dictée de l'Empereur, publié en 1836; чрезвычайно любопытный и замѣчательный критическій разборъ войнъ величайшаго полководца древнихъ временъ, сдѣланный величайшимъ же полководцемъ временъ новѣйшихъ, и потому — одно изъ главныхъ пособій для изученія войнъ Цезаря.

18) Lossau (Preussischer General-Lieutenant): Ideale der Kriegführung, in einer Analyse der Thaten der grössten Feldherrn (т. е. 7-ми поименованныхъ Наполеономъ I, см. выше), 1836; превосходный критическій разборъ военныхъ дѣйствій ихъ, преимущественно съ точки зрѣнія высшихъ военныхъ соображеній, о которыхъ авторъ говоритъ въ предисловіи къ этому сочиненію (см. выше), и въ этомъ отношеніи сочиненіе Lossau есть чрезвычайно полезное и необходимое пособіе для изученія войнъ и походовъ 7-ми полководцевъ исторіи, названныхъ Наполеономъ I.

19) Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sauvan, 7 volumes et un supplément, 1838—62, — заключаетъ въ себѣ двѣ статьи о тактикѣ грековъ и римлянъ, весьма обстоятельно и хорошо составленныя, и въ первыхъ 3-хъ частяхъ — лучшіе переводы Фукидида, Ксенофонта, Арріана, Полибія, Юлія Цезаря, Вегеція, Оносандра, императора Льва Философа, Фронтинна и Поліена, съ примѣчаніями на сочиненія двухъ послѣднихъ и съ прибавленіемъ извлеченій изъ Фёкіера, Фолара, Санта-Круса, Жоли де-Мезерé, Сессака, Каріонъ-Низà, Жомини и др. о стратагемахъ и хитростяхъ военныхъ, — весьма хорошее пособіе для изученія тактики и вообще военного быта и искусства у грековъ и римлянъ, и военной исторіи древнихъ временъ, изъ чтенія лучшихъ древнихъ историковъ въ вѣрныхъ переводахъ. Изданіе это переведено, но не вполнѣ, на русскій языкъ, подъ редакціей извѣстныхъ нашихъ:

орієнталиста О. И. Сенковскаго и знатока военной исторіи и военныхъ наукъ, генераль-лейтенанта барона Н. В. Медема, 3 тома въ 1838 году и 3 тома въ 1839 (см. выше).

20) Hardegg: Vorlesungen über Kriegsgeschichte, 3 Bände, 1852—56.

21) Militärisches Altes und Neues, Berlin, 1853.

22) Desjardins: Alesia (7-me campagne de J. César), 1859,

23) Fallue: Conquête des Gaules, analyse raisonnée des commentaires de J. César, 1862,

24) Saulcy: Les campagnes de J. César dans les Gaules, 1862, — и

25) Dévélay: Commentaires de J. César, campagne d'Espagne, 1863, — четыре сочиненія французскихъ писателей о походахъ Юлія Цезаря, три въ Галліи и одно въ Испаніи, свидѣтельствующія, что во Франціи, даже въ ближайшія къ намъ времена, все еще занимались разборомъ походовъ Юлія Цезаря и преимущественно въ Галліи; впрочемъ эти четыре новѣйшія сочиненія могутъ служить пособіемъ для изученія походовъ Юлія Цезаря, такъ какъ и слѣдующее:

26) Napoléon III: Histoire de Jules César, 1864—65, — полезное тѣмъ, что составлено на основаніи совокупности всѣхъ древнихъ источниковъ, начиная съ комментаріевъ Цезаря, и новѣйшихъ историческихъ пособій, — но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, составлено, кажется, съ предвзятою мыслию—возвеличенія, въ лицѣ древняго Цезаря—родоначальника римскихъ Цезарей, новѣйшаго — родоначальника Наполеонидовъ, имѣвшаго много сходства съ первымъ — словомъ, что это сочиненіе имѣетъ цѣль болѣе политическую, нежели военную.

Весьма полезными пособіями для изученія военной исторіи могутъ служить также новѣйшихъ временъ біографіи или жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ и военныхъ людей древности, монографіи по разнымъ предметамъ, касающимся военной исто-

ріи древнихъ временъ, и наконецъ разнаго рода словари, таблицы и атласы картъ и плановъ.

Въ біографіяхъ и особенно въ автобіографіяхъ, писанныхъ самими дѣятелями о себѣ (если только онѣ составлены достоверно-правдиво) нерѣдко можно найти такія свѣдѣнія или подробности, которыхъ мы тщетно стали бы искать въ военно-историческихъ сочиненіяхъ, но которыя, между тѣмъ, часто представляютъ весьма важныя данныя для разъясненія, пополненія и болѣе вѣрнаго уразумѣнія нѣкоторыхъ фактовъ военной исторіи. Біографіи бываютъ или сборныя (коллективныя), содержащія жизнеописанія многихъ или нѣсколькихъ лицъ, и частныя или единичныя — одного извѣстнаго лица. Послѣднія, по своей подробности, болѣе полезны, нежели первыя.

Изъ числа первыхъ, можно указать: von Massenbach: Rück-erinnerungen an grosse Männer, 1809; — Lindau: Heldengemälde aus der Vorzeit, 1817; — подобнаго же рода содержанія сочиненіе Вильм-сена (Wilmsen): Der Mensch im Kriege, oder Heldenmuth und Geistesgrösse, in Kriegsgeschichten aus älterer und neuerer Zeit, 1820; — Biographie universelle, antique et moderne, 54 volumes, 1829, и особенно означенное выше сочиненіе Lossau: Ideale der Kriegführung etc., содержащее и краткія жизнеописанія 7-ми военныхъ полководцевъ исторіи, названныхъ Наполеономъ I.

А изъ числа вторыхъ, на разныхъ языкахъ: Александра В. (особенно Droysen, 1855), — Аннибала (особенно Fr. W. von Bernewitz), — Юлія Цезаря (особенно Beauchamp, De Bury, Meissner и Haken), — Эпаминонда (Séran de la Tour и Meissner), — Аннибала и Сципіона (Séran de la Tour), — Камилла, Агриколы, цезаря Германика и др.

Изъ числа монографій можно указать: Kleist (1769), Brose (1771) и Lambertye (1824) объ употребленіи войскъ въ мирное время, какъ вдревлѣ у римлянъ, на общепользныя работы, — Bergier о римскихъ государственныхъ и военныхъ дорогахъ (см. выше) и нѣкоторыя другія сочиненія о военныхъ древностяхъ, означенныя выше, — Wagner: Denkwürdigkeiten aus der Kriegskunst und der Kriegsgeschichte, 1827, и многія, раз-

наго рода статьи въ военныхъ журналахъ, на разныхъ языкахъ, съ конца XVIII вѣка до нашихъ временъ.

И наконецъ изъ числа словарей, таблицъ и атласовъ: von der Gröben: Kriegsbibliothek, oder gesammelte Beiträge zur Kriegswissenschaft, 10 Bände, 1755—72, и Fortsetzung, 10 Bände, 1772—80, содержитъ много полезныхъ статей; — Baron de Zurlauben: Bibliothèque militaire, historique et politique, 3 vol. 1760; — Dictionnaire historique des sièges et batailles mémorables de l'histoire ancienne et moderne, ou anecdotes militaires de tous les peuples du monde, 3 vol. 1771; — Blair (на англійскомъ языкѣ): хронологическія таблицы, въ переводахъ: Chantreau 1795 на франц. и князя Ивана Голицына 1808 на русскій языкъ; — Biographie universelle, ancienne et moderne, par une société de gens de lettres et de savants, 64 vol. 1811—28; — Jekel: Die Schlachten der Alten etc. 1811 (см. выше); — Buret de Longchamps: Les fastes universels, ou tableaux historiques, chronologiques et géographiques, 1822; — Kausler: Wörterbuch der Schlachten, Treffen und Belagerungen, съ атласомъ, и Synchronistische Tabellen etc., 1825—30 (см. выше); — Année et Vivien: Chronologie historique et géographique, 1827; — Liskenne et Sauvay: Bibliothèque historique, et militaire etc. 1838—62 (см. выше); — Hoyer: Literatur der Kriegswissenschaften und Kriegsgeschichte, во 2-й части Handbibliothek für Offiziere etc. 1832 (см. выше), весьма полезное пособіе для изученія литературы военной исторіи древнихъ временъ; — von der Lühе: Militär-Conversations-Lexicon 1834—35 и на русскомъ языкѣ: Военный энциклопедическій лексиконъ, изд. 1-е 1837—52 подъ редакціей генералъ-лейтенанта барона Зедделера и изд. 2-е 1854—58 подъ редакціей генералъ-лейтенанта Богдановича, весьма хорошее и необходимое пособіе; — Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände (Conversations-Lexikon), 12 Bände, имѣвшій множество изданій съ 1820-хъ годовъ; весьма полезное и необходимое пособіе, — и другія многія подобныя изданія на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на русскомъ: Энциклопедическій словарь (изданіе Плюшара), къ сожалѣнію

недоконченный, 16 томовъ отъ А до Діон., 1835—39; въ немъ, какъ и въ военномъ энциклопедическомъ лексиконѣ, находятся многія, весьма хорошо составленныя статьи по военной исторіи древнихъ временъ; — *Encyclopédie méthodique*, 419 vol. (въ томъ числѣ 1 — *Art militaire* и 1 — *Histoire militaire*); — *Bardin: Dictionnaire de l'armée de terre ou recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes*, 17 vol. 1841, весьма хорошій словарь; — *Oettinger: Bibliographie biographique universelle*, 2 vol. 1854; *Hausen: Allgemeine Militär-Encyclopädie*, 4 Bände, 1857; — *Rüstow: Militärisches Handwörterbuch*, 2 Bände, 1858; — *Chesnel: Dictionnaire des armées de terre et de mer, encyclopédie militaire et maritime*, 1 vol. 1862—64; — *Saint-Paul: Pläne der merkwürdigsten Schlachten*; — *Rottenburg: Carte générale de toutes les batailles, sièges et combats en Europe, depuis l'an 113 avant J. C. jusqu'à 1832*, 5 feuilles, и пр.

Послѣ военно-историческихъ пособій для изученія военной исторіи древнихъ временъ, остается указать обще-историческія, весьма полезныя и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже необходимыя для полноты этого изученія, въ связи съ политическою исторіей.

Изъ числа этихъ пособій, по исторіи древнихъ временъ вообще слѣдуетъ указать:

1) Всеобщую исторію міра, изданную въ Англіи, на англійскомъ языкѣ, обществомъ ученыхъ; нѣмецкій переводъ оной, съ примѣчаніями — *Баумгартена*, 1746; — первыя 18 частей содержатъ въ себѣ исторію древнихъ временъ; — классическое сочиненіе.

2) *Guthrie, Gray etc.* всеобщая исторія міра, на англійскомъ языкѣ, съ хронологическимъ послѣдованіемъ эпохъ. — Части I—IV содержатъ въ себѣ исторію древнихъ временъ (переведены на нѣмецкій языкъ *Неупе* 1766); весьма уважаемое и полезное сочиненіе.

3) Rollin: L'histoire ancienne des Egyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Mèdes, des Perses, des Macédoniens, des Grecs; новѣйшее изданіе 1824 г., пересмотрѣнное Letronne; — это сочиненіе и нынѣ еще пользуется заслуженною извѣстностью.

4) Bossuet: Discours sur l'histoire universelle, 3 vol. 1680 и многія изданія послѣ того; — во Франціи считается классическимъ.

5) Abbé Millot: Eléments de l'histoire générale, 1772; — первыя двѣ части содержатъ въ себѣ исторію древнихъ временъ.

6) Hübler: Всеобщая исторія народовъ древности, отъ начала государствъ до конца римской республики, 1798—1802, и продолженіе: Исторія римлянъ при императорахъ и другихъ народовъ до великаго переселенія, 1803 (на нѣмецкомъ языкѣ), сочиненіе весьма полезное, вслѣдствіе того, что для составленія его послужили всѣ современныя пособія.

7) Luden: Allgemeine Geschichte der Völker und Staaten, 1814 и позже, — и

8) Dresch: Всеобщая политическая исторія (на нѣмецк. яз.), 1815.—1-я части каждаго изъ этихъ двухъ сочиненій содержатъ въ себѣ исторію древнихъ временъ и новыя воззрѣнія на нее; — весьма уважаемыя сочиненія.

9) Heeren: Handbuch der Geschichte des Alterthums, 1810, и Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der Völker des Alterthums, 1815—23, — превосходныя сочиненія, пользующіяся заслуженною извѣстностью; — первое и особенно второе могутъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для изученія военной исторіи древнихъ временъ, въ томъ числѣ самыхъ отдаленныхъ, такъ какъ во второмъ содержатся ученныя изслѣдованія, между прочимъ, о военномъ устройствѣ и военныхъ учрежденіяхъ персовъ, египтянъ и карфагенянъ. Переведены на французскій языкъ: первое — бельгійскимъ профессоромъ Вагон, 1834, а второе — Suckau, Paris, 1830—32.

10) Кромѣ того Гаттерера (1792), Бека (1798), Бредова (1799), Ремера (1802) и новѣйшія Шлоссера, Вебера, Беккера, Вернике и др. сочиненія о всемірной или

всеобщей исторіи, — и Шрадера, Бергера и особенно Гюблера хронологическія таблицы всеобщей исторіи.

11) Лоренца: Руководство къ всеобщей исторіи (на русскомъ языкѣ), 6 томовъ, 1841—46; томъ I и тома II-го отдѣленіе 1-е заключаютъ въ себѣ исторію древнихъ временъ; — весьма хорошее сочиненіе и полезное пособіе для военной исторіи тѣхъ же временъ.

По исторіи древнихъ азійскихъ народовъ и государствъ: Volney Recherches nouvelles sur l'histoire ancienne, весьма основательныя и важныя, особенно въ отношеніи къ повѣркѣ хронологіи Геродота; — о персахъ Brissonius De regno Persarum, 1591, и Heeren Ideen etc. (см. выше).

По исторіи древнихъ африканскихъ народовъ и государствъ: Kircher (1670), De Pauw (1772), Marsham, Gatterer, Champollion le jeune (1804), Creutzler (1810), Depon (французской ученой экспедиціи 1798—99 гг. въ Египтѣ) и мн. др., особенно Heeren Ideen etc. — о географіи, исторіи и древностяхъ Египта; — о карфагенянахъ — Hendrich: De republica Carthaniensum (1664), исторія карфагенской республики (на нѣмецк. яз. 1781), почти исключительно исторія войнъ, — и Heeren Ideen etc.

По исторіи грековъ: съ наибольшимъ и лучшимъ успѣхомъ ее разработали англичане, именно: William Mittford: The history of Greece, 1784, John Gillies: The history of ancient Greece, 1786, Goldsmith, 1792, — первыя два сочиненія стоятъ выше третьяго, — и Guthrie, Gray etc. (см. выше) 2-я и 3-я части, затѣмъ De Pauw: Recherches sur les Grecs, 1781; — Gronovii: Thesaurus antiquitatum etc. (см. выше); — Barthélemy: Voyage du jeune Anacharsis en Grèce (между 362 и 338 гг. передъ Р. Х.), — Heeren всеобщая исторія и Ideen; и на русскомъ языкѣ: К. И. Арсеньева: Исторія народовъ и республикъ древней Греціи, 2 т. 1825, — Михаила Куторги: Исторія аѳинской республики, 1848, и персидскія войны, 1858, и Ведрова: Походъ аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ, 1857.

По исторіи македонянъ: Guthrie, Gray etc. и Hübler; — Olivier: Histoire de Philippe, roi de Macédoine, 1740, — De Bury: Histoire de Philippe et d'Alexandre le Grand, 1760, — Leland: The history of the life and reign of Philip, king of Macedonia, 1761; — S-te Croix: Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le Grand, 1804 (см. выше); — объ исторіи преемниковъ Александра В. — Mannert, 1787, отличается ученостью и критикой; — объ исторіи Селевкидовъ и Сиріи — Guthrie, Gray, etc., Vaillant и Froelich; — объ исторіи Египта при Птолемѣяхъ — Vaillant, Champollion-Figeac и Letronne; — объ исторіи Греціи со времени Александра В. до покоренія ея римлянами — John Gast, на англ. яз., 1782; — объ исторіи меньшихъ государствъ, образовавшихся изъ монархіи Александра В. — Vaillant: Les Achéménides et Arsacides, 1725; — Richter: о династіяхъ Арзакидовъ и Сассанидовъ, 1804; — Sèvin: Recherches sur les rois de Pergame et de Bithynie, — Champollion-Figeac: Annales des Lagides, 1819; — объ исторіи Митридата VI Великаго, царя понтійскаго — De Brosses и Woltersdorf, 1812; — объ исторіи бактрійскаго царства — Bayer, 1738; — объ исторіи іудейскаго царства со времени Маккавеевъ — Basnage 1716, Prideaux 1722, Remond 1789, Bauer 1800, Michaëlis и др.

По исторіи римлянъ: она была разработана отдѣльно весьма многими писателями, особенно: всеобщая — Rollin (до 89 г. передъ Р. Х.) и Crévier (продолженіе и окончаніе) 1749; — Fergusson: The history of the progress and termination of the Roman republic, 1783, — считается однимъ изъ лучшихъ, переведено на разные языки; — Vertot: Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement de la république romaine, 1796; — Lévêque: Histoire critique de la république romaine; — Niebuhr: Römische Geschichte (до 337 г. передъ Р. Х.), 1811—12, — превосходное сочиненіе, болѣе критическое, нежели историческое: авторъ старается опровергнуть все принятое до него; тѣмъ не менѣе сочиненіе его содержитъ многія глубокія изслѣдованія; — Wegner: Римъ, начало, распространеніе и паденіе всемірной мо-

нархii римлянъ (на нѣмецк. яз.); русскій переводъ Евстафьева, 1865; — Michelet: Histoire romaine, 1831; — Mommsen: Römische Geschichte, 3 B. 3-te Auflage 1856; — Amédée Thierry: Tableau de l'empire romain, depuis la fondation de Rome jusqu'à la fin du gouvernement impérial en occident, 1862; — на русскомъ языкѣ Лоренца: Руководство къ всеобщей исторiи, ч. 1-я и 2-я. — Особенно о періодѣ пуническихъ войнъ до гракховъ и начала междуусобiй — Montesquieu: Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains, 1734; — превосходное, классическое сочиненіе, необходимое для основательнаго изслѣдованiя и изученiя общей и военной исторiи этого періода; — отъ начала междуусобiй до Августа — Vertot 1796 (см. выше); — Hegewisch, 1801 и Heeren, 1803 — о смутахъ гракховъ; — и отъ Августа до паденiя западной римской имперiи — Crévier, 1749, докончившій исторiю Rollin (см. выше); — Goldsmith, 1774, Hübler, 1803 и особенно Gibbon: The history of decline and fall of the Roman empire, 13 vol. 1787, — первостепенное сочиненіе въ отношенiи объема и достоинства; переводъ его на французскій языкъ — Guizot 1824; — Le Beau: Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand, съ продолженiемъ Ameilhon и съ дополненiями St-Martin, 20 частей, 1824, — капитальное, весьма хорошее и полезное сочиненіе; — Simonde de Sismondi: Histoire de la chute de l'empire romain et du déclin de la civilisation, de l'an 250 à l'an 1000, 2 vol. 1832; — Amédée Thierry: Tableau de l'empire romain, 1862 (см. выше); — по особеннымъ періодамъ или царствованiямъ отъ Августа до 476 г. — Fléchier: Histoire de Théodose le Grand, 1680; — de Beaufort: Histoire de César Germanicus, 1741; — Gauthier de Sibert: жизнеописанiя и исторiя Тита и Марка Аврелiя, 1769; — de Varenne (бернардинскаго монаха): Histoire de Constantin le Grand, 1774; — Müller: De genio saeculi Theodosiani, 1798; — Manso: о тридцати тираннахъ при Галленѣ, — и жизнь Константина Великаго (на нѣмецк. языкѣ); — Neander: объ императорѣ Юліанѣ (на нѣмецк. яз.), 1812; — Dumont: Précis de l'histoire des em-

pereurs romains et de l'église pendant les quatre premiers siècles, 1832.

Общее сравнительное обозрѣніе указанныхъ выше: источниковъ военной исторіи древнихъ временъ и новѣйшихъ историческихъ пособій для изслѣдованія и изученія ея, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Литтература военной исторіи древнихъ временъ имѣетъ совершенно различный характеръ въ древнія, новыя и новѣйшія времена (въ среднія, какъ сказано, ни общей, ни военной исторіи не было). Въ древнія времена исторія была, по содержанію, общею, т. е. и политическою, и военною вмѣстѣ, но по времени и народамъ—спеціальною или частною, ибо изображала политическія и военныя событія только извѣстныхъ эпохъ или періодовъ времени и народовъ; всеобщей же исторіи всѣхъ временъ и народовъ древности — не было. Даже единственная всеобщая исторія Діодора доходитъ только до войны Юлія Цезаря въ Галліи. Такимъ образомъ, для изслѣдованія или изученія всей вообще военной исторіи древнихъ временъ, по древнимъ, подлиннымъ источникамъ ея, необходимо, по каждому періоду и народу, обращаться къ каждому же источнику особю, повѣрять и дополнять однимъ другой, сводить ихъ и дѣлать изъ того общіе выводы. Трудъ немаловажный, тѣмъ болѣе, что каждый изъ древнихъ историковъ и военныхъ писателей имѣетъ свой особенный характеръ во взглядѣ и изложеніи, и для лучшаго уразумѣнія ихъ необходимо изучать ихъ въ подлинникахъ, на тѣхъ языкахъ (греческомъ и латинскомъ), на которыхъ творенія ихъ писаны. Нынѣ, конечно, трудъ этотъ значительно облегчается лучшими, вѣрнѣйшими переводами ихъ сочиненій на новѣйшіе языки и особенно комментаріями на эти сочиненія, съ критическими: разборомъ и поясненіями ихъ и примѣчаніями къ нимъ. Но и затѣмъ трудъ всеобщаго обозрѣнія, изслѣдованія и изученія военной исторіи древнихъ временъ все таки былъ бы еще весьма значительнымъ, еслибы не былъ еще болѣе облегченъ въ новѣйшія времена

(съ XVIII вѣка) превосходною научною разработкою всеобщей политической исторіи древнихъ временъ, преимущественно трудами англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Въ этой всеобщей политической исторіи всѣхъ временъ и народовъ заключаются также и общія свѣдѣнія о войнахъ и различныхъ военныхъ событіяхъ, на сколько это согласно съ предметомъ и цѣлію подобнаго рода исторіи. Собственно же военная исторія, спеціально занимающаяся изложеніемъ войнъ и военныхъ событій, хотя и получила свое начало, какъ было объяснено выше, въ одно время съ политическою исторіею, но въ смыслѣ науки, какъ мы ее понимаемъ нынѣ, образовалась лишь въ ближайшія къ намъ времена съ 1815 года, когда политическая исторія уже достигла значительнаго развитія и имѣла свою богатую литтературу. И хотя съ 1815 года и военно-историческая наука также сдѣлала большіе успѣхи, однако и теперь еще имѣетъ, подобно исторіи въ древнія времена, характеръ исторіи спеціальной или частной, изображая лишь войны и военныя событія извѣстныхъ эпохъ или періодовъ времени и народовъ; всеобщей же военной исторіи древнихъ, или среднихъ, или новыхъ, или новѣйшихъ, или всѣхъ временъ — еще не имѣется. Только одно сочиненіе Кауслера имѣетъ предметомъ всеобщую военную исторію всѣхъ временъ и народовъ, но и то къ сожалѣнію не dokonчено, будучи доведено только до XV вѣка. Между тѣмъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ исторію военнаго искусства, довольно много и болѣе или менѣе полныхъ и удовлетворительныхъ. Какія всему этому причины? — вопросъ, который здѣсь не мѣсто изслѣдовать; достаточно только указать на этотъ существующій фактъ и выразить сожалѣніе, что новѣйшая военно-историческая литтература, при всемъ своемъ богатствѣ и разнообразіи, еще не имѣетъ всеобщей военной исторіи, подобной всеобщей политической. Необходимость и польза первой не могутъ, кажется, быть подвержены сомнѣнію. Только изъ общаго изслѣдованія военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ можно, путемъ историческимъ, получить надлежащее понятіе объ общемъ ходѣ и развитіи исторіи войны и военнаго иску-

ства во всемъ его объемѣ и почерпнуть поучительные уроки этого искусства въ высшемъ его значеніи, т. е. искусства побѣждать не въ одномъ бою или средствами тактическими, но совокупностью всѣхъ военныхъ средствъ, которыми война достигаетъ цѣлей, указываемыхъ ей политикой. Только этимъ путемъ можно извлекать изъ военной исторіи тѣ коренные, основные законы искусства веденія войны, которые во всѣ времена безразлично были всегда одни и тѣже, не смотря на различія въ вооруженіи войскъ, ихъ строевъ, образъ дѣйствій въ бою, внутреннихъ устройствъ и управленіи и т. п. Наконецъ, только этимъ путемъ можно достигнуть убѣжденія въ тѣсной связи исторіи войны и военного искусства съ исторіей гражданскихъ обществъ и особенно ихъ цивилизаціи: ибо военное искусство всегда шло вровень съ нею и вмѣстѣ съ нею росло, возвышалось и упадало.

Въ новыя времена, съ возрожденія наукъ въ XV и XVI столѣтіяхъ даже до конца XVIII вѣка, литература военной исторіи древнихъ временъ имѣла также характеръ спеціальпый или частный и притомъ односторонній. Новая военно-историческая наука занималась вообще изслѣдованіемъ войнъ и военныхъ событій лишь извѣстныхъ эпохъ или періодовъ времени и народовъ, преимущественно древнихъ и изъ нихъ особенно грековъ и римлянъ. Но и въ этомъ изслѣдованіи она обращала вниманіе, не на все военное искусство вообще и не на всѣ различныя отрасли его (особливо искусство веденія войны) въ частности, но преимущественно на тактику и поліорцетику (сраженія и осады, *batailles et sièges, Schlachten und Belagerungen* — таковы заглавія и содержаніе большей части военно-историческихъ сочиненій XVI—XVIII вѣковъ), какъ будто все военное искусство древнихъ временъ въ одномъ этомъ и заключалось! Такія, крайне узкія спеціальность, односторонность и мелочной педантизмъ въ разработкѣ военной исторіи древнихъ временъ имѣли очень мало прямой практической пользы, а вреда принесли очень много, породивъ извѣстный, крайне ложный методизмъ, преобладавшій съ конца XVII вѣка даже до самаго начала XIX-го, и замедливъ

тѣмъ ходъ и развитіе военно-исторической науки, слѣдовательно имѣли вредное вліяніе и на практику, и на теорію или науку. Тяжкіе удары, нанесенные методизму, и великіе уроки, преподаанные методикамъ такимъ великимъ полководцемъ, какъ Фридрихъ В., и даже многими второстепенными, но искусными полководцами, стоявшими выше своего времени, не въ состояніи были отрезвить ни практиковъ, ни теоретиковъ отъ ихъ методизма и дать другое направленіе военно-исторической наукѣ и литтературѣ. Совершенный переворотъ въ этомъ произвели лишь войны, произведенныя 1-ю французскою революціею, и особенно дѣйствія величайшаго полководца новѣйшихъ временъ, Наполеона I. Пржнему методизму, основанному на пристрастномъ, одностороннемъ изслѣдованіи и изученіи классической военной древности, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, и съ 1815 года военно-историческія: наука и литтература получили новое движеніе по болѣе вѣрному направленію. Зрѣлѣе, многостороннѣе и практически полезнѣе прежняго стали военные писатели заниматься научною разработкою всего, накопившагося дотолѣ матеріала, результата военнаго опыта всѣхъ временъ и народовъ, особенно военныхъ соображеній и дѣйствій великихъ и величайшихъ полководцевъ древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ. И однако, несмотря на всѣ успѣхи, сдѣланные болѣе, нежели въ полвѣка съ 1815 года, наука и литтература военной исторіи древнихъ временъ все еще не вышли изъ предѣловъ спеціальности, о которой говорено выше, и не создали еще всеобщей военной исторіи, недостатокъ которой въ настоящее время весьма ощутителенъ.

Въ заключеніе этого обзора приведемъ еще нѣкоторые числовые и иные выводы изъ него, не лишенные занимательности.

Изъ числа новѣйшихъ историческихъ пособій для изслѣдованія и изученія военной исторіи древнихъ временъ, военно-историческія были раздѣлены выше на относящіяся или къ исторіи военнаго искусства, или собственно къ военной исторіи. Изъ общаго числа 141 указанныхъ сочиненій того и другаго рода, 45 заключаютъ въ себѣ переводы классиковъ съ комментаріями, или комментаріи на комментаріи, или ученые трактаты о военныхъ

древностяхъ, преимущественно греческихъ и римскихъ и т. п., — 9 посвящены исключительно греческимъ и римскимъ военнымъ древностямъ, — 20 имѣютъ предметомъ собственно исторію военного искусства въ древнія или во всѣ времена, 14 — военные біографіи, 5 — составляютъ монографіи по разнымъ предметамъ, и 21 — относятся къ разряду словарей, таблицъ, атласовъ и т. п., что составляетъ всего 114 сочиненій разнаго рода. За исключеніемъ ихъ изъ общаго числа 141, на долю собственно военной исторіи (и то еще большею частію описанія сраженій и осадъ) остается всего только — 27 сочиненій! Цифра очень скромная и краснорѣчивая, свидѣтельствующая о бѣдности новой и новѣйшей литтературы военной исторіи древнихъ временъ и мирящая съ собою только тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ такія сочиненія, какъ Водонкура, Цандера и друг. объ Аннибалѣ, особенно же Наполеона I — о Юліѣ Цезарѣ, Лоссау — о 7-ми великихъ полководцахъ, названныхъ Наполеономъ I, Кауслера — о всеобщей военной исторіи до XV вѣка, и по обилію источниковъ и пособій, послужившихъ къ составленію его — Наполеона III жизнеописаніе Юлія Цезаря.

Въ отношеніи къ участию писателей различныхъ народностей въ разработкѣ военной исторіи древнихъ временъ, изъ приведеннаго выше указанія сочиненій усмотрѣть можно, что наибольшая доля этого участія принадлежитъ, до конца XVIII вѣка — французскимъ писателямъ, а въ XIX вѣкѣ — нѣмецкимъ и изъ нихъ особенно прусскимъ. Участіе англійскихъ писателей гораздо значительнѣе въ отношеніи къ всеобщей и спеціальной политической исторіи древнихъ временъ, а другихъ затѣмъ европейскихъ народностей — большее или меньшее въ отношеніи къ военной, — наименьшее же, къ сожалѣнію должно сказать, нашихъ русскихъ писателей. Въ XVIII вѣкѣ и даже въ первыя 30—35 лѣтъ XIX вѣка участіе ихъ въ трудахъ по военной исторіи древнихъ временъ (если не считать нѣсколько плохихъ переводовъ и нѣсколько статей въ военныхъ и друг. журналахъ), было, можно сказать, ничтожное. Только съ конца 1830-хъ годовъ начала у насъ оживляться и развиваться въ научной формѣ военная литтература во-

обще и военно-историческая въ частности. И этимъ онѣ безспорно были обязаны Императорской военной академіи, учрежденной въ 1832 году, а въ 1855 переименованной въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ 40 лѣтъ существованія своего, она съ честію и пользою исполнила, между прочимъ, одну изъ двухъ главныхъ цѣлей своего учрежденія — распространеніе военныхъ знаній въ арміи. За всѣмъ тѣмъ, мы все таки внесли еще очень мало своихъ трудовъ собственно въ литтературу военной исторіи древнихъ временъ, а именно—всего только два сочиненія объ исторіи военного искусства, одно—генералъ-лейтенанта барона Зедделера, бывшаго первымъ вице-директоромъ академіи и профессоромъ исторіи военного искусства въ ней, а другое — генералъ-лейтенанта Богдановича, получившаго образованіе въ академіи, въ самомъ началѣ ея учрежденія, и долго бывшаго потомъ профессоромъ военной исторіи и стратегіи въ ней,—и военный энциклопедическій лексиконъ, изданный подъ редакціей, въ 1-й разъ—барона Зедделера, а во 2-й—генералъ-лейтенанта Богдановича, и въ которомъ, равно какъ и въ издаваемомъ въ то же время книгопродавцемъ Плюшаромъ, энциклопедическомъ лексиконѣ, помѣщены многія, весьма хорошія статьи по исторіи военного искусства и военной исторіи древнихъ временъ (большею частію барона Зедделера, профессоровъ военной академіи и офицеровъ генеральнаго штаба, получившихъ въ ней образованіе). Но какъ ни достойны всякаго уваженія означенныя оригинальныя сочиненія и статьи, число ихъ все таки очень ограничено въ сравненіи съ тѣмъ, что произвела новѣйшая иностранная литтература по военной исторіи древнихъ временъ. Остается желать, чтобъ мы и по этой части сдѣлали такіе же успѣхи, какіе совершены по предмету военной исторіи новѣйшихъ временъ.

Настоящій трудъ, нынѣ издаваемый, обязанъ своимъ происхожденіемъ (какъ объяснено въ предисловіи) также бывшей военной академіи, и весьма желательно, чтобы цѣль, съ которою онъ первоначально составлялся, была достигнута, а именно (какъ сказано въ томъ же предисловіи) чтобъ онъ соотвѣтствовалъ по-

требностямъ и пользамъ всѣхъ военныхъ людей въ нашемъ отечествѣ, чтобы могъ служить полезнымъ руководствомъ для изученія военной исторіи древнихъ временъ и, наконецъ, чтобъ изданіемъ его въ свѣтъ сдѣланъ былъ, такъ сказать, первый шагъ къ восполненію того, чего недостаетъ еще въ новѣйшей военной литературѣ и потребность въ чемъ въ настоящее время весьма ощутительна.

ВСЕОБЩАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАЧАЛА ГРЕКО-
ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ (ЗА 500 ЛѢТЪ ДО Р. Х.)

BOEHLER NCTOPH

ALBANY, N.Y.

THE BOEHLER NCTOPH

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДРЕВНИЕ АЗИЯТСКІЕ И АФРИКАНСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА.

§ 1. Начало и постепенное развитіе военнаго устройства гражданскихъ обществъ, военнаго искусства и искусства веденія войны. — § 2. Общая понятія о военномъ устройствѣ, военномъ дѣлѣ и войнахъ древнихъ народовъ Азии и Африки — I. Ассиріяне, Вавилоняне и Мидяне. — § 3. Военное устройство и военныя учрежденія ихъ. — § 4. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ. — § 5. Фортификація и Поліорцетика. — § 6. Войны Ассиріянъ, Вавилонянъ и Мидянъ.

Источники: Св. Писанія книги Ветхаго Завета, Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій, Guischard, Lo-Looz, C-te de S-t Cyr, Chantreaux, Carrion-Nisas, Kausler, Handbibliothek für Offiziere, Rosquancourt, Бар. Зедделера Исторія военнаго искусства, Энциклопедическій Словарь, Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, Rollin Histoire Universelle, Heeren, Лоренцъ, Брутъ и др.

§ 1.

Начало и постепенное развитіе военнаго устройства гражданскихъ обществъ, военнаго искусства и искусства веденія войны.

О началѣ и постепенномъ развитіи войны и съ нею военнаго устройства гражданскихъ обществъ, военнаго искусства вообще и искусства веденія войны въ особенности, во времена предъ-историческія — ничего положительнаго сказать невозможно. — Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что они были тѣсно сопряжены съ началомъ, развитіемъ и успѣхами общежитія, гражданственности и образованности, вполне зависѣли отъ нихъ и сообразовались съ ними, — и что по этому какъ война, такъ и военное устройство граждан-

скихъ обществъ, военное искусство и искусство веденія войны развивались, въ различныхъ странахъ и обстоятельствахъ и у различныхъ народовъ—неодинаковымъ образомъ.— Должно полагать, однакоже, что болѣе или менѣе общимъ видомъ развитія ихъ были нижеслѣдующій:

Во времена первобытныя, когда люди еще не были соединены въ общества, распри человѣка съ человѣкомъ были первоначально рѣшаемы, безъ сомнѣнія, одною тѣлесною силою — въ единоборствѣ. Затѣмъ человѣкъ началъ вооружаться простѣйшими орудіями, какія находилъ вездѣ, подъ рукою, именно — камнями и деревомъ. Каменья онъ бросалъ во врага изъ рукъ издали, а дерево употреблялъ въ ручной схваткѣ въ видѣ палицы. Для обезпеченія же жилища своего отъ нападенія врага, ограждалъ оное грубымъ оплотомъ изъ деревьевъ или каменьевъ.

Здѣсь, въ единоборствѣ двухъ человѣкъ — первое основаніе, первообразъ войны,— въ метаніи каменьевъ и употребленіи дерева въ ручной схваткѣ—начало метательнаго и ручнаго оружія, а въ огражденіи жилищъ оплотами — первые слѣды искусственныхъ укрѣпленій.

Съ соединеніемъ людей въ общества и постепеннымъ развитіемъ общежитія, гражданственности и образованности, начали мало по малу возникать различныя воинскія учрежденія и образоваться военное дѣло. Съ гражданскимъ устройствомъ постепенно развивалось и военное. Первоначально, оно вѣроятно было весьма просто. Всѣ совершеннолѣтніе мужчины шли на войну, для обороны собственныхъ земель или для нападенія на земли своихъ враговъ — соединенными силами, подъ предводительствомъ своихъ родоначальниковъ либо старѣйшихъ и храбрѣйшихъ изъ среды своей. Съ образованіемъ племенныхъ союзовъ и обществъ болѣе многочисленныхъ и сильныхъ, значительно увеличивались и вооруженныя силы ихъ, а власть надъ ними получала болѣе единства, — ибо ввѣрялась на время войны одному избранному, верховному вождю. Позже, въ обыкновенныхъ случаяхъ на войну ходила только извѣстная часть или особенное сословіе народа; — весь же народъ вооружался только въ случаяхъ особенной важности или крайней

опасности. Наконецъ, съ утвержденіемъ единовластія и образованіемъ монархій учреждены были постоянныя войска.

Съ изобрѣтеніемъ полезныхъ ремеслъ и искусствъ совершенствовалось и вооруженіе. Случай повелъ къ изобрѣтенію луковъ, стрѣлъ, пращей, выковки и выдѣлки металловъ, а нужда заставляла обуздывать лошадей. — Металлами сначала оковывали палицы и заостренные колья, и постепенно дошли до выдѣлки кованого оружія, первоначально ручного напавательнаго — сѣкиръ, мечей, копій, — позже и предохранительнаго вооруженія — шлемовъ, латъ, щитовъ. — Лошадей употребляли сначала для перевозки тяжестей и для верховой ѣзды, а это повело къ учрежденію военныхъ колесницъ и конницы. — Съ ходомъ времени какъ метательное, такъ и кованое оружіе, равно колесницы и конница были усовершенствованы, а употребленіе ихъ распространилось. — Ручное оружіе сдѣлалось главнымъ, а метательное — вспомогательнымъ: ибо дѣйствіе перваго было сильнѣе и рѣшительнѣе, нежели дѣйствіе послѣдняго.

Совершенствованіе вооруженія повело за собою и совершенствованіе строя и образа дѣйствій войскъ. — Съ соединеніемъ людей въ общества, бой толпы съ толпою заступилъ мѣсто прежняго единоборства человѣка съ человѣкомъ. — Но обѣ стороны сражались еще вѣроятно нестройными, безпорядочными толпами, и побѣду рѣшало одно превосходство личной храбрости и въ особенности числительной и тѣлесной силы сражавшихся. — Позже, непосредственнымъ слѣдствіемъ усовершенствованія вооруженія было — постепенное введеніе, въ устройствѣ и образѣ дѣйствій войскъ, большаго правильности и порядка, необходимость которыхъ становилась болѣе и болѣе ощутительною. — Воиновъ начали раздѣлять и по роду вооруженія и по назначенію ихъ, конныхъ отдѣляя отъ пѣшихъ, — вооруженныхъ ручнымъ напавательнымъ оружіемъ и тяжелымъ предохранительнымъ вооруженіемъ — отъ легко-вооруженныхъ и дѣйствовавшихъ метательнымъ оружіемъ. — Войска раздѣляли и подраздѣляли на большія и меньшія части, каждую часть подчиняя особому начальнику, младшихъ военачальниковъ — старшимъ, а всѣхъ — од-

ному главному. — Наконецъ, опредѣляли для строя, движеній и дѣйствій различныхъ родовъ войскъ нѣкоторыя, въ началѣ вѣроятно весьма простыя, позже — болѣе усовершенствованныя правила. — Раздѣленіе войскъ по роду вооруженія ихъ на легкія и тяжелыя повело за собою и раздѣленіе строя на разсыпной и сомкнутый. — Ибо легкія войска, вооруженныя метательнымъ оружіемъ, могли свободно дѣйствовать имъ только въ строѣ разсыпномъ; — тяжелыя же, вооруженныя ручнымъ оружіемъ, необходимо должны были дѣйствовать въ строѣ сомкнутомъ, для произведенія сильнѣйшихъ натиска и удара, въ чемъ состояло главное ихъ предназначеніе и заключалась главная ихъ сила.

Съ тѣхъ поръ, не смотря на быстроту, силу и рѣшительность дѣйствій военныхъ колесницъ и конницы, главный родъ войскъ, главную часть вооруженныхъ силъ составляла пѣхота, по причинѣ большей удобности образованія ея, содержанія и употребленія на всякаго рода мѣстности.

Съ постепеннымъ совершенствованіемъ вооруженія, устройства и образа дѣйствій войскъ, мало по малу развивались и совершенствовались также и другія отрасли военного дѣла, между прочимъ фортификація или искусство укрѣплять военные станы и города, и поліорцетика или искусство брать города осадою. Съ переходомъ къ осѣдлости, люди начали обезпечивать постоянныя жилища свои и въ особенности города, отчасти расположеніемъ ихъ въ неприступныхъ или неудободоступныхъ мѣстахъ, на высокихъ скалахъ и горахъ, мысахъ и т. п., отчасти огражденіемъ оныхъ оплотами изъ земляной насыпи со рвомъ, тыномъ, плетнемъ или засѣками впереди, позже и съ деревянными башнями, построенными на валу въ извѣстномъ одна отъ другой разстояніи. Долго жилища человѣческія обезпечивались преимущественно мѣстностію, пока люди не начали съ мѣстными препятствіями соединять искусственныхъ укрѣпленій и, наконецъ, прибѣгать преимущественно къ послѣднимъ, постепенно совершенствуя и усиливая ихъ. Въмѣсто земляныхъ насыпей и деревянныхъ стѣнъ, города, особенно большіе, и столицы начали быть ограждаемы каменными, высокими и толстыми стѣнами, съ каменными

же, круглыми или четверугольными башнями и широкимъ, глубокимъ ровомъ впереди. Съ ходомъ времени постепенно увеличивали вышину и толщину стѣнъ, располагали послѣднія въ нѣсколько рядовъ, а внутри города устраивали особыя внутреннія крѣпости или цитадели, укрѣпленные замки и т. п. Для обстрѣливанія мѣстности впереди стѣнъ, башни устраивали гораздо выше стѣнъ, одна отъ другой вѣроятно на разстояніи полета стрѣлы (около 90 сажень) и преимущественно на исходящихъ углахъ.

Поліорцетика появилась гораздо позже, а развивалась и совершенствовалась медленнѣе, нежели фортификація. Долго города, укрѣпленные каменными стѣнами и башнями, такъ, какъ означено выше, считались неприступными и ими старались овладѣть либо хитростію, либо подкупомъ жителей, либо обложеніемъ оныхъ войсками и укрѣпленіями для того, чтобы голодомъ принудить жителей къ сдачѣ. Съ ходомъ времени начали, однакоже, изобрѣтать и употреблять различныя другія средства для овладѣнія городами, какъ-то: всходы на стѣны съ земляныхъ валовъ, присыпаемыхъ къ городскимъ стѣнамъ, или по лѣстницамъ, подкопы для подземнаго входа въ города или для разрушенія городскихъ стѣнъ, башни для обстрѣливанія внутренности городовъ, метательныя и стѣнобитныя орудія и т. п.

Наконецъ — самая война распространялась въ объемъ и получала бóльшія значеніе и важность, отъ мелкихъ родовыхъ и племенныхъ распрей, заступившихъ мѣсто единоборствъ, отъ частныхъ набѣговъ, малой войны и битвъ отдѣльныхъ племенъ постепенно переходя къ болѣе обширнымъ и важнымъ предпріятіямъ и войнамъ съ цѣлію завоеваній, къ большимъ вторженіямъ, нашествіямъ и общенароднымъ битвамъ. Въ войнѣ началъ уже проявляться важный перевѣсъ силы нравственной надъ грубою силою вещественною. Сторона слабѣйшая, не имѣя возможности отразить силы силою; вѣроятно старалась достигнуть того хитростію, избѣгая боя, ослабляя и утомляя сторону сильнѣйшую малою войною и частными нападеніями, при пособіи мѣстности и естественныхъ препятствій, либо обороною въ городахъ, при пособіи искусственныхъ укрѣпленій. Тогда и сторона сильнѣйшая,

не видя возможности одолѣть слабаго, но хитраго противника одною силою, была принуждаема также прибѣгать къ хитрости, чтобы обмануть, заманить или выманить, настигнуть и разбить непріятеля. Въ этомъ-то состязаніи обѣихъ сторонъ въ хитрости и заключались первое начало и первыя основанія искусства веденія войны, а первый поводъ къ тому подала, какъ полагать должно, сторона обороняющаяся, какъ слабѣйшая въ числительномъ или всякомъ другомъ отношеніи.

§ 2.

Общія понятія о военномъ устройствѣ, военномъ дѣлѣ и войнахъ древнихъ народовъ Азіи и Африки.

На Востокъ — тамъ, гдѣ впервые развились общежитіе, гражданственность и образованность, получили свое начало и древнѣйшія въ мірѣ военныя учрежденія, впервые образовалось и военное дѣло. Изслѣдованіе начала и постепеннаго развитія, духа и характера ихъ — предметъ, безъ сомнѣнія, высокой занимательности, но, къ сожалѣнію, весьма трудный, если и не совсѣмъ невозможный. Ибо исторія древнѣйшихъ народовъ и государствъ Азіи и Африки (исключая Евреевъ) основана на темныхъ и баснословныхъ преданіяхъ, дошла до насъ въ однихъ отрывкахъ, не представляетъ ничего достовѣрнаго и еще недостаточно пояснена новѣйшими учеными изысканіями. Основываясь на этихъ данныхъ, невозможно изобразить полной и вѣрной картины историческаго развитія и состоянія военнаго устройства и военнаго дѣла у древнѣйшихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ, и по необходимости должно ограничиться составленіемъ себѣ приблизительнаго понятія какъ о духѣ и характерѣ ихъ вообще, такъ и о нѣкоторыхъ частныхъ особенностяхъ ихъ у главнѣйшихъ изъ этихъ народовъ.

И во-первыхъ, военное устройство и военныя учрежденія древнѣйшихъ народовъ Азіи и Африки представляютъ нѣкоторыя, болѣе или менѣе общія черты, сообщающія имъ свой особенный, от-

личительный характеръ. Главною и основною была та, которая происходила отъ раздѣленія на касты, общаго почти всѣмъ народамъ Азіи и Африки, исключая Евреевъ и Финикійцевъ. Вслѣдствіе раздѣленія на касты, военное званіе и право носить оружіе и заниматься войною составляли исключительное преимущество особыхъ наслѣдственныхъ кастъ или поколѣній (у Индійцевъ, Вавилонянъ, Эѳіоплянъ и Египтянъ), либо благороднѣйшихъ, высшихъ и господствующихъ сословій народныхъ (у Мидянъ и Персовъ), либо, наконецъ, въ государствахъ, основанныхъ завоеваніями (Ассирійскомъ, Вавилонскомъ, Мидійскомъ и Персидскомъ)—самихъ завоевателей. Военныя касты занимали первое либо одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ прочихъ: ибо на востокѣ исконныя занятія войною почитались благороднѣйшимъ, а военное званіе—почетнѣйшимъ. Тщательное военное воспитаніе, которое съ раннихъ лѣтъ получали лица, принадлежавшія къ военнымъ кастамъ, и постоянное занятіе ихъ въ теченіе цѣлой жизни воинскими упражненіями, содѣлывали ихъ особенно способными къ войнѣ и опытными въ военномъ дѣлѣ, и питали въ нихъ воинственный духъ. Наслѣдственность военного званія также значительно способствовала тому, но съ другой стороны была противна постоянному развитію и совершенствованію военного дѣла. Сыновья считали бесполезнымъ и даже невозможнымъ измѣнять и совершенствовать то, чѣмъ руководствовались и что имъ передали отцы ихъ, и хранили эти наслѣдственные навыки и опытность, какъ неприкосновенную святыню. Отъ этого и военныя учрежденія, и военное дѣло, достигнувъ извѣстныхъ предѣловъ, далѣе уже не развивались. Сверхъ того, военныя касты, какъ сословія исключительныя, пользовавшіяся большими преимуществами и имѣвшія въ своихъ рукахъ вооруженную силу, легко могли содѣлываться опасными для государства и нерѣдко благомъ его и пользою общеою жертвовали собственнымъ своимъ видамъ и выгодамъ. Въ другихъ случаяхъ онѣ, по малочисленности своей, были слишкомъ мало-значущи въ общей массѣ народа, либо утрачивали воинственный духъ вслѣдствіе обогащенія, роскоши, изнѣженности и развращенія нравовъ. Народъ же, отстраненный отъ военного званія, чуждый

и даже непріязненный военнымъ сословіямъ, дѣлался невоеннымъ, неспособнымъ къ войнѣ и легко подпадалъ чуждому владычеству.

Военнымъ кастамъ и монархіямъ восточнымъ были обязапы своимъ происхожденіемъ на Востокѣ постоянныя войска и царскіе тѣлохранители. Военныя касты, постоянно вооруженныя и исключительно занимавшіяся войною, составили постоянную вооруженную силу восточныхъ монархій. Содержаніе постоянныхъ войскъ было необходимо, во всѣхъ вообще восточныхъ монархіяхъ — для обезпеченія и усиленія монархической власти, а въ основанныхъ завоеваніями — сверхъ того, для содержанія покоренныхъ странъ и народовъ въ повиновеніи и для защиты ихъ отъ внѣшнихъ враговъ. Царскіе тѣлохранители, составленные изъ знатнѣйшихъ или отборнѣйшихъ лицъ военныхъ кастъ, сами составляли лучшую и надежнѣйшую часть постоянныхъ войскъ восточныхъ монархій.

На Востокѣ равномерно получили свое начало наемныя войска, земскія ополченія и всеобщія поголовныя вооруженія народа.

Первый примѣръ содержанія наемныхъ войскъ подали Финикіянне. Народъ малочисленный и исключительно преданный торговлѣ, для распространенія которой въ тѣ времена необходимы были внѣшнія завоеванія и заведеніе поселеній, Финикіянне прибѣгли къ содержанію чужеземныхъ наемныхъ войскъ, какъ для того, чтобы не уменьшать еще болѣе народонаселенія собственнаго государства, не отвлекать его отъ земледѣлія, промышленности и торговли, и не вредить этимъ источникамъ народнаго благосостоянія, такъ и потому, что при изобиліи денежныхъ средствъ, считали всегда возможнымъ и удобнымъ убывать въ наемныхъ войскахъ пополнять скорымъ наборомъ другихъ наемниковъ. Но одушевленные чувствами преданности къ чуждой имъ странѣ и движимые однимъ корыстолюбіемъ, наемники нерѣдко потрясали государство мятежами и измѣною, а въ случаяхъ неудачи и опасности оказывали постыдное малодушіе. За всѣмъ тѣмъ, примѣру Финикіянъ послѣдовали Египтяне (со временъ Псамметиха или съ на-

чала 7-го вѣка передъ Р. Х.) и Персы (съ конца 5-го вѣка передъ Р. Х.).

Земскія ополченія и всеобщія поголовныя вооруженія народа существовали на Востокѣ всегда и — какъ полагать должно — уже съ древнѣйшихъ временъ. Ибо хотя войною занимались однѣ военныя касты, но въ случаяхъ особенной важности, крайней опасности или общенародныхъ предпріятій, къ оружію призывалась большая или меньшая часть народа либо весь народъ. Сверхъ того, восточные народы-завоеватели искони имѣли обыкновение — увлекать за собою, въ своихъ войнахъ, покоренные ими народы и усиливать себя ими. Всеобщія ополченія, лучшую часть и главную силу которыхъ составляли постоянныя войска или военныя касты господствовавшаго народа, столько же отличались отсутствіемъ всякихъ воинскихъ благоустройствъ, порядка и единодушія, сколько и многочисленностію.

О военномъ дѣлѣ на Востокѣ вообще можно сказать, что оно никогда не достигало значительной степени развитія и совершенства, и въ теченіе многихъ столѣтій оставалось почти въ одномъ и томъ же положеніи. Казалось, Востокъ уже искони осужденъ былъ въ этомъ отношеніи на бездѣйственность и неподвижность, противныя всякому успѣху и одною изъ главныхъ причинъ которыхъ было, какъ объяснено выше, раздѣленіе на касты. Выдѣлка изъ металловъ кованаго оружія, изобрѣтеніе и введеніе въ употребленіе луковъ, стрѣлъ, пращей, военныхъ колесницъ и метательныхъ орудій, первое употребленіе конницы, фортификація, поліорцетика, словомъ — всѣ военныя изобрѣтенія и учрежденія, всѣ отрасли военного дѣла получили свое начало на Востокѣ, но усовершенствованы были на Западѣ, въ Европѣ — у Грековъ и Римлянъ. И по мѣрѣ того, какъ у этихъ двухъ народовъ военное дѣло развивалось и совершенствовалось, — на Востокѣ оно, сравнительно, болѣе и болѣе принимало характеръ несовершенства и даже ничтожности. Тоже самое должно сказать въ частности и объ устройствѣ войскъ. Во взаимномъ отношеніи между собою войскъ различныхъ восточныхъ народовъ, оно могло еще имѣть болѣшую или меньшую степень развитія и совершенства въ цѣломъ или въ нѣкоторыхъ осо-

бенныхъ частяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Египтѣ—странѣ Востока, въ которой образованность была наиболѣе развита уже во времена глубокой древности, вѣроятно и устройство войскъ также было доведено, сравнительно съ состояніемъ его у другихъ современныхъ народовъ Востока, до болѣе высокой степени совершенства. Такъ, у народовъ Средней Азіи конница добротою коней, способностію всадниковъ къ конной службѣ и ловкостію, искусствомъ ихъ въ наѣздахъ, далеко превосходила конницу другихъ народовъ Азіи и Африки. Но сравнительно съ войсками греческими и римскими, войска древнихъ восточныхъ народовъ, говоря вообще, всегда стояли, въ отношеніи къ тактическому и внѣшнему устройству, на весьма низкой степени, хотя въ частности, впрочемъ, конница азіятская и африканская стояла выше и греческой и римской.

Главнымъ отличительнымъ характеромъ войнъ древнихъ восточныхъ народовъ были большія нашествія съ цѣлію завоеваній и, вслѣдствіе того, быстрыя и рѣшительныя дѣйствія въ открытомъ полѣ, — большія народныя битвы, оканчивавшіяся отчасти истребленіемъ, отчасти порабощеніемъ побѣжденныхъ, и рѣшавшія судьбу народовъ и государствъ, — частыя нападенія на города, преимущественно богатые и торговые, и на столицы, и взятіе ихъ хитростію, измѣною и т. п. — и осады продолжительныя, по причинѣ несовершенства искусства поліорцестическаго.

Искусство веденія войны и дѣйствій въ бою заключалось преимущественно въ томъ, чтобы подавить противника числительнымъ превосходствомъ силъ, соединеннымъ съ быстротою и рѣшительностію дѣйствій. Вспомогательными же средствами къ тому служили скрытность и хитрость дѣйствій. По этимъ причинамъ войны восточныхъ народовъ всегда были ведены огромными полчищами, быстро и рѣшительно, и являютъ безпрестанные примѣры военныхъ хитростей, особенно свойственныхъ характеру восточныхъ народовъ. Въ бою все искусство состояло въ томъ, чтобы напасть на противника врасплохъ, охватить его и окружить со всѣхъ сторонъ, съ цѣлію не только нанести ему рѣшительное пораженіе, но и совершенно истребить его.

Будучи свойства быстрого и рѣшительнаго, войны восточныхъ

народовъ продолжались обыкновенно недолго, а сообразно съ понятіями и нравами древнихъ народовъ и съ духомъ времени были ведены съ жестокостію и безчеловѣчіемъ, и въ высочайшей степени сопряжены съ грабежомъ, разореніемъ, разрушеніемъ, кровопролитіемъ и жестокимъ обращеніемъ съ побѣжденными и плѣнными.

Таковы вообще главныя черты и характеръ военнаго устройства и военнаго дѣла древнихъ восточныхъ народовъ. Затѣмъ укажемъ нѣкоторыя частныя особенности ихъ у главнѣйшихъ изъ этихъ народовъ, какъ-то: Ассиріянъ, Вавилонянъ, Мидянъ, Евреевъ, Египтянъ и Персовъ.

I.

Ассиріяне, Вавилоняне и Мидяне.

§ 3.

Военное устройство и военныя учрежденія ихъ.

Военное устройство Ассирійской, Вавилонской и Мидійской монархій было основано на болѣе или менѣе одинаковыхъ началахъ и имѣло болѣе или менѣе одинаковые формы и характеръ. Глава государства — царь, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и верховнымъ предводителемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ его. Подъ нимъ намѣстники его, управлявшіе областями, съ гражданскою властію большею частію соединяли и военную, начальствуя войсками своихъ областей. Военное званіе было, какъ сказано выше, преимуществомъ особыхъ, наслѣдственныхъ военныхъ кастъ, либо господствовавшего народа-завоевателя, и пользовалось большими преимуществами и уваженіемъ. У Мидянъ въ особенности военное сословіе было благороднѣйшимъ, высшимъ и господствующимъ, и ему были открыты пути ко всѣмъ правительственнымъ чинамъ, званіямъ и должностямъ. Лица военныхъ кастъ вообще съ молодыхъ лѣтъ приготавлились къ военному званію общественнымъ военнымъ воспитаніемъ, которое,

посредствомъ гимнастическихъ и воинскихъ упражненій, охоты противъ дикихъ звѣрей и т. п., имѣло цѣлю развивать и укрѣплять тѣлесныя и нравственныя силы военного юношества и содѣлывать его мужественнымъ, храбрымъ, способнымъ къ войнѣ и свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. Военныя касты или сословія составляли постоянныя, въ извѣстной степени правильно устроенныя войска и лучшую часть вооруженныхъ силъ государства. Постоянныя войска состояли: 1) изъ дружинъ царскихъ тѣлохранителей, входившихъ въ составъ военныхъ дворовъ царей; 2) изъ собственныхъ дружинъ царскихъ намѣстниковъ, высшихъ государственныхъ сановниковъ и вельможъ, и 3) изъ войскъ, распределенныхъ по областямъ, въ полѣ и по городамъ, и исправлявшихъ внутреннюю въ государствѣ службу. Земскія или областныя и всеобщія поголовныя ополченія производились вѣроятно на основаніи помѣстнаго права, т. е. землевладѣльцы выставляли извѣстное число вооруженныхъ воиновъ съ опредѣленныхъ: пространства земли или количества доходовъ. Для этого, народонаселеніе дѣлилось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ. Тоже десятичное дѣленіе служило основаніемъ и раздѣленію войскъ. Арміями предводительствовали обыкновенно цари, либо назначаемые ими изъ царскихъ лицъ или высшихъ сановниковъ полководцы, а частями армій — знатнѣйшія лица изъ военного сословія, землевладѣльцы, десятитысячники, тысячники, сотники и т. д. Въ составѣ армій азіатскихъ монархій обыкновенно находились также вспомогательныя дружины кочевыхъ племенъ, за жалованье или въ надеждѣ обогащенія грабежемъ и добычею всегда охотно шедшія за ними на войну и составлявшія отличныя легкія войска.

§ 4.

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

Пѣхота была многочисленнѣе, а конница лучшимъ и главнымъ родомъ войскъ у Ассиріянъ, Вавилонянъ и Мидянъ. На

коняхъ первоначально сражались, вѣроятно, одни цари, знатнѣйшія и богатѣйшія лица, и входившія въ составъ армій кочевыя племена, изъ числа обитавшихъ въ равнинахъ и степяхъ. Введеніе и умноженіе конницы происходило обыкновенно, какъ полагать должно, тогда, когда завоеватели, обогатившись, пріобрѣтали и средства, и охоту сражаться на коняхъ. Затѣмъ конница, сверхъ умноженія числомъ, совершенствовалась также и вооруженіемъ, и добротою коней, и образомъ дѣйствій, и становилась преимущественнымъ родомъ службы лицъ высшаго сословія. При арміяхъ всегда находилось также большое число военныхъ колесницъ, считавшихся весьма дѣйствительнымъ средствомъ для нанесенія непріятелю вреда.

Вооруженіе Ассиріянъ, Вавилонянъ и Мидянъ было общее всѣмъ древнимъ восточнымъ народамъ. Простые и бѣдные воины были вооружены легко, преимущественно метательнымъ оружіемъ: луками, стрѣлами, пращами, и предохранительнаго вооруженія не имѣли. Знатные же и богатые носили полный, тяжелый и роскошный доспѣхъ, шлемъ, броню и щитъ, а изъ оружія преимущественно ручное: копья и полукопья или дротики, сѣкиры, мечи, кинжалы и т. п. Такимъ образомъ легкихъ войскъ, вооруженныхъ метательнымъ оружіемъ, было болѣе, но ручное оружіе и вооруженныя имъ тяжелыя войска были главными.

Сообразно съ вооруженіемъ, легкія войска сражались въ рассыпномъ строѣ, а тяжелыя—въ сомкнутомъ и глубокомъ. Въ общемъ строѣ или боевомъ порядкѣ, арміи, раздѣленныя на десятки, сотни, тысячи и т. д., располагались по племенамъ и народамъ, изъ которыхъ были составлены: въ одну, или нѣсколько линій, съ длиннымъ фронтомъ и выдвинутыми крылами, въ видѣ полукружія или полумѣсяца, дабы легче охватить и окружить непріятеля. Пѣхота становилась въ срединѣ, конница по крыламъ, а военныя колесницы впереди. Тяжелыя: пѣхота и конница строились въ большія сомкнутыя массы (вѣроятно четвероугольныя), имѣвшія иногда до 100 человѣкъ въ глубину. Легкія войска располагались впереди всего войска и открывали бой стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ камней изъ пращей, а по приближеніи

собственныхъ тяжелыхъ войскъ отходили за нихъ сквозь ихъ промежутки и нерѣдко продолжали поверхъ ихъ стрѣлять и метать камни навѣсно. Военныя колесницы были устремляемы на непріятельское войско по протяженію всего его фронта, цѣлою линіею, со всевозможною быстротою, дабы прорвать его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и привести въ разстройство. За ними быстро слѣдовали тяжелыя: пѣхота и конница. Первая, прикрывшись щитами и взявъ копья на руку, проникала въ сдѣланные колесницами проломы, а конница, между тѣмъ, охватывала фланги непріятеля и нападала на него съ тыла. Тогда завязывался рукопашный бой, результатами котораго были: рѣшительная побѣда войска, успѣвавшего охватить и окружить противника, и совершенное почти истребленіе того, которое допускало охватить и окружить себя. Изъ этого слѣдуетъ: во-первыхъ, что, для одержанія побѣды и избѣжанія собственнаго пораженія, главное вниманіе было обращено на то, чтобы въ бою имѣть на своей сторонѣ числительное превосходство силъ и линію фронта, превосходившую длиною линію фронта противника, а въ случаѣ невозможности этого — прикрывать фронтъ и фланги войска военными колесницами, рѣдко мѣстностію, ибо битвы происходили большею частію на открытыхъ равнинахъ, — и во-вторыхъ, что легкія войска и колесницы приуготовляли и облегчали, а тяжелыя — пѣхота и конница — рѣшали побѣду.

Войска вообще двигались въ бой и сражались при звукахъ трубъ и роговъ, а вмѣсто знаменъ имѣли изображенія или изваянія различныхъ звѣрей, животныхъ, птицъ и т. п., носимыя на копьяхъ или длинныхъ древкахъ.

§ 5.

Фортификація и Поліорцетика.

О состояніи фортификаціи и поліорцетики у Ассиріянъ, Вавилонянъ и Мидянъ имѣется весьма мало свѣдѣній, изъ коихъ можно однакоже заключить, что искусство укрѣплять города, по древ-

нимъ восточнымъ понятіямъ и обычаю, было значительно развито у этихъ народовъ. Доказательствомъ тому могутъ служить укрѣпленія Ниневіи и особенно Вавилона и Экбатаны, описаніе которыхъ находимъ у Геродота, Діодора Сицилійскаго и др. Эти обширные города были окружены каменными стѣнами значительной вышины и толщины, и сверхъ того имѣли внутреннія крѣпости или цитадели, и царскіе укрѣпленные замки. Такъ Ниневія была окружена стѣнами вышиною въ 100 футовъ и расположена, подобно Вавилону, четверугольникомъ. Вавилонъ былъ огражденъ двумя стѣнами, изъ коихъ наружная была выложена изъ кирпича и имѣла 200 локтей вышины, 50 локтей толщины и глубокой, широкой, водяной ровъ впереди. На вершинѣ стѣны находились башни въ одинъ ярусъ. Наружная стѣна имѣла 100 мѣдныхъ воротъ. Внутренняя стѣна была немногимъ ниже и тоньше наружной. Евфратъ раздѣлялъ городъ на двѣ части. Отъ наружной и внутренней стѣны проведены были чрезъ внутренность города другія, поперечныя стѣны къ берегамъ Евфрата, которые были равномерно ограждены стѣнами съ мѣдными воротами. Въ срединѣ каждой изъ двухъ частей города находилась внутренняя, особыми стѣнами окруженная крѣпость. Въ одной изъ нихъ находился царскій замокъ, расположенный четверугольникомъ и окруженный высокою и толстою стѣною. Въ другой крѣпости находился главный храмъ, также расположенный четверугольникомъ и имѣвшій по срединѣ обширную и толстую башню о 8-ми ярусахъ. Экбатана была ограждена семью, выложенными изъ кирпича стѣнами, которыя возвышались одна надъ другою уступами вокругъ города, расположеннаго на горѣ и по скатамъ его. Посреди города, на вершинѣ горы, находился царскій замокъ.

Напротивъ, искусство брать города находилось, какъ кажется, въ несовершенствѣ или, по крайней мѣрѣ, было менѣе развито, нежели долговременная фортификація. Должно, однакоже, замѣтить, что сверхъ несовершенства первой и превосходства надъ нею послѣдней, причиною продолжительности осадъ была и упорность обороны со стороны осажденныхъ. Смерть или рабство были обыкновенною участію ихъ, въ случаѣ взятія непріателемъ города, и

потому они всегда оборонялись съ чрезвычайнымъ упорствомъ и держались до послѣдней крайности, изобрѣтая всевозможныя средства для нанесенія осаждавшимъ наибольшаго вреда и для отраженія ихъ.

Въ отношеніи къ полевой фортификаціи извѣстно только, что Ассиріяне имѣли обыкновеніе постоянно и при всякомъ случаѣ ограждать свои станы земляною насыпью со рвомъ. Вообще же полагать должно, что, такъ какъ арміи азіятскихъ монархій и находившіеся при нихъ обозы обыкновенно были весьма многочисленны, то главное искусство при расположеніи ихъ въ станѣ заключалось въ помѣщеніи наибольшаго числа людей, лошадей, повозокъ и проч. въ наименьшемъ пространствѣ, и, слѣдовательно, военные станы азіятскихъ армій были располагаемы преимущественно въ видѣ круга.

§ 6.

Войны Ассиріянъ, Вавилонянъ и Мидянъ.

О войнахъ вавилонянъ—со времени основанія Нимвродомъ древнѣйшаго въ Азіи вавилонскаго государства до самаго VIII вѣка передъ Р. Х. — сохранились одни невѣрныя, темныя, баснословныя преданія. Изъ отрывковъ халдейской исторіи Бероза усматривается только, что древняя вавилонская монархія неоднократно подвергалась нашествіямъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ (мидянъ, халдеевъ, аравитянъ и др.) и была покоряема ими.

Исторически же извѣстными становятся только войны послѣднихъ завоевателей вавилонскаго государства — ассиріянъ, съ начала VIII вѣка передъ Р. Х. — когда народъ сей, довершивъ свои завоеванія на востокѣ, обратилъ ихъ къ западу, пришелъ въ столкновеніе съ израильтянами, въ историческихъ книгахъ которыхъ и находятся съ тѣхъ поръ достовѣрныя свѣдѣнія о войнахъ какъ ассиріянъ, такъ и вавилонянъ. Первыми войнами ассиріянъ, о которыхъ упоминается въ этихъ книгахъ, равно и у Бероза, были войны ассирійскихъ царей Фула и преемника его, Теглаөфелассара, съ царствомъ израильскимъ при царяхъ послѣдняго: Манаимѣ (772 — 761) и Факеѣ (750 — 740). Результатами этихъ войнъ было то, что Фулъ на-

ложилъ на Манаима дань, а когда Факея возсталъ для освобожденія отъ нея, Теглаѳелассаръ завоевалъ Галилею и землю Неѳѳалимскую и часть израильтянъ отвелъ въ плѣнъ. Съ этого времени главные и почти постоянныя усилія ассирійскихъ царей были обращены на то, чтобы распространить предѣлы ассирійскаго царства до восточныхъ береговъ Средиземнаго моря и въ особенности покорить малую пространствомъ и невоинственную Финикию. Войны, веденыя ими съ этою цѣлю, имѣли результатами покореніе Сиріи и Финикии, обложеніе данью царства іудейскаго и совершенное разрушеніе царства израильскаго (сыномъ и преемникомъ Теглаѳелассара, Салманассаромъ, въ 722 г.). Но между тѣмъ, какъ ассирійскіе цари были заняты завоеваніями на западѣ, намѣстникъ вавилонскій Навонассаръ объявилъ себя независимымъ и возстановилъ вавилонскую монархію (747). Преемникъ Салманассара, Сеннахеримъ (720—690) принудилъ возставшихъ вавилонянъ къ покорности, — но въ походѣ, предпринятомъ имъ въ 714 году для завоеванія Египта, на предѣлахъ его былъ разбитъ египтянами и затѣмъ, при осадѣ Іерусалима, потерялъ отъ чумы почти все остальное свое войско. Эта сугубая неудача послужила знакомъ къ возстанію вавилонянъ и мидянъ. Собравъ новое войско и подступивъ въ 710 году къ Вавилону, Сеннахеримъ разбилъ и снова покорилъ вавилонянъ, но мидяне сохранили свою независимость. При третьемъ же преемникѣ Сеннахерима, Сарданапалѣ, намѣстникъ вавилонскій Навоналассаръ, въ соединеніи съ Кіаксаромъ, царемъ мидійскимъ, возсталъ противъ Сарданапала и осадилъ его въ Ниневіи. Осада продолжалась весьма долго; — но наконецъ необыкновенное возвышеніе воды въ Тигрѣ разрушило часть стѣнъ въ Ниневіи, и осаждавшіе, вторгнувшись этимъ путемъ въ городъ, овладѣли имъ, а Сарданапалъ въ отчаяніи сжегъ себя со всѣми своими сокровищами въ царскихъ своихъ чертогахъ. Ниневія была разрушена и съ нею пало ассирійское царство (610).

Войны вавилонянъ съ этого времени до покоренія вавилонскаго царства персами замѣчательны только при первыхъ двухъ царяхъ новой династіи (по Берозу седьмой, халдейской, почему и новая вавилонская монархія иными называется также вавилоно-халдейскою) — Навопалассаръ (610—606) и особенно сынъ его Навуходоносоръ (606—562).

Вскорѣ послѣ образованія новаго вавилонскаго царства, страны на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря содѣлались причиною и предметомъ войны между Навопалассаромъ и фараономъ египетскимъ Нехао или Нехо. Послѣдній уже въ 609 году завоевалъ Іудею, всѣ страны до Евфрата и даже многіе города на этой рѣкѣ. Навопалассаръ, по старости и болѣзни, принялъ сына своего Навуходносора въ соправители и поручилъ ему отнять у египтянъ завоеванные ими города и земли, на которые имѣлъ притязанія потому, что они дотолѣ находились въ зависимости ассиріянъ. Навуходносоръ исполнилъ это съ блистательнымъ успѣхомъ, одержавъ надъ египтянами въ 606 году рѣшительную побѣду при Киркесіѣ на Евфратѣ, послѣ которой, преслѣдуя разбитое египетское войско, покорилъ Финикію и Іудею, и можетъ быть напалъ бы на египтянъ въ собственной ихъ странѣ, еслибы смерть Навопалассара не принудила его воротиться въ Вавилонъ. Затѣмъ въ продолженіе 44-лѣтняго царствованія своего онъ велъ столько же важныя и замѣчательныя въ военномъ, сколько и въ политическомъ отношеніи войны съ финикіянами, іудеями и египтянами. Результатами войны съ первыми было покореніе Финикіи и разрушеніе Тира (590), послѣ 13-лѣтней осады его. Войны съ іудеями, безпрестанно отлагавшимися отъ Вавилона и вступавшими въ союзъ съ Египтомъ, кончились, послѣ шестикратныхъ: плѣненія Іудеевъ и переселенія ихъ въ Сennaаръ и Вавилонъ (605 — 588), разрушеніемъ царства іудейскаго и отведеніемъ остатковъ іудеевъ въ Вавилонъ. Войны же съ египтянами, во время войнъ съ финикіянами и іудеями, заключались въ нѣсколькихъ нашествіяхъ Навуходносора на Египетъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ было произведенное при египетскомъ фараонѣ Апріѣ. Заключивъ союзъ съ іудейскимъ царемъ Седекію, Апрій двинулся противъ Навуходносора, осаждавшаго Іерусалимъ (589). Но Навуходносоръ снялъ осаду, пошелъ на встрѣчу ему, разбилъ его, вторгнулся въ Египетъ и, взявъ съ него дань, съ богатою добычею воротился въ Іудею и снова осадилъ Іерусалимъ.

По смерти его, въ остальные 24 года существованія вавилонскаго царства, войны вавилонянъ, отчасти междуусобныя и отчасти съ мидянами, не представляютъ ничего замѣчательнаго и кон-

чились, при послѣднемъ царѣ Навоннадѣ (по Геродоту — Лавишетѣ, а по Св. Писанію — Валтасарѣ), взятіемъ Вавилона и завоеваніемъ вавилонскаго царства персами подъ предводительствомъ Кира (538).

Войны мидянъ становятся замѣчательными только со времени отложенія этого народа отъ ассирійскаго царства и образованія независимаго царства мидійскаго (714 — 700). Послѣ 53-хъ лѣтъ, мирнаго царствованія перваго царя Мидійскаго, Дсіока (700 — 647), сынъ и преемникъ его, Фраортъ (647 — 625) велъ виѣшнія войны съ цѣлію распространенія предѣловъ мидійскаго царства. Завоевавъ на югѣ Персиду, а на сѣверѣ страны на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря, онъ вторгнулся въ Ассирію, побѣдителемъ дошелъ до самой Ниневіи, но подъ стѣнами ея былъ разбитъ и убитъ ассиріянами (625). Сынъ и преемникъ его, Кіаксаръ (625 — 585), продолжалъ войну съ ассиріянами и осадилъ Ниневію; но вторженіе въ Мидію скиѳовъ принудило его снять осаду и воротиться въ собственное государство. По удаленіи изъ него большей части скиѳовъ и истребленіи остатковъ ихъ мидянами, Кіаксаръ возобновилъ войну съ Ассирією и кончилъ ее, въ соединеніи съ Навопалассаромъ, взятіемъ и разрушеніемъ Ниневіи (610). Раздѣленіе затѣмъ земель павшаго ассирійскаго царства между Навопалассаромъ и Кіаксаромъ, и отнесеніе вслѣдствіе того западной границы мидійскаго царства на рѣку Галисъ, поставили это государство въ соприкосновеніе съ лежавшимъ по другую сторону Галиса обширнымъ лидіо-фригійскимъ царствомъ въ Малой Азій. Вскорѣ между обоими сосѣдственными государствами произошли раздоры и наконецъ война. Четыре года обѣ стороны вели ее съ перемѣннымъ и нерѣшительнымъ успѣхомъ; въ пятомъ же году, въ то самое время, когда арміи ихъ вступили въ общую битву, долженствовавшую рѣшить войну, произошло полное солнечное затмѣніе, такъ устрашившее мидянъ, что они прекратили бой и при посредничествѣ Навуходоносора заключили съ лидіянами миръ и союзъ (585). Послѣ 25-ти лѣтъ мирнаго царствованія сына Кіаксарова, Астіага, подвластныя мидянамъ персидскія племена возстали подъ предводительствомъ вождя своего, Кира, и въ битвѣ съ Астіагомъ при Пас-

саргадѣ одержали рѣшительную побѣду, слѣдствіемъ которой было взятіе Экбатаны, плѣненіе Астіага и завоеваніе Мидіи Киромъ и персами (560).

Таковы были важнѣйшія и замѣчательнѣйшія войны ассиріянъ, вавилонянъ и мидянъ, имѣвшія вообще тотъ главный характеръ, который изображенъ выше (§ 2).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДРЕВНІЕ АЗІЯТСКІЕ И АФРИКАНСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА.

II. Евреи. — § 7. Военное устройство и военныя учрежденія ихъ — § 8. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ. — § 9. Фортификація и полорцетика. — § 10 Войны евреевъ. — III. Египтяне. § 11. Военное устройство и военныя учрежденія ихъ. — § 12. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ. — § 13. Фортификація и полорцетика. — § 14. Войны египтянъ.

Источники, — указанныя въ главѣ I.

II.

Е в р е и.

§ 7.

Военное устройство и военныя учрежденія ихъ.

Военное устройство и военныя учрежденія евреевъ были основаны на иныхъ началахъ и имѣли иной характеръ, нежели у прочихъ народовъ Азіи и Африки, и о нихъ имѣются болѣе полныя и достовѣрныя свѣдѣнія.

Первыя основанія онымъ были положены боговдохновеннымъ Моисеемъ, по исходѣ изъ Египта. Онъ далъ еврейскому народу простое, но правильное военное устройство, отличавшееся особенными мудростію и кротостію. Каждый еврей, имѣвшій свыше 20-ти лѣтъ отъ роду, былъ воинномъ. Все взрослое мужское народонаселе-

ніе, простиравшееся, при исходѣ изъ Египта, до числа 600,000 человекъ, уже тогда было раздѣлено Моисеемъ, по числу 12-ти народныхъ колѣнъ, на 12 военныхъ отрядовъ, каждый силою среднимъ числомъ около 50,000 воиновъ, подъ предводительствомъ вождя и старѣйшинъ своего колѣна. Всѣми вооруженными силами народа предводительствовали верховные вожди его, Моисей и послѣ него Іисусъ Навинъ.

По завоеваніи евреями обѣтованной земли, военное устройство ихъ стало постепенно развиваться на положенныхъ Моисеемъ началахъ. Военныя: званіе и обязанности были общими для всѣхъ взрослыхъ евреевъ, но съ нѣкоторыми въ извѣстныхъ случаяхъ исключеніями. Такъ отъ обязанности нести военную службу были освобождаемы: построившіе домъ, но еще не поселившіеся въ немъ, насадившіе виноградникъ, но еще не собравшіе плодовъ съ него, обрученные, но еще не бракосочетавшіеся, новобрачные въ продолженіе года послѣ бракосочетанія, и т. п. Сверхъ того, съ постепеннымъ размноженіемъ евреевъ, всему взрослому мужскому народонаселенію не было болѣе надобности вооружаться и ходить на войну. А потому, передъ войною, съ каждаго колѣна стали призывать большее или меньшее, смотря по надобности и обстоятельствамъ, число воиновъ свыше 20-ти лѣтняго возраста. Они назначались по очереди или жребію и имъ велась особая перепись. Войсками предводительствовали старѣйшины, вожди колѣнъ и судіи народные.

При первомъ царѣ Саулѣ, военное устройство евреевъ было во многомъ усовершенствовано и между евреями сталъ сильно развиваться воинственный духъ и даже духъ завоеваній. Кончивъ войну съ аммонитянами и избранный царемъ, Саулъ распустилъ войско, но удержалъ при себѣ, на случай непредвидимой войны, 3.000 отборныхъ воиновъ и такимъ образомъ положилъ первое начало постояннымъ войскамъ и царскимъ тѣлохранителямъ у іудеевъ. Но наибольшихъ развитія и силы военное устройство іудейской монархіи достигло при мудромъ царѣ Давидѣ, вслѣдствіе постоянныхъ: заботливости и попеченій этого государя о его усовершенствованіи. Давидъ установилъ, чтобы изъ числа всего взрослого, способнаго къ военной службѣ, мужскаго народонаселенія,

простиравшагося до 1.300.000 человекъ, — на дѣйствительной службѣ, во всегдашней готовности къ войнѣ, постоянно находилось 288.000 человекъ, по 24.000 съ cadaго изъ 12-ти колѣнъ. Такимъ образомъ весь народъ участвовалъ въ несеніи военной службы, и постоянныхъ войскъ всегда было значительное для Іудей число, безъ отягощенія для края, безъ вреда для земледѣлія и промышленности, для частнаго и общественнаго благосостоянія. 24-хъ тысячный отрядъ cadaго колѣна раздѣлялся на тысячи, сотни, десятки и пятки, подъ начальствомъ тысячниковъ, сотниковъ и т. д. и подъ главнымъ начальствомъ вождя своего колѣна. Каждый изъ этихъ 12-ти отрядовъ находился по-очередно, въ продолженіе одного мѣсяца, на службѣ въ Іерусалимѣ. Сверхъ того при Давидѣ постоянно находилась, подъ непосредственнымъ его начальствомъ, особенная дружина царскихъ тѣлохранителей. Войскомъ предводительствовалъ обыкновенно самъ царь, либо назначаемые имъ полководцы. Лица духовнаго званія принимали дѣятельное участіе въ военныхъ подвигахъ еврейскаго народа, одушевляя воиновъ, передъ началомъ каждой войны и каждой битвы, религіозными чувствами.

Соломонъ, хотя и не былъ воинственнымъ государемъ, однако поддержалъ военное устройство іудейской монархіи въ томъ же состояніи, до котораго оно было доведено Давидомъ. Въ числѣ военныхъ учрежденій его, замѣчательны образованіе и содержаніе имъ постоянныхъ военныхъ колесницъ и конницы, размѣщенныхъ по городамъ.

По раздѣленіи монархіи іудейской на царства іудейское и израильское, военное устройство въ каждомъ изъ нихъ имѣло различную участь. Въ первомъ, при царяхъ Ровоамѣ, Асѣ, Іосафатѣ, Осии (или Азарии) и Езекии, оно вообще находилось въ хорошемъ состояніи. Эти пять царей особенно заботились объ обезпеченіи іудейскаго царства со стороны внѣшнихъ враговъ, построеніемъ многихъ крѣпостей, умноженіемъ войскъ (при Асѣ даже до 580.000 человекъ) и лучшими: вооруженіемъ, устройствомъ и обученіемъ ихъ. Въ израильскомъ же царствѣ, напротивъ, по причинѣ непрерывныхъ внутреннихъ смутъ и потрясеній, военное устройство нахо-

дилось всегда въ состояніи упадка и безсилія, войска приходили болѣе и болѣе въ разстройство, а число ихъ постепенно уменьшалось.

§ 8.

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

Древнѣйшимъ и всегда главнымъ родомъ войскъ у евреевъ была пѣхота. По завоеваніи обѣтованной земли, у нихъ являются военныя колесницы, которыхъ съ этого времени всегда было большее число при еврейскихъ арміяхъ. Соломонъ образовалъ 1.200 постоянныхъ военныхъ колесницъ. Конницы евреи вдревлѣ вовсе не имѣли, ибо мало цѣнили и уважали ее; но позже, въ послѣднія времена судей, начали вводить ее у себя. При царяхъ употребленіе ея распространилось, а число умножилось—значительно. При Давидѣ въ составѣ іудейскихъ войскъ уже всегда было большее или меньшее число конницы. Такъ въ войнѣ съ Аддадъ-Эзаромъ, царемъ Низибійскимъ, Давидъ имѣлъ 20.000 человѣкъ пѣхоты, 1.000 военныхъ колесницъ и 7.000 человѣкъ конницы. Соломонъ учредилъ 12.000 человѣкъ постоянной конницы.

При исходѣ изъ Египта евреи были безоружны и, по сказанію Іосифа Флавія, впервые вооружились по переходѣ чрезъ Чермное море оружіемъ потонувшихъ египтянъ, прибитымъ водою къ ихъ берегу. По водвореніи въ обѣтованной землѣ, они начали употреблять кованое оружіе. Но до временъ Саула и Давида кованого оружія у нихъ было мало, вооруженіе ихъ составляли преимущественно пращи, луки и стрѣлы, палицы и дротики, и вообще евреи были вооружены хуже, нежели народы, съ которыми вели войны. Въ этомъ отношеніи, ихъ особенно превосходили филистимляне, имѣвшіе и хорошее кованое оружіе, и колесницы, и конницу. Но со временъ Саула и особенно Давида употребленіе кованого оружія распространилось между евреями, а вооруженіе ихъ вообще усовершенствовалось значительно. Съ этихъ поръ главными видами нападательнаго оружія у евреевъ были: короткіе, широкіе и кривые

мечи, — дротики или полукопья, метаемыя изъ рукъ, — длинныя копья и по прежнему пращи. Палестина и Финикія были, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, древнѣйшею родиною пращи, и жители ихъ, въ томъ числѣ и евреи, славились особеннымъ искусствомъ въ метаніи пращею каменьею. Лучшими между евреями прашниками были веніаминиты.

По свидѣтельству св. писанія, евреи уже при Моисеѣ и Исусѣ Навинѣ въ походѣ двигались и располагались станами, а въ бою сражались съ нѣкоторыми извѣстными: правильностію, порядкомъ и наблюденіемъ военныхъ предосторожностей, производя движенія и нападенія по условнымъ звукамъ трубъ и роговъ. Впрочемъ, битвы ихъ, также какъ и у другихъ восточныхъ народовъ, состояли изъ совокупнаго дѣйствія легкихъ войскъ метательнымъ оружіемъ въ разсыпномъ строѣ, и тяжелыхъ войскъ ручнымъ оружіемъ въ сомкнутомъ и глубокомъ строѣ, и въ рукопашномъ боѣ. Особенно часто происходили единоборства. Въ битвахъ съ народами, лучше евреевъ вооруженными и устроенными, побѣду послѣднимъ доставляли, безъ сомнѣнія, превосходство числа и религіознаго одушевленія, равно храбрость и искусныя распоряженія вождей. Позже евреи, по свидѣтельству еврейскихъ писателей, строили войска свои бѣльшею частію въ одну линію, глубиною отъ 10-ти до 30-ти человекъ, — либо дѣлили ихъ иногда на 2 и на 3 части, — впереди ставили прашниковъ и стрѣлковъ изъ лука, которые начинали бой камнеметаніемъ и стрѣльбою, съ условнымъ боевымъ крикомъ, а позади главнаго строя войскъ располагались особыя военачальники, обязанные соблюдать въ войскахъ порядокъ и удерживать малодушныхъ отъ бѣгства. Каждое колѣно имѣло свои особыя: цвѣтъ и условный знакъ, какъ-то: изображенія льва, орла, звѣздъ, корабля и т. п., носимыя на древкахъ или копьяхъ.

§ 9.

Фортификація и Поліорцетика.

Въ искусствѣ укрѣплять станы и города евреи вѣроятно многое заимствовали у египтянъ, которые до исхода употребляли ихъ,

какъ извѣстно, на работы по укрѣпленію городовъ. Такъ въ пусты-
нѣ Моисей располагалъ стаи евреевъ, подобно египтянамъ, въ
видѣ прямоугольныхъ четвероугольниковъ; на каждомъ изъ боковъ
располагалось по три колѣна, а середина была занята скиніею, зна-
менами 12-ти колѣнъ и левитами. Дальнѣйшее внутреннее устрой-
ство стана неизвѣстно.

Въ искусствѣ укрѣплять и брать осадю города евреи были
первоначально невѣжественны; но большое число городовъ, кото-
рыми усѣяна была Палестина, и необходимость оборонять ихъ или
брать осадю, съ ходомъ времени доставили евреямъ случай и воз-
можность пріобрѣсть большую или меньшую въ этомъ отношеніи
опытность. При царяхъ евреи сдѣлали уже довольно значительные
успѣхи въ фортификаціи и поліорцетикѣ. Этимъ они были осо-
бенно обязаны Саулу, Давиду, Соломону, Іеровоаму, Ровоаму, Асѣ,
Іосафату, Осии (или Азаріи) и Езекии, которые, дѣятельно заботясь
объ усиленіи обороны государства, построили много крѣпостей и
укрѣпленныхъ замковъ преимущественно пограничныхъ и нагор-
ныхъ. Давидъ, между прочимъ, сильно укрѣпилъ Іерусалимъ, окру-
живъ оный стѣнами и построивъ въ немъ укрѣпленный замокъ.
Царю Осии или Азаріи приписываютъ также учрежденіе постоян-
ныхъ складовъ оружія (арсеналовъ). Впрочемъ, способъ укрѣпле-
нія и осады городовъ у евреевъ былъ общій всѣмъ древнимъ
народамъ.

§ 10.

Войны евреевъ.

Первымъ воинскимъ подвигомъ евреевъ было завоеваніе Обѣ-
тованной земли по исходѣ изъ Египта (около 1550 лѣтъ до Р. Х.)
и 40-ка лѣтнемъ странствованіи въ пустынѣ.

Когда вышедшее изъ Египта поколѣніе евреевъ уступило мѣс-
то новому, возмужавшему и укрѣпшему въ походныхъ трудахъ,
евреи прибыли къ Кадисъ-Варну, на предѣлахъ Идумеи или Эдома.
Такъ какъ эдомитяне отказали имъ въ проходѣ чрезъ свои земли,
то Моисей и повелъ евреевъ вдоль предѣловъ идумейскихъ до горы

Хоръ и вступилъ въ земли моавитянъ и аморитянъ. Разбивъ войска этихъ народовъ, евреи вскорѣ завоевали всю страну между потокомъ Арнонскимъ и горою Эрмонъ или Саширъ, на восточныхъ предѣлахъ Ханаана. Союзъ аммонитянъ съ мадіанитами противъ евреевъ былъ разрушенъ удачнымъ походомъ левита Финеса съ отрядомъ еврейскихъ войскъ противъ мадіанитовъ и истребленіемъ этого племени. Вскорѣ послѣ того, Моисей умеръ и верховнымъ вождемъ еврейскаго народа былъ избранъ Исусъ Навинъ. Узнавъ отъ напередъ посланныхъ лазутчиковъ, что жители Ханаана находятся въ страхѣ и раздорахъ между собою, Исусъ Навинъ оставилъ колѣна Рувимово и Гадово и полъ колѣна Манассіина, съ ихъ семействами и стадами, на восточной или лѣвой сторонѣ Іордана, а съ остальными перешелъ (за 1500 лѣтъ до Р. Х.) чрезъ эту рѣку и взялъ приступомъ, сначала Іерихонъ, сильнѣйшій изъ городовъ ханаанскихъ, а потомъ городъ Гай. Затѣмъ, уже съ довѣріемъ къ силамъ евреевъ, онъ перешелъ немедленно къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ въ полѣ. Адопиевезекъ, царь Іевуса, и четыре другіе царя или вождя сосѣдственныхъ племенъ, заключили между собою союзъ и осадили Гаваонъ, жители котораго вступили въ союзъ съ евреями. Исусъ Навинъ быстро двинулся съ береговъ Іордана на помощь Гаваону, разбилъ близъ него войско пяти союзныхъ царей, преслѣдовалъ его и по слабому сопротивленію овладѣлъ всѣми сосѣдственными городами, исключая Іевуса (Іерусалиса).

Этими быстрыми и рѣшительными дѣйствіями, вслѣдствіе нѣсколькихъ побѣдъ, евреи завоевали всю южную Палестину или страну между землею филистимскою и Мертвымъ моремъ. Труднѣе было завоеваніе сѣверной Палестины. Здѣсь евреи встрѣтили воинственные племена, имѣвшія хорошее военное устройство, страшныя для евреевъ военныя колесницы и многочисленную конницу. Цари сѣверной Палестины и даже Сиріи и Келесиріи соединили войска свои; но Исусъ Навинъ напалъ на нихъ врасплохъ, разбилъ ихъ на голову и завоевалъ бо́льшую часть ихъ владѣній, — разрушивъ, для примѣра, столицу главнаго изъ союзныхъ царей и истребивъ ея жителей. Затѣмъ онъ велъ удачную малую войну

въ горахъ Палестины съ горными племенами и истребилъ либо покорилъ ихъ одно послѣ другаго.

Такъ въ 6 лѣтъ времени совершенно было завоеваніе Обѣтованной земли и сосѣдственныхъ съ нею на востокъ земель. Водорясь въ нихъ, евреи, подъ правленіемъ судей, вели непрерывныя войны съ остатками туземныхъ жителей и съ сосѣдственными народами: аравитянами, филистимлянами, моавитянами, амалекитами, аммонитянами, эдомитянами, сиріянами и ассиріянами. Малое протяженіе и гористая, пересѣченная мѣстность Палестины, и большое число укрѣпленныхъ городовъ въ ней были причинами, что эти войны состояли преимущественно изъ осадъ и дѣйствій малой войны, иногда впрочемъ и изъ важныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій и битвъ въ полѣ. Въ теченіе около 400 лѣтъ онѣ представляютъ всегда ту же картину, въ нихъ повторяются всегда тѣ же явленія. Раздираемые несогласіями, безпрестранно предаваясь разврату и беззаконіямъ, являя безсиліе и малодушіе, евреи терпѣвали частыя, жестокія, постыдныя неудачи и пораженія, которыя вели за собою порабощеніе еврейскаго народа иноплеменному игу. Но эти неудачи искупались отъ времени до времени блистательными и славными воинскими подвигами, побѣдами и успѣхами, слѣдствіемъ которыхъ обыкновенно было возстановленіе независимости избраннаго народа Божія, а главными виновниками ихъ — доблестные судии и вожди евреевъ, какъ то: Гоѳниилъ, Варракъ, Гедѳонъ, Іевѳай, Сампсонъ и Самуилъ.

Періодъ отъ образованія до раздробленія іудейской монархіи (1095—975), и въ особенности царствованіе Давида (1055—1015) составляютъ блистательнѣйшую эпоху въ военной исторіи іудеевъ. Въ это время, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, оружіе евреевъ уже почти постоянно вѣнчается успѣхомъ, и войны ихъ, хотя и оборонительнаго, какъ и прежде, свойства, однако же оканчиваются бѣльшею частію наступательными дѣйствіями и внѣшними завоеваніями. Успѣхамъ ихъ, одержаннымъ преимущественно рѣшительными дѣйствіями въ полѣ, значительно способствовали сосредоточеніе и единство силъ и власти.

Уже первый царь іудейскій, Саулъ, былъ избранъ на царство

вслѣдствіе рѣшительной побѣды, одержанной имъ надъ аммонитянами и счастливо окончившей войну съ ними. Равно и послѣ того онъ удерживался на престолѣ помощію удачныхъ войнъ съ филистимлянами, аравитянами, сиріянами и съ остатками хананеянъ. Последняя при немъ война съ филистимлянами началась пораженіемъ этого народа іудеями, вслѣдствіе побѣды Давида въ единоборствѣ съ филистимскимъ исполиномъ Голіаѳомъ, но кончилась тѣмъ, что филистимляне разбили Саула и, пользуясь внутренними смутами и междуусобіями въ Іудеѣ, заняли большую часть оной (1055 г.).

Царствованіе Давида началось междуусобною войною 11-ти колѣнъ іудейскихъ, признавшихъ царемъ сына Саулова, Іевосоея, съ 12-мъ колѣномъ, іудинымъ, которое одно признало царемъ Давида. Война эта продолжалась 7 лѣтъ (1055—1048 г.) съ перемѣннымъ успѣхомъ и наконецъ была рѣшена въ пользу Давида, побѣдою полководца его, Іоава, надъ полководцемъ Іевосоея, Авениромъ. Въ послѣдовавшія затѣмъ времена филистимляне, моавритяне, эдомитяне, аммонитяне и Ададъ-Эзаръ, царь низпбійскій, дѣйствуя большею частію въ союзѣ между собою, производили частыя вторженія въ предѣлы Іудеи. Но Давидъ и Іоавъ отражали ихъ съ успѣхомъ, вносили войну въ собственные ихъ предѣлы и оканчивали ее новыми побѣдами и завоеваніями. Такъ завоеваны были вся Сирія и Идумея, и предѣлы Іудеи были распространены отъ Средиземнаго моря до Евфрата и отъ рубежей Малой Азіи до Чермнаго моря. Но въ концѣ царствованія Давида, вслѣдствіе возстанія сына его, Авессалома, произошла кратковременная междуусобная война, кончившаяся пораженіемъ Авессалома Іоавомъ въ ефремовѣмъ лѣсу (дубравѣ дефремлей).

Царствованіе Соломона (1015—975) было мирное. Соломонъ имѣлъ въ виду не новыя завоеванія, но упроченіе совершенныхъ отцомъ его, равно единства и цѣлости Іудеи, которымъ уже угрожали большою опасностію возстаніе эдомитянъ и сына Соломонова, Іеровоама, и усилія сиріянъ къ освобожденію своему отъ подданства Іудеѣ. Соломонъ успѣлъ силою оружія подавить возстанія Іеровоама и эдомитянъ, — но не могъ отклонить отпаденія Сиріи

отъ Іудей, произшедшаго вслѣдствіе образованія независимаго дамасскаго царства.

Съ раздробленіемъ Іудейской монархіи, по смерти Соломона (975 г.), на независимыя и враждебныя между собою царства іудейское и израильское, исторія представляетъ картину почти безпрерывныхъ войнъ ихъ между собою и съ сосѣдственными племенами и народами, въ особенности съ сиріянами и сильными монархіями: египетскою, ассирійскою и вавилонскою.

Междуусобныя войны, весьма упорныя, потому что силы съ обѣихъ сторонъ были равныя, были ведены большею частію въ союзѣ съ сосѣдственными народами, съ переменнымъ для той и другой стороны успѣхомъ и состояли изъ безпрерывно перемежавшихся дѣйствій наступательныхъ и оборонительныхъ, сопряженныхъ съ болѣе или менѣе рѣшительными дѣйствіями и битвами въ полѣ, малою и крѣпостною войною, и частыми осадами городовъ, особенно двухъ столицъ, Іерусалима и Самаріи.

Внѣшнія войны были вполнѣ оборонительнаго свойства и состояли почти исключительно изъ обороны въ крѣпостяхъ и двухъ столицахъ противъ нашествій сильныхъ иноплеменниковъ, Сезака (или Шешонка), фараона египетскаго (970 г.), и Зераха, царя эѳіопскаго (941 г.) — на Іудею, а Ванъ-Адада, царя дамасскаго (941 и 897 г.) и ассирійскихъ царей: Фула, Теглаѳелассара и Салманассара (770—720) — на царство израильское. Результатами этихъ нашествій были неоднократныя: покореніе и разграбленіе Іерусалима и Самаріи, частыя пораженія іудеевъ и особенно израильтянъ, отпаденіе Идумей отъ Іудей и наконецъ взятіе Самаріи, послѣ 3-хъ лѣтней осады оной, переселеніе большей части израильскаго народа въ Месопотамію и Мидію, и конечное разрушеніе царства израильскаго Салманассаромъ (за 722 года передъ Р. Х.). Съ тѣхъ поръ и особенно со времени паденія ассирійскаго царства и образованія монархіи вавилоно-халдейской (за 610 лѣтъ передъ Р. Х.) царство іудейское, находившееся въ подданствѣ царей вавилонскихъ, безпрестанно отлагавшееся отъ нихъ и заключавшее союзы съ египетскими фараонами, сдѣлалось причиною частыхъ войнъ между первыми и послѣдними, и предметомъ на-

шествій то однихъ, то другихъ. Неудачныя для египтянъ и еще болѣе для іудеевъ, войны эти кончились, послѣ шестикратныхъ плѣненія и переселенія іудеевъ въ Сennaаръ и Вавилонъ (605—588 г. передъ Р. Х.), конечнымъ разрушеніемъ царства Іудейскаго Навуходоносоромъ.

III.

Е Г И П Т Я Н Е .

§ 11.

Военное устройство и военныя учрежденія ихъ.

Военное устройство и военныя учрежденія египтянъ въ глубокой древности до временъ Сезостридовъ—неизвѣстны. Но, основываясь на новѣйшихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, съ болѣею или меньшею вѣроятностію можно предполагать нижеслѣдующее:

Первыя начала какъ гражданскаго, такъ и военнаго устройства туземныхъ обитателей Египта были положены выходцами изъ странъ юго-восточной Африки, именно изъ Эѳіопіи, въ которой гражданственность и образованность были развиты, какъ кажется, уже весьма рано. Изъ поселеній, основанныхъ этими выходцами въ плодородной долинѣ Нила, сначала въ верхнемъ, позже въ среднемъ и наконецъ въ нижнемъ Египтѣ, съ ходомъ времени образовался родъ независимыхъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое особенное внутреннее устройство, но всѣ были соединены узами одной общей вѣры. Изъ нихъ двѣ, Опы и Мемфисъ, вскорѣ, какъ кажется, возвысились надъ прочими и сдѣлались какъ бы главами двухъ федеративныхъ государствъ, одного въ верхнемъ, другаго въ среднемъ Египтѣ. По изгнаніи же (около 1500 лѣтъ передъ Р. Х.) аравитянъ-гиксовъ, завоевавшихъ нижній Египетъ и водворившихся въ немъ, — всѣ н о м ы или общины египетскія были соединены Аменофисомъ или Туѳомозомъ, первымъ фараономъ или царемъ египетскимъ, въ одну

нераздѣльную монархію. Сообразно съ тѣмъ, вѣроятно, развивались и военное устройство, и военныя учрежденія Египта. Главнымъ основаніемъ ихъ долженствовало быть раздѣленіе на касты, уже въ древнѣйшія времена существовавшее въ Эѳіопіи. Послѣ главной, первенствующей касты жрецовъ, въ рукахъ которой сосредоточивалась вся общественная власть, одно изъ первыхъ мѣстъ занимали касты воиновъ. Послѣднія не могли, кажется, ни быть многочисленными, ни имѣть значительной власти, какъ первоначально во всѣхъ поселеніяхъ и общинахъ, такъ и въ послѣдствіи въ меньшихъ изъ нихъ. Ибо первоначально всѣ поселенія и общины были преимущественно земледѣльческими, въ послѣдствіи же малыя общины, подчиняясь постепенно вліянію бѣльшихъ, имѣли менѣе нужды въ военномъ сословіи. За то въ бѣльшихъ общинахъ, по мѣрѣ усиленія и преобладанія ихъ, и касты воиновъ, безъ сомнѣнія, должны были постепенно умножаться числомъ, совершенствоваться въ устройствѣ и пріобрѣтать бѣльшія значенія и важность. Такимъ образомъ можно предполагать, что когда Фивы и Мемфисъ сдѣлались главами двухъ федеративныхъ государствъ, военное устройство послѣднихъ было уже значительно развито, а военныя касты составляли особое, наследственное, многочисленное, хорошо-устроенное и послѣ касты жрецовъ важнѣйшее народное сословіе.

О военномъ устройствѣ и военныхъ учрежденіяхъ Египта въ блистательнѣйшемъ періодѣ его исторіи—періодѣ фараоновъ-сезостридовъ (между 1500 и 1200 годами передъ Р. Х.) имѣются уже нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя и основанныя на темныхъ, баснословныхъ преданіяхъ и свидѣтельствѣ древнихъ народныхъ памятниковъ. Изъ нихъ вообще можно заключить, что въ этомъ періодѣ военное устройство Египта достигло наибѣльшихъ развитія и относительнаго совершенства при Рамзесѣ III или Сезострисѣ I (первомъ фараонѣ XIX династіи), вслѣдствіе его мудрыхъ попеченій и учрежденій, — и въ главныхъ основаніяхъ сохранилось въ неизмѣнности до позднѣйшихъ временъ.

Двѣ государственныя мѣры Сезостриса—окончательное, твердое соединеніе всѣхъ египетскихъ номовъ въ одну нераздѣльную монархію и раздача египетскимъ воинамъ земель,—должны были, безъ

сомнѣнія, имѣть значительное вліяніе на военное устройство Египта и устройство касты египетскихъ воиновъ. Съ той поры, какъ номы окончательно сдѣлались частями (областями или округами) одного нераздѣльнаго государства, частныя различія въ военномъ устройствѣ ихъ должны были исчезнуть и уступить мѣсто однообразному въ цѣломъ государствѣ военному устройству, а сіе послѣднее — развиваться въ смыслѣ истинно государственномъ, на древнихъ, временемъ и обычаемъ освященныхъ, основныхъ началахъ. Надѣленіе воиновъ землями — мѣра важная по своимъ вліянію и послѣдствіямъ, сообщила военному устройству Египта новую, дотолѣ не существовавшую черту. Оно произошло слѣдующимъ образомъ: предпринимая походы свои, Сезострисъ роздалъ всѣмъ собраннымъ имъ въ Египтѣ воинамъ большое количество удобныхъ къ воздѣланію земель равными участками, съ обязательствомъ уплаты за нихъ ежегодныхъ податей. Этимъ онъ вѣроятно имѣлъ въ виду привязать касты воиновъ къ государству и престолу вещественными выгодами, поощрить воиновъ къ бракамъ и размноженію, и не имѣть надобности прибѣгать къ наемникамъ. Возвратясь чрезъ девять лѣтъ въ Египетъ, онъ распустилъ войско, утвердивъ за воинами, въ видѣ награды за понесенные ими труды и оказанныя ими заслуги и отличія, розданныя имъ передъ походами земли, освободивъ отъ платежа податей за нихъ и обязавъ только постоянно нести за то военную службу, какъ внутри, такъ и внѣ предѣловъ государства, на собственномъ содержаніи изъ доходовъ съ своихъ земель, и быть во всегдашней готовности къ войнѣ. Такимъ образомъ египетскіе воины сдѣлались владельцами поземельной собственности въ Египтѣ — преимущество, которое раздѣляли съ одними царями и жрецами. Владѣемые ими равные, опредѣленной мѣры участки земли составляли полную, наследственную ихъ собственность. Хотя они большею частію были отдаваемы въ откупъ, но вѣроятно воинамъ было дозволено и самимъ заниматься воздѣлываніемъ ихъ. Занятія же ремеслами и промыслами были рѣшительно воспрещены имъ: ибо они были обязаны постоянно заниматься только воинскими упражненіями и военнымъ дѣломъ. Египетскіе воины раздѣлялись на гермооивянъ и касиріянъ. Различіе между тѣми и другими неизвѣстно, но вѣ-

роятно было или родовое, или мѣстное. Во времена наибольшаго могущества военной касты, гермоивянъ было до 160,000, а каласиріянъ до 250,000 челов. Можетъ быть они обитали въ тѣхъ же частяхъ и номахъ Египта, въ которыхъ, по свидѣтельству Геродота, были постоянно водворены въ его времена (въ 5-мъ вѣкѣ передъ Р. Х.), именно: въ нижнемъ Египтѣ въ 4^{1/2} номахъ гермоивяне, а въ 12-ти каласиріяне, а въ верхнемъ и среднемъ Египтѣ въ двухъ номахъ гермоивяне и каласиріяне вмѣстѣ, вслѣдствіе чего почти всѣ военныя силы Египта были сосредоточены въ нижнемъ Египтѣ. Предположеніе это подтверждается нѣкоторымъ образомъ какъ постоянною во всѣ времена необходимостію этого сосредоточенія, по причинѣ частыхъ вторженій кочевыхъ племенъ въ Египетъ съ сѣвера и частыхъ же нашествій самихъ египтянъ на Азію, такъ и многочисленностію военной касты въ нижнемъ Египтѣ во времена Моисея и скорымъ, вслѣдствіе того, сборомъ войска, съ которымъ египетскій фараонъ преслѣдовать евреевъ. Гермоивяне и каласиріяне составляли поочередно стражу городовъ и пограничныхъ крѣпостей. Сверхъ того 1000 гермоивянъ и 1000 каласиріянъ исправляли поочередно, въ продолженіе одного года, службу въ столицѣ, составляя царскую стражу и получая въ это время изъ царскихъ запасовъ опредѣленное количество хлѣба, мяса и вина.

Военное званіе и военныя касты, послѣ званія и касты жрецовъ, были почетнѣйшими и пользовались наибольшимъ уваженіемъ. Сынѡвья египетскихъ воиновъ приготавлились къ достойному исполненію обязанностей военнаго званія тщательнымъ и строгимъ общественнымъ военнымъ воспитаніемъ, такого же рода и съ тою же цѣлію, что и у всѣхъ вообще древнихъ восточныхъ народовъ. По древнимъ египетскимъ преданіямъ, самъ Сезострисъ получилъ отъ отца своего превосходное военное воспитаніе, и вмѣстѣ съ нимъ воспитаны были всѣ, въ одинъ день съ нимъ рожденные и по волѣ отца его собранные молодые египтяне, которыхъ, по вступленіи своемъ на престолъ, онъ распредѣлилъ (въ числѣ 1700) военачальниками въ египетскомъ войскѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, должноствовало имѣть значительное вліяніе какъ на успѣ-

хи Сезострисова оружія, такъ и на развитіе и усовершенствованіе Сезострисомъ военнаго устройства Египта и военнаго дѣла у египтянъ.

Общественное военное воспитаніе египетскихъ воиновъ и постоянное ихъ занятіе воинскими упражненіями и военнымъ дѣломъ объясняютъ и подтверждаютъ тѣ отличные устройство, порядокъ, мужество, храбрость и воинственный духъ ихъ, и тѣ блистательные и славные военные подвиги ихъ, о которыхъ свидѣлствуютъ всѣ древніе: народныя преданія и памятники египетскіе. Преданія свидѣлствуютъ сверхъ того, что Сезострисъ 1) установилъ и упрочилъ въ египетскомъ войскѣ воинскіе порядокъ и подчиненность, нарушеніе которыхъ и разнаго рода военныя преступленія были строго наказываемы, — и 2) замѣнилъ тѣлесныя наказанія лишеніемъ чести, которую виновный могъ снова снискать не иначе, какъ подвигами храбрости либо воинскими заслугами и отличіями.

15-е, 14-е и 13-е столѣтія передъ Р. Х. (1500 — 1200) составляютъ, кажется, періодъ самаго цвѣтущаго состоянія военнаго устройства Египта. Съ 12-го вѣка оно стало, по видимому, постепенно приходитъ въ ослабленіе и упадокъ, вслѣдствіе частыхъ внутреннихъ смутъ, междоусобій и безначалія. Въ 8-мъ же вѣкѣ (800 — 700), въ которомъ Египетъ былъ покоренъ эѳіопскимъ царемъ Савакономъ, а нѣсколько времени спустя едва снова не подвергся завоеванію Сеннахеримомъ, царемъ ассирійскимъ, состояніе разстройства и упадка достигло, кажется, высшей степени. Позднѣйшія событія при Псамметихѣ I саисскомъ (основателѣ XXVI династіи, саисской), вторично соединившемъ раздробленный Египетъ въ одно государство, заставляютъ предполагать, что въ смутное время (1200 — 670) касты египетскихъ воиновъ, мятежнымъ духомъ, неустройствомъ и безпорядками своими, сдѣлались, ненадежными и даже опасными для государства. Достигнувъ верховной власти помощію наемныхъ малоазіатскихъ греческихъ войскъ, Псамметихъ далъ имъ, сверхъ условленнаго жалованья, зѣмли и богатые дары, въ послѣдствіи значительно умножилъ число ихъ, оказывалъ имъ болѣе довѣрія, нежели египет-

скимъ войскамъ, предпочиталъ ихъ послѣднимъ и всячески отличалъ передъ ними. Негодуя на это, египетскіе воины возмутились и въ наибольшемъ числѣ переселились изъ Египта въ Эѳіопію. Это обстоятельство, въ соединеніи съ тѣсными сношеніями, въ которыя Египетъ началъ съ тѣхъ поръ входить съ Греціею, во многомъ измѣнило военное устройство его. Съ этого времени военные касты, хотя и продолжали существовать, но уже были весьма малочисленны, не имѣли прежнихъ своихъ: хорошаго устройства, значенія и важности, и египетскія войска составляли уже самую незначительную, а наемныя, преимущественно греческія, большую часть вооруженныхъ силъ Египта. При Амазисѣ же, передъ самымъ завоеваніемъ Египта персами, и послѣдніе остатки военныхъ кастъ удалились совершенно въ Эѳіопію, и единственными защитниками Египта остались наемники.

§ 12.

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

Въ цвѣтушія времена Египта, и устройство египетскихъ войскъ вообще находилось, какъ кажется, въ нижеслѣдующемъ состояніи:

Древнѣйшимъ и всегда главнымъ родомъ войскъ у египтянъ была пѣхота. Военныя колесницы также были въ употребленіи у нихъ уже въ глубокой древности. Всѣ древнѣйшіе египетскіе памятники изображаютъ царей, военачальниковъ и воиновъ египетскихъ сражающимися либо пѣшими, либо въ военныхъ колесницахъ, 2-хъ колесныхъ, легкой формы, запряженныхъ 2-мя лошадьми. Въ каждой военной колесницѣ находится одинъ возничій и не болѣе одного воина. Военныхъ колесницъ при египетскихъ войскахъ въ отдаленной древности всегда было множество. Въ отношеніи къ конницѣ, древнія египетскія преданія свидѣтельствуютъ, что употребленіе лошадей для верховой ѣзды было извѣстно въ

Египтъ уже въ самыя древнія времена и что египтяне были весьма искусны въ верховой ѣздѣ. Но конницу на войнѣ первый, кажется, началъ употреблять Сезострисъ: по крайней мѣрѣ о ней впервые упоминается только при исчисленіи войскъ, собранныхъ Сезострисомъ передъ его походами. Во времена Моисея и въ первой половинѣ періода Сезостридовъ, конницы у египтянъ было, какъ кажется, довольно много. Войско, преслѣдовавшее евреевъ, состояло, какъ извѣстно, изъ однихъ военныхъ колесницъ и конницы. Но съ ходомъ времени и размноженіемъ въ Египтѣ каналовъ, употребленіе военныхъ колесницъ и конницы становилось болѣе и болѣе труднымъ и неудобнымъ, а потому и число ихъ постепенно уменьшалось.

Вооруженіе египетскихъ войскъ было въ различныя времена болѣе или менѣе подобно вооруженію древнихъ азійскихъ войскъ. Главными, наиболѣе употребительными видами нападательнаго оружія у египтянъ были луки, длинныя стрѣлы и копья, дротики и различной длины, ширины и формы мечи, а изъ предохранительнаго вооруженія большіе во весь ростъ щиты. Египетскіе воины носили также, какъ кажется, особеннаго устройства латы и головные, вмѣсто шлемовъ, уборы, а позже и шлемы.

Египетскія войска имѣли военную музыку и, вмѣсто знаменъ, носимыя на древкахъ или копьяхъ изображенія или изваянія быка Аписа, крокодила и другихъ животныхъ и звѣрей, почитавшихся священными. За царями же въ битвахъ носили особыя царскія знамена.

О раздѣленіи, строѣ и образѣ дѣйствій египетскихъ войскъ въ древнѣйшія времена достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Съ вѣроятностію можно однакоже предполагать, что вообще устройство и образъ дѣйствій египетскихъ войскъ были усовершенствованы Сезострисомъ, но въ смутное время пришли въ упадокъ, а со временъ Псамметиха начали болѣе и болѣе согласоваться съ греческою тактикою. Въ эти времена египетская пѣхота, составлявшая главную силу и лучшую часть египетскихъ войскъ, сражалась обыкновенно большими, сомкнутыми и весьма глубокими массами, прикрываясь огромными своими щитами и производя

сильный натискъ и ударъ длинными конями. Такъ описываетъ строй и образъ дѣйствій ея въ сраженіи при Өимврѣ (550 г. передъ Р. Х.) Ксенофонтъ въ своей Киропедіи.

§ 13.

Фортификація и Поліорцетика.

О состояніи фортификаціи и поліорцетики у египтянъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Но нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, чтобы у народа, сооружившаго столь огромныя и чудныя зданія, каковы пирамиды и доселѣ сохранившіеся въ развалинахъ города, храмы и т. п., фортификація, какъ полевая, такъ особливо долговременная, не была, по отношенію къ тому времени, значительно развита. Нѣкоторые писатели не безъ основанія даже почитаютъ египтянъ изобрѣтателями искусства укрѣплять военные станы и города. О станахъ извѣстно только, что египтяне устраивали ихъ не въ видѣ круга, какъ вѣроятно бѣольшая часть азіатскихъ народовъ, а въ видѣ прямоугольныхъ, четвероугольниковъ или квадратовъ изъ земляной насыпи со рвомъ. Для прикрытія границъ, египтяне устраивали длинные земляные валы. Такого рода валъ соорудилъ Сезострисъ отъ Пелузія до Иліополя, для прикрытія сѣверо-восточныхъ границъ Египта отъ набѣговъ аравійскихъ и другихъ азіатскихъ племенъ.

Поліорцетика у египтянъ, какъ кажется, была развита менѣе фортификаціи и находилась въ такомъ же состояніи, какъ и у всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ. На древнихъ египетскихъ памятникахъ весьма часто встрѣчаются изображенія нападеній египетскихъ войскъ на непріятельскіе города и обороны ими собственныхъ городовъ. Нападенія производятся большею частію приступомъ и всходомъ на стѣны по лѣстницамъ, черепахою изъ большихъ щитовъ; стѣны египетскихъ крѣпостей имѣютъ большею частію 4 яруса, — осажденные бросаютъ, съ вершины ихъ, большіе камни, горючіе составы и т. п.

§ 14.

Войны египтянъ.

О войнахъ египтянъ во времена глубокой древности до Сезостридовъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Но вѣроятно онѣ состояли изъ междуусобныхъ войнъ слабѣйшихъ общинъ съ сильнѣйшими, преимущественно же изъ войнъ съ дикими кочевыми племенами ливійскими, другими африканскими и особенно аравійскими, привлекаемыми возрастающимъ богатствомъ поселеній Нильской долины и непрерывно вторгавшимися въ Египетъ. Эти вторженія усилились особенно послѣ управленія Египта Іосифомъ. Аравитяне-гиксы (названіе гиксовъ, по изъясненію египетскаго жреца Манеона, означало царей или вождей-пастырей), опаснѣйшіе изъ враговъ Египта, нѣсколько сотъ лѣтъ сряду вторгавшіеся въ него съ сѣверо-востока и жестоко опустошавшіе его, наконецъ завоевали нижній Египетъ, затѣмъ проникли въ средній, взяли въ немъ Мемфисъ, разрушили храмы и города, и водворясь въ нижнемъ Египтѣ, господствовали въ немъ около 200 лѣтъ (1700—1500 г. до Р. Х.). Для упроченія и обезпеченія владычества своего и—можетъ быть—сообщеній своихъ съ Аравіею, они устроили при Аварисѣ, близъ Пелузія, укрѣпленный стѣнами станъ.

Цари верхняго Египта или ѳивскіе вели съ ними непрерывныя войны съ цѣлію какъ собственной обороны, такъ и изгнанія ихъ изъ Египта. Наконецъ ѳивскому царю Аменофису или Туемо-зу удалось изгнать ихъ (около 1500 лѣтъ до Р. Х.) и оттѣснить къ укрѣпленному при Аварисѣ стану, котораго египтяне не могли однако же взять силою. Преемникъ Туемоза заключилъ съ гиксами договоръ, по которому они совершенно очистили и Египетъ, и Аварисскій станъ свой.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ блистательномъ періодѣ Сезостридовъ (1500—1200 г. передъ Р. Х.). египетскіе фараоны являются могущественными завоевателями. Они производили большія и даль-

нія виѣшія предпріятія и вели нашествіенныя войны, поприщемъ которыхъ, какъ по всему кажется, были преимущественно Эѳіопія, Финикія и средняя Азія до Инда и Окса, а цѣлію ихъ — не столько завоеванія, сколько обогащеніе сборомъ дани и добычею въ странахъ плодородныхъ, торговыхъ и богатыхъ. Такъ причиною и цѣлію войнъ съ Эѳіопіею были — желаніе обуздать кочевыя племена, обитавшія въ сосѣдствѣ съ южными предѣлами Египта и безпрестанно вторгавшіяся въ нихъ, въ особенности же алчность къ золоту и драгоценнымъ естественнымъ произведеніямъ, которыми изобиловала Эѳіопія. Преданія и памятники свидѣтельствуютъ, что нашествіенныя войны фараоновъ-сезостридовъ имѣли въ разныя времена результатами — завоеваніе египтянами сѣверной Эѳіопіи (нынѣшней Нубіи), — земель къ востоку и западу отъ долины Нила, всей или части каменистой и нѣкоторыхъ приморскихъ частей южной Аравіи, и прочное господство египтянъ надъ этими странами. Но нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы фараоны-сезостриды когда-либо совершили прочныя завоеванія въ западной и средней Азіи.

Блистательною военною эпохою Египта было царствованіе Рамзеса III или Сезостриса I. Одни изъ его походовъ и завоеваній могутъ быть признаны достовѣрными, другіе болѣе или менѣе вѣроятными, а остальные сомнительными.

Къ первымъ принадлежатъ тѣ, въ свидѣтельствѣ о которыхъ и древніе писатели, и древніе памятники согласны между собою, а именно: походы въ Эѳіопію, Аравію и въ Ериѳрейское или Индійское море, и завоеванія въ нихъ. Собравъ сильное войско (по преданіямъ до 60.000 чел. пѣхоты, 27.000 военныхъ колесницъ и 24.000 чел. конницы), Сезострисъ двинулся прежде всего въ Эѳіопію, завоевалъ ее до самой южной ея оконечности (Мероэ) и обложилъ жителей оной данію (состоявшею изъ золота, слоновой кости и чернаго дерева). Затѣмъ, впервые соорудивъ на Черномъ морѣ флотъ изъ длинныхъ кораблей *), онъ завоевалъ всю или

*) У древнихъ народовъ вообще военные суда назывались длинными, а торговые круглыми, какъ изъяснено ниже (главы VI § 43).

часть каменистой Аравіи, совершилъ морской походъ въ Аравійскомъ заливѣ и Индійскомъ морѣ, и завоевалъ приморскіе берега южной Аравіи и Азіи до Индіи, равно и нѣсколько острововъ на Индійскомъ морѣ. Но, по словамъ Геродота, достигнувъ такого моря, по которому не могъ плыть далѣе по причинѣ отмелей, онъ принужденъ былъ возвратиться.

Послѣдовавшіе затѣмъ походы его: морской съ другимъ флотомъ — въ Средиземномъ морѣ къ берегамъ Финикіи, и сухопутные — въ западной и малой Азіи, и завоеваніе имъ во время этихъ походовъ острова Кипра, береговъ Финикіи, нѣкоторыхъ изъ Цикладскихъ острововъ и малой Азіи до самой Θракіи — недостоверны, но вѣроятны, хотя можетъ быть завоеванныя египтянами въ этихъ походахъ страны недолго оставались въ ихъ власти.

Походы же и завоеванія Сезостриса въ средней Азіи, предшествовавшія завоеваніямъ его въ Малой, и распространенныя будто бы до рѣкъ Окса и Инда—весьма сомнительны, но во всякомъ случаѣ должны имѣть какое-нибудь историческое основаніе. Если и предположить, что Сезострисъ прошелъ до Окса и Инда, то вѣроятно завоеванія его въ этихъ странахъ были непрочны и непродолжительны, или, что еще вѣроятнѣе, онъ ограничился только сборомъ дани съ побѣжденных имъ народовъ.

Изъ темныхъ преданій объ этихъ войнахъ и походахъ Сезостриса невозможно составить себѣ никакого понятія о характерѣ ихъ и объ образѣ и искусствѣ веденія Сезострисомъ войны. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что причинами успѣховъ Сезостриса должны были быть какъ личное его искусство, такъ и превосходство войска его въ числѣ и устройствѣ надъ войсками тѣхъ народовъ, съ которыми онъ воевалъ.

Въ смутное время (1200—670), Египетъ былъ поприщемъ междоусобныхъ войнъ, а въ 9-мъ и 8-мъ вѣкахъ передъ Р. Х. подвергался сверхъ того частымъ нашествіямъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ, преимущественно царей Эѳіопіи и средней Азіи, — и завоеванію ими. Такъ въ 8-мъ вѣкѣ онъ былъ завоеванъ Саваконемъ, царемъ эѳіопскимъ (вѣроятно южной Эѳіопіи или Мероэ).

При одномъ изъ преемниковъ Савакона, Тирхакконъ (или Өаррахъ), Египту угрожало нашествіе ассирійскаго царя Сеннахерима; но побѣда, одержанная на его предѣлахъ египтянами надъ ассиріянами, спасла его (714).

Въ началѣ 7-го вѣка передъ Р. Х. междуусобныя войны раздробленнаго Египта кончились торжествомъ Псамметиха I саисскаго, съ помощію греческихъ наемныхъ войскъ, надъ царями или правителями египетскихъ областей, и соединеніемъ имъ этихъ областей въ монархію — подъ своею властію (670). Съ этого времени фараоны египетскіе, имѣя въ виду возстановленіе древней воинской славы Египта, стремились, подобно Сезостридамъ, къ обширнымъ внѣшнимъ завоеваніямъ въ Африкѣ и особенно въ Азіи. Предметами нашествянныхъ войнъ ихъ были преимущественно царства Іудейское и Израильское, Финикія, Сирія, Вавилонія и Ассирія. Но времена были уже не тѣ: египетскіе фараоны встрѣтили въ монархахъ средней Азіи могущественныхъ противниковъ, и въ войнахъ съ ними успѣхъ вообще былъ не на сторонѣ египтянъ.

Такъ уже Псамметихъ (670—616), вскорѣ послѣ утвержденія своего на престолѣ, совершилъ походъ въ Палестину и Финикію. Объ этомъ походѣ извѣстно только, что Псамметихъ покорилъ городъ Азотъ или Аздодъ, въ землѣ филистимской, послѣ 29-ти лѣтней осады онаго (вѣроятно нѣсколько разъ прекращаемой и возобновляемой).

Сынъ и преемникъ Псамметиха, Нехао или Нехо (616—601), основатель морской силы Египта, продолжая завоеванія отца своего въ западной Азіи, разбилъ іудейскаго царя Іосію и покорилъ Іудею, всю страну до Евфрата и даже многіе города на этой рѣкѣ. Но три года спустя онъ лишился всѣхъ этихъ завоеваній, вслѣдствіе одной, рѣшительной побѣды, одержанной надъ нимъ Навуходоносоромъ при Киркезіѣ (606).

Войны фараона Апрія, Эфрея или Гофры (594—569) были стольже неудачны. Заключивъ союзъ съ іудейскимъ царемъ Седекією, онъ двинулся противъ Навуходоносора, осаждавшаго Іерусалимъ (589); но Навуходоносоръ разбилъ его, вторгнулся въ

Египетъ и, взявъ съ него дань, воротился въ Іудею. Морское предпріятіе Апрія противъ Сидона, Тира и Кипра было удачнѣе, но сухопутный походъ, предпринятый имъ съ одними египетскими войсками противъ греческаго поселенія Кирены въ сѣверной Африкѣ, къ западу отъ Египта, кончился несчастнымъ образомъ. Войско Апрія было разбито и весь Египетъ возсталъ, избравъ въ цари Амазиса. Произшедшая вслѣдствіе того война между египтянами, предводительствуемыми Амазисомъ, и Априемъ, предводительствовавшимъ греческими наемниками, въ самомъ началѣ была рѣшена пораженіемъ и взятіемъ въ плѣнъ Апрія въ сраженіи при Момефисѣ (569). Амазисъ въ концѣ продолжительнаго и мирнаго царствованія своего (569—525), союзомъ съ Лидією и Вавилонією противъ персовъ, вооружилъ противъ себя этихъ новыхъ и страшныхъ завоевателей — и въ первый годъ царствованія сына и преемника его, Псамменита, Египетъ былъ завоеванъ сыномъ Кира, Камбизомъ, вслѣдствіе одной, рѣшительной побѣды при Пелузіѣ и взятія Мемфиса послѣ кратковременной осады (525).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПЕРСЫ.

§ 15. Воинскій бытъ персовъ до Кира и военное устройство персидской монархіи при Кирѣ и Камбизѣ. — § 16. Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ. — § 17. Фортификація и полiorцетика. — § 18. Войны персовъ при Кирѣ и Камбизѣ.

Источники: указанные въ главѣ I и сверхъ того Ксенофонта Киропедія.

§ 15.

Воинскій бытъ персовъ до Кира и военное устройство персидской монархіи при Кирѣ и Камбизѣ.

Персы до временъ Кира составляли немногочисленный горскій народъ, обитавшій въ гористыхъ частяхъ области Персиды и подвластный сначала ассиріянамъ, а потомъ мидянамъ. Отличаясь правами простыми, суровыми, мужественными и воинственными, они вели жизнь отчасти осѣдлую, большею же частию кочевую, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и войною, и сообразно съ тѣмъ раздѣлялись на 10 кастъ: 3 земледѣльческія, 4 пастушескія и 3 военныя. Послѣднія, въ особенности поколѣніе пассаргадовъ (современъ Кира сдѣлавшееся царственнымъ), считались благородными и составляли высшее, господствующее сословіе народное. Право носить оружіе и заниматься войною было исключительнымъ, наследственнымъ преимуществомъ ихъ. Онѣ отличались храбростію, воинственнымъ духомъ, способностію къ войнѣ и опытностію въ военномъ дѣлѣ, — чему немало способствовало общественное воен-

ное воспитаніе, уже съ раннихъ лѣтъ получаемое персидскими воинами и заключавшееся, какъ вообще у древнихъ восточныхъ народовъ, въ гимнастическихъ и воинскихъ упражненіяхъ, и въ охотѣ противъ дикихъ звѣрей, какъ представлявшей живой образъ войны.

Съ этимъ-то воинственнымъ сословіемъ персидскаго народа Киръ и совершилъ свои обширныя завоеванія. Если вѣрить Ксенофоновой Киропедіи, онъ предпринялъ ихъ съ 30.000 отборнѣйшихъ персидскихъ воиновъ, число которыхъ увеличилось въ послѣдствіи до 70.000 человѣкъ. По мѣрѣ завоеванія имъ чуждыхъ странъ и народовъ, персидскіе воины были усиливаемы какъ войсками этихъ народовъ, такъ и кочевыми племенами Азіи, присоединявшимися къ Киру. Персидскія войска составляли ядро, лучшую часть и главную силу такого рода разнообразно составленныхъ полчищъ, а знатнѣйшія лица персидскихъ военныхъ кастъ были въ нихъ высшими военачальниками, и имъ поручалось также военное управленіе въ завоеванныхъ странахъ, въ которыхъ они были оставляемы съ сильными отрядами персидскихъ войскъ для содержанія жителей въ повиновеніи. По завоеваніи Киромъ средней, малой и западной Азіи, касты персидскихъ воиновъ сдѣлались господствующимъ среди покоренныхъ народовъ сословіемъ и главнымъ, отборнѣйшимъ, постояннымъ войскомъ персидской монархіи. Покоренные персами народы, сохранивъ прежнія свои внутреннія устройство и управленіе, обязаны были, въ случаѣ надобности и по востребованію, выставять извѣстное число вспомогательныхъ войскъ. Страны ихъ продолжали по прежнему быть занимаемы персидскими войсками и находиться подъ военнымъ управленіемъ начальствовавшихъ персидскихъ полководцевъ. Персидскія войска частію были размѣщены въ полѣ, бѣльшею же частію составляли стражу городовъ, особливо пограничныхъ: ибо незнакомые съ искусствомъ брать города осадю, персы тѣмъ болѣе дорожили прочнымъ обладаніемъ взятыхъ ими городовъ, чѣмъ болѣе труда стоило имъ взятіе оныхъ, — и сверхъ того видѣли въ немъ лучшее средство къ прочному обладанію завоеванными странами. Послѣднія были обязаны содержать и продовольствовать находившіяся въ нихъ персидскія войска.

Въ этомъ и заключалось военное устройство персидской монархіи при Кирѣ, равно и при Камбизѣ, — одинаковое во всѣхъ древнихъ азійскихъ монархіяхъ, основанныхъ завоеваніями, по крайней мѣрѣ въ первыя времена образованія ихъ. Но распространіе между кастами персидскихъ воиновъ, уже при Кирѣ и еще болѣе при Камбизѣ — законовъ, нравовъ, обычаевъ и роскоши мидянъ имѣло немаловажное вліяніе и на военное устройство персидской монархіи, и на устройство, нравы и духъ персидскихъ военныхъ кастъ. Цари персидскіе окружили себя пышнымъ военнымъ дворомъ и тѣлохранителями, а высшіе, знатнѣйшіе сановники, по примѣру царей — дружинами собственныхъ домашнихъ войскъ. Военныя же касты, въ скоромъ времени заразившись пороками завоеванныхъ народовъ и предавшись роскоши, начали мало по малу утрачивать прежнія добродѣтели, хорошее устройство, воинственный духъ, и клониться къ нравственному разстройству и упадку.

Такого рода перемѣна была мало замѣтна и ощутительна при Кирѣ, который неослабнымъ соблюденіемъ строгаго воинскаго порядка между персидскими войсками умѣлъ умѣрять вредное вліяніе на нихъ новыхъ нравовъ и обычаевъ. Но, по смерти его, нравственное зло стало быстро развиваться и посреди непрерывныхъ внѣшнихъ войнъ Камбиза и внутреннихъ смутъ въ концѣ его царствованія и при лже-Смердисѣ, военное устройство персидской монархіи не могло сохранить надлежащаго, правильнаго вида.

§ 16.

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

Ксенофонтъ въ своей Киропедіи превозноситъ похвалами устройство персидскихъ войскъ или лучше сказать военныхъ кастъ при Кирѣ. Но, какъ извѣстно, Киропедія есть родъ военно-историческаго романа, написаннаго для наставленія младшаго Кира и въ

которомъ Ксенофонтъ, очевидно, украсилъ вымысломъ свѣдѣнія, собранныя имъ о жизни и подвигахъ старшаго Кира и о военномъ воспитаніи благороднаго персидскаго юношества, присоединивъ къ нимъ собственные свои мысли, мнѣнія и наблюденія о военномъ дѣлѣ — плоды долговременной своей военной опытности. За всѣмъ тѣмъ изъ Киропедіи и изъ исторіи Кира вообще съ вѣроятностію заключить можно, что персидскія войска при Кирѣ, преимущественно отличаясь строгимъ воинскимъ порядкомъ и воинственнымъ духомъ, имѣли также хорошее, хотя и простое, устройство, которое весьма вѣроятно пришло въ упадокъ уже вскорѣ послѣ смерти Кира. Преемники Кира, возлагая свою надежду на многочисленность вооруженныхъ силъ, которыми могли располагать, стали постепенно пренебрегать, сначала — воинскимъ порядкомъ, а потомъ — и устройствомъ войскъ.

Гористыя свойства Персиды и бѣдность персовъ прежде, нежели они обогатились завоеваніями, были причинами, что лошадей въ Персидѣ было мало, и что персы, не имѣя средствъ воевать на коняхъ, до Кира и въ началѣ его завоеваній сражались исключительно пѣшими. Но въ столкновеніи съ мидянами, ассиріянами и другими народами средней Азіи, у которыхъ, особенно у мидянъ, была многочисленная и отличная конница, Киръ убѣдился въ необходимости имѣть такую же и въ своемъ войскѣ. Поэтому онъ образовалъ, передъ началомъ войны съ Крезомъ, отрядъ персидской конницы. По словамъ Ксенофонта, посадивъ 10.000 персовъ на лошадей, отбитыхъ у ассиріяновъ и другихъ народовъ, и тщательно обучивъ ихъ конному дѣйствию, онъ въ первый разъ и съ большимъ успѣхомъ употребилъ ихъ въ сраженіи при Тимврѣ. Постепенно умножаясь числомъ, они послужили основаніемъ многочисленной и отличной въ послѣдующія времена персидской конницы.

И вооруженіе также, до Кира и первоначально при Кирѣ, персы имѣли простое и легкое, состоявшее изъ луковъ и стрѣлъ, пращей и дротиковъ, а изъ предохранительнаго вооруженія носили только небольшіе и легкіе щиты. Но по мѣрѣ завоеванія богатыхъ странъ Азіи, они постепенно начали вооружаться лучше,

разнообразіе, богаче и тяжелѣ — металлическимъ кованымъ оружіемъ. Уже прежде войны съ Крезомъ, Киръ вооружилъ большую часть персидскихъ войскъ, сверхъ луковъ и дротиковъ, сѣкирами, мечами, шлемами и латами. Въ концѣ же царствованія его, когда роскошь уже значительно распространилась между персами, вооруженіе ихъ составляли: короткія копья, дротики и мечи, — большіе луки и длинныя стрѣлы, — сѣкиры и топоры, а изъ предохранительнаго вооруженія — шлемы и латы, и по прежнему легкіе деревянные щиты. Вообще у персовъ рукопашное оружіе было главнымъ и пользовалось наибольшимъ уваженіемъ.

По роду вооруженія, персидскія войска были легкія и тяжелыя. Изъ вышесказаннаго видно, что вдревле они состояли исключительно изъ легковооруженной пѣхоты. Позже при Кирѣ образовалась и тяжелая. Конница персидская, съ самаго начала учрежденія ея Киромъ, получила, по образцу мидійской, ассирійской и другихъ, тяжелое предохранительное вооруженіе и сверхъ того дротики, копья, сѣкиры и мечи. Легкую же конницу составляли большею частію войска кочевыхъ племенъ, сражавшихся на коняхъ. Вообще у персовъ при Кирѣ и Камбизѣ пѣхоты было болѣе, нежели конницы, а легкихъ войскъ болѣе, нежели тяжелыхъ. Ксенофонтъ говоритъ въ Киропедіи, что въ сраженіи при Тимбрѣ у Кира было 160.000 чел. пѣхоты (60.000 персовъ и 100.000 союзниковъ) и 36.000 чел. конницы (10.000 персовъ и 26.000 союзниковъ), — что изъ 60.000 чел. персидской пѣхоты было 20.000 тяжелой, 20.000 средней и 20.000 легкой, и что 10.000 конныхъ персовъ составляли тяжеловооруженную конницу, а 126.000 союзныхъ войскъ состояли частію изъ тяжелыхъ и большею частію изъ легкихъ войскъ.

Сверхъ пѣхоты и конницы, въ составѣ персидскихъ армій при Кирѣ и Камбизѣ были военныя колесницы. По словамъ Ксенофонта, число ихъ у Кира было незначительно (въ сраженіи при Тимбрѣ только 300), — но вслѣдствіе особеннаго устройства, даннаго имъ Киромъ, дѣйствіе ихъ было чрезвычайно вредоносно и страшно для непріятеля. Именно Киръ устроилъ, передъ войною съ Крезомъ, большія военныя колесницы о 4-хъ колесахъ, имѣв-

шія со всѣхъ сторонъ перила; къ дышламъ ихъ были прикрѣплены копья, а къ колесамъ косы, и въ каждой колесницѣ, запряженной 4-мя лошадьми, которыя были покрыты латами, находилось по 4 и болѣе воиновъ, вооруженныхъ луками, дротиками, копьями и мечами. Ксенофонтъ упоминаетъ также о большихъ колесницахъ или повозкахъ, изъ коихъ каждая будто бы имѣла 8 дышелъ, была запряжена 8-ю парами воловъ и перевозила утвержденную на ней четверугольную деревянную башню, вышиною въ 20 футовъ, съ 12-ю стрѣлками въ ней.

Сверхъ того, по свидѣтельству Ксенофонта, Киръ имѣлъ въ сраженіи при Тимврѣ около 600 вооруженныхъ верблюдовъ и метательныя орудія. На каждомъ изъ верблюдовъ было по 2 аравійскихъ стрѣлка, сидѣвшихъ спиною одинъ къ другому. Внезапное появленіе этого отряда привело конницу Креза въ совершенное разстройство: лошади, испуганныя видомъ и смрадомъ верблюдовъ, побросали съ себя всадниковъ и произвели такой безпорядокъ, что персы легко и скоро разбили и эту конницу, и все крыло, на которомъ она находилась. Что касается метательныхъ орудій, то Ксенофонтъ не объясняетъ ни устройства, ни числа, ни мѣста, ни образа дѣйствій ихъ въ сраженіи при Тимврѣ.

О раздѣленіи, строѣ и образѣ дѣйствій персидскихъ войскъ до Кира, равно при Кирѣ и Камбизѣ, не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣденій. То, что объ этомъ говоритъ Ксенофонтъ въ своей Киропедіи, не заслуживаетъ вѣроятія потому, что носитъ на себѣ явный отпечатокъ греческой тактики и составляетъ какъ бы иносказательное наставленіе въ правилахъ ея, примѣненныхъ къ устройству персидскихъ войскъ младшаго Кира. Впрочемъ весьма вѣроятно, что раздѣленіе, строй и образъ дѣйствій персидскихъ войскъ были болѣе или менѣе усовершенствованы Киромъ, вслѣдствіе введенія имъ въ оныя болѣе правильности и порядка.

§ 17.

Фортификація и Поліорцетика.

До времени Кира персы не знали ни фортификаціи, ни поліорцетики. Первая ограничивалась у нихъ, можетъ быть, огражде-

ніемъ жилищъ и становъ грубыми оплотами изъ земли, дерева и каменьевъ. Но со временъ Кира фортификація и поліорцетика вѣроятно достигли у нихъ мало по малу той же степени, на которой находились у покоренныхъ персами и у всѣхъ вообще древнихъ восточныхъ народовъ.

Ксенофонтъ въ Киропедіи нигдѣ не упоминаетъ объ искусственномъ укрѣпленіи персами, при Кирѣ, становъ своихъ, — но говоритъ, что они на войнѣ располагались въ ставкахъ и что Киръ часто строилъ небольшія крѣпостцы, для обезпеченія завоеванныхъ земель отъ нападеній внѣшнихъ враговъ. Такъ, по словамъ его, Киръ въ походѣ своемъ въ Арменію, принудивъ царя ея покориться, построилъ крѣпостцы на ея предѣлахъ для обезпеченія ихъ отъ нападеній халдеевъ со стороны Кавказа. Въ послѣдствіи персы, завоевавъ всѣ страны средней и малой Азіи, начали строить и укрѣплять города такъ, какъ строили и укрѣпляли ихъ мидяне, вавилоняне и прочіе народы Азіи, — подобно имъ съ особеннымъ тщаніемъ укрѣпляя столицы и мѣстопробыванія царей. Такъ, еще при Кирѣ начато было построение и укрѣпленіе Персеполя. По Діодору Сицилійскому, замокъ или внутренняя крѣпость Персеполя была ограждена тройнымъ рядомъ каменныхъ зубчатыхъ стѣнъ: 1-я, или наружная была вышиною въ 24 локтя (около 6 сажень), 2-я вдвое выше, а 3-я, вышиною въ 90 футовъ (около 13 сажень), была построена въ видѣ четвероугольника и выложена изъ весьма твердаго камня. Каждый бокъ крѣпости имѣлъ одни мѣдныя ворота.

Но въ искусствѣ брать города осадю персы являются, въ войнахъ Кира, невѣжественными, хотя, по словамъ Ксенофонта, знали и употребляли метательныя и стѣнобитныя орудія. Всего чаще они брали города хитростію. Такъ взята была, послѣ сраженія при Тимврѣ, столица Креза, Сардесъ. Между тѣмъ, какъ Киръ съ главными силами своего войска производилъ ложное нападеніе на этотъ городъ съ одной стороны, — посланный имъ отрядъ войскъ успѣлъ съ противоположной стороны случайно взобраться на крутую скалу, на которой находился замокъ или цитадель Сардеса, и овладѣлъ какъ замкомъ, такъ и городомъ, не встрѣтивъ въ нихъ почти

никакого сопротивленія, потому что все вниманіе и всѣ войска Креза были обращены противъ Кира, а со стороны зámка, самую природою вполне обезпеченнаго, какъ казалось, отъ нападенія, почти вовсе не было войскъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда непріятельскій городъ былъ обширенъ, сильно укрѣпленъ, занятъ многочисленнымъ войскомъ и въ изобиліи снабженъ продовольствіемъ, персы принуждены бывали ограничиваться обложеніемъ его, чтобы голодомъ принудить жителей къ сдачѣ. Такъ Киръ 2 года облегалъ обширный и чрезвычайно сильно укрѣпленный Вавилонъ, и по словамъ Ксенофонта только тогда овладѣлъ имъ, когда продолжительными и трудными работами отвелъ въ другую сторону теченіе Евфрата, протекавшаго по срединѣ Вавилона, и тѣмъ осушивъ прежнее ложе рѣки, неожиданно ворвался этимъ путемъ въ городъ.

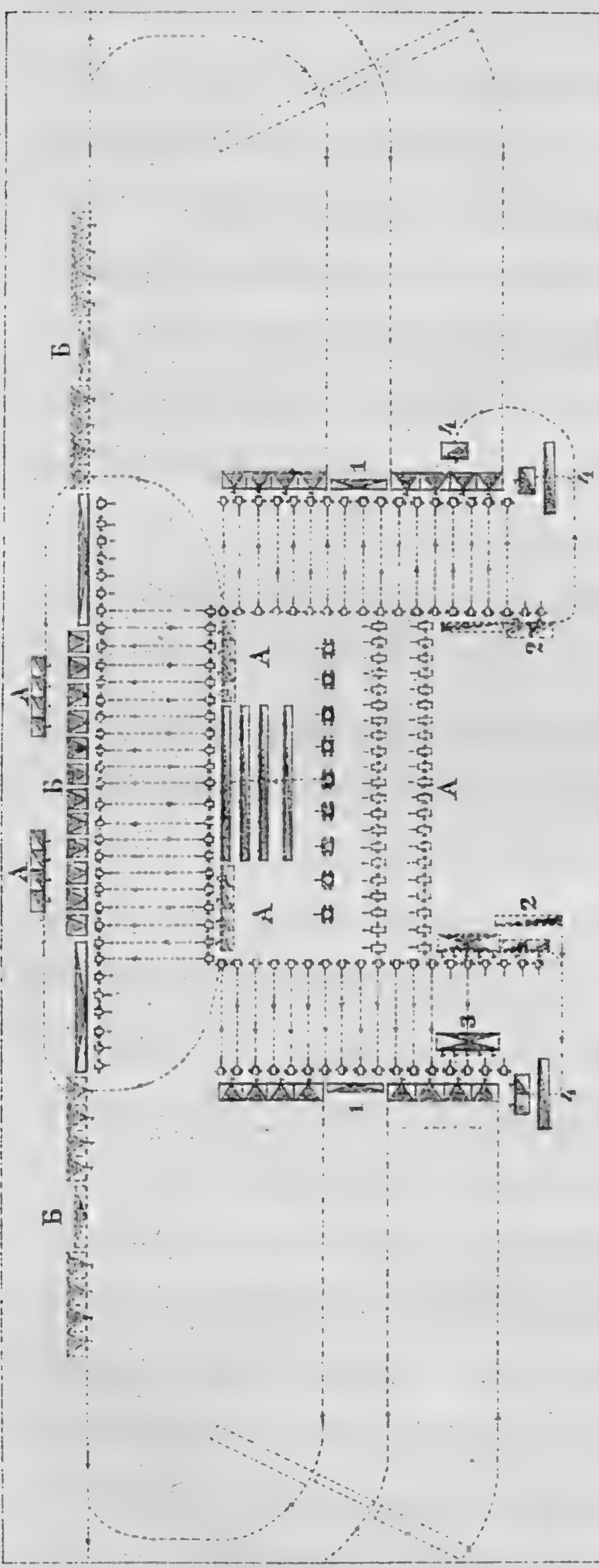
§ 18.

Войны персовъ при Кирѣ и Камбизѣ.

Въ то время, когда монархіи мидійская и вавилонская, подъ правленіемъ царей своихъ Астіага и Нериглоссара, клонились къ упадку, а монархія лидійская, подъ правленіемъ Креза, еще не успѣла достаточно утвердиться, — персидскія племена, находившіяся въ подданствѣ мидянъ, признали вождемъ своимъ Аградата, принадлежавшаго къ знатнѣйшему изъ поколѣнія пассаргадовъ роду Ахеменидовъ, и возстали противъ Астіага. Неправосудіе и жестокость послѣдняго, сдѣлавъ его ненавистнымъ для его подданныхъ, вѣроятно доставили Аградату, принявшему названіе Кореса (солнца) или Кира, многихъ приверженцевъ въ Мидіи. Неблагодарныя же мѣры Астіага ускорили его паденіе, облегчивъ Кирѣ и персамъ побѣду надъ нимъ: именно Астіагъ поручилъ укрощеніе мятежа тайнымъ врагамъ своимъ и измѣнникамъ, и сверхъ того большая часть мидійскаго войска состояла, кажется, изъ персовъ. А потому въ битвѣ, произшедшей въ 560 году между Астіагомъ и Киромъ при Пассаргадѣ, всѣ персы, находившіеся въ Астіаго-

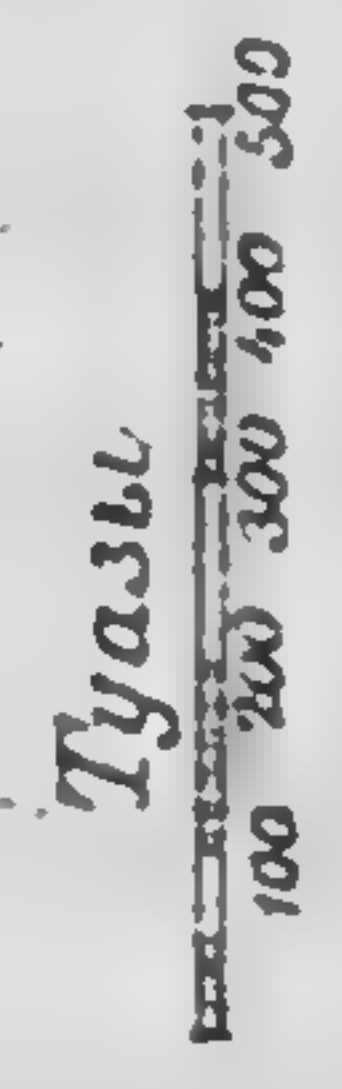
вомъ войскѣ, съ самаго начала передались Киру, и онъ безъ труда одержалъ надъ Астіагомъ и мидянами рѣшительную побѣду. Взятіемъ затѣмъ Экба. ны и плѣненіемъ Астіага положенъ былъ конецъ владычеству мидянъ, и власть перешла въ руки Кира. Этотъ первый и важный успѣхъ возбудилъ въ Кирѣ стремленіе къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, а въ царяхъ вавилонскомъ и лидійскомъ — сильное безпокойство. Между тѣмъ, какъ они составляли между собою союзъ противъ Кира и готовились къ войнѣ, Киръ обратился противъ царя Арменіи, отложившагося отъ Мидіи. Быстрымъ движеніемъ въ Арменію и внезапнымъ появленіемъ въ ней онъ почти безъ боя принудилъ ея царя покориться, платить ему дань и присоединить къ нему свои войска. Затѣмъ Киръ усмирилъ воинственныхъ халдеевъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Арменіи, заключилъ съ ними союзъ, и для обезпеченія отъ ихъ нападенія предѣловъ Арменіи; построилъ на нихъ нѣсколько малыхъ крѣпостей.

Встревоженный успѣхами Кира, Крезъ заключилъ противъ него союзъ съ Амазисомъ египетскимъ, новымъ царемъ вавилонскимъ Навоннадомъ и съ спартапцами. Но вѣроятно желая предупредить Кира, онъ не дождался прибытія войскъ своихъ союзниковъ и съ одними войсками лидійскими перешелъ (550) чрезъ рѣку Галисъ, которая составляла восточную границу лидійскаго государства и отдѣляла его отъ новообразовавшагося царства Персидскаго. Вступивъ въ Каппадокію, одну изъ западныхъ областей послѣдняго, онъ опустошилъ плодороднѣйшій и богатѣйшій округъ ея — Птерійскій, разграбилъ внутренніе города его и пристани Евксинскаго понта, а жителей ихъ частію обратилъ въ рабство. Затѣмъ онъ готовился уже идти во внутренность персидскаго государства, но былъ предупрежденъ Киромъ, который, двинувшись противъ него, безпрестанно усиливалъ себя на пути войсками покоренныхъ народовъ и независимыхъ кочевыхъ племенъ. Движеніе Кира въ Каппадокію было столь быстро, что онъ прибылъ туда еще прежде, нежели Крезъ успѣлъ выступить въ походъ. На равнинѣ Птерійской произошла упорная, жестокая и кровопролитная битва, которая продолжалась цѣлый день и была прекращена только ночью. Обѣ стороны понесли огромныя потери, но

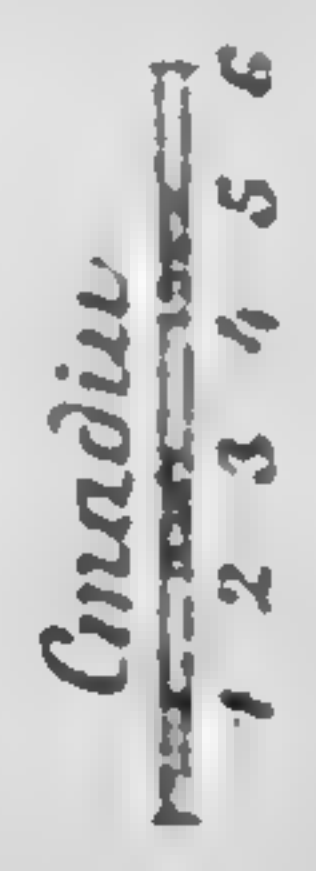
Сраженіе
при
Оимвръ.

Военныя колесницы съ козлами.
Повозки съ башнями.
Повозки съ тяжестями.
(обозъ)

А. Армія Кура.
Б. Крза.

1. Два крыла Кура, охватывающія армію Крза.
2. Резервы Кура.
3. Отрядъ верблюдовъ.
4. Движенія резервовъ.

ни та, ни другая не одержала рѣшительной побѣды. Киръ не преслѣдовалъ Креза и дозволилъ ему безпрепятственно отступить къ Сардесу. Но едва только Крезъ распустилъ свое войско, намѣреваясь слѣдующею весною снова собрать его, соединиться съ войсками своихъ союзниковъ и двинуться противъ Кира, какъ сей послѣдній, имѣя въ виду предупредить сосредоточеніе силъ своихъ враговъ, быстро двинулся къ Сардесу съ 196.000 войскъ (составъ которыхъ означенъ выше), 300 военными колесницами и 300 вооруженными верблюдами. Ксенофонтъ, описывая походъ Кира къ Сардесу, хвалитъ особенную заботливость его о снабженіи своего войска продовольствіемъ и всѣми необходимыми въ походъ военными запасами, орудіями и прочими потребностями, и въ подробности исчисляетъ всѣ принятыя имъ въ этомъ отношеніи мѣры. Едва только Крезъ успѣлъ собрать свои войска (240.000 чел. пѣхоты и 60.000 чел. конницы), соединиться съ 120.000 чел. союзной египетской пѣхоты, и съ войскомъ силою всего въ 420.000 чел. и 300 военными колесницами двинуться отъ Сардеса на встрѣчу Кирѣ, какъ уже на обширной равнинѣ при Тимврѣ, неподалеку отъ своей столицы, на берегахъ рѣки Пактола, встрѣтилъ Кира. Здѣсь произошла та важная битва, рѣшительная побѣда въ которой покорила Кирѣ лидійское царство. Ксенофонтъ (если только вѣрить ему) описываетъ ее ниже слѣдующимъ образомъ, присовокупляя, что распоряженія Кира и дѣйствія персидскихъ войскъ въ ней служили персамъ образцомъ даже и въ позднѣйшія времена.

Чтобы охватить и окружить числительно-слабѣйшее войско Кира, Крезъ построилъ собственное войско въ одну длинную линію, въ срединѣ которой находилась пѣхота, а на обоихъ крылахъ конница, перемежаемая съ пѣхотою. Какъ пѣхота, такъ и конница были построены частями или отдѣленіями, имѣвшими по 30 человѣкъ въ глубину. 120.000 человѣкъ египетской пѣхоты, находившіеся въ центрѣ Крезовой пѣхоты, не хотѣли отступить отъ обычнаго своего строя и расположились въ 12-ти огромныхъ, сомкнутыхъ, плотно-сдвинутыхъ одна съ другою, квадратныхъ массахъ, въ каждой изъ которыхъ было по 100 человѣкъ во фронтѣ, по стольку же въ глубину, а всего слѣдовательно по 10.000 чел.

Усмотрѣвъ силу и расположеніе Крезова войска и разгадавъ намѣренія Креза, Киръ съ своей стороны построилъ: персидскія пѣхоту и конницу — глубиною, не въ 24, какъ обыкновенно прежде, но только въ 12 человѣкъ, — все же свое войско — въ 5 линій: въ 1-й тяжеловооруженную пѣхоту, во 2-й, въ близкомъ разстояніи отъ 1-й, среднюю пѣхоту, метавшую дротики, въ 3-й легкую, т. е. стрѣлковъ изъ лука, которые должны были стрѣлять навѣсно по верхъ впередъ стоявшихъ войскъ, въ 4-й линіи — отборнѣйшую пѣхоту, долженствовавшую поддерживать переднія войска, въ 5-й линіи — повозки съ башнями и стрѣлками, о которыхъ говорено выше, а позади всего войска — обозныя повозки въ видѣ пустого четвероугольника, внутри котораго помѣстились всѣ нестроевые. Конницу Киръ поставилъ на обоихъ крылахъ. 300 колесницъ, вооруженныхъ копьями и косами, онъ расположилъ такъ, что 100 прикрывали фронтъ, а остальные — фланги всего войска. Для большихъ прикрытія и обезпеченія фланговъ, онъ поставилъ за оконечностями каждаго изъ нихъ, позади обозовъ, по 1.000 человѣкъ пѣхоты и по 1.000 человѣкъ конницы, изъ числа отборнѣйшихъ своихъ войскъ. При лѣвомъ фланговомъ запасномъ отрядѣ находились 300 вооруженныхъ верблюдовъ. Располагая такимъ образомъ свое войско, Киръ, по словамъ Ксенофонта и по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду: во 1-хъ дать боевому порядку своему наибольшую глубину, дабы тѣмъ принудить непріятеля произвести, при обходѣ фланговъ Кирова войска, дальнія движенія и вслѣдствіе того — растянуться, разорваться и ослабить себя, во 2-хъ стрѣлки изъ лука были расположены не въ 1-й линіи, а въ 3-й, вѣроятно для того, чтобы, по многочисленности своей, не произвести разстройства между тяжелыми войсками, отступленіемъ сквозь ихъ промежутки; навѣсную же стрѣльбу, хотя и менѣе сильную, но болѣе дальнюю, нежели настильная, Киръ почиталъ весьма дѣйствительною противъ непріятеля, расположеннаго въ большихъ сомкнутыхъ массахъ; въ 3-хъ, повозки съ башнями и стрѣлками были поставлены въ 5-ю линію для того, чтобы пѣхота могла найти за ними надежное убѣжище въ случаѣ неудачи, или если бы была слишкомъ сильно тѣснима; въ 4-хъ, два запасные отряда, расположенные скрытно позади обо-

ихъ фланговъ, имѣли назначеніе произвести внезапно и стремительно нападеніе, какъ изъ засады, на фланги и тылъ обходящихъ Крезовыхъ войскъ въ то время, когда фланговые: военные колесницы и конница Кирова нападуть на нихъ съ фронта; — и въ 5-хъ, вообще Киръ хотѣлъ собственное войско сколь можно болѣе сосредоточить и построить глубоко, а войско Крезово заставить, напротивъ, растянуться и разорваться, — и затѣмъ, имѣя всѣ войска свои подъ рукою, изъ центрального расположенія своего напасть на раздробленное непріятельское войско и разбить его по частямъ, т. е. сначала оба крыла его, а потомъ и охваченныя, окруженныя со всѣхъ сторонъ, главныя его силы.

Всѣ распоряженія Кира были исполнены съ величайшею точностію и увѣнчаны полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ. Коль скоро оба войска сблизились, центръ (или главныя силы) Крезова войска остановился, и оба крыла его начали огибать фланги Кирова войска, при чемъ дѣйствительно растянулись, разорвались и отдѣлились отъ своего центра. Тогда Киръ, войско котораго стояло неподвижно на мѣстѣ, лично произвелъ съ конницею праваго запаснаго отряда, за которою слѣдовала и пѣхота того же отряда, стремительное нападеніе на обходившее лѣвое крыло Крезова флангъ и въ тылъ, между тѣмъ, какъ военные колесницы Кирова праваго крыла устремились на непріятельское лѣвое крыло съ фронта. Тоже самое было исполнено и на лѣвомъ Кировомъ крылѣ противъ праваго крыла Крезова. Въ самомъ непродолжительномъ времени оба Крезовы крыла были приведены въ разстройство, опрокинуты, разбиты и разсѣяны. Затѣмъ Киръ произвелъ рѣшительное нападеніе на главныя силы Креза съ трехъ сторонъ въ одно время, главными своими силами, — съ фронта, а обоими крылами—съ фланговъ и даже тыла. Завязался жестокий рукопашный бой, въ которомъ огромныя, сомкнутыя, глубокія и тѣсносдвинутыя массы египетской пѣхоты терпѣли чрезвычайный уронъ отъ совокупныхъ дѣйствій Кировыхъ военныхъ колесницъ, пѣхоты и конницы, и отъ навѣсной стрѣльбы Кировыхъ легкихъ войскъ. Египтяне сражались съ чрезвычайными стойкостью и упорствомъ, — даже заставили однажды персидскую пѣхоту отсту-

пить — держались еще и тогда, когда уже всё остальные войска Крезовы были разбиты и разсыяны, и ни за что не хотѣли сдаваться; но наконецъ заключили съ Киромъ договоръ, по которому согласились вступить въ его службу на жалованье, а Киръ, въ уваженіе оказанной ими необыкновенной храбрости, обязался дать имъ города и земли для поселенія съ семействами.

Крезъ, съ остатками своихъ войскъ, бѣжалъ въ Сардесъ и былъ обложенъ въ немъ Киромъ. Такъ какъ Сардесъ былъ сильно укрѣпленъ и въ изобиліи снабженъ продовольствіемъ, персы же не умѣли брать городовъ осадю, то Крезъ и надѣялся удержаться въ Сардесѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему придутъ на помощь союзныя войска вавилонскія и лакедемонскія. Спартацы дѣйствительно уже изготовили войско, флотъ и все нужное къ походу. Но еще прежде, нежели войско и флотъ ихъ могли отплыть къ берегамъ малой Азіи, Киръ успѣлъ хитростію (см. выше § 17) овладѣть Сардесомъ, на 20-й день обложенія его. Крезъ былъ взятъ въ плѣнъ, но получилъ свободу. Богатый Сардесъ былъ разграбленъ, а жители его большею частию истреблены. Покоривъ Сардесъ и съ нимъ лидійское царство, Киръ обратилъ свое оружіе на завоеваніе мало-азіатскихъ греческихъ поселеній, сначала іонійскихъ. Іоняне, эоляне и доряне (исключая милетянъ, вступившихъ въ союзъ съ Киромъ) заключили между собою союзъ, вооружились противъ персовъ и просили помощи Греціи. Но ни одна изъ греческихъ республикъ не согласилась помочь имъ, и такимъ образомъ они были предоставлены собственнымъ своимъ силамъ. Такъ какъ силы эти были незначительны, а города греческіе въ малой Азіи — слабо укрѣплены, то Киръ и поручилъ полководцу своему, Гарпагу, съ частию войска, покореніе мало-азіатскихъ греческихъ поселеній, а самъ съ главными своими силами двинулся обратно въ среднюю Азію для довершенія ея завоеванія. Гарпагъ въ нѣсколько мѣсяцевъ покорилъ греческія поселенія, не смотря на мужественное и упорное сопротивленіе грековъ. Часть городовъ греческихъ была взята и разграблена персами, другая покорилась добровольно, а изъ нѣкоторыхъ жители переселились въ другія страны. Между тѣмъ Киръ завоевалъ весь край отъ Средиземнаго моря до Тигра, и наконецъ взятіемъ Вавилона, послѣ 2-хъ лѣтняго обложе-

нія его, довершилъ завоеваніе средней, малой и западной Азіи (финикійскіе города покорились ему добровольно; а Іудея была завоевана вмѣстѣ съ вавилонскимъ царствомъ).

Подъ конецъ жизни Киръ обратилъ свое оружіе противъ массагетовъ—племенъ, кочевавшихъ въ странахъ къ юго-западу отъ Каспійскаго моря и причисляемыхъ греками къ скиѳамъ. Киръ предпринялъ противъ нихъ войну вѣроятно потому, что считалъ ихъ опасными и хотѣлъ обезпечить отъ нихъ персидское государство. Но война съ ними кончилась неудачно. Киръ хотѣлъ выманить ихъ изъ-за Аракса и разбить въ предѣлахъ персидскаго государства: но потомъ, по совѣту Креза, предпочелъ перейти черезъ Араксъ и внести войну въ собственную ихъ страну. Переправясь черезъ Араксъ, онъ заманилъ массагетовъ въ засаду и множество оныхъ истребилъ, но въ произшедшей затѣмъ кровопролитной битвѣ претерпѣлъ совершенное пораженіе—и лишился жизни (529).

Изъ этого краткаго историческаго очерка войнъ Кира можно заключить, что онѣ имѣли общій войнамъ всѣхъ азійскихъ завоевателей характеръ большихъ нашествій съ цѣлію завоеваній, но отличались отъ нихъ особеннымъ искусствомъ, съ которымъ Киръ умѣлъ постоянно устремлять совокупность своихъ силъ туда, гдѣ противъ него составлялись союзы и вооружались многочисленные враги, преимущественно же туда, гдѣ сосредоточивалась вся политическая дѣятельность азійскихъ монархій, именно—къ столицамъ ихъ. Предупреждая противниковъ быстротою своихъ движеній, изумляя ихъ неожиданностію своего появленія, онъ наносилъ имъ, рѣшительными дѣйствіями въ полѣ и бою, сильный ударъ, рѣшавшій судьбу царствъ и народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхамъ его много способствовали слабость и упадокъ азійскихъ монархій и нравственное разстройство войскъ ихъ. Но главнѣйшими причинами ихъ безспорно были высокія личныя дарованія Кира, какъ полководца, и то искусство въ веденіи имъ войны, о которомъ говорено выше, равно хорошее устройство, отличныя мужество и храбрость персидскихъ войскъ, и превосходные воинскіе: духъ ихъ и порядокъ между ними.

Завоеванія Кира были свершены въ Азіи: сынъ и преемникъ его, Камбизъ, обратилъ оружіе свое противъ другой части свѣта—Африки. Властолюбіе его, желаніе вѣнчаться, подобно отцу своему, славою завоевателя и покорить Египетъ и другія богатыя страны Африки, непріязненные отношенія къ нему Амазиса египетскаго, — наконецъ проiski и наущенія мало-азіятскихъ грековъ, особливо галикарнасца Фанеса—все это неминуемо долженствовало произвести и дѣйствительно произвело непріязненное столкновение персовъ съ народами и государствами Африки.

Покоривъ Тиръ и Кипръ, Камбизъ собралъ малоазіятскій-греческій и финикійскій флоты и послалъ ихъ къ Пелузію.—Самъ же, по совѣту Фанеса, цѣною золота купивъ дружбу дикихъ кочевыхъ аравійскихъ племенъ, сухимъ путемъ вдоль берега Средиземнаго моря двинулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Египетъ (525 г. передъ Р. Х.). Флотъ и сухопутное войско соединились передъ Пелузіемъ. Эта первая крѣпость—ключъ Египта, сдалась послѣ кратковременной осады, и Камбизъ направился къ Мемфису. На пути туда онъ встрѣтилъ сына и преемника Амазисова, Псамменита, съ войскомъ, составленнымъ почти исключительно изъ греческихъ наемниковъ. Разбивъ его, Камбизъ осадилъ и взялъ Мемфисъ, упорно обороняемый египтянами, и вскорѣ завоевалъ Өивы и весь Египетъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было то, что обитатели Ливіи и Киренейскіе греки добровольно покорились ему. Затѣмъ онъ замыслилъ завоевать богатые Аммоній, Эѳіопію и Карѳагенъ. Храмъ Юпитера Аммона, лежавшій въ ливійскихъ степяхъ къ западу отъ Египта, обладалъ несмѣтными богатствами и сокровищами. Эѳіопія издревле изобиловала золотомъ и другими драгоцѣннѣйшими произведеніями земли. А Карѳагенъ уже славился торговлею и богатствомъ, и въ видахъ торговыхъ начинанъ обращать дѣятельность свою на внѣшнія завоеванія. Пославъ часть своихъ силъ (50.000 войскъ) изъ Өивъ къ храму Юпитера Аммона, самъ Камбизъ съ главными силами предпринялъ походъ въ Эѳіопію. Оба эти предпріятія кончились самымъ неудачнымъ и бѣдственнымъ образомъ. Войско, посланное къ храму Юпитера Аммона, совершенно погибло въ знойныхъ пе-

счанныхъ степяхъ. Въ походѣ же въ сѣверную Эѳіопію и въ южную или Метроэ, предпринятомъ безъ надлежащихъ предосторожностей, войско Камбиза претерпѣло неимовѣрныя бѣдствія, понесло огромныя потери отъ голода, смертности и упорной обороны эѳіоплянъ, и воротилось безъ всякаго успѣха. По этой причинѣ замыслы Камбиза противъ Карѳагена не могли быть приведены въ исполненіе. Изливъ злобу свою надъ Египтомъ и особенно надъ кастою жрецовъ, оставивъ въ Египтѣ сильное персидское войско и переселивъ 6.000 египтянъ въ Сузіяну, Камбизъ возвратился въ Персію, гдѣ въ отсутствіе его маги произвели внутренній переворотъ. Затѣмъ до воцаренія Дарія Истаспа персы были заняты одними внутренними междуусобіями.

Войны Камбиза были, по цѣли и характеру, какъ бы продолженіемъ войнъ Кира. Но успѣхъ завоеванія Египта долженъ быть отнесенъ не къ искусству Камбиза, а къ слабости и упадку Египта и къ числительному превосходству персидскаго войска. Причинами же неудачи предпріятій противъ Аммоніа и Эѳіопіи были сколько чрезвычайная трудность ихъ, столько и излишняя самонадѣянность Камбиза и пренебреженіе имъ надлежащихъ мѣръ предосторожности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГРЕКИ.

I. Военное дѣло у Грековъ въ первобытныя и героическія времена Греціи. — § 19. Времена первобытныя. — § 20. Времена героическія. — § 21. Войны ойивская и троянская. — II. Военное дѣло у Грековъ въ періодъ отъ войны троянской до начала греко-персидскихъ войнъ. — § 22. Военное устройство и военныя учрежденія вообще. — § 23. Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ. — § 24. Внутреннее устройство и духъ войскъ; военные нравы и обычаи грековъ. — III. Республики спартанская и аѳинская. — § 25. Военныя учрежденія Спарты. — § 26. Устройство и духъ спартанскихъ войскъ. — § 27. Военныя учрежденія аѳинянъ. — § 28. Устройство и духъ аѳинскихъ войскъ. — IV. Войны Грековъ въ періодъ отъ войны троянской до начала греко-персидскихъ войнъ. — § 29. Характеръ греческихъ войнъ этого времени вообще. — § 30. 1-я Мессенская война (742 — 722 г. передъ Р. Х.). — § 31. 2-я Мессенская война (682 — 668 г. передъ Р. Х.). — § 32. 1-я священная война (594 — 585 г. передъ Р. Х.).

Источники: Гомера Иліада, Плутарха и Корнелія Непота жизнеописанія, Löhr, Gillis, Mitford и указанные въ главѣ I.

I.

Военное дѣло у грековъ въ первобытныя и героическія времена Греціи.

§ 19.

Времена первобытныя.

Изъ темныхъ, баснословныхъ преданій о первобытныхъ, отдаленныхъ временахъ Греціи невозможно опредѣлить начала и развитія военнаго дѣла у грековъ. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что оно находилось у нихъ въ состояніи младенчества до тѣхъ поръ, пока не начались сношенія Греціи съ востокомъ (между 1.550 и 1.400 годами передъ Р. Х.), и что съ этого времени востокъ имѣлъ значительное вліяніе на развитіе и усовершенствованіе воен-

наго дѣла у грековъ, хотя успѣхи его и были замедляемы распрями и междуусобіями греческихъ племенъ, внутренними и внѣшними переселеніями ихъ, вторженіями сѣверныхъ дикарей въ Грецію и нападеніями на ея берега морскихъ разбойниковъ. Заимствовавъ у восточныхъ народовъ военныя учрежденія и военное дѣло, греки однакоже вполне усвоили ихъ себѣ, сообщивъ имъ глубокій и рѣзкій отпечатокъ своей народности и съ ходомъ времени постепенно усовершенствовавъ ихъ въ духъ сей послѣдней.

§ 20.

Времена героическія.

Изъ Иліады Гомера, превосходно изображающей воинскій бытъ грековъ во времена Троянской войны, можно составить себѣ понятіе и о состояніи военнаго дѣла у грековъ въ періодъ такъ называемыхъ героическихъ временъ Греціи вообще.

Въ эти времена греки вели уже жизнь осѣдлую и были соединены въ гражданскія общества, подъ властію наслѣдственныхъ царей или племенныхъ вождей. Военное устройство этихъ обществъ было тѣсно сопряжено съ гражданскимъ. Цари соединяли въ себѣ власть гражданскую и военную, въ мирное время производя судъ и расправу, а въ военное предводительствуя войсками. Каждый изъ свободнорожденныхъ людей, составлявшихъ общества, былъ воиномъ и съ молодыхъ лѣтъ готовился къ обязанностямъ военнаго званія тѣлесными и воинскими упражненіями.

Употребленіе кованаго металлическаго оружія уже давно было извѣстно грекамъ. — Главными видами нападательнаго оружія ихъ были: дротикъ, копье и мечъ, употребляемые благородными, знатнѣйшими, искуснѣйшими и храбрѣйшими воинами предпочтительно предъ метательнымъ, которое предоставлялось воинамъ простого званія, бѣднѣйшимъ либо менѣе сильнымъ, храбрымъ и искуснымъ. Предохранительное вооруженіе составляли: шлемы и грудныя латы, преимущественно мѣдные, и большіе щиты.

Греки сражались въ это время пѣшими, либо въ военныхъ ко-

лесницахъ, конницы же вовсе не имѣли, можетъ быть по причинѣ гористыхъ свойствъ Греціи (исключая Тессалии и Віотіи) и неспособности греческихъ лошадей къ конной службѣ, а можетъ быть также и потому, что самое искусство верховой ѣзды было еще весьма мало распространено между греками. Тѣмъ удивительнѣе кажется обычай грековъ и особенно царей, вождей и знатнѣйшихъ воиновъ греческихъ сражаться въ колесницахъ—обычай, заимствованный ими у восточныхъ народовъ, но съ мѣстностью Греціи мало сообразный. Греческія военныя колесницы (извѣстныя подъ названіемъ простыхъ или троянскихъ, въ отличіе отъ азіатскихъ и персидскихъ), двухъ-колесныя, сзади открытыя и низкія, спереди возвышенныя и прикрытыя, были перевозимы двумя и не болѣе какъ четырьмя лошадьми. Въ каждой находился одинъ возничій и одинъ апобатъ или сражавшійся воинъ.

Въ раздѣленіи, строѣ и образѣ дѣйствій греческихъ войскъ видны уже нѣкотораго рода правильность и порядокъ. Въ общественныхъ военныхъ предпріятіяхъ греческія войска раздѣлялись по поколѣніямъ и племенамъ. Такъ Ахиллъ прибылъ къ Троѣ съ 2.500 воиновъ, раздѣленныхъ на 5 отрядовъ или полковъ, изъ 5-ти сотенъ каждый. Подъ Троею воины греческіе сражались въ сомкнутыхъ и глубокихъ толпахъ—фалангахъ или пургосѣ, въ которыхъ, по словамъ Гомера, щиты тѣсно смыкались со щитами, шлемы съ шлемами, и воины въ этомъ непроницаемомъ строѣ двигались въ тишинѣ и порядкѣ, послушные гласу своихъ вождей. Существенною частью и отличительною чертою греческихъ битвъ этого времени были единоборства вождей, преимущественно такихъ, которые отличались превосходными: тѣлесною силою, искусствомъ во владѣніи оружіемъ, личною храбростью и вооруженіемъ. Единоборства были пѣшія или въ колесницахъ. Вообще въ греческихъ битвахъ этого времени тѣлесная сила и личная храбрость заступали мѣсто искусства. Вожди заботились болѣе о томъ, чтобы отличиться въ единоборствѣ, нежели объ управленіи движеніями и дѣйствіями войскъ. По свидѣтельству Гомера, въ греческихъ войскахъ подъ Троею были строгіе воинскіе порядокъ и подчиненность, и вожди поддерживали ихъ не столько силою власти,

денія и личнымъ примѣромъ. Но съ правильностію дѣйствій и воинскимъ порядкомъ были соединены чрезвычайныя еще грубость и жестокость нравовъ. Въ пылу битвы, греки внезапно прекращали ее для того, чтобы грабить убитыхъ, и удовлетворенію этой страсти къ грабежу и добычѣ нерѣдко жертвовали и важною цѣлію, и выгоднымъ оборотомъ битвы. Съ побѣжденными же и плѣнными они обращались безчеловѣчно.

Станы свои они располагали правильно и даже укрѣпляли ихъ, если имъ угрожало нападеніе превосходнаго числомъ непріятеля. Ставокъ они, какъ кажется, еще не употребляли, при быстрыхъ движеніяхъ располагаясь подъ открытымъ небомъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда долго оставались на мѣстѣ—строя шалаши. Станъ ихъ передъ Троею былъ огражденъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, тыномъ, землянымъ валомъ и деревянными башнями, за которыми были расположены шалаши воиновъ, раздѣленныхъ по племенамъ и поколѣніямъ, а въ серединѣ стана находилась площадь для сбора войскъ, воинскихъ совѣщаній и религіозныхъ обрядовъ. Но обезпеченіе становъ и войскъ, въ нихъ расположенныхъ, отъ нечаянныхъ нападеній непріятеля стражами и дозорами было неизвестно грекамъ.

Искусство укрѣплять города было еще мало развито у нихъ, и города обезпечивались преимущественно расположеніемъ ихъ въ неприступныхъ или неудободоступныхъ мѣстахъ, либо огражденіемъ ихъ еще довольно грубыми оплотами — земляными валами либо деревянными стѣнами и башнями со рвомъ и тыномъ впереди.

Въ поліорцетикѣ же греки были совершенно невѣжественны, что достаточно доказывается дѣйствіями ихъ противъ Θивъ въ Θивской войнѣ и 10-ти лѣтнею осадою Трои.

§ 21.

Войны Θивская и Троянская.

Въ періодъ героическихъ временъ Греціи, воинственный духъ грековъ развился въ полной силѣ. Увлекаемые жаждою военной

славы, еще болѣе побуждаемые отвагою, удалствомъ и предприимчивостію, свойственными народу юному, чувствомъ мести къ чуждымъ народамъ за ихъ грабежи и опустошенія въ Греціи, и надеждою обогащенія грабежемъ въ собственныхъ ихъ странахъ,—греки начали соединяться съ цѣлію произведенія наступательныхъ предпріятій внѣ предѣловъ своего отечества. Первыми такого рода предпріятіями, болѣе частными, нежели общими, были: полубаснословный, но вѣроятный, морской походъ Аргонавтовъ въ Колхиду (около 1250-ти лѣтъ передъ Р. Х.) и Ѡивская война (за 1225 и 1215 лѣтъ передъ Р. Х.). Въ послѣдней уже видны первые слѣды болѣе правильнаго, нежели прежде, образа веденія войны. Она была предпринята шестью союзными целопоннезскими царями, въ защиту законныхъ правъ Полиника, сына умершаго Ѡивскаго царя Эдипа — на родовое наслѣдіе, котораго онъ былъ лишенъ братомъ своимъ Этеокломъ. Предводительствуя семью сильными отрядами войскъ, Полиникъ и союзные съ нимъ цари двинулись къ Ѡивамъ и обложили ихъ такъ, что каждый отрядъ расположился противъ однихъ изъ городскихъ воротъ (1225 г.): Ѡивы не были снабжены достаточнымъ продовольствіемъ, и Ѡивяне, послѣ непродолжительнаго обложенія, уступая наконецъ пылкости Этеокла и желанію избѣжать угрожающаго имъ голода, произвели сильную вылазку. Слѣдствіемъ ея былъ кровопролитный бой, въ которомъ пали и Полиникъ, и Этеоклъ, и союзные цари, исключая одного Адраста. Гордясь одержанною ими побѣдою, Ѡивяне не позволили союзникамъ погребсти тѣла убіенныхъ воиновъ — жестокая, по тогдашнимъ понятіямъ грековъ, обида, нарушавшая законы религіи ихъ и правосудія. Тогда Адрастъ призвалъ аѣиянъ и, съ помощію ихъ, силою оружія принудилъ Ѡивянъ согласиться на требованія союзниковъ. Десять лѣтъ спустя (1215). Эпигоны или сыновья падшихъ подъ Ѡивами целопоннезскихъ царей, въ отмщеніе Ѡивянамъ, снова осадили Ѡивы, взяли и разграбили ихъ, и часть жителей ихъ истребили, другую плѣнили и обратили въ рабство, а остальную принудили признать царемъ своимъ сына Полиникова.

Но первымъ и важнѣйшимъ общественнымъ предпріятіемъ гре-

ковъ во времена героическія была прославленная Иліадою война Троянская (1194—1184 г. передъ Р. Х.). Царство Троянское, лежавшее на восточныхъ или мало-азіятскихъ берегахъ Эгейскаго моря, находилось (около 1194 г. передъ Р. Х.), подъ правленіемъ царя своего Пріама, въ цвѣтущемъ состояніи и было государствомъ богатымъ и сильнымъ, ибо заключало въ предѣлахъ своихъ древнюю Фригію, оба берега Геллеспонта и большой, плодородный островъ Лесбосъ. Трояне и греки находились въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, иногда дружественныхъ, чаще непріязненныхъ, потому что предметомъ ихъ было гораздо болѣе морское разбойничество, нежели торговля. Съ морскимъ разбойничествомъ же часто сопряжено было похищеніе женщинъ. Парисъ, сынъ Пріама, дружелюбно принятый Менелаемъ, царемъ спартанскимъ, похитилъ жену и казну его. Такого рода оскорбленіе, нанесенное одному изъ первыхъ царей Греціи, возбудило въ грекахъ жажду мести и послужило знакомъ къ возстанію всей Греціи противъ Троянскаго царства. Къ этому присоединились еще другія причины, немало способствовавшія соединенію грековъ тѣснѣйшимъ между собою союзомъ. Греческіе цари уже давно чувствовали необходимость соединенными силами сокрушить общаго врага и могущественнаго соперника въ морскомъ разбойничествѣ, составлявшемъ одно изъ главныхъ занятій грековъ. Притомъ, хищные и корыстолюбивые, они были побуждаемы и надеждою на пріобрѣтеніе въ Троянскомъ царствѣ богатой добычи. Наконецъ Агамемнонъ, царь Аргоса и братъ Менелая, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ Греціи, имѣлъ сильное вліяніе на побужденіе грековъ къ войнѣ противъ Трои, какъ въ отмщеніе брата своего, такъ въ особенности изъ личнаго честолюбія. Онъ и былъ избранъ въ званіе верховнаго вождя всеобщаго греческаго ополченія. Въ Авлидѣ, віотійской пристани, собрались вооруженныя силы 15-ти греческихъ областей и вспомогательныя войска Крита, Родоса и другихъ острововъ, числомъ нѣсколько болѣе 100.000 чел. 16-я область Греціи, Акарнанія, войскъ, неизвѣстно почему, не выставила вовсе. За то одна Тессалія выставила ихъ до 25.000 чел., т. е. около $\frac{1}{4}$ всѣхъ силъ. Войска были посажены въ Авлидѣ на 1.200 большихъ безпалуб-

ныхъ судовъ или ладій, въ каждой изъ которыхъ помѣщалось отъ 50-ти до 120-ти воиновъ. Приплывъ къ берегамъ Троады, на которыхъ, для обороны ихъ, расположились трояне, греки успѣшно совершили высадку и, имѣя на своей сторонѣ значительное превосходство силъ, принудили троянъ отступить къ Троѣ и заключиться въ ней, но не обложили этого города со всѣхъ сторонъ, а расположились противъ него въ одномъ общемъ станѣ на берегу моря. Не зная искусства брать города осадю, они встрѣтили сверхъ того многія и значительныя препятствія и затрудненія. Уже до прибытія ихъ, трояне не упустили ничего для усиленія и безъ того весьма сильныхъ укрѣпленій Трои и для подкрѣпленія себя союзниками. Изъ Каріи, Лидіи и другихъ областей Малой Азіи начали стекаться въ Трою вспомогательныя войска, и между тѣмъ, какъ этотъ городъ былъ безпрепятственно усиливается ими и снабжается продовольствіемъ со стороны горы Иды, въ тылу его лежавшей, въ станѣ многочисленнаго греческаго войска произошелъ крайній недостатокъ въ продовольствіи. Никакихъ мѣръ для заготовленія и доставки продовольствія изъ Греціи заблаговременно принято не было, а окрестности Трои въ самомъ скоромъ времени были разграблены и совершенно истощены греками на дальнее разстояніе. Въ этой крайности Агамемнонъ нашелся вынужденнымъ половину греческаго войска отправить во еракійскій Херсонесъ, для воздѣлыванія въ немъ тѣхъ земель, которыя, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ сѣверныхъ дикарей, были покинуты жителями. Оставшаяся же подъ Троєю половина греческаго войска, терпя крайнюю во всемъ нужду, была еще менѣе въ состояніи обложить Трою со всѣхъ сторонъ и препятствовать прибытію подкрѣпленій и подвозу продовольствія въ нее, и лишь съ трудомъ могла препятствовать обратному отнятію троянами края, занятого греками въ окрестностяхъ города. Такъ протекли 9 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ограничивались отчасти малою войною, отчасти же вылазками троянъ, болѣе или менѣе важными битвами подъ стѣнами города и единоборствами вождей. И неизвѣстно, долго ли еще продолжалось и чѣмъ кончилось бы предпріятіе грековъ, еслибы на 10-й годъ (1184 г. передъ Р. Х.).

Троя, послѣ сильныхъ кровопролитія и урона съ обѣихъ сторонъ, не была взята греками, по свидѣтельству Гомера,—грубою хитростію, а по мнѣнію другихъ писателей—обманомъ и предательствомъ. Приамъ былъ преданъ смерти, семейство его плѣнено, а Троя разграблена и разрушена до основанія.

II.

Военное дѣло у Грековъ въ періодѣ отъ войны троянской до начала греко-персидскихъ войнъ.

§ 22.

Военное устройство и военныя учрежденія вообще.

Родовыя распри, вторженіе сѣверныхъ дикарей подъ предводительствомъ ираклидовъ, внутреннія и внѣшнія переселенія грековъ и жестокія смуты, неурейства и междуусобія, потрясавшія Грецію послѣ троянской войны въ продолженіе почти цѣлаго вѣка (1184 — 1100 г. передъ Р. Х.) были причинами замедленія успѣховъ военнаго дѣла у грековъ. Но когда въ 11-мъ и 10-мъ вѣкахъ передъ Р. Х. (1100 — 900), по совершенномъ прекращеніи вторженій внѣшнихъ враговъ и переселеній грековъ, въ Греціи мало по малу образовались республики, съ той поры, по мѣрѣ развитія въ общинахъ греческихъ народнаго правленія, военное устройство ихъ и военное дѣло у грековъ стали также постепенно развиваться, въ согласныхъ съ новымъ общественнымъ устройствомъ формамъ и духъ, и въ 6-мъ вѣкѣ передъ Р. Х. представляютъ нижеслѣдующія главныя черты:

Военное званіе было главною обязанностью и почетнѣйшимъ преимуществомъ каждаго свободнорожденнаго гражданина. Приготовленіе гражданъ, уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, къ трудамъ и обязанностямъ его, и поддержаніе, возвышеніе воинственнаго

духа въ народѣ составляли одну изъ главныхъ цѣлей законовъ и учрежденій греческихъ республикъ. Достиженію этой цѣли значительно способствовали религія и общественныя: воспитаніе и игры.

Религія освящала мужество и доблести воинскія, и возводила героевъ въ вѣчности на степень полубоговъ.

Общественное воспитаніе юношества состояло какъ въ разнообразныхъ гимнастическихъ и воинскихъ упражненіяхъ, развивавшихъ силу и крѣпость тѣла, ловкость и искусство во владѣніи оружіемъ, такъ и въ пріобученіи юношества къ воздержанію, умѣренности, терпѣнію, во внушеніи ему правилъ уваженія, покорности и повиновенія старшимъ, и въ развитіи въ немъ мужества, храбрости и любви къ отечеству.

Общественныя игры: олимпійскія, истмійскія, немейскія и пиѳійскія, освященныя религіей и неразрывно связанныя съ нею, съ нравами и обычаями грековъ, довершали общественное воспитаніе юношества и образованіе достойныхъ гражданъ - воиновъ. Къ состязанію на нихъ были допускаемы всѣ свободно и законнорожденные греки. Онѣ состояли изъ ристаній въ колесницахъ и преимущественно изъ пѣшихъ гимнастическихъ упражненій. Последнія производились въ стадіѣ и были 7-ми родовъ: 1) бѣгъ, 2) скаканіе чрезъ преграды, 3) борьба, 4) метаніе диска (кружка) и копья, 5) кулачный бой, 6) панкратіонъ или соединеніе борьбы съ кулачнымъ боемъ, и 7) пентафлонъ или соединеніе всѣхъ 5-ти первыхъ родовъ упражненій. Ристанія въ колесницахъ, запряженныхъ 4-мя конями, производились въ ипподромѣ. Лестнѣйшія награды были удѣломъ побѣдителей: ихъ воспѣвали въ народныхъ гимнахъ, имъ воздвигались кумиры въ мѣстахъ одержанныхъ ими успѣховъ, и памятники, алтари и храмы въ отечественныхъ городахъ, имена родителей и отечественныхъ странъ ихъ прославлялись вмѣстѣ съ ихъ собственными, они имѣли право занимать первыя мѣста на общественныхъ играхъ, получали общественное содержаніе и проч. Наружными же знаками отличій ихъ были сосновые, масличные и лавровые вѣнки. Такого рода почести и награды сильно одушевляли народъ, отъ природы пылкій, остро-

умный, дѣятельный и храбрый, и способствовали быстрому достиженію имъ въ послѣдствіи превосходства надъ современными народами древняго міра въ военномъ устройствѣ и военномъ искусствѣ.

Отлично приготовленные къ военному званію общественнымъ воспитаніемъ, молодые граждане греческіе, не моложе 18-ти и не старѣе 20-ти лѣтъ, приносили торжественную, сопровождаемую религиозными обрядами, присягу въ вѣрности своей республикѣ и поступали на дѣйствительную службу, срокъ которой былъ различный, но нигдѣ не продолжался долѣе 60-ти лѣтняго возраста. Въ случаѣ войны, правительства призывали къ оружію большее или меньшее, смотря по обстоятельствамъ и надобности, число гражданъ, назначая ихъ по жребію, очереди или возрасту. Граждане, безпорочно прослужившіе извѣстное число лѣтъ, были освобождаемы отъ военной службы, пользовались разными правами, льготами, преимуществами и почестями, и имѣли особенное право на полученіе общественныхъ должностей и званій. Увѣчные же и престарѣлые воины были призрѣваемы правительствами и получали общественное содержаніе.

§ 23.

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

Греки сражались въ это время почти исключительно пѣшими. Пѣхота греческая раздѣлялась на тяжелую (оплитовъ) и легкую (псиловъ). Главною, лучшею и почетнѣйшею была первая, составленная обыкновенно изъ гражданъ высшихъ классовъ, вооруженная копьями (длиною не болѣе 10-ти футовъ) и короткими мечами, и носившая шлемы, грудные латы и большіе щиты. Легкая пѣхота, которую составляли бѣднѣйшіе граждане, была вооружена только луками и пращами; предохранительнаго же вооруженія не имѣла. Пользуясь меньшимъ уваженіемъ, нежели тяжелая, она уступала ей и добротой. Лучшими стрѣлками были жители острова Крита, и въ вой-

скахъ греческихъ республикъ почти всегда находилось большее или меньшее число критскихъ стрѣлковъ.

Послѣ троянской войны греки вовсе перестали употреблять военные колесницы. Причинами тому были: оборонительныя средства, введенныя для уменьшенія и даже уничтоженія вреда, наносимаго военными колесницами, — дознанная способность послѣднихъ съ успѣхомъ и пользою дѣйствовать только на мѣстности ровной и открытой, — и наконецъ гористыя и пересѣченныя свойства мѣстности Греціи.

Послѣ троянской же войны, но неизвѣстно съ какого именно времени, греки начали употреблять, вмѣсто военныхъ колесницъ, конницу. По свидѣтельству Ксенофонта, спартанцы имѣли оную уже во времена Ликурга. Позже, въ мессенскихъ войнахъ, она усматривается и въ спартацкихъ, и въ мессенскихъ войскахъ, равно и въ другихъ войнахъ и у другихъ народовъ Греціи. Но вообще греческая конница была весьма малочисленна и по добротѣ стояла на низкой степени. Лучшею почиталась віотійская и особенно ессалійская, ибо Фессалія изобиловала и пастбищами, и конями.

Главнымъ основаніемъ раздѣленія войскъ вообще служило десятичное дѣленіе, но въ частности раздѣленіе войскъ, сила, величина и названія частей, равно и названія начальниковъ ихъ и прочихъ военныхъ чиновъ, были въ разныхъ войскахъ греческихъ болѣе или менѣе различныя. Въ бою легкая пѣхота сражалась обыкновенно въ разсыпную, впереди и на флангахъ тяжелой, которая производила натискъ и ударъ въ сомкнутыхъ, глубокихъ массахъ, подъ общимъ названіемъ фалангъ, держа копья на перевѣсѣ и прикрываясь большими щитами своими. Фаланга вообще не имѣла опредѣленныхъ и однообразныхъ вида и устройства. По свойству этого строя, дѣйствія греческихъ войскъ въ бою заключались преимущественно въ фронтальномъ натискѣ, а для боя избиралась болѣею частію мѣстность ровная и открытая спереди, но прикрытая и обезпеченная съ фланговъ и тыла естественными препятствіями отъ обходовъ непріятеля. Такого же рода мѣстность избиралась и для расположенія становъ, которые были прикрываемы и обезпечиваемы болѣе мѣстностью, нежели искусственными укрѣпленіями.

Малочисленные, необремененные тяжестями и обозами, и составленные изъ воиновъ, съ малолѣтства привыкшихъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ и трудамъ, арміи греческія отличались быстротою движеній. Въ походѣ правое крыло, какъ почетнѣйшее, слѣдовало обыкновенно въ головѣ, легкія войска впереди и по бокамъ, а тяжести въ серединѣ или позади войска.

Что касается фортификаціи и поліорцетики, то первая была еще мало развита у грековъ, а въ послѣдней съ ихъ стороны незамѣтно еще никакихъ успѣховъ, свидѣтельствомъ чему могутъ служить 8-ми-лѣтнее обложеніе Иеома, 11-ти-лѣтнее Иры и 9-ти-лѣтнее Криссы, въ войнахъ мессенскихъ и 1-й священной.

§ 24.

Внутреннее устройство и духъ войскъ, военные нравы и обычаи грековъ.

Военное управленіе или главное завѣдываніе всѣми дѣлами, относившимися къ набору, вооруженію, устройству армій и управленію ими и ихъ дѣйствіями, составляло принадлежность высшихъ въ республикахъ правительственныхъ совѣтовъ и лицъ. Но право мира и войны, заключенія и расторженія союзовъ принадлежало народу, и дѣла по этому предмету были рѣшаемы въ общенародныхъ собраніяхъ.

Слабѣйшею стороною военнаго устройства греческихъ республикъ было отсутствіе единства въ начальствованіи арміями. Оно было обыкновенно раздѣляемо между бѣльшимъ или меньшимъ числомъ полководцевъ, ежегодно избираемыхъ народомъ, имѣвшихъ равную власть, начальствовавшихъ арміями поочередно въ продолженіе извѣстнаго времени и въ совокупности составлявшихъ военный совѣтъ. Часто при арміяхъ находились также одно или нѣсколько высшихъ правительственныхъ лицъ, для надзора за дѣйствіями полководцевъ, соглашенія ихъ между собою, предсѣдательствованія въ военныхъ совѣтахъ и проч. Такого рода начальствованіе арміями, проистекавшее изъ свойствъ самаго образа

правленія греческихъ республикъ, всегда было сопряжено, какъ весьма естественно, съ большими неудобствами.

Греческія войска служили на собственномъ содержаніи, денежнаго жалованья не получали и даже считали постыднымъ получать за службу отечеству. Вмѣсто жалованья служила добыча, приобрѣтаемая отъ непріятеля. По одержаніи побѣды или взятіи города, она была собираема передъ полководцами, которые извѣстную часть ея посвящали богамъ, затѣмъ лучшую часть имѣли право избрать себѣ, а остальная раздѣлялась между военачальниками и воинами, въ соразмѣрности съ званіемъ и заслугами каждаго. Воины и даже цѣлые отряды, особенно отличавшіеся подвигами мужества и храбрости, иногда получали сверхъ того аристію или почетную часть добычи.

Греческія войска отличались какъ мужествомъ, храбростью и превосходнымъ воинскимъ духомъ, такъ и болѣе или менѣе строгимъ воинскимъ порядкомъ. Главною опорою послѣдняго, главною мѣрою въ опредѣленіи наказаній за преступленія и наградъ за заслуги и отличія военныя были благородныя побужденія чести и любви къ отечеству. Наказанія состояли въ лишеніи виновнаго правъ гражданства или чести и въ нанесеніи ему стыда и безчестія, а награды въ повышеніи въ чинахъ, въ различныхъ дарахъ оружія, имущества, почетной части добычи и проч., и въ особыхъ почестяхъ, льготахъ, правахъ и преимуществахъ.

Военные нравы и обычаи грековъ въ это время представляютъ смѣсь добродѣтелей и пороковъ, доблестей, порядка и подчиненности воинскихъ—и грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ, варварства, жестокости и безчеловѣчія.

III.

Республики: спартанская и аэинская.

§ 25.

Военныя учрежденія Спарты.

Между всѣми греческими республиками, спартанская съ 9-го и аэинская съ 6-го вѣковъ передъ Р. Х. отличались уже не только могуществомъ и законами, но и военными: устройствомъ и учрежденіями своими.

Главною цѣлію законовъ, данныхъ (около 850 лѣтъ передъ Р. Х.) Спартѣ Ликургомъ, было образованіе вполнѣ воинственной республики, составленной изъ свободныхъ и равныхъ между собою гражданъ-воиновъ, крѣпкихъ тѣломъ, воздержныхъ, терпѣливыхъ, неспособныхъ къ изнѣженности, мужественныхъ, храбрыхъ, исполненныхъ презрѣнія къ богатству и жизненнымъ наслажденіямъ, пламенной любви къ отечеству, безусловной покорности и повиновенія властямъ, и чистѣйшаго воинскаго честолюбія, устремленнаго не къ внѣшнимъ завоеваніямъ, но къ защитѣ отечества. Съ этою цѣлію, Ликургъ раздѣлилъ всѣ земли на 9.000 участковъ, данныхъ гражданамъ Спарты, и 30.000, данныхъ періекамъ или жителямъ Лаконіи, — уничтожилъ золотую и серебряную монету, замѣнивъ ее тяжелою желѣзною, — изгналъ изъ Спарты науки и искусства, служившія къ роскоши и удовольствію, — предписалъ спартанцамъ наблюдать величайшую простоту и строжайшую умеренность въ общественномъ и частномъ быту, въ одеждѣ, пищѣ и проч., заниматься исключительно военными упражненіями и ограничиваться только защитою своего отечества, — и запретилъ имъ имѣть флотъ и крѣпости, воевать часто съ однимъ и-тѣмъ же народомъ, преслѣдовать разбитаго непріятеля и дѣлать внѣшнія завоеванія.

Особенное вниманіе было обращено имъ на воспитаніе юношества. Спартанскія дѣти со дня рожденія своего вполнѣ принадлежали республикѣ, были отнимаемы отъ родителей и получали общественное воспитаніе. Съ раннихъ лѣтъ занимали ихъ гимнастическими и воинскими упражненіями, приучали къ воздержанію, смѣренности, грубой пищѣ, трудамъ, терпѣнію нуждъ и лишеній, уваженію старцевъ, какъ своихъ родителей, повиновенію старѣйшимъ лѣтами, какъ своимъ начальникамъ, и непрерывно внушали имъ, что война есть достойнѣйшее занятіе, смерть въ бою за отечество — величайшее благо, а робость и малодушіе — постыднѣйшее преступленіе для свободнорожденного человѣка.

Цѣль ликурговыхъ законовъ была въ одномъ отношеніи вполнѣ достигнута: спартанцы и лакедемоняне сдѣлались мужественнѣйшимъ и воинственнѣйшимъ народомъ Греціи, и отличаясь простою и суровостью нравовъ, строгими воинскими порядкомъ и подчиненностью, и необыкновенною храбростью, съ ходомъ времени приобрѣли и долго сохраняли въ Греціи славу непобѣдимаго войска. Но въ другомъ отношеніи законы Ликурговы оказались болѣе вредными, нежели полезными для Спарты. Увеличивъ силы спартанцевъ, они развили въ послѣднихъ неограниченныя честолюбіе и жажду воинской славы, побудили ихъ, уже вскорѣ послѣ смерти Ликурга и вопреки его запрещенію, обратить свое оружіе на внѣшнія завоеванія и сдѣлались причинами частыхъ войнъ спартанскихъ гражданъ. Изгнаніе изъ Спарты наукъ и искусствъ, и презрѣніе къ нимъ, отнимали у спартанцевъ средства къ теоретическому усовершенствованію своему, подобно другимъ народамъ Греціи, въ военномъ искусствѣ. Запрещеніе же имѣть флотъ и крѣпости, часто воевать съ однимъ и тѣмъ же народомъ, преслѣдовать пораженного непріятеля и проч. не дозволяло спартанцамъ пользоваться плодами одержанныхъ ими побѣдъ и доставляло большія выгоды и преимущества противникамъ ихъ.

Со времени введенія въ Спартѣ Ликурговыхъ законовъ, вооруженную силу ея составляли всѣ свободнорожденные граждане Спарты и періеки. Тѣ и другіе были отъ рожденія воинами, и съ 20-ти до 60-ти лѣтняго возраста считались на дѣйствительной

службѣ. Въ мирное время они содержали стражу въ городахъ; въ случаѣ же войны, отъ каждаго изъ 5-ти поколѣній, на которыя раздѣлялся народъ, правительство призывало бѣльшее или меньшее, смотря по обстоятельствамъ и надобности, число воиновъ извѣстныхъ лѣтъ. По безпорочномъ прослуженіи 40 лѣтъ, спартанскіе воины были увольняемы отъ военной службы и пользовались тѣми: всеобщимъ уваженіемъ и преимуществами, на которыя законъ давалъ въ Спартѣ право старцамъ.

§ 26.

Устройство и духъ спартанскихъ войскъ.

Тяжелая пѣхота составляла лучшій родъ и главную силу спартанскихъ войскъ. Спартанецъ не только не стыдился носить предохранительное вооруженіе, но и считалъ священной обязанностью сколь можно тщательно прикрывать имъ свое тѣло: ибо жизнь его принадлежала отечеству и онъ обязанъ былъ хранить ее на пользу сего послѣдняго. Поэтому спартанская тяжелая пѣхота носила полное предохранительное вооруженіе, почетнѣйшею частію котораго былъ большой щитъ. Покинуть щитъ и даже сражаться безъ него считалось стыдомъ и безчестіемъ для спартанскаго воина. Ручнымъ оружіемъ спартанской тяжелой пѣхоты были: дротикъ, копье и короткій, обоюдоострый мечъ.

Легкой пѣхоты было мало, а конницы еще менѣе. И та, и другая имѣли легкое вооруженіе. Конница была весьма посредственная.

Ксенофонтъ и Фукидидъ, въ твореніяхъ которыхъ находятся превосходныя свѣдѣнія объ устройствѣ спартанскаго войска, показываютъ различно тактическое его раздѣленіе и числительный составъ его частей. По словамъ Ксенофонта, Ликургъ раздѣлилъ спартанское войско на 6 моръ (или полковъ) пѣхоты и на 6 моръ конницы. Военачальниками каждой моры пѣхоты были: 1 полемархъ (или главный начальникъ), 4 лохагоса, 8 пентекостиріевъ и 16 эномотарховъ, изъ чего должно заключить,

что въ морѣ было 4 лохоса, 8 пентекостій и 16 эномотій; но число воиновъ въ каждой части у Ксенофонта не означено. Фукидидъ же, не упоминая о морахъ, говоритъ, что каждый лохосъ состоялъ изъ 4 пентекостій, каждая пентекостія изъ 4 эномотій, а каждая эномотія имѣла 4-хъ воиновъ во фронтъ и 8 воиновъ въ глубину, иначе 4 ряда и 8 шеренгъ. Такимъ образомъ, по Фукидиду, въ эномотіи долженствовало быть 32 воина, въ пентекостіи 128, а въ лохосѣ 512; по Ксенофонтѣ же, предположивъ составъ эномотіи не болѣе, какъ изъ 32 воиновъ, въ пентекостіи долженствовало быть только 64, въ лохосѣ 128, въ морѣ 512, а всего въ спартанской тяжелой пѣхотѣ только 3.072 воина. Между тѣмъ извѣстно, что Спарта выставляла тяжелой пѣхоты гораздо болѣе. А потому должно полагать, что сила моры не была постоянною, но увеличивалась или уменьшалась болѣе или менѣе въ различные времена, въ различныхъ обстоятельствахъ и сообразно съ умноженіемъ или уменьшеніемъ народонаселенія.

Предводительствованіе арміями принадлежало въ Спартѣ царямъ. Власть ихъ, весьма ограниченная въ мирное время, въ дѣлахъ общественныхъ, была неограниченная въ военное время, въ войскѣ; но они были обязаны народу строгою отвѣтственностью въ ея употребленіи. Каждый изъ двухъ спартанскихъ царей предводительствовалъ особою арміею, если армій было въ полѣ двѣ; если же только одна, то народъ рѣшалъ, которому изъ царей предводительствовать войскомъ, и которому оставаться въ Спартѣ. При царяхъ состояли: по одному или по два полемарха въ видѣ помощниковъ, нѣсколько увѣнчанныхъ на общественныхъ играхъ атлетовъ или бойцовъ, и отборные, по выбору эфоровъ, молодые конные воины, составлявшіе какъ бы дружину царскихъ тѣлохранителей. Сами эфоры, вскорѣ послѣ Ликурга, стали сопровождать царей на войну и составлять ихъ военный совѣтъ.

Тактика и образъ дѣйствій спартанскихъ войскъ въ бою были весьма просты. Спартацы производили на непріятеля фронтальное нападеніе сомкнутою фалангою и рѣшали побѣду силою удара; въ случаѣ же числительнаго превосходства непріятеля старались одержать верхъ надъ нимъ какою-либо хитростью. Въ бой они шли

въ тишинѣ и порядкѣ, мѣрнымъ шагомъ, при звукахъ флейтъ. Опрокинувъ непріятеля, они не преслѣдовали его и позволяли ему отступить безпрепятственно; разбитые же сами, отступали медленно и въ величайшемъ порядкѣ. Въ походѣ войску предшествовала передовая конная стража. При расположеніи станомъ, внутри его, для охраненія въ немъ порядка, ставили днемъ одну, а ночью другую стражу, — въ стана же пѣшіе стражи и конные разъѣзды днемъ и ночью наблюдали за непріателемъ. Станы свои спартанцы укрѣпляли въ такомъ только случаѣ, когда не представлялось возможности обезпечить оныя мѣстностью или естественными препятствіями. По свидѣтельству Ксенофонта, Ликургъ предписалъ спартанцамъ располагать свои станы кругообразно.

Спартанскія войска отличались превосходнымъ воинскимъ духомъ и всѣми воинскими добродѣтелями, строжайшими воинскими подчиненностью и порядкомъ, твердостью и непоколебимымъ, хладнокровнымъ мужествомъ. Всѣ учрежденія ихъ были устремлены къ тому, чтобы миръ сдѣлать для нихъ временемъ непрерывныхъ: дѣятельности, трудовъ, нуждъ и лишеній, войну же, напротивъ — временемъ отдыха, свободы и удовольствій, — и такимъ образомъ заставить ихъ послѣднюю предпочитать первому. На войнѣ спартанскіе воины имѣли одну только заботу — сражаться съ непріателемъ; все же свободное отъ военныхъ дѣйствій время они проводили въ отдыхѣ, гимнастическихъ упражненіяхъ, военныхъ играхъ и т. п. Они были освобождены отъ всѣхъ трудовъ и работъ, не касавшихся непосредственно боя, и даже въ исправленіи обязанностей службы имъ было доставляемо всевозможное облегченіе. А потому въ походѣ при нихъ находилось всегда множество илотовъ, прислуживавшихъ имъ и исправлявшихъ всѣ невоенные и грубыя работы, и большое число выючнаго скота и обозовъ съ запасами военными и продовольственными. Общественный столъ (сисситія) спартанцевъ, въ мирное время состоявшій изъ самой скудной и грубой пищи, въ военное былъ обильнѣе и лучше. Наконецъ — къ бою спартанцы готовились, какъ къ веселому пиршеству, принося жертвы музамъ и украшая себя цвѣтами и лучшими своими одеждами и оружіемъ.

Согласно съ древнимъ и священнымъ обычаемъ, спартанцы никогда не выступали въ походъ изъ Лаконіи прежде полнолунія. Передъ выступленіемъ въ походъ и по возвращеніи изъ него, они всегда приносили жертвы богамъ, для умилоствленія или благодаренія имъ.

По законамъ Ликурговымъ, они не имѣли крѣпостей потому, что лучшею защитой республики долженствовали быть не укрѣпленія городовъ ея, но мужество и воинскій порядокъ ея гражданъ. По этому Спарта и другіе города Лаконіи были совершенно открыты. Искусство брать города осадой было неизвѣстно спартанцамъ.

§ 27.

Военныя учрежденія аѣинянъ.

Со времени уничтоженія въ Аѣинахъ царской власти до изданія Солоновыхъ законовъ (1068 — 594 г. передъ Р. Х.), среди постоянного боренія высшаго и низшаго сословія народныхъ, при недостаткѣ положительныхъ законовъ и при жестокихъ по этимъ причинамъ внутреннихъ смутахъ, потрясавшихъ республику аѣинскую, военное устройство и военныя учрежденія ея не имѣли ничего опредѣленнаго, постоянного и прочнаго, — со времени же изданія Солоновыхъ законовъ представляютъ вообще нижеслѣдующія главныя черты:

Главною цѣлію Солоновыхъ законовъ было уничтоженіе притѣснительной аристократіи, съ избѣжаніемъ однако же образованія чистой демократіи. На этомъ основаніи, все свободное народонаселеніе Аттики было раздѣлено, по количеству владѣемаго имъ имущества или получаемого дохода, на 4 класса или сословія: пентекосіомедимновъ, иппіевъ или всадниковъ, зевгитовъ и ѳетовъ, — изъ коихъ первые были составлены изъ богатѣйшихъ, а послѣдніе изъ бѣднѣйшихъ гражданъ. Каждый свободный гражданинъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, былъ обязанъ нести военную службу внутри и внѣ предѣловъ Аттики. Но пер-

выя два сословія (пентекосіомедимны и пппіп) были обязаны содержать одного коня и служить въ конницѣ и освобождены отъ службы въ пѣхотѣ, исключая тѣхъ случаевъ, когда были особо призываемы къ ней. Зевгиты были обязаны служить въ тяжелой пѣхотѣ и имѣть полное вооруженіе. Изъ ѳетовъ же или бѣднѣйшихъ гражданъ, имѣвшіе полное вооруженіе могли служить въ тяжелой, а не имѣвшіе его должны были служить въ легкой пѣхотѣ.

Каждый свободнорожденный гражданинъ аѳинской республики былъ обязанъ съ молодыхъ лѣтъ заниматься гимнастическими и воинскими упражненіями въ учрежденныхъ для того гимназіяхъ или общественныхъ училищахъ. По достиженіи 18-ти лѣтняго возраста, онъ приносилъ торжественную присягу въ вѣрности республикѣ, былъ вносимъ въ списокъ воиновъ и поступалъ на дѣйствительную службу, до 20-ти лѣтъ — внутри, а съ 20-ти до 40 лѣтъ — и внѣ предѣловъ Аттики. По прослуженіи 20-ти лѣтъ, аѳинскіе граждане были увольняемы отъ военной службы, для того, чтобы имѣть возможность остальное время жизни упражняться и быть полезными республикѣ также и въ мирныхъ занятіяхъ и искусствахъ. Однако до 60-ти лѣтъ они еще были обязаны, въ случаѣ вторженія внѣшнихъ враговъ въ предѣлы Аттики, вооружаться на защиту республики, по достиженіи же 60-ти лѣтъ были совершенно увольняемы отъ военной службы.

Съ конца 6-го вѣка передъ Р. Х., когда число поколѣній, на которыя раздѣлялись жители Аттики, увеличилось до 10-ти, наборъ войскъ производился съ каждаго изъ этихъ 10-ти поколѣній особо.

§ 28.

Устройство и духъ аѳинскихъ войскъ.

Главнымъ и лучшимъ родомъ войскъ у аѳинянъ, также какъ и у спартанцевъ, была тяжелая пѣхота (оплиты). Она имѣла вооруженіе древнихъ героическихъ временъ, главными видами кото-

раго были: большой щитъ, длинное копье и короткій мечъ. Строилась она сомкнутыми фалангами, глубиною не менѣе 8-ми воиновъ. Легкая пѣхота (псилы) была весьма мало уважаема. Конницы у аѳинянъ было весьма мало (69 человекъ), и та была довольно плохая.

Раздѣленіе и устройство аѳинскихъ войскъ въ это время неизвѣстны съ достовѣрностью, — но, какъ кажется, въ сущности сходствовали съ раздѣленіемъ и устройствомъ войскъ спартанскихъ, отличаясь отъ нихъ только нѣкоторыми частными подробностями и названіемъ частей войскъ и военачальниковъ. Со времени раздѣленія жителей Аттики на 10 поколѣній, и войско аѳинское или, правильнѣе сказать, тяжелая пѣхота начала быть раздѣляема, по числу поколѣній, на 10 хиліархій, каждая въ 1.000 воиновъ и болѣе, подъ начальствомъ хиліарха или тысячника. Съ того же времени каждое изъ 10-ти поколѣній избирало собственнаго своего вождя или главнаго военачальника, который назывался стратигомъ и соотвѣтствовалъ нѣкоторымъ образомъ спартанскому полемарху. 10 аѳинскихъ стратиговъ имѣли равную власть, — каждый изъ нихъ начальствовалъ арміею поочередно въ продолженіе сутокъ, а всѣ вмѣстѣ составляли военный совѣтъ.

Въ нравственномъ отношеніи аѳинскія войска являютъ ту же смѣсь добродѣтелей и пороковъ, которая составляла основную черту народнаго характера аѳинянъ. Они были отменно храбры, но пылкая храбрость ихъ не была соединена съ тѣми твердостью и постоянствомъ, которыми отличались войска спартанскія. Склонность аѳинянъ къ жизненнымъ наслажденіямъ была причиною, что въ аѳинскихъ войскахъ не было того строгаго воинскаго порядка, который существовалъ въ войскахъ спартанскихъ.

IV.

Войны грековъ въ періодѣ отъ войны троянской до начала греко-персидскихъ войнъ.

§ 29.

Характеръ греческихъ войнъ этого времени вообще.

Въ продолженіе всего этого періода греки вели исключительно однѣ внутреннія междуусобныя войны.

Войны эти въ первой половинѣ періода (1183—750 г. передъ Р. Х.) суть не что иное, какъ мелкія родовыя распри вождей и междуусобія племенъ греческихъ. Непосредственно послѣ троянской войны къ нимъ присоединились вторженія внѣшнихъ враговъ — дорянъ и этолянъ, предводимыхъ ираклидами, кончившіяся покореніемъ послѣдними Пелопоннеса. Племенные междуусобія не только не прекратились послѣ водворенія ираклидовъ въ Пелопоннесѣ, но и усилились вслѣдствіе неравнаго раздѣла земель его между дорійскими племенами и возникшей отъ того взаимной вражды ихъ. Вообще войны первой половины этого періода имѣютъ характеръ, свойственный племеннымъ междуусобіямъ дикихъ или необразованныхъ народовъ и не представляютъ ничего замѣчательнаго. Искусство же веденія войны у грековъ въ это время стоитъ на низкой степени совершенства.

Во второй половинѣ періода (750—500 г. передъ Р. Х.), когда во всей Греціи уже образовались республики, и изъ нихъ двѣ — спартанская и аѳинская уже начали возвышаться надъ прочими, раздробленность войны нѣсколько уменьшилась, а важность ея увеличилась. Междуусобныя войны греческихъ городовъ и областей уже были ведены силами, нѣсколько болѣе сосредоточенными или по крайней мѣрѣ менѣе раздробленными, нежели

прежде, и имѣли большіе объемъ, значеніе и важность. Онѣ состояли преимущественно изъ дѣйствій малой и крѣпостной или осадной войны. По причинѣ малаго пространства Греціи, политическаго раздробленія ея, пересѣченныхъ свойствъ ея мѣстности и малочисленности дѣйствовавшихъ силъ, малая война была въ особенности развита и иногда ведена съ большимъ искусствомъ. Крѣпостная война заключалась въ осадахъ или правильнѣе обложеніяхъ и въ оборонѣ городовъ, укрѣпленныхъ не столько искусствомъ, сколько мѣстностью.

Важнѣйшими изъ войнъ второй половины этого періода были: 1-я и 2-я мессенскія и 1-я священная.

§ 30.

Первая мессенская война (742 — 722 г. передъ Р. Х.).

Сознавая возросшія силы свои, спартанцы, какъ было сказано выше, уже вскорѣ послѣ Ликурга и вопреки его постановленіямъ, обратили оружіе свое на виѣшнія завоеванія и начали вести наступательныя войны противъ сосѣдей своихъ аргивянъ, аркадянъ и мессенянъ. Сосѣдственная съ Лаконіею на западѣ, плодородная область Мессенія въ особенности сдѣлалась предметомъ ихъ честолюбивыхъ видовъ. Обитаемая народомъ преимущественно земледѣльческимъ, она казалась имъ легкою добычею. Взаимные съ обѣихъ сторонъ насильственные поступки и обиды, и отказъ въ удовлетвореніи ихъ, послужили достаточнымъ предлогомъ къ войнѣ. Спартанцы тайно изготовились къ ней, торжественно поклялись — дотолѣ не прекращать ее и не возвращаться въ Лаконію, доколѣ не завоюютъ Мессеніи, и затѣмъ, безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, внезапно напали ночью (743 г.) на пограничный мессенскій городокъ Амфею и истребили большую часть его жителей.

Мессенскій царь Евфай призвалъ мессенянъ къ оружію, но убѣжденный въ томъ, что они не въ состояніи измѣрить силъ своихъ съ воипственными и опытными въ военномъ дѣлѣ спар-

танцами въ открытомъ полѣ, заключился въ укрѣпленныхъ городахъ Мессеніи и 4 года сряду (743 — 740) обучалъ мессенянъ военному дѣлу и строгому, какъ у спартанцевъ, воинскому порядку, не взирая на непрерывное и жестокое опустошеніе послѣдними Мессеніи. Мало по малу мессеняне начали однакоже посылать небольшіе отряды войскъ для опустошенія приморскихъ береговъ Лаконіи. На пятый же годъ (739) Евфай двинулся къ границамъ Лаконіи съ отборнѣйшею частію мессенскихъ гражданъ и множествомъ рабовъ. Спартанцы также двинулись имъ на встрѣчу, въ надеждѣ рѣшить войну однимъ ударомъ. Оба войска встрѣтились близъ Амфеи, но раздѣленные ручьемъ, въ которомъ отъ дождей высоко поднялась вода, не могли вступить въ бой, и дѣйствія ихъ ограничились неважною и нерѣшительною ошибкою посланной съ обѣихъ сторонъ къ вершинѣ ручья малочисленной конницы. Ночью мессеняне расположились въ столь сильно укрѣпленномъ станѣ, что спартанцы не отважились напасть на нихъ и — не взирая на данную ими клятву — воротились въ Лаконію.

Это отступление возбудило негодованіе эфоровъ. Они напомнили войску данную имъ клятву — и осенью слѣдующаго года (738) 20.000 спартанскихъ войскъ, не считая сильнаго отряда критскихъ стрѣлковъ, двинулись, подъ предводительствомъ спартанскихъ царей Теопомпа и Полидора, въ Мессенію. Здѣсь (какъ кажется, снова при Амфее) произошелъ кровопролитный бой, въ которомъ обѣ стороны сражались съ большимъ ожесточеніемъ, но ни та, ни другая не одержала рѣшительной побѣды. Обѣ понесли впрочемъ столь сильный уронъ, что заключили на короткое время перемиріе.

Мессеняне находились въ трудномъ и даже опасномъ положеніи. Они не могли въ скорости исполнить понесеннаго ихъ войсками урона, а до того времени — держаться съ слабыми силами въ полѣ; запасы продовольствія въ мессенскихъ городахъ совершенно истощились и къ довершенію бѣдствій — чума опустошала Мессенію. Всѣ эти причины побудили мессенянъ вывести войска свои изъ занятыхъ ими городовъ и сосредоточить ихъ на горѣ Иомѣ, въ укрѣпленномъ городѣ того же имени. Восемь лѣтъ сряду (737 — 730) мужественно оборонялись они здѣсь противъ

всѣхъ нападеній спартанцевъ и тѣмъ приобрѣли себѣ союзниковъ въ аргивянахъ, аркадянахъ, сикіонянахъ и гражданахъ сильнаго на морѣ Коринѳа. На 8-й годъ (730) при Иѳомѣ произошелъ бой, въ которомъ спартанцы были разбиты, но мессеняне потеряли павшаго въ немъ Евфая. Избранный на его мѣсто Аристодемъ оправдалъ довѣріе своихъ согражданъ. Пять лѣтъ сряду (729 — 725) дѣятельно и искусно велъ онъ малую войну, умѣлъ обращать въ ничто всѣ предпріятія спартанцевъ, разбивалъ ихъ по частямъ въ малыхъ сшибкахъ и принудилъ ихъ ограничиться одними хищническими набѣгами, а самъ между тѣмъ заключилъ еще болѣе тѣсный союзъ съ аргивянами, аркадянами, сикіонянами и коринѳянами.

Благоразумныя и искусныя дѣйствія его были увѣнчаны рѣшительною побѣдою, одержанною имъ на 5-й годъ (725) надъ спартанцами въ кровопролитномъ боѣ при Иѳомѣ. Только превосходный воинскій порядокъ спартанскаго войска спасъ оное отъ совершеннаго истребленія и дозволилъ остаткамъ его спастись въ Лаконію.

За этимъ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ послѣдовало крайнее истощеніе ихъ и двухъ-лѣтнее съ обѣихъ сторонъ бездѣйствіе (724 — 723).

Спартанцы, первые собравшись съ силами и возобновивъ (723) войну, снова обложили Иѳомъ. Послѣ 5-ти мѣсячнаго обложенія его и многихъ стычекъ, въ которыхъ успѣхъ былъ постоянно на сторонѣ спартанцевъ, мессеняне, лишась Аристодема и вождей своихъ, умершихъ либо павшихъ въ бою, сильно стѣсненные спартанцами и страдая отъ голода, покинули Иѳомъ и большею частию спаслись къ союзникамъ своимъ въ Аргolidу и Аркадію. Это положило конецъ войнѣ. Иѳомъ былъ разрушенъ до основанія, а мессеняне сдѣлались данниками спартанцевъ, клятвою обязавшись давать имъ половину произведеній своей земли.

§ 31.

Вторая Мессенская война (682 — 668 г. передъ Р. Х.).

Около сорока лѣтъ терпѣливо переносили мессеняне жестокія угнетенія спартанцевъ, пока наконецъ въ новомъ поколѣніи мессенскаго народа не воскресъ прежній духъ независимости. Въ лицѣ знатнаго родомъ, мужественнаго и доблестнаго Аристомена возсталъ избавитель мессенянъ отъ ига спартанскаго. Заключивъ втайнѣ союзъ съ аргивянами и аркадянами, онъ воззвалъ народъ къ оружію и при Дерахъ, мессенскомъ селеніи, внезапно напалъ на отрядъ спартанскихъ войскъ (682). Здѣсь произошелъ жестокій и упорный, но нерѣшительный бой: обѣ стороны понесли большой уронъ, но ни та, ни другая не одержала побѣды. Спартанцы были однакоже столь встревожены, что прибѣгли къ дельфійскому прорицалищу и по опредѣленію его, рѣшась искать себѣ вожда въ чуждой области, обратились къ аѳинянамъ съ просьбою дать имъ предводителя. Аѳиняне, не желая содѣйствовать покоренію ими Мессеніи, но и страшась оскорбить боговъ ослушаніемъ, послали спартанцамъ пѣснопѣвца Тиртея. Между тѣмъ мессеняне были усилены вспомогательными войсками аргивянъ, аркадянъ, сикіонянъ и элеянъ, и вскорѣ двинувшись (681) подъ предводительствомъ Аристомена къ границамъ Лаконіи, встрѣтили спартанскую армію, подкрѣпленную вспомогательными войсками одного Коринѳа. Въ происшедшемъ кровопролитномъ боѣ, въ которомъ Аристоменъ снова оказалъ необычайную храбрость и особенное искусство, мессеняне одержали рѣшительную побѣду, а спартанцы, разбитые по частямъ, претерпѣли столь сильное пораженіе, что въ Спартѣ хотѣли уже вступить съ мессенянами въ мирные переговоры. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Тиртей, силою своихъ пѣснопѣній, ободрилъ упавшій духъ спартанцевъ — и они положили возобновить и продолжать войну. А между тѣмъ Аристоменъ умѣлъ воспользоваться одержанною побѣдою, смѣло, дѣятельно и искусно

ведя малую войну и разоряя пограничныя земли и города Лаконіи.

На слѣдующій годъ (680) сильное спартанское войско двинулось въ Мессенію. Аристомень расположился близъ одного урочища, носившаго названіе Тронхеи или великаго рва. Въ происшедшемъ здѣсь боѣ мессеняне, вслѣдствіе измѣны подкупленнаго спартапцами аркадскаго царя Аристократа и не смотря на геройскіе подвиги Аристомена, были на-голову разбиты и большею частию истреблены. Аристомень съ слабыми остатками войска успѣлъ однако же спастись.

Это пораженіе такъ ослабило мессенянъ, что Аристомень, убѣжденный въ невозможности держаться противъ спартапцевъ въ полѣ, рѣшился очистить всѣ города и заключиться въ крѣпости Ирѣ. Онъ избралъ ее по той же причинѣ, по которой мессеняне въ 1-й войнѣ избрали Иеомъ: находясь недалеко отъ морскаго берега, она удобно могла быть снабжаема продовольствіемъ изъ пристаней Пилоса и Меоона, съ которыми имѣла свободное сообщеніе, потому что у спартапцевъ не было флота. Цѣлыхъ 11 лѣтъ мужественно оборонялись въ ней Аристомень и мессеняне противъ превосходныхъ силъ спартапцевъ. Не ограничиваясь одною обороною въ стѣнахъ крѣпости, Аристомень безпрестанно производилъ, съ малочисленною, но отборною дружиною, быстрые и смѣлые набѣги на занятыя спартапцами край и города. Въ одномъ изъ этихъ набѣговъ онъ и дружина его были окружены, взяты въ плѣнъ, отведены въ Спарту и низвергнуты въ глубокую пропасть. Аристомень успѣлъ однакоже спастись отъ смерти и плѣна, и возвратился въ Иру. И можетъ быть долго еще мессеняне подъ предводительствомъ его держались бы въ Ирѣ, еслибы измѣна не открыла спартапцамъ входа въ эту крѣпость (668). Послѣ трехъ-дневнаго, кровопролитнаго боя внутри ея, спартапцы овладѣли ею и дозволили Аристомену съ остатками мессенскихъ войскъ удалиться въ Аркадію. Неудача не поколебала мужественнаго Аристомена: съ 500 мессенянами и 300 аркадянами рѣшился онъ напасть на Спарту, въ то время, когда бѣольшая часть спартанскаго войска находилась на отдаленномъ краю Мессеніи. Уже все было готово къ исполне-

нію этого отважнаго предпріятія, когда измѣна открыла Аристоменово намѣреніе спартамъ и сдѣлала исполненіе онаго невозможнымъ.

Взятіе Иры положило конецъ 2-й мессенской войнѣ и довершило покореніе Мессеніи и порабощеніе ея жителей спартамъ. Земли ея были раздѣлены между побѣдителями, а жители обращены въ рабство и большею частію отведены въ Лаконію.

§ 32.

Первая священная война (594 — 583 г. передъ Р. Х.).

Среди непрерывныхъ, мелкихъ и незамѣчательныхъ междоусобій греческихъ племенъ и республикъ, 1-я священная война заслуживаетъ вниманія по соединенію въ ней вооруженныхъ силъ Греціи съ одною общею цѣлію.

Причиною этой войны было святотатство, совершенное гражданами сопредѣльной съ землями дельфійскаго прорицалища, небольшой республики Крисской, состоявшей изъ трехъ цвѣтущихъ торговлею и богатствомъ городовъ: Криссы, Цирры и Антицирры. Движимые корыстолюбіемъ, криссяне дерзнули вторгнуться въ священный округъ прорицалища и разграбить храмъ Аполлона и богатое его казнохранилище (594 г.).

Совѣтъ амфиктіоновъ положилъ отмстить за это разореніемъ крисскихъ городовъ и посвященіемъ крисскихъ земель оскорбленному божеству. Но мѣры, принятыя имъ, равно и исполненіе ихъ, были слабы и нерѣшительны. Войскъ было собрано мало и они тщетно усиливались овладѣть крисскими городами, жители которыхъ оборонялись упорно. Наконецъ главное начальство надъ соединенными греческими войсками было ввѣрено совѣтомъ амфиктіоновъ ессалійскому царю Еврилоху. Разоривъ крискія земли и разбивъ криссянъ во многихъ стычкахъ въ открытомъ полѣ, Еврилохъ осадилъ главный городъ республики, Криссу. Неумѣніе грековъ брать города осадю, сильныя укрѣпленія Криссы, мужественная оборона ея гражданъ и снабженіе Криссы продовольстві-

емъ изъ пристани Цирры, съ которою она имѣла свободное сообщеніе — все это было причиною, что Еврилохъ не могъ ни взять Криссы осадю, ни принудить жителей ея къ сдачѣ обложеніемъ и голодомъ. Уже 9-й годъ длилась война, а союзники не только не успѣли достигнуть своей цѣли, ни произвести что-либо важное и рѣшительное, но и сами были ослаблены, терпѣли крайнюю во всемъ нужду и упали духомъ. Къ довершенію бѣдствій ихъ, смертоносныя заразительныя болѣзни производили въ рядахъ ихъ жестокое опустошеніе. Въ этихъ обстоятельствахъ они прибѣгли, по совѣту одного врача, къ жестокому и постыдному средству для овладѣнія Криссою — отравили водопроводы, снабжавшіе городъ водою, и вскорѣ послѣ того взяли оный приступомъ и разрушили до основанія, а малое число оставшихся гражданъ частію истребили, частію обратили въ рабство. Затѣмъ они приступили къ Циррѣ и, послѣ непродолжительнаго обложенія ея, овладѣли и ею помощію хитрости. Послѣдній городъ, Антицирра, покорился имъ добровольно. Цирра и Антицирра были, подобно Криссѣ, разрушены до основанія, а жители ихъ обращены въ рабство. Одна только пристань Цирры, выгодная для дельфійскаго прорицалища по причинѣ близости отъ него, была пощажена отъ разрушенія.

ВСЕОБЩАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

ОТЪ НАЧАЛА ГРЕКО — ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ ДО
СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА В. (500 Г.—323 Г. ДО Р. Х.).

EXHIBIT 10.0000

10.0000

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПЕРСЫ.

§ 33. Военное устройство персидской монархіи. — § 34. Устройство войскъ и военное дѣло вообще. — § 35. Походъ Дарія Гистаспа противъ скифовъ (513).

Источники: Св. Писанія книги Эздры и Эсепри, Геродотъ, Ксенофонтъ, Діодоръ, Арріанъ, Нееген и указанные въ главахъ I, II и III.

§ 33.

Военное устройство персидской монархіи.

Правильнымъ военнымъ устройствомъ своимъ обширная персидская монархія впервые была обязана третьему персидскому царю Дарію I Гистаспу (522—486). При немъ и при сынѣ его Ксерксѣ I (486—465) оно заключалось вообще въ слѣдующемъ:

Для обезпеченія владычества надъ странами, завоеванными силою оружія, и для защиты ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, правительство персидское содержало постоянныя войска, распределенныя по 20-ти сатрапіямъ или намѣстничествамъ, на которыя Дарій раздѣлилъ государство. Но дабы сатрапы не могли во зло употребить своей власти, Дарій совершенно отдѣлилъ власть военную отъ гражданской и, предоставивъ сатрапамъ одну послѣднюю, ввѣрилъ первую особымъ военнымъ начальникамъ, имъ самимъ назначаемымъ и смѣняемымъ, и, вмѣстѣ съ начальствуемыми ими войсками, находившимся въ полной и непосредственной отъ него зависимости. Поэтому постоянныя войска назывались царскими. Наборъ и пополненіе ихъ лежали на обязанности собственныхъ ихъ начальниковъ, отъ сатраповъ же своихъ областей они только получали продоволь-

ствіе и прочее содержаніе, въ натурѣ, опредѣленными дачами и мѣрами, изъ поступавшихъ къ сатрапамъ податей и доходовъ ихъ сатрапій. Въ каждой сатрапіи было два рода царскихъ войскъ, существенно отличные одинъ отъ другаго: войска полевые или дѣйствующія, и городовые или гарнизонныя.

Полевые войска были распределены, какъ внутри сатрапій, такъ и на границахъ ихъ и въ укрѣпленныхъ проходахъ изъ одной области въ другую—отдѣльными частями или полками, каждый силою въ 1,000 человѣкъ. Число и родъ полевыхъ войскъ въ каждой сатрапіи были въ точности опредѣлены. Ежегодно имъ производились строгіе смотры, вблизи столицы (Сузы)—самимъ царемъ, а въ отдаленныхъ областяхъ—назначаемыми имъ для того высшими военачальниками. Съ этимъ учрежденіемъ было сопряжено раздѣленіе государства на военные округа, независимое отъ раздѣленія его на сатрапіи и основанное на назначеніи мѣстъ для сборовъ и смотровъ войскъ. Въ нѣкоторыхъ военныхъ округахъ были постоянныя сборныя мѣста, названія которыхъ носили какъ эти военные округа, такъ и всѣ принадлежавшія къ нимъ полевые войска. Таковы были, по Геродоту и Ксенофону, малоазіятскіе военные округа съ сборными мѣстами: на равнинѣ Капастольской и въ Киликіи на поляхъ Алейскихъ, а въ Сиріи при Тимврѣ. Общаго числа царскихъ полевыхъ войскъ опредѣлить невозможно; но судя по удобству и скорости, съ которыми персы собирали обыкновенныя арміи, оно должно было быть весьма значительно.

Городовые войска составляли постоянную стражу городовъ и укрѣпленныхъ замковъ, весьма сильную во всѣхъ и особенно въ пограничныхъ. Они не входили ни въ составъ военныхъ округовъ, ни въ общій съ полевыми войсками расчетъ, не были обязаны являться съ ними на годовые смотры и имѣли своихъ особенныхъ начальниковъ и совершенно отдѣльное управленіе.

При самомъ царѣ находились отборныя 10-ти тысячныя дружины царскихъ тѣлохранителей, вмѣстѣ съ высшими и ближайшими царскими военными сановниками составлявшія многочисленный и пышный царскій военный дворъ, всегда окружавшій и всюду сопровождавшій царя. Первое мѣсто между этими дружинами

принадлежало составленной изъ природныхъ персовъ, славившейся отмѣнною храбростью и извѣстной въ исторіи подъ названіемъ 10,000 безсмертныхъ (ибо была постоянно содержима въ полномъ 10-ти тысячномъ составѣ). Второе же мѣсто послѣ нея принадлежало дружинѣ мидійской.

По примѣру царя, сатрапы, высшіе саповники и знатнѣйшіе вельможи имѣли также собственныя дружины тѣлохранителей, нерѣдко весьма многочисленныя: ибо цари дарили ихъ иногда войсками, точно также, какъ и городами.

Природные персы составляли ядро, лучшую часть и главную силу всѣхъ различныхъ, означенныхъ здѣсь войскъ, а эти послѣднія были тѣмъ же въ составѣ персидскихъ армій.

Въ случаѣ войны, смотря по обстоятельствамъ и надобности, постоянныя войска были усиливаемы, въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ, земскими или областными ополченіями (милиціями). Для этого все народонаселеніе государства имѣло соотвѣтствующее военное устройство: основаніемъ ему служило десятичное дѣленіе на десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ, начальниками которыхъ были десятники, сотники и т. д. изъ сословія землевладѣльцевъ.

Въ случаяхъ же особенной важности или въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ въ предпріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлю распространеніе предѣловъ государства новыми завоеваніями (при Даріѣ Гистаспѣ противъ скифовъ, а при Ксерксѣ противъ Греціи), въ цѣломъ государствѣ производимо было всеобщее или поголовное вооруженіе. Царь призывалъ къ оружію всѣ подвластныя ему народы и назначалъ, сколько каждый изъ нихъ долженъ былъ выставить людей, лошадей, судовъ, продовольствія и проч., равно когда и гдѣ должныствовали собраться ополченія. По прибытіи ихъ на сборное мѣсто, начальство надъ ними принимали природныя персы и царь производилъ имъ смотръ. Самыя многочисленныя общенародныя ополченія были собраны Ксерксомъ I противъ Греціи. Любопытную картину оныхъ находимъ у Геродота. Онъ исчисляетъ 56 различныхъ племенъ и народовъ, которые на смотре, произведенномъ Ксерксомъ при Дорискѣ, во Фракіи, были отчасти въ составѣ сухопутнаго войска, пѣшими и конными, на верблюдахъ

и въ колесницахъ, и отчасти на флотѣ. Въ числѣ ихъ находились, по словамъ Геродота: «индійцы въ одеждахъ изъ бумажныхъ тканей, эѳіопляне въ львиныхъ шкурахъ, черные баллухи Гедрозій, кочевыя племена странъ, къ востоку отъ каспійскаго моря лежавшихъ, и народы дикіе, звѣроловныя, какъ на примѣръ сагартійцы, которые, не имѣя металлическаго вооруженія, ловили людей, какъ звѣрей, кожаными арканами, мидяне и бактрійцы въ богатыхъ одеждахъ, ливіянѣ въ 4-хъ-колесныхъ военныхъ колесницахъ, аравитяне на верблюдахъ, финикійскіе моряки на флотѣ и малоазіятскіе греки». При этомъ Геродотъ подробно исчисляетъ также, сколько всего было войска и разнаго рода людей въ Ксерксовомъ ополченіи (см. § 49); но исчисленіе его кажется уже слишкомъ преувеличеннымъ.

Жалованья персидскія и другія войска въ составѣ персидскихъ армій не получали. Продовольствованіе же персидскихъ армій въ военное время производилось отчасти изъ складовъ запасовъ, собранныхъ заблаговременно до войны со всѣхъ или нѣкоторыхъ областей, большею же частію сборомъ въ собственной или непріятельской странѣ во время самой войны. При этомъ, если принять въ соображеніе, съ одной стороны необыкновенную роскошь и пышность персидскихъ царей, двора ихъ и знатныхъ сановниковъ и вельможъ, а съ другой—беспорядки, неизбѣжныя въ такихъ арміяхъ и столь огромныхъ, какъ персидскія, то легко можно будетъ себѣ представить, какимъ разоренію и истощенію подвергались страны, чрезъ которыя проходили или въ которыхъ дѣйствовали персидскія арміи, особливо если при нихъ находился самъ царь.

У такого воинственнаго народа-завоевателя, какъ персы, военное званіе, какъ легко понять, считалось выше и почетнѣе гражданскаго и было соединено съ большими преимуществами. Тысячники и десятитысячники пользовались большимъ уваженіемъ, а высшіе военачальники и сановники военные занимали первыя въ государствѣ степени и, по свидѣтельству Геродота, почти всегда принадлежали къ знаменитому роду ахеменидовъ или по крайней мѣрѣ къ поколѣнію п а с с а р г а д о в ѣ, соединялись браками съ царскимъ домомъ и большею частію были близкими родственниками персидскихъ

царей. Между ними были строго соблюдаемы различіе чиновъ, званій, степеней и разрядовъ, и порядокъ чиноначалія. Что касается до самаго царя, то онъ былъ верховнымъ предводителемъ и полнымъ распорядителемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ государства.

Въ нравственномъ отношеніи персы, не смотря на распространившуюся уже между ними роскошь, были еще народъ воинственный и храбрый, страстный и способный къ войнѣ, а персидское юношество, особливо принадлежавшее къ высшему и военному сословіямъ, по прежнему получало еще весьма хорошее военное воспитаніе (см. § 15).

Но послѣ Ксеркса I, въ періодъ внутреннихъ смутъ, потрясеній и переворотовъ, при слабыхъ, неспособныхъ царяхъ, въ персахъ и военномъ устройствѣ персидской монархіи произошли большія перемѣны. Роскошь, изнѣженность и развращеніе нравовъ до того распространились между персами, что этотъ народъ совершенно утратилъ прежніе воинскій духъ и добродѣтели свои, сдѣлался неспособнымъ къ войнѣ и всячески уклонялся отъ военной службы. И цари персидскіе, и знатные персы росли въ харемахъ, получали въ нихъ невоинственное, изнѣженное воспитаніе, и первые изъ нихъ уже почти никогда не предводительствовали лично арміями. Тогда-то и у персовъ вошло въ обыкновеніе содержать наемныя войска и составлять изъ нихъ лучшую, надежнѣйшую часть и главную силу своихъ армій. Обычай этотъ имѣлъ самое вредное вліяніе на военное устройство персидской монархіи и на устройство персидскихъ войскъ. И внутренняя, и внѣшняя безопасность государства была ввѣряема наемникамъ, служившимъ изъ за однихъ денегъ, и потому весьма ненадежнымъ и часто опаснымъ. Сами же персы, полагаясь на нихъ, совершенно пренебрегали и правильнымъ устройствомъ собственныхъ войскъ, и усовершенствованіемъ своимъ въ военномъ дѣлѣ. Сверхъ того ничто столько не способствовало скорому набору персами огромныхъ армій и веденію ими почти непрерывныхъ войнъ, какъ возможность всегдашняго и скорого набора наемныхъ войскъ. Персы набирали ихъ между азійтскими народами и греками. Изъ числа первыхъ они особенно предпочитали полудикія, независимыя племена, кочевавшія

въ странахъ къ югу и востоку отъ каспійскаго моря, какъ-то: гирканцевъ и скиѳовъ, славившихся своею храбростью, равно мардовъ, саковъ, парѳянъ и др. За жалованье или обѣщанную долю въ добычѣ, племена эти охотно шли съ персидскими арміями на войну. Но выше всѣхъ персы цѣнили греческія наемныя войска, по причинѣ превосходныхъ ихъ: тактическаго устройства, храбрости и воинскихъ: духа, подчиненности и порядка. Съ конца 5-го и особенно съ начала 4-го вѣка передъ Р. Х. (послѣ пелопоннесской войны) они стали постоянно содержать въ своей службѣ большее или меньшее число греческихъ наемныхъ войскъ, а послѣднія составляли лучшую часть и главную силу царскихъ войскъ и персидскихъ армій вообще, и даже въ послѣднія времена персидской монархіи составляли постоянную стражу всѣхъ городовъ малой Азіи. Они одни въ персидскихъ арміяхъ получали опредѣленное жалованье, именно по даріку (около червонца на нынѣшнія деньги) въ мѣсяцъ на человѣка. А Киръ младшій даже увеличилъ это жалованье вдвое.

Другимъ важнымъ злоупотребленіемъ, вкравшимся въ военное устройство персидской монархіи и сдѣлавшимся причиною жестокихъ внутреннихъ потрясеній и переворотовъ, было соединеніе военной власти съ гражданскою въ рукахъ сатраповъ. Первоначально сатрапамъ, особливо если они принадлежали къ царскому роду или управляли пограничными сатрапіями (во Фракіи, малой Азіи, Сиріи и Египтѣ), только въ видѣ исключенія стали ввѣрять съ гражданскою властію и военную, и начальствованіе войсками въ ихъ сатрапіяхъ. Но съ ходомъ времени честолюбивые сатрапы начали сами присвоивать себѣ въ своихъ сатрапіяхъ полную военную власть, и неограниченно располагая находившимися въ нихъ войсками, почти возвышаясь на степень независимыхъ государей, составляли между собою союзы, отказывали персидскимъ царямъ въ повиновеніи и возставали противъ нихъ войною.

Съ этого времени наборъ, пополненіе, содержаніе, управленіе, сборы, смотры и употребленіе постоянныхъ войскъ и земскихъ ополченій болѣе или менѣе зависѣли уже отъ сатраповъ. Постоянная войска были отчасти составлены изъ греческихъ наемниковъ и

отчасти набираемы въ сатрапіяхъ между жителями ихъ. Наибольшее число постоянныхъ, полевыхъ и городовыхъ, войскъ находилось всегда въ западныхъ пограничныхъ сатрапіяхъ Фракіи, Египта и особенно малой Азіи. Въ этой послѣдней именно, со временъ 1-й греко-персидской войны, постоянно сосредоточены были главныя военныя силы персидскаго государства.

§ 34.

Устройство войскъ и военное дѣло вообще.

Лучшимъ и многочисленнымъ родомъ азіятскихъ войскъ въ составѣ персидскихъ армій въ этомъ періодѣ была конница. Ибо во 1-хъ почти всѣ народы малой и особенно средней Азіи, войска которыхъ входили въ составъ персидскихъ армій, равно и сами персы, сражались преимущественно на коняхъ и отличались способностью къ конной службѣ, искусствомъ и ловкостью въ верховой ѣздѣ и наѣздничествѣ. Во 2-хъ для знатныхъ и богатыхъ персовъ конная служба была не только отличіемъ и преимуществомъ, но и обязанностью, ибо съ тѣхъ поръ, какъ персы сдѣлались осѣдлыми, каждый изъ нихъ, владѣвшій землями, былъ обязанъ служить на конѣ. Наконецъ въ 3-хъ малая и особливо средняя Азія изобиловала конями отличной доброты. По этимъ причинамъ дружины царскихъ тѣлохранителей, царскія полевыя войска и собственныя дружины сатраповъ и вельможъ состояли преимущественно изъ конницы. Конница была отчасти тяжелая и отчасти легкая. Лучшею конницею считалась собственная персидская, послѣ нея мидійская, малоазіятская (въ особенности пафлагонская), парѣянская, наемная скиѣская и др. Кочевыя племена средней Азіи доставляли персамъ многочисленную и отличную легкую конницу.

Пѣхота была многочисленнѣе, но хуже конницы. Азіятская была отчасти тяжелая, большею же частію легкая, по причинѣ какъ большаго употребленія лука и пращи на востокѣ, такъ и множества стрѣлковъ и пращниковъ, притомъ весьма искусныхъ и мѣткихъ, особливо между горскими племенами. Греческая наем-

ная пѣхота напротивъ, большею частію тяжелая и лишь отчасти легкая, всегда была многочисленнѣе азіятскихъ конницы и пѣхоты, никогда, какъ кажется, не превосходя 50 т. челов. (греческой конницы при ней не было вовсе или по крайней мѣрѣ весьма мало).

Вообще легкихъ войскъ въ персидскихъ арміяхъ было гораздо болѣе, нежели тяжелыхъ, и вооруженіе войскъ было преимущественно легкое, состоявшее изъ метательнаго оружія: дротиковъ, луковъ и пращей. Нѣкоторыя азіятскія войска имѣли впрочемъ болѣе или менѣе тяжелыя: ручное оружіе и предохранительное вооруженіе. У самихъ персовъ они состояли изъ короткихъ мечей и копій, большихъ луковъ, длинныхъ стрѣлъ, шлемовъ, чешуеобразныхъ грудныхъ и ножныхъ латъ, и небольшихъ, легкихъ, деревянныхъ щитовъ. У знатныхъ и богатыхъ персовъ они отличались чрезвычайнымъ богатствомъ, а въ конницѣ персидской не только всадники, но и кони были покрыты латами.

Сверхъ пѣхоты и конницы, въ составѣ персидскихъ армій находились также военныя колесницы, какъ простыя, такъ и вооруженныя косами, и иногда отряды верблюдовъ, на которыхъ были посажены стрѣлки и метавшіе дротики воины. Употребленіе персами военныхъ колесницъ и верблюдовъ въ полевыхъ сраженіяхъ усматривается въ продолженіе всего этого періода.

Въ тактикѣ персы со временъ Кира старшаго не сдѣлали ни малѣйшихъ успѣховъ. Строй и образъ движеній ихъ въ походѣ и дѣйствій въ бою, сохраняя свойственныя всѣмъ восточнымъ народамъ характеръ, находились на низкой степени совершенства. Въ походѣ войска шли безъ всякаго порядка и для облегченія своего часто не только безъ оборонительнаго вооруженія, но даже и безъ ручнаго оружія, которыя, равно какъ и всѣ тяжести, были перевозимы за войсками на повозкахъ, верблюдахъ и вьючномъ скотѣ. На ночь войско располагалось станомъ на равнинахъ, по близости къ водѣ, пастбищамъ и лѣсу. Всегда крайне опасаясь внезапныхъ ночныхъ нападеній, персы ограждали станы свои повозками, тыномъ, землянымъ валомъ со рвомъ и т. п. Передъ битвою при Микалѣ они оградили станъ свой со сторо-

рошы моря вытасченными на берегъ морскими судами своими и сверхъ того со всѣхъ сторонъ, отчасти тыномъ, отчасти каменнымъ валомъ со рвомъ впереди и отчасти щитами своими, утвержденными плотно одинъ возлѣ другаго въ землѣ, въ видѣ стѣны. Въ станахъ цари, знатные сановники и высшіе военачальники располагались въ ставкахъ, войска же подъ открытымъ небомъ или въ шалашахъ. Всегда имѣя въ виду и твердо надѣясь подавить врага однимъ числительнымъ превосходствомъ силъ, одолѣть его одною личною храбростію, персы шли прямо на встрѣчу непріятелю, не прибѣгая ни къ хитростямъ, ни къ пособію искусства. Для битвы они избирали обширныя, открытыя равнины, на которыхъ могли свободнѣе, удобнѣе и выгоднѣе дѣйствовать своими огромными полчищами, отличною конницею и военными колесницами. Чтобы удобнѣе охватить и окружить непріятеля, они строили войско свое въ боевой порядокъ обыкновенно весьма длиннымъ фронтомъ, а конницу на обоихъ крылахъ, военные же конницы ставили, для произведенія ими перваго удара, впереди фронта цѣлаго войска. Иногда впрочемъ (какъ на Граникѣ) они располагали конницу впереди пѣхота или (какъ при Иссъ) пѣхоту въ нѣсколько линій, а конницу на одномъ изъ фланговъ. Главною частію боеваго порядка и почетнѣйшимъ мѣстомъ въ немъ была середина или центръ. Здѣсь становился обыкновенно самъ царь, на конѣ или въ колесницѣ, окруженный своими тѣлохранителями и всѣмъ дворомъ. По обѣ стороны его располагались отборнѣйшія, храбрѣйшія войска. Какъ пѣхота, такъ и конница, строилась большими, тѣсно-сомкнутыми, весьма глубокими (иногда до 100 чел. и болѣе въ глубину) и вѣроятно четырехъ-угольными массами, между которыми находились стрѣлки, пращники и вообще легкія войска. Царь ободрялъ войско рѣчью, и затѣмъ при трубныхъ звукахъ, съ громкимъ возглашеніемъ боеваго клика (назначаемаго царемъ передъ битвою), все войско двигалось впередъ. Битву начинали военныя колесницы, за ними слѣдовала вся пѣхота, а конница между тѣмъ охватывала непріятеля съ фланговъ. Дѣйствіе метательнымъ оружіемъ было всегда весьма сильное и въ этомъ отношеніи персы, по большому числу

легкихъ войскъ, имѣли на своей сторонѣ значительное преимущество. Но многочисленность войска, разнородный составъ его, трудность управленія имъ и совершенное отсутствіе воинскихъ благоустройства и порядка въ немъ—были причинами, что при малѣйшей неудачѣ одной какой-либо части боеваго порядка, войска, ее составлявшія, обращались въ бѣгство, и этого было достаточно для того, чтобы и всѣ остальные войска немедленно слѣдовали тому же примѣру, такъ что уже не было никакой возможности ни остановить, ни собрать, ни устроить ихъ, ни возстановить боя. Въ случаѣ пораженія, персидское войско, какъ бы многочисленно ни было, мгновенно разсѣявалось по всѣмъ направленіямъ, истребляемое безъ сопротивленія, терпѣло несравненно большій уронъ во время бѣгства, нежели въ бою, и потому нерѣдко въ слѣдующіе послѣ пораженія дни исчезало такъ, какъ будто вовсе передъ тѣмъ не существовало. Если же оно находилось въ необходимости сражаться въ горахъ, то самые составъ и многочисленность его служили важнымъ препятствіемъ къ одержанію имъ успѣха и обращались во вредъ ему. Конница и военныя колесницы его дѣлались совершенно бесполезными и персы были принуждаемы ограничиваться употребленіемъ легкой и небольшого числа тяжелой пѣхоты своей, а всадники — спѣшиваться и дѣйствовать въ непривычномъ для нихъ пѣшемъ строѣ.

Города непріятельскіе персы брали большею частію хитростью, измѣною, обложеніемъ и иногда внезапнымъ нападеніемъ или приступомъ. Въ искусствѣ же брать оныя правильною осадой они были крайне невѣжественны, отчего осады ихъ продолжались обыкновенно долго.

Вообще военное дѣло у персовъ находилось на весьма низкой степени совершенства, и въ войнахъ съ необразованными или дикими народами Азіи и Африки легко одерживая надъ ними успѣхи, въ войнахъ съ греками и даже съ дикими горскими племенами Азіи персы терпѣли одиѣ неудачи.

Въ заключеніе, изъ числа военныхъ обычаевъ персовъ замѣтимъ объявленіе ими войны чрезъ особыхъ пословъ, которые требовали отъ непріятеля землю и воду, т. е. полной покорности.

§ 35.

Походъ Дарія Гистаспа противъ скиѳовъ (513 г.).

Замѣчательнѣйшимъ изъ походовъ персовъ до начала греко-персидскихъ войнъ былъ совершенный Даріемъ Гистаспомъ въ 513 г. передъ Р. Х. противъ скиѳовъ, обитавшихъ въ странахъ къ сѣверу отъ Евксинскаго Понта, и бывшій первымъ общенароднымъ предпріятіемъ персовъ. Предлогомъ ему служило отмщеніе скиѳамъ за неоднократныя, опустошительныя нашествія ихъ, въ предшествовавшія времена, на среднюю Азію, и за пораженіе и смерть, нанесенныя ими основателю персидской монархіи—Киру. Дѣйствительными же причинами и цѣлю были честолюбіе Дарія и желаніе его, съ одной стороны — общенароднымъ предпріятіемъ предотвратить возстаніе покоренныхъ персами народовъ, а съ другой — утвердиться во Ѳракіи для того, чтобы потомъ обратить оружіе свое противъ Греціи.

Киръ напалъ на скиѳовъ со стороны кавказскаго перешейка и претерпѣлъ неудачу: Дарій рѣшился напасть на нихъ съ другой стороны—съ запада, отъ Истра (Дуная). Съ войскомъ, силы котораго, по свидѣтельству преданія, простирались до 700.000 чел., онъ прошелъ чрезъ малую Азію, переправился чрезъ Геллеспонтъ по мосту на судахъ, устроенному малоазійскими греками, опустошилъ Ѳракію и въ устьяхъ Истра соединился съ флотомъ своимъ изъ 600 судовъ, выставленнымъ малоазійскими же греками и прибывшимъ изъ Эгейскаго моря. Черезъ Истръ греки снова построили мостъ на судахъ, и войско, перейдя по нимъ, вступило въ обширныя, пустынныя между Истромъ и Тирасомъ или Данастромъ (Днѣстромъ) степи, которыя въ позднѣйшія времена Страбонъ называлъ пустынею Гетовъ, а Птоломей—нижнею Мэзіею. Для охраненія моста на Истрѣ оставлены были греки съ флотомъ.

Всѣхъ народовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Истра или Ниж-

няго Дуная, Евксинскаго Понта, Кавказа, Каспійскаго моря и рѣки Яксарта, греки называли общимъ именемъ *скиѳовъ*. Изъ нихъ тѣхъ, которые обитали къ сѣверу отъ Истра и Евксинскаго Понта, Геродотъ изображаетъ народомъ дикимъ и свирѣпымъ, а всѣ прочіе древніе писатели—народомъ многочисленнымъ, воинственнымъ, отмѣнно храбрымъ, славившимся искусствомъ въ наѣздничествѣ и мѣткою стрѣльбою изъ луковъ. Войска ихъ состояли почти исключительно изъ конницы, легкой, живой и проворной. Войны ихъ заключались въ быстрыхъ, стремительныхъ набѣгахъ и дѣйствіяхъ малой войны. Разграбивъ и разоривъ земли непріятельскія, они столь же быстро возвращались въ глубину своихъ обширныхъ степей. Въ настоящемъ случаѣ дѣйствія ихъ противъ Дарія были особенно замѣчательны. По мѣрѣ движенія Дарія во внутренность ихъ страны, они постоянно уклонялись отъ него съ фронта, но безпрестанно тревожили его съ фланговъ и тыла, разоряя край и засыпая колодцы и ключи на пути слѣдованія персовъ. Но при этомъ они не разоряли края совершенно, дабы тѣмъ не принудить персовъ слишкомъ скоро къ отступленію, а оставляли часть произведеній земли и запасовъ для того, чтобы завлечь персовъ далѣе во внутренность страны и тѣмъ болѣе ослабить, утомить и легче одолѣть ихъ. Сверхъ того, дабы развлекать вниманіе и силы персовъ и оставлять послѣднихъ въ неизвѣстности о томъ, гдѣ именно находились ихъ главныя силы, они раздѣлялись обыкновенно на три части и отступали въ трехъ различныхъ направленіяхъ, съ фронта и обоихъ фланговъ, равно и въ тѣ части страны, жители которыхъ не хотѣли или еще не рѣшались за одно съ ними дѣйствовать противъ персовъ, и такимъ образомъ и ихъ также противъ воли принуждали вооружаться на защиту земель своихъ.

Слѣдствіемъ такого рода дѣйствій ихъ было то, что Дарій никогда не могъ настигнуть ихъ, не зналъ, гдѣ находятся главныя ихъ силы и тщетно надѣялся принудить ихъ къ бою, а войско его утомилось, терпѣло крайній недостатокъ въ продовольствіи, понесло большой уронъ, и наконецъ Дарій былъ принужденъ искать спасенія въ отступленіи къ Истру. Тогда скиѳы окружили его вой-

ско, начали его тревожить безпрестанными и сильными нападеніями со всѣхъ сторонъ и едва не отрѣзали ему отступленія чрезъ Истръ. Одинъ изъ ихъ отрядовъ подступилъ къ мосту на этой рѣкѣ и склонялъ охранявшихъ оный грековъ разрушить его. Мильтіадъ (знаменитый въ послѣдствіи побѣдитель при Марафонѣ) и съ нимъ большая часть грековъ были согласны снять мостъ, видя въ этомъ благопріятный случай и средство погубить Дарія съ войскомъ и освободиться отъ персидскаго ига. Но Гистіэй, тираннъ или правитель Милета, представилъ греческимъ вождямъ, что собственныя ихъ выгоды требовали спасенія Дарія и его войска: ибо съ паденіемъ персидскаго царства малоазіятскіе греки изгнали бы тиранновъ и установили бы народное правленіе. Мнѣніе его превозмогло и мостъ снять не былъ. Но Дарію еще нужно было дойти до него, а это представляло чрезвычайныя затрудненія, ибо скиѣ, окружая и сильно тѣсня персидское войско, въ особенности старались отрѣзать его отъ моста. Въ этомъ трудномъ и опасномъ положеніи, два случайныя обстоятельства спасли Дарія и его войско. Во-первыхъ Дарію удалось помощію хитрости скрытно отступить передъ скиѣми. Разъ ночью онъ оставилъ въ станѣ своемъ больныхъ, слабыхъ и неспособныхъ сражаться воиновъ и разнаго рода людей, и съ ними вьючныхъ ословъ, а самъ со всѣми остальными войсками двинулся къ Истру. Скиѣ, видя огни и слыша шумъ и мычаніе ословъ въ станѣ персовъ, провели ночь въ виду его и только на слѣдующее утро, убѣдясь въ отступленіи Дарія, устремились вслѣдъ за нимъ кратчайшимъ путемъ къ Истру. Но персы въ темнотѣ ночи сбились съ надлежащаго, прямого направленія и сверхъ того, задерживаемые пѣхотою, шли довольно медленно. Такимъ образомъ скиѣ прибыли прежде ихъ къ мосту, однакоже не отважились завладѣть имъ силою, а только требовали отъ грековъ снять его. Греки ограничились тѣмъ, что сняли ближайшія къ лѣвому берегу Истра суда, и скиѣ обратились назадъ для отысканія персовъ, но снова разошлись съ ними, и персы, благодаря этому обстоятельству, въ слѣдующую ночь успѣли наконецъ достигнуть моста и безпрепятственно перейти по немъ обратно черезъ Истръ, пробывъ по ту сторону этой рѣки, въ

скиѣской пустынѣ, болѣе 70 дней и потерявъ въ продолженіе этого времени до 80,000 человекъ.

Такимъ образомъ походъ противъ скиѣовъ едва не кончился совершенною гибелью Даріева войска во-1-хъ потому, что Дарій предпринялъ его не зная ни скиѣовъ, ни страны ихъ, и не развѣдавъ о нихъ заблаговременно, и не принялъ необходимыхъ мѣръ предосторожности касательно продовольствованія своего войска и обезпеченія его сообщеній, а во-2-хъ и въ особенности—вслѣдствіе искусныхъ дѣйствій скиѣовъ, дѣйствительно заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Неудачу предпріятія своего противъ скиѣовъ Дарій вознаградилъ покореніемъ сильныхъ, но раздираемыхъ междоусобіями, племенъ Θракіи, которое совершилъ оставленный имъ въ этой странѣ съ 80,000 войска полководецъ Мегабазъ, между тѣмъ какъ самъ Дарій съ остальнымъ войскомъ возвратился въ малую Азію.

Четыре года спустя (509 г. передъ Р. Х.) предпріятіе его съ цѣлію распространить предѣлы персидскаго государства на востокъ до Инда имѣло болѣе успѣхъ, нежели походъ противъ скиѣовъ, ибо было приготовлено заблаговременнымъ обозрѣніемъ теченія и прибрежныхъ странъ Инда, которое, по повелѣнію Дарія, совершилъ греческій мореплаватель Скилаксъ. Спустившись по Инду въ океанъ, Скилаксъ объѣхалъ западные берега индійскаго полуострова и послѣ 30-ти мѣсячнаго плаванія возвратился въ аравійскій заливъ. А между тѣмъ сухопутное персидское войско покорило горныя страны въ верховьяхъ Инда, и съ тѣхъ поръ рѣка эта сдѣлалась границею персидскаго государства на востокъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГРЕКИ.

I. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у грековъ вообще. — § 36. Военное устройство и военныя учрежденія. — § 37. Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ. — § 38. Строй и образъ дѣйствій войскъ. — Греческая фаланга и греческая тактика. — § 39. Преимущества и недостатки, выгоды и невыгоды фаланги. — § 40. Походныя движенія и боевые порядки. — § 41. Внутреннее устройство и духъ войскъ, воинскій порядокъ, военные нравы и обычаи грековъ. — § 42. Кастраметация, фортификація и полиорцетика. — § 43. Морское дѣло у грековъ. — II. Республика спартанская. — § 44. Военное устройство и военныя учрежденія ея. — § 45. Устройство спартанскихъ войскъ. — III. Республика аѳинская. — § 46. Военное устройство и военныя учрежденія ея. — § 47. Устройство аѳинскихъ войскъ.

Источники: Герододъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, Діодоръ, Корнелій, Непотъ, Плутархъ и указанные въ главѣ IV.

I.

Военныя: устройство, учрежденія и искусство у грековъ вообще.

§ 36.

Военное устройство и военныя учрежденія.

Военное устройство и военныя учрежденія грековъ, изложенныя выше (въ главѣ IV), въ главныхъ своихъ основаніяхъ сохранялись въ неизмѣнности до битвы при Платеѣ (479 г.), положившей конецъ нашествіямъ персовъ на Грецію. Но съ этого времени въ наборѣ и составѣ греческихъ армій начинаютъ уже быть усматриваемы болѣе и болѣе важныя перемѣны. Такъ въ

самой битвѣ при Платѣ въ составѣ греческой арміи уже было большое число рабовъ. Послѣ нея, на общемъ сеймѣ всѣхъ греческихъ народовъ, положено было постоянно содержать во время войны съ персами, для продолженія оной, 10,000 чел. пѣхоты, 1,000 чел. конницы и 100 большихъ морскихъ судовъ. Эта мѣра, хотя временная и исключительная, представляетъ первый примѣръ содержанія греками постоянныхъ войскъ. Позже, когда греки начали вести войны внѣ предѣловъ Греціи, потребность въ большемъ числѣ войскъ и въ средствахъ къ усиленію наборовъ ихъ и къ пополненію убыли въ нихъ сдѣлалась крайне ощутительною. А потому греки стали набирать въ свои арміи, сверхъ свободныхъ гражданъ, постепенно большее и большее число иностранцевъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ, и въ особенности содержать и умножать наемныя войска. Аѳиняне первые подали примѣръ тому въ періодѣ наибольшихъ своихъ силы и славы (470 — 430) и въ пелопоннесской войнѣ, которую вели преимущественно посредствомъ наемныхъ войскъ. Примѣру аѳинянъ послѣдовали и другіе народы Греціи, и вскорѣ означенные выше наборъ и составъ войскъ сдѣлались общими въ ней.

За всѣмъ тѣмъ до временъ пелопоннесской войны военное устройство и военныя учрежденія грековъ, въ соединеніи съ одушевлявшими послѣднихъ чувствомъ любви къ отечеству, независимости и воинской славы, и всѣми гражданскими и военными добродѣтелями, составляли главную основу силы, величія и славы Греціи.

Но бѣдственная для Греціи пелопоннесская война имѣла самое вредное вліяніе на военное устройство и воинскій духъ грековъ. Разоривъ Грецію, доведя ее до крайней степени оскудѣнія и истощенія, и погубивъ значительную часть ея пародонаселенія, она въ то же время распространила между греками роскошь, развращеніе нравовъ и — обычай служить наемниками. Движимые безпокойнымъ духомъ своимъ и еще болѣе корыстолюбіемъ, греки (сначала малоазіятскіе, а потомъ и европейскіе) уже и прежде имѣли обыкновеніе служить за деньги наемниками въ войскахъ азіатскихъ, афрканскихъ и другихъ иноплеменныхъ народовъ. Но

послѣ пелопоннесской войны этотъ постыдный для нихъ и пагубный для Греціи обычай распространился до того, что цари и сатрапы персидскіе, Кароагентъ и другіе народы и государства стали безъ труда набирать цѣлые отряды греческихъ наемниковъ, и даже граждане самой Спарты не стыдились служить за деньги въ азійскихъ войскахъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было, что народонаселеніе Греціи уменьшалось еще болѣе, а правительства греческія, лишеныя лучшихъ своихъ гражданъ и не полагаясь на остальныхъ, изпѣженныхъ и неспособныхъ къ войнѣ, по необходимости принуждены были ввѣрять защиту своихъ областей войскамъ наемнымъ. Общие недостатки такого рода войскъ уже были означены выше; — въ Греціи же, сверхъ того, наемники безпрестанно переходили на сторону всякаго, предлагавшаго имъ большую плату, и только содѣйствовали богатымъ честолюбцамъ въ похищеніи верховной власти.

Въ эти бѣдственныя для Греціи времена, войска греческія состояли уже преимущественно изъ наемниковъ, либо были набираемы между бѣднѣйшими гражданами и народною чернію. Богатые же граждане уклонялись отъ военной службы и нанимали вмѣсто себя людей изъ черни. Войска были по прежнему временныя, но отчасти и постоянныя: ибо области и города греческіе, набирая наемниковъ обыкновенно передъ войною, нерѣдко содержали ихъ и въ мирное время.

Лучшую часть греческихъ армій въ этомъ періодѣ составляли особенныя, отборныя дружины, подъ различными наименованіями существовавшія у различныхъ народовъ Греціи. Составленныя изъ лучшихъ, отборнѣйшихъ гражданъ-воиновъ, онѣ сражались всегда съ большимъ отличіемъ и нерѣдко въ битвахъ рѣшали побѣду или прокладывали другимъ войскамъ путь къ ней. Таковы были: дружина тысячи отборныхъ воиновъ у аргивянъ, — эпариты у аркадянъ, — знаменитая священная дружина у еивянъ, и другія. Фивская священная дружина была учреждена, по мнѣнію нѣкоторыхъ, однимъ изъ фивскихъ віотарховъ, сотоварищемъ Пелопида, Горгидомъ, изъ 300 отборныхъ фивскихъ гражданъ, содержимыхъ городомъ въ замкѣ своемъ, Кадмеѣ, на

жалованъѣ, — по мнѣнію же другихъ, болѣе принятому — самимъ Пелопидомъ изъ 300 отборныхъ аивскихъ молодыхъ гражданъ, соединенныхъ узами священной дружбы и торжественно клявшихся вмѣстѣ побѣдить или умереть. Она была совершенно истреблена въ битвѣ при Херонѣѣ (338 г.).

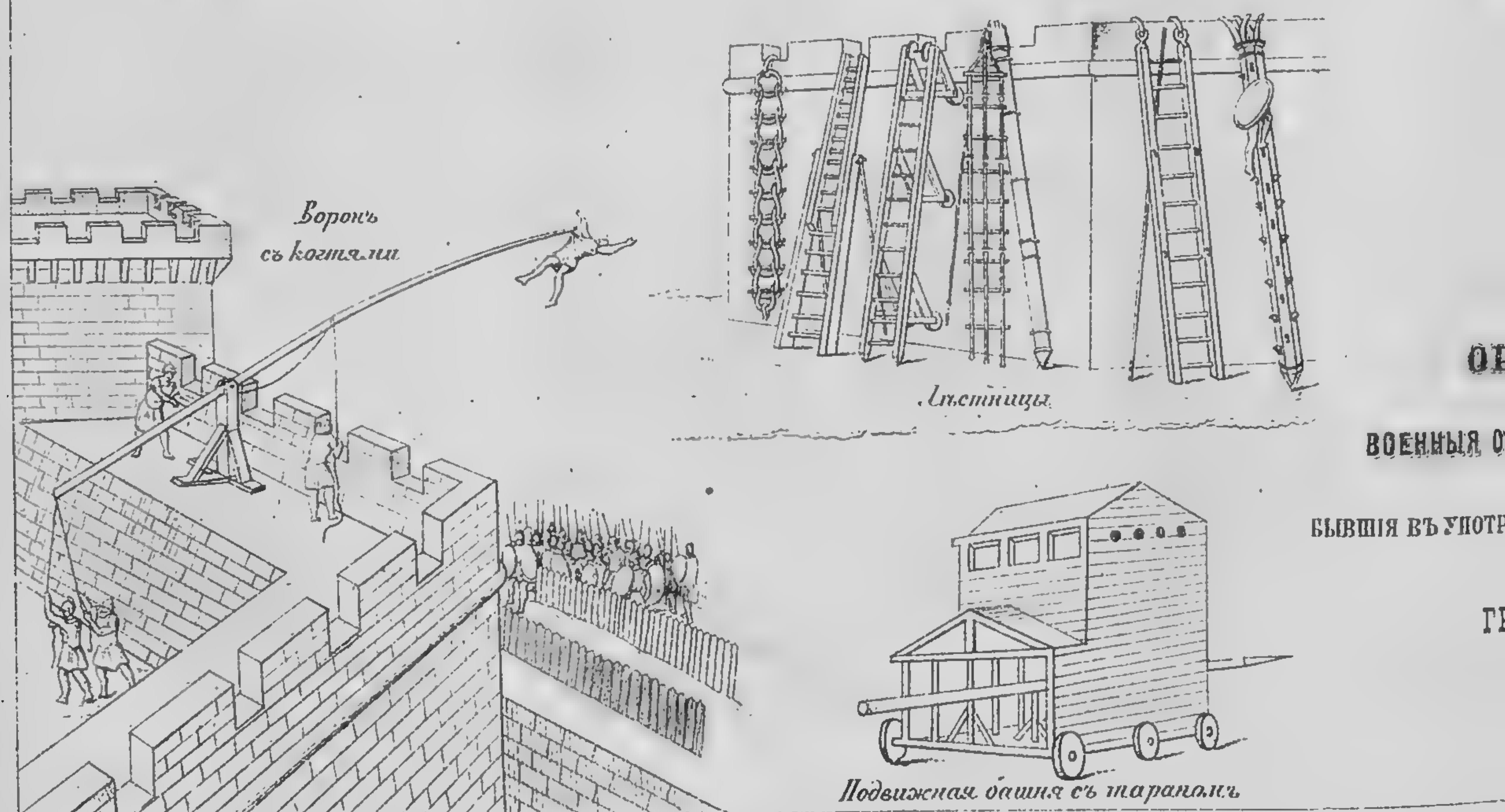
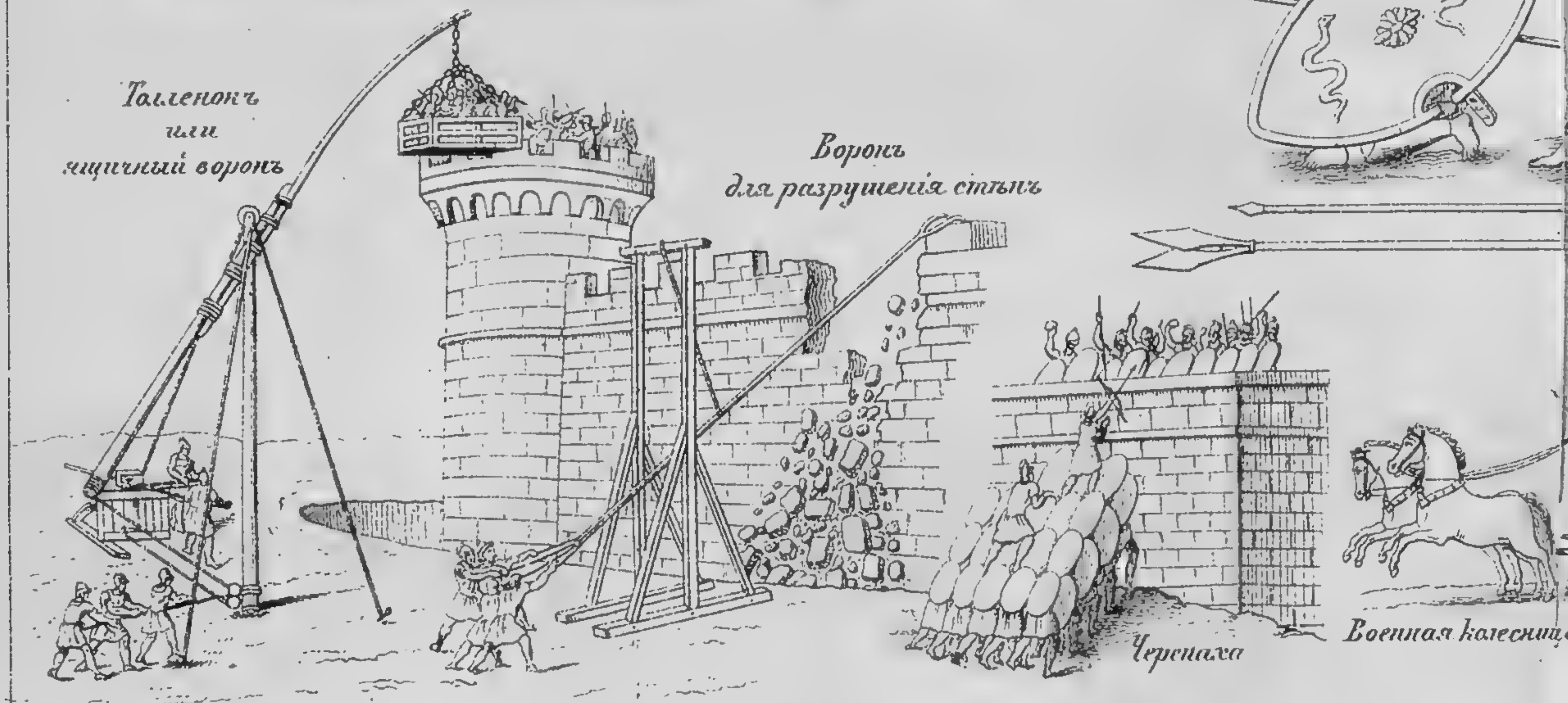
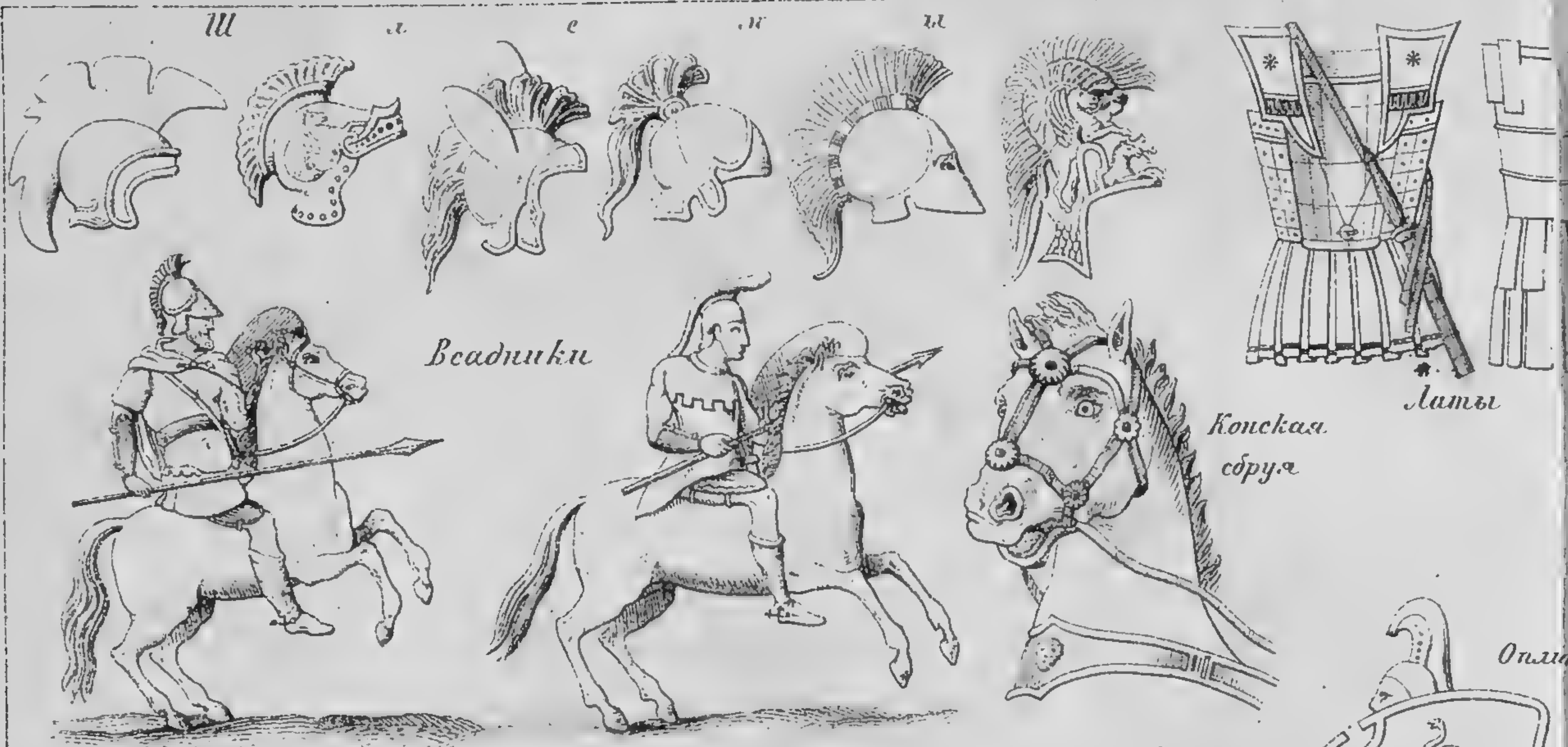
Касательно общественныхъ военныхъ воспитанія и образованія у грековъ, къ тому, что сказано выше (въ главѣ IV), должно присовокупить, что въ этомъ періодѣ, во всѣхъ областяхъ и почти во всѣхъ городахъ греческихъ существовали гимназіи, въ которыхъ молодые граждане, сверхъ гимнастическихъ и военныхъ упражненій, получали основательное математическое и военное образованіе. Для этого правительства содержали особыхъ преподавателей. Въ преподаваніи теорія была тѣсно соединена съ практикой. Такого рода военныя воспитаніе и образованіе дѣлали греческихъ гражданъ болѣе или менѣе способными къ достойному занятію низшихъ и высшихъ чиновъ и званій военныхъ, — были причиною, что у грековъ никогда не было недостатка въ знающихъ и искусныхъ полководцахъ, — и значительно способствовали развитію и усовершенствованію греческаго военного искусства какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи.

§ 37.

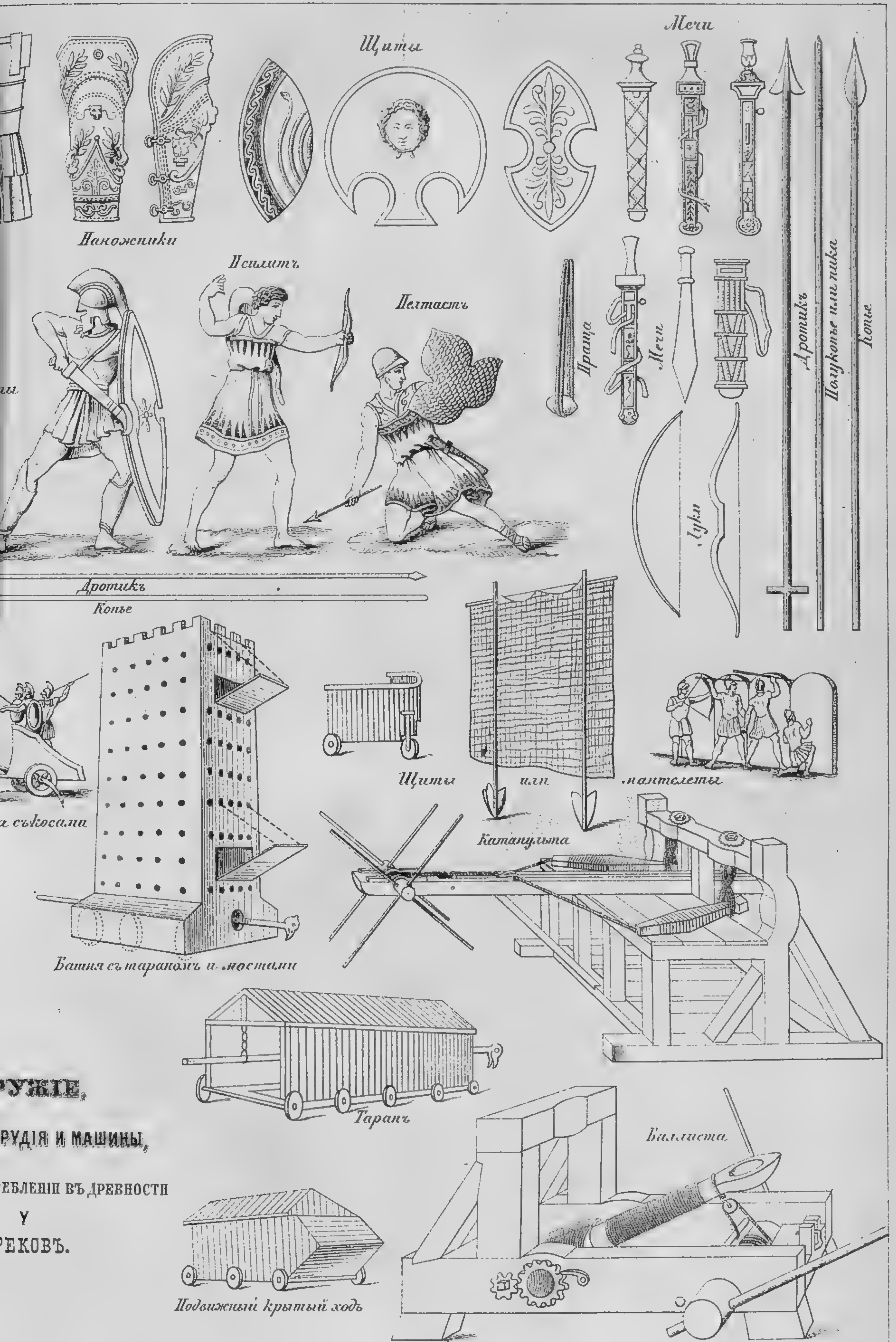
Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ.

Лучшій, надежнѣйшій и почетнѣйшій родъ греческихъ войскъ составляла тяжелая пѣхота или оплиты. Никогда, ни у одного народа и ни одинъ родъ войскъ не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ оплиты у грековъ, которые имъ преимущественно присвоивали значеніе и названіе воиновъ. Вооруженіе оплитовъ было такого же рода, что и прежде, съ тою только разницею, что вышина щитовъ постепенно уменьшалась отъ 4-хъ до 2^{1/2} футовъ, а длина копій, напротивъ, постепенно увеличивалась — отъ 10-ти даже до 24-хъ футовъ.

Псилы, или легкая пѣхота, служили только для прикрытія и

ОБ
ВОЕННЫЯ О
БЫВШІЯ ВЪ УПОТ
ГЕ

обезпеченія оплитовъ и для содѣйствія имъ. Они были вооружены очень легко: ибо греки, мало заботясь о сбереженіи ихъ, хотѣли только придать имъ сколько можно болѣе легкости и быстроты въ движеніяхъ. Лучшими стрѣлками и пращниками въ греческихъ войскахъ были, сверхъ критянъ, жители острова Родоса и позже акар-наняне, жители острова Эгины и городовъ: Патръ и Димъ (въ Ахайѣ). Псилловъ первоначально было гораздо менѣе, нежели оплитовъ. Но съ ходомъ времени аѣиняне, а потомъ и другіе греки, убѣдились, какъ въ пользѣ и важности легкой пѣхоты, такъ и въ малочисленности и несовершенствѣ той, которая у нихъ имѣлась. Дѣйстви-тельно, псилы были большею частію необученная или худо обученная народная чернь; пользы, какъ легкая пѣхота, приносили мало, въ рукопашномъ же бою вовсе не могли противопоставлять непріятелю никакого сопротивленія. Поэтому вскорѣ послѣ пелопоннесской войны, когда число ихъ уже значительно увеличилось, знаменитый аѣинскій полководецъ Иѣикратъ обратилъ особенное вниманіе на усовершенствованіе аѣинской легкой пѣхоты. Убѣжденный въ томъ, что усовершенствованное устройство средняго рода пѣхоты, который съ легкостью и быстротою псилловъ соединялъ бы твердость и силу оплитовъ, могло принести существенную пользу, онъ отдѣлилъ часть аѣинскихъ псилловъ, вооружилъ ее, вмѣсто длинныхъ и тяжелыхъ копьевъ, короткими, легкими и удобными для мета-нія, и далъ ей предохранительное вооруженіе такого же вида, какъ у оплитовъ, но не столь тяжелое, и небольшіе, легкіе, круглые щиты, по гречески пелта, отъ которыхъ пѣхота эта и получила названіе пелтастовъ. Пелтасты оказали аѣинянамъ большую пользу и вскорѣ были учреждены и въ другихъ грече-скихъ войскахъ.

Конница греческая была двухъ родовъ: тяжелая и легкая. Тяжелая, или к а т а ф р а к т ы, была вооружена длинными и тяже-лыми копьями, длинными мечами, сѣкирами и носила полное пред-охранительное вооруженіе: шлемы, покрывавшіе часть лица, груд-ныя латы, наручники, наножики и небольшіе, легкіе, круглые щиты. Лошади катафрактовъ были также покрыты латами. Легкая конница, или а к р о б о л и с т ы, была вооружена различно: либо од-

ними легкими копьями, либо копьями, мечами и небольшими щитами, либо одними дротиками, либо одними луками, и т. п.

Число греческой конницы стало нѣсколько увеличиваться противъ прежняго со временъ Ксерксова нашествія. Послѣ битвы при Платеѣ положено было во время войны съ персами постоянно содержать, какъ означено выше, на 10.000 челов. пѣхоты 1.000 челов. конницы, и съ тѣхъ поръ конница въ греческихъ арміяхъ обыкновенно составляла $\frac{1}{10}$ пѣхоты, никогда почти не превышая этого числа: исключенія были рѣдки. Такъ, напримѣръ, передъ началомъ войны Спарты съ Ѡивами, спартацкій царь Агезилай установилъ, чтобы въ войскѣ Спарты и ея союзниковъ было по одному всаднику на четырехъ пѣшихъ воиновъ, т. е. чтобы конница составляла $\frac{1}{4}$ пѣхоты. Но вообще конница греческая всегда была малочисленна и весьма посредственной доброты. Причинами тому были: во 1-хъ гористыя свойства мѣстности Греціи; во 2-хъ малое число лошадей въ Греціи вообще и годныхъ къ конной службѣ въ особенности, ибо всѣ онѣ, даже лучшія, ѳессалійскія, уступали добротой азіатскимъ; въ 3-хъ неспособность и малое уваженіе грековъ къ конной службѣ, которой они предпочитали службу въ тяжелой пѣхотѣ, не смотря на то, что въ конницѣ служили знатнѣйшіе и богатѣйшіе граждане и что сословіе всадниковъ у нѣкоторыхъ греческихъ народовъ пользовалось большимъ уваженіемъ; въ 4-хъ несовершенство искусства верховой ѣзды у грековъ, и наконецъ въ 5-хъ самая вооруженіе и устройство греческой конницы. Послѣ ѳессалійской, лучшею конницею греческою считалась этолійская. Временно, при жизни Эпаминонда, умножилась и усовершенствовалась конница ѳивская. Лучшею же иностранною конницею въ составѣ греческихъ войскъ была легкая еракійская.

Относительное число пѣхоты, тяжелой и легкой, и конницы, въ греческихъ арміяхъ, было въ разныя времена неодинаково. Такъ при Мараѳонѣ, въ первой битвѣ грековъ съ персами, на 9.000 аѳинскихъ и 1.000 платейскихъ оплитовъ, сражавшихся подъ начальствомъ Мильтіада, было очень мало псиловъ и вовсе не было конницы. При Платеѣ на 110.000 союзныхъ греческихъ войскъ было (по Геродоту) 38.700 челов. тяжелой и 71.300 челов. легкой пѣхоты, вовсе

безъ конницы. Въ началѣ пелопоннесской войны Аѳинская республика имѣла (по Θукидиду) 13.000 челов. тяжелой и 1.600 челов. легкой пѣхоты, и 1.200 челов. конницы, всего 15.800 человекъ, сверхъ 16.000 оплитовъ, назначенныхъ для охраненія Аѳинъ и ихъ крѣпости (Акрополя) и гавани (Пирея). Наконецъ при Левктрѣ Эпаминондъ имѣлъ (по Діодору) 6.000 челов. тяжелой и 1.500 челов. легкой пѣхоты и 500 челов. конницы, всего 8.000 войскъ, а при Мантинее (по Діодору же) болѣе 30.000 челов. пѣхоты тяжелой и легкой вмѣстѣ, и около 3.000 челов. конницы.

§ 38.

Строй и образъ дѣйствій войскъ. — Греческая фаланга и греческая тактика.

Сжатый и глубокий строй въ фалангахъ, въ которомъ уже со временъ троянской войны сражалась греческая тяжелая пѣхота, оказался столь выгоднымъ и полезнымъ противъ персовъ, во время нашествія ихъ на Грецію, и въ послѣдовавшихъ затѣмъ войнахъ съ ними, что былъ не только сохраненъ греками, но и постепенно совершенствуемъ ими, съ этого именно времени, въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ. Оставивъ прежнія, главныя основанія его безъ существенныхъ измѣненій, греки старались только совершенствовать вооруженіе и раздѣленіе оплитовъ, составлявшихъ фалангу, и изобрѣтать такого рода построенія оной, которыя, не измѣняя основнаго ея вида, могли доставить ей средства и возможность въ различныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать съ одинаковою силою. Успѣхамъ ихъ въ этомъ отношеніи много способствовали: природный глубокомысленный и систематическій умъ ихъ, съ раннихъ лѣтъ получаемое ими основательное образованіе въ математическихъ наукахъ и теоріи военнаго искусства, и многоразличная военная опытность, пріобрѣтенная ими въ войнахъ съ персами и между собою. Пелопоннесская война въ особенности была благопріятна успѣхамъ греческой тактики. Въ ней образовались тѣ знаменитые полководцы, тактики и военные

писатели, которые во время и послѣ нея со славою предводительствовали греческими арміями, усовершенствовали греческую тактику и оставили намъ первыя достовѣрныя и положительныя о ней свѣдѣнія.

Съ понятіемъ о тактикѣ греческой тѣсно сопряжено понятіе о греческой фалангѣ, раздѣленіе, строй и образъ дѣйствій которой поэтому и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Глубина строя фаланги была въ различныя времена и у различныхъ народовъ Греціи неодинаковая: рѣдко менѣе 8-ми (6 и даже 4) или болѣе 16-ти (даже до 25-ти), большею же частію 8, 12 и 16, а по Ксенофонтѣ—среднее между ними число 12 шеренгъ. Соединеніемъ большаго или меньшаго числа рядовъ оплитовъ составлялись раздѣленія и подраздѣленія фаланги, которыя у различныхъ народовъ Греціи были неодинаковыя и носили различныя названія. Каждая часть имѣла своего особеннаго начальника, который въ обыкновенномъ строѣ становился впереди ея. Сверхъ того были особенныя начальники, которые становились позади фаланги, для соблюденія порядка въ ней. Каждая изъ большихъ частей фаланги имѣла свое знамя, одного знаменосца и одного трубача, а при начальникѣ ея состояли одинъ или два особыхъ воина для передачи или провозглашенія его приказаній. Правое крыло фаланги считалось почетнѣйшимъ и называлось головою, а лѣвое—хвостомъ, потому что фаланга двигалась обыкновенно правымъ флангомъ. На этомъ же флангѣ было мѣсто главнаго ея начальника. Между различными частями и подраздѣленіями фаланги были оставляемы небольшіе промежутки для пропуска легкихъ войскъ и облегченія движеній. Изъ многоразличныхъ построеній фаланги замѣчательнѣйшими были построения уступами съ того или другаго фланга, и особенно въ усиленномъ глубокомъ строѣ (по нашему въ колоннахъ), въ которомъ фаланга или нѣкоторыя части ея имѣли большую глубину, нежели протяженіе во фронтѣ, съ цѣлію прорвать непріятельскій строй. Сюда принадлежали всякаго рода глубокія построения, какъ напримѣръ эпаминондовы колонны при Левктрѣ и Мантицѣ, уступы изъ середины впередъ и т. п. Всѣ движенія и построения фаланги произ-

водились или рядами, или шеренгами, или отдѣленіями, тихимъ или скорымъ и притомъ (какъ кажется у всѣхъ греческихъ народовъ) мѣрнымъ шагомъ въ ногу подъ звуки флейтъ. Въ бою фаланга какъ при нападеніи, такъ и при оборонѣ дѣйствовала не иначе, какъ въ сомкнутомъ строѣ копьями. Оплиты первыхъ шеренгъ брали копья на руку; оплиты же остальныхъ шеренгъ, копья которыхъ не переступали за черту фронта первой шеренги, наклоняли ихъ на плечи впередъ стоявшихъ воиновъ, для ослабленія дѣйствія непріятельскихъ стрѣлъ.

Псилы, пелтасты и конница раздѣлялись, строились и дѣйствовали весьма различно. Но вообще псилы сражались всегда въ разсыпную и дѣйствовали метательнымъ оружіемъ издали, а пелтасты были употребляемы, смотря по надобности и обстоятельствамъ, иногда какъ легкая, а иногда какъ тяжелая пѣхота. Что касается конницы, то хотя греки нисколько не постигали надлежащихъ свойствъ, духа и употребленія ея, однако знали бесполезность глубокаго строя оной и строили ее большею частию малыми отдѣленіями, которыя назывались плами и имѣли видъ продолговатыхъ по фронту четвероугольниковъ, глубиною не болѣе 4-хъ всадниковъ. Если мѣстность или обстоятельства требовали увеличенія глубины пловъ, то нападеніе производили однѣ переднія шеренги, заднія же оставались въ резервѣ. Промежутки между плами и другими отдѣленіями конницы были гораздо значительнѣе, нежели между отдѣленіями пѣхоты. Строй конницы клиномъ и ромбомъ (или полными внутри треугольникомъ и четвероугольникомъ, однимъ угломъ обращеннымъ къ непріятелю), о которомъ упоминаютъ нѣкоторые писатели греческіе, былъ, кажется, употребляемъ: строй клиномъ—только въ конницѣ скиѳовъ, еракіянъ и другихъ необразованныхъ народовъ, а строй ромбомъ—только въ аессалійской и этолійской конницѣ.

Въ общемъ строѣ войскъ фаланга, какъ главная часть арміи, отъ которой зависѣла участь боя, становилась обыкновенно въ срединѣ. Псилы находились, смотря по обстоятельствамъ, впереди, на флангахъ, въ промежуткахъ либо позади фаланги, затрудняя непріятелю подступъ къ ея фронту, прикрывая ея фланги, либо

дѣйствуя изъ за нея навѣсно метательнымъ оружіемъ. Иногда псилы были помѣщаемы малыми частями между отдѣленіями конницы. Но главнѣйшими обязанностями ихъ были: обезпеченіе собственной арміи и ея стана отъ внезапныхъ нападеній непріятеля, занятіе горъ, лѣсовъ, засадъ, открытіе боя, преслѣдованіе, вмѣстѣ съ конницею, разбитаго непріятеля, прикрытіе отступленія собственной арміи и вообще полевая служба легкихъ войскъ. Съ достовѣрностью неизвѣстно, какое именно было настоящее мѣсто пелтастовъ въ общемъ строѣ; кажется впрочемъ, что они становились на флангахъ фаланги, дѣйствовали же какъ означено выше. Конница строилась, смотря по обстоятельствамъ, на одномъ или обоихъ флангахъ фаланги, сражалась же: акроболисты—всегда въ разсыпную, тревожа непріятеля стрѣльбою изъ луковъ или метаніемъ дротиковъ и въ удобное мгновеніе нападая на него съ копьями и мечами, а катафракты — всегда въ сомкнутомъ строѣ, были употребляемы только для произведенія рѣшительнаго удара ручнымъ оружіемъ.

§ 39.

Преимущества и недостатки, выгоды и невыгоды фаланги.

Главными достоинствами и выгодами фаланги были непроницаемость и необыкновенная твердость и сила ея, проистекавшія отъ глубины ея строя и взаимной, тѣсной связи всѣхъ ея частей. Трудно было устоять противъ ея удара, когда она производила нападеніе на небольшихъ разстояніяхъ, на мѣстности ровной и открытой, и пока сохраняла надлежащіе порядокъ и устройство. Еще труднѣе было одолѣть ее, когда она оборонялась, стоя на мѣстѣ. Но при движеніи на мѣстности неровной, пересѣченной, при произведеніи нападеній на дальнихъ разстояніяхъ, она легко приходила въ волненіе и разстройство. Ряды и шеренги разрывались и образовывали промежутки, проникнувъ въ которые непріятель могъ совершенно разстроить фалангу и нанести ей пораженіе, тѣмъ болѣе, что, будучи построена вся въ одну линію, она

не имѣла резервовъ для возстановленія боя. Ни заднія шеренги опмитовъ, ни псилы не могли служить резервами, первыя потому, что находились въ одномъ строѣ съ передними шеренгами и вмѣстѣ съ ними двигались, утомлялись и приходили въ разстройство; псилы же ни по вооруженію, ни по устройству, ни по назначенію своему нисколько не были способны къ возстановленію или рѣшенію боя тогда, когда главная часть арміи—фаланга уже была разстроена. Что касается пелтастовъ, то хотя они и могли служить фалангѣ хорошимъ резервомъ, но, какъ кажется, никогда не были употребляемы такимъ образомъ.

И такъ вообще фаланга могла съ успѣхомъ дѣйствовать только оборонительно, стоя на мѣстѣ, либо наступательно на небольшихъ разстояніяхъ и на ровной, открытой мѣстности, и только въ одномъ родѣ дѣйствій, именно въ дѣйствіяхъ сомкнутымъ строемъ. Къ различнымъ же видамъ мѣстности и всѣмъ возможнымъ на войнѣ случаямъ и обстоятельствамъ она почти вовсе не могла быть примѣняема съ успѣхомъ и пользою. Слѣдовательно, главная сила греческой фаланги заключалась въ способности къ оборонѣ, а потому и главный характеръ всей греческой тактики былъ преимущественно оборонительный.

§ 40.

Походныя движенія и боевые порядки.

Образъ, порядокъ и скорость походныхъ движеній греческихъ армій, величина переходовъ и наблюдаемая греками на походѣ предосторожности зависѣли отъ мѣстности и обстоятельствъ, и потому были весьма различны. Но какъ греческія арміи и находившіеся при нихъ тяжести и обозы вообще были довольно малочисленны, то походныя движенія совершались большею частью одною колонною, въ которой армія шла, въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, правымъ флангомъ, т. е. впереди и по бокамъ слѣдовали псилы, потомъ правые фланговые: конница и пелтасты, въ срединѣ фаланга, а за фалангою тяжести и обозы, и лѣ-

вые фланговые пелтасты и конница. Тяжести перевозились отчасти въ повозкахъ, большею же частию на вьючномъ скотѣ. И въ этомъ періодѣ также, какъ и въ предшествовавшія времена, количество тяжестей при войскахъ греческихъ было незначительно, и по прежнему арміи греческія, необремененныя ими и сами вообще немногочисленныя, могли удобно производить и нерѣдко производили движенія чрезвычайно быстрыя, притомъ часто, совершивъ усиленное и быстрое движеніе, немедленно вступали въ бой съ непріателемъ.

Боевые порядки греческихъ армій можно отнести къ тремъ главнымъ видамъ, а именно:

1) Обыкновенному въ одну линію, въ видѣ болѣе или менѣе глубокаго четвероугольника съ длиннымъ фронтомъ. Въ этомъ боевомъ порядкѣ войска производили нападеніе фронтальное и параллельное, т. е. цѣлымъ своимъ фронтомъ на цѣлый же фронтъ непріателя. Выгоды этого боеваго порядка заключались въ томъ, что строй вездѣ имѣлъ одинаковую силу, а недостатки въ томъ, что онъ былъ тяжелъ и неудободвижимъ, и легко могъ быть прорванъ на одномъ какомъ-либо пунктѣ сосредоточенными силами непріателя.

2) Съ усиленными крылами, производившими нападеніе на противустоявшія крыла непріателя въ одно время съ фронта или во флангъ, прямо цѣлымъ фронтомъ или косвенно уступами, между тѣмъ какъ центръ слѣдовалъ за обоими крылами въ нѣкоторомъ разстояніи или, удерживаемый при наступленіи, былъ прикрываемъ легкими войсками, слѣдовавшими на одной высотѣ съ крылами. Цѣлію этого боеваго порядка было разбить сначала оба крыла, а потомъ и центръ непріателя, — или опрокинуть оба крыла на центръ и разбить непріательское войско, пользуясь произведеннымъ въ немъ безпорядкомъ, — или наконецъ, въ случаѣ превосходства силъ на сторонѣ нападавшаго, въ одно время охватить непріателя съ фланговъ и напасть на него съ фронта. Важнымъ недостаткомъ этого боеваго порядка было то, что силы въ немъ были раздроблены и что оба крыла и центръ подвергались отдѣльному пораженію.

3) Лучшимъ и выгоднѣйшимъ боевымъ порядкомъ былъ косвенный, обязанный своимъ происхожденіемъ Эпамипонду, который первый употребилъ его при Левктрѣ и потомъ при Мантинее, и посредствомъ его въ обоихъ этихъ сраженіяхъ одержалъ рѣшительныя побѣды. Косвенный боевой порядокъ заключался въ томъ, что одно изъ крылъ было значительно усиливается и нападало на противустоявшее крыло непріателя съ фронта или во флангъ, прямо или косвенно уступами; другое же крыло нападавшаго, или медленно слѣдовало за движеніемъ атакующаго крыла въ нѣкоторомъ разстояніи, или оставалось неподвижно на мѣстѣ, или же было уклоняемо назадъ, и такимъ образомъ линія боеваго порядка нападавшаго имѣла косвенное къ линіи боеваго порядка непріателя направленіе. Этотъ превосходный боевой порядокъ былъ важнымъ усовершенствованіемъ въ тактикѣ: ибо, вмѣсто фронтальнаго и параллельнаго нападенія цѣлымъ фронтомъ или обоими крылами, впервые ввелъ въ употребленіе фланговое нападеніе главными силами на одинъ флангъ боеваго порядка непріателя.

Всѣ прочіе затѣмъ боевые порядки греческихъ армій были только частными видоизмѣненіями этихъ трехъ главныхъ, изъ коихъ до временъ Эпамипонда греками былъ почти всегда употребляемъ первый или обыкновенный, и только иногда второй.

§ 41.

Внутреннее устройство и духъ войскъ, — воинскій порядокъ, — военные нравы и обычаи грековъ.

Начальствованіе войсками у грековъ въ этомъ періодѣ оставалось на прежнемъ основаніи (см. главы IV § 24). У афинянъ въ это время оно было раздѣлено между нѣсколькими полководцами, числомъ отъ 4-хъ до 11-ти, которые начальствовали войсками поочередно, по прошествіи года были обязаны слагать съ себя начальствованіе, подъ опасеніемъ смертной казни, и назывались вѣотархами, потому что были избираемы отъ различныхъ городовъ Вѣотіи.

До битвы при Платее войска греческія по прежнему служили безъ жалованья; но послѣ этой битвы, когда греки начали вести

войны вѣдѣ предѣловъ Греціи, войска ихъ стали получать денежное жалованье. Аѳиняне первые подали примѣръ тому, а ихъ примѣру послѣдовали и другіе народы Греціи. Съ достовѣрностью неизвѣстно, какъ именно велики были денежные оклады жалованья въ греческихъ войскахъ. Кажется, что въ этомъ отношеніи ничего общаго, постоянного и опредѣленнаго не было, — что жалованье, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалось, то уменьшалось, — но что болѣе обыкновеннымъ и общимъ окладомъ былъ тотъ, о которомъ упоминается въ одной изъ Демосѳеновыхъ филиппикъ, а именно — 2 обола или $\frac{1}{3}$ драхмы (на наши деньги около 7-ми коп. сер.) въ сутки, или 10 драхмъ (около 2 руб. 10 коп. сер.) въ мѣсяцъ одному пѣшему воину. Конница жалованья получала втрое, а иногда, смотря по обстоятельствамъ, вдвое или вчетверо болѣе противъ пѣхоты. Низшіе военачальники получали онаго вдвое, а высшіе вчетверо болѣе, нежели простые воины. Выдача жалованья прекращалась съ окончаніемъ войны; но каждый конный воинъ въ мирное время получалъ на содержаніе лошади около 16-ти драхмъ (около 3 р. 36 коп. сер. на наши деньги) въ мѣсяцъ.

Продовольствованіе войскъ во время войны производилось большею частію посредствомъ фуражировокъ и сбора съ непріятельскаго края, а также посредствомъ подвозовъ изъ собственной земли сухимъ путемъ на выучномъ скотѣ и повозкахъ, или моремъ на перевозныхъ судахъ, — иногда и посредствомъ закупокъ и поставокъ по уговору, и изъ особо учрежденныхъ складовъ продовольственныхъ запасовъ, — въ соединенныхъ же сухопутныхъ и морскихъ дѣйствіяхъ — обыкновенно посредствомъ подвозовъ на флотъ. Закупками и поставками продовольствіе было получаемо путемъ торговымъ преимущественно изъ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ своими плодородіемъ и обиліемъ странъ и мѣстъ, какъ-то: съ острова Эвбеи, изъ пристаней Евксинскаго попта, мало-азіатскихъ, греческихъ, египетскихъ, сицилійскихъ и др. Въ походѣ продовольственные запасы на большее или меньшее число дней было большею частію перевозимо за войсками на выучномъ скотѣ или повозкахъ, и отчасти переносимо воинами на себѣ.

Воинскіе духъ и порядокъ въ греческихъ войскахъ были у различныхъ народовъ Греціи и въ различныя времена неодинаковы: ибо зависѣли отъ характера и общественныхъ устройства, учрежденій и быта каждаго народа, отъ обстоятельствъ и личныхъ свойствъ начальствовавшихъ войсками полководцевъ. Но, вообще говоря, до пелопоннесской войны греческія войска по прежнему отличались превосходнымъ воинскимъ духомъ, строгимъ воинскимъ порядкомъ, умѣренностью и повиновеніемъ, — и по прежнему сильнѣйшею опорою воинскаго порядка и главною мѣрою въ опредѣленіи наказаній и наградъ въ нихъ служило благородное чувство чести. Уклоненіе отъ военной службы, малодушіе въ бою, побѣги и другія воинскія преступленія были наказываемы лишеніемъ чиновъ и званій, и смертію; но самымъ тяжкимъ наказаніемъ было нанесеніе виновному стыда и безчестія. Такъ точно и въ отношеніи къ наградамъ: особенно отличавшіеся простые воины были повышаемы въ чинахъ, причисляемы къ высшимъ классамъ народа, получали различные дары: оружіе, особую часть добычи и т. п. Полководцы же, ознаменовавшіе себя важными побѣдами или отличными подвигами, были всенародно увѣнчиваемы масличными или лавровыми вѣнками, либо золотыми вѣнцами, — имъ сооружали памятники, еще чаще — предоставляли имъ почетную часть отнятой у непріятеля добычи (въ томъ числѣ военнопленныхъ и оружіе) и нѣсколько разъ сряду избирали въ званіе полководцевъ. Мѣста одержанныхъ побѣдъ были означаемы трофеями (т. е. оружіемъ, взятымъ у непріятеля и развѣшеннымъ, на полѣ битвы, на деревьяхъ или шестахъ; позже трофеями были каменные столбы съ надписями о времени одержанія побѣды, и кѣмъ и надъ кѣмъ она была одержана). Но высшею и лестнѣйшею наградою было всенародное объявленіе общественныхъ: одобренія, признательности и уваженія не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ отрядамъ войскъ, даже цѣлымъ народамъ, оказавшимъ наиболѣе отличія и заслугъ отечеству. Такъ послѣ перваго нашествія персовъ подобная награда была цѣлою Греціею присуждена аѳинянамъ; а послѣ платейской битвы — платейнамъ.

Но послѣ пелопоннесской войны, когда роскошь, развращеніе

нравовъ и корыстолюбіе заглушили въ грекахъ дотолѣ преобладавшія въ нихъ чувства чести и любви къ отечеству, войска греческія, съ утратою прежнихъ воинскихъ добродѣтелей, предались неумѣренности, буйству, своеволію, безпорядкамъ, мятежамъ и вообще въ нравственномъ отношеніи пришли въ разстройство и упадокъ. Въ эти времена, правительства и полководцы греческіе уже нерѣдко принуждаемы бывали прибѣгать, съ одной стороны — къ различнымъ наградамъ, большею частію денежнымъ, для возбужденія въ войскахъ соревнованія и усердія къ службѣ, и для поощренія ихъ къ воинскимъ упражненіямъ и соблюденію воинскаго порядка, а съ другой стороны — къ различнымъ позорнымъ и даже жестокимъ наказаніямъ за отклоненіе отъ службы, побѣги, измѣну, малодушіе, непокорность, мятежи и разнаго рода безпорядки.

Къ довершенію картины воинскаго быта грековъ въ этомъ періодѣ должно упомянуть и о нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ чертахъ въ ихъ военныхъ нравахъ и обычаяхъ.

Войну греки объявляли обыкновенно чрезъ особыхъ вѣстниковъ или герольдовъ (кериковъ), которые требовали отъ непріятели удовлетворенія за его несправедливые поступки или оскорбленія, и въ случаѣ отказа бросали на границѣ окровавленное копье и горящую головню съ жертвенника, въ знакъ вызова на брань.

Передъ началомъ войнъ и битвъ греки имѣли всегда обыкновеніе совершать различные религіозные и другіе обряды, какъ-то: обѣты, общественныя моленія и жертвоприношенія, и наблюденія внутренностей животныхъ. Сверхъ религіозной цѣли, обряды эти, особливо послѣдній, имѣли еще и другую, собственно военную, а именно они служили для полководцевъ средствомъ къ побужденію нерѣдко легкомысленныхъ и строптивыхъ, и всегда до крайности суевѣрныхъ греческихъ воиновъ — безпрекословно повиноваться волѣ своихъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ такимъ образомъ какъ бы по внушенію самихъ боговъ. Если предвѣщаніе предъ битвою было признаваемо благопріятнымъ, то воины подкрѣпляли себя легкою пищею, полководцы строили ихъ къ бою,

одушевляли рѣчью и затѣмъ все войско воспѣвало пеанъ или боевой гимнъ въ честь Марса и двигалось въ бой при звукахъ флейтъ и трубъ, и съ возгласеніемъ боеваго клика.

Погребеніе убитыхъ въ бою воиновъ греки почитали священнѣйшимъ долгомъ, въ исполненіи котораго религія и справедливость не позволяли отказывать даже самому непріятелю. Для этого греки по окончаніи битвъ обыкновенно заключали перемиріе, нерѣдко даже прекращали преслѣдованіе разбитаго непріятеля и жертвовали плодами одержанныхъ побѣдъ, опасаясь въ противномъ случаѣ подвергнуться гнѣву боговъ и строгому суду народному. Та сторона, которая просила о заключеніи перемирія для погребенія убіенныхъ, тѣмъ самымъ признавала себя побѣжденною; напротивъ та, которая безпренятственно воздвигала на полѣ битвы трофей, была признаваема одержавшею побѣду. Тѣла павшихъ въ бою воиновъ либо, по сожженіи оныхъ, пепелъ ихъ были отправляемы въ отечественныя страны и города убіенныхъ, и тамъ съ большими торжествомъ и почестями предаваемы погребенію.

Общимъ порокомъ грековъ (по теперешнимъ нашимъ понятіямъ) была вошедшая въ обычай хладнокровная, такъ сказать, обдуманная жестокость въ обращеніи съ побѣжденными и пѣвинными. Почти общимъ правиломъ принято было взрослыхъ мужчинъ казнить, а женщинъ и дѣтей продавать въ рабство; иногда и тѣхъ и другихъ безъ исключенія казнили, либо обращали въ рабство, или же изгоняли, переселяли и т. п.

Во времена нравственнаго упадка грековъ означенные здѣсь военные обычаи и права ихъ значительно измѣнились тѣмъ, что отчасти пришли въ забвеніе или пренебреженіе, отчасти же, являя прежнее грубое суевѣріе, пріобрѣли характеръ еще бѣльшихъ жестокости и безчеловѣчія.

§ 42.

Кастраметація, фортификація и поліорцетика.

Въ избѣжаніе работъ и трудовъ при искусственномъ укрѣпленіи становъ, греки вообще предпочитали обезнечивать оныя самою

мѣстностью. А потому станы ихъ опредѣленнаго, постояннаго и общаго начертанія не имѣли, но сообразно съ мѣстностью были располагаемы весьма различно и большею частію неправильно. Въ случаѣ же невозможности обезпечить станы мѣстностью, либо въ ожиданіи нападенія сильнаго непріятеля, или же изъ опасенія внезапнаго нападенія, греки укрѣпляли станы свои искусственнымъ образомъ, ограждая ихъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе сильными земляными, деревянными или каменными укрѣпленіями, состоявшими изъ вала съ тыномъ и рвомъ впереди. Въ станахъ войскъ располагались въ ставкахъ, неизвѣстно впрочемъ въ какомъ порядкѣ, и, по различію въ правахъ, обычаяхъ и военныхъ учрежденіяхъ, у иныхъ городовъ Греціи были соблюдаемы болѣе, а у другихъ менѣе строгіе порядки и предосторожности.

Полевые укрѣпленія и укрѣпленныя линіи, которыя греки устраивали для усиленія или защиты отдѣльныхъ пунктовъ, либо для прикрытія болѣе или менѣе обширныхъ пространствъ края, или для обложенія непріятельскихъ городовъ, или же для соединенія городовъ, близъ моря лежавшихъ, съ ихъ гаванями (какъ на примѣръ Аѣинъ съ Пиреемъ, Коринѳа съ Лэхеемъ, и др.), состояли иногда изъ землянаго вала съ рвомъ, тыномъ, плетнемъ, засѣками и т. п., большею же частію изъ разнородныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, земляныхъ, деревянныхъ и каменныхъ построекъ. Примѣромъ тому могутъ служить стѣны, которыми Архидамъ, царь спартанскій, окружилъ городъ Платею, при обложеніи онаго въ 3-мъ году пелопоннесской войны (429). Стѣны эти были построены изъ кирпича и земли, одна отъ другой въ разстояніи 13-ти футовъ. Съ одной на другую были положены поперечныя балки, на которыхъ устроены: прикрытый со стороны поля и города зубцами ходъ, и чрезъ каждые 10 зубцовъ небольшія деревянныя башни, для помѣщенія сторожевыхъ карауловъ. Прочія же войска помѣщались между стѣнами. Впереди стѣнъ со стороны города и поля были вырыты широкіе и глубокіе рвы съ подъемными на нихъ мостами.

Правильныя: укрѣпленіе, осада и оборона городовъ, заимствованныя греками у восточныхъ народовъ, были, со временъ Пе-

рикла и особливо въ концѣ этого періода, значительно усовершенствованы ими въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ, и обогащены собственными важными и полезными изобрѣтеніями ихъ.

Города греческіе были обыкновенно ограждаемы каменными, высокими и толстыми стѣнами, съ каменными же, круглыми или четвероугольными башнями, которыя вышиною значительно превосходили стѣны и были располагаемы на исходящихъ углахъ и между ними, на такихъ разстояніяхъ, что могли взаимно обстрѣливать одна другую. На вершинѣ стѣнъ былъ устраиваемъ широкій ходъ, прикрытый со стороны поля небольшимъ каменнымъ, выдававшимся наружу валомъ съ зубцами и навѣсными бойницами, для обстрѣливанія подошвы стѣнъ. Впереди городскихъ стѣнъ и башенъ былъ устраиваемъ широкій и глубокій, сухой и преимущественно водяной, ровъ. Внутри городовъ, большею частію на возвышенныхъ и неудободоступныхъ мѣстахъ, были сооружаемы внутреннія крѣпости или городскіе замки (цитадели), укрѣпляемые точно также, какъ и самый городъ. Такъ, напримѣръ, укрѣпленія Аѣинъ, Фивъ и Коринѣа состояли изъ городскихъ стѣнъ и внутреннихъ крѣпостей, изъ коихъ послѣднія назывались: въ Аѣинахъ — Акрополемъ, а въ Фивахъ — Кадмеею или кадмейскимъ замкомъ.

Непріятельскіе города греки брали или посредствомъ тайныхъ сношеній съ гарнизономъ и жителями, измѣны или оплошности ихъ, и разнаго рода военныхъ хитростей, или же посредствомъ внезапныхъ нападеній, приступа открытою силою, обложенія и правильной осады.

Въ приступахъ открытою силою легкая пѣхота дѣйствіемъ метательнаго оружія сбивала оборонявшихся съ городскихъ стѣнъ, — тяжелая, подъ прикрытіемъ легкой, производила самый приступъ и всходила на городскія стѣны посредствомъ лѣстницъ, либо черепахъ изъ щитовъ, или же врывалась въ городскія ворота, а кошица поддерживала пѣхоту и отражала вылазки.

При обложеніяхъ городъ былъ окружаемъ или одними войсками, или войсками и укрѣпленною (контръ-валаціонною) линіею, обращен-

ною къ городу, а иногда сверхъ того и другою (циркумъ-валаціонною), обращенною къ полю.

При правильныхъ осадахъ осаждавшее войско располагалось въ нѣсколькихъ станахъ, соединенныхъ контръ- и циркумъ-валаціонными линіями, и избравъ слабѣйшій пунктъ городскихъ укрѣпленій для атаки, открывало по нему дѣйствіе метательныхъ орудій, — приближалось къ нему посредствомъ полуземляныхъ и полудеревянныхъ крытыхъ ходовъ, а приближась, устраивало земляную насыпь, господствовавшую надъ городской стѣною, — дѣйствіемъ метательныхъ орудій и оружія сбивало со стѣны оборонявшихся, засыпало ровъ, подкапывало стѣну или подвозило къ ней стѣнобитныя орудія и производило въ ней проломъ, который затѣмъ брало приступомъ.

Метательныя и стѣнобитныя орудія и подкопы начали быть употребляемы греками, какъ кажется, не ранѣе половины 5-го вѣка передъ Р. Х., т. е. со временъ Перикла и пелопоннесской войны. Но устройство ихъ было усовершенствовано, а употребленіе распространилось только къ концу этого періода.

Метательныя орудія были двухъ родовъ: одни (позже извѣстныя подъ общимъ названіемъ катапультъ), въ видѣ большихъ луковъ, метали большія копья, пучки стрѣлъ и другія тяжести горизонтально, посредствомъ толстыхъ тетивъ и двухъ луковыхъ крыльевъ; другія же (позже баллисты) метали большіе камни и разнаго рода тяжести навѣсно, посредствомъ одного крыла или рычага, сильно ударявшаго снизу вверхъ о поперечную перекладину. Метательныя орудія дѣйствовали на разстояніи отъ 300 до 800 шаговъ.

Стѣнобитныя орудія первоначально состояли изъ толстыхъ бревенъ, имѣвшихъ острые желѣзные наконечники, и были поднимаемы и ударяемы о городскія стѣны большимъ или меньшимъ числомъ воиновъ на рукахъ. Въ послѣдствіи тараны или усовершенствованныя стѣнобитныя орудія, состоявшія изъ толстыхъ бревенъ съ желѣзными наконечниками въ видѣ бараньей головы, были утверждаемы и раскачиваемы на канатахъ или цѣпяхъ, повѣшенныхъ на поперечной перекладинѣ между двумя вертикаль-

ными столбами. Въстѣ съ тѣмъ тараны и дѣйствовавшихъ ими стали прикрывать черепахами, или помѣщая ихъ въ нижнихъ ярусахъ подвижныхъ осадныхъ башень.

Подкопы состояли изъ пространныхъ подземныхъ ходовъ, поддерживаемыхъ деревянными подпорами и наполняемыхъ удобовоспламенявшимися веществами, по сгорѣніи которыхъ и съ ними подпоръ, земля и стѣны на ней обрушивались. Иногда подкопы состояли только изъ подземныхъ ходовъ, ведущихъ подъ городскими стѣнами во внутренность осажденнаго города.

По затруднительности и медленности въ устроеніи насыпей и подкоповъ, правильныя осады въ концѣ этого періода начали быть производимы греками также посредствомъ деревянныхъ, подвижныхъ, крытыхъ ходовъ и башень, разныхъ величины и вида, на колесахъ или каткахъ. Они были устроиваемы въ дѣйствія метательныхъ орудій осажденнаго и употребляемы для прикрытаго подступа къ городскому рву и для прикрытія рабочихъ, которые засыпали ровъ и подкапывали стѣну, и орудій, которыя разбивали ее.

Съ своей стороны оборонявшіеся противодѣйствовали осаждавшимъ сообразными съ дѣйствіями послѣднихъ средствами, а именно:

Въ приступахъ открытою силою прикрывали себя отъ дѣйствія непріятельскаго метательнаго оружія деревянными щитами, опрокидывали штурмовыя лѣстницы, извергали съ вершины стѣнъ на нападавшихъ каменья, бревна, обливали ихъ кипящими: водою и масломъ и т. п.

При обложеніяхъ они принуждаемы бывали ограничиваться частыми вылазками для разрушенія работъ непріятеля, пораженія его самого, принужденія его снять обложеніе, или для открытія сообщеній и полученія помощи со стороны поля, — а иногда, доведенные до крайности, силою пробивались сквозь укрѣпленныя линіи.

Въ правильныхъ осадахъ они усиливали войска и метательныя орудія на атакованныхъ пунктахъ, — возвышали стѣну, производили частыя вылазки, прибѣгали къ подкопамъ и контр-подкопамъ,

какъ къ надежнѣйшему средству, и всячески старались сожигать или разрушать непріятельскія стѣнобитныя орудія и подвижные ходы и башни, или по крайней мѣрѣ препятствовать достиженію ими городской стѣны, а эту послѣднюю напротивъ предохранить отъ сожженія и разбитія. Если же проломъ былъ сдѣланъ, то они защищались въ немъ за подвижными засѣками, валами, рогатками, а иногда сооружали за нимъ и новую стѣну.

При большихъ правильныхъ осадахъ означенныя здѣсь средства атаки и обороны были употребляемы, смотря по обстоятельствамъ, отдѣльно или въ совокупности.

Такъ какъ 1) осадныя работы требовали огромныхъ трудовъ и усилій, и продолжительнаго времени, 2) оборона была равносильна атакѣ и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходила ее, и 3) взятый городъ, равно его гарнизонъ и жителей, ожидала жестокая участь, т. е. городъ былъ обыкновенно разрушаемъ, а гарнизонъ и жители истребляемы или обращаемы въ рабство, — то, по всѣмъ этимъ причинамъ, у грековъ, какъ и вообще у всѣхъ древнихъ народовъ, оборона городовъ была всегда чрезвычайно упорна, а осады болѣе или менѣе продолжительны, и какъ та, такъ и другія стоили всегда большихъ пожертвованій, издержекъ и урона въ людяхъ.

§ 43.

Морское дѣло у грековъ.

Сухопутныя военныя дѣла и дѣйствія у грековъ всегда находились въ самомъ близкомъ соотношеніи, въ самой тѣсной связи съ морскими. Окруженная съ трехъ сторонъ моремъ, Греція, страна необширная, была какъ бы большимъ морскимъ островомъ. Исключая обитателей внутреннихъ областей ея и спартанцевъ, каждый грекъ, особенно на островахъ, выросалъ на морѣ и съ дѣтства былъ морякомъ, каждый знатный греческій гражданинъ долженствовалъ быть готовъ къ занятію высшихъ военныхъ званій, безъ различія, и въ сухопутномъ войскѣ, и во флотѣ, и по-

чти всѣ лучшіе, извѣстнѣйшіе греческіе полководцы были въ то же время и отличными предводителями флотовъ. А потому необходимо сказать нѣсколько словъ о военно-морскихъ: устройствѣ и дѣлѣ у грековъ.

Во времена первобытныя и героическія, мореходство у грековъ ограничивалось однимъ морскимъ разбойничествомъ, а морское дѣло находилось въ совершенномъ младенествѣ. Со времени образованія народнаго правленія, первое стало однако-же болѣе и болѣе обращаться къ торговлѣ и обезпеченію ея, а послѣднее развиваться и совершенствоваться. Но эпохою наибольшихъ морскихъ силы и славы грековъ, господства ихъ на греческихъ и сосѣдственныхъ моряхъ, и превосходства ихъ надъ современными народами въ морскомъ дѣлѣ, былъ безспорно періодъ отъ нашествія персовъ на Грецію до Филиппа и Александра македонскихъ. Первоначальнымъ же виновникомъ этого былъThemistocles. Онъ первый возымѣлъ мысль сдѣлать изъ аѣинской республики сильную морскую державу и уже при жизни своей въ половину достигъ этой цѣли, положивъ начальныя основанія морскимъ: устройству и силѣ Аѣинъ. Кимонъ и Периклъ счастливо продолжали начатое имъ дѣло, и, въ промежуткѣ времени съ 470 года до бѣдственнаго конца предпріятія аѣинянъ противъ Сициліи (413 г.), аѣинская республика была, по силѣ и искусству, одною изъ первыхъ морскихъ державъ въ современномъ мірѣ. Это побудило и враговъ ея, въ пелопоннесской войнѣ, увеличить и усовершенствовать свои морскія силы. Даже самая Спарта создала флотъ и вступила съ Аѣинами въ борьбу на морѣ. Такимъ образомъ военныя дѣйствія 2-й половины пелопоннесской войны были преимущественно морскія, и самая война рѣшена на морѣ. Въ послѣдствіи флоты греческіе, во всѣхъ войнахъ грековъ между собою, съ персами и Филиппомъ македонскимъ, всегда играли первостепенную роль, всегда имѣли въ нихъ важное участіе.

За всѣмъ тѣмъ морское дѣло у грековъ, даже и въ этотъ періодъ наибольшихъ, въ отношеніи къ тогдашнему времени, развитія и совершенства своихъ, было, сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ его, крайне недостаточно и несовершенно. Уже самая

моря, омывавшія Грецію, усѣянныя безчисленными мысами и островами, съ скалистыми, нерѣдко чрезвычайно высокими берегами, и потому, болѣе, нежели другія моря, подверженныя внезапнымъ и жестокимъ бурямъ, были причиною, что греки, искусные въ плаваніи у береговъ на малыхъ судахъ, никогда не могли предпринимать дальнихъ плаваній въ большихъ, открытыхъ моряхъ и на большихъ морскихъ судахъ. Другою важною причиною этого было устройство греческихъ морскихъ судовъ. Какъ вообще въ древности, они были вмѣстѣ и гребныя, и парусныя; но главною движущею силою военныхъ была гребная, т. е. веслы, парусная же лишь вспомогательною, второстепенною. А потому суда эти были строимы такъ, чтобы представлять по возможности болѣе удобствъ, легкости и скорости для хода на веслахъ, нежели на парусахъ. Они имѣли форму продолговатую (почему и назывались длинными), въ водѣ сидѣли неглубоко, имѣли одинъ, два и преимущественно три (рѣдко болѣе) ряда веселъ, а внутри и на палубѣ пространство, необходимое для помѣщенія только гребцовъ и опредѣленнаго числа воиновъ. Вслѣдствіе того, во 1-хъ, на военныхъ судахъ вовсе не было мѣста ни для продовольствія, ни для воды, ни для другихъ необходимыхъ въ морѣ запасовъ, которые и долженствовали быть отчасти перевозимы за флотомъ на перевозныхъ судахъ, отчасти же добываемы на берегу,—во 2-хъ, греческія морскія суда и даже большіе военные флоты не отваживались пускаться въ большія, открытыя моря на дальнія разстоянія, но плавали преимущественно близъ или вдоль береговъ,—въ 3-хъ, въ продолженіе такого рода плаванія, греки въ полдень и на ночь приставали обыкновенно къ берегу, располагались на немъ станомъ, подобно сухопутнымъ войскамъ, нерѣдко даже вытаскивая на него суда, добывали дрова, воду, иногда продовольствіе, готовили себѣ пищу и отдыхали,—и наконецъ въ 4-хъ, въ случаѣ бури, греческія военно-морскія суда подвергались величайшей опасности быть разсѣянными въ морѣ или поглощенными имъ, еще болѣе разбитыми о берега, или выброшенными на нихъ, или же разбитыми отъ столкновенія однихъ съ другими.

Перевозныя военныя суда перевозили за флотомъ и къ флоту продовольствіе и морскіе запасы и принадлежности, а иногда лошадей конницы. Въ первомъ случаѣ они не различались отъ обыкновенныхъ торговыхъ судовъ, были движимы парусною силою болѣе, нежели гребною, сидѣли въ водѣ глубже, нежели военныя, и имѣли форму кругловатую (отъ чего и назывались круглыми). Въ послѣднемъ же случаѣ, т. е. для перевоза лошадей, они получали особое, сообразное съ этою цѣлію устройство.

Такъ какъ лучшіе, знатные и богатые граждане греческихъ республикъ служили обыкновенно въ тяжелой пѣхотѣ и конницѣ, то во флотъ, подобно тому, какъ въ легкую пѣхоту, были набираемы только граждане бѣднѣйшихъ классовъ, иностранцы, вольноотпущенники и рабы. Въ случаяхъ особенной важности или крайней опасности въ него поступали однако-же и граждане достаточныхъ и высшихъ классовъ, а иногда даже (какъ у аѳинянъ во время нашествія Ксеркса) и все способное сражаться, мужское населеніе. Люди во флотъ были набираемы обыкновенно передъ войною и во время оной, и обучались отчасти въ своихъ гаваняхъ, отчасти же во время плаванія въ морѣ и притомъ, по простотѣ и малочисленности обязанностей своихъ, довольно скоро. Жалованья они получали столько же, сколько въ сухопутныхъ войскахъ пѣхота, но были подчинены, кажется, гораздо большей строгости. На малыхъ военныхъ судахъ, имѣвшихъ одинъ рядъ веселъ, находилось обыкновенно отъ 50-ти до 60-ти гребцовъ; но этихъ судовъ было немного. На большихъ же, имѣвшихъ три ряда веселъ и составлявшихъ главную силу греческихъ флотовъ (они извѣстны болѣе подъ латинскимъ названіемъ триремъ) было обыкновенно отъ 150-ти до 160-ти, иногда и болѣе, гребцовъ. Сверхъ гребцовъ, на каждомъ военномъ суднѣ находилось большее или меньшее число оплитовъ и псировъ (на триремахъ по 40, а иногда и гораздо болѣе, на каждой).

Морскія битвы, по изложеннымъ здѣсь причинамъ, всегда происходили по близости береговъ и сверхъ того, такъ какъ греческія военныя суда были довольно легки и въ бою приводились въ движеніе только помощію веселъ, то и могли тѣсно смыкаться

и не опасались узкихъ протоковъ, а образъ дѣйствій ихъ въ бою позволялъ имъ легко, удобно и выгодно сражаться на тѣсномъ пространствѣ. Въ боевой порядокъ они становились обыкновенно одни плотно возлѣ и позади другихъ. Главнымъ дѣйствиємъ и наибольшею выгодною ихъ въ бою считался сильный ударъ переднею или носовою частью судна въ середину бока судна непріятельскаго. Съ этою цѣлію каждое греческое военное судно было вооружаемо толстымъ, крѣпкимъ и остроконечнымъ, мѣднымъ или желѣзнымъ хоботомъ, на подобіе птичьяго клюва, выступавшимъ далеко наружу изъ носовой его части. Если ударъ удавался, то непріятельское судно было немедленно пробиваемо и потопляемо. Если же это было невозможно, то старались ударъ произвести по крайней мѣрѣ въ косвенномъ направленіи, дабы сломать или повредить у непріятельскаго судна весла. Если это удавалось, то непріятельское судно было приводимо въ бездѣйствіе до тѣхъ поръ, пока сломанныя или поврежденные весла на немъ не были замѣнены другими, а необходимое для того время позволяло нападавшему производить новый и рѣшительный ударъ. По этому-то весла имѣли въ морскомъ бою необыкновенную важность, ими одними можно было во всѣхъ направленіяхъ производить, отклонять или отражать нападенія. Темистоклъ первый, кажется, вполне постигъ обширную пользу ихъ въ морскихъ битвахъ. Дѣйствіе метательнымъ оружіемъ было также въ большомъ употребленіи въ этихъ послѣднихъ; но любимымъ дѣйствиємъ грековъ было сцѣпленіе на abordажъ. Тогда на палубахъ происходилъ рукопашный бой, совершенно подобный сухопутному и въ которомъ одлиты рѣшали побѣду. При abordажѣ всѣ гребцы нападавшаго судна вооружались и также принимали участіе въ бою.

Изъ всего сказаннаго здѣсь явствуется, сколь легко и удобно морскія дѣйствія грековъ могли быть сопряжены съ сухопутными, и даже сколь сходны были съ ними въ практическомъ отношеніи. Если сухопутныя войска были перевозимы на флотъ, то, въ случаѣ нападенія непріятеля на морѣ, принимали въ морскомъ бою дѣятельнѣйшее участіе. Если надобность того требовала, флотъ высаживалъ ихъ на берегъ и, оставаясь близъ него на якорѣ, слу-

жилъ имъ какъ бы опорю въ дѣйствіяхъ ихъ на берегу или убѣжищемъ въ случаѣ неудачи. Если флотъ сопровождалъ войско вдоль береговъ, то въ случаѣ сухопутнаго боя на берегахъ или морскаго близъ оныхъ, и флотъ, и войско взаимно другъ другу помогали и содѣйствовали, преимущественно посредствомъ метательнаго оружія. Наконецъ, въ случаѣ обложеній и осадъ приморскихъ городовъ, флотъ, высадивъ войско, облегалъ городъ съ моря, а войско, обложивъ послѣдній съ сухаго пути, приступало къ осадѣ, и оба, подобно какъ и въ береговомъ бою, взаимно другъ другу помогали.

II.

Республика спартанская.

§ 44.

Военное устройство и военныя учрежденія ея.

Военное устройство и военныя учрежденія, данныя спартанской республикѣ Ликургомъ, сохранялись въ цѣлости и неизмѣнности, со всѣми своими недостатками и преимуществами, до времени пелопоннесской войны. Но когда вражда и соперничество Спарты съ Аѣинами побудили ее стремиться къ распространенію своихъ владѣній, приобрѣтенію господства на морѣ, сокрушенію власти Аѣинъ надъ Греціею и утвержденію, вмѣсто ея, своей собственной, а для этого содержать сильныя: войско и флотъ, и имѣть въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя средства, съ той поры все измѣнилось. Съ распространеніемъ въ бѣдной и суровой дотолѣ Спартѣ богатства, роскоши, корыстолюбія и развращенія нравовъ, прежнія гражданскія и воинскія добродѣтели спартанцевъ, а съ ними и духъ Ликурговыхъ установленій, исчезли навсегда и даже самыя формы послѣднихъ во многомъ измѣнились.

Арміи спартанскія были составляемы изъ гражданъ Спарты,—періековъ или жителей Лаконіи,—неодаломовъ или новыхъ гражданъ изъ вольноотпущенниковъ,—илотовъ,—вспомогательныхъ войскъ союзниковъ и данниковъ Спарты,—и наемниковъ. Граждане Спарты составляли лучшую часть и главную силу спартанскихъ армій. Все свободное народонаселеніе Лаконіи раздѣлялось на 5 поколѣній, изъ которыхъ въ каждомъ велась особая перепись всѣхъ свободныхъ людей отъ 20-ти до 60-ти лѣтняго возраста. Въ случаѣ войны, эфоры призывали народъ къ оружію и назначали, которыя изъ поколѣній должны были вооружиться и идти на войну, либо вызывали постепенно и по мѣрѣ надобности гражданъ одинаковаго возраста. Такъ Клеомбротъ привелъ къ Левктрѣ однихъ гражданъ отъ 20 до 35 лѣтъ, а послѣ этой битвы были призваны къ оружію граждане отъ 35 до 40 лѣтъ. Неодамовъ было иногда значительное число въ войскѣ. Такъ, на примѣръ, у Агезилая въ Азіи было оныхъ 3000 человекъ. Илотовъ спартанцы вооружали въ случаяхъ особенной важности или большой опасности, какъ, на примѣръ, въ нѣкоторыя эпохи пелопоннесской войны, передъ 1-й битвой при Мантинѣ и проч.

Войсками начальствовали, какъ и прежде, цари. Но эфоры присвоили себѣ такую власть, что требовали отъ царей отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, отрѣшали ихъ отъ начальствованія войсками и содержали ихъ въ совершенной отъ себя зависимости. Такимъ образомъ прежнее единство въ начальствованіи спартанскими арміями было почти совершенно уничтожено. Цари и состоявшіе при нихъ лица получали общественное содержаніе; войска же содержали себя сами. Жалованье было выдаваемо только илотамъ, въ случаѣ вооруженія ихъ, и наемникамъ.

До конца пелопоннесской войны спартанцы были весьма умѣренны въ военныхъ наградахъ (сходствовавшихъ съ общими у всѣхъ греческихъ народовъ), а воинскій порядокъ въ спартанскихъ войскахъ былъ поддерживаемъ чрезвычайно строгостью военныхъ законовъ. Такъ военачальники, сдававшіеся въ плѣнъ, когда могли надѣяться на помощь, переметчики, спартанцы, сражавшіеся противъ Спарты, измѣнники и т. п. были наказы-

ваемы смертію. Уклонявшіеся отъ набора и военной службы, малодушные, бѣжавшіе изъ боя, покинувшіе оружіе и особенно щитъ, клятвопреступники и т. п. были лишаемы чести и правъ гражданства, подвергаемы величайшему посрамленію (ихъ облакали въ рабскую одежду, брили имъ полголовы и полбороды), а тѣла воиновъ, убитыхъ въ бѣгствѣ отъ непріятеля, и переметчиковъ были лишаемы погребенія и т. п. Но послѣ пелопоннесской войны воинскій порядокъ ослабѣлъ, воинскій духъ упалъ и правительство уже перѣдко принуждено было прибѣгать къ разнаго рода поощрительнымъ мѣрамъ для побужденія воиновъ къ отличію и даже къ исполненію своего долга.

§ 45.

Устройство спартанскихъ войскъ.

Къ тому, что было сказано выше о составѣ, силѣ и раздѣленіи спартанскихъ войскъ (глава IV § 26), должно присовокупить нижеслѣдующее:

Тяжелую пѣхоту составляли граждане Спарты. Каждое изъ 5-ти народныхъ поколѣній выставяло, смотря по надобности и обстоятельствамъ, 1, 2, 3 и болѣе моръ или полковъ, сила которыхъ вообще простиралась отъ 500 до 1000 чел. и болѣе. Каждый оплитъ начальствовалъ однимъ или нѣсколькими псплами, и имѣлъ при себѣ большее или меньшее число илотовъ для прислуги.

Легкую пѣхоту составляли періеки, неодамы и, въ случаѣ вооруженія ихъ, илоты. На одного оплита приходилось иногда до 5 и даже (какъ при Платеѣ) до 7 псиловъ.

Конница у спартанцевъ вообще не пользовалась большимъ уваженіемъ и въ нее назначали гражданъ, неспособныхъ для службы въ тяжелой пѣхотѣ. Вообще она всегда была малочисленна, въ дурномъ состояніи и употреблялась преимущественно для развѣдыванія о непріятелѣ, обезпеченія становъ и войска, и исправленія прочей полевой службы. Послѣ пелопоннесской войны, Аге-

зилай въ войнѣ съ персами умножилъ однако число и нѣсколь-
ко усовершенствовалъ устройство спартанской конницы. Лучшею
конницею въ составѣ спартанскихъ армій были скириты, назы-
ваемые такъ по городу Скиросу и его округу, на границѣ Арка-
діи, который, по изобилію его въ лошадяхъ, выставлялъ одну
конную морю. Скириты были употребляемы исключительно въ бою
и иногда даже рѣшали побѣду. Сверхъ того при царяхъ находи-
лись 300 отборныхъ молодыхъ всадниковъ (иппиевъ), подъ на-
чальствомъ трехъ иппагретовъ, которые избирали ихъ и сами
были назначаемы ээорами.

Тяжелая пѣхота строилась глубиною не менѣе 8 и не болѣе
12 шеренгъ, а конница въ 4 шеренги. Движенія въ тяжелой пѣ-
хотѣ производились всегда мѣрнымъ шагомъ подъ звуки флейтъ.
Тактика спартанская отличалась простотою и малосложностью, а
фаланга спартанская была въ практическомъ отношеніи отлич-
нымъ войскомъ. Но спартанцы, по неуваженію своему къ наукамъ
и искусствамъ, и невѣжеству въ нихъ, нимало не содѣйствовали
усовершенствованію военнаго искусства въ Греціи въ теоретиче-
скомъ отношеніи.

III.

Республика аѳинская.

§ 46.

Военное устройство и военныя учрежденія ея.

Съ быстрымъ возрастаніемъ могущества аѳинской республики
со временъ битвы при Мараѳонѣ (490 г.) и съ постепеннымъ
въ послѣдствіи стремленіемъ гражданскаго устройства ея къ не-
ограниченной демократіи, и въ формахъ, и въ духѣ военнаго
устройства и военныхъ учреждений ея стали происходить многія
и важныя противъ прежняго измѣненія. Всѣ свободнорожденные,

совершеннолѣтніе граждане Аѣинъ отъ 20 до 40 лѣтъ были по прежнему обязаны военною службою, но могли вмѣсто себя выставлять наемныхъ воиновъ. Откупщики общественныхъ доходовъ, воины, отличившіеся особенными военными заслугами, граждане, имѣвшіе тѣлесные недостатки или слабое тѣлосложеніе, и нѣкоторые другіе, были освобождаемы отъ военной службы, а подвергшіеся безчестію за тяжкое преступленіе и другіе тому подобныя считались недостойными служить въ войскѣ. Сверхъ гражданъ Аѣинъ, въ войска начѣли быть набираемы также греки чужихъ областей и иностранцы, водворившіеся въ Аттикѣ и получившіе и даже не получившіе въ ней правъ гражданства, вольноотпущенники, а въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и рабы, служившіе однакоже большею частію во флотѣ. Собственныя аѣинскія войска были усиливаемы вспомогательными войсками союзниковъ и данниковъ, и въ особенности войсками наемными. Такимъ образомъ вооруженныя силы Аѣинской республики, въ періодѣ наибольшихъ силы и славы ея (470—431) и въ первой половинѣ пелопоннесской войны (431—413) возрасли до довольно значительнаго числа. Вообще, хотя аѣинская республика была преимущественно морскою державою, однакоже и военно-сухопутное устройство ея находилось въ весьма хорошемъ состояніи. И если военныя учрежденія ея и уступали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ военнымъ учрежденіямъ Спарты, то недостатки ихъ въ сравненіи съ послѣдними были въ важныхъ случаяхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ съ избыткомъ вознаграждаемы доблестными подвигами любви къ отечеству, мужества и великодушія аѣинянъ. Такъ главная честь восторжествованія грековъ надъ персами и освобожденія Греціи отъ нашествій этого народа по всей справедливости принадлежала аѣинянамъ; спартанцы же, изъ одного грубаго суевѣрія, не поддержали во-время аѣинянъ передъ битвой при Мараѣонѣ.

Начальствованіе аѣинскими войсками было раздѣляемо (со временъ Клисѣена, 510 г.) между 10-ю стратигами, избираемыми народомъ ежегодно по жребію или большинству голосовъ, по одному отъ cadaго изъ 10 народныхъ поколѣній. По избраніи своемъ

и передъ вступленіемъ въ должность, стратиги приносили присягу въ вѣрности; власть же имѣли и войскомъ начальствовали, какъ означено выше (глава IV § 28). По прошествіи года, стратиги были обязаны слагать съ себя начальствованіе войсками и давать народу строгій отчетъ въ употребленіи своей власти и исполненіи своихъ обязанностей. Если народъ былъ доволенъ, то удостоивалъ ихъ особымъ довѣріемъ и новымъ избраніемъ, даже по нѣскольку разъ сряду, какъ на примѣръ Θемистокла, Аристиды, Алкивіады, Никіи и Кionoнa. Фокіонъ былъ избранъ даже 45 разъ сряду. Если же народъ былъ недоволенъ, что, по извѣстнымъ зависти и неблагодарности аѣинянъ къ ихъ знаменитымъ согражданамъ, случалось довольно часто, то присуждалъ ихъ къ большей или меньшей денежной пенѣ, смотря по мѣрѣ ихъ вины или своего неудовольствія, а въ случаѣ невозможности уплатить пеню, стратиги и, по смерти оныхъ, дѣти ихъ были заключаемы, до совершенной уплаты, въ темницу.

Такого рода избраніе стратиговъ и начальствованіе арміями были сопряжены, какъ весьма естественно, съ крайними неудобствами. При выборѣ стратиговъ мало вниманія было обращено на то, имѣли-ли они нужныя для этого званія способности, и потому часто въ стратиги были избираемы лица, мало или вовсе неспособныя претводительствовать войсками. Сверхъ того, раздѣленіе власти и безпрестанный переходъ ея отъ одного стратига къ другому, и происходившія отъ этого несогласія между ними и частыя перемѣны въ образѣ дѣйствій препятствовали одержанію аѣинянами въ войнахъ, веденныхъ ими, всѣхъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ можно было ожидать отъ ихъ храбрости и искусства въ военномъ дѣлѣ. Съ ходомъ времени, они сами убѣдились одинаково въ недостаткахъ и неудобствахъ существовавшаго у нихъ начальствованія войсками и установили, чтобы часть стратиговъ оставалась въ Аѣнахъ для доставленія въ войска продовольствія и военныхъ потребностей, и завѣдыванія военными дѣлами вообще, а одинъ изъ ежегодныхъ архонтовъ (3-й съ званіемъ полемарха) сопровождалъ войско, былъ посредникомъ между остальными стратигами и предсѣдательствовалъ въ военномъ совѣтѣ. Въ случаѣ

яхъ же особенной важности или большой опасности, иногда по выбору народа, одинъ изъ стратиговъ или знатнѣйшихъ гражданъ былъ назначаеиъ верховнымъ предводителеиъ вооруженныхъ силъ республики, съ властію почти неограниченною и особымъ правомъ сзывать, по произволу, чрезвычайныя собранія народа. Такой высокой чести былъ, наприиѣръ, удостоенъ Алкивіадъ передъ послѣднимъ своимъ изгнаніемъ. Полемархъ, находясь въ войскѣ, сверхъ вышеозначенныхъ обязанностей, завѣдывалъ также подробностями внутренняго устройства арміи, управленія ею и содержанія въ ней порядка, и начальствовалъ однимъ, преимущественно правымъ, ея крыломъ.

Подъ 10-ю стратигами находилось такое же число и такимъ же образомъ избираемыхъ таксіарховъ, которые были какъ бы помощниками ихъ, завѣдывали продовольствованіемъ войскъ, порядкомъ движеній, выборомъ мѣстъ для становъ и боя, имѣли присмотръ за оружіемъ и начальствовали частями или отдѣленіями пѣхоты. Сверхъ того при стратигахъ находились герольды, которые провозглашали или изустно передавали приказанія и распоряженія ихъ, были употребляемы для переговоровъ о перемиріи и мирѣ, и проч.

Денежныя оклады жалованья, которое, какъ сказано выше, аэидыане начали первые въ Греціи выдавать войскамъ, были впервые опредѣлены Аристидомъ, вскорѣ послѣ битвы при Платеѣ. Периклъ увеличилъ ихъ вдвое; но, по смерти его, постепенное истощеніе аэидской казны принудило аэидянъ снова уменьшить ихъ.

Военными наградами у аэидянъ служили преимущественно повышенія въ чинахъ и званіяхъ, различныя почести на общественныхъ играхъ и т. п., а военными наказаніями—выставленіе на площадяхъ въ женскомъ платьѣ тѣхъ гражданъ, которые подъ ложными предлогами уклонялись отъ военной службы, исключеніе малодушныхъ воиновъ изъ религіозныхъ и народныхъ собраній, смертная казнь измѣнникамъ и бѣглецамъ, и проч.

Въ нравственномъ отношеніи впрочемъ аэидскія войска вообще ранѣе пришли въ разстройство и упадокъ, нежели войска другихъ греческихъ народовъ.

§ 47.

Устройство аѳинскихъ войскъ.

Аѳинское войско состояло, по числу народныхъ поколѣній, изъ 10 хиліархій или полковъ тяжелой пѣхоты, каждая въ 1,000 чел. и болѣе, подъ начальствомъ хиліарха или тысячника, и подъ нимъ сотниковъ и десятниковъ. Каждый оплитъ имѣлъ слугу или оруженосца, который во время боя былъ отсылаемъ въ обозъ. Конницы было сначала (послѣ битвы при Платѣ) всего 300, а потомъ (въ періодъ цвѣтущаго состоянія Аѳинъ) по 100—120 всадниковъ отъ каждаго изъ 10 народныхъ поколѣній, слѣдовательно всего 1,000—1,200 чел. (или $\frac{1}{10}$ тяжелой пѣхоты), раздѣленныхъ на 2 иппархіи (или полка), подъ начальствомъ 2-хъ иппарховъ и 10 филарховъ. Въ конницѣ должны были служить не только богатѣйшіе, но и способнѣйшіе къ конной службѣ граждане. Поэтому въ конницу принимали не иначе, какъ по строгому освидѣтельствованіи здоровья, бодрости и силы тѣла, и по надлежащемъ удостовѣреніи въ количествѣ получаемыхъ доходовъ. Кто попадалъ въ конницу хитростью, безъ требуемыхъ условій, тотъ былъ лишаемъ чести и правъ гражданства. За всѣмъ тѣмъ конница аѳинская была весьма посредственная, а искусство верховой ѣзды у аѳинянъ въ несовершенствѣ.

Въ заключеніе должно сказать, что изъ числа всѣхъ народовъ Греціи, аѳинянамъ безспорно принадлежитъ слава наибольшаго усовершенствованія тактики, поліорцетики и военнаго искусства вообще, и перваго возведенія этого искусства въ Греціи на степень науки, чему причинами главнѣйше были: природное остроуміе аѳинянъ, склонность и способность ихъ къ наукамъ и искусствамъ, и тщательное занятіе ими, входившее въ общественное воспитаніе аѳинскихъ гражданъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПЕРВАЯ ГРЕКО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА (500 — 449).

§ 48. Причины и начало войны. 1-е нашествие персовъ на Грецію въ 490 году. Сраженіе при Марафонѣ. — § 49. 2-е нашествие персовъ на Грецію подъ предводительствомъ Ксеркса I въ 480 году. Бой при Термопилахъ. Морская битва при Саламинѣ. — § 50. Походъ 479 года. Сраженія при Платей и Микалѣ. — § 51. Война съ 478 по 449 годъ.

—oo—

Источники: Геродотъ, Фукидидъ, Діодоръ, Корнелій Непотъ, Плутархъ, Иустинъ и указанные въ главахъ I—VI.

§ 48.

Причины и начало войны. — 1-е нашествіе персовъ на Грецію въ 490 г. — Сраженіе при Марафонѣ.

Владычество персовъ надъ малоазіятскими греческими поселеніями, покореніе ими Θракіи, близость ихъ отъ предѣловъ Греціи, честолюбіе ихъ и стремленіе къ завоеваніямъ, а съ другой стороны безпокойный духъ и тревожная дѣятельность грековъ, и живое сочувствіе ихъ къ малоазіятскимъ единоплеменникамъ своимъ — произвели наконецъ враждебное между обоими народами столкновеніе. Въ началѣ 5-го вѣка передъ Р. Х. между ними возгорѣлась первая война, важная и замѣчательная какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Поводомъ къ открытію ея послужили: возстаніе въ 504 году малоазіятскихъ грековъ и помощь, оказанная имъ аѣи-нянами. Утвердивъ незадолго передъ этимъ свою независимость, аѣиняне уже считали себя столь сильными, что рѣшились послать возставшимъ іонянамъ 20 собственныхъ и 5 эретрійскихъ (изъ города Эретріи на островѣ Эвбеѣ) судовъ съ нѣкоторымъ числомъ войскъ (въ 500 году). Изъ Милета соединенный греческій флотъ

направился къ Ефесу, а оттуда высаженные имъ войска двинулись прямо къ Сардесу, мѣстопробыванію персидскаго правителя малой Азіи и средоточію ея управленія. Бывшій въ это время правителемъ ея, Артафернъ, не ожидавшій нападенія, былъ принужденъ съ небольшимъ числомъ войскъ запереться въ сардійскомъ замкѣ, — а греки взяли, разграбили и сожгли городъ и обложили замокъ. Но по приближеніи персидскихъ войскъ, немедленно двинувшихся противъ нихъ отовсюду изъ малой Азіи, они предприняли отступление къ Ефесу и, настигнутые персами, были наголову разбиты. Послѣ этого легкомысленные аеицы отозвали свои войска и суда, и предоставили малоазіатскихъ грековъ собственнымъ силамъ, раздраживъ только Дарія Гистаспа. Дарій былъ однако принужденъ отложить свое мщеніе до тѣхъ поръ, пока не покорилъ обратно возставшихъ городовъ Іоніи, Эоли, Доріи и еракійскаго Херсонеса, равно Каріи и острова Кипра, и не усмирилъ совершенно возстанія ихъ (496). Тогда уже онъ обратилъ свое оружіе противъ европейскихъ грековъ, и въ 495 году послалъ, подъ предводительствомъ молодаго и способнаго зятя своего, Мардонія, для отмщенія аеицѣмъ и эретрійцамъ за помощь, оказанную ими малоазіатскимъ грекамъ, и за сожженіе Сардеса. — тѣ же самые войско и флотъ, которые были употреблены для усмиренія возстанія въ малой Азіи. Переправясь на флотъ чрезъ Геллеспонтъ, войско двинулось вдоль еракійскаго и македонскаго береговъ эгейскаго моря въ Грецію, сопровождаемое флотомъ. Но, огибая Аѳонскій мысъ, флотъ былъ внезапно застигнутъ и отчасти истребленъ, отчасти разсѣянъ жестокою бурей, а сухопутное войско въ дѣлахъ съ еракіянами потерпѣло столь сильный уронъ, что Мардоній по обѣимъ этимъ причинамъ принужденъ былъ воротиться въ малую Азію.

Дарій немедленно началъ готовиться къ новому походу противъ Греціи, и въ 491 году, когда военныя приготвленія его приближались къ концу, отправилъ во всѣ города твердой земли Греціи и на всѣ ея острова пословъ съ требованіемъ покорности. Многіе города и большая часть острововъ, устрешенные опасностью, покорились; но Спарта и Аѳины смѣло отвергли требованіе Дарія и

твёрдо рѣшились защищать свою независимость до послѣдней крайности.

Въ 490 году послѣдовало наконецъ первое нашествіе персовъ на Грецію, весьма хорошо соображенное и исполненное съ близкимъ и вѣрнымъ знаніемъ мѣстности и обстоятельствъ Греціи, преимущественно по вліянію и совѣтамъ изгнаннаго изъ Аѣннъ сына Пизистратова и тирана аѣнскаго Гиппія, жившаго при персидскомъ дворѣ и бывшаго душою всего этого предпріятія. Сильное персидское войско было посажено въ киликійскихъ пристаняхъ на финикійско-египетскій флотъ, который затѣмъ направился къ острову Самосу. Здѣсь къ войску и флоту присоединились вспомогательныя войска и суда малоазійскихъ грековъ, и по недосто- вѣрнымъ, какъ кажется весьма преувеличеннымъ показаніямъ греческихъ лѣтописцевъ, число всѣхъ войскъ возрасло до 500.000 человекъ, а морскихъ судовъ — до 600. Главное начальство- ваніе ими было ввѣрено Даріемъ молодому Артаферіу, сыну умершаго правителя малой Азіи того же имени, и подъ нимъ опытному въ военномъ дѣлѣ мидянину Датису, при которыхъ находился и Гиппій. Овладевъ Наксосомъ и всѣми островами Эгейскаго моря, персы пристали къ острову Евбеѣ, и взявъ городъ Каристъ, осадили Эретрію. По 6-ти дневной, мужественной оборонѣ, городъ этотъ былъ преданъ персамъ измѣною, разграбленъ и сожженъ ими, а жители его переселены въ Азію. Затѣмъ персы, по совѣту Гиппія, вмѣсто того, чтобы направиться къ Аѣннамъ моремъ во- кругъ Сунійскаго мыса, переправились черезъ Евриппъ (проливъ, отдѣлявшій Евбею отъ материка Греціи) и произвели высадку на берегу Аттики, близъ мѣстечка Мараѣона, въ 150-ти стадіяхъ ($26\frac{1}{4}$ вестахъ) къ сѣверо-востоку отъ Аѣннъ, — съ тою цѣлію, чтобы отсюда двинутся къ Аѣннамъ и напасть на нихъ съ сухаго пути.

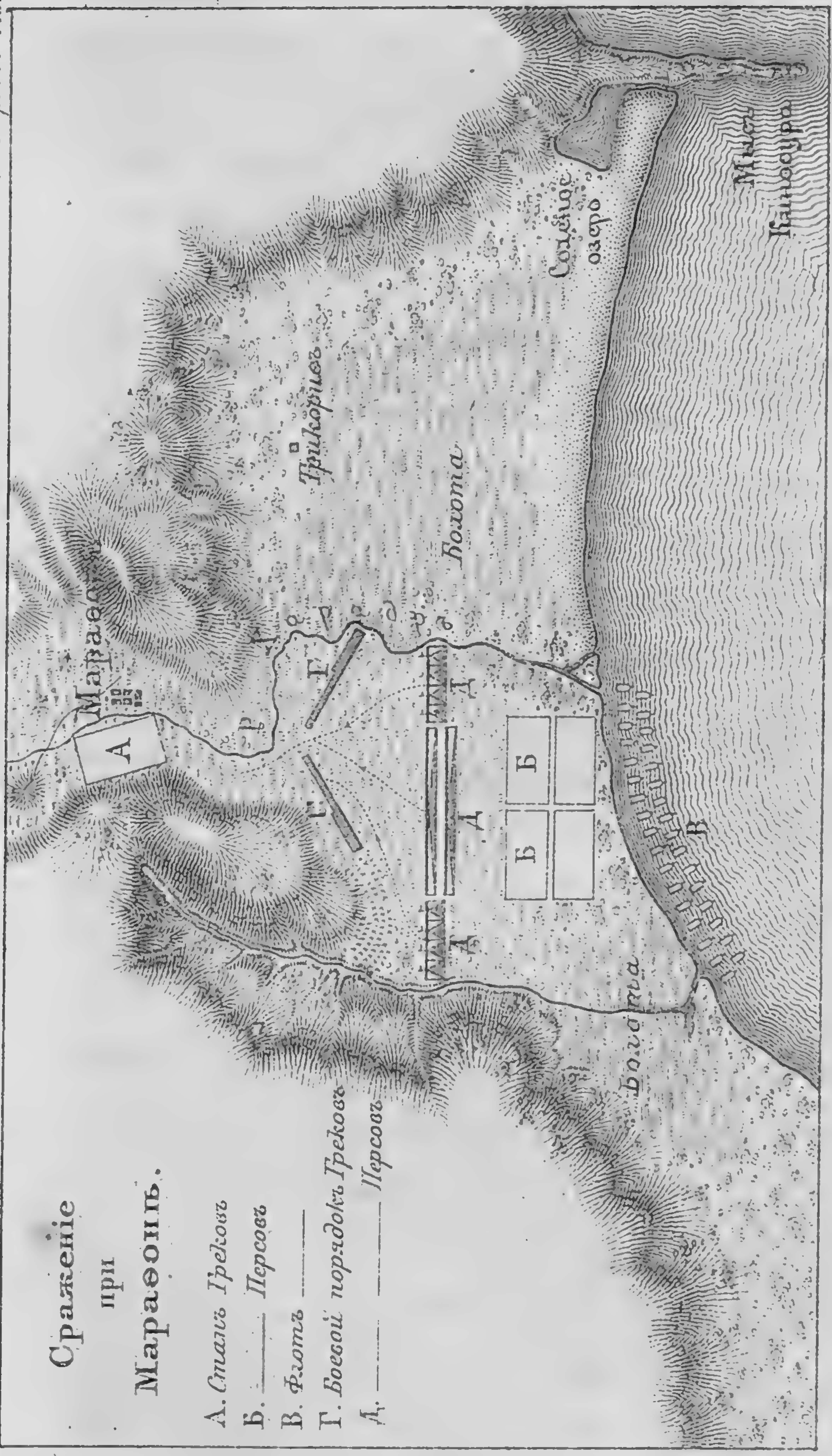
Устрашенные грозившею имъ опасностью, аѣнныя послали просить немедленной помощи спартанцевъ. Но спартанцы не хотѣли нарушить своихъ постановленій и выступить въ походъ прежде полнолунія, до котораго еще оставалось 5 сутокъ. А изъ всѣхъ прочихъ городовъ Греціи, только одна Платея немедленно прислала

имъ 1.000 своихъ оплитовъ. Въ этомъ крайне трудномъ и опасномъ положеніи, истиннымъ счастіемъ для аѳинянъ было то, что они имѣли такихъ людей, какъ Мильтіадъ, Аристидъ иThemistocle. Изъ нихъ первый, участвовавшій съ персами въ скиѳскомъ походѣ, отличался высокими качествами ума и души, военными дарованіями и опытностью, и знаніемъ устройства и образа дѣйствій персидскихъ войскъ. Онъ и былъ избранъ въ число 10-ти стратеговъ, вмѣстѣ съ Аристидомъ и Themistocle. Въ совѣтѣ стратеговъ возникъ вопросъ: принять-ли бой съ персами въ полѣ? или ограничиться обороною Аѳинъ? Голоса раздѣлились поровну и голосъ полемараа Каллимаха долженъ былъ рѣшить въ пользу той или другой стороны. Тогда Мильтіадъ представилъ Каллимаху, что если аѳиняне ограничатся обороною города, то между ними неминуемо произойдутъ несогласія и споры, и возникнетъ политическая партія, которая, чтобы восторжествовать надъ другими, нимало не поколеблется вступить съ персами въ переговоры и тѣмъ погубить и Аѳины, и цѣлую Грецію; если же аѳиняне немедленно рѣшатся на вступленіе съ персами въ бой въ полѣ, — то могутъ предупредить пагубныя слѣдствія несогласій и раздоровъ, и еще надѣяться на побѣду въ бою. Убѣжденный его доводами, Каллимахъ подалъ голосъ въ пользу боя — и изъ 9-ти товарищей Мильтіада, пятеро (въ томъ числѣ Аристидъ и Themistocle) немедленно уступили ему свои дни начальствованія. Такимъ образомъ пагубное многовластіе въ начальствованіи войскомъ было замѣнено единовластіемъ, тѣмъ болѣе спасительнымъ, что досталось внолнѣ достойному онаго Мильтіаду.

Удостоверясь, что персы производятъ высадку при Марафонѣ, Мильтіадъ немедленно двинулся туда и шелъ столь быстро, что прибылъ къ Марафону вскорѣ послѣ совершенія персами высадки. Подъ начальствомъ его было 9.000 аѳинскихъ и 1.000 платейскихъ оплитовъ съ малымъ числомъ псировъ и вовсе безъ конницы. У персовъ же было, по показаніямъ: Корнелія Непота — 100.000 человѣкъ пѣхоты и 10.000 человѣкъ конницы, Платона — 500.000, а Трога Помпея — даже 600.000 войскъ; изъ этихъ исчисленій болѣе вѣроятнымъ кажется Непотово: ибо едва-ли

Сраженіе
при
Мараѳонѣ.

- А. Сталь Грековъ
Б. _____ Персовъ
В. Флотъ _____
Г. Боевой порядокъ Грековъ
Д. _____ Персовъ

персы могли перевезти на флотъ болѣе 100.000 войскъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что у персовъ пѣхоты было болѣе, нежели конницы, легкой пѣхоты болѣе, нежели тяжелой, а военныхъ колесницъ не было вовсе.

Мѣстность при Мараѳонѣ образовала небольшую равнину, отъ берега моря слегка поднимавшуюся къ высотамъ, замыкавшимъ ее съ западной стороны. Два ручья, лощинами своими раздѣлявшіе эти высоты на три части, текли чрезъ равнину къ морю, постепенно удаляясь одинъ отъ другаго, и близъ морскаго берега образовали топкія болота, вмѣстѣ съ которыми ограничивали равнину съ сѣвера и юга. Чрезъ западныя высоты пролегала дорога изъ Аѳинъ въ Мараѳонъ, лежавшій у подошвы этихъ высотъ, на сѣверномъ ручьѣ.

На этой небольшой и узкой равнинѣ персы были расположены станомъ на морскомъ берегу, тыломъ къ морю, между двумя болотами. Мильтіадъ расположился въ разстояніи 8-ми стадій (около 1¹/₂ версты) отъ нихъ на западныхъ высотахъ, между двумя ручьями. Аѳиняне стали на правомъ, а платейне на лѣвомъ крылѣ. Каллимахъ начальствовалъ правымъ крыломъ, а Аристидъ иThemistocle центромъ. Сообразивъ выгоды, которыя мѣстность представляла для дѣйствій грековъ, и невыгоды ея для персовъ, Мильтіадъ положилъ — въ бою съ послѣдними, удерживая ихъ въ центрѣ, напасть на нихъ своими крылами. Для этого онъ значительно усилилъ оба крыла, примкнулъ ихъ къ мелкому лѣсу на берегахъ двухъ ручьевъ и засѣками обезпечилъ ихъ отъ обхода персидскою конницею.

Датись видѣлъ, что мѣстность тѣсна и неудобна для дѣйствій персидскаго войска; полагаясь однако же на численное превосходство силъ своихъ, рѣшился напасть на грековъ, — но былъ предупрежденъ ими. Мильтіадъ, видя нетерпѣніе греческихъ войскъ сразиться съ персами, рѣшился воспользоваться тѣмъ и, вмѣсто предполагаемой прежде обороны стоя на мѣстѣ, немедленно двинулъ войска свои противъ непріятеля. Бѣглымъ шагомъ, но стройно и въ порядкѣ спустились они съ высотъ, быстро миновали пространство, отдѣлявшее ихъ отъ персовъ и стремительно напа-

ли на нихъ. Изумленные сначала такимъ неожиданнымъ и смѣлымъ нападеніемъ, персы вскорѣ однако же замѣтили слабость греческаго центра и устремили противъ него персидскую тяжелую пѣхоту и другія, лучшія войска свои. Сильно тѣснимый ими, греческій центръ съ трудомъ удерживался противъ нихъ, а по словамъ Геродота даже былъ опрокинутъ и преслѣдованъ. Но оба греческія крыла успѣли между тѣмъ, послѣ упорнаго боя, опрокинуть оба крыла персовъ, составленные изъ легкой пѣхоты и конницы. Изъ нихъ лѣвое было обращено въ бѣгство и разсѣяно, а правое загнано въ болото, въ которомъ множество персовъ погибло. Не занимаясь дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ, оба греческія крыла поспѣшили назадъ на помощь своему центру и вмѣстѣ съ нимъ успѣли наконецъ опрокинуть войска персидскаго центра. Все персидское войско въ безпорядкѣ бросилось къ берегу моря и на свои суда, большая часть которыхъ была вытащена на берегъ. Греки преслѣдовали бѣгущихъ персовъ по пятамъ и нанесли имъ въ бою, въ преслѣдованіи и на берегу моря уронъ, простиравшійся, по словамъ Геродота, до 6.400 человѣкъ; сами же потеряли только 102 чел. Сверхъ того они взяли 7 и сожгли или потопили еще большее число персидскихъ судовъ.

На слѣдующій день къ Мараѳону прибыли 21.000 спартапскихъ войскъ. Двинувшись изъ Спарты немедленно по наступленіи полнолунія, они прошли 1.200 стадій (около 210 верстъ) отъ Спарты до Аѣинъ, по весьма гористой дорогѣ, съ такою быстротою, что уже на третьи сутки были въ Аѣинахъ! Не успѣвъ принять участія въ боѣ, они воротились въ Спарту.

Персидское войско, не взирая на пораженіе свое, еще было грознымъ, а Аѣины, не смотря на побѣду Мильтіада, еще не въ опасности. Отраженные при Мараѳонѣ, персы, сѣвъ на суда, немедленно и быстро поплыли вокругъ Сунійскаго мыса къ Аѣинамъ, надѣясь найти ихъ беззащитными и безъ труда овладѣть ими. Но Мильтіадъ угадалъ ихъ намѣреніе и, не смотря на усталость войскъ, двинулся къ Аѣинамъ съ такою быстротою, что многіе воины отъ напряженія и истощенія силъ пали на пути мертвыми. Но за то Мильтіадъ предупредилъ персовъ при Аѣинахъ и этимъ окончатель-

но рѣшилъ успѣхъ войны: ибо персы, вступивъ въ фалерейскую гавань и усмотрѣвъ близъ Аѣинъ Мильтіадово войско, не отважились напасть на городъ и воротились въ Азію.

Таковъ былъ результатъ перваго нашествія персовъ на Грецію, слава отраженія котораго вполне принадлежитъ аѣинянамъ и въ особенности достойному предводителю ихъ Мильтіаду. Твердая рѣшимость его принять бой въ полѣ и потомъ — самому первому напасть на персовъ, въ соединеніи съ необыкновенною быстротою его движеній отъ Аѣинъ къ Мараѣону и обратно, и съ превосходнымъ нравственнымъ одушевленіемъ и отличною храбростью его войскъ, были главными причинами разстройства, безпорядка и отраженія персовъ при Мараѣонѣ, — неудачи предпріятія ихъ противъ Аѣинъ и съ сухаго пути, и съ моря, — и спасенія Аѣинъ и цѣлой Греціи. Самая побѣда при Мараѣонѣ, сверхъ политическаго значенія своего, важна еще и тѣмъ, что уничтожила общее между греками мнѣніе о непобѣдимости числительно-огромныхъ силъ персовъ, внушила грекамъ довѣріе къ самимъ себѣ и убѣдила ихъ въ превосходствѣ малочисленнаго, но правильно-устроеннаго войска, подчиненнаго строгому воинскому порядку и одушевленнаго любовію къ отечеству, мужествомъ и храбростью — надъ войскомъ многочисленнымъ, но неустроеннымъ и чуждымъ воинскихъ порядка и искусства.

§ 49.

Второе нашествіе персовъ на Грецію подъ предводительствомъ Ксеркса I въ 480 году. — Бой при Термопилахъ. — Морская битва при Саламинѣ.

Послѣ неудачи перваго нашествія, Дарій хотѣлъ лично предпринять новый походъ противъ Греціи, — но смерть (486) воспрепятствовала ему въ томъ. Сынъ и преемникъ его, Ксерксъ I, принужденъ былъ, по восшествіи на престолъ, заняться усмиреніемъ возстанія Египта; но по прекращеніи его (484) началъ готовиться къ походу противъ Греціи, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать ее.

По важности такого рода предпріятія, признаннаго дѣломъ народнымъ, Мардоній и греческіе изгнанники убѣдили Ксеркса лично предводительствовать войскомъ, и положено было произвести всеобщее въ государствѣ поголовное вооруженіе, а походъ въ Грецію совершить такимъ же образомъ, какъ предположено было и въ первомъ, неудавшемся предпріятіи Мардонія въ 495 году, т. е. чтобы сухопутное войско слѣдовало въ Грецію чрезъ Фракію и Македонію вдоль береговъ Эгейскаго моря, въ сопровожденіи флота, нагруженнаго продовольствіемъ. А въ избѣжаніе вторичнаго истребленія флота бурей у опаснаго Аѳонскаго мыса, Ксерксъ повелѣлъ, по свидѣтельству греческихъ историковъ (весьма впрочемъ сомнительному) перерыть каналомъ, удобнымъ для прохода большихъ военныхъ судовъ, узкій перешеекъ, соединявшій Аѳонскій полуостровъ съ твердою землею. Четыре года употреблено было персами на приготовленія къ походу и, наконецъ, въ исходѣ 481 года, сухопутное войско собралось на зиму въ окрестностяхъ Сардеса и въ западной части малой Азіи, а флотъ — въ Геллеспонтѣ. Для переправы войска чрезъ Геллеспонтъ были устроены въ самомъ узкомъ мѣстѣ его, между Абидосомъ и Сестосомъ, два моста на судахъ, длиною въ 7 стадій (около $1\frac{1}{4}$ версты). Самъ Ксерксъ прибылъ на зиму въ Сардесъ и отправилъ ко всѣмъ городамъ Греціи, исключая Аѳинъ и Спарты, пословъ съ требованіемъ покорности.

Доселѣ европейскіе греки, подобно тому, какъ и въ 490 году, нимало не помышляли о прекращеніи своихъ междоусобій, тѣснѣйшемъ соединеніи между собою и принятіи общихъ мѣръ противудѣйствія персамъ, хотя уже давно знали о ихъ огромныхъ вооруженіяхъ и цѣли послѣднихъ. Бóльшая часть, изъ страха, осторожности либо честолюбія и другихъ своекорыстныхъ видовъ и расчетовъ, даже была склонна къ покорности персамъ. Одни только спартанцы и въ особенности аѳиняне были твердо намѣрены сопротивляться до крайности. Аѳиняны побуждали къ тому многія причины. Они увѣрены были, что въ случаѣ торжества персовъ подвергнутся жестокому съ ихъ стороны мщенію. Воспоминаніе о побѣдѣ мараонской ободряло ихъ и внушало имъ довѣріе къ себѣ. Политическая партія, въ рукахъ которой находилась тогда верховная власть, предвидѣла въ

торжествъ персовъ торжество противной ей партіи пизистрадидовъ, изгнанныхъ изъ Аѣинъ, находившихся при персидскомъ дворѣ и покровительствуемыхъ персами. Но всего болѣе аѣиняне побуждены были къ сопротивленію вліяніемъThemistocles. Основатель морской силы ихъ, онъ убѣдилъ ихъ всю надежду свою возложить на флотъ, спасенія своего ждать отъ побѣды на морѣ и—вслѣдствіе того—защиту республики вполнѣ ввѣрить флоту; число морскихъ судовъ сколь можно скорѣе и болѣе увеличить, и въ совокупности съ тѣми греками, которые захотятъ присоединиться къ аѣинянамъ, вступить съ персами въ рѣшительную битву на морѣ.

По прибытіи въ Грецію Ксерксовыхъ пословъ, близкая опасность и примѣръ Аѣинъ вразумили наконецъ грековъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ меньшихъ республикъ, поспѣшившихъ покориться персамъ, и нѣкоторыхъ другихъ, которыя не могли или не хотѣли обѣщать своего содѣйствія, почти всѣ прочія согласились прекратить непріязненные между собою дѣйствія и составить союзъ противъ общаго врага. Представители ихъ собрались въ Коринѣ для совѣщаній, — а между тѣмъ въ Сардесъ были посланы лазутчики. Персы открыли послѣднихъ и хотѣли предать смерти; но Ксерксъ, вѣроятно вполнѣ полагаясь на собранныя имъ огромныя силы и средства, и увѣренный въ невозможности грековъ противустоять ему, не только даровалъ лазутчикамъ жизнь, но и повелѣлъ показать имъ все, что они должны были высмотрѣть, и затѣмъ отпустилъ ихъ въ Грецію.

Наконецъ въ 480 году раннею весною персидское войско двинулось къ мостамъ на Геллеспонтѣ, и употребивъ 7 дней и 7 ночей на переходъ по нимъ, продолжало движеніе къ Дориску во Фракіи, на берегу моря, куда направился также и персидскій флотъ. При Дорискѣ Ксерксъ произвелъ войску и флоту смотръ, на которомъ, по исчисленію Геродота, оказалось: 1) въ сухопутномъ войскѣ до 1.700.000 чел. вооруженной и способной сражаться пѣхоты, — до 80.000 человѣкъ такой же конницы и до 20.000 аравитянъ на верблюдахъ и африканцевъ въ военныхъ колесницахъ, — всего до 1.800.000 человѣкъ, 2) во флотѣ 1.207 триремъ и на нихъ болѣе 241.400 гребцовъ и 36.210

персидскихъ и мидійскихъ воиновъ, — множество (по приближительному расчету Геродота до 8.000) перевозныхъ и разнаго рода другихъ, большихъ и малыхъ, судовъ и на нихъ всего около 240.000 человѣкъ и 3) всего на флотъ около 517.610 чел., а съ сухопутнымъ войскомъ — около 2.317.610 чел., не считая множества состоявшихъ при войскахъ и обозахъ разнаго рода людей. Невозможность продовольствованія, въ теченіе даже самаго короткаго времени, такого невѣроятно-огромнаго числа людей, еще значительно умножившагося, по увѣренію Геродота, въ послѣдствіи (см. ниже), — заставляеть не только сомнѣваться въ этомъ исчисленіи, но даже отнести его къ тщеславному и хвастливому преувеличенію грековъ. Ксерксъ могъ собрать 2 и даже 5 милліоновъ войскъ; но, до прибытія ихъ къ предѣламъ Греціи, бѣольшая часть ихъ погибла бы съ голоду. Какъ бы то ни было впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Ксерксово войско было весьма многочисленно и что эта самая многочисленность его, въ соединеніи съ разнороднымъ составомъ его и отсутствіемъ всякаго единства и всякаго порядка въ его устройствѣ, не только не могла облегчить персамъ завоеванія Греціи, но и долженствовала крайне затруднить дѣйствія ихъ и въ особенности продовольствованіе въ ней. Ибо войску и флоту было необходимо постоянно находиться въ сообщеніи между собою и для этого направляться и дѣйствовать всегда вдоль береговъ моря, а флоту сверхъ того обезпечить продовольствованіе сухопутнаго войска подвозами изъ Азіи. Слѣдовательно, пораженіе персидскаго флота греками, истребленіе или разсѣяніе онаго бурей и т. п. долженствовали неминуемо повлечь за собою либо удаленіе сухопутнаго персидскаго войска изъ Греціи, либо гибель его въ ней. А изъ этого легко убѣдиться, какое высокое достоинство имѣлъ тотъ планъ дѣйствій, которыйThemistocleпредложилъ афинянамъ и убѣдилъ ихъ привести въ исполненіе.

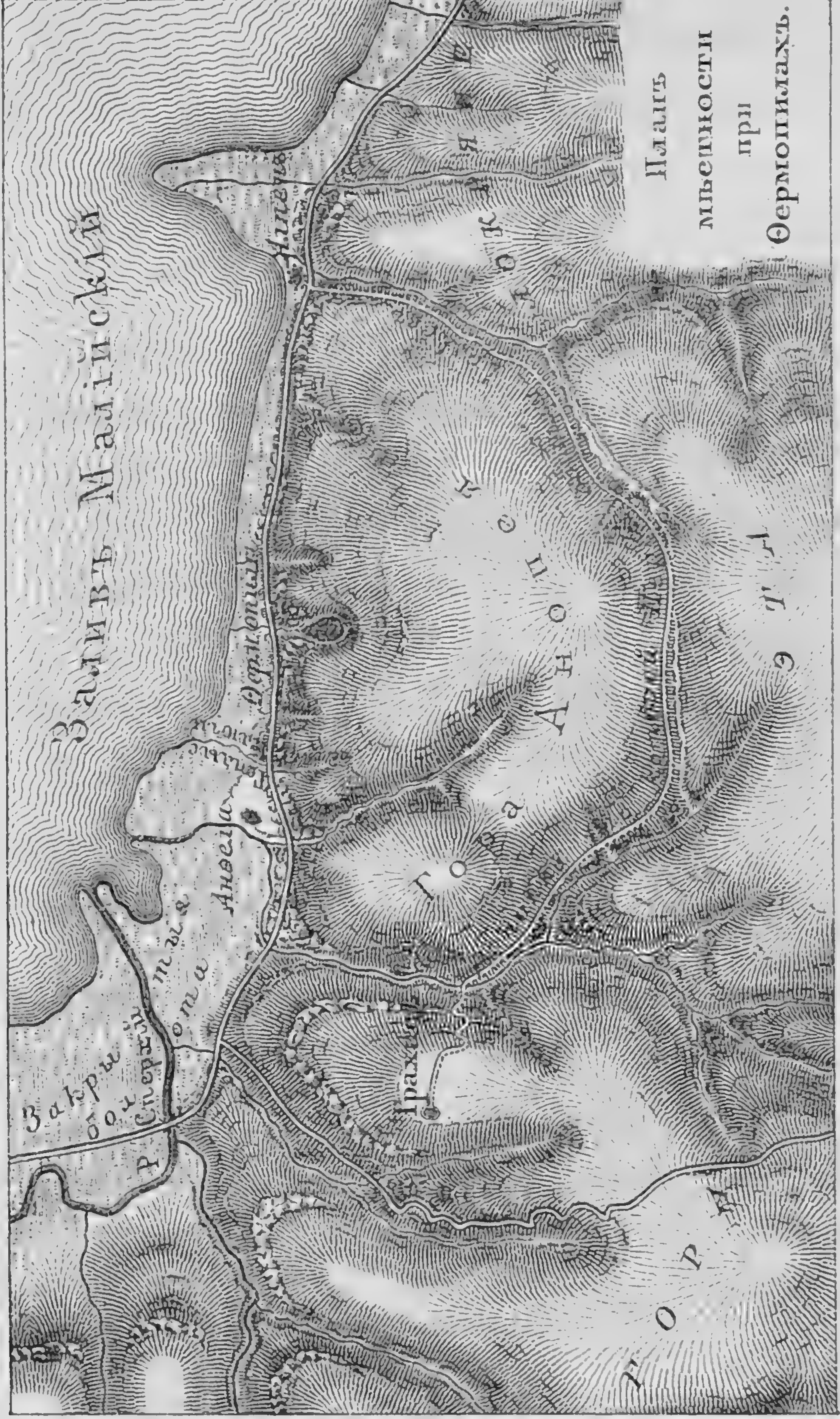
Изъ Дориска войско и флотъ персидскіе направились къ Аканту въ Македоніи. Войско раздѣлилось на три части: лѣвая шла вдоль берега, сопровождаемая флотомъ, правая — внутренностью страны, а средняя и при ней самъ Ксерксъ — между ними. Отъ Акан-

та войско слѣдовало прямо къ Θермѣ въ Македоніи, а флотъ направился туда кругомъ Аѳонскаго мыса, или, какъ увѣряютъ греческіе историки, чрезъ Аѳонскій каналъ. По прибытіи къ Θермѣ, и войско и флотъ расположились на время вдоль берега моря отъ Θермы до рѣки Галиакмона на предѣлахъ Θессаліи.

Эта первая на пути персовъ греческая область, прежде всѣхъ подверженная нашествію ихъ, всѣхъ охотнѣе приступила къ греческому союзу. По убѣдительнымъ просьбамъ ея жителей, 10.000 человѣкъ союзной греческой тяжелой пѣхоты были отправлены, еще до прибытія персовъ къ Θермѣ — въ Θессалію, и вмѣстѣ съ ѳессалійскою конницею расположились въ долину Темпейской, между горами Олимпомъ и Оссою — главномъ проходѣ изъ нижней Македоніи въ Θессалію. Но македонскій царь Александръ тайно увѣдомилъ предводителей этого отряда, что Ксерксъ намѣренъ пройти въ Θессалію инымъ путемъ изъ верхней Македоніи, и совѣтовалъ имъ заблаговременно отступить. Они послѣдовали его совѣту; но едва они удалились, какъ тѣ изъ ѳессалянъ, которые были преданы персамъ, приобрѣли рѣшительный перевѣсъ — и Θессалія покорилась Ксерксу.

Такимъ образомъ вся страна до предѣловъ средней или собственной Греціи была совершенно открыта персамъ. Но тѣмъ сосредоточеннѣе могли быть силы и оборонительныя дѣйствія греческаго союза, тѣмъ удобнѣе флотъ его могъ поддерживать сухопутное свое войско. Высокія, неудобопроходимыя горы въ этой части Греціи и прилежащее море, усѣянное островами и мысами, чрезвычайно благопріятствовали оборонѣ. Особенно выгодны были въ этомъ отношеніи: береговой путь изъ южной Θессаліи въ Локриду, Біотію и Аттику, между горнымъ хребтомъ Эты и моремъ, и узкій проливъ Евриппъ. Здѣсь преимущественно должно было ожидать вторженія персовъ, ибо движеніе ихъ чрезъ хребетъ Эты, болѣе къ западу, было невозможно или по крайней мѣрѣ весьма затруднительно по недостатку горныхъ проходовъ и путей, удобныхъ для движенія войскъ, и сверхъ того оно удаляло персовъ отъ моря и лишало ихъ содѣйствія флота. На береговомъ же пути находился только одинъ проходъ чрезъ хребетъ Эты, именно въ томъ мѣстѣ

на границѣ Ѳессаліи и Локриды, гдѣ этотъ хребетъ упирался въ море. Во времена первобытныя, обитавшіе по южную сторону хребта фокеецѣ, для обезпеченія своего отъ хищническихъ набѣговъ Ѳессаліянъ, построили поперекъ этого прохода, тамъ, гдѣ онъ былъ шириною не болѣе 7-ми сажень, стѣну или валъ и наводнили пространство къ сѣверу отъ вала, помощію истекавшихъ въ этомъ мѣстѣ изъ горнаго хребта Эты теплыхъ ключей, отъ чего мѣсто это и получило названіе Ѳермопилъ, т. е. вратъ теплыхъ ключей. Нѣсколько къ сѣверу и югу отъ Ѳермопилъ горный хребетъ подходилъ къ берегу моря столь близко, что едва оставлялъ мѣсто для проѣзда одной повозки. Въ такого рода проходѣ горсть войскъ легко могла задержать многочисленнѣйшаго непріятеля. Была еще и другая важная выгода. По близости, въ узкой губѣ находился надежный рейдъ, въ которомъ греческій флотъ могъ съ выгодною вступить въ бой съ персидскимъ, не теряя между тѣмъ свободаго отступленія. Все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что греки положили: Ѳермопилы занять нужнымъ числомъ войскъ, а флотъ отправить на близъ-лежавшій рейдъ. Но между союзниками было такъ мало единодушія, согласія и усердія къ общей пользѣ, что мѣра эта была исполнена не вполне и не въ надлежащей точности. При взаимныхъ непріязни и зависти греческихъ республикъ, при болѣе или менѣе общемъ страхѣ, который наводили на нихъ персы, они подъ разными предлогами старались беречь силы свои на будущее время, для собственной защиты, и выставили самое незначущее число войскъ, именно всего отъ 5-ти до 6.000 оплитовъ (въ томъ числѣ 300 спартанцевъ, 700 Ѳеспійцевъ, 400 ѳивянъ и 1.000 фокеецъ), начальство надъ которыми было ввѣрено одному изъ спартанскихъ царей, Леониду. По полученіи извѣстія, что Ксерксъ вступилъ изъ верхней Македоніи въ Ѳессалію, Леонидъ немедленно двинулся съ своимъ отрядомъ къ Ѳермопиламъ и по прибытіи туда возстановилъ древній валъ фокеецъ, расположилъ позади онаго главныя силы своего отряда, часть войскъ выдвинулъ впередъ за валъ для затрудненія подступа къ нему, а 1.000 фокеецъ поставилъ влѣво на горѣ Анопеѣ, чрезъ которую вела въ тылъ Ѳермопильскаго

прохода малая, весьма трудная, однако же проходима тропинка. Въ то же время греческій флотъ направился, не на близъ-лежавшій рейдъ, какъ прежде положено было, а къ мысу Артемизию, на сѣверной оконечности острова Евбеи.

Между тѣмъ персидское войско слѣдовало тремя колоннами чрезъ Тессалию къ Термопиламъ, а персидскій флотъ отправился къ мысу Сепию, на берегахъ Тессалии. Въ это время войско и флотъ, по словамъ Геродота, усиленные присоединеніемъ еракійскихъ, македонскихъ и тессалійскихъ войскъ и судовъ, имѣли уже: войско — 24-мя тысячами, а флотъ — 120 судами болѣе, нежели при Дорискѣ, всего же дѣйствующихъ войскъ 2.641.610 челов., а съ несражавшимися 5.283.220 человекъ — числительная сила, невозможность которой уже объяснена выше. Приблизясь къ Термопиламъ, Ксерксъ расположился станомъ къ сѣверу отъ нихъ и четверо сутокъ оставался въ бездѣйствіи, какъ для того, чтобы дать войскамъ отдыхъ, такъ и въ надеждѣ, что отрядъ Леонида отступить. Видя противное, онъ потребовалъ, чтобы Леонидъ и его отрядъ положили оружіе и, получивъ отказъ, на 5-я сутки послалъ отборнѣйшія свои войска, сначала мидійскія и цисскія, а потомъ персидскую дружину безсмертныхъ, для нападенія на Леонида въ Термопильскомъ проходѣ. Войска эти сражались съ отмынною храбростью, но не смотря на всѣ свои усилія, непрерывно возобновляемая, не могли опрокинуть грековъ и были отражены съ большимъ урономъ. На слѣдующій день персы возобновили свои нападенія, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ и большимъ урономъ. Ксерксъ отчаявался уже силою взять Термопилы; но одинъ изъ жителей ближняго городка Трахиса указалъ персамъ тропинку, ведущую чрезъ гору Анопею. Въ ту же ночь отправлена была туда дружина безсмертныхъ подъ начальствомъ перса Гидарна. Фокеяне, по слабомъ сопротивленіи, отступили на ближайшія горныя вершины, и персы безпрепятственно продолжали обходное движеніе свое въ тылъ Термопиламъ. Греки, еще ночью узнавъ о движеніи Гидарна, большинствомъ голосовъ въ военномъ совѣтѣ рѣшили — поспѣшно отступить и разойтись по своимъ городамъ. Но Леонидъ и съ нимъ 300 спартанцевъ объявили, что

не нарушать закона своей страны, запрещающего бѣжать отъ непріятеля, и не отступать отъ Термопилъ. Усердные къ нимъ ѳеспійцы сами вызвались оставаться съ ними; ѳивянъ же Леонидъ удержалъ насильно, какъ заложниковъ въ вѣрности ихъ согражданъ, склонныхъ къ покорности персамъ. Такимъ образомъ при Термопилахъ остались подъ начальствомъ Леонида 300 спартанцевъ, около 700 ѳеспійцевъ и около 400 ѳивянъ, всего около 1.400 чел. Всѣ прочія войска немедленно отступили.

На 7-я сутки утромъ сильный отрядъ персидскихъ войскъ напалъ на Леонида и грековъ съ фронта. Они двинулись ему на встрѣчу, сражались съ остервененіемъ, привели его въ совершенное разстройство и большею частію истребили или опрокинули въ море. При этомъ Леонидъ палъ, сражаясь впереди всѣхъ; однако греки продолжали бой съ успѣхомъ. Но вскорѣ въ тылу ихъ показался Гидарнъ, и тогда они отступили опять къ валу. ѳивяне немедленно передались персамъ; оставшіеся же еще въ живыхъ спартанцы и ѳеспійцы достигли, сражаясь, до одного холма, на которомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, продолжали защищаться съ упорствомъ отчаянія, доколѣ всѣ до единого не легли на мѣстѣ.

Такимъ образомъ малодушіе и слабое сопротивленіе ѳокеянъ сдѣлали геройскій подвигъ Леонида и оставшихся съ нимъ спартанцевъ и ѳеспійцевъ бесполезнымъ для защиты Греціи. Персамъ былъ открытъ важный для нихъ по близости къ морю проходъ въ Грецію, чего вѣроятно не случилось бы, если бы ѳокеяне держались съ такими же мужествомъ и твердостью, какъ и отрядъ Леонида; для удержанія же тропинки, по крайней мѣрѣ до прибытія къ нимъ подкрѣпленій, ихъ было весьма достаточно.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ взятія персами Термопилъ было то, что всѣ области и города греческіе къ сѣверу отъ коринѳскаго перешейка, исключая Фокиды, Аттики и городовъ ѳеспія и Платеи, поспѣшили покориться персамъ.

Между тѣмъ греческій флотъ (состоявшій изъ 271 триремы и нѣсколькихъ меньшихъ судовъ, на которыхъ всего было отъ

41.000 до 44.000 человекъ), подъ главнымъ начальствомъ спартанца Эврибиада, дѣйствовалъ нерѣшительно, по малодушію бѣльшей части начальниковъ судовъ. Встрѣтивъ, на пути къ Артемизію, 10 передовыхъ триремъ персидскаго флота, плывшаго въ то же время къ мысу Сепію, онъ отступилъ къ Халкидѣ, на островѣ Эвбеѣ, въ Евриппѣ. Персидскій флотъ, на другой же день по прибытіи къ мысу Сепію, жестоко потерпѣлъ отъ сильной бури, которая, по словамъ Геродота, потопила до 400 судовъ, а другія выбросила на берегъ либо разсѣяла по морю. Ободренные тѣмъ, греки направили флотъ свой снова къ Артемизію и на пути туда захватили 15 персидскихъ триремъ, что послужило къ бѣльшему еще ободренію ихъ. Вскорѣ однако же приблизился персидскій флотъ — и греческіе предводители снова хотѣли малодушно отступить. НоThemistocle, начальствовавшій аѣинскими судами, успѣлъ склонить ихъ къ принятію боя при Артемизіѣ. Слѣдствіемъ этого были два частныя морскія дѣла при Артемизіѣ, въ которыхъ ни та, ни другая сторона не одержала рѣшительной побѣды, но обѣ понесли довольно большую потерю въ судахъ и людяхъ. Потеря грековъ была особенно чувствительна для нихъ, какъ для стороны слабѣйшей, и, въ соединеніи съ отступленіемъ греческихъ войскъ отъ Thermopylae и гибелью Леонидова отряда, побудила и предводителей греческаго флота отступить отъ Артемизіа въ саламинскую губу, въ сароническомъ заливѣ.

Такимъ образомъ въ одно и то же время персамъ на сухомъ пути была открыта вся Греція до коринесскаго перешейка и почти безъ боя уступлено море до самаго Саламина. Персидское войско, вступивъ чрезъ Thermopylae въ собственную Грецію, главными силами двинулось чрезъ Фокиду, Віотію и Аттику къ Аѣинамъ, куда въ то же время направился и персидскій флотъ отъ Артемизіа. Фокида была опустошена огнемъ и мечемъ; но часть персидскаго войска, посланная къ Дельфамъ, для завладѣнія казною и сокровищами дельфійскаго прорицалища, была удачно отражена жителями Дельфъ, при пособіи гористой и удобной для обороны мѣстности.

Изъ всей Греціи, слѣдовательно, одни только Аѣины и Пелопон-

незъ еще не были заняты персами. Но пелопоннѣзцы помышляли не о содѣйствіи аѣинянамъ къ спасенію ихъ и цѣлой Греціи, а только объ оборонѣ Пелопоннеза. Съ этою цѣлію они заняли въ скиронійскихъ скалахъ, на коринѣскомъ перешейкѣ, подобную Ѳермопиламъ горную тѣснину, чрезъ которую пролегалъ путь изъ Аттики въ Пелопоннезъ, — устроили поперегъ коринѣскаго перешейка валъ и собрали за нимъ войска свои подъ начальствомъ Леонидова брата, Клеомброта.

Покинутые всѣми, угрожаемые съ сухаго пути и моря превосходными силами персовъ, аѣиняне, руководимые и одушевляемые Ѳемистокломъ и достойнымъ сыномъ Мильтіада, Кимономъ, явили въ этихъ крайне трудныхъ обстоятельствахъ истинныя мужество и величіе. Доблестные вожди ихъ отправили всѣхъ женъ и дѣтей съ имуществомъ на Саламинъ, другіе острова и въ Пелопоннезъ, а все мужское населеніе обратили на флотъ, и ничего не упустили, сверхъ того, для успокоенія и ободренія народа, пользуясь для этого преимущественно суевѣріемъ его.

Въ это время вся надежда на спасеніе Греціи заключалась въ греческомъ флотѣ, находившемся у Саламина. Одна рѣшительная побѣда грековъ или персовъ на морѣ. — и Греція могла быть спасена или покорена. А между тѣмъ совѣтъ греческаго союза, собранный въ Коринѣ, принялъ только мѣры для обороны Пелопоннеза на сухомъ пути, предводителямъ же флота предоставилъ дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію. Вѣсть о сожженіи персами Ѳеспіа и Платеи, разореніи ими Аттики, взятіи приступомъ Акрополя, обороняемаго нѣсколькими оставшимися въ немъ служителями храма Минервы, бѣдными гражданами и др., объ истребленіи ихъ всѣхъ до единого, разграбленіи и сожженіи Аѣинъ и прибытіи персидскаго флота въ аѣинскую гавань — распространила на греческомъ флотѣ страхъ и смятеніе. Нѣкоторые начальники судовъ хотѣли немедленно спастись бѣгствомъ, а остальные, и съ ними главный предводитель Эврибіадъ, намѣревались отъ Саламина, гдѣ было весьма выгодно вступить въ битву съ персами, удалиться къ коринѣскому перешейку, гдѣ этихъ выгодъ не было, но въ случаѣ неудачи представлялась только возможность найти убѣжище

въ станѣ пеллопоннесскаго войска. Всѣ убѣжденіяThemistocles — остаться при Саламинѣ, были тщетны и ночью въ совѣтѣ предводителей флота окончательно рѣшено отступить. Тогда Themistocles прибѣгнулъ къ хитрости: тайно увѣдомилъ Xerxes о намѣреніи грековъ и совѣтовалъ отрѣзать имъ отступление. Xerxes послѣдовалъ его совѣту и тѣмъ принудилъ предводителей греческаго флота вступить въ бой. На слѣдующій день (23-го іюля 480 г.), въ узкомъ проливѣ между Саламиномъ и тою частию берега Аттики, гдѣ въ послѣдствіи сооруженъ Пирей, между обоими флотами (персидскій состоялъ изъ 1.200 — 1.300, а греческій изъ 380-ти судовъ разной величины) произошла та знаменитая битва, въ которой греки одержали рѣшительную побѣду. Персидскій флотъ былъ совершенно разбитъ, 200 триремъ его потоплено и множество другихъ взяты греками, которые съ своей стороны потеряли, по словамъ греческихъ лѣтописцевъ, 40 триремъ.

Побѣда при Саламинѣ рѣшила судьбу похода. Пораженіе персидскаго флота распространило ужасъ между персами, лишило сухопутное персидское войско содѣйствія флота и принудило Xerxes рѣшиться на возвращеніе въ Азію. Остатки разбитаго флота были отправлены въ Геллеспонтъ для обезпеченія мостовъ, Мардоній съ 300.000 отборнѣйшихъ войскъ былъ оставленъ въ Фессаліи и Македоніи для довершенія, въ слѣдующемъ году, покоренія Греціи, а все остальное персидское войско и самъ Xerxes поспѣшно отправились чрезъ Македонію и Фракію въ Азію. Въ страшномъ безпорядкѣ бѣжало персидское войско, жестоко грабя и разоряя край на пути, и гибло толпами отъ голода, заразительныхъ болѣзней и оружія жителей. Во время этого бѣгства, Халкидика, приморская область въ Македоніи, населенная греками, отважилась явно возстать противъ персовъ. Подчиненный Мардонію полководецъ Артабазъ осадилъ въ ней два главные города Олинъ и Потидею. Олинъ скоро сдался, но при осадѣ Потидеи сильный морской приливъ произвелъ такое наводненіе, что множество персовъ потонуло, и Артабазъ былъ принужденъ снять осаду и воротиться въ Фессалію.

§ 50.

Походъ 479 г. — Сраженія при Платеѣ и Микалѣ.

Не смотря на рѣшительные и важные результаты побѣды при Саламинѣ, Греціи въ 479-мъ году угрожала бѣльшая еще опасность, нежели въ 480. Хотя флотъ персидскій былъ приведенъ въ бездѣйствіе, но главная причина неудачи Ксеркса нашествія — чрезмѣрная многочисленность персидскаго войска — болѣе не существовала. Въмѣсто огромнаго, безпорядочнаго, общенароднаго ополченія подѣ личнымъ предводительствомъ Ксеркса; необладавшаго необходимыми полководцу дарованіями, уже была армія, составленная только изъ 300.000 и притомъ отборнѣйшихъ войскъ подѣ предводительствомъ Мардонія, полководца способнаго и искуснаго. Армія эта уже находилась въ Македоніи и Фессаліи и не имѣла надобности совершать дальняго похода изъ Азіи. Наконецъ половина Греціи до самыхъ предѣловъ Аттики уже покорялась персамъ, а Фивы и бѣльшая часть городовъ Віотіи даже были усердными союзниками ихъ, такъ, что персы имѣли обезпеченное продовольствіе и усилили себя войсками македонянъ и европейскихъ грековъ. Целопоннезцы же, вмѣстѣ съ аѣинянами уже единственные представители союза грековъ, заботились болѣе о себѣ, нежели о Греціи и, вслѣдствіе обычныхъ зависти и непріязни Спарты къ Аѣинамъ, не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для окончательнаго отраженія персовъ, — доколѣ явная опасность и необходимость не принудили ихъ къ тому. Мардоній, вполне постигая всю пользу и важность содѣйствія своему войску флота, всѣми мѣрами старался привлечь аѣинянъ на сторону персовъ и съ этою цѣлію предложилъ имъ, чрезъ посредство македонскаго царя Александра, выгодный союзъ съ Ксерксомъ. Предложеніе его была единодушно отринуто аѣинянами и съ ними греческимъ союзомъ — и Мардоній весною 479 года двинулся въ Віотію тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ въ предъидущемъ году слѣдовалъ Ксерксъ. Уже

онъ былъ въ Віотіи, а для защиты Аттики еще никакихъ мѣръ греческимъ союзомъ принято не было — и жители ея снова были принуждены покинуть ее и искать убѣжища на островѣ Саламинѣ. Въ іюнѣ Мардоній вступилъ въ Аттику, занялъ Аѣины, и вторично не успѣвъ склонить аѣинянъ къ союзу съ Ксерксомъ, сжегъ и разрушилъ этотъ городъ, а Аттику предалъ войску на разграбленіе.

Только тогда жалобы аѣинянъ, платейянъ и мегарянъ спартанскому правительству на неисполненіе пелопоннезцами обязанностей ихъ, какъ членовъ греческаго союза, вынудили эфоровъ отправить изъ Спарты 5.000 спартанскихъ оплитовъ и при нихъ 35.000 илотовъ или псиловъ (по 7-ми на оплита), подъ начальствомъ Клеомбротова сына, Павзанія. Вслѣдъ за ними отправлены были 5.000 лакедемонскихъ оплитовъ и при нихъ столько же псиловъ. Всѣ эти войска, по соединеніи съ пелопоннезскими (около 21.000 оплитовъ и болѣе 23.000 псиловъ), находившимися на коринѳскомъ перешейкѣ, должны были идти подъ главнымъ предводительствомъ Павзанія въ Аттику.

Тайно извѣщенный о томъ аргивянами, Мардоній благоразумно поспѣшилъ отступить изъ Аттики въ Віотію, ибо движеніе Павзанія угрожало отрѣзать персовъ отъ усердно-преданной имъ Віотіи, въ которой мѣстность болѣе ровная и открытая, нежели въ Атикѣ, была и болѣе удобна для дѣйствій многочисленной ихъ конницы, и въ которой они сверхъ того могли сражаться съ выгодною, имѣя въ тылу Ѡивы. Перейдя черезъ рѣку Азопъ въ низовьяхъ ея, Мардоній двинулся вверхъ по лѣвому ея берегу и близъ истоковъ ея изъ горы Киѳерона расположился вдоль того же берега, на границѣ платейскаго округа и на главномъ пути изъ Платей въ Ѡивы, въ обширномъ укрѣпленномъ станѣ. Въ этомъ расположеніи онъ былъ прикрытъ съ фронта Азопомъ и укрѣпленіями, а въ недалекомъ разстояніи въ тылу за собою имѣлъ Ѡивы.

Между тѣмъ спартанскія и лакедемонскія войска соединились на коринѳскомъ перешейкѣ съ пелопоннезскими, а при Елевзисѣ, въ Атикѣ — съ аѣинскими (8.000 оплитовъ и столько же пси-

ловъ подѣ начальствомъ Аристиды). Наблюденія, произведенныя надѣ внутренностями животныхъ, оказались вполне благопріятными для грековъ (что означало всегда твердую рѣшимость предводителей) — и соединенное войско 24-хъ греческихъ республикъ и городовъ, въ числѣ 110.000 человекъ, бодро двинулось къ верхнему Азопу и расположилось станомъ на правой сторонѣ его, насупротивъ персовъ, у подошвы горы Киоерона. Въ этомъ расположеніи оно имѣло впереди себя выгодныя для дѣйствія греческой тяжелой пѣхоты равнины, но чтобы достигнуть ихъ, должно было въ виду персовъ переходить черезъ Азопъ; въ тылу своемъ имѣло горы и ущелья. Сильнѣйшее изъ всѣхъ, которыя когда-либо дотолѣ выставляла Греція, оно все еще однако было въ $3\frac{1}{2}$ раза слабѣе персидскаго.Themistocle уже не имѣлъ никакого вліянія на управленіе военными дѣйствіями, а Павзаній былъ предводитель, хотя и способный, но еще недовольно опытный. Такимъ образомъ на сторонѣ персовъ было болѣе выгодъ, нежели на сторонѣ грековъ.

Мардоній съ намѣреніемъ дозволилъ грекамъ безпрепятственно выйти изъ горъ, имѣя въ виду завлечь ихъ за Азопъ на равнины и надѣясь тамъ легко разбить ихъ своею конницею. Но Павзаній съ своей стороны хотѣлъ, чтобы персы сами перешли черезъ Азопъ и напали на греческое войско въ его выгодномъ для обороны расположеніи. А потому Мардоній, тщетно ожидавъ нападенія грековъ, послалъ противъ нихъ всю свою конницу подѣ предводительствомъ главнаго начальника оной Мазистія. Слѣдствіемъ этого былъ бой, происшедшій между персидскою конницею и частию греческаго войска, въ которомъ Мазистій былъ убитъ, а конница персидская отражена съ большимъ урономъ, что чрезвычайно ободрило грековъ, а между персами распространило упадокъ духа и уныніе.

Вскорѣ послѣ того греческіе предводители перевели войско на другое мѣсто, также на правой сторонѣ Азоба, но ближе къ Платеѣ. Мѣсто это было признано болѣе выгоднымъ въ особенности потому, что находилось по близости ключа или родника, подѣ названіемъ Гаргафійскаго, откуда войско могло безпрепятственно

и въ изобиліи брать воду; въ прежнемъ же расположеніи персидская конница не позволяла грекамъ приближаться къ Азопу. На новомъ мѣстѣ греческое войско расположилось отчасти по скату и у подошвы Киоерона, и отчасти въ долину, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) на правомъ крылѣ стали спартанцы, такъ какъ имъ принадлежало право главнаго начальствованія; здѣсь было 5.000 спартанскихъ и 5.000 лакедемонскихъ оплитовъ съ 40.000 псиловъ при нихъ, подѣ личнымъ начальствомъ Павзанія; 2) на лѣвомъ крылѣ, какъ на второмъ послѣ праваго мѣстѣ, расположились аѳиняне (8.000 оплитовъ и 8.000 псиловъ) подѣ начальствомъ Аристиды, и 3) въ центрѣ стали 20.700 оплитовъ и при нихъ около 23.300 псиловъ Пелопоннеза и разныхъ союзныхъ греческихъ городовъ. Всего въ греческой арміи было 110.000 войскъ, изъ коихъ 38.700 чел. тяжелой и 71.300 чел. легкой пѣхоты. Конницы же греки вовсе не имѣли.

Мардоній послѣдовалъ за ними вверхъ по лѣвому берегу Азона и расположилъ на немъ войско свое насупротивъ ихъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) на лѣвомъ крылѣ, противъ спартанцевъ и лакедемонянъ — всѣ персидскія войска, 2) въ центрѣ, противъ пелопоннезскихъ и разныхъ греческихъ войскъ — мидянь, бактріянъ, индійцевъ и саковъ, и наконецъ 3) на правомъ крылѣ, противъ аѳинянъ — вѣотійскія и другія вспомогательныя греческія и македонскія войска. За 1-ю линіею находились сверхъ того войска еракійскія, малоазіятскія и египетскія. По Геродоту всѣхъ азіятскихъ и африканскихъ войскъ у Мардонія было 300.000, а вспомогательныхъ еракійскихъ, македонскихъ и греческихъ до 50.000 чел. Должно полагать впрочемъ, что азіятскія и африканскія войска были болѣе или менѣе ослаблены убылью въ предшествовавшіе 8 мѣсяцевъ и что поэтому ихъ было менѣе 300.000.

Коль скоро оба войска были построены одно противъ другаго, то въ обоихъ совершены были (въ войскѣ Мардонія союзными греками) жертвоприношенія и наблюденія надъ внутренностями животныхъ, и въ обоихъ предзнаменованія найдены благопріятными для боя оборонительнаго, а не наступательнаго. Вслѣдствіе того оба войска 10 дней оставались одно противъ другаго, ожи-

дая нападенія. Мардоній склонился на эти выжиданіе и дѣйствіе только по убѣжденію віотянъ; но самъ нетерпѣливо желалъ боя. Чтобы съ одной стороны не оставаться совершенно въ бездѣйствіи, а съ другой — тревожить и ослаблять грековъ и препятствовать прибытію къ нимъ съ тыла, чрезъ горы, подкрѣпленій и подвозовъ продовольствія, онъ безпрестанно подступалъ къ самому краю Азопа и производилъ по греческому войску сильную стрѣльбу изъ луковъ, а на 9-ю ночь послалъ большой отрядъ конницы для занятія въ тылу грековъ прохода чрезъ Кнееронъ въ Платею. Отрядъ этотъ захватилъ 500 головъ выючнаго скота, везшаго продовольствіе въ станъ грековъ, и истребивъ прикрытіе ихъ, воротился съ ними въ станъ Мардонія. На 10-й же день Мардоній, видя, что греки не переходятъ чрезъ Азопъ, а между тѣмъ безпрестанно усиливаются укрѣпленіями, что всѣ старанія его — завлечь ихъ въ бой остаются тщетными, и что продолжительное бездѣйствіе въ виду слабѣйшаго непріятеля возбуждаетъ въ персидскомъ войскѣ неудовольствіе, рѣшился на слѣдующій день (11-й) перейти черезъ Азопъ и напасть на грековъ.

Тайно извѣщенные о томъ, въ ночь съ 10-го на 11-й день, македонскимъ царемъ Александромъ, греки, по совѣту Павзанія, положили: аѣинянъ, уже сражавшихся съ персами и побѣдившихъ ихъ при Мараѳонѣ, поставить противъ нихъ на правомъ крылѣ, а спартанцевъ, которые въ бою превосходили віотянъ и другихъ союзныхъ съ персами грековъ, расположить противъ нихъ на лѣвомъ крылѣ. Эта перемѣна и была произведена на разсвѣтѣ. Замѣтивъ ее, Мардоній съ своей стороны немедленно перевелъ персовъ на правое, а грековъ на лѣвое крыло. Это побудило Павзанія снова расположить аѣинянъ на лѣвомъ, а спартанцевъ на правомъ крылѣ, вслѣдъ за чѣмъ Мардоній поставилъ по прежнему персовъ на лѣвомъ, а грековъ на правомъ крылѣ. Такимъ образомъ въ обоихъ войскахъ оба крыла два раза перемѣняли мѣста свои и окончательно остались въ прежнемъ своемъ расположеніи. А между тѣмъ въ этихъ передвиженіяхъ прошло цѣлое утро и, вмѣсто общаго нападенія на грековъ, Мардоній ограничился тѣмъ, что снова выслалъ противъ нихъ къ Азопу, къ Гаргафійскому

ключу, находившемуся близъ праваго ихъ крыла, и въ тылъ на ихъ сообщенія — всю свою конницу. Претерпѣвъ большой уронъ и приведенные въ разстройство сильною стрѣльбою персовъ изъ луковъ, лишенные воды, ибо персы засыпали Гаргафійскій ключъ, и крайне нуждаясь въ продовольствіи, подвозы котораго чрезъ горы были отрѣзаны персами, греки положили: въ слѣдующую ночь (съ 11-го на 12-й день, какъ полагаютъ съ 24-го на 25-е сентября) во 2-ю стражу (отъ 9 до 12 часовъ) двинуться къ Платей и расположиться по близости этого города на мѣстности, называемой островомъ (потому что она была обтекаема, на разстояніи нѣсколько болѣе полуверсты въ ширину, двумя рукавами рѣчки Оэроэ, текшей изъ Киерона въ Азопъ). Мѣстность эта представляла ту выгоду, что изобиловала водою и могла обезпечить греческое войско отъ нападеній персидской конницы. Положено было — по прибытіи на нее, половину войска немедленно отправить въ горы для препровожденія оттуда выючнаго скота съ продовольствіемъ, удерживаемаго въ нихъ персами. Въ назначенный для движенія часъ ночи, центръ греческаго войска тронулся первый, но въ страхъ и безпорядкъ шелъ поспѣшно или, лучше сказать, бѣжалъ до самыхъ стѣнъ Платей. Спартанцы же и лакедемоняне, а изъ-за нихъ и аѳиняне, были удержаны на мѣстѣ упрямствомъ одного частнаго военачальника спартанской тяжелой пѣхоты, по имени Амомфарета, ни за что не хотѣвшаго отступить съ начальствуемою имъ частію, въ противность законамъ Спарты, передъ персами. Видя, что всѣ усилія къ убѣжденію его оставались тщетными, Павзаній уже на разсвѣтѣ двинулся съ прочими спартанскими и лакедемонскими войсками вдоль подошвы и по скату Киерона къ острову. Аѳиняне послѣдовали за этимъ движеніемъ, направлясь долиною между горами и Азопомъ. Амомфаретъ, видя удаленіе всего войска, былъ наконецъ вынужденъ послѣдовать за Павзаніемъ и едва успѣлъ присоединиться къ нему, какъ персидская конница, подъ личнымъ предводительствомъ Мардонія устремившаяся за Азопъ вслѣдъ за спартанцами, начала сильно тѣснить ихъ. За нею въ безпорядкъ послѣдовали и всѣ прочія азіятскія и африканскія войска Мардоновой арміи, въ увѣренности, что греки бѣгутъ и въ надеждѣ

легко разбить и истребить ихъ. Тѣснимый персидскою конницею, Павзаній просилъ помощи аѳинянь и Аристидъ уже шелъ, чтобы выручить спартанцевъ, когда самъ былъ стремительно атакованъ віотянами и другими греками, союзными съ персами. Такъ какъ мѣстность, на которой находились спартанцы (на скатѣ Киѳерона) была неудобна для дѣйствій персидской конницы, то пѣхота Мардоніева, воткнувъ щиты свои въ землю, открыла изъ-за нихъ, какъ изъ за стѣны, жестокую стрѣльбу изъ луковъ. Спартанцы и лакедемоняне (съ оставшимися при нихъ 3-мя тысячами тегеянъ и со всѣми илотами бывшіе въ числѣ около 53.000 чел.) довольно долго выдерживали эту стрѣльбу; но претерпѣвая отъ нея сильный уронъ, двинулись наконецъ противъ персовъ. Завязался упорный и кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ войска Мардонія сражались съ такою же храбростію, какъ и греки, но, не имѣя ни оборонительнаго вооруженія, ни правильнаго устройства, чуждыя воинскаго порядка и производя на грековъ частныя нападенія, никакъ не могли прорвать и одолѣть твердой и непроницаемой фаланги ихъ. Вскорѣ Мардоній палъ, смертельно раненый, а отборная персидская дружина, окружавшая его, была истреблена — и все персидское войско немедленно обратилось въ величайшемъ бѣзпорядкѣ въ бѣгство къ Азопу и чрезъ Азопъ къ своему стану. Артабазъ, завидовавшій назначенію Мардонія главнымъ предводителемъ персидскаго войска и противившійся намѣренію его напасть на грековъ, не участвовалъ, съ начальствуемыми имъ 40-ка тысячами войскъ, въ сраженіи, оставаясь, въ продолженіе онаго, назади. Усмотрѣвъ же бѣгство персидскаго войска, онъ самъ бѣжалъ съ войсками своими прямо въ Фокиду и оттуда къ Геллеспонту.

Между тѣмъ аѳиняне находились въ жаркомъ бою съ віотянами, изъ коихъ аѳиняне въ особенности сражались съ чрезвычайными упорствомъ и ожесточеніемъ. Прочія же вспомогательныя греческія войска персовъ дѣйствовали большею частію неохотно и слабо и удалились еще въ началѣ сраженія. Благодаря искуснымъ распоряженіямъ Аристиды и блистательной храбрости своей, аѳиняне восторжествовали наконецъ надъ аѳинянами и віотянами, ко-

торые и отступили въ порядкѣ къ Эивамъ, претѣрпѣвъ довольно сильный уронъ.

Спартанцы и аѣиняне, равно и войска греческаго центра (при вѣсти о пораженіи персовъ поспѣшно воротившіяся отъ Платей), преслѣдовали бѣжавшихъ персовъ и отступавшихъ ѣивянъ и віотянъ, изъ коихъ бѣгство первыхъ прикрывала персидская, а отступление послѣднихъ віотійская конница. Достигнувъ первые персидскаго стага, спартанцы немедленно напали на него. Онъ былъ огражденъ деревянными стѣнами и башнями со рвомъ впереди; въ немъ находились всѣ обозы и сокровища персовъ, и укрылось разбитое персидское войско. Спартанцы нѣсколько разъ ходили на приступъ, но каждый разъ были отражаемы съ урономъ, доколѣ не прибыли аѣиняне. Болѣе ихъ опытные и искусные въ атакѣ укрѣпленій, аѣиняне, не смотря на упорнѣйшую оборону персовъ, приступомъ взяли станъ ихъ, и греческія войска, ворвавшись въ него, произвели въ немъ страшное кровопролитіе и овладѣли богатѣйшею добычею. По свидѣтельству Геродота, изъ 300.000 азійскихъ и африканскихъ войскъ, составлявшихъ армію Мардонія, спаслось, сверхъ 40.000 войскъ Артабаза, едва 3.000 человекъ, — греки же потеряли всего только: спартанцы 91, тегеяне 16, а аѣиняне 52 человекъ, но и то, и другое — очень сомнительно. Остатки персидскаго войска бѣжали къ Геллеспонту. Союзное же греческое войско, предавъ тѣла убитыхъ грековъ погребенію и раздѣливъ добычу, на 11-я сутки послѣ сраженія отступило къ Эивамъ, обложило ихъ, потребовало выдачи главныхъ приверженцевъ персовъ и, получивъ отказъ, стало разорять ѣивскія земли и приступило къ осадѣ Эивъ. Но 20 дней спустя ѣивяне исполнили требованія осаждавшихъ, и Павзаній, снявъ осаду, распустилъ войско (въ исходѣ ноября).

Такова была знаменитая битва при Платей, побѣдою въ которой греки были обязаны мужеству, храбрости, стойкости и отличнымъ дѣйствіямъ спартанцевъ и аѣинянъ. Они спасли греческое войско отъ пораженія, угрожавшаго ему вслѣдствіе предшествовавшихъ дѣйствій Мардонія, которыя нанесли грекамъ большой уронъ, отрѣзали ихъ отъ воды и подвозовъ продовольствія, и привели вой-

ска ихъ, за исключеніемъ спартанскихъ и аѳинскихъ, въ разстройство и страхъ.

Между тѣмъ, какъ это происходило на твердой землѣ, персидскій и греческій флоты до осени оставались въ бездѣйствіи, первый у Самоса, а послѣдній у Делоса. Наконецъ въ сентябрѣ греческій флотъ, въ числѣ 250 триремъ, подъ начальствомъ спартанскаго царя Леотихида, направился къ Самосу, по просьбѣ жителей этого острова, увѣрявшихъ, что іонійскіе греки немедленно возстанутъ противъ персовъ, коль скоро греческій флотъ появится у береговъ Іоніи. Въ это время лучшія суда и люди персидскаго флота были отпущены предводителями его въ финикійскія пристани. Съ остальными же судами персы, по приближеніи греческаго флота, отступили къ мысу Микале, на іонійскомъ берегу, гдѣ были расположены станомъ 60.000 персидскихъ войскъ подъ начальствомъ полководца Тиграпа. Суда были вытащены на берегъ и ограждены укрѣпленіями. Не довѣряя самосцамъ, персы обезоружили ихъ и поставили подъ стражею въ срединѣ стана; охраненіе же горныхъ ущелій въ тылу стана поручили милетянамъ.

Ободренные отступленіемъ ихъ, усматривая въ этомъ признакъ страха и надѣясь на содѣйствіе іонянъ, греки направились вслѣдъ за персидскимъ флотомъ, и въ самый день битвы при Платеѣ, къ вечеру высадили, въ недалекомъ разстояніи отъ стана персовъ, всѣ находившіяся на флотѣ сухопутныя войска и еще значительнѣйшее число гребцовъ. Аѳиняне, коринѳяне, сикіоняне и трезеняне, подъ предводительствомъ начальника аѳинскихъ судовъ, Ксантиппа, двинулись противъ стана персовъ вдоль морскаго берега, а спартанцы и прочіе греки подъ предводительствомъ Леотихида — въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега нагорными высотами. Чтобы сильнѣе одушевить войска, Леотихидъ распустилъ слухъ, будто Павзаній на-голову разбилъ Мардонія въ Віотіи (побѣда при Платеѣ еще не могла быть извѣстна ему). Войска Ксантиппа, приближаясь первые къ персидскому стану, стремительно напали на персовъ, вышедшихъ имъ на встрѣчу, опрокинули ихъ и вслѣдъ за ними ворвались въ станъ. Самосцы немедленно вооружились и напали на персовъ съ тыла. Персы сражались весьма упорно; но

по прибытіи Леотихида были почти всѣ истреблены. Прочія же азійскія войска съ самаго начала боя бѣжали изъ стана въ горныя ущелья, но встрѣченныя въ нихъ милетянами, большею частію были также истреблены. Овладевъ станомъ персовъ, греки сожгли всѣ найденныя въ немъ суда персидскаго флота.

Такъ кончилось нашествіе Ксеркса на Грецію, совершеннымъ истребленіемъ персидскихъ флота и войска, послѣ двухъ походовъ, которые увѣнчали грековъ блистательною славою, и какъ сами по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ событій въ лѣтописяхъ Греціи.

§ 51.

Война съ 478 по 449 годъ.

Послѣ побѣдъ при Платеѣ и Микалѣ, греки еще 30 лѣтъ съ промежутками вели войну съ персами, но уже не оборонительную въ предѣлахъ Греціи, а наступательную на морѣ и на островахъ и берегахъ малой Азіи, съ цѣлію освобожденія единоплеменниковъ своихъ отъ власти персовъ. Война эта состояла изъ морскихъ экспедицій противъ различныхъ острововъ и приморскихъ городовъ греческихъ, находившихся во власти персовъ, и изъ соединенныхъ морскихъ и сухопутныхъ военныхъ дѣйствій на берегахъ малой Азіи, Геллеспонта, Пропонтиды и Θракіи. Успѣхъ въ ней былъ постоянно на сторонѣ грековъ, а главными дѣйствующателями въ ней были аѣиняне. Видя въ продолженіи войны съ персами средства къ распространенію своей власти, пріобрѣтенію новыхъ силъ и славы, и политическому возвышенію своему, они уже тотчасъ послѣ побѣды при Микалѣ оказали іонійскимъ грекамъ дѣятельное пособіе къ покоренію Геллеспонта. Леотихидъ, не дождавшись послѣдствій побѣды, немедленно возвратился въ Грецію со всѣмъ союзнымъ греческимъ флотомъ, за исключеніемъ аѣнскихъ судовъ, находившихся подъ начальствомъ Ксантиппа. А между тѣмъ бѣольшая часть малоазійскихъ греческихъ городовъ и почти всѣ прилежащія къ малой Азіи греческіе острова отлѣжились отъ персовъ, присое-

динились къ союзу европейскихъ грековъ, и Ксантиппъ, предводительствуя соединеннымъ аѳинско-іонійскимъ флотомъ, очистилъ отъ персовъ греческіе города въ Геллеспонтѣ (479 — 478). Затѣмъ въ продолженіе 7 лѣтъ аѳиняне дѣятельно и съ успѣхомъ продолжали и флотомъ, и войскомъ помогать малоазійскимъ греческимъ городамъ и островамъ въ изгнаніи персовъ. Спартанцы, видя постепенное возрастаніе силъ и власти аѳинянъ въ выгодной для нихъ войнѣ съ персами, хотѣли снова принять главное начальствованіе въ ней и прислали на аѳинско-іонійскій флотъ, для предводительствованія имъ, Павзанія. Онъ совершилъ, вмѣстѣ съ Аристидомъ и Кимономъ, морскія экспедиціи къ острову Кипру и Византіи, завоевалъ у персовъ часть перваго и взялъ у нихъ послѣднюю, важную въ военномъ отношеніи мѣстнымъ своимъ положеніемъ (470). Но онъ вооружилъ противъ себя малоазійскихъ грековъ чрезвычайными надменностью и суровымъ съ ними обхожденіемъ, и обезславилъ себя измѣною, вступивъ въ тайныя сношенія съ персами и обѣщавъ предать имъ Грецію. Это было первымъ и успѣшнымъ дѣйствіемъ политики, къ которой прибѣгли персы и состоявшей въ томъ, чтобы подкупомъ привлечь на свою сторону греческихъ предводителей, и даже самъThemistocle былъ обвиненъ аѳинянами въ измѣнѣ. Спартанцы отозвали Павзанія и отказались отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ; малоазійскіе же греки передали главное начальствованіе въ ней аѳинянамъ, въ лицѣ достойныхъ и искусныхъ полководцевъ ихъ, Аристиды и Кимона. Послѣдній, предводительствуя соединеннымъ аѳинско-іонійскимъ флотомъ, съ успѣхомъ, пользою и славою для аѳинянъ, продолжалъ войну съ персами. Въ 470 году онъ совершилъ удачный походъ во Фракіи, принудилъ персовъ сдать всѣ города какъ въ ней, такъ и во фракійскомъ херсонесѣ, и этимъ окончательно довершилъ изгнаніе персовъ навсегда съ европейскаго материка. Въ 469 году онъ отправился съ соединеннымъ флотомъ къ берегамъ Каріи. Часть городовъ этой области была очищена находившимися въ нихъ персидскими гарнизонами, а прочіе сдались. Греческое войско вступило въ Памфілію, осадило Фазелисъ и овладѣло имъ послѣ упорной съ его стороны обороны. Между тѣмъ

въ рѣкѣ Евримедонѣ и на берегахъ ея, въ Памфиліи же, собрались, для прикрытія и защиты персидскихъ владѣній, персидскіе флотъ и войско. Кимонъ рѣшился перенести главныя дѣйствія на море и принудить персовъ къ морской битвѣ. Посадивъ значительную часть сухопутнаго войска на флотъ, онъ направился къ Евримедону. Персидскій флотъ, ожидая присоединенія финикійской эскадры отъ береговъ Финикіи, вышелъ изъ Евримедона на встрѣчу ей въ море, но былъ опрокинутъ греческимъ флотомъ обратно въ рѣку. Бывшіе на немъ войска и гребцы бѣжали въ станъ сухопутнаго персидскаго войска; покинутыя же ими суда были отчасти истреблены, большею же частію (не менѣе 200 триремъ) взяты греками. Немедленно послѣ того Кимонъ произвелъ высадку, напалъ на сухопутное персидское войско и, послѣ продолжительнаго, кровопролитнаго сраженія на берегахъ Евримедона, одержалъ рѣшительную побѣду, взялъ станъ персовъ и богатую добычу въ немъ, и истребилъ большую часть непріятельскаго войска, а остатки его разсѣялись. Затѣмъ Кимонъ съ лучшими своими триремами поспѣшилъ къ Кипру и тамъ частію истребилъ, частію взялъ въ плѣнъ финикійскую эскадру, плывшую на соединеніе съ персидскимъ флотомъ. Эти три рѣшительные удара, одинъ вслѣдъ за другимъ, съ необыкновенными быстротою, силою и искусствомъ нанесенные Кимономъ персамъ, сокрушили морскую силу ихъ, лишили ихъ господства на морѣ и даже на твердой землѣ принудили ограничиться одною обороною. Однако греки не отважились еще внести наступательную войну во внутренность персидскаго государства; но за то они пріобрѣли рѣшительное господство на морѣ, на западныхъ и южныхъ берегахъ малой Азіи, во Фракіи и на берегахъ ея отъ Византіи до рѣки Стримона. Такимъ образомъ война на время прекратилась сама собою. Позже, со времени изгнанія Кимона (461), когда верховная власть въ Аѣнахъ перешла въ руки Перикла, до 458 года, аѣняне поддерживали въ Египтѣ возстаніе Инара противъ персовъ, однако неудачно. Вызванный изъ изгнанія (453), Кимонъ, заключеніемъ на 5 лѣтъ перемирія, возстановилъ между греками миръ (450), послалъ 60 триремъ въ Египетъ для поддержанія въ немъ возстанія, а самъ

съ 140 триремами направился къ Кипру. Покоривъ Китій и многіе другіе города на этомъ островѣ, онъ разбилъ близъ его береговъ вновь сооруженный персами флотъ, взялъ около 100 триремъ онаго, преслѣдовалъ остальныхъ къ берегамъ Киликіи, гдѣ былъ расположенъ полководецъ Мегабазъ съ сухопутнымъ персидскимъ войскомъ и, произведя высадку, на-голову разбилъ послѣднее (449).

Послѣ этого война вторично прекратилась сама собою, но уже болѣе не возобновлялась. Могущество персовъ было такъ поколеблено ею, и постояннымъ въ продолженіе оной сосредоточеніемъ военныхъ силъ ихъ въ самой отдаленной на западѣ области персидскаго государства — малой Азіи, и пятикратною гибелью персидскихъ флотовъ и армій, что персы уже не въ состояніи были продолжать войну. И помышляя уже только объ отвращеніи угрожавшей имъ со стороны грековъ опасности, они прибѣгли къ той хитрой политикѣ, которой съ этого времени постоянно слѣдовали до самаго паденія своего царства, а именно — старались питать въ Греціи раздоры и междуусобія, вооружали грековъ противъ грековъ и поддерживали ихъ однихъ противъ другихъ.

КАРТА ПЕЛОПОННЕСА,

къ

Пелопоннеской

войнѣ .

Къ Ч. I Гл. VIII стран. 171.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПЕЛОПОННЕСКАЯ ВОЙНА (431 — 404 г.).

§ 52. Причины войны. Цѣль, силы и средства каждой стороны. — I. Первая половина войны (431—422). — § 53. Начало и первые два года войны (431 — 430). — § 54. Слѣдующія пять лѣтъ войны отъ смерти Перикла до взятія пелопоннесскихъ оплитовъ на Сфактеріи (429 — 425). — § 55. Последніе три года первой половины войны до заключенія между Спартою и Аѣинами отдѣльнаго мира (424 — 422). — § 56. Шесть лѣтъ мира между Спартою и Аѣинами (421 — 416). — II. Вторая половина войны (415 — 404). — § 57. Предпріятіе аѣинянъ противъ Сициліи (415 — 413). — § 58. Слѣдующія пять лѣтъ войны (412 — 408). — § 59. Последніе три года войны (407 — 404). — § 60. Общій выводъ о пелопоннесской войнѣ.

Источники: Фукидидъ, Діодоръ Сицилійскій Ксенофонта Эллиники и указанные въ главахъ I — VII.

§ 52.

Причины войны. — Цѣль, силы и средства каждой стороны.

Взаимная ненависть двухъ главныхъ республикъ Греціи, аѣинской и спартанской, усилилась въ особенности съ того времени, какъ первая изъ нихъ достигла, подъ правленіемъ Перикла, высшей степени цвѣтущаго состоянія и силы и начала стремиться къ господству надъ всею Греціею и съ этою цѣлію повсюду поддерживать въ ней демократическую партію. Съ своей стороны Спарта и союзники ея на твердой землѣ Греціи, въ особенности коринѣяне и оивяне, старались противудѣйствовать честолюбивымъ замысламъ аѣинянъ всѣми возможными средствами, изъ коихъ главнымъ было поддержаніе повсюду въ Греціи партіи аристократической. Слѣдствіемъ этого были почти непрерывныя и повсе-

мѣстныя непріязненные дѣйствія между союзниками Аѣинъ и Спарты, между демократами и аристократами, дѣятельно возбуждаемыя и поддерживаемыя аѣинянами и спартанцами, которые и сами нередко открыто дѣйствовали одни противъ другихъ. Но всѣ эти дѣйствія были лишь частными, отдѣльными, доколѣ особенное обстоятельство не произвело открытой войны между Аѣинцами и Спартою, и не вовлекло въ нее цѣлую Грецію. То было вмѣшательство Аѣинъ въ распрю Коринѣа съ Корцирою за Эпидамнъ — городъ, нѣкогда основанный корцирянами въ Иллиріи, на берегу адриатическаго моря, и въ которомъ демократы изгнали аристократовъ (436). Послѣдніе осадили, при содѣйствіи иллиріянъ, Эпидамнъ; но коринѣяне послали ему въ помощь флотъ и войско, и тѣмъ возстановили противъ себя корцирянъ. Разбитые ими, они произвели однакоже такія большія вооруженія, что корциряне были принуждены просить помощи аѣинянъ. Послѣдніе сначала заключили съ ними только оборонительный союзъ, но въ 432 году открыто приняли ихъ въ союзъ съ собою и поддержали ихъ своимъ флотомъ. Въ отмщеніе за то, коринѣяне пропсками побудили, сначала подвластный Аѣинамъ въ Македоніи городъ Потидею, прежде бывшее коринѣское поселеніе — къ возстанію, а вскорѣ потомъ Спарту и ея союзниковъ — къ войнѣ противъ аѣинянъ. Тщетно спартацкій царь Архидамъ старался отклонить спартанцевъ отъ этой войны и убѣждалъ ихъ устранить несогласія переговорами и средствами миролюбными. Но страсти уже были слишкомъ ожесточены, и когда аѣиняне осадили Потидею (432), спартанцы требовали, чтобы они сняли осаду, изгнали алкмеонидовъ (слѣдовательно и Перикла), отмѣнили запрещеніе торговли мегарянъ съ Аѣинами и признали независимость всѣхъ своихъ союзниковъ. Аѣиняне, по вліянію Перикла, рѣшительно отвергли эти требованія — и спартанцы немедленно объявили имъ войну.

Относительное положеніе обѣихъ противныхъ сторонъ передъ началомъ войны представляется въ нижеслѣдующемъ видѣ:

Аѣиняне были слабы на твердой землѣ, но сильны на морѣ. Въ союзѣ съ ними были всѣ острова Эгейскаго моря (исключая Теры и Мелоса), всѣ греческія поселенія въ Македоніи, Тракіи,

Геллеспонтъ и малой Азіи, и сверхъ того области Тессалія и Акаранія, города Платея и Навпактъ, и острова Корцира, Закинъ, Хіосъ, Самосъ и Лесбосъ. Аѣиняне повелѣвали союзниками съ властію почти неограниченною, и обладая богатѣйшею казною и сильнымъ, отличнымъ флотомъ, имѣли на своей сторонѣ важныя преимущества единства и силы власти, обилія денежныхъ средствъ, превосходства морскихъ силъ и господства на морѣ. Но союзники повиновались имъ неохотно и даже были крайне неприязненны имъ и всегда готовы отложиться и возстать противъ нихъ. Собственныхъ же войскъ аѣиняне имѣли неболѣе 32.000 человекъ и изъ тѣхъ половина была назначена для охраненія Аѣинъ, а гаваней ихъ и городовъ Аттики.

Напротивъ, спартанцы были слабы на морѣ, но сильны на твердой землѣ. Въ союзъ съ ними былъ весь Пелопоннесъ (исключая Аргоса и Ахаіи), Віотія, Фокида, Локрида, города Мегара, Амвракія и Анакторій, и островъ Левкадія, словомъ почти всѣ области, города и республики твердой земли Греціи. Всѣ они составляли пелопоннесскій союзъ, въ главѣ котораго находилась Спарта. Пелопоннесскій союзъ имѣлъ малочисленный флотъ, весьма скудные, по бѣдности Пелопоннеса, денежные средства, и въ немъ было мало согласія и единства. Но за то всѣ союзники участвовали въ немъ добровольно, не платя Спартѣ никакой дани, общее мнѣніе было въ пользу Спарты, являвшейся какъ бы избавительницею Греціи отъ самовластительства и честолюбія аѣинянъ, наконецъ — что всего важнѣе — пелопоннесскій союзъ могъ располагать многочисленнымъ и отличнымъ сухопутнымъ войскомъ, главную силу котораго составляла спартанская тяжелая пѣхота, пользовавшаяся славою непобѣдимой, а начальствованіе войскомъ имѣло важное преимущество единовластія, ибо принадлежало исключительно одному изъ спартанскихъ царей.

На этомъ относительномъ положеніи обѣихъ противныхъ сторонъ и были основаны первоначальныя предположенія дѣйствій ихъ. Спарта и пелопоннесскій союзъ именно положили дѣйствовать наступательно на твердой землѣ, вторгнувшись въ Аттику и сразившись съ аѣинянами въ самомъ средоточіи ихъ могущества.

Не сомнѣваясь въ одержаніи надъ аѳинянами, въ битвѣ на твердой землѣ, рѣшительной побѣды, они надѣялись однимъ ударомъ принудить аѳинянъ къ принятію требуемыхъ отъ нихъ условій мира. Напротивъ, Периклъ благоразумно совѣтовалъ аѳинянамъ на твердой землѣ дѣйствовать оборонительно, избѣгая боя, предоставивъ Аттику на разореніе непріятелю и укрываясь за стѣнами Аѳинъ, — на морѣ же дѣйствовать наступательно и рѣшительно, нападая на суда, берега и поселенія непріятеля, и истребляя первыя, разоряя вторыя, покоряя послѣднія. Мудрый совѣтъ знаменитаго аѳинскаго правителя былъ одобренъ и принятъ аѳинянами, и вслѣдствіе того жители Аттики, покинувъ жилища свои, переселились въ Аѳины, а 100 триремъ были немедленно изготовлены для дѣйствій на морѣ.

I.

Первая половина войны (431 — 422 г.).

§ 53.

Начало и первые два года войны (431 — 430).

Война началась самопроизвольнымъ, внезапнымъ нападеніемъ ѳивянъ на Платею, которую они уже давно стремились покорить своей власти. Едва совѣтъ пелопоннесскаго союза въ Коринѣ рѣшилъ объявить аѳинянамъ войну, какъ безъ всякаго приказанія и даже вѣдома съ его стороны ѳивяне послали отрядъ войскъ въ 300 съ небольшимъ человѣкъ, для овладѣнія Платеею посредствомъ ночнаго нападенія, а вслѣдъ за этимъ отрядомъ — войско для поддержанія его (весною 431 года). Передовой отрядъ, скрытно приблизясь къ Платеѣ, успѣлъ въ ночное время ворваться въ нее и утвердиться въ срединѣ ея. Но на разсвѣтъ платейне, удостоверясь въ малочисленности ѳивянъ, напали на нихъ со всѣхъ сто-

ронъ и частью истребили, большею же частью принудили сдаться; лишь немногіе успѣли спастись. Фивское войско было принуждено воротиться, ибо платейне грозили умертвить плѣнниковъ. Но едва фивяне очистили платейскій округъ, какъ платейне казнили фивскихъ плѣнниковъ, изготовились къ упорной оборонѣ и просили помощи афинянъ, которые и прислали имъ отрядъ войскъ въ подкрѣпленіе.

При вѣсти о событіяхъ въ Платеѣ, около 60.000 войскъ пелопоннесскаго союза, подъ предводительствомъ Архидама, двинулись въ Аттику и стали разорять ее. Но не успѣвъ выманить афинянъ изъ Афинъ, терпя недостатокъ въ продовольствіи и свѣдавъ о разореніи одною афинскою эскадрою береговъ Элиды и Ахайи, между тѣмъ, какъ другая разоряла берега Локриды, Архидамъ былъ принужденъ безъ успѣха воротиться въ Пелопоннессъ. По удаленіи его, афиняне разорили, съ сухаго пути и моря, земли Мегары и заключили союзы съ еракійскимъ царемъ Ситалкомъ и македонскимъ царемъ Пердиккою.

Въ слѣдующемъ 430 году пелопоннесское войско, подъ предводительствомъ Архидама, снова вторглось въ Аттику и снова стало разорять ее. Но 10 дней спустя оно поспѣшило воротиться въ Пелопоннессъ, спасаясь отъ чумы, которая съ ужасною силою свирѣпствовала въ Атикѣ и особенно въ Афинахъ, по причинѣ стеченія множества людей, тѣсноты и дурного помѣщенія ихъ въ городѣ. Не смотря на то, Периклъ разорилъ съ моря берега Эпидавра и Арголиды. Съ своей стороны пелопоннессцы произвели первое морское предпріятіе свое, разорили островъ Закинѣъ, но не могли принудить жителей его къ отложенію отъ Афинъ.

Осенью этого года 20 афинскихъ триремъ, подъ начальствомъ Форміона, заперли Коринтскій заливъ, а зимою Потидея сдалась наконецъ афинянамъ. Вскорѣ послѣ того, къ несчастію для афинянъ, Периклъ умеръ отъ чумы.

§ 54.

Слѣдующія пять лѣтъ войны отъ смерти Перикла до взятія пеллопоннесскихъ оплитовъ на Сфактеріи (429 — 425 г.).

Первымъ важнымъ военнымъ событіемъ въ слѣдующія пять лѣтъ войны была осада пеллопоннессцами Платей, предпринятая ими по той причинѣ, что они видѣли мало пользы для себя отъ вторженій въ Аттику и разоренія оной, а на морѣ еще не были достаточно сильны. Осада Платей — первая, о которой въ исторіи сохранилось подробное и достовѣрное описаніе, замѣчательна тѣмъ, что горсть людей (граждане Платей и небольшое число аѣинянъ), обложенная и осажденная въ маломъ городкѣ многочисленнымъ пеллопоннесскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Архидамъ, 5 мѣсяцевъ сряду, съ необыкновенными мужествомъ, твердостью и дѣятельностью выдерживала и отражала всѣ нападенія осаждавшихъ. По прошествіи 5-ти мѣсяцевъ Архидамъ, потерявъ всякую надежду на овладѣніе Платеею посредствомъ осады, рѣшился прибѣгнуть къ сдачѣ оной голодомъ и, оставивъ для обложенія часть войскъ, съ главными силами осенью воротился въ Пеллопоннесь. Платеяне держались еще $1\frac{1}{2}$ года. Изъ нихъ 200 человекъ въ началѣ 427 года успѣли, въ одну темную и бурную ночь, незамѣтно и удачно пробраться сквозь непріятельскія укрѣпленныя линіи. Оставшіеся же въ городѣ держались еще долго, — наконецъ, доведенные до послѣдней крайности, были принуждены сдаться — и всѣ вѣроломнымъ образомъ казнены, хотя и получили обѣщаніе пощады (427). Платея была разрушена до основанія, а земли ея отданы аѣинянамъ.

Вторымъ, наиболѣе важнымъ послѣ осады Платей событіемъ — было возстаніе Митилена и съ нимъ всѣхъ прочихъ городовъ на островѣ Лесбосѣ (исключая одного Меѣимна) — противъ Аѣинъ и присоединеніе ихъ къ пеллопоннесскому союзу (въ 428 г.). Обложенный съ сухаго пути и моря войсками и флотомъ аѣинянъ и

союзныхъ съ ними жителей Меѳимна, Лемноса и Имброса, не получивъ во время подкрѣпленій, посланныхъ ему Спартою на флотъ, и доведенный до крайности, Митилень былъ принужденъ сдаться. Стѣны его были разрушены, суда присоединены къ аѳинскому флоту, жители переселены и затѣмъ весь островъ Лесбось обратно покоренъ аѳинянами.

Послѣ того, наиболѣе замѣчательныя дѣйствія произошли въ 426-мъ году въ Этолїи и Акарнанїи. Уже и прежде, въ 429-мъ году, и пелопоннезцы, и аѳиняне въ одно время приняли участіе въ войнѣ, происшедшей между амвракіотами съ одной, акарнанянами и амфилохійскими аргивянами съ другой стороны. Пелопоннезцы приняли сторону первыхъ, а аѳиняне послѣднихъ. Успѣхъ бывшихъ слѣдствіемъ того дѣйствій на берегахъ Этолїи, Акарнанїи и въ заливѣ, отдѣлявшемъ ихъ отъ Ахаїи, былъ постоянно на сторонѣ аѳинянъ, и пелопоннезцы, разбитые разъ на сухомъ пути и дважды въ заливѣ, были наконецъ принуждены безъ успѣха воротиться въ Пелопоннезъ (429). Въ 426-мъ же году аѳинскій полководецъ Демосѳенъ, отправленный съ войскомъ на 30-ти триремахъ въ помощь акарнанянамъ, обратился сначала противъ полудикихъ, но воинственныхъ горскихъ жителей Этолїи, имѣя въ виду по покоренїи ихъ двинуться въ Дориду, Фокиду и Локриду, и оттуда съ сѣвера напасть на Віотїю. Такого рода предположеніе дѣйствій было не безъ искуства: къ несчастію, неосторожно проникнувъ съ малыми силами въ средину горъ Этолїи, Демосѳенъ былъ разбитъ близъ города Эгитїа окружившими его этолянами и принужденъ отступить къ Навпакту, на берегу Коринесскаго залива. Но вскорѣ онъ успѣлъ вознаградить эту неудачу, разбивъ въ свою очередь пелопоннезцевъ при Ольпахъ, а амвракіотовъ при Идоменѣ, вслѣдствіе чего первые удалились въ Пелопоннезъ, а послѣдніе заключили съ акарнанянами миръ.

Но важнѣйшія дѣйствія въ продолженіе всѣхъ этихъ пяти лѣтъ войны произошли въ 425-мъ году на югозападныхъ берегахъ Пелопоннеза. Аѳиняне уже передъ тѣмъ имѣли часть флота и войскъ въ Сициліи для поддержанія, въ междуусобїяхъ сици-

лійскихъ грековъ, союзниковъ своихъ на этомъ островѣ. Въ 425-мъ году, побужденные главою демократической партіи, честолюбивымъ и тщеславнымъ Клеономъ, они положили содѣйствовать имъ еще дѣятельнѣе и послали въ Сицилію 40 триремъ подъ начальствомъ Евримедона и Софокла, которымъ приданъ былъ въ товарищи и Демосеенъ. Евримедону и Софоклу было приказано на пути въ Сицилію зайти въ Корциру и поддержать тамошнихъ демократовъ въ распряхъ ихъ съ аристократами. Демосеену же было дано особенное полномочіе на употребленіе флота, по его усмотрѣнію, для нападенія на берега Пелопоннеза во время плаванія вокругъ оныхъ. Близъ береговъ Лаконіи предводители аѣинскаго флота узнали, что 60 пелопоннезскихъ триремъ были посланы равномерно къ Корцирѣ и уже прибыли туда. Евримедонъ и Софоклъ хотѣли вслѣдствіе того немедленно и поспѣшно плыть прямо къ Корцирѣ. Но Демосеенъ требовалъ, чтобы сначала былъ занятъ и укрѣпленъ Пилосъ (нынѣ Наваринъ), необитаемый и разрушенный городъ на берегахъ Мессеніи, въ 400-хъ стадіяхъ (70 верстъ) отъ Спарты. Необыкновенную важность занятія и укрѣпленія Пилоса Демосеенъ основывалъ на томъ, что этотъ городъ имѣлъ превосходную гавань, что мѣстное положеніе его уже было весьма сильно отъ природы, что окрестности его изобиловали лѣсомъ и камнемъ, потребными для возстановленія его укрѣпленій, что онъ находился въ спартанскихъ предѣлахъ, близко отъ самой Спарты, и наконецъ — что мессеняне, по ненависти своей къ спартанцамъ, могли оказать весьма полезное содѣйствіе аѣинянамъ, какъ занятіемъ и охраненіемъ Пилоса, такъ и набѣгами изъ него на Лаконію. Но ни войска аѣинскія, ни начальники ихъ не соглашались на занятіе и укрѣпленіе Пилоса, доколѣ внезапно возставшая и долго продолжавшаяся буря не занесла флота, какъ нарочно, въ пилосскую гавань и не поставила его въ оной на нѣсколько дней въ бездѣйствіе. Наскуча послѣднимъ, войска наконецъ сами потребовали укрѣпленія Пилоса и занялись имъ съ такими усердіемъ и дѣятельностью, что въ 6 дней времени совершенно возстановили укрѣпленія этого города. Затѣмъ Демосеенъ остался въ гавани его съ 5-ю триремами, а Евримедонъ и Софоклъ съ прочими 35-ю продолжали плаваніе къ Корцирѣ.

Занятіе и укрѣпленіе Пилоса аѣинянами было совершено безъ всякаго со стороны спартанцевъ и пелопоннезцевъ препятствія, потому, что 1) были вовсе не предвидѣны и неожиданы, — 2) никакихъ особенныхъ мѣръ для охраненія и защиты береговъ Пелопоннеза принято не было, — 3) вѣсть о занятіи аѣинянами Пилоса сначала не произвела особеннаго впечатлѣнія въ Спартѣ, гдѣ полагали, что аѣиняне поспѣшатъ очистить Пилосъ, какъ только узнаютъ о движеніи къ нему спартанскихъ войскъ, въ противномъ же случаѣ будутъ легко вытѣснены, — и наконецъ 4) пелопоннесское войско находилось въ это время въ Атикѣ, куда вторглось въ началѣ лѣта, подъ предводительствомъ спартанскаго царя Агиса, сына Архидамова. Но недостатокъ въ продовольствіи, необыкновенная по времени года стужа и въ особенности вѣсть о занятіи аѣинянами Пилоса, сильно встревожившая Агиса и спартанцевъ, находившихся въ составѣ пелопоннесскаго войска, принудили послѣднее поспѣшно воротиться въ Пелопоннезъ, пробывъ въ Атикѣ всего только двѣ недѣли. Спартанскія, за ними лакедемонскія и позже разныя пелопоннесскія войска были двинуты къ Пилосу, куда приказано направиться и флоту отъ Корциры. Успѣвъ избѣгнуть бдительности аѣинскаго флота, находившагося у острова Закинѳа, пелопоннесскій флотъ прибылъ къ Пилосу нѣсколько времени спустя по прибытіи къ нему сухопутнаго войска.

Обширная гавань Пилоса была отдѣлена отъ моря островомъ Сфактеріею или Сфагіею, длиннымъ, узкимъ, необитаемымъ, поросшимъ густымъ лѣсомъ и съ крутыми, скалистыми берегами. Сѣверная и южная оконечности его, сближаясь съ твердою землею, оставляли, для входа въ гавань, только два узкихъ протока. Введя флотъ свой въ гавань, пелопоннезцы заняли островъ Сфактерію отборными, по очередно смѣнявшимися оплитами, по берегамъ гавани расположили также оплитовъ, а входъ въ гавань черезъ оба протока хотѣли преградить аѣинскому флоту триремами, поставленными въ нѣсколько линій однѣ позади другихъ (чего однакоже, неизвѣстно почему, не сдѣлали). Сухопутное войско обложило Пилосъ на твердой землѣ и должно было произвести на него нападеніе въ одно время съ флотомъ, причемъ пе-

лопоннезцы надѣялись легко овладѣть укрѣпленіями Пилоса, на-скоро построенными и занятыми горстью людей.

Между тѣмъ Демосѳенъ, еще до прибытія пелопоннесскаго флота отправивъ 2 изъ 5-ти своихъ триремъ къ аѳинскому флоту при Закинѣѣ, для извѣщенія объ угрожавшей Пилосу опасности и съ требованіемъ помощи, принялъ всѣ нужныя мѣры къ лучшей и упорнѣйшей до того времени оборонѣ Пилоса. Оставшіяся у него 3 триремы онъ вытащилъ на берегъ и оградилъ ихъ тыномъ, вооружилъ гребцовъ ихъ и усилилъ отрядъ свой 40 мессенскими оплитами. Затѣмъ бѣольшую часть оплитовъ и псильовъ онъ размѣстилъ по укрѣпленіямъ со стороны твердой земли, а самъ съ отборнѣйшими: 60-ю оплитами и нѣсколькими стрѣлками расположился впереди слабѣйшей части укрѣпленій, обращенной къ морю, на самомъ берегу: ибо здѣсь преимущественно ожидалъ нападенія пелопоннесскаго флота.

Дѣйствительно, скоро по прибытіи этого флота, 43 триремы онаго направились къ этому самому мѣсту и пытались произвести высадку. Въ то же время пелопоннесское войско произвело нападеніе на Пилосъ съ сухаго пути. Цѣлый день и часть слѣдующаго продолжался упорный и кровопролитный бой, въ которомъ обѣ стороны сражались съ чрезвычайною храбростью, но успѣхъ окончательно остался на сторонѣ аѳинянъ. Пелопоннезцы были отражены и на сухомъ пути, и съ моря, и отправили нѣсколько триремъ за строевымъ лѣсомъ для сооруженія осадныхъ машинъ. А между тѣмъ прибылъ аѳинскій флотъ, уже усиленный, на пути отъ Закинеа, до числа 50-ти триремъ. Предводители его, видя, что пелопоннесскій флотъ находится въ гавани Пилоса и не выходитъ изъ нея для боя въ открытомъ морѣ, но готовится принять оный въ самой гавани, разбили передовыя пелопоннесскія триремы, высланныя имъ на встрѣчу, пять изъ нихъ взяли и многія повредили, и затѣмъ произвели общее рѣшительное нападеніе на главныя силы пелопоннесскаго флота, искавшія убѣжища у береговъ гавани. Произошелъ упорный и продолжительный береговой бой, кончившійся тѣмъ, что пелопоннесскій флотъ былъ разбитъ и запертъ въ гавани Пилоса, а пелопоннесскіе оплиты, находив-

шіеся на Сфактеріи — отрѣзаны отъ него и отъ сухопутнаго пелопоннесскаго войска и обложены аѳинскимъ флотомъ.

Чтобы спасти оплитовъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ родамъ Спарты и Пелопоннеза, спартанское правительство предложило предводителямъ аѳинскаго флота заключить перемиріе на столько времени, сколько нужно было для отправленія въ Аѳины пословъ и для переговоровъ объ освобожденіи обложенныхъ оплитовъ. Предводители аѳинскаго флота, соглашаясь на то, требовали, чтобы имъ переданы были, какъ находившійся въ гавани Пилоса пелопоннесскій флотъ, такъ и всѣ длинныя (или военныя) суда, бывшія у береговъ Лаконіи, и обязывались съ своей стороны во время перемирія — допустить снабженіе оплитовъ на Сфактеріи продовольствіемъ, а по возвращеніи спартанскихъ пословъ и окончаніи перемирія — возвратитъ всѣ пелопоннесскія суда въ томъ числѣ и видѣ, въ которомъ примутъ ихъ. Правительство Спарты согласилось на эти условія и около 60-ти пелопоннесскихъ судовъ были переданы въ Пилосъ аѳинянамъ, перемиріе заключено и послы Спарты отправились въ Аѳины. Но переговоры кончились ничѣмъ, вслѣдствіе заносчивости и высокомерныхъ требованій демократической партіи или лучше сказать главы ея, Клеона, и не смотря на миролюбивую уступчивость спартанскихъ пословъ. По возвращеніи послѣднихъ, пелопоннессцы потребовали отъ аѳинянъ обѣщаннаго возвращенія флота, но аѳиняне подъ разными ничтожными предлогами удержали его въ своихъ рукахъ, и уже усиленные на морѣ до числа 70-ти триремъ, еще тѣснѣе обложили оплитовъ на Сфактеріи. Однако же, не смотря на всю свою бдительность, они не могли вполнѣ препятствовать пелопоннессцамъ разными тайными способами и хитростями снабжать оплитовъ продовольствіемъ, и слѣдственно не могли скоро достигнуть цѣли обложенія, т. е. голодомъ принудить оплитовъ къ сдачѣ. А между тѣмъ время уходило, приближалась бурная на греческихъ моряхъ осень и сами аѳиняне сильно терпѣли отъ продолжительнаго, необыкновенно тягостнаго обложенія, тѣснаго помѣщенія на берегу гавани и особливо отъ недостатка прѣсной воды, — а съ сухаго пути были принуждены выдерживать довольно частые при-

ступы пелопоннесскаго войска. Все это, вмѣстѣ взятое, возбудило въ Аѣинахъ сильное безпокойство и вскорѣ Клеонъ былъ, по собственному вызову, посланъ къ Пилосу съ подкрѣпленіями, составленными имъ самимъ изъ отряда вспомогательныхъ войскъ аѣинскихъ союзниковъ, большею частію псировъ и стрѣлковъ. По счастію, неспособному Клеону былъ приданъ въ товарищи опытный и искусный Демосѣенъ.

По прибытіи Клеона къ Пилосу, онъ и Демосѣенъ потребовали отъ пелопоннессцевъ сдачи оплитовъ и, получивъ отказъ, положили немедленно произвести высадку на Сфактерію и употребить всѣ усилія для взятія оплитовъ въ плѣнъ живыми. Число этихъ оплитовъ простиралось тогда до 420-ти чел., не считая рабовъ при нихъ. Они находились подъ начальствомъ спартанца Эпидата и были расположены слѣдующимъ образомъ: около 30-ти чел. — со стороны моря, на крутомъ, неудободоступномъ берегу его; гдѣ по близости находился небольшой старинный, каменный замокъ, — нѣсколько десятковъ человѣкъ — на противоположномъ берегу со стороны Пилоса, а всѣ остальные затѣмъ съ Эпидатомъ — въ срединѣ острова, въ самой плоской его части. Незадолго передъ тѣмъ на Сфактеріи случайно сгорѣлъ весь лѣсъ, отъ чего островъ обнажился и расположеніе пелопоннесскихъ оплитовъ вполне обнаружилось аѣинянамъ.

Въ назначенный день, еще до разсвѣта, Клеонъ и Демосѣенъ въ одно и тоже время высадили на берегъ Сфактеріи, со стороны гавани и моря, 800 отборныхъ оплитовъ, за которыми постепенно послѣдовали всѣ аѣинскія войска, находившіяся при Пилосѣ, за исключеніемъ только оставленныхъ въ немъ для его обороны. Передовыя пелопоннесскія стражи, атакованныя врасплохъ, были обезоружены и истреблены, и на разсвѣтѣ аѣинское войско съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ порядкѣ двинулось въ средину острова. Намѣреніе Демосѣена состояло въ томъ, чтобы отсюда окружить пелопоннесскихъ оплитовъ аѣинскими псилами, за которыми со стороны моря и гавани должны были быть расположены аѣинскіе оплиты, — и сильнымъ дѣйствіемъ метательнаго оружія, непрерывными нападеніями аѣин-

скихъ псировъ утомить и ослабить непріятеля и принудить его положить оружіе. Такъ и было сдѣлано. Пелопоннесскіе оплиты, съ трудомъ, но долго выдерживавшіе жестокую стрѣльбу и нападенія аѳинскихъ псировъ со всѣхъ сторонъ, наконецъ, утомленные и израненные, двинулись тѣсно-смякнутыми рядами къ упомянутому выше замку, были сильно преслѣдованы и тѣснимы аѳинскими псирами, и многіе изъ нихъ убиты. Однакоже они успѣли достигнуть замка и, засѣвъ въ него, оборонялись весьма удачно и держались еще очень долго: ибо сильная, неудободоступная мѣстность совершенно обезпечивала фланги и тылъ ихъ и принуждала аѳинянъ истощаться въ трудныхъ и бесполезныхъ нападеніяхъ съ фронта. Но наконецъ бой и съ нимъ участь пелопоннесскихъ оплитовъ были рѣшены почти такимъ же образомъ, какъ и бой при Термопилахъ. Предводитель мессенянъ, находившихся въ составѣ аѳинскаго войска, провелъ половину послѣдняго скрытно, обходомъ, въ тылъ пелопоннесскимъ оплитамъ. Атакованные такимъ образомъ съ фронта и тыла, они вскорѣ погибли бы всѣ до единого, если бы Клеонъ и Демосѣенъ не прекратили боя и не предложили имъ сдаться, на что они, послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, и были принуждены согласиться, и въ числѣ 292 человекъ (изъ коихъ около 120 спартанцевъ) положили оружіе. Остальные 128 человекъ пали въ бою.

Этимъ кончилось обложеніе Пилоса и Сфактеріи, продолжавшееся, считая отъ перваго береговаго боя въ гавани до сдачи оплитовъ, всего 72 сутокъ. Пелопоннессцы отступили отъ Пилоса и разошлись по своимъ городамъ, вслѣдъ за чѣмъ и аѳиняне воротились въ Аѳины, оставивъ въ Пилосѣ гарнизонъ изъ навпактскихъ мессенянъ (потомковъ тѣхъ мессенскихъ выходцевъ, которыхъ аѳиняне, по завоеваніи спартанцами Мессеніи, поселили въ Навпактѣ). Плѣнные пелопоннесскіе оплиты были перевезены въ Аѳины и тамъ, не смотря на всѣ старанія спартанскаго правительства и даже благоразумнѣйшихъ изъ аѳинянъ — спасти ихъ, всѣ до единого казнены. Этотъ несправедливый и жестокій поступокъ аѳинянъ произвелъ общее въ Греціи негодованіе и усилилъ непріязнь къ нимъ.

§ 55.

Последніе три года первой половины войны до заключенія между Спартою и Аѣинами мира. (424—422).

Со времени смерти Перикла, не смотря на необузданность демократической партіи въ Аѣинахъ, успѣхъ въ войнѣ былъ постоянно на сторонѣ аѣинянъ. Причиною этого было то, что правительство аѣинское дѣйствовало съ большими энергіею и рѣшительностью, что аѣиняне и по смерти Перикла продолжали дѣйствовать согласно съ мудрыми его военными предначертаніями, и что они имѣли отличныхъ государственныхъ людей и полководцевъ; пелопоннесскій же союзъ и въ особенности спартанское правительство дѣйствовали нерѣшительно и притомъ недовольно искусно, ибо у спартанцевъ съ самаго начала войны не было ни одного хорошаго полководца.

И послѣ взятія оплитовъ на Сфактеріи счастіе продолжало еще благопріятствовать аѣинянамъ. Въ концѣ 425-го и началѣ 424 годовъ они разбили коринфянъ и разорили ихъ земли, рѣшили междуусобіа на Корцирѣ въ пользу демократовъ и заняли островъ Цитеру, близъ южныхъ береговъ Лаконіи, населенный періеками и находившійся въ зависимости и подъ управленіемъ Спарты. Занятіе Цитеры было столь же важно въ военномъ отношеніи, сколько и занятіе Пилоса; владѣя обоими этими пунктами, аѣиняне имѣли возможность производить изъ нихъ вторженія въ самую средину Пелопоннеза и возбуждать спартанскихъ илотовъ къ возмущенію, чего въ особенности опасались спартанцы. Далѣе аѣиняне опустошили восточные берега Пелопоннеза, взяли и сожгли Өирей, поселеніе эгинянъ во владѣніяхъ спартанскихъ, а жителей его истребили. Вмѣстѣ съ этими успѣхами, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе возрастали и сила аѣинянъ на твердой землѣ, и высокомеріе, и неумѣренность ихъ. Спартанцы же упали духомъ, были приведены въ бездѣйствіе и не могли защищать не только владѣній своихъ союзниковъ, но даже и своихъ собственныхъ.

И вдругъ, два обстоятельства: возстаніе еракійскихъ городовъ противъ Аѣинъ и отряженіе Спартою, въ помощь имъ, войскъ подъ начальствомъ Бразида, совершенно измѣнили положеніе дѣлъ.

Возставшіе города Эракіи, македонскій царь Пердикка и Спарта составили между собою союзъ противъ Аѣинъ. Спартанцы охотно согласились послать во Эракію вспомогательное войско, усматривая въ этомъ средство удалить войну отъ Лаконіи и Спарты, завоевать аѣинскія поселенія на еракійскомъ и македонскомъ берегахъ Эгейскаго моря, и тѣмъ лишить аѣинянъ богатаго источника ихъ доходовъ и нанести имъ чувствительный ударъ. Но движеніе спартанскихъ войскъ во Эракію было не безъ препятствій и затрудненій, ибо имъ нужно было пройти чрезъ союзную съ аѣинянами Θεσσαλίю. Молодой спартанецъ Бразидъ, дотолѣ служившій въ спартанскомъ войскѣ въ низшихъ чинахъ военачальническихъ и уже не разъ отличавшійся необыкновенными: храбростью, присутствіемъ духа, предприимчивою дѣятельностью и дарованіями военными, вызвался на трудное дѣло—вести войска во Эракію и былъ назначенъ главнымъ предводителемъ ихъ. Но прежде онъ обратился къ возставшей противъ Аѣинъ и занятой вслѣдствіе того аѣинянами Мегарѣ. Въ происшедшемъ при этомъ городѣ боѣ ни Бразидъ, ни аѣиняне не одержали рѣшительной побѣды; но окончательный успѣхъ остался на сторонѣ Бразида, ибо аѣиняне очистили Мегару и отступили въ Аѣины, оставивъ только гарнизонъ въ мегарской укрѣпленной гавани Низеѣ. Бразидъ же, уничтоживъ введенную аѣинянами въ Мегарѣ демократію и учредивъ вмѣсто оной олигархію, воротился въ Пелопоннезъ для окончанія приготовленій къ походу во Эракію.

Это былъ первый успѣхъ, одержанный пелопоннезцами надъ аѣинянами. Но вскорѣ аѣиняне понесли въ Віотіи ударъ, еще болѣе сильный, который былъ предшественникомъ другихъ важнѣйшихъ для нихъ неудачъ. Замысливъ произвести въ Віотіи, съ помощію тамошнихъ демократовъ, возстаніе и занять въ ней города Сиѣы, Херонею и Делій, они послали Демосѣена съ 40 триремами въ коринѣскій заливъ къ Сиѣамъ, а Иппекрата съ сильнымъ войскомъ къ Делію. Но Демосѣенъ, прибывъ къ Сиѣамъ, нашелъ собранное

при этомъ городъ віотійское войско и былъ принужденъ безъ успѣха удалиться къ Навпакту. Иппократъ же занялъ и укрѣпилъ Делій безъ сопротивленія и, оставивъ въ немъ часть войскъ, съ главными силами (отъ 20 до 25.000-челов., въ томъ числѣ 6.000 оплитовъ) двинулся обратно въ Аѣины. Но при Танагрѣ, въ полупереходѣ отъ Делія, 18.000 віотійскихъ войскъ, подъ предводительствомъ віотарха, Пагоида отрѣзали аѣинянамъ отступление, и въ произшедшемъ въ слѣдствіе того упорномъ и кровопролитномъ боѣ нанесли имъ рѣшительное пораженіе. Аѣинское войско разсѣялось и было преслѣдовано по всѣмъ направленіямъ, потеряло 1.000-челов. убитыми и спаслось отъ совершеннаго истребленія только благодаря наступившей ночи. Затѣмъ віотяне осадили и послѣдовательно продолжительной осады взяли приступомъ Делій, и большую часть находившихся въ немъ аѣинскихъ войскъ истребили или взяли въ плѣнъ: лишь немногіе успѣли спастись. Пораженіе при Деліѣ было для аѣинянъ жестокимъ ударомъ, отъ котораго они долго не могли оправиться и который, вмѣстѣ съ событіями при Мегарѣ, имѣлъ большое вліяніе на послѣдующія ихъ неудачи и успѣхи пелопоннессцевъ.

Вскорѣ послѣ того (въ концѣ лѣта 424-го года) Бразидъ предпринялъ наконецъ съ 4.000 пелопоннесскихъ войскъ походъ во Θракію. Движеніе его изъ Коринѳа было столь быстро, а въ слѣдствіе того и появленіе его въ Θессаліи столь неожиданно, что ѳессаліяне не успѣли преградить ему пути. Умомъ, искусствомъ въ переговорахъ и кроткимъ, благороднымъ, правдивымъ обхожденіемъ Бразидъ успѣлъ достигнуть того, что ѳессаліяне позволили ему безпрепятственно и спокойно пройти чрезъ Θессалію, владѣтель Ликской области, лежавшей на западныхъ предѣлахъ Македоніи, заключилъ союзъ со Спартою, а Аканѣъ, Стагира, Амфиполь и многіе другіе, отложившіеся отъ Аѣинъ города въ Македоніи и Θракіи, приступили къ пелопоннесскому союзу.

Вѣсть объ успѣхахъ Бразиды и въ особенности о занятіи имъ Амфиполя повергла аѣинянъ въ сильное безпокойство, умѣрила гордость ихъ и сдѣлала ихъ склонными къ миру. Такъ, какъ спартанское правительство, не смотря на послѣдніе свои успѣхи, съ своей сто-

роны не менѣе аѣинянъ желало мира, то вскорѣ обѣ стороны и заключили перемиріе на одинъ годъ. Но оно продолжалось недолго. Подъ предлогомъ, что два города во Ѳракіи (Скіоны и Менды) отложились отъ Аѣинъ два дня спустя по подписаніи въ аѣинахъ договора о перемиріи, аѣиняне, по вліянію Клеона, послали войско и флотъ для приведенія этихъ двухъ городовъ силою оружія обратно въ подданство Аѣинъ. Въ это самое время Бразидъ находился съ Пердиккою въ походѣ противъ измѣнившаго Спартѣ владѣтеля Ликской области. Малодушно покинутый бѣжавшими македонскими войсками, Бразидъ мужественно отразилъ нападенія превосходнаго въ силахъ непріятеля, подкрѣпленнаго сосѣдственными иллиріянами, и совершивъ искусное отступление въ Македонію, поспѣшилъ во Ѳракію. Здѣсь, въ его отсутствіе, аѣиняне уже успѣли овладѣть Мендами, осадили и взяли его замокъ и обложили Скіоны. Пердикка снова заключилъ съ ними союзъ и склонилъ ессалянъ не пропускать въ Македонію и Ѳракію спартанскихъ подкрѣпленій. Положеніе Бразиды во Ѳракіи сдѣлалось еще труднѣе и опаснѣе, когда 30 триремъ и сильное войско аѣинское, подъ предводительствомъ Клеона, прибыли въ укрѣпленную гавань Амфиполя, Эіонъ (422). Бразидъ успѣлъ однакоже быстрымъ движеніемъ предупредить Клеона въ Амфиполѣ. Расположась противъ этого города, Клеонъ долго оставался въ бездѣйствіи, не зная, на что рѣшиться и что предпринять. Наконецъ, замѣтивъ со стороны Бразиды приготовленія къ нападенію на аѣинское войско, онъ предпринялъ, въ близкомъ разстояніи отъ Амфиполя и въ большомъ безпорядкѣ, отступление къ Эіону, гдѣ находился флотъ. Бразидъ немедленно устремился изъ Амфиполя и напалъ на Клеона. Въ происшедшемъ, въ слѣдствіе того, непродолжительномъ сраженіи при Амфиполѣ аѣинское войско было разбито на голову: лѣвое его крыло бѣжало въ Эіонъ, центръ разсѣялся, а правое крыло было окружено и почти совершенно истреблено. Самъ Клеонъ, малодушно бѣжавшій съ лѣвымъ крыломъ, былъ убитъ. Бразидъ одержалъ рѣшительную побѣду, но къ несчастію для Спарты—вскорѣ умеръ отъ полученной въ сраженіи тяжелой раны. Смерть его избавила аѣинянъ отъ большой опасности, лишивъ Спарту

единственного искуснаго полководца, котораго она дотолѣ имѣла въ этой войнѣ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ побѣды при Амфиполѣ было открытіе Спартою и Аѣинами переговоровъ о мирѣ. Спарта была утомлена войною, въ которой дотолѣ терпѣла однѣ неудачи и не только не успѣла достигнуть предположенной цѣли, но и сама находилась въ опасности. Аѣиняне же склоняли къ миру послѣднія ихъ неудачи и отложеніе многихъ ихъ союзниковъ. Переговоры о мирѣ были ведены цѣлую зиму съ 422-го на 421-й годъ, со стороны Спарты — спартанскимъ царемъ Плейстонаксомъ, а со стороны Аѣинъ — Никіемъ, заступившимъ мѣсто Клеона. Оба, по счастію, были расположены къ миру, и ихъ стараніями въ концѣ весны 421-го года между Спартою и Аѣинами былъ наконецъ заключенъ отдѣльный, такъ называемый Никіевъ миръ на 50 лѣтъ, къ которому вскорѣ приступили почти всѣ союзники Спарты.

§ 56.

Шесть лѣтъ мира между Спартою и Аѣинами (431—416 г.).

Миръ заключенный между Спартою и Аѣинами не успокоилъ Греціи и не прекратилъ войны въ ней. Первымъ его дѣйствіемъ было то, что онъ возбудилъ противъ Спарты въ самомъ Пелопоннѣзѣ множество недовольныхъ, главные между которыми: Коринѣъ, Аргось, Элида и Мантинея составили противъ нея союзъ. Въ то же время и въ Спартѣ, и въ Аѣинахъ люди беспокойные и честолюбивые, желавшіе войны, умножились числомъ и совершенно взяли верхъ надъ благоразумными друзьями мира. Въ Аѣинахъ въ главѣ ихъ былъ молодой Алкивіадъ, съ отличными умомъ и дарованіями соединявшій непомѣрное честолюбіе и еще болѣе тщеславія и пороковъ. Достигнувъ верховной власти, онъ вскорѣ поставилъ Аѣины въ главѣ новаго пелопоннесскаго союза противъ Спарты. Непрерывные происки и козни какъ честолюбцевъ и враговъ мира, подобныхъ Алкивіаду, такъ и греческихъ республикъ, имѣвшихъ въ виду однѣ собственныя выгоды, усилившееся бо-

реніе аристократической и демократической партій, попеременное торжество то одной, то другой и происходившіе отъ того безпрестанные внутренніе перевороты и перемѣны въ политикѣ—все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что общественныя отношенія въ Греціи запутались, а страсти ожесточились—до крайности, и въ разныхъ мѣстахъ Греціи происходили частныя, отдѣльныя, болѣе или менѣе важныя военныя дѣйствія. Важнѣйшимъ изъ военныхъ событій этого времени была война между Аргосомъ и Спартою, кончившаяся пораженіемъ аргивянъ и ихъ союзниковъ спартанцами въ 1-мъ сраженіи при Мантинѣѣ (418 г.) и заключеніемъ между Аргосомъ и Спартою союза противъ Аѣинъ. Но вскорѣ въ Аргосѣ произошелъ внутренній переворотъ—и, приискажи Алкивіада, между Аѣинами, Аргосомъ и врагами Спарты въ Пелопоннезѣ снова составился союзъ противъ нея.

Такъ протекли шесть лѣтъ со времени заключенія Никіева мира, какъ вдругъ вмѣшательство аѣинянъ въ дѣла Сициліи возобновило войну между Аѣинами и Спартою съ большею еще противъ прежняго силою.

II.

Вторая половина войны (415 — 404 г.).

§ 57.

Предпріятіе аѣинянъ противъ Сициліи (415 — 413 г.).

Сицилія представляла въ это время тоже самое зрѣлище, что и Греція. Города сицилійскіе, основанные и обитаемые греческими переселенцами, вели почти непрерывныя между собою войны. Могущественнѣйшій изъ нихъ, Сиракузы, успѣлъ достигнуть первенства и господства надъ большею частію оныхъ и велъ дѣя-

тельную войну противъ тѣхъ, которые еще не покорялись ему. Главными въ числѣ послѣднихъ были Леонтины и Эгеста (или Сэгеста). Первый былъ взятъ и разрушенъ, — а послѣдній просилъ помощи аѳинянъ. Тщетно друзья мира и въ главѣ ихъ правдивый, благоразумный Никій старались отклонить аѳинянъ отъ вмѣшательства въ дѣла Сициліи, не только труднаго и бесполезнаго, но даже крайне вреднаго и опаснаго для аѳинской республики. Дѣйствительно оно 1) было вовсе несообразно съ главною политическою цѣлію аѳинянъ въ войнѣ, 2) ослабляло ихъ въ Греціи и особливо въ греческихъ моряхъ, господство на которыхъ составляло главную силу аѳинской республики, главныя условія ея успѣха и торжества, 3) переносило главныя силы и дѣйствія аѳинянъ въ страну и моря отдаленныя, обладаніе которыми не могло доставить аѳинянамъ никакихъ особенныхъ выгодъ въ войнѣ, ни важныхъ средствъ къ достиженію главной ея цѣли, — наконецъ 4) требовало чрезвычайныхъ пожертвованій и издержекъ, и представляло большія затрудненія и опасности. Но Алкивіадъ, усматривая въ войнѣ вообще и вмѣшательствѣ въ дѣла Сициліи въ особенности средства отличиться, возвыситься и еще болѣе распространить и утвердить власть свою въ Аѳинахъ, замышляя притомъ завоевать Сицилію — успѣлъ склонить аѳинянъ къ поданію эгестинцамъ просимой ими помощи. Рѣшено было послать въ Сицилію сильныя войско и флотъ подъ предводительствомъ Никіа, Алкивіада и Ламаха. Бóльшая половина 416 года протекла въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ тому, — а въ началѣ лѣта слѣдующаго 415 года флотъ съ войскомъ на немъ собрался при островѣ Корцирѣ, откуда направился къ берегамъ Италіи и потомъ вдоль оныхъ къ Регію. Онъ состоялъ изъ 134 триремъ и 130 судовъ съ продовольствіемъ, а войско изъ 5.100 оплитовъ (въ томъ числѣ 2.200 аѳинскихъ), 1.300 псировъ (400 аѳинскихъ, и 80 критскихъ стрѣлковъ, 700 родосскихъ пращниковъ и 120 мегарскихъ выходцевъ) и 30 человѣкъ, конницы, всего изъ 6.430 человѣкъ. Никію, Алкивіаду и Ламаху было повелѣно: 1) оказать помощь и покровительство Эгестѣ, 2) возстановить леонтинскую республику и 3) вообще принять всѣ тѣ мѣры, которыя по обстоятель-

ствамъ могли оказаться необходимыми и выгодными для аѳинской республики.

Сиракузяне, осаждавшіе въ это время Эгесту, — знали объ отправленіи аѳинянами флота и войска въ Сицилію, но тогда только начали дѣятельно готовиться къ оборонѣ, когда аѳинскій флотъ уже прибылъ къ Регію. Здѣсь предводители его узнали, что не могутъ надѣяться на содѣйствіе ни одного изъ городовъ Сициліи, исключая Эгесты и Леонтинъ, да и со стороны тѣхъ нельзя было ожидать дѣятельныхъ пособій. Это поставило ихъ въ большое затрудненіе. Никій, чрезвычайно осторожный и притомъ начальствовавшій противъ воли и убѣжденія, совѣтовалъ освободить Эгесту отъ осады и, если не представится возможности возстановить леонтинской республики, то, для сбереженія аѳинской республикѣ флота и войска, немедленно воротиться въ Аѳины. Алкивіадъ предлагалъ сначала путемъ переговоровъ пріобрѣсть въ Сициліи союзниковъ, вспомогательныя войска, продовольствіе и дѣятельное содѣйствіе, и въ тоже время ослабить вліяніе Сиракузъ и Селинунта (важнѣйшаго въ Сициліи, послѣ Сиракузъ, города), а затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ противъ этихъ двухъ городовъ. Наконецъ Ламахъ совѣтовалъ немедленно произвести со всѣми силами внезапное нападеніе на Сиракузы, представляя во - 1-хъ, что еслибы удалось взять ихъ, то другіе сицилійскіе города, зависѣвшіе отъ Сиракузъ, не замедлили бы поднасть, со всѣми ихъ средствами и способами, власти аѳинянъ, что доставило бы возможность вести войну безъ пособія изъ Аѳинъ; во - 2-хъ, что еслибы сиракузяне отважились на бой въ открытомъ полѣ, то побѣда надъ ними, почти несомнѣнная, способствовала бы заключенію союза съ сицилійскими городами гораздо скорѣе, нежели нѣсколько лѣтъ переговоровъ съ ними, и въ 3-хъ, что еслибы сиракузяне предоставили край свой аѳинянамъ безъ сопротивленія, то и это было бы весьма выгодно для переговоровъ. Предложеніе Ламаха было, безъ сомнѣнія, самое сообразное съ цѣлію и обстоятельствами, рѣшительнѣйшее и обѣщавшее почти вѣрный успѣхъ и наибольшія выгоды, ибо сиракузяне не были еще усилены вспомогательными войсками зависѣвшихъ

отъ нихъ городовъ и вообще были мало приготовлены къ отпору. Но мнѣніе Алкивіада, бывшаго главнымъ виновникомъ и душою предпріятія противъ Сиціліи, одержало верхъ и онъ вступилъ въ переговоры съ Мессаною, Наксомъ и Катаною. Жители Мессаны позволили аѣинянамъ запастись продовольствіемъ въ мессанскихъ земляхъ; съ жителями Накса и Катаны былъ заключенъ союзъ, и послѣдній изъ этихъ городовъ былъ сверхъ того занятъ аѣинянами и обращенъ въ главное военное складочное мѣсто ихъ, а гавань его — въ главную пристань ихъ флота. Затѣмъ Алкивіадъ хотѣлъ продолжать начатыя переговоры, какъ вдругъ получилъ изъ Аѣинъ повелѣніе — немедленно явиться туда для оправданія своего передъ народомъ въ обезображеніи гермовъ (грубыхъ изваяній Гермеса или Меркурія, которыя у грековъ ставились на улицахъ передъ зданіями, какъ бы для охраненія ихъ), случившемся передъ отправленіемъ флота въ Сицілію и въ которомъ враги Алкивіада обвиняли его самого и его приверженцевъ. Но то былъ единственно предлогъ для погубленія Алкивіада, враги котораго успѣли, въ его отсутствіе, вооружить противъ него легкомысленныхъ и непостоянныхъ аѣинянъ. Алкивіадъ повиновался, но, достигнувъ береговъ Италіи, ночью скрылся и — бѣжалъ въ Спарту.

Оставшись одни, Никій и Ламахъ положили немедленно освободить Эгесту и потомъ со всѣми силами обратиться противъ Селинунта. Но медленность и нерѣшительность Никія были причинами, что этого сдѣлано не было. А между тѣмъ сиракузяне усилились и ободрились до того, что сами двинулись къ Катанѣ для нападенія на станъ аѣинянъ. Узнавъ объ этомъ, Никій и Ламахъ ночью посадили бѣольшую часть войска на флотъ, произвели высадку близъ Сиракузъ и заняли сильную и выгодную въ оборонительномъ отношеніи мѣстность. Сиракузяне немедленно воротились, отважились вступить съ аѣинянами въ бой, но были опрокинуты и отступили въ Сиракузы. Затѣмъ Никій и Ламахъ возвратились на зиму въ Катану и пытались овладѣть Мессаною и заключить союзъ съ этрусками въ Италіи и съ Карѣагеномъ, но безъ успѣха. Однакоже они привлекли на свою сторону многія

туземныя племена во внутренности Сициліи, набрали на островѣ лошадей для конницы, въ которой имѣли недостатокъ, и сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія къ осадѣ Сиракузъ. Съ своей стороны сиракузяне приготовились къ упорной оборонѣ, усилили укрѣпленія Сиракузъ, запаслись продовольствіемъ и просили помощи Коринѳа и Спарты. Спартанское правительство, по убѣжденію Алкивіада, уже пріобрѣтшаго большое вліяніе на него, рѣшилось прервать миръ съ Аѳинами и послать въ помощь сиракузянамъ флотъ и войско. Необходимыя же для вооруженія и содержанія сильнаго флота денежныя средства, въ которыхъ Спарта и пелопоннесскій союзъ имѣли недостатокъ, они вскорѣ пріобрѣли впервые отъ персовъ, заключивъ съ ними съ этою цѣлію, по внушенію и чрезъ посредничество Алкивіада, тайный договоръ. Коринѳяне также обѣщали сиракузянамъ помощь.

Весною 414 года Никій и Ламахъ, получивъ изъ Аѳинъ 250 всадниковъ безъ лошадей, 300 талантовъ серебра (около 550.000 руб. серебромъ) и всякаго рода военные запасы въ изобиліи, со всѣми своими силами направились моремъ къ Сиракузамъ.

Этотъ обширный и многолюдный городъ (онъ имѣлъ около 108 стадій или 19-ти верстъ въ окружности и около 1.500.000 жителей) состоялъ изъ 5-ти частей: Ортигіи или острова, Ахрадины, Тихи (Tycha), Неаполя и Эпиполя или Эпиполь (Epirolis seu Epiroliae). Обширнѣйшими и многолюднѣйшими были Ахрадина и Тиха. Эпиполы составляли предмѣстіе города съ западной стороны, на утесистой и неудободоступной извнѣ скалѣ, на которой находились латоміи (latomiae) или глубокія каменоломни, служившія мѣстомъ заключенія преступниковъ. Каждая часть города была отдѣлена одна отъ другой укрѣпленіями. Всѣхъ сильнѣе укрѣплена была Ахрадина. Весь городъ былъ огражденъ каменными, высокими и толстыми стѣнами и башнями, и имѣлъ видъ треугольника, основаніе котораго съ восточной стороны образовали: Ахрадина — вдоль высокаго и крутаго берега моря, и островъ Ортигія, а вершину, съ западной стороны — скала Эпиполы. Къ югу отъ Ортигіи, въ обширномъ, кругообразномъ Сиракузскомъ залпвѣ, лежала большая гавань, а къ сѣверу отъ Ахрадины —

малая или трогилійская. Въ большую гавань велъ довольно узкій протокъ между Ортигіей и мысомъ Племміріемъ. Сѣверныя городскія стѣны, отъ малой гавани до Эпиполь, были расположены на краю крутыхъ извнѣ высотъ, — южныя же, отъ Эпиполь до большой гавани и Ортигіи — на пологихъ высотахъ, у подошвы которыхъ находилась низменная и болотистая долина. Въ этой долинѣ, параллельно съ южными стѣнами, протекала рѣчка Анапъ, изливавшаяся въ сиракузскій заливъ. По другую сторону Анапа, равно къ западу и югу отъ сиракузскаго залива, мѣстность была возвышенная и пересѣченная.

Изъ этого видно, что обложеніе Сиракузъ представляло два большія затрудненія, которыя заключались въ обширности города съ сухаго пути и моря, и въ исходящемъ, неудободоступномъ положеніи Эпиполь. Безъ обладанія Эпиполами нельзя было вполнѣ обложить города съ сухаго пути, а овладѣть Эпиполами было очень трудно. Убѣжденные однакоже въ необходимости начать обложеніе Сиракузъ именно взятіемъ Эпиполь, аѣиняне немедленно по высадкѣ двинули отборную часть войска на приступъ къ нимъ. По счастію для нихъ, Эпиполы были слабо заняты (не болѣе какъ 700 сиракузскихъ оплитовъ) и аѣиняне, успѣвъ взобраться на скалу, взяли Эпиполы приступомъ и опрокинули находившійся въ нихъ отрядъ съ уропомъ въ городъ. Затѣмъ они дѣятельно приступили къ устроенію циркумъ-и контръ-валаціонной линій отъ Эпиполь по сѣверную и южную стороны города къ морю. Сиракузяне старались препятствовать имъ въ томъ устроеніемъ поперечныхъ укрѣпленій и вылазками, пытались даже отнять Эпиполы, но были постоянно отражаемы, а укрѣпленія ихъ — разрушаемы. Въ одномъ изъ происшедшихъ при этомъ дѣлѣ Ламахъ былъ убитъ и Никій остался одинъ предводителемъ аѣинянъ. Осадныя работы шли быстро впередъ и вскорѣ Сиракузы уже были почти совершенно обложены съ сухаго пути и моря. Многіе города въ Сициліи и даже въ Италіи начали склоняться на сторону аѣинянъ и снабжать ихъ продовольствіемъ. Въ самихъ же Сиракузахъ возникли несогласія и распри, распространились страхъ и уныніе, и наконецъ сиракузяне вступили съ Никіемъ въ переговоры о сдачѣ.

И вдругъ—прибытіе въ помощь имъ пелопоннезскихъ флота и войска дало совершенно другой оборотъ дѣламъ. Правительство Спарты ввѣрило начальство надъ пелопоннезскими флотомъ и войскомъ, по совѣту Алкивіада, Гилиппу, полководцу весьма способному и опытному. Гилиппъ, свѣдавъ о крайнемъ положеніи Сиракузъ, въ то время, когда флотъ и войско еще только собирались при островѣ Левкадіи, послѣшилъ впередъ въ Сицилію съ 4-мя триремами, присталъ къ Гимерѣ и, при содѣйствіи приверженныхъ Сиракузамъ городовъ и племенъ, собравъ около 5.000 человекъ пѣхоты, конницы и вооруженныхъ рабовъ, двинулся сухимъ путемъ къ Сиракузамъ. Между тѣмъ 12 пелопоннезскихъ триремъ направились отъ Левкадіи вдоль береговъ Италіи, а одна коринѣская трирема — прямо, открытымъ моремъ, къ Сиракузамъ. Прибывъ прежде прочихъ, трирема эта успѣла тайно пробраться въ одну изъ гаваней Сиракузъ и принесла сиракузянамъ вѣсть о близкой помощи. Ободренные тѣмъ сиракузяне немедленно прервали начатые переговоры съ Никіемъ. Войскамъ же удалось выйти на встрѣчу Гилиппу и соединиться съ нимъ. Гилиппъ овладѣлъ слабо-занятыми Эпиполами и нѣкоторыми отдѣльными укрѣпленіями аѣинянъ, перерѣзалъ укрѣпленныя линіи ихъ поперечными укрѣпленіями, три раза выходилъ изъ города и нападалъ на аѣинянъ, въ третій разъ опрокинулъ ихъ въ разстройствѣ за ихъ укрѣпленныя линіи, откуда они послѣ того уже не отваживались болѣе выходить, — и наконецъ уничтожилъ совершенно обложеніе Сиракузъ съ сухаго пути, между тѣмъ, какъ прибывшія пелопоннезскія триремы возстановили сообщеніе Сиракузъ съ моремъ. Всѣ эти успѣхи пелопоннезцевъ и сиракузянъ были слѣдствіемъ, съ одной стороны — искусства, дѣятельности и рѣшительности мѣръ и дѣйствій Гилиппа, а съ другой — крайне медленныхъ, нерѣшительныхъ, даже робкихъ дѣйствій Никіа, и чрезвычайныхъ небрежности и оплошности аѣинянъ въ обложеніи города. Никій просилъ у аѣинянъ подкрѣпленій и увольненія его отъ начальствованія. Но аѣиняне не согласились на послѣднее, и назначивъ Никію двухъ помощниковъ, Евримедона и Демосѣена, перваго изъ нихъ зимою съ 414 на 413 годъ послали въ Сицилію съ 10-ю триремами и 20-ю талантами

серебра, а Демосфену поручили къ веснѣ 413 г. изготовить новые войско и флотъ. Съ своей стороны Гилиппъ и сиракузяне просили подкрѣпленій и помощи у Спарты, Коринѳа и разныхъ городовъ Сициліи и Италіи.

Первое важное военное событіе въ 413 году произошло въ Греціи. То было занятіе спартанцами, по совѣту Алкивіада, Декеліи, въ самой срединѣ Аттики, въ плодороднѣйшей и богатѣйшей части ея, въ разстояніи лишь 20—22 верстъ отъ Аѳинъ. Раннею весною пелопоннесское войско подъ предводительствомъ Агиса вступило въ Аттику, заняло и укрѣпило Декелію и, оставивъ въ ней сильный отрядъ войскъ подъ личнымъ начальствомъ Агиса, воротилось въ Пелопоннессъ, разоривъ на пути Аттику. Съ тѣхъ поръ Агисъ не переставалъ тревожить Аѳинъ и раззорять окрестности ихъ, и сверхъ того — что было весьма важно — отрѣзалъ Аѳинамъ подвозы продовольствія сухимъ путемъ изъ житницы аѳинской, острова Эвбеи (Декелія лежала на самомъ пути оттуда; — провозъ же моремъ обходился гораздо дороже). Такимъ образомъ занятіе Декеліи спартанцами было еще важнѣе занятія Пилоса, въ предшествовавшіе годы, аѳинянами.

Между тѣмъ въ Сициліи дѣла съ каждымъ днемъ принимали болѣе и болѣе неблагопріятный для аѳинянъ и выгодный для сиракузянъ оборотъ. Вооруживъ 80 триремъ, сиракузяне напали при входѣ въ большую гавань на аѳинскій флотъ, и въ тоже самое время Гилиппъ со всѣмъ сухопутнымъ войскомъ произвелъ нападеніе на три отдѣльныя укрѣпленія аѳинянъ на мысѣ Племмиріѣ. Хотя сиракузскій флотъ былъ разбитъ, но Гилиппъ овладѣлъ аѳинскими укрѣпленіями и въ нихъ разнаго рода морскими и продовольственными, въ большомъ количествѣ, запасами аѳинянъ. Взятіе этихъ укрѣпленій и занятіе мыса Племмирія были важны тѣмъ, что отрѣзали аѳинскому флоту сообщеніе съ моремъ. Нѣсколько времени спустя, сиракузяне, узнавъ, что Демосфенъ и Евримедонъ отплыли изъ Греціи къ Сиракузамъ съ подкрѣпленіями аѳинскому флоту и войску, рѣшились, до прибытія ихъ, снова напасть на эти послѣдніе и по возможности нанести имъ рѣшительное пораженіе. Слѣдствіемъ этого была новая, внутри

большой гавани, битва, въ которой аѣинскій флотъ (75 триремъ) былъ разбитъ и запертъ сиракузскимъ (около 80 триремъ).

Вскорѣ послѣ того прибыли Демосѣенъ и Евримедонъ съ 5-ю тысячами оплитовъ и легкою пѣхотою въ числѣ около 2000 чел. на 73-хъ триремахъ. Демосѣенъ разсудилъ весьма основательно, что необходимо было дѣйствовать быстро и рѣшительно, и взятіемъ Эпиполь устранить главное препятствіе къ обложенію Сиракузъ. Вслѣдствіе того на Эпиполы и было немедленно произведено ночное нападеніе. Но счастіе рѣшительно покинуло аѣинянъ: удержанные упорнымъ сопротивленіемъ віотянъ, находившихся въ составѣ вспомогательнаго пелопоннесскаго войска, они были опрокинуты съ Эпиполь, приведены въ совершенное разстройство и претерпѣли рѣшительное пораженіе и огромный уронъ.

Тогда Демосѣенъ потребовалъ немедленнаго возвращенія флота и войска въ Аѣины. Но Никій воспротивился тому, страшась отвѣтственности и стыда, и можетъ быть также полагаясь на успѣхъ тайныхъ сношеній своихъ съ приверженцами аѣинянъ въ Сиракузахъ. Однакоже вѣсть объ усиленіи сиракузянъ новыми вспомогательными войсками сицилійскихъ племенъ, болѣзни и смертность въ аѣинскомъ войскѣ, по причинѣ низменной и сырой мѣстности, на которой оно было расположено, и чрезвычайный упадокъ духа въ немъ—вынудили наконецъ Никію согласиться на возвращеніе въ Аѣины. Но въ то самое время, когда войско готовилось сѣсть на флотъ, случилось лунное затмѣніе, которое привело суевѣрныхъ аѣинянъ въ такой страхъ и показалось имъ такимъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ, что отплытіе было отложено на 27 дней (на трижды девять дней, по назначенію прорицателей) до слѣдующаго полнолунія. Узнавъ объ этомъ, сиракузяне положили окружить аѣинянъ, напасть на нихъ и стараться истребить ихъ, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ. Вскорѣ аѣиняне были впервые разбиты на морѣ слабѣйшимъ непріателемъ (86 аѣинскихъ триремъ—76-ю сиракузскими въ большой гавани). Къ ужасу положенія ихъ присоединился голодъ: ибо всѣ подвозы были пресѣчены. Рѣшено было, не смотря на прежде опредѣленный срокъ, немедленно пробиться и отплыть въ Грецію: но флотъ

афинскій снова былъ разбитъ сиракузскимъ и откинутъ къ берегу. Никій и Демосеенъ хотѣли вторично пробиться къ нимъ ночью: но войско до такой степени упало духомъ, что не иначе соглашались удалиться отъ Сиракузъ, какъ сухимъ путемъ. Вслѣдствіе того флотъ былъ покинутъ и затѣмъ частію взятъ, частію сожженъ сиракузянами. Сосредоточившіеся же на сухомъ пути, у большой гавани, афиняне были со всѣхъ сторонъ окружены конницею и легкою пѣхотою сиракузянъ. Наконецъ (въ началѣ сентября) предпринято было отступление, описаніе котораго Фукидидомъ исполнено самыхъ мрачныхъ картинъ и возбуждаетъ въ высшей степени участіе къ горестному положенію афинянъ, тяжелой судьбѣ ихъ и необъятности претерпѣнныхъ ими золъ. За исключеніемъ рабовъ, которые почти всѣ разбѣжались, афинянъ еще было не менѣе 40.000 чел. Отступление предпринято по кратчайшему пути на западъ чрезъ р. Анапъ въ земли одного непріязненнаго сиракузянамъ сицилійскаго племени. Впереди шли войска Никія, построенныя въ нѣсколько пустыхъ внутри четвероугольниковъ, — въ серединѣ всѣ, несшіе на себѣ тяжести и скудные остатки продовольствія, — за ними войска Демосеена, и наконецъ оплиты, прикрывавшіе отступление съ тыла. Никій и Демосеенъ являли, среди общаго упадка духа, истинныя мужество и величіе, ободряя войско, внушая ему чувства надежды и довѣрія къ милосердію боговъ и убѣждая его вооружиться благоразуміемъ и твердостью. Движеніе производилось чрезвычайно медленно, въ непрерывномъ бою съ многочисленными сиракузскими конницею и легкою пѣхотою, окружавшими и тревожившими афинянъ спереди, съ боковъ и тыла. Не успѣвъ пробиться сквозь одно горное ущелье, сильно занятое и укрѣпленное сиракузянами на пути слѣдовація афинянъ, Никій и Демосеенъ рѣшились отступать не по первоначально предположенному пути, на которомъ ихъ ожидали сиракузяне, но по другому, ведшему къ Камаринѣ, Гелѣ и инымъ городамъ на южныхъ берегахъ Сициліи. Это движеніе было предпринято ночью: случайный беспорядокъ въ задней половинѣ войска отдѣлилъ ее отъ передовой, вслѣдъ за тѣмъ Демосеенъ сбился еще съ дороги и такимъ образомъ совершенно отдѣлился отъ Ни-

кія. Въ этомъ положеніи сначала Демосеенъ, а потомъ Никій были окружены превосходнымъ въ силахъ непріателемъ. Утомленные непрерывнымъ движеніемъ и боемъ, ослабленные огромнымъ урономъ, мучимые голодомъ и жаждою, войска Демосеена были принуждены положить оружіе, а войска Никія частію истреблены и частію взяты въ плѣнъ. Жестоко мстя аѳинянамъ, сиракузяне Никія и Демосеена казнили, около 7.000 плѣнныхъ аѳинскихъ гражданъ навсегда заключили въ латоміи, а всѣхъ прочихъ удержали въ неволѣ или продали въ рабство.

Таковъ былъ бѣдственный конецъ предпріятія аѳинянъ противъ Сиціліи—предпріятія, которое, по изъясненнымъ выше причинамъ, по всей справедливости должно назвать въ полномъ смыслѣ и во всѣхъ отношеніяхъ безразсуднымъ. За то и слѣдствія его были пагубны для аѳинской республики. Оно стоило ей потери флота и около 40.000 гражданъ, лишило ее господства на морѣ, почти совершенно истощило богатую казну ея и нанесло этой республикѣ жестокій ударъ, отъ котораго она, не смотря на величайшія усилія, уже никогда не могла вполне оправиться, и который предуготовилъ и ускорилъ ея паденіе.

§ 58.

Слѣдующія пять лѣтъ войны (412 и 408).

Неудача аѳинянъ въ Сиціліи могла доставить Спартѣ и Пелопоннесскому союзу рѣшительный перевѣсъ въ войнѣ, тѣмъ болѣе, что союзники Аѳинъ начали постепенно отлагаться отъ нихъ и присоединяться къ пелопоннесскому союзу, и что Спарта уже заключила въ это время открытый союзъ съ персами, что доставило ей средство постоянно содержать сильный флотъ и привлечь на свою сторону многихъ союзниковъ въ малой Азіи, Геллеспонтѣ, Фракіи и на островахъ Эгейскаго моря. Но правительство ея являло во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ такія медленность, нерѣшительность, вялость, слабость и неблагоразуміе, въ пелопоннесскомъ союзѣ было такъ мало единства и согласія,—аѳиняне же

напротивъ, побужденные крайнею опасностью своего положенія, обнаружили столько мужества, твердости и дѣятельности, равно единства, согласія и энергіи въ своихъ дѣйствіяхъ, что война вскорѣ снова начала принимать благопріятный для Аѣинъ оборотъ. Къ зимѣ 412—411 г. аѣиняне уже успѣли уравновѣсить силы свои съ силами противниковъ, а вскорѣ потомъ и снова приобрѣсть господство на морѣ. Поприщемъ главныхъ военныхъ дѣйствій сдѣлались берега малой Азіи и Геллеспонта и прилежащіе къ нимъ острова, а средоточіями ихъ — со стороны аѣинянъ островъ Самосъ, а со стороны пелопоннезцевъ, бывшихъ въ союзѣ съ персидскимъ сатрапомъ Каріи, Тиссаферномъ — Милетъ. Аѣиняне осадили возставшій противъ нихъ, главный на островѣ Хіосѣ городъ того же имени, и произведя также высадку близъ Милета, разбили вышедшія оттуда имъ на встрѣчу, подъ предводительствомъ спартанца Халкидея, Алкивіада и Тиссаферна — пелопоннезскія и азіятскія войска (въ концѣ 412 г.)

Вскорѣ въ Спартѣ произошла обычная, ежегодная переменъ правительственныхъ лицъ. Новое правительство отвергло прежде заключенный съ персами договоръ и стало сильно преслѣдовать Алкивіада. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что Тиссафернъ и Алкивіадъ, недовольные Спартою, сблизились между собою и, по внушенію хитраго Алкивіада, коварный Тиссафернъ убавилъ пелопоннезскому флоту жалованье, сталъ уплачивать оное неисправно и тѣмъ возбудилъ въ этомъ флотѣ неудовольствіе и привелъ его въ бездѣйствіе. Алкивіадъ же вступилъ въ сношеніе съ аѣинскимъ флотомъ, находившимся у Самоса, и сдѣлался душою заговора, имѣвшаго цѣлію измѣнить демократическое правленіе въ Аѣинахъ въ олигархическое. Но вскорѣ между Алкивіадомъ и заговорщиками произошли несогласія и разрывъ, а Тиссафернъ заключилъ съ пелопоннезскимъ союзомъ новый договоръ и исправною выдачею пелопоннезскому флоту полного жалованья снова поставилъ его въ возможность дѣйствовать. Затѣмъ пелопоннезцы вступили въ переговоры также и съ Фарнабазомъ, сатрапомъ персидскихъ областей малой Азіи на берегахъ Геллеспонта и Евксинскаго понта. Абидосъ и Лампсакъ присоединились къ пелопоннезскому союзу, и 24 аѣинскія триремы, облежавшія Хіосъ, поспѣшивъ вслѣдствіе того въ Геллеспонтъ, сняли

такимъ образомъ обложеніе Хіоса, уже доведеннаго до крайности:

Между тѣмъ аѣинской республикѣ угрожала внутренняя междоусобная война, вслѣдствіе двухъ переворотовъ, которые одинъ за другимъ произошли въ Аѣинахъ и на аѣинскомъ флотѣ при Самосѣ. Въ февралѣ 411-го года демократическое правленіе въ Аѣинахъ было замѣнено олигархическимъ, и новое правительство Аѣинъ открыло съ Спартою переговоры о мирѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ въ аѣинскомъ флотѣ, находившемся у Самоса, приверженцы демократіи одержали верхъ надъ приверженцами олигархіи, положили возстановить въ Аѣинахъ демократическій образъ правленія и провозгласили Алкивіада верховнымъ предводителемъ вооруженныхъ силъ республики (411 г.).

Счастіемъ для аѣинянъ въ этомъ обстоятельствѣ было то, что пелопоннесскій флотъ, находившійся у береговъ малой Азіи, былъ снова приведенъ въ бездѣйствіе: ибо Тиссафернъ, недовольный сближеніемъ пелопоннессцевъ съ Фарнабазомъ, опять прекратилъ выдачу жалованья флоту. Посланныя же въ Геллеспонтъ 40 пелопоннесскихъ триремъ были разсѣяны бурей, и къ пелопоннесскому союзу присоединилась только одна Византія. За то другой пелопоннесскій флотъ разбилъ при островѣ Эвбеѣ 36 аѣинскихъ триремъ, слѣдствіемъ чего были: присоединеніе Эвбеи къ пелопоннесскому союзу, возстановленіе въ Аѣинахъ по прежнему демократическаго образа правленія, призваніе Алкивіада и утвержденіе его въ званіи верховнаго предводителя вооруженныхъ силъ республики (411 г.).

Съ этого времени въ продолженіе четырехъ лѣтъ (411—408), составляющихъ блистательный періодъ начальствованія Алкивіада, оружіе аѣинянъ снова, но въ послѣдній разъ, вѣнчалось важными успѣхами, которыми Аѣины были обязаны почти исключительно Алкивіаду. Первымъ была побѣда, одержанная при Абидосѣ аѣинскимъ флотомъ, подъ начальствомъ Θрасивула и Θрасилла, надъ пелопоннесскимъ, направившимся, подъ начальствомъ Миндара, отъ Милета въ Геллеспонтъ для совокупнаго дѣйствія съ Фарнабазомъ (411 г.). Вторично разбитый близъ береговъ древней

Троады всѣмъ аѳинскимъ флотомъ, собравшимся при Сестосѣ, пелопоннесскій флотъ удалился къ Кизику и тамъ соединился съ сухопутнымъ войскомъ Фарнабаза (411 г.). Алкивіадъ, усматривая необходимость самыхъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ и дѣйствій, ибо всѣ источники аѳинскихъ доходовъ уже были почти совершенно истощены либо утрачены, направился съ 86-ю триремами прямо къ Кизику и здѣсь нанесъ, на морѣ — пелопоннесскому флоту, а на сухомъ пути — войску Фарнабаза, рѣшительное пораженіе и овладѣлъ всѣмъ непріятельскимъ флотомъ (въ концѣ (410 г.)).

Эти три побѣды, особливо послѣдняя, доставили аѳинянамъ значительный перевѣсъ надъ пелопоннессцами, поставленными, потерю флота, въ самое трудное и опасное положеніе. За побѣдою при Кизикѣ послѣдовали одинъ за другимъ новые успѣхи аѳинянъ. Занявъ и укрѣпивъ Лампсакъ, Алкивіадъ разбилъ близъ Абидоса, на сухомъ пути, Фарнабаза, и зимою 410 — 409 г. свершилъ нѣсколько удачныхъ и полезныхъ для аѳинянъ, разорительныхъ для жителей края, набѣговъ во внутренность областей Фарнабаза. Въ 408 году онъ обратилъ главныя усилія свои противъ Халкидона и Византіи, дабы отнять у пелопоннессцевъ средства препятствовать аѳинянамъ въ сборѣ торговыхъ пошлинъ въ Геллеспонтѣ, Босфорѣ и Евксинскомъ понтѣ. Осадивъ Халкидонъ, онъ отразилъ поспѣшившаго на помощь этому городу Фарнабаза, заключилъ съ нимъ мирный договоръ и осадилъ Византію. Приверженцы аѳинянъ въ Византіи передали имъ этотъ важный для нихъ городъ, и затѣмъ Алкивіадъ, покоривъ обратно всѣ греческія поселенія въ Геллеспонтѣ и Θракіи, воротился въ Аѳины, гдѣ былъ принятъ, какъ побѣдитель, съ большимъ торжествомъ (408 г.).

§ 59.

Послѣдніе три года войны (407—404).

Съ 407 года война приняла рѣшительный оборотъ въ пользу Спарты и пелопоннесскаго союза. Главными причинами тому были два единовременныя назначенія: персидскимъ царемъ Даріемъ II —

младшего своего сына, Кира, правителемъ областей малой Азіи до р. Галиса, — а Спартою — Лизандра предводителемъ новаго пелопоннесскаго флота. Киръ, еще молодой, уже отличался высокими государственными дарованіями и отличными качествами души, — а въ Лизандрѣ Спарта приобрѣла полководца, равнаго которому не имѣла со времени смерти Бразида и который могъ достойно стать на ряду съ этимъ послѣднимъ. Тѣсная дружба соединила Кира съ Лизандромъ: Спарта и пелопоннесскій союзъ приобрѣли въ Кирѣ и персахъ вѣрныхъ союзниковъ и получили отъ нихъ достаточныя денежныя средства для содержанія своего флота и дѣятельнѣйшаго веденія войны.

Аѣинамъ угрожала величайшая опасность, и Алкивіадъ рѣшился, для спасенія ихъ, снова прибѣгнуть къ мѣрамъ быстрымъ и рѣшительнымъ. Весною 407 года онъ отплылъ изъ Аѣинъ съ 100 триремами и, покоривъ обратно отложившійся островъ Андросъ, направился къ мысу Нотію, близъ Ефеса, при которомъ Лизандръ собралъ уже въ это время 90 триремъ. Оставивъ аѣинскій флотъ при мысѣ Нотіѣ подъ начальствомъ Антиоха, съ строгимъ запрещеніемъ вступать въ общую битву съ непріятельскимъ флотомъ, — Алкивіадъ отправился лично на эолійскій берегъ для того, какъ говоритъ Ксенофонтъ, чтобы условиться съ Θраспвуломъ, укрѣпившимъ тамъ городъ Фокею, касательно дальнѣйшихъ мѣръ. Но эта причина неудовлетворительна и должно предполагать, что была какая нибудь другая, тайная. По удаленіи Алкивіада, Антиохъ имѣлъ неосторожность завязать частный бой, который, вскорѣ превратясь въ общую битву, кончился пораженіемъ аѣинскаго флота, бѣгствомъ его къ Самосу и взятіемъ 15-ти аѣинскихъ триремъ (407 г.).

Эта побѣда имѣла чрезвычайно важныя слѣдствія. Враги Алкивіада обвинили его передъ народомъ, который приговорилъ его къ изгнанію и назначилъ на его мѣсто 10 стратиговъ, въ томъ числѣ Θрасилла и знаменитаго въ послѣдствіи Конона. Кононъ получилъ главное начальство надъ флотомъ, спасшимся къ Самосу, и въ то же время мѣсто Лизандра (годовое начальствованіе котораго кончилось) заступилъ Калликратидъ. Эти два одновременныя

назначенія снова, хотя и не надолго, дали войнѣ оборотъ въ пользу аѣинянъ. Калликратидъ, суровый, правдивый, мужественный и храбрый спартанецъ въ духѣ первобытныхъ временъ Спарты, не былъ однако же ни искуснымъ политикомъ, ни хорошимъ полководцемъ. Онъ не умѣлъ снискать со стороны Кира того расположенія, которымъ пользовался Лизандръ — и флотъ пелопоннесскій, хотя и усиленный до числа 170 триремъ, но не получавшій отъ персовъ жалованья, являлъ менѣе дѣятельности, нежели при Лизандрѣ. Кононъ, напротивъ, отличался военными дарованіями. Самая первая его мѣра была весьма благоразумна: чтобы содержать флотъ съ меньшими издержками, дѣйствовать же съ большими свободою и быстротою, онъ уменьшилъ число триремъ до 70-ти, но избралъ лучшія и посадилъ на нихъ отборнѣйшихъ людей въ полномъ составѣ. Первые дѣйствія его были однакоже неудачны. Калликратидъ, взявшій приступомъ городъ Мееимнъ на Лесбосѣ, преслѣдовалъ Конона, плывшаго мимо этого острова, разбилъ его въ гавани Митилена и обложилъ въ ней съ моря, а самый городъ Митилень — съ сухаго пути. Кононъ успѣлъ однакоже дать знать о томъ въ Аѣины. При всемъ истощеніи своемъ, Аѣинская республика въ 30 дней времени вооружила 110 новыхъ триремъ и болѣе 20.000 чел. на нихъ, и подъ предводительствомъ 8-ми стратиговъ изъ числа 10-ти (Кононъ съ однимъ стратигомъ былъ обложенъ въ Митиленѣ) послала ихъ къ Лесбосу. Усилясь при Самосѣ до числа 150 триремъ, стратиги направилась къ Лесбосу. Узнавъ о томъ, Калликратидъ оставилъ Этеоника съ 50 триремами для обложенія Конона и Митилена, а самъ съ 120-ю триремами обратился противъ аѣинскаго флота. При островахъ Аргинузскихъ (между Лесбосомъ и берегомъ малой Азіи) произошла жаркая битва, въ которой пелопоннесскій флотъ потерпѣлъ совершенное пораженіе и потерялъ болѣе 70-ти триремъ и 10-ти тысячъ убитыхъ, потонувшихъ и взятыхъ въ плѣнъ (406 г.). Въ числѣ потонувшихъ находился и самъ Калликратидъ. Остатки флота спаслись къ Хиосу. Этеоникъ немедленно снялъ обложеніе Митилена и удалился также къ Хиосу; а Кононъ соединился съ аѣинскимъ флотомъ. Но дорого стоила побѣда этому послѣднему:

многія триремы его потонули, либо были сильно повреждены. Жестокая буря не позволила подать надлежащей помощи поврежденнымъ и изъ нихъ 12 со всѣми находившимися на нихъ людьми погибли. Это послужило демагогамъ и демократамъ въ Аѣинахъ поводомъ къ обвиненію стратиговъ, изъ зависти къ нимъ, въ небрежности и неисполненіи ими своихъ обязанностей. Изъ нихъ 6 подверглись самому пристрастному и несправедливому суду и были казнены.

Побѣда при островахъ Аргинузскихъ поставила пелопоннесскій флотъ въ крайнее положеніе: не получая отъ персовъ денежныхъ пособій, онъ былъ приведенъ въ бездѣйствіе и сверхъ того терпѣлъ голодъ. Къ счастью для Спарты, правительство ея, по настоятельнымъ просьбамъ Кира, флота и союзниковъ спартанскихъ, ввѣрило начальствованіе надъ флотомъ снова Лизандру, въ видѣ исключенія въ тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: ибо, по законамъ Спарты, одно и то же лицо не могло дважды начальствовать флотомъ. Немедленно дѣла приняли другой оборотъ. Лизандръ собралъ весь флотъ при Ефесѣ, исправилъ его и раздачею изъ казны Кировой жалованья снискалъ общія любовь и преданность, и возбудилъ во всѣхъ чрезвычайныя рвенія и дѣятельность. Вскорѣ сдѣлавъ пелопоннесскій флотъ почти равносильнымъ аѣинскому, онъ рѣшился дѣйствовать наступательно противъ подвластнымъ Аѣинамъ городовъ и владѣній, доходы которыхъ служили аѣинянамъ единственными и послѣдними средствами для содержанія флота;—съ самимъ же аѣинскимъ флотомъ положилъ избѣгать общей битвы. Взявъ приступомъ Кедрѣю и Лампсакъ, на берегахъ малой Азіи, и въ нихъ богатую добычу, онъ сосредоточилъ весь свой флотъ при послѣднемъ изъ этихъ двухъ городовъ. Между тѣмъ, какъ пользуясь денежными пособиями персовъ, онъ имѣлъ полную свободу дѣйствовать по произволу,—содержаніе аѣинскаго флота, ничѣмъ не обезпеченное, при безсиліи правительства и внутреннихъ раздорахъ и смутахъ въ Аѣинахъ, связывало напротивъ всѣ дѣйствія Конона и прочихъ аѣинскихъ стратиговъ и не позволяло имъ предпринимать ничего важнаго. Но бездѣйствіе въ этихъ обстоятельствахъ было еще опас-

иѣ, и стратиги, положивъ вступить съ пелопоннесскимъ флотомъ въ рѣшительную битву, направились съ 108-ю триремами къ Сестосу. Расположась станомъ близъ него, при Эгосъ-Потамосѣ, насупротивъ Лампсака, они вскорѣ въ боевомъ порядкѣ направились противъ пелопоннесскаго флота. — Лизандръ, построивъ послѣдній въ боевой порядокъ, неподвижно ждалъ нападенія аѣинянъ. Но, не желая или не отваживаясь первые начинать битву, они удалились къ Эгосъ-Потамосу, вышли на берегъ подъ предлогомъ снабженія себя продовольствіемъ въ Сестосѣ, разсѣялись по всѣмъ направленіямъ и предались грабежу. Къ утру же они воротились на флотъ, снова въ боевомъ порядкѣ поплыли противъ пелопоннесскаго флота, и снова по тѣмъ же причинамъ, что и наканунѣ, воротились къ Эгосъ-Потамосу и разсѣялись на берегу. Такъ продолжали поступать и аѣиняне, и Лизандръ четыре дня сряду. Изъ нихъ послѣдній имѣлъ въ виду этимъ средствомъ внушить аѣинянамъ увѣренность, что пелопоннесскій флотъ не нападетъ на нихъ первый, и тѣмъ произвести съ ихъ стороны безпечность и оплошность. Тщетно Алкивіадъ, жившій по близости въ своихъ помѣстьяхъ, предвараля стратиговъ объ опасности расположенія флота при Эгосъ-Потамосѣ, гдѣ не было ни города, ни гавани, и совѣтовалъ расположить его при Сестосѣ, гдѣ ему и стоять, и сражаться было несравненно выгоднѣе, притомъ не распускать людей и быть во всегдашней готовности къ битвѣ. Стратиги не послушались его и были жестоко за то наказаны. На пятые сутки (въ декабрѣ 406-го года), въ то самое время, когда аѣиняне сошли на берегъ и разсѣялись на немъ, Лизандръ, съ своимъ пелопоннесскимъ флотомъ, въ боевомъ порядкѣ устремился прямо къ Эгосъ-Потамосу. Кононъ, не видя никакой возможности противодѣйствовать ему, поспѣшилъ съ 9-ю триремами удалиться въ Эгейское море, и спасся отъ мщенія аѣинянъ на островъ Кипръ. Весь же остальной затѣмъ аѣинскій флотъ (170 триремъ) былъ безъ труда взятъ Лизандромъ, а находившіеся на берегу аѣиняне частію спаслись въ сосѣдственные города и замки, большею же частію были, вмѣстѣ съ своими стратигами, принуждены сдаться, и изъ нихъ 3.000 аѣинскихъ гражданъ были немедленно казнены.

Побѣда при Эгосъ-Потамосѣ, лишивъ аѳинянь флота, нанесла аѳинской республикѣ послѣдній, рѣшительный ударъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ ея было то, что Византія, Халкидонъ, Митилень и всѣ безъ исключенія города въ Геллеспонтѣ, поселенія во Фракіи и острова въ Эгейскомъ морѣ, исключая Самоса, присоединились къ пелопоннесскому союзу, а въ слѣдующемъ 405-мъ году Аѳины были обложены, съ сухаго пути — многочисленнымъ пелопоннесскимъ войскомъ подъ предводительствомъ царей Агиса и Павзанія, а съ моря 150-ю пелопоннесскими триремами: подъ начальствомъ Лизандра.

Не имѣя болѣе ни союзниковъ, ни флота, ни достаточныхъ запасовъ продовольствія, волнуемые страхомъ и жестокими распрями и смутами, аѳиняне твердо рѣшились однакоже не сдаваться и употребили всевозможныя усилія для обороны Аѳинъ и замедленія конечной гибели своей, зная, какая участь ожидала ихъ. Но голодъ и болѣзни произвели между ними такую смертность, такъ уменьшили число ихъ и довели ихъ до такого крайняго положенія, что они наконецъ были вынуждены открыть переговоры о сдачѣ. Спартанцы съ намѣреніемъ чрезвычайно длили переговоры и тѣмъ вынудили аѳинянь, доведенныхъ до послѣдней крайности, согласиться на предписанныя имъ Спартою, тяжкія и унижительныя для нихъ условія. Въ концѣ апрѣля 404-го года заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго: 1) Аѳинской республикѣ сохранено политическое существованіе, а аѳинянамъ гражданская свобода, но послѣдніе должны были 2) имѣть не болѣе 12-ти триремъ, 3) разрушить длинныя стѣны, соединявшія Аѳины съ Пиреемъ, и укрѣпленія Пирея, — 4) возвратитъ гражданскія права всѣмъ изгнанникамъ и выходцамъ, — 5) имѣть однихъ друзей и враговъ съ Спартою и 6) употреблять войско и флотъ свои лишь по волѣ и назначенію Спарты. Въ началѣ мая 404-го года Агисъ занялъ стѣны Аѳинъ, а Лизандръ Пирей: укрѣпленія были разрушены, а верховная власть въ Аѳинахъ ввѣрена 30-ти олигархамъ. Затѣмъ Агисъ съ войскомъ удалился въ Пелопоннессъ, а Лизандръ съ флотомъ направился къ Самосу и вскорѣ принудилъ жителей его покориться.

Такъ кончилась 27 лѣтъ продолжавшаяся пелопоннесская война, вслѣдствіе совершеннаго истощенія силъ и средствъ аѣинской республики, безпорядковъ демократіи въ ней, личныхъ дарованій и искусства Ливандра и денежныхъ пособій Спартѣ персовъ.

§ 60.

Общій выводъ о пелопоннесской войнѣ.

Пелопоннесская война, столь важная по своимъ политическимъ цѣли и результатамъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи, какъ полнѣйшій образецъ внутреннихъ, междоусобныхъ греческихъ войнъ. Въ ней слились, такъ сказать, всѣ отдѣльныя черты ихъ и вполне выразилось все греческое искусство веденія войны.

Чтобы въ точности постигнуть характеръ ея, необходимо принять въ соображеніе всѣ тѣ многоразличныя причины и обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на веденіе оной. Сюда должно отнести: 1) географическое положеніе Греціи, при маломъ объемѣ, съ трехъ сторонъ окруженной моремъ и островами, — 2) гористыя, пересѣченныя свойства ея мѣстности, — 3) политическое раздробленіе ея на множество враждебныхъ между собою народовъ и республикъ, изъ коихъ каждый народъ имѣлъ свои особыя нравы и обычаи, каждая республика свои особыя устройство и учрежденія, — 4) разнообразіе, сложность и запутанность взаимныхъ политическихъ отношеній ихъ между собою, — 5) борьба политическихъ партій, въ особенности двухъ главныхъ, демократической и аристократической, недостатки и безпорядки народнаго правленія, — 6) личные дарованія и искусство, виды и побужденія правителей и полководцевъ, имѣвшихъ верховную власть или управлявшихъ войною, — 7) военное устройство греческихъ республикъ и составъ, устройство и самый образъ дѣйствій греческихъ войскъ, — 8) различные, особенныя обстоятельства, — и наконецъ 9) происходившее отъ всего этого чрезвычайное разнообразіе силъ и средствъ, видовъ и побужденій.

Естественными слѣдствіями вліянія всѣхъ этихъ разнородныхъ причинъ и обстоятельствъ на веденіе и характеръ войны вообще были нижеслѣдующія:

Ни та, ни другая сторона не могла дѣйствовать всею совокупностью своихъ силъ и рѣшительнымъ образомъ стремиться къ скорѣйшему достиженію главной политической цѣли, т. е. Аѣины — къ одолѣнію Спарты и пелопоннесскаго союза, а Спарта — къ воспрепятствованію тому и низложенію самихъ Аѣинъ. Необходимость принуждала обѣ стороны стремиться къ этой цѣли постояннымъ ослабленіемъ стороны противной и нанесеніемъ ей наибольшаго вреда всѣми возможными средствами, политическими и военными. Къ средствамъ политическимъ принадлежали: 1) отторженіе союзниковъ отъ стороны противной и привлеченіе ихъ на свою сторону, — 2) умноженіе числа собственныхъ приверженцевъ и враговъ противника, — и 3) поддержаніе и возбужденіе Аѣинами — демократической, а Спартою — аристократической партій. Къ военнымъ же средствамъ должно отнести: 1) нападеніе на союзниковъ противной стороны и 2) на собственные ея владѣнія. Изъ этого очевидно, какое необыкновенное, непрерывное и разнообразное вліяніе на войну и военныя дѣйствія долженствовала имѣть политика, какія чрезвычайныя должны были происходить раздробленіе силъ и дѣйствій, и недостатокъ единства, связи и постоянства въ этихъ послѣднихъ. И дѣйствительно, при каждомъ успѣхѣ и каждой неудачѣ, при каждой перемѣнѣ правительственныхъ лицъ, прихоти или торжествѣ той или другой партіи, измѣнялись и побужденія, и виды, и предначертанія дѣйствій. Война, обнимавшая не только всю Грецію съ окружающими ее морями и островами, но и поселенія ея, даже въ странахъ и моряхъ отдаленныхъ, раздробилась на безконечное множество малыхъ, частныхъ, отдѣльныхъ военныхъ дѣйствій на сухомъ пути и морѣ. Дѣйствія эти состояли почти исключительно изъ наступательныхъ предпріятій (экспедицій), имѣвшихъ характеръ набѣговъ. Каждое изъ нихъ было устремляемо не къ скорѣйшему достиженію главной политической цѣли войны, но, по необходимости, къ какимъ-либо частнымъ или побочнымъ цѣлямъ, къ нанесенію противнику частнаго вреда или пріобрѣтенія

какихъ-либо частныхъ выгодъ. Иногда они имѣли также цѣлю развлеченіе силъ и вниманія противника, или отвлеченіе ихъ отъ одного пункта къ другому. Военныя дѣйствія происходили преимущественно, въ первой половинѣ войны, со стороны Спарты и пелопоннесскаго союза—на твердой землѣ, а со стороны Аѣинъ—на морѣ, во второй же половинѣ войны — съ обѣихъ сторонъ на морѣ, на которомъ рѣшена и самая война. Дѣйствія сухопутныя и морскія были, въ этой войнѣ, въ особенности тѣсно связаны одни съ другими. Отличительною чертою частныхъ военныхъ предпріятій были дѣйствія малой войны малыми арміями и отрядами. По этому стычки, дѣла и частный бой происходили довольно часто, но большихъ битвъ было мало (не болѣе 6-ти), и изъ тѣхъ ни одна, исключая Эгосъ - Потамосской, не была вполне рѣшительною. Напротивъ, обложенія и осады городовъ, иногда весьма продолжительныя, встрѣчаются довольно часто.

Такимъ образомъ вообще пелопоннесскую войну можно разсматривать въ смыслѣ малой войны, веденной на большомъ пространствѣ и въ болѣе или менѣе обширныхъ объемѣ и размѣрахъ, и въ которой первенствующее вліяніе на военныя дѣйствія имѣла политика. Таковъ былъ, болѣе или менѣе, характеръ и всѣхъ вообще внутреннихъ, междуусобныхъ греческихъ войнъ.

Къ характеристикѣ пелопоннесской войны должно присовокупить еще, что по причинѣ чрезвычайнаго, взаимнаго политическаго ожесточенія грековъ въ ней, она ведена была съ большею еще жестокостію въ отношеніи къ краю и жителямъ, къ побѣжденнымъ и плѣннымъ, нежели обыкновенныя междуусобныя греческія войны.

Особеннаго вниманія въ пелопоннесской войнѣ заслуживаетъ также чрезвычайное вліяніе на ходъ и успѣхъ военныхъ дѣйствій и цѣлой войны — личныхъ дарованій и искусства нѣкоторыхъ государственныхъ людей и полководцевъ, какъ напримѣръ: Перикла, Демосѣена, Бразида, Гилиппа и Лизандра, или честолюбцевъ, подобныхъ Клеону и Алкивіаду, или же людей, столь осторожныхъ и нерѣшительныхъ, какъ Никій.

Въ заключеніе должно сказать, что тѣже причины и обстоя-

тельства, которыя сообщили пелопоннесской войнѣ изображенный выше характеръ, имѣли весьма естественнымъ слѣдствіемъ также и 27-ми-лѣтнюю продолжительность ея. Безъ означенныхъ выше обстоятельствъ, ускорившихъ окончаніе ея, война эта могла бы продлиться еще гораздо долѣе и, можетъ быть, повести къ конечной гибели Греціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВОЗСТАНИЕ КИРА МЛАДШАГО И ОТСТУПЛЕНИЕ 10.000 ГРЕКОВЪ (401 — 400).

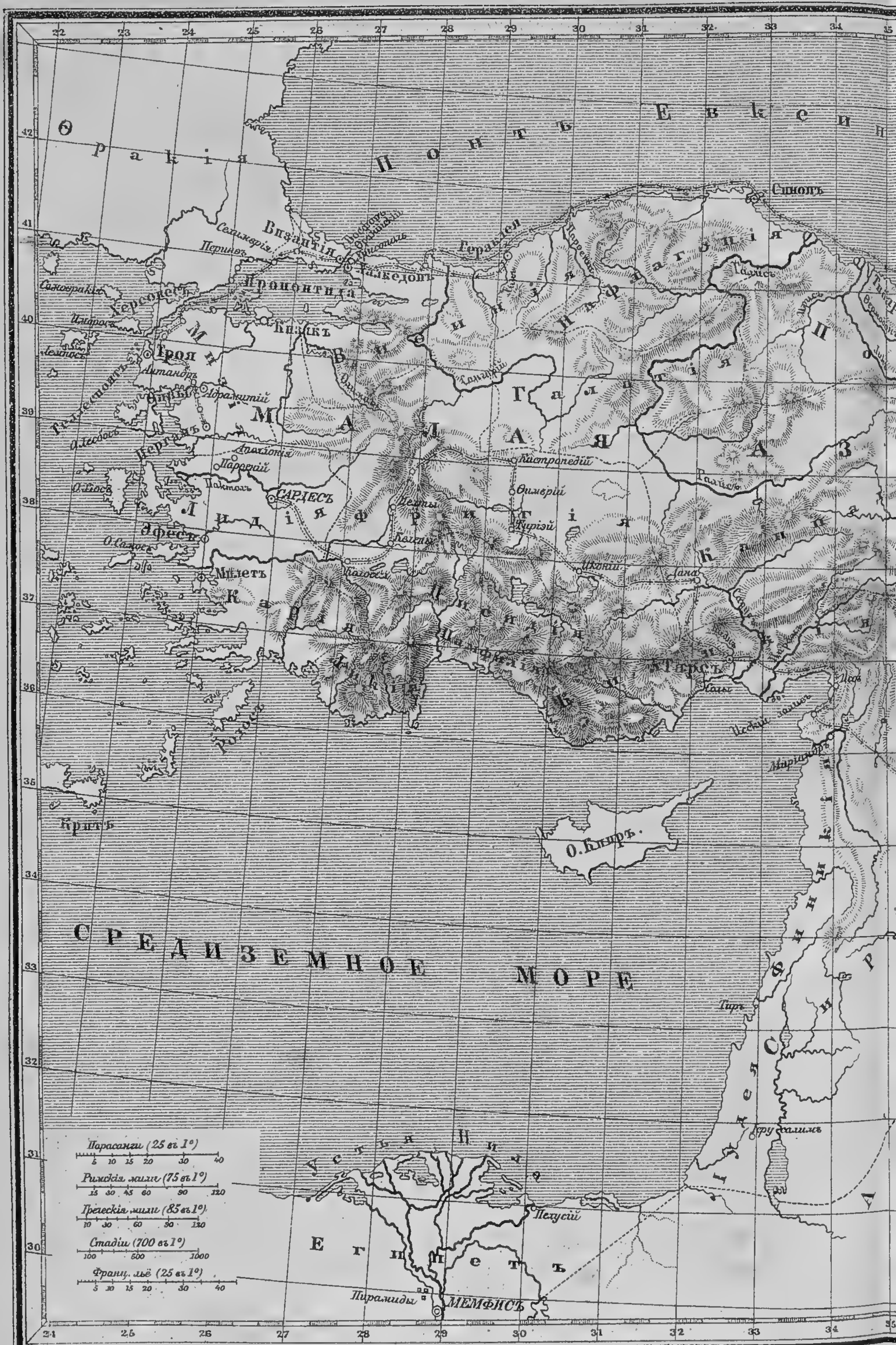
§ 61. Возстаніе Кира Младшаго (401). — Походъ его къ Вавилону. — Битва при Кунаксѣ. — § 62. Отступленіе 10.000 грековъ (401 — 400). — Отступленіе до рѣки Забата. — § 63. Отступленіе отъ Забата до Кентрита. — § 64. Походъ отъ Кентрита до Трапезунта. — § 65. Походъ отъ Трапезунта до Хрисополя и дѣйствія во Фракіи. — § 66. Заключеніе.

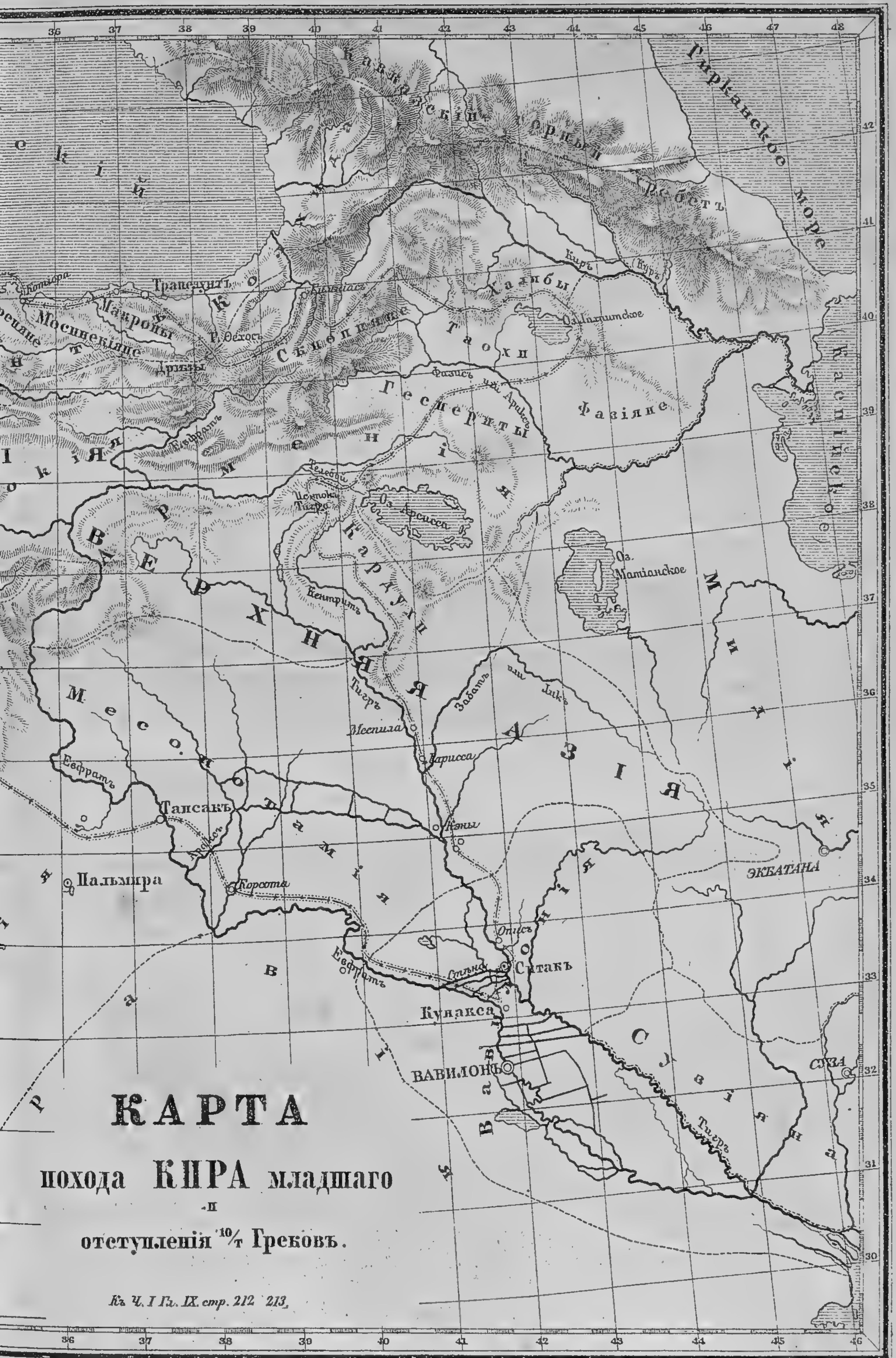
Источники: Ксенофонта Анабазисъ и указанные выше.

§ 61.

Возстаніе Кира младшаго (401). Походъ его къ Вавилону. —
Битва при Кунаксѣ.

Второй сынъ персидскаго царя Дарія II, Киръ (носящій въ исторіи прозваніе младшаго, въ отличіе отъ Кира старшаго, основателя персидскаго государства) замыслилъ по смерти отца своего завладѣть, при содѣйствіи Спарты и грековъ и помощію греческихъ наемныхъ войскъ — персидскимъ престоломъ, предназначеннымъ старшему сыну Дарія, Артаксерксу. Главную надежду свою въ этомъ онъ полагалъ на рѣшительное превосходство греческихъ войскъ надъ азійскими. Съ этою цѣлію, сверхъ содѣйствія Спартѣ въ пелопоннесской войнѣ, онъ всѣми средствами старался снискать пріязнь и дружбу знатныхъ греческихъ выходцевъ и вообще грековъ, и привлечь ихъ на свою сторону. И едва, въ томъ же году, въ которомъ прекратилась пелопоннесская война (404), Дарій умеръ, а Артаксерксъ II вступилъ на престолъ, какъ Киръ началъ подъ разными предлогами усиливать находившіяся подъ его начальствомъ войска наборами въ малой Азіи и Греціи.

КАРТА

похода КИРА младшего

II

отступленія 10-т Грековъ.

Къ Ч. I Гл. IX. стр. 212 213.

Главное вниманіе его было обращено на наборы въ Греціи, къ нимъ приложены были всѣ его старанія и попеченія. И въ этомъ, сверхъ средствъ, употребленныхъ имъ передъ тѣмъ для снисканія пріязни грековъ, самыя обстоятельства особенно благопріятствовали ему. Въ Греціи, послѣ продолжительной пелопоннесской войны, во множествѣ явились люди, изъ высшаго и низшаго сословія безъ различія, которые, пристрастившись къ военному ремеслу, не хотѣли болѣе возвращаться къ мирнымъ занятіямъ и охотно готовы были служить наемниками кому бы то ни было, лишь бы получать хорошее жалованье. Спарта же, изъ признательности къ Киру, дозволила ему производить въ Греціи наборы наемниковъ и сверхъ того позже поставила въ его распоряженіе пелопоннесскій флотъ, находившійся у береговъ малой Азіи. Такимъ образомъ чрезъ два года (403 — 402) Киръ имѣлъ уже около 13.000 греческихъ наемныхъ войскъ (11.000 оплитовъ и около 2.000 псильовъ), около 100.000 азіатскихъ войскъ, большею частію конныхъ, и флотъ изъ 60-ти триремъ (25-ти финикійскихъ и 35-ти пелопоннесскихъ). Греческіе наемники составляли 8 отдѣльныхъ дружинъ подъ начальствомъ 8-ми набравшихъ ихъ, знатныхъ предводителей, родомъ изъ различныхъ областей и поселеній греческихъ. Всѣ они, по греческому обычаю, имѣли равную власть; но спартанецъ Клеархъ былъ, можно сказать, главнымъ и первенствующимъ между ними по отличнымъ своимъ дарованіямъ, твердому и рѣшительному характеру и неограниченному къ нему довѣрію Кира.

Весною 401 года Киръ, подъ предлогомъ изгнанія безпокойныхъ писидянъ изъ малой Азіи, двинулся съ сухопутнымъ войскомъ отъ Сардеса къ предѣламъ Писидіи. Въ то же время флотъ направился къ берегамъ Киликіи. Но перейдя чрезъ рѣку Мэандръ, Киръ не вступилъ въ Писидію, а обошелъ ее съ сѣвера чрезъ Келэны и Иконій въ Фригіи и Тіану въ Каппадокію, безъ сопротивленія перешелъ чрезъ горный хребетъ, отдѣлявшій Каппадокію отъ Киликіи, и прибылъ въ главный городъ этой послѣдней области, Тарсъ. Здѣсь наемные греки, видя, что Писидія уже далеко въ тылу, отказались идти далѣе на востокъ. Отказъ ихъ былъ

весьма чувствителенъ для Кира, на нихъ единственно возлагавшаго всю свою надежду. Поэтому всѣ возможные средства убѣжденія и ласкательствъ были употреблены имъ, чтобы склонить грековъ къ послѣдованію за нимъ, въ чемъ наконецъ онъ и успѣлъ, обѣщавъ увеличить имъ жалованье. Затѣмъ онъ продолжалъ движеніе отъ Тарса къ Исскому заливу, прошелъ чрезъ Сирійскія врата (проходъ изъ Киликіи въ Сирію между горнымъ хребтомъ Тавра и Искимъ заливомъ) безпрепятственно, ибо персидскій сатрапъ Сиріи, Аброкомъ, со всѣми своими азіатскими войсками удалился къ Вавилону, на соединеніе съ Артаксерксомъ, уже готовившимся къ отраженію Кира. Въ Иссѣ Киръ вошелъ въ сообщеніе съ флотомъ своимъ и былъ усиленъ вновь прибывшими 1.100 наемными греческими оплитами, такъ что всего наемныхъ грековъ у него было уже около 14.100 человекъ (12.100 оплитовъ и около 2.000 псировъ), подъ начальствомъ 5-ти главныхъ предводителей, первенствующимъ между которыми по прежнему былъ Клеархъ. Изъ Исса Киръ продолжалъ движеніе къ югу по берегу залива до Миріандра, но отсюда обратился на востокъ къ Тапсаку на Евфратъ — обыкновенному пункту переправы чрезъ эту рѣку на пути изъ малой Азіи въ среднюю и обратно. Здѣсь Киръ уже открыто объявилъ грекамъ истинную цѣль похода, т. е. движеніе къ Вавилону противъ Артаксеркса. Греческіе наемники взбунтовались и рѣшительно отказались идти далѣе. Увѣщанія Клеарха и другихъ предводителей, убѣдительныя просьбы Кира и обѣщаніе его щедро наградить грековъ по прибытіи ихъ въ Вавилонъ и при обратномъ отправленіи ихъ въ Грецію, склонили ихъ однакоже къ дальнѣйшему движенію. Все войско перешло чрезъ Евфратъ въ бродъ (вода въ этой рѣкѣ, по счастію, была въ это время очень низка) и затѣмъ двинулось внизъ по лѣвой сторонѣ Евфрата, въ бѣльшемъ или меньшемъ удаленіи отъ берега. По 27-ми-дневномъ походѣ чрезъ пустынную и безплодную часть Мессопотаміи, въ продолженіе котораго крайне нуждалось въ продовольствіи, оно вступило наконецъ въ плодородную часть ея, а вскорѣ затѣмъ (въ концѣ іюля или въ началѣ августа) и въ предѣлы Вавилоніи, пройдя

такимъ образомъ отъ Сардеса, по исчисленію Ксенофонта, около 535-ти персидскихъ парасангъ или 16.050-ти греческихъ стадій (что составляетъ около 2.809-ти верстъ) въ 93 перехода (и съ большими или меньшими остановками въ разныхъ мѣстахъ) — въ $4\frac{1}{2}$ или 5 мѣсяцевъ.

На четвертые сутки похода въ Вавилоніи переметчики извѣстили Кира о приближеніи Артаксеркса съ многочисленнымъ войскомъ. Киръ, объявивъ грекамъ, что вполне надѣется на ихъ храбрость и превосходство надъ неустроенными толпами азіатцевъ, увѣщаль ихъ явить все, свойственное грекамъ мужество, не страшась ни многочисленности враговъ, ни ихъ стремительнаго, шумнаго, безпорядочнаго нападенія. Затѣмъ онъ построилъ войско свое въ боевой порядокъ такимъ образомъ, что греки (которыхъ уже было только 12.800 человекъ — именно 10.400 оплитовъ и 2.400 псильовъ) составляли правое, а азіатскія войска (въ числѣ около 100.000 человекъ подъ начальствомъ знатнаго перса Аріэя) лѣвое крыло. Въ этомъ порядкѣ онъ двинулся впередъ: къ вечеру, черезъ переходъ, встрѣченъ былъ длинный и глубокій каналъ, прорытый, по приказанію Артаксеркса, для задержанія Кирова войска: вода въ него была проведена изъ Тигра, въ этомъ мѣстѣ наиболѣе сближавшагося съ Евфратомъ. Каналъ былъ однакоже покинутъ непріателемъ, что повело къ заключенію, что Артаксерксъ отступилъ, уклоняясь отъ битвы, и было причиною, что на слѣдующій день войско Кира продолжало идти впередъ уже съ меньшею осторожностью и даже въ безпорядкѣ. Но въ то самое время, когда оно приближалось къ мѣсту расположенія на ночь станомъ, получено было извѣстіе о приближеніи Артаксеркса въ боевомъ порядкѣ. Киръ едва успѣлъ изготовить свое войско къ битвѣ. Греки на правомъ крылѣ примкнули правымъ флангомъ къ лѣвому берегу Евфрата, а азіатскія войска на лѣвомъ крылѣ — къ лѣвому флангу грековъ. На правомъ флангѣ греческихъ оплитовъ были поставлены греческіе псилы и около 1.000 человекъ пафлагонской конницы. Самъ Киръ, на конѣ, окруженный 600-ми знатными, тяжело вооруженными всадниками, сталъ въ срединѣ всего войска, а впереди азіатскихъ войскъ были расположены

имѣвшіяся у Кира военныя колесницы, всего только въ числѣ 20-ти. День уже склонялся къ вечеру, когда наконецъ въ боевомъ порядкѣ и величайшей тишинѣ приблизилось войско Артаксеркса. Силы его, по показаніямъ (вѣроятно крайне преувеличеннымъ) переметчиковъ, простирались до 900.000 человѣкъ и состояли болѣею частію изъ конницы. При нихъ было 150 военныхъ колесницъ, вооруженныхъ косами. Войско Артаксеркса занимало протяженіе фронта столь обширное, что середина его находилась противъ оконечности лѣваго крыла Кирова войска и даже далѣе. Лѣвымъ крыломъ, насупротивъ грековъ, начальствовалъ Тиссафернъ, хорошо знавшій тактику ихъ. Всѣ вообще Артаксерксовы войска были раздѣлены по племенамъ и народамъ, и построены въ большія сомкнутыя массы. Впереди находились военныя колесницы, а въ срединѣ — самъ Артаксерксъ на конѣ, окруженный сановниками двора своего и отборною, 6-ти тысячною, конною дружиною тѣлохранителей. На этотъ именно важнѣйшій пунктъ непріятельскаго боевого расположенія Киръ и хотѣлъ съ самаго начала устремить грековъ (вѣроятно переведя ихъ для этого съ праваго фланга на лѣвый, о чемъ Ксенофонтъ однакоже умалчиваетъ), ибо былъ увѣренъ, что, опрокинувъ и разбивъ центръ Артаксеркова войска, одержитъ побѣду. Но Клеархъ, опасаясь быть окруженнымъ, не хотѣлъ покидать своего мѣста и предпочелъ дѣйствовать противъ лѣваго непріятельскаго крыла, постоянно примыкая правымъ флангомъ къ Евфрату. Вслѣдствіе того, коль скоро Артаксерксово войско сблизилось съ Кировымъ, греческіе оплиты, построенные флангой, двинулись впередъ мѣрнымъ, постепенно-ускоряемымъ шагомъ. При видѣ стройнаго наступленія этой плотной, грозной массы, державшей огромныя копья свои на перевѣсѣ, ужасъ объялъ войска лѣваго Артаксеркова крыла, и не выждавъ удара грековъ, всѣ они, за исключеніемъ Тиссаферна съ конницею, бросились стремглавъ бѣжать. Возничіе военныхъ колесницъ также бѣжали; покинутыя же ими колесницы были устремлены лошадьми, одиѣ — противъ грековъ, которымъ не причинили однакоже никакого вреда, потому что греки разступились и пропустили ихъ, а другія — назадъ противъ собственныхъ войскъ, чѣмъ еще бо-

лѣе увеличили беспорядокъ въ нихъ и нанесли имъ большой уронъ. Греки, не потерявъ ни одного человѣка, преслѣдовали бѣжавшихъ. Тиссафернъ, отрѣзанный отъ Артаксеркса, рѣшился прорваться съ конницею сквозь псильовъ, между оплитами и Евфратомъ, и соединиться съ Артаксерксомъ. Онъ успѣлъ въ этомъ, но съ большимъ урономъ: ибо псилы разступились и пропустили мчавшуюся мимо ихъ персидскую конницу, производя по ней жестокую стрѣльбу изъ луковъ.

Между тѣмъ центръ и правое крыло Артаксерксова войска начали охватывать лѣвое Кирова крыло. Усмотрѣвъ это, Киръ съ окружающими его всадниками устремился прямо противъ Артаксеркса, опрокинулъ и разсѣялъ шедшую впереди его 6-ти-тысячную конную дружину, и въ то время, какъ почти всѣ бывшіе съ Киромъ всадники преслѣдовали бѣжавшихъ, самъ Киръ, съ небольшимъ лишь числомъ оставшихся при немъ, бросился на Артаксеркса, окруженнаго также немногими царедворцами, и ранилъ его копьемъ въ грудь, но вслѣдъ затѣмъ самъ былъ смертельно раненъ. Смерть его послужила знакомъ къ немедленному бѣгству Аріэя и всѣхъ азійскихъ войскъ Кира къ позади расположенному стану, откуда они, не останавливаясь, бѣжали еще гораздо далѣе. Центръ и правое крыло Артаксерксова войска преслѣдовали ихъ, разграбили станъ ихъ, напали также и на станъ грековъ, но были отражены оставленною въ немъ стражею.

Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ лѣвыя крыла бѣжали, а правыя увлеклись преслѣдованіемъ ихъ и удалились одно отъ другого на разстояніе около 30-ти стадій ($5\frac{1}{4}$ верстъ), — но вскорѣ однакоже обратились назадъ одно на встрѣчу другому. Сблизясь съ греками, войска Артаксеркса уклонились отъ нихъ влѣво, что принудило грековъ стать тыломъ къ Евфрату, дабы не быть охваченными и окруженными. Войска Артаксерковы расположились фронтомъ къ грекамъ, но оставались въ бездѣйствіи, не отваживаясь напасть на нихъ. Видя это, греки смѣло и рѣшительно двинулись впередъ — и Артаксерковы войска, не выждавъ нападенія, обратились въ бѣгство.

§ 62.

Отступление 10.000 грековъ (401 — 400). Отступление до рѣки Забата.

Не смотря на все превосходство свое надъ персами и на одержанную надъ ними побѣду, греки со смертію Кира, казалось, были обречены на вѣрную гибель. Эта горсть людей, брошенная далеко отъ Греціи въ глубину Азіи, окруженная многочисленными и злобными врагами, предоставленная собственнымъ силамъ и средствамъ, должна была или положить оружіе, или совершить необычайно дальнее, трудное и опасное отступление въ Грецію, преодолѣть неимовѣрныя препятствія и затрудненія со стороны природы и жителей, на каждомъ шагу сражаться, непрерывно нуждаться во всемъ необходимомъ для существованія и, можетъ быть, даже погибнуть отъ трудовъ, оружія враговъ или голода. Но греки предпочли труды и опасности отступления—безчестію и стыду сдачи, отвергли требованіе Артаксеркса, чтобы они положили оружіе — и затѣмъ рѣшились немедленно отступать въ малую Азію вмѣстѣ съ войсками Аріэя. И таковъ былъ страхъ, внушаемый ими персамъ, что Артаксерксъ не отважился напасть на нихъ и одолѣть ихъ силою, но прибѣгнулъ къ хитрости. Тиссафернъ вызвался взять грековъ въ плѣнъ живыми и принудить ихъ вступить въ службу Артаксеркса. Для этого онъ хотѣлъ: во 1-хъ заманить ихъ на лѣвый берегъ Тигра, во 2-хъ лишить ихъ главныхъ предводителей, захвативъ послѣднихъ въ плѣнъ хитростію, — и наконецъ, въ 3-хъ, припереть ихъ къ кардухійскимъ горамъ на лѣвомъ берегу Тигра, и тамъ, гдѣ имъ ни чрезъ Тигръ, ни чрезъ горы пройти было невозможно, принудить ихъ къ безусловной сдачѣ. Онъ твердо былъ увѣренъ, что греческое войско, лишенное своихъ предводителей, придетъ въ разстройство, упадетъ духомъ и будетъ уже въ половину побѣждено. Мѣстность же на лѣвой сторонѣ Тигра, помощію которой онъ хотѣлъ до-

стигнуть своей цѣли, имѣла нижеслѣдующій видъ: отъ того мѣста, гдѣ Тигръ наиболѣе сближается съ Евфратомъ, вверхъ по лѣвому берегу первой изъ этихъ двухъ рѣкъ, на разстояніи около 70-ти географическихъ миль (490 верстъ), страна была большею частію ровная и открытая. Но далѣе къ сѣверу Тигръ протекалъ между высокими, неудобопроходимыми горами, на правомъ берегу — мазійскими, и на лѣвомъ гордіенскими или кардухійскими. Послѣднія назывались такъ по обитавшему въ нихъ дикому, независимому, воинственному и отмѣнно храброму племени Гордіеняцъ или Кардуховъ, находившихся въ непрерывной войнѣ съ персами. Кардухійскія горы, простираясь отъ Тигра на востокъ на 10 или 15 географическихъ миль, до озера Арсиссы, возвышались, на лѣвомъ берегу Тигра, отвѣсными скалами такъ, что между ними и рѣкою не оставалось для прохода даже малой тропинки; самая же рѣка, стѣсненная съ обѣихъ сторонъ горами, имѣла въ этомъ мѣстѣ большую глубину и весьма сильное теченіе. Въ длину, вверхъ по теченію Тигра, кардухійскія горы простирались также на разстояніи около 16-ти географическихъ миль и съ сѣвера ограничивались рѣчкою Кентритомъ, истекавшею по близости озера Арсиссы, направлявшеюся отъ с. в. на ю. з. и изливавшеюся въ Тигръ съ лѣвой стороны. По правую сторону Кентрита до горнаго хребта Тавра простирались обширныя равнины торговой и богатой Арменіи. И такъ Тиссафернъ хотѣлъ припереть грековъ къ кардухійскимъ горамъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ упирались въ Тигръ.

Начало Тиссафернова плана было увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Чрезъ посредничество Тиссаферна, между персами и греками были заключены перемиріе и клятвенный договоръ. Въ силу этого договора персы обязались: во всѣхъ персидскихъ владѣніяхъ поступать съ греками миролюбно, препроводить ихъ въ Грецію и на всемъ пути открыть имъ, для покупки продовольствія, рынки, а тамъ, гдѣ не нашлось бы рынковъ, они позволяли грекамъ самимъ добывать продовольствіе. Съ своей стороны греки обязались: на походѣ равномерно поступать миролюбно, на рынкахъ все покупать за деньги, а тамъ, гдѣ не случилось бы рынковъ, добы-

вать продовольствіе со всевозможными порядкомъ и пощадою края и жителей. По заключеніи договора, грекамъ дѣйствительно были указаны ближайшіе рынки; но болѣе 20-ти дней заставили ихъ ждать прибытія Тиссаферна съ войскомъ для ихъ препровожденія. А между тѣмъ, обѣщаніемъ Аріэю и его войскамъ Артаксерксова прощенія, успѣли переманить ихъ отъ грековъ и оставить послѣднихъ совершенно однихъ. Наконецъ Тиссафернъ прибылъ съ войскомъ, столь многочисленнымъ, что оно казалось предназначеннымъ скорѣе для непріязненныхъ дѣйствій противъ грековъ, нежели для ихъ сопровожденія. Персы лукаво представили имъ, что возвращаясь тѣмъ же, прямымъ путемъ къ Тапсаку, по которому прибыли съ Кипромъ, они подвергались опасности умереть съ голоду, двигаясь же вверхъ по лѣвому берегу Тигра, могли имѣть продовольствіе въ изобиліи. Греки согласились съ этимъ и, полагаясь на заключенный съ персами договоръ, направились къ Тигру, перешли черезъ него по мосту въ городъ Ситакъ (нѣсколько выше Мидійской стѣны, построенной между Тигромъ и Евфратомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сближаются), и затѣмъ направились къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу Тигра, то въ болѣе, то въ меньшемъ отъ него разстояніи. Движеніе производилось такимъ образомъ, что греки и персы шли и станами располагались всегда отдѣльно, въ разстояніи одной парсанги ($5\frac{1}{4}$ верстъ) одни отъ другихъ, наблюдая всевозможныя военныя предосторожности. Причинами тому были: со стороны грековъ—постепенно возрастающая недовѣрчивость ихъ къ персамъ, а со стороны персовъ—непреодолимый страхъ, внушаемый имъ греками. Слѣдствіемъ же этого было то, что взаимныя непріязнь и ожесточеніе усиливались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Однакоже и персы, и греки въ точности соблюдали условія договора, и послѣдніе не нуждались въ продовольствіи, хотя часть времени шли по странѣ пустынной. Наконецъ по 15-ти дневномъ походѣ отъ Ситака они прибыли въ плодородную страну, орошаемую рѣкою Зăбатомъ, впадавшею въ Тигръ съ лѣвой стороны. Здѣсь, на берегу Зăбата, они остановились на трое сутокъ для отдыха. Клеархъ, тревожимый возрастающею съ обѣихъ сторонъ непріязнію, и желая предупредить

могшія наконецъ произойти отъ того опасныя для грековъ послѣдствія, просилъ личныхъ свиданія и объясненія съ Тиссаферномъ. Коварный персъ, истощивъ всевозможныя увѣренія въ пріязни къ грекамъ, пригласилъ всѣхъ греческихъ предводителей на пиршество къ себѣ, что, какъ извѣстно, у грековъ, персовъ и всѣхъ вообще народовъ древности, взаимно соединяло пиршествовавшихъ священными узами дружбы. На слѣдующій день Клеархъ и съ нимъ, по настоятельному его требованію, 4 другихъ главныхъ предводителя, 20 лохаговъ (частныхъ военачальниковъ) и около 200 простыхъ воиновъ отправились къ Тиссаферну. Но едва 5 предводителей вступили въ его ставку, какъ были схвачены и—какъ полагаютъ—отправлены къ Артаксерксу и тамъ казнены. Бывшіе же съ ними лохаги и воины всѣ до одного изрублены.

Этимъ вѣроломнымъ и постыднымъ поступкомъ персовъ заключается первая часть отступленія грековъ и начинается главная и самая важная, трудная, занимательная, составляющая, такъ сказать, завязку и вмѣстѣ развязку его.

§ 63.

Отступление отъ р. Забата до р. Кентрита.

Вѣроломный поступокъ персовъ поставилъ грековъ въ чрезвычайно трудное и опасное положеніе. Они остались безъ предводителей, не могли болѣе имѣть ни рынковъ для своего продовольствія, ни проводниковъ, еще находились въ срединѣ персидскаго государства, въ чрезвычайномъ отдаленіи отъ Греціи, прямой путь въ которую былъ прегражденъ непроходимыми рѣками и горами, и въ довершеніе всего не имѣли конницы. Все это распространило между ними страхъ, уныніе и упадокъ духа, до такой степени, что въ первую пору никто между ними и не помышлялъ о немедленномъ принятіи необходимыхъ для спасенія мѣръ. И въ этихъ обстоятельствахъ сугубымъ счастіемъ для нихъ было то, что персы не произвели на нихъ въ это самое время нападенія. и въ особенности то, что между ними нашелся человекъ, присут-

ствиемъ духа, рѣшимостію и превосходными дарованіями умѣвшій внезапно дать дѣлу другой оборотъ и спасти грековъ отъ явной гибели. То былъ 27-ми или 28-ми-лѣтній аѳинянинъ Ксенофонтъ, послѣдовавшій за войскомъ въ званіи вольнослужащаго, по просьбѣ друга своего, Проксена, одного изъ взятыхъ персами предводителей. Силою и здравостію сужденій, благороднымъ образомъ мыслей и увлекательнымъ даромъ слова онъ вскорѣ успѣлъ ободрить и воодушевить дружину Проксена, а за нею и все войско, и убѣдить ихъ въ необходимости немедленнаго избранія новыхъ предводителей и соединенія твердости и благоразумія съ дѣятельностью, для общаго спасенія отъ опасности. По совѣту его избраны 5 новыхъ предводителей, въ томъ числѣ и онъ самъ. Такъ какъ игемонія или верховная власть въ Греціи принадлежала въ это время Спартѣ, то главное начальствованіе и было предоставлено, на мѣсто спартаца Клеарха, спартанцу же Хирисофу. Новые предводители вдохнули въ войско новыя силы, бодрость и надежду на спасеніе, и по совѣту Ксенофонта единогласно положили: 1) сжечь всѣ повозки, ставки и излишнія тяжести, для всевозможнаго облегченія движенія, 2) соблюдать строжайшіе воинскіе порядокъ и подчиненность, для отвращенія пагубныхъ послѣдствій неповиновенія и безпорядка, и 3) двигаться въ видѣ пустого внутри четвероугольника, имѣя въ серединѣ легкую пѣхоту, рабовъ и вьючный скотъ.

Все это было исполнено въ точности: всѣ повозки, ставки и излишнія тяжести сожжены, самыя же необходимыя для похода вещи воины раздѣлили между собою поровну. Затѣмъ, когда все было готово къ походу, войско, въ числѣ нѣсколько менѣе 10.000 челов. подъ оружіемъ, перешло черезъ Забать и двинулось вверхъ по лѣвому берегу Тигра, въ бѣльшемъ или меньшемъ отъ него удаленіи, страною ровною и открытою, въ установленномъ порядкѣ, т. е. въ строѣ четвероугольника, составленнаго изъ четырехъ малыхъ фалангъ, изъ коихъ передняя и задняя шли фронтомъ, а боковыя флангомъ. Хирисофъ начальствовалъ переднею, два старшіе по немъ предводителя — боковыми, а два младшіе, Тимасій и Ксенофонтъ — заднею. Легкая пѣхота, рабы,

нѣсколько плѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и выучный скотъ — шли въ серединѣ.

Уже съ перваго перехода греки были преслѣдованы Тиссаферномъ со всѣмъ его войскомъ, и до самыхъ кардухійскихъ горъ, на 14-ти переходахъ, въ продолженіе 19-ти дневнаго похода, принуждены были отступать въ непрерывномъ почти бою съ персами. Эта часть отступленія грековъ чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ и заслуживаетъ ближайшаго вниманія въ особенности въ нижеслѣдующемъ:

Здѣсь греки каждый день, на каждомъ шагу и при каждомъ случаѣ самими обстоятельствами принуждаемы были постепенно совершенствовать то либо другое въ своихъ обычныхъ: вооруженіи, строѣ, порядкѣ движенія, образѣ дѣйствій, мѣрахъ осторожности, обороны и проч. И всѣ эти усовершенствованія, важные по отношенію ихъ не къ одному Кирову войску *), но ко всей вообще греческой тактикѣ, почти исключительно истекали отъ Ксенофонта. Онъ дарованіями и познаніями своими столь превосходилъ другихъ предводителей, имѣлъ на нихъ и на войско такое вліяніе и всегда подавалъ такіе мудрые и спасительные совѣты, такой личный примѣръ мужества, самоотверженія и храбрости, что съ самаго начала избранія своего и во все продолженіе отступленія былъ истинною душою войска и главнымъ его предводителемъ, распорядителемъ всѣхъ его дѣйствій и виновникомъ всѣхъ его успѣховъ, между тѣмъ, какъ Хирисофъ былъ главнымъ предводителемъ только по имени.

Уже съ самыхъ первыхъ дня и перехода греки вполне ощутили всю невыгоду недостатка у нихъ конницы и такой легкой пѣхоты, которая могла бы съ успѣхомъ быть противопоставлена персидскимъ стрѣлкамъ и пращникамъ. Персы имѣли многочисленныя и отличныя конницу и легкую пѣхоту, главнымъ дѣйствиемъ которыхъ были стрѣльба изъ луковъ и метаніе камней изъ

*) Подъ этимъ названіемъ Кировы греческіе наемники были извѣстны у современныхъ грековъ, у большей части древнихъ писателей и вообще въ древности. Въ новѣйшія же времена они болѣе извѣстны подъ названіемъ десяти тысячъ грековъ.

пращей на разстояніе гораздо значительнѣйшее, нежели то, на которомъ могли дѣйствовать изъ луковъ и пращами греческіе псилы, сверхъ того не имѣвшіе никакого предохранительнаго вооруженія. Слѣдствіемъ этого было то, что греки терпѣли уронъ, не имѣя возможности ни сами наносить онаго персамъ, ни останавливаться, ни двигаться назадъ противъ персовъ, ни отряжать противъ нихъ части войскъ. Последнее было даже бесполезно, потому что персы бѣжали, какъ только греки двигались противъ нихъ; слишкомъ удаляться же отъ войска греческіе отряды не могли потому, что подвергались опасности быть отрѣзанными и разбитыми. Всѣ эти причины и побудили грековъ, по совѣту Ксенофонта, образовать: 1) изъ находившихся въ войскѣ родосцевъ отрядъ пращниковъ силою около 200 челов., которые метали свинцовыя пули вдвое далѣе, нежели персы каменья, и притомъ чрезвычайно мѣтко, — и 2) около 50-ти челов. конницы, прикрытыхъ латами и звѣриными шкурами, и посаженныхъ на имѣвшихся при войскѣ лошадей. Эти пращники и конница оказали грекамъ большія услуги во всѣхъ стычкахъ и дѣлахъ съ персами. Съ этого времени успѣхъ былъ всегда на сторонѣ грековъ: ибо персы были постоянно удерживаемы на разстояніи дальняго полета пуль, метаемыхъ родосскими пращниками, а если отваживались подступать ближе, то были съ урономъ отражаемы и обращаемы въ бѣгство. Нападать же на грековъ съ ручнымъ оружіемъ и вступать съ ними въ рукопашный бой они никогда не смѣли, потому что чрезвычайно боялись греческой тяжелой пѣхоты.

Такимъ образомъ они положили только непрерывно тревожить, утомлять, задерживать грековъ нападеніями съ тыла и съ боковъ, и—гдѣ и когда можно было—ослаблять оныхъ дѣйствіемъ метательнаго оружія издали. Къ ночи они обыкновенно удалялись отъ грековъ и располагались станомъ въ болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ разстояніи, иногда стадіяхъ въ 60 ($10\frac{1}{2}$ верстахъ) и даже далѣе. Причину этого Ксенофонтъ объясняетъ тѣмъ, что они крайне опасались ночныхъ нападеній; ибо имѣли обыкновеніе на ночь разсѣдывать и разнуздывать лошадей своихъ и,

стреноживъ ихъ, пускать на паству; сами же снимали оружіе и доспѣхи, отъ чего, въ случаѣ ночной тревоги, для изготавленія лошадей и всадниковъ къ бою, требовалось очень много времени и происходили величайшія смятеніе, суета и безпорядокъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ тѣмъ, что персы преслѣдовали грековъ только съ тыла, но не отваживались преграждать пути слѣдованія ихъ по равнинамъ и не могли разорять края на немъ, было причиною, что греки проводили ночи спокойно, оставались на мѣстѣ ночлега до полудня, затѣмъ усиленными переходами удалялись отъ персовъ на болѣе или менѣе значительное разстояние и наконецъ вездѣ на пути находили нужное продовольствіе; сражались же съ персами болѣе во второй половинѣ дня.

На 5-мъ переходѣ отъ Забата греки убѣдились въ крайнихъ неудобствахъ строя въ видѣ четвероугольника при переходѣ чрезъ всякаго рода тѣснины, когда непріятель сильно тѣснилъ съ тыла. «Воины», говоритъ Ксенофонтъ, «принуждены смыкаться, идутъ съ трудомъ, толпятся, смѣшиваются, а воины, теряющіе ряды свои, никуда не годятся. Когда же фланговые части идутъ занять прежнія свои мѣста, то прежде, нежели смѣшанные между собою воины займутъ свои ряды, центръ разрывается, и въ это мгновеніе безпорядка, если съ тыла тѣснить непріятель, воины теряютъ смѣлость и присутствіе духа». Для избѣжанія этого, предводители, по предложенію Ксенофонта, образовали 6 сотень, каждую подъ начальствомъ сотника и извѣстнаго числа низшихъ военачальниковъ. При переходѣ черезъ тѣснины, сотни останавливались, прикрывали переходъ войска и потомъ слѣдовали по сторонамъ его, на одной съ нимъ высотѣ. Когда боковые фланги, по переходѣ черезъ тѣснину, снова удалялись одна отъ другой, сотни занимали болѣе или менѣе сильными частями промежутки, образовавшіеся въ центрѣ, для того, чтобы фронтъ составлялъ всегда одну неразрывную линію. Такимъ образомъ войско переходило черезъ тѣснины въ совершенномъ порядкѣ. Сотни двигались отдѣленіями, а если войску нужно было построиться въ боевой порядокъ, то онѣ въ одно мгновеніе занимали въ немъ свои мѣста.

Это усовершенствованіе, бывшее естественнымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ и необходимости, было важно въ томъ отношеніи, что придало фалангѣ 10.000 грековъ удободвижимость, которой ей не доставало, и какъ до кардучійскихъ горъ, такъ и позже, при переходѣ черезъ эти горы и черезъ Кентритъ, оказало грекамъ большую пользу.

Четыре дня спустя послѣ этого необходимость побудила Ксенофонта принять другую, не менѣе полезную мѣру. На 9-мъ переходѣ отъ Забата, въ 11-й день похода, греки начали уже приближаться къ кардучійскимъ горамъ, персы же, сверхъ преслѣдованія ихъ съ тыла—охватывать ихъ съ боковъ и преграждать имъ путь. Перейдя черезъ двѣ горы безъ предосторожностей, а потому и не безъ сопротивленія со стороны персовъ и урона для грековъ, Ксенофонтъ, прежде нежели переходить черезъ третью, занялъ ея вершину псилами. Главное войско поддерживало псиловъ, и непріятель, удерживаемый этими послѣдними, не смѣлъ раздѣлить своихъ силъ. Псилы же въ свою очередь прикрывали главное войско отъ дѣйствія метательнаго оружія непріятеля, и такимъ образомъ третья гора была занята греками безъ всякаго съ ихъ стороны урона.

На 10-мъ переходѣ, въ 15-й день похода, греки спустились съ горъ въ равнину. Настигнутые Тиссаферномъ, они были принуждены расположиться въ первомъ, встрѣченномъ ими селеніи, дабы не сражаться болѣе на походѣ, ибо имѣли много раненыхъ. Въ селеніи греки имѣли уже большія на своей сторонѣ выгоды, нежели на походѣ, потому что легче и съ большимъ успѣхомъ могли вылазками изъ закрытаго со всѣхъ сторонъ селенія отражать нападенія персовъ.

На 13-мъ переходѣ, въ 18-й день похода, персы заняли на пути грековъ, впереди ихъ, хребетъ одной горы, которая господствовала надъ единственнымъ спускомъ въ другую равнину. Тогда Ксенофонтъ предложилъ и вызвался самъ съ частію войскъ занять другую гору, соединявшуюся съ занятою непріателемъ и господствовавшую надъ нею, что должно было принудить непріятеля къ отступленію. Быстрымъ движеніемъ съ 300-ми от-

борными оплитами и псилами передней фаланги, онъ успѣлъ занять верхнюю гору прежде персовъ, которые затѣмъ немедленно очистили и нижнюю гору, и дорогу, и бѣжали въ сторону.

Въ тотъ же день персы пытались сжечь селенія, среди которыхъ расположились греки и изобиловавшія продовольственными припасами. Для обезпеченія этихъ послѣднихъ, Ксенофонтъ предложилъ подать помощь этимъ селеніямъ и защитить ихъ отъ персовъ, что и было исполнено.

Въ это время греки прибыли уже къ тому мѣсту, гдѣ Тиссафернъ надѣялся заставить ихъ положить оружіе, именно туда, гдѣ кардухійскія горы упирались въ Тигръ. Не видя возможности ни пройти по лѣвому берегу рѣки, между нею и горами, ни переправиться черезъ рѣку, какъ по причинѣ глубины и сильнаго теченія ея въ этомъ мѣстѣ, такъ и потому, что противный берегъ былъ занятъ многочисленною непріятельскою конницею, греческіе предводители собрали отъ плѣнниковъ точнѣйшія свѣдѣнія о странахъ и путяхъ, лежавшихъ къ востоку, югу, западу и сѣверу, и рѣшились оружіемъ проложить себѣ путь черезъ кардухійскія горы въ плодородную и богатую Арменію. Пользуясь обычнымъ удаленіемъ персовъ на ночь, войско до разсвѣта двинулось къ горамъ, а къ разсвѣту прибыло къ подошвѣ ихъ и стало подниматься на нихъ безъ препятствія и сопротивленія. Хирисофъ шелъ въ головѣ съ начальствуемою имъ частію фаланги и всѣми псилами, а Ксенофонтъ — въ хвостѣ всего войска съ одними оплитами.

Тиссафернъ, утромъ двинувшійся къ горамъ, по прибытіи къ нимъ, къ крайнему своему удивленію, прискорбію и досадѣ удостоверился, что греки, которыхъ онъ обѣщалъ представить Артаксерксу живыми, ускользнули отъ него, такъ сказать, въ виду его, вступивъ въ кардухійскія горы. Слѣдовать туда за ними съ конницею и среди скалъ и пропастей имѣть грековъ спереди, а кардуховъ по сторонамъ и въ тылу — было невозможно. А потому Тиссафернъ и рѣшился предоставить грекамъ идти чрезъ горы, что, по его мнѣнію, должноствовало лишь ослабить ихъ, неизбежными при этомъ случаѣ потерями, самому же предупредить ихъ,

обходомъ по другому берегу Тигра, на Кентритѣ, и не успѣвъ припереть ихъ къ Тигру и горамъ, преградить имъ по крайней мѣрѣ выходъ изъ горъ, переходъ черезъ Кентритъ и вступленіе въ Арменію. Вслѣдствіе того онъ переправился на правый берегъ Тигра и двинулся вверхъ по немъ къ тому мѣсту, гдѣ въ эту рѣку съ лѣвой стороны впадаетъ Кентритъ.

Между тѣмъ греки, вступивъ въ горы, въ первые два дня похода встрѣтили болѣе препятствій и затрудненій со стороны мѣстности, нежели сопротивленія со стороны жителей. Высокія, неудободоступныя горы, крутые подъемы и спуски, и въ особенности крайне узкія дороги чрезвычайно затрудняли и замедляли ихъ движеніе. Кардухи же, не предвидѣвшіе вступленія грековъ въ ихъ горы, не успѣли собраться въ большихъ силахъ, и жители селеній, на пути слѣдованія грековъ, бѣжали съ семействами своими на вершины горъ и оттуда производили лишь частныя, легко отражаемыя нападенія. Въ покинутыхъ ими селеніяхъ греки нашли разнаго рода продовольственные припасы въ изобиліи. Для возможно-большаго облегченія и ускоренія впредь движенія чрезъ горы, предводители оставили при войскѣ только самую необходимую и лучшую, отборнѣйшую часть выючнаго скота и отпустили на свободу взятыхъ до того плѣнниковъ.

Но съ 3-го дня похода обстоятельства уже измѣнились. Греки были принуждены на каждомъ шагу преодолѣвать и естественныя препятствія, становившіяся все болѣе и болѣе трудными, и сильное сопротивленіе кардуховъ, уже собравшихся въ значительныхъ силахъ. Греческое войско слѣдовало въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: впереди — одна половина его подъ предводительствомъ Хирисофа, находившагося въ головѣ всѣхъ; въ срединѣ — рабы и выючный скотъ съ тяжестями, а за ними — другая половина войска подъ предводительствомъ Ксенофонта, замыкавшаго шествіе. Такъ какъ дороги были весьма узки, то войска растягивались обыкновенно на большое протяженіе, а кардухи, привычныя къ движенію и дѣйствіямъ въ горахъ, ловкіе, проворные, быстрые на бѣгу, вооруженные огромными луками и отличные стрѣлки, безпрестанно въ тѣснинахъ и на подъемахъ преграждали то передней, то зад-

ней половинѣ греческаго войска путь, или же нападали на грековъ съ тыла. Здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія дѣйствія и Хирософа и Ксенофонта. Если кардухи останавливали голову войска, то Ксенофонтъ оттуда, гдѣ находился, немедленно всходилъ съ отборными воинами на горы и занятіемъ господствующей надъ кардухами мѣстности принуждалъ ихъ отступать и открывать грекамъ путь. Ту же самую услугу оказывалъ и Хирисофъ Ксенофонту, если кардухи преграждали путь задней половинѣ войска или нападали на нее съ тыла. Такимъ образомъ они постоянно помогали другъ другу и прилагали тщательное стараніе о взаимномъ обезпеченіи начальствуемыхъ ими частей войска. При этомъ должно замѣтить также, что критскіе стрѣлки оказали грекамъ въ горахъ большія пользы и услугу.

Пять дней шли такимъ образомъ греки чрезъ кардучійскія горы. И хотя они почти вездѣ располагались въ селеніяхъ и находили въ нихъ достаточно продовольствія, за всѣмъ тѣмъ отъ стужи въ горахъ, осеннихъ дождей, мѣткой и сильной стрѣльбы кардуховъ изъ луковъ, непрерывнаго боя съ этими горцами и необыкновенно утомительнаго движенія съ горы на гору, они, по словамъ Ксенофонта, въ 7 дней похода чрезъ кардучійскія горы претерпѣли гораздо болѣе вреда, нежели сколько могли имъ причинить все могущество Артаксеркса, все коварство Тиссаферна.

Къ концу 7-го дня они прибыли наконецъ къ Кентриту и что-же увидѣли? Многочисленныя непріятельскія конницу и пѣхоту, преграждавшія имъ, на противоположномъ берегу, переходъ чрезъ Кентритъ и путь въ Арменію! То были арменскія, мигдонскія и халдейскія наемныя войска знатныхъ персовъ Оронта и Артуха. Конница была расположена насупротивъ грековъ, а пѣхота — нѣсколько выше, обѣ по сторонамъ единственной дороги, ведущей отъ Кентрита въ Арменію. Греки хотѣли немедленно перейти черезъ Кентритъ противъ этой дороги въ бродъ, но нашли, что рѣка имѣла въ этомъ мѣстѣ слишкомъ большую глубину и быстрое теченіе. Между тѣмъ на горахъ въ тылу грековъ во множествѣ появились вооруженные кардухи и такимъ образомъ греки, имѣя передъ собою непроходимый въ бродъ Кентритъ, по ту сторону

онаго непріятельское войско, а въ тылу за собою кардуховъ, увидѣли себя въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Къ счастью для нихъ два греческихъ воина случайно открыли въ Кентритѣ, стадіяхъ въ четырехъ (около $\frac{3}{4}$ версты) вверхъ по его теченію, удобный для перехода и непріателемъ незанятый бродъ. Туда, на слѣдующій по прибытіи къ Кентриту день, и двинулось въ обычномъ порядкѣ греческое войско. Непріятельская конница послѣдовала за этимъ движеніемъ по противоположному берегу, на одной высотѣ съ греками. Прибывъ къ броду, Хирисофъ построилъ слѣдовавшую въ головѣ наибольшую часть войска по лохосамъ съ промежутками и вступилъ въ рѣку, имѣя лохосы справа и слѣва на одной высотѣ *). За переднею половиною войска послѣдовали рабы и скотъ съ тяжестями. Ксенофонтъ же, съ проворнѣйшими изъ воиновъ, слѣдовавшихъ въ хвостѣ, быстрымъ бѣгомъ устремился назадъ, внизъ по лѣвому берегу Кентрита, къ тому мѣсту, которое находилось насупротивъ дороги въ Арменію, показывая видъ, что хочетъ тамъ перейти черезъ рѣку и напасть съ тыла на непріятельскую конницу, двинувшуюся вверхъ по правому берегу. Конница эта, видя, что стрѣлы и камни собственныхъ стрѣлковъ и пращниковъ не долетаютъ до Хирисофовыхъ войскъ, и Хирисофъ поэтому безпрепятственно переходитъ черезъ Кентритъ, Ксенофонтъ же угрожаетъ отрѣзать ее отъ дороги въ Арменію, бросилась бѣжать къ этой дорогѣ и потомъ вдоль по ней, и была преслѣдована греческими конницею и псилами. Самъ же Хирисофъ съ оплитами двинулся прямо противъ непріятельской пѣхоты, еще расположенной на высотахъ. Она не выждала нападенія и равномерно бѣжала съ высотъ, господствовавшихъ надъ рѣкою, которыя и были заняты Хирисофомъ.

*) Ксенофонтъ въ Анабазисѣ, книга IV § 14. Такъ какъ игемонія въ Греціи принадлежала въ это время Спартѣ и главные предводители Кирова войска, сначала Клеархъ, а потомъ Хирисофъ, были оба спартанцы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ войскѣ были приняты тактическіе раздѣленіе и строй спартанцевъ, и что слѣдовательно лохосъ должно принимать, какъ у этихъ послѣднихъ, въ смыслъ частнаго подраздѣленія фаланги, а не ряда, какъ вообще у грековъ (см. главу IV, ст. III § 26). Иначе построеніе по лохосамъ не имѣло бы никакого смысла.

Тогда Ксенофонтъ поспѣшно воротился къ броду, черезъ который еще переходили рабы и скотъ съ тяжестями и къ которому уже спускались съ горъ кардухи. Чтобы обезпечить переходъ тяжестей и отразить кардуховъ, Ксенофонтъ построилъ лохосы свои тыломъ къ рѣкѣ, фронтомъ къ кардухамъ, по эномотіямъ *) сомкнувъ ихъ къ лѣвому флангу. Кардухи, видя, что всѣ тяжести перешли черезъ Кентритъ, и что на правомъ берегу остается только небольшое число войскъ, лишенное, по видимому, всякой помощи со стороны главныхъ силъ, двинулись противъ него. Хирисофъ немедленно послалъ однакоже въ помощь Ксенофонту всѣхъ псиловъ, пращниковъ и стрѣлковъ. Тогда Ксенофонтъ сдѣлалъ нижеслѣдующія, весьма замѣчательныя распоряженія: псиламъ, пращникамъ и стрѣлкамъ Хирисофа онъ приказалъ оставаться на противуположномъ берегу, не переходя черезъ рѣку, — коль скоро самъ вступить въ нее, то и имъ также броситься въ оную правѣе и лѣвѣе его, имѣя оружіе на готовѣ, угрожая перейти черезъ Кентритъ и напасть на кардуховъ, но не входя однакоже слишкомъ далеко въ рѣку. Начальствуемымъ же имъ самимъ войскамъ онъ приказалъ, коль скоро кардухи приблизятся на разстояніе дѣйствія пращи, немедленно броситься на нихъ бѣгомъ, но едва только кардухи обратятся въ бѣгство, то по поданному трубою знаку немедленно повернуть назадъ и еще быстрѣйшимъ бѣгомъ устремиться къ рѣкѣ и черезъ бродъ на другой ея берегъ, такъ, чтобы каждая эномотія шла прямо передъ собою, не мѣшая одна другой. «Не стыдитесь бѣжать,» — прибавилъ онъ къ этому, обратясь къ воинамъ: «кто первый достигнетъ противуположнаго берега, тотъ будетъ признанъ лучшимъ воиномъ!»

Всѣ его распоряженія были исполнены въ совершенной точности и увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Едва кардухи побѣжали отъ грековъ къ горамъ и на горы, какъ греки немедленно повернули назадъ и еще быстрѣе кардуховъ побѣжали къ рѣкѣ и черезъ нее, такъ что когда кардухи замѣтили обманъ и часть ихъ

(*) Смотри главу IV ст. III § 26.

обратилась назадъ къ рѣкѣ, то всѣ Ксенофоновы войска были уже на другомъ берегу.

Такимъ образомъ, благодаря искуснымъ распоряженіямъ Ксенофонта, греки удачно и благополучно перешли черезъ Кентритъ, и съ переходомъ ихъ черезъ него кончилась труднѣйшая и важнѣйшая часть ихъ отступленія и началась другая, менѣе трудная, хотя и не менѣе замѣчательная и любопытная — движеніе отъ Кентрита до южныхъ береговъ Евксинскаго Понта.

§ 64.

Походъ отъ Кентрита до Трапезунта.

Немедленно по переходѣ Ксенофоновыхъ войскъ черезъ Кентритъ, все греческое войско, въ боевомъ порядкѣ, двинулось къ сѣверу чрезъ обширныя равнины западной Арменіи, но цѣлыхъ 6 переходовъ шло совершенно безпрепятственно и спокойно. Ибо войска Оронта и Артуха не преслѣдовали его, опасаясь имѣть его спереди, а кардуховъ сзади; греки же, дѣлая усиленные переходы, удалились отъ персовъ на весьма значительное разстояніе. Перейдя чрезъ побочный хребетъ Тавра, они прибыли къ большой рѣкѣ, которую Ксенофонтъ называетъ Телебоемъ. Здѣсь встрѣченъ былъ Терибазъ, персидскій сатрапъ западной Арменіи, съ небольшимъ числомъ конницы. По предложенію его, съ нимъ заключенъ договоръ, въ силу котораго Терибазъ обязался дать грекамъ свободный пропускъ чрезъ свою область, а греки обѣщали не жечь селеній и только брать нужное имъ продовольствіе. Затѣмъ они продолжали идти по западной Арменіи къ сѣверу, сопровождаемые съ боку, на разстояніи около 10 стадій (1 $\frac{3}{4}$ версты), Терибазомъ со всѣми войсками его области и наемными халибами и таохами (принадлежавшими къ двумъ сосѣдственнымъ, независимымъ племенамъ). На этомъ походѣ греки, не имѣя ставокъ и изъ предосторожности рѣдко располагаясь въ селеніяхъ, много потерпѣли отъ выпавшаго въ большомъ количествѣ снѣга и сильной стужи. Терибазъ же, коварный, подобно Тиссаферну, предупредилъ гре-

ковъ и преградилъ, на вершинѣ одной горы (какъ кажется, на перевалѣ чрезъ главный хребетъ Тавра), единственный путь ихъ. Греки немедленно двинулись туда, имѣя впереди легкую пѣхоту. Последняя, приблизясь къ стану Терибаза, подняла большой крикъ и, не дожидаясь прибытія тяжелой пѣхоты, бросилась къ непріятельскому стану. Устрашенные тѣмъ, Терибазъ и его войска бѣжали, оставивъ въ рукахъ грековъ станъ свой и богатую въ немъ добычу. Спустившись въ долину верхняго Евфрата, греки перешли черезъ рѣку недалеко отъ ея истоковъ, имѣя воды по поясъ, и продолжали идти по глубокому снѣгу, все болѣе и болѣе терпя отъ стужи и сильнаго пронзительнаго вѣтра. Многіе воины отморозили себѣ руки и ноги, иные даже погибли, и съ каждымъ днемъ возрастало число больныхъ, слабыхъ и отсталыхъ. А между тѣмъ часть войскъ Терибаза снова собралась и начала преслѣдовать грековъ, отчего отсталые греческіе воины и тяжести попадались ей въ руки. По счастью, въ продовольствіи и винѣ не было недостатка, и Ксенофонтъ, раздавая пищу и вино тѣмъ изъ воиновъ, которые отъ холода и истощенія вовсе не могли двигаться, возстановлялъ силы ихъ. Завсѣмъ тѣмъ, все еще было много слабыхъ и отсталыхъ, и только бодрость и искусство Ксенофонта, храбрость и порядокъ въ начальствуемой имъ задней половинѣ войска спасали этихъ несчастныхъ отъ гибели. Наконецъ греки прибыли въ такое мѣсто, гдѣ находилось большое число селеній и въ нихъ всякаго рода продовольственные запасы и вино въ изобиліи. Расположась въ этихъ селеніяхъ, они подкрѣпили свои силы и, по 7-ми дневномъ отдохновеніи, взявъ проводниковъ, вступили въ земли халибовъ. Вскорѣ на вершинѣ одной горы, чрезъ которую пролегалъ путь грековъ, встрѣчены были собравшіеся въ большомъ числѣ, вооруженные халибы, таохи и фазіане. Ксенофонтъ предложилъ остановить войско въ виду горы и ночью часть онаго послать на ея вершину обходомъ съ такой стороны, гдѣ она не была занята непріателемъ. Предложеніе его было принято и исполнено съ успѣхомъ. Изъ оплитовъ и пспловъ вызваны охотники, которые, безпрепятственно взобравшись ночью на гору, на разсвѣтѣ двинулись непріателю во флангъ, а главныя

силы греческаго войска въ тоже самое время направились противъ него съ фронта. Непріятель выслалъ противъ греческихъ охотниковъ небольшую часть своихъ войскъ, но она была опрокинута и преслѣдована. При видѣ этого, легкая пѣхота греческаго войска бѣгомъ бросилась къ горѣ и на гору; непріятель же, не выждавъ ея нападенія, бѣжалъ и такимъ образомъ греки, благодаря Ксенофонту, овладѣли горою, не потерявъ ни одного человека. Затѣмъ, вступивъ въ земли таховъ, они ощутили недостатокъ въ продовольствіи, ибо таохи обитали въ укрѣпленныхъ природою мѣстахъ, на которыхъ собрали всѣ свои продовольственные запасы. Прибывъ къ одному изъ такихъ мѣстъ на высокой и крутой скалѣ, Хирисофъ послалъ на приступъ небольшую часть войска, за тѣмъ другую, третью и т. д. — но всѣ были отражены съ урономъ. По прибытіи наконецъ Ксенофонта, по его совѣту около 70-ти воиновъ и при нихъ Хирисофъ и самъ Ксенофонтъ пробрались къ нѣсколькимъ, разсѣяннымъ въ полугорѣ, толстымъ соснамъ, укрылись за ними отъ каменьевъ, метаемыхъ таохами, и когда послѣдніе, казалось, почти совершенно истощили свой запасъ каменьевъ, тогда 70 греческихъ воиновъ быстро пробѣжали отъ сосенъ до вершины скалы и тотчасъ овладѣли ею. Таохи бросились со скалы внизъ и большею частію погибли, оставивъ въ рукахъ грековъ много скота.

Затѣмъ греки 7 дней шли чрезъ земли халибовъ, самаго воинственнаго изъ всѣхъ племенъ, встрѣченныхъ ими на пути. Халибы были хорошо вооружены и вели войну съ чрезвычайною жестокостью. Укрываясь въ своихъ горахъ, они, по проходѣ грековъ, нападали на нихъ оттуда съ тыла и за тѣмъ удалялись въ укрѣпленные природою мѣста, куда заранѣе собрали продовольственные запасы свои. Такимъ образомъ греки непрерывно сражались съ ними и сверхъ того нуждались въ продовольствіи.

Изъ земель халибовъ они вступили въ ровныя и открытыя земли скиѳинянъ. Пройдя чрезъ нихъ въ 8 переходовъ безпрепятственно, ибо скиѳиняне встрѣчали ихъ миролюбно и снабжали проводниками и продовольствіемъ, греки наконецъ (по 5-ти мѣсячномъ походѣ отъ Кунаксы, слѣдовательно въ концѣ декабря

401-го или началъ января 400 года), съ вершины одной горы открыли вдали Евксинскій понтъ. Видъ его возбудилъ въ нихъ живѣйшій восторгъ. Но далеко еще было до цѣли похода, до конца трудовъ и лишеній! Воздвигнувъ на вершинѣ горы трофей изъ камней и взятаго у непріятеля оружія, греки въ 3 перехода безпрепятственно прошли чрезъ земли макронянъ, съ которыми заключили договоръ. Макроняне снабдили ихъ продовольствіемъ и проводили ближайшимъ путемъ въ земли сосѣдственныхъ колхидянъ. При самомъ вступленіи въ послѣднія, встрѣчена была высокая, но удободоступная гора, на вершинѣ которой усмотрѣны были собравшіеся во множествѣ; вооруженные колхидяне. Для всхода на гору и нападенія на колхидянъ, греки построились сначала, по своему обыкновенію, сомкнутою и глубокою линіею. Но Ксенофонтъ представилъ, что сомкнутая и глубокая линія, при всходѣ на гору, вскорѣ сама собою разорвется, воины при видѣ этого потеряютъ надлежащія самоувѣренность и смѣлость, и непріятель легко охватитъ глубокой строй грековъ. Если же, говорилъ онъ, построиться сомкнутою, но неглубокою линіею, то, при многочисленности непріятеля, ему легко будетъ прорвать ее въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, и тогда все греческое войско будетъ разбито. Поэтому онъ совѣтовалъ построить войско по лохамъ на такихъ промежуткахъ, чтобы фланговые лохосы находились не противъ фланговъ непріятеля, а гораздо далѣе вправо и влѣво, или иначе, чтобы фронтъ грековъ былъ длиннѣе фронта непріятеля. Такимъ образомъ, присовокупилъ онъ, оба крыла грековъ будутъ имѣть возможность охватить оба крыла непріятеля, — частные военачальники и лучшіе воины будутъ находиться впереди, — каждый лохосъ будетъ идти тамъ, гдѣ ему удобнѣе, — наконецъ непріятелю трудно будетъ проникнуть въ промежутки, иначе онъ очутится между двумя рядами греческихъ копій, — равно и разбить лохосы по частямъ, ибо они будутъ взаимно себя поддерживать и одинъ другому помогать, а коль скоро хотя одинъ изъ нихъ достигнетъ вершины горы, то непріятелю уже невозможно будетъ сопротивляться. Мнѣніе Ксенофонта было одобрено и греческое войско построено по лохо-

самъ, которыхъ оказалось почти 80, каждый силою около 100 оплитовъ. Псилы и стрѣлки были раздѣлены на три части, каждая силою около 600 чел. Изъ нихъ одна поставлена на оконечности праваго крыла, другая на оконечности лѣваго, а третья въ серединѣ *). Въ этомъ строѣ войско двинулось впередъ на гору. Хирисофъ и Ксенофонтъ вели лично, одинъ—правый, а другой—лѣвый фланговые отряды легкой пѣхоты, въ обходъ фланговъ непріятеля. Колхидяне раздвинули оба крыла свои вправо и влѣво, отчего въ серединѣ образовался промежутокъ. Та часть греческой легкой пѣхоты, которая шла въ серединѣ, впереди лохосовъ оплитовъ, бросилась прямо въ этотъ промежутокъ и первая взошла на вершину горы. За нею послѣдовали, поддерживая ее, ближайшіе (аркадскіе) оплиты. Охватываемые съ фланговъ, угрожаемые съ фронта и прорываемые въ центрѣ, колхидяне не выдержали удара и разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Греки же, овладѣвъ горою, не потерявъ ни одного человѣка, нашли на вершинѣ ея большое число селеній, изобиловавшихъ продовольственными запасами, и пробыли въ нихъ четверо сутокъ. Затѣмъ въ два перехода они прибыли наконецъ въ Трапезъ или Трапезунтъ, большой, многолюдный, торговый и богатый городъ на берегахъ Евксинскаго Понта—поселеніе, нѣкогда основанное греческими жителями Синопа въ земляхъ колхидянъ. Здѣсь Кирова войско, послѣ $5\frac{1}{4}$ или $5\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ похода отъ Кунаксы (слѣдовательно около половины января 400 года), впервые увидѣло себя среди единоплеменниковъ,

*) Ксенофонтъ въ Анабазисѣ, книга IV § 45. Изъ этого слѣдуетъ: во 1-хъ, что въ Кировомъ войскѣ при этомъ случаѣ было около 8.000 оплитовъ (вѣроятно только въ строю подъ оружіемъ, не считая раненыхъ, больныхъ и друг.—ибо въ Керазѣ, какъ ниже означено, оплитовъ, по словамъ Ксенофонта, оказалось 8.600 чел.) и около 1.800 чел. легкой пѣхоты, а съ конницею, которой вѣроятно было уже не болѣе 40 чел.—всего около 9.840 челов.—и во 2-хъ, что греки потеряли уже болѣе $\frac{1}{4}$ первоначальнаго своего числа (12.100 оплитовъ и около 2.000 псировъ, всего 14.100 чел., смотри выше). Поэтому съ вѣроятностью предположить можно, что, при нападеніи на колхидскую гору, строй греческихъ оплитовъ имѣлъ никакъ не болѣе 8-ми чел. въ глубину и что слѣдовательно лохосы образовали четвероугольники (по теперешнимъ понятіямъ колонны), на 8 шеренгъ въ глубину имѣвшіе 12 рядовъ во фронтѣ.

встрѣтило съ ихъ стороны самый радушный пріемъ и, въ благодарность богамъ за спасеніе, совершило, по сдѣланному обѣту, общественныя жертвоприношенія и игры.

И такъ, вообще эту часть отступления 10.000 грековъ (отъ Кентрита до Трапезунта) можно уже рассматривать, какъ обыкновенный военный походъ въ непріятельской, труднопроходимой землѣ, чрезъ которую греки хотѣли только проложить себѣ путь для достиженія береговъ Евксинскаго Понта. Въ этомъ походѣ они болѣе потерпѣли отъ снѣга и зимней стужи въ горахъ, нежели отъ непріятельскаго оружія.

§ 65.

Походъ отъ Трапезунта до Хрисополя и дѣйствія во Фракіи.

Остальная часть отступления заключаетъ походъ сухимъ путемъ и частію переѣздъ моремъ отъ Трапезунта вдоль южныхъ береговъ Евксинскаго Понта до города Хрисополя, на восточномъ берегу фракійскаго Босфора, насупротивъ Византіи. Она имѣетъ свой особенный, отличный характеръ. Съ прибытіемъ на южные берега Евксинскаго Понта, усѣянные торговыми, богатыми и цвѣтущими греческими поселеніями, Кировы греки, казалось, уже должныствовали быть какъ въ Греціи, повсюду встрѣчать со стороны единоплеменниковъ своихъ радушный пріемъ, получать отъ нихъ всѣ средства, необходимыя для существованія и содержанія своего и для прохода сухимъ путемъ или переѣзда моремъ въ Грецію, и безъ труда и потерь, легко и скоро достигнуть предѣловъ своей родной страны. Но греческія поселенія на южныхъ берегахъ Евксинскаго Понта были окружены и отдѣлены одни отъ другихъ землями полудикихъ и воинственныхъ туземныхъ племенъ, и мѣстностью, большею частію гористою и пересѣченною. Для переѣзда въ Грецію моремъ и для продовольствованія средствами греческихъ поселеній трудно было достать въ нихъ, даже за деньги, необходимое, по числу Кировыхъ грековъ, число судовъ и количество продовольственныхъ запасовъ,—да если бы и

и возможно было, то Кировы греки не имѣли для найма судовъ и покупки продовольствія денегъ. Сверхъ того, съ преодоленіемъ всѣхъ опасностей и прибытіемъ на берега Евксинскаго понта живость характера и беспокойный духъ грековъ обнаружился во всей своей силѣ. вмѣсто прежнихъ согласія, единодушія, подчиненности и порядка, которые столь тѣсно соединяли Кировыхъ грековъ въ дни опасностей, возникли несогласія, раздоры и беспорядки, пробудился духъ своеволія, мятежа, насилія и корыстолюбія. Движимые послѣднимъ, Кировы греки помышляли уже преимущественно о томъ, чтобы до возвращенія своего въ Грецію обогатиться грабежемъ малоазійскихъ областей, вполне вознаградить себя за всѣ претерпѣнные труды и лишенія, и обезпечить себя на цѣлую жизнь.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, имѣли слѣдствіемъ то, что Кировы греки, насильно забравъ, по прибытіи въ Трапезунтъ, всѣ купеческія суда, которыми только могли завладѣть въ ближайшихъ греческихъ пристаняхъ, и посадивъ на нихъ всѣхъ воиновъ старѣе 40-ка лѣтъ и всѣхъ плѣнниковъ, съ менѣе нужными тяжестями, отправили ихъ моремъ въ Керазъ и далѣе въ Котіору, Синопъ и Гераклею. Сами же двинулись туда берегомъ моря, либо въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, чрезъ земли колхидянъ, мосинекіянъ, тибаренянъ и другихъ туземныхъ племенъ, встрѣчая со стороны большей части оныхъ сильное сопротивленіе и нерѣдко принужденные сражаться съ ними и прокладывать себѣ путь оружіемъ. Принужденные и продовольствіе также добывать себѣ силою, еще болѣе стремясь удовлетворять своимъ корыстолюбивымъ видамъ, они безпрестанно производили частныя, отдѣльныя предпріятія (экспедиціи) или набѣги малыми отрядами на ближайшія къ пути слѣдованія ихъ земли. Грабя и разоряя такимъ образомъ край на пути, притомъ часто бунтуя, своевольничая и предаваясь беспорядкамъ, они озлобили и туземцевъ, и персовъ, и возбудили неудовольствіе греческихъ поселеній, беспокойство и страхъ въ самой Спартѣ.

За всѣмъ тѣмъ эта часть отступленія не менѣе первыхъ трехъ занимательна и поучительна въ военномъ отношеніи. И въ ней, какъ и въ прочихъ, продолжаютъ быть усматриваемы успѣхи гре-

ческаго военного искусства, и главнымъ виновникомъ ихъ является Ксенофонтъ. Нравственное же вліяніе послѣдняго на войско обнаруживается съ бѣльшими еще блескомъ и пользою: ибо силою убѣжденія и даромъ слова; иногда искусно-употребленными хитростями и другими средствами, онъ всегда успѣвалъ укрощать бунтовавшее, буйное и непокорное войско, и снова приводить его къ чувству долга и повиновенія.

Укажемъ нѣкоторыя замѣчательнѣйшія въ военномъ отношеніи черты похода отъ Трапезунта до Хрисополя.

На произведенномъ войску въ Керазѣ смотрю, изъ числа 10.400 оплитовъ, находившихся въ битвѣ при Кунаксѣ въ строю, оказалось 8.600 чел. — остальные 1.800 погибли въ дѣлахъ съ непріателемъ, отъ снѣга, стужи и болѣзней — потеря, еще довольно маловажная, если принять въ соображеніе продолжительность, дальность и трудность отступленія, въ непрерывномъ почти бою съ непріателемъ, при рѣзкихъ перемѣнахъ климата и воздуха, сильной зимою въ горахъ стужѣ и частомъ расположеніи на открытомъ воздухѣ, за неимѣніемъ ставокъ.

На пути отъ Кераза въ Котіору, при проходѣ чрезъ земли мосинекіянъ, часть Кирова войска, слѣдовавшая сухимъ путемъ, произвела, при содѣйствіи западныхъ мосинекіянъ, находившихся въ войнѣ съ восточными, нападеніе на бывшій во власти послѣднихъ главный, укрѣпленный городъ этого племени. Нападеніе это замѣчательно тѣмъ, что и здѣсь также Кирова войско было построено по лохосамъ съ промежутками, въ которыхъ были поставлены стрѣлки, такъ, что передняя шеренга ихъ стояла нѣсколько отступя отъ передней шеренги или линіи фронта оплитовъ. Причину, почему стрѣлки были поставлены между лохосами оплитовъ, Ксенофонтъ объясняетъ тѣмъ, что непріатель, ловкій и проворный на бѣгу, быстро подбѣгалъ къ фронту грековъ, металъ каменья и столь же быстро убѣгалъ назадъ. Но греки, напавъ на него въ вышеозначенномъ строѣ, легко и скоро обратили его въ бѣгство и взяли непріательскій городъ приступомъ.

Тибареняне, при вступленіи грековъ въ ихъ земли, послали къ нимъ пословъ съ дарами въ знакъ миролюбиваго расположенія.

Но Кирова войско хотѣло отвергнуть дары и поступить съ тибаренянами, какъ съ врагами, т. е. разграбить ихъ земли, и только съ трудомъ, и то приговоромъ прорицателей, могло быть отклонено отъ этого и убѣждено къ мирному проходу.

По прибытіи къ Котіорѣ, греческому поселенію Синопа, не встрѣтивъ дружелюбнаго со стороны котіорянъ пріема, оно разграбило окрестности и даже успѣло занять самый городъ. Вскорѣ однако же заключило договоръ, въ силу котораго въ Котіору должны были быть приняты больные греческаго войска и собраны суда для переѣзда онаго моремъ въ Гераклею и продовольственные для него запасы. Чрезвычайныя препятствія и затрудненія, которыя представлялъ походъ сухимъ путемъ отъ Котіоры въ Синопъ и Гераклею, и сомнительный успѣхъ сбора достаточнаго для первоза всего Кирова войска моремъ числа судовъ, подали Ксенофону мысль—поселить войско на южныхъ берегахъ Евксинскаго Понта для постоянного жительства. Мысль эта, сдѣлавшись извѣстною войску, возбудила въ немъ величайшее неудовольствіе, разногласіе и раздоры, и произвела бунтъ, который былъ укрощенъ только рѣшительнымъ обѣщаніемъ предводителей — не поселять войско въ малой Азіи, а вести его въ Грецію.

Въ Гераклеѣ войско потребовало сильной денежной контрибуціи, равнявшейся мѣсячному жалованью. Не получивъ оной и въ высшей степени раздражаемое несогласіями, оно впервые раздѣлилось на три части, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ избранныхъ ею самою предводителей, отправилась моремъ къ берегамъ Виѳиніи, — другая подъ предводительствомъ Хирисофа двинулась берегомъ моря къ еракійскому Босфору, а третья подъ предводительствомъ Ксенофонта направилась внутренностью страны, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря, къ Халкедону. Первая часть, выйдя на виѳинскій берегъ, на полпути между Гераклеей и Босфоромъ, разсѣялась, вмѣстѣ со второю, внутри страны для грабежа. Озлобленные тѣмъ виѳиняне напали на нѣкоторые отдѣльные отряды ихъ, разбили ихъ по частямъ и наконецъ окружили остальныхъ со всѣхъ сторонъ. По счастію, Ксенофонтъ съ третьею частию подоспѣлъ на помощь. Приближаясь къ виѳинянамъ, онъ рассыпалъ

впереди конницу, приказавъ ей жечь все встрѣчаемое на пути. За конницею легкая пѣхота постепенно занимала всѣ высоты на флангахъ войска и также все предавала огню, что равномерно дѣлала и остальная, тяжеловооруженная пѣхота, слѣдовавшая въ совокупности. Такимъ образомъ широкая полоса земли была вся въ огнѣ и какъ бы изобличала шествіе многочисленного войска. Къ ночи греки расположились станомъ и разложили на большомъ протяженіи въ ширину множество огней; — при наступленіи же ночи потушили ихъ, имѣя тѣмъ въ виду заставить виѳинянъ полагать, что греки сняли станъ и идутъ противъ нихъ для произведенія ночнаго нападенія. Всѣ эти хитрости имѣли полный успѣхъ. Виѳиняне въ ту же ночь поспѣшно удалились, а окруженные ими отряды грековъ соединились съ Ксенофонтомъ. Затѣмъ все войско снова и охотно соединилось подъ начальствомъ прежнихъ своихъ предводителей. Но, чрезвычайно опасаясь быть поселеннымъ въ малой Азіи, оно никакъ не хотѣло сложить тяжестей на выгодномъ для обороны мысѣ, на которомъ находилась Калпейская пристань (между Гераклеей и Босфоромъ), и потомъ идти добывать продовольствіе на-легкѣ: ибо полагало, что цѣлю сложенія тяжестей и огражденія оныхъ укрѣпленнымъ станомъ было именно основаніе въ этомъ мѣстѣ поселенія. Въ этихъ обстоятельствахъ Ксенофонтъ искусно и удачно воспользовался суевѣріемъ воиновъ, до тѣхъ поръ объявляя наблюденія надъ внутренностями животныхъ неблагоприятными, пока доведенные голодомъ до крайности воины не согласились на все безусловно. Тогда Ксенофонтъ, ободривъ войско благоприятными наблюденіями и предвѣщаніями, и оставивъ на мысѣ всѣ тяжести подъ стражею старѣйшихъ воиновъ, произвелъ на-легкѣ нѣсколько удачныхъ поисковъ, добылъ продовольствія и наконецъ даже разбилъ и обратилъ въ бѣгство собравшіяся противъ Кировыхъ грековъ персидскую конницу Фарнабаза и виѳинскую пѣхоту. Затѣмъ греки продолжали безпрепятственно собирать въ краю нужное продовольствіе, начали быть снабжаемы имъ съ моря изъ греческихъ поселеній въ Евксинскомъ Понтѣ и Геллеспонтѣ, и вскорѣ направились, частію сухимъ путемъ и частію моремъ, вдоль морскаго берега, къ Босфору. На 6-й день они при-

были наконецъ (въ іюнѣ или іюлѣ 400-го года) въ Хрисополь, въ числѣ не болѣе 8.000 челов., пройдя отъ Сардеса до Кунаксы и отъ Кунаксы до Хрисополя 34.255 стадій (около 6.000 верстъ) въ годъ и три мѣсяца.

Дальнѣйшія дѣйствія ихъ отъ прибытія въ Хрисополь до обратной переправы въ малую Азію и поступленія въ службу Спарты на жалованьѣ (въ началѣ 399-го года) составляютъ уже совершенно отдѣльный отъ отступленія ихъ изъ средней Азіи эпизодъ, менѣе важный, хотя и не чуждый, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, своего рода военной занимательности. Въ сущности, дѣйствія эти заключались въ нижеслѣдующемъ:

По просьбѣ Фарнабаза — удалить Кирова войско изъ малой Азіи, Анаксибій, предводитель спартанскаго флота въ Геллеспонтѣ, перевезъ оное на европейскій берегъ, объявилъ, что оно поступаетъ въ службу Спарты и приказалъ ему идти въ еракійскій Херсонесъ. Но недовольное тѣмъ, оно взбунтовалось и силою ворвалось въ Византію. Ксенофонтъ усмирилъ однакоже бунтъ и вывелъ войско изъ Византіи, послѣ чего часть онаго воротилась въ Грецію или поселилась въ греческихъ городахъ Пропонтиды, а остальная поступила на жалованье въ службу одного еракійскаго владѣтеля, Севеа. Въ теченіе 2-хъ мѣсячнаго зимняго похода съ 400-го на 399-й годъ, она помогла ему не только обратно покорить родовыя свои владѣнія, изъ которыхъ отецъ его былъ изгнанъ возставшими подданными, но и значительно распространить ихъ. Не получивъ однакоже слѣдовавшей ей отъ Севеа недоплаченной части жалованья, она охотно согласилась поступить въ службу Спарты, дотолѣ опасавшейся и остерегавшейся Кирова войска, но теперь имѣвшей въ немъ нужду, ибо уже рѣшилась вести съ персами войну. Переправленное въ Лампсакъ, оно двинулось къ Пергаму и остановилось тамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній спартанскаго правительства.

§ 66.

З а к л ю ч е н і е.

Краткій очеркъ отступленія 10.000 грековъ заключимъ нижеслѣдующимъ общимъ выводомъ.

Замѣчательное уже, какъ первый дальній и продолжительный походъ небольшой греческой фаланги, почти вовсе не имѣвшей конницы, онъ возбуждаетъ справедливое удивленіе и тѣми трудностями и опасностями, съ которыми сопряжено было, и тѣми искусствомъ, успѣхомъ и малою потерей, съ которыми было совершено.

Оно въ полномъ блескѣ явило двѣ, главнѣйшія тому причины: 1) превосходство грековъ надъ персами и народами востока въ воинскихъ устройствѣ, подчиненности, порядкѣ, одушевленіи и искусствѣ, — и 2) высокія личныя дарованія и искусство Ксенофонта.

Ни одинъ, можетъ быть, изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ военной исторіи не доказываетъ столь убѣдительнымъ образомъ всего превосходства правильно - устроеннаго, соединеннаго узами воинскихъ подчиненности и порядка, и сильно одушевленнаго, хотя и малочисленнаго войска надъ непріателемъ многочисленнымъ, но невѣжественнымъ и неустроеннымъ, торжества порядка надъ неустройствомъ, искусства надъ невѣжествомъ и нравственной силы надъ грубою вещественною.

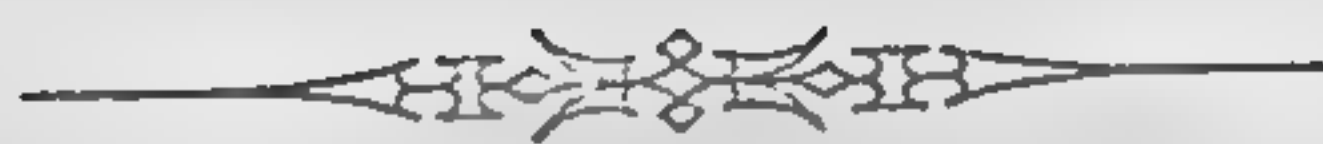
Но и при всемъ превосходствѣ своемъ греческое войско погибло бы, можетъ быть, еслибы среди его не было Ксенофонта. Отличными своими дарованіями, превосходными своими распоряженіями, словомъ и дѣломъ, и необыкновеннымъ нравственнымъ вліяніемъ на войско, онъ спасъ его отъ гибели, побѣдоносно и съ малою потерей провелъ его изъ глубины Азіи до Босфора, и былъ глав-

нымъ виновникомъ всѣхъ одержанныхъ этимъ войскомъ, всѣхъ сдѣланныхъ греческимъ военнымъ искусствомъ во время отступленія, успѣховъ. И явивъ собою истинно великаго полководца и усовершенствователя военного искусства, онъ возвысился и на чреду первостепеннаго военного историка, превосходно изобразивъ отступление 10.000 грековъ въ своемъ Анабазисѣ (Κόρου ἀνάβασις, походъ Кира вверхъ или въ верхнюю Азію), въ которомъ съ высокими военными достоинствами изложенія соединилъ необыкновенныя простоту, правдивость и въ особенности скромность разсказа. Сверхъ того Анабазисъ его въ высшей степени занимателенъ и поучителенъ, какъ живая, полная и вѣрная картина: 1) воинскихъ: устройства и быта, нравовъ и обычаевъ грековъ, и 2) постепенныхъ, практическихъ развитія и усовершенствованія греческихъ: фаланги, тактики, искусства веденія войны и военного искусства вообще. По истинѣ занимательно и поучительно видѣть, какъ въ продолженіе всего отступленія, на каждомъ шагу, при каждомъ случаѣ, при каждомъ новомъ обстоятельствѣ, подъ вліяніемъ самой необходимости, безпрестанно рождаются новыя соображенія, пріобрѣтается новая опытность—и искусство дѣлаетъ новые успѣхи.

Замѣчательное само по себѣ, отступление 10.000 грековъ важно и по своимъ послѣдствіямъ, какъ событіе, которое, вполне убѣдивъ грековъ въ ихъ превосходствѣ надъ персами, въ слабости персидскаго государства и въ возможности одолѣть и разрушить его, указало имъ — въ этомъ самомъ разрушеніи — новую, болѣе важную цѣль, а въ Азіи — новое, болѣе обширное поприще для ихъ военной дѣятельности.

Столь высокія достоинства и значеніе, занимательность и поучительность отступленія 10.000 грековъ справедливо стяжали ему громкую славу, удивленіе и хвалу потомства, и классическую извѣстность. И безпристрастный судъ потомства, единогласный приговоръ всѣхъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ военныхъ людей и писателей древнихъ и новѣйшихъ временъ, признали отступление 10.000 грековъ — однимъ изъ блистательнѣйшихъ военныхъ подвиговъ древности, Ксенофонта однимъ изъ лучшихъ полковод-

цевъ и военныхъ писателей Греціи, а Анабазисъ его — образцовымъ военно-историческимъ твореніемъ, въ высшей степени занимательнымъ и поучительнымъ для всякаго военнаго человѣка, въ особенности для того, кто въ немъ самомъ захочетъ вполне изучить отступление 10.000 грековъ и все вообще, относящееся къ военной системѣ грековъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ВОЙНА СПАРТЫ СЪ ПЕРСАМИ И ГРЕЧЕСКИМЪ СОЮЗОМЪ. ПОХОДЫ АГЕЗИЛАЯ. (399 — 387).

§ 67. Война Спарты съ персами (399 — 394). — § 68. Война Спарты съ персами и греческимъ союзомъ (394 — 387).

Источники: Ксенофонта Элленики, Діодоръ Сицилійскій и указанные выше.

§ 67.

Война Спарты съ персами (399 — 394).

Содѣйствіе Спарты и іонянъ Киру младшему поставило Спарту, послѣ неудачи и смерти Кира, въ непріязненныя отношенія къ персамъ, а іонянъ заставило, по назначеніи на мѣсто Кира Тиссаферна, опасаться мщенія новаго сатрапа и просить покровительства и защиты Спарты. Спартанское правительство, не ожидая болѣе отъ персовъ ни пріязни, ни содѣйствія, уже научась, изъ отступленія 10.000 грековъ, презирать непріязнь персовъ и радуясь случаю утвердить власть свою и на берегахъ малой Азіи, охотно приняло іонянъ подъ свое покровительство и весною 399-го года отправило въ Іонію 5.300 чел. войскъ (1.000 лакедемонянъ, большею частію изъ неодамовъ, 4.000 чел. союзныхъ войскъ и 300 чел. афинской конницы) подъ предводительствомъ спартанца Θимврона. Выборъ предводителя былъ неудаченъ. Θимвронъ, какъ полководецъ, не обнаружилъ никакихъ дарованій, войскомъ начальствовалъ слабо, попустилъ съ его стороны большіе беспорядки и грабежи, и возбу-

диль тѣмъ крайнее неудовольствіе іонянъ. Сначала, усиленный Кировымъ войскомъ (около 5.000 челов.) подъ начальствомъ Ксенофонта и войсками іонійскими, онъ былъ впущенъ во многіе іонійскіе города. Но вскорѣ отъ нѣкоторыхъ другихъ онъ получилъ рѣшительный въ томъ отказъ и былъ принужденъ взять оныя силою, долго и безуспѣшно осаждалъ Лариссу въ древней Троадѣ и наконецъ, вслѣдствіе усиленныхъ жалобъ іонянъ Спартѣ, по минованіи годичнаго срока начальствованія былъ смѣненъ спартанцемъ Деркиллидомъ и осужденъ на изгнаніе (398). Выборъ Деркиллида былъ гораздо удачнѣе. Честный, безкорыстный спартанецъ, Деркиллидъ явилъ себя и искуснымъ политикомъ. Возстановивъ въ войскѣ строгій воинскій порядокъ, онъ успѣлъ, сначала искусными переговорами привести Тиссаферна въ бездѣйствіе, а потомъ, обратясь противъ Фарнабаза, умѣніемъ пользоваться смутными обстоятельствами Эоліи, искусными переговорами и соблюденіемъ въ войскѣ строгаго порядка — въ одну недѣлю занять почти всѣ эолійскіе города, которые и предали себя покровительству Спарты. Этимъ онъ принудилъ Фарнабаза согласиться на заключеніе перемирія, условіемъ котораго было признаніе независимости эолійскихъ городовъ отъ персовъ. Пользуясь этимъ перемиріемъ, Деркиллидъ зимою съ 398-го на 397-й годъ обезпечилъ еракійскій Херсоннесъ отъ набѣговъ еракянъ, устроеніемъ поперегъ полуострова надежной укрѣпленной линіи. Въ знакъ признательности своей за всѣ эти заслуги, спартанское правительство продолжило Деркиллиду срокъ начальствованія еще на годъ.

Между тѣмъ греческіе города Каріи обратились къ Спартѣ съ просьбою и ихъ также, подобно городамъ іонійскимъ и эолійскимъ, принять подъ свое покровительство. Спартанское правительство охотно согласилось на это и приказало Деркиллиду идти въ Карію, а спартанскому флоту содѣйствовать ему съ моря. Но непосредственнымъ слѣдствіемъ движенія Деркиллида, весною 397-го года, въ Карію, было соединеніе Тиссаферна, имѣвшаго въ Каріи большія и богатые помѣстья, съ Фарнабазомъ, противъ котораго онъ передъ тѣмъ былъ поставленъ хитрою политикою Деркиллида въ непріязненныя отношенія. Между тѣмъ, какъ Деркиллидъ

шелъ въ Карію, оба сатрапа вторглись, въ тылу его, въ земли ефесскаго округа и начали грабить и разорять ихъ. Деркиллидъ немедленно обратился назадъ. Покинутый бѣжавшими іонійскими войсками и имѣя уже не болѣе 7.000 своихъ войскъ, онъ встрѣтилъ въ долинѣ Мэандра соединенныя силы Тиссаферна и Фарнабаза, простиравшіяся до 20.000 челов. пѣхоты и 10.000 человѣкъ конницы. Къ счастью для него, между обоими сатрапами произошли несогласія. Фарнабазъ желалъ боя, но Тиссафернъ, довольный тѣмъ, что отвлекъ Деркиллида отъ Каріи, вступилъ съ нимъ въ переговоры. И вскорѣ, на условіяхъ признанія независимости всѣхъ малоазіятскихъ греческихъ городовъ отъ персовъ и очищенія спартанскимъ войскомъ малой Азіи, заключено было, до утвержденія этихъ условій Артаксерксомъ и Спартою, перемиріе (лѣтомъ 397-го года).

Такъ, безъ блистательныхъ военныхъ подвиговъ, безъ громкихъ побѣдъ и даже безъ пролитія крови, единственно постояннымъ соблюденіемъ въ войскѣ строгаго воинскаго порядка, справедливостью, безкорыстіемъ и умною, тонкою политикою, Деркиллидъ въ полтора года времени успѣлъ достигнуть важныхъ для Спарты результатовъ — даровать малоазіятскимъ греческимъ поселеніямъ независимость отъ персовъ и утвердить вліяніе Спарты на берегахъ малой Азіи.

Вскорѣ въ Спартѣ произошла важная перемѣна. Осенью 397-го года спартанскій царь Агисъ II умеръ и на мѣсто его, стараніями Лизандра, избранъ былъ братъ Агиса отъ другой матери, Агезилай. Воцареніе Агезилая составляетъ эпоху въ политической и военной исторіи Спарты. 41 годъ (397 — 356) царствовалъ Агезилай и въ теченіе всего этого времени былъ, какъ государственный чело-вѣкъ и полководецъ, опорою и украшеніемъ Спарты. Въ послѣднемъ отношеніи въ особенности онъ сталъ на ряду отличнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ полководцевъ Греціи. Всѣ многочисленные походы его заслуживаютъ вниманія и изученія, но въ особенности первые, въ малой Азіи. Укажемъ главныя черты и достоинства какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Около года спустя по избраніи Агезилая (въ началѣ осени

396-го года) спартанское правительство узнало, что персы вооружают въ финикійскихъ пристаняхъ сильный флотъ. Почти увѣренное, что цѣлю этихъ вооруженій было удержаніе персами малоазіятскихъ греческихъ поселеній въ своей власти и что Артаксерксъ не утвердитъ перемирія, заключеннаго Тиссаферномъ и Фарнабазомъ съ Деркиллидомъ, оно положило предупредить персовъ въ малой Азіи и немедленно отправить туда войско. Агезилай вызвался лично предводительствовать имъ, подвигнутый къ тому Лизандромъ, надѣявшимся управлять имъ по своей волѣ. Онъ потребовалъ только 2.000 лакедемонскихъ неодамовъ и 6.000 чел. союзной тяжелой пѣхоты, и сверхъ того 30 знатныхъ спартанцевъ, въ видѣ совѣта, съ тою цѣлю, чтобы угодить спартанскимъ олигархамъ и тѣмъ легче склонить ихъ къ врученію ему начальствованія въ войнѣ. Дѣйствительно, онъ успѣлъ въ этомъ и, получивъ требуемое число войскъ, съ совѣтомъ изъ 30-ти знатныхъ спартанцевъ (въ числѣ которыхъ, разумѣется, находился и Лизандръ), въ концѣ 396-го года переправился въ Ефесъ. Но уже вскорѣ по прибытіи въ малую Азію онъ вполне явилъ свою самостоятельность и независимость отъ приданнаго ему совѣта и отъ Лизандра. За то въ Ксенофонтѣ, неотлучно находившемся при немъ во все время пребыванія его въ малой Азіи, онъ приобрѣлъ совѣтника, тѣмъ болѣе важнаго и полезнаго, что Ксенофонтъ былъ искреннимъ его другомъ.

Встревоженный прибытіемъ въ малую Азію спартанскаго войска подъ личнымъ предводительствомъ спартанскаго царя, Тиссафернъ освѣдомился о причинахъ и цѣли онаго. Агезилай отвѣчалъ откровенно, что имѣлъ въ виду только обезпеченіе независимости малоазіятскихъ греческихъ поселеній—и это было справедливо. Тогда коварный сатрапъ продолжилъ срокъ перемирія, заключеннаго съ Деркиллидомъ, еще на 3 мѣсяца, а самъ между тѣмъ втайнѣ принялъ дѣятельныя мѣры къ поспѣшному сбору войскъ изъ внутреннихъ областей государства. Коль же скоро войска эти начали подходить, онъ объявилъ Агезилаю, что война будетъ возобновлена, если спартанское войско не очиститъ малой Азіи (395). Въмѣсто отвѣта, Агезилай немедленно приказалъ войскамъ іоній-

скимъ, эолійскимъ и геллеспонтскимъ собираться къ Ефесу, а собственному войску — быть готовымъ къ походу, — распустилъ слухъ, что двинется въ Карію и сдѣлалъ необходимыя для подтвержденія этого слуха распоряженія. Тиссафернъ, опасаясь за Карію или лучше сказать — за свои помѣстья въ ней, послалъ изъ Сардеса, мѣстопробыванія своего, въ Карію почти всю свою пѣхоту, такъ какъ эта область была весьма гориста, — самъ же съ многочисленною конницею расположился въ долину Мэандра, надѣясь подавить войско Агезилая на равнинахъ безъ труда и еще прежде, нежели оно достигнетъ горъ Каріи. Но Агезилай зналъ, что на равнинахъ превосходство будетъ на сторонѣ персовъ, а не грековъ, имѣвшихъ весьма мало конницы, и довольный тѣмъ, что привлекъ вниманіе и силы Тиссаферна къ югу, внезапно обратился въ противоположную сторону — къ сѣверу, въ область Фарнабаза, Мизію. Этимъ онъ во 1-хъ скоро и безъ препятствія присоединилъ къ себѣ войска греческихъ поселеній, къ сѣверу отъ Ефеса лежавшихъ, равно и находившееся тамъ Кирово войско, — и во 2-хъ вторгнулся въ Мизію столь неожиданно, что край былъ разграбленъ и разоренъ, а города сдались — безъ сопротивленія. Такъ онъ дошелъ почти до самаго города Даскилія, мѣстопробыванія Фарнабаза, на южномъ берегу Пропонтиды. Здѣсь онъ испыталъ всю невыгоду малочисленности и дурнаго устройства греческой конницы. Приближаясь къ Даскилію, конница его, предшествовавшая войску, встрѣтила равносильный отрядъ Фарнабазовой конницы и построилась въ одну линію глубиною въ 4 шеренги. Персы же, построенные въ сомкнутыя массы (по теперешнему въ колонны) глубиною въ 12 всадниковъ, напали въ этомъ строѣ на греческую конницу и опрокинули ее съ урономъ на главныя силы. Этотъ случай убѣдилъ Агезилая, что безъ болѣе многочисленной и лучше устроенной конницы ему невозможно будетъ съ успѣхомъ дѣйствовать противъ персовъ на равнинахъ. И потому, отступивъ къ Ефесу, онъ зимою съ 395-го на 394-й годъ принялъ всевозможныя мѣры для умноженія числа своей конницы. Для этого онъ призвалъ всѣхъ богатыхъ греческихъ поселенцевъ къ конной службѣ, объявивъ имъ, что могутъ вмѣсто себя вы-

ставлять наемниковъ, лишь бы только они были добродѣтели и хорошо вооружены. Греческіе поселенцы оказали въ этомъ большое усердіе и къ веснѣ 394-го года конница Агезилаева была значительно умножена хорошо-вооруженными всадниками, на добрыхъ коняхъ. Агезилай собралъ въ Ефесѣ все свое войско и занялся тщательнѣйшимъ обученіемъ не однихъ оплитовъ, но и пелтастовъ, и псильовъ, и конницы. Для возбужденія соревнованія, онъ установилъ почетныя награды особенно отличавшимся. Сверхъ того онъ произвелъ тщательный осмотръ оружія, принялъ всевозможныя мѣры для обезпеченія продовольствованія, собралъ вьючный скотъ, разнаго рода военные запасы, рабочихъ, маркитантовъ и проч.—и наконецъ — религіозными обрядами возвысилъ въ войскахъ духъ. «Чего—говорить при этомъ случаѣ Ксенофонтъ—невозможно было ожидать отъ войска, которое исполняло обязанности свои къ богамъ, прилежно занималось воинскими упражненіями и соблюдало строгій воинскій порядокъ?» Между тѣмъ Лизандръ и прочіе 29 спартацевъ, по минованіи годичнаго срока, воротились въ Спарту, а прибывшіе на ихъ мѣсто были уже распредѣлены Агезилаемъ въ должности частныхъ военачальниковъ: конницы, неодамовъ, Кирова войска и малоазіатскихъ греческихъ ополченій.

Превосходно приготовивъ такимъ образомъ войско свое къ слѣдующему походу, Агезилай объявилъ, что поведетъ его въ богатѣйшую страну непріятеля, въ которой оно должно ожидать упорнѣйшаго сопротивленія. Тиссафернъ, полая, что то была новая хитрость и опасаясь снова быть обманутымъ, вторично пѣхоту послалъ въ Карію, а конницу расположилъ въ долину Мэандра;—самъ же остался въ Сардесѣ (весною 394-го года). Но Агезилай на этотъ разъ сдѣлалъ именно то, что объявилъ: пошелъ прямо въ сардійскій округъ и три дня войско его грабило оный безпрепятственно. На 4-й день, въ то время, когда прислуга греческаго обоза была разсѣяна по берегамъ Пактола для грабежа, отрядъ персидской конницы внезапно напалъ на нее и нанесъ ей большой уронъ. Агезилай немедленно послалъ на помощь свою конницу;—но въ это время прибыла уже вся конница Тиссафернова и построилась въ боевой порядокъ. Мѣстность была невыгодна для

боя грековъ съ превосходною числомъ и качествомъ непріятельскою конницею; — но греки имѣли на своей сторонѣ то преимущество, что все войско ихъ было сосредоточено, у персовъ же была одна конница безъ пѣхоты. Агезилай рѣшился тѣмъ воспользоваться и приказалъ: всей своей конницѣ — напасть на персовъ, легкой пѣхотѣ — слѣдовать за нею быстрымъ бѣгомъ, а за легкою пѣхотою лично повелъ скорымъ, но мѣрнымъ шагомъ всю фалангу. Персы выдержали ударъ греческой конницы, но дрогнули при видѣ наступленія грозной фаланги, предшествуемой легкой пѣхотою — и бѣжали, оставивъ въ рукахъ грековъ станъ свой съ богатою въ немъ добычею. Греческая легкая пѣхота бросилась было грабить его; — но Агезилай окружилъ оный тяжелою пѣхотою и тѣмъ воспрепятствовалъ разграбленію его. Въ Сардесѣ распространились неудовольствіе противъ Тиссаферна, за то, что его не было при войскѣ, и страхъ, особенно когда Агезилаево войско подступило къ городу и стало грабить и разорять его окрестности. Чтобы еще болѣе возбудить народъ противъ персовъ, Агезилай объявилъ себя другомъ и покровителемъ всѣхъ, которые желали своего освобожденія, и увѣрялъ въ готовности своей съ оружіемъ въ рукахъ оспаривать права персовъ на господство въ малой Азіи. Страхъ овладѣлъ самымъ персидскимъ дворомъ и таково уже было безсиліе персидскаго государства, что Тиссафернъ былъ казненъ, какъ главный виновникъ всего происшедшаго, а назначенный на его мѣсто Тиѳравстъ немедленно вступилъ съ Агезилаемъ въ переговоры, утвердилъ условія Деркиллидова договора и даже заплатилъ Агезилаю 30 талантовъ, лишь бы только онъ очистилъ Лидійскую сатрапію и напалъ на области Фарнабаза. А между тѣмъ, для совершеннаго отвлеченія Спарты отъ малой Азіи и персидскаго государства, и отвращенія грозившей послѣднему опасности, Артаксерксъ прибѣгнулъ къ такому средству, которое, бывъ увѣнчано успѣхомъ, спасло персидское государство, а Спарту поставило въ самое трудное и опасное положеніе. Тиѳравстъ былъ снабженъ значительною суммою денегъ для подкупа демократовъ въ Греціи и возбужденія въ ней возстанія и войны противъ Спарты. Тиѳравстъ возложилъ это порученіе на родосца Тимократа — и вскорѣ

вся Греція пришла въ волненіе (394). Главными въ числѣ враговъ Спарты явились еивяне, со времени пелопоннесской войны смѣло и сильно сопротивлявшіеся этой республикѣ. Враги Спарты ждали только повода къ явному разрыву — и онъ не замедлилъ представиться. Между локрянами и фокеецами произошла война: еивяне немедленно приняли сторону своихъ союзниковъ локрянъ, разграбили Фокиду и привлекли къ союзу съ собою и аеинянъ. Фокеецы же просили помощи Спарты, и спартанское правительство, радуясь случаю силою оружія унизить гордость еивянъ, собрало противъ нихъ два войска: одно, составленное изъ фокеецевъ и другихъ союзниковъ Спарты, подъ предводительствомъ Лизандра — въ Фокидѣ, а другое, спартанское, подъ предводительствомъ другого спартанскаго царя, Павзанія — въ Пелопоннессѣ (394). Оба должны были въ одно время съ двухъ разныхъ сторонъ двинуться въ Віотію и соединиться при Галиартѣ.

§ 68.

Война Спарты съ персами и греческимъ союзомъ (394—387).

Съ самаго начала войны въ Греціи, Спарта претерпѣла жестокой ударъ. Лизандръ двинулся изъ Фокиды въ Віотію, сперва къ Орхомену, нетерпѣливо желавшему освободиться отъ власти Тивъ, а отъ Орхомена, по усиленіи своемъ его войсками — къ Галиарту. Павзанія еще не было здѣсь, и Лизандръ, не впущенный въ Галиартъ, уже готовился взять оный приступомъ, когда внезапно на него напали еивяне. Узнавъ отъ перехваченныхъ вѣстниковъ, что Лизандръ и Павзаній должны соединиться при Галиартѣ, они немедленно обратились противъ перваго изъ нихъ, какъ ближайшаго, уже стоявшаго подъ стѣнами этого города. Отъ того-ли, что нападеніе еивянъ было совершенно неожиданнымъ, или потому, что Лизандръ слишкомъ надѣялся на собственное искусство, на усердіе и воинскій порядокъ своего войска, и на вѣроятныя ошибки непріятеля, — но въ происшедшемъ при Галиартѣ сраженіи войско его было разбито наголову и онъ самъ убитъ (394). Собравшись на ближайшихъ высотахъ, разбитое войско его отразило дальнѣй-

шія нападенія еивянъ, но, не имѣя болѣе предводителемъ Лизандра, разошлось по своимъ городамъ. Вскорѣ къ Галиарту прибылъ Павзаній и здѣсь случилось то, чему дотолѣ въ лѣтописяхъ Спарты не было примѣра. Спартанскій царь и находившійся при немъ совѣтъ, не отважась на бой, согласились—тѣла убитыхъ въ битвѣ при Галиартѣ воиновъ выкупить цѣною немедленнаго, постыднаго отступленія изъ Віотіи. Павзаній былъ за то низложенъ и приговоренъ къ смерти, но спасся бѣгствомъ въ Тегею.

Побѣда при Галиартѣ и отступленіе Павзанія имѣли важныя слѣдствія. Къ еивянамъ и аѳинянамъ открыто присоединились коринѳяне и затѣмъ постепенно аргивяне, Акарнанія, Амвракія, островъ Левкадія, часть Θεσσαλίи, Эвбея и халкидійскіе города во Θρακίи. Спартѣ угрожала большая опасность и спартанское правительство нашлось вынужденнымъ поспѣшно отозвать Агезилая изъ малой Азіи.

Здѣсь между тѣмъ дѣла Спарты ужѣ принимали чрезвычайно важный оборотъ. Страхъ, наведенный предшествовавшими дѣйствіями и успѣхами Агезилая на персидскій дворъ, и поспѣшность, съ которою Артаксерксъ утвердилъ деркиллидовъ договоръ, вполне доказали безсиліе персидскаго правительства и возродили уже въ Агезилаѣ обширные въ отношеніи къ Азіи замыслы, которыхъ онъ, можетъ быть, прежде и не имѣлъ или по крайней мѣрѣ не въ такой степени. Руководимый совѣтами Ксенофонта, онъ возымѣлъ — если вѣрить послѣднему — мысль, подобную той, которую судьба предоставила исполнить, 70 лѣтъ спустя, Александру Великому. «Движимый» — говоритъ Ксенофонтъ — «не тщеславными и своекорыстными видами, не страстію къ завоеваніямъ, но стремленіемъ къ истинному благу Греціи, къ ея и собственной славѣ, Агезилай составилъ смѣлый, обширный и важный замыселъ — раздробить персидское государство и даровать различнымъ областямъ и народамъ онаго независимость и самостоятельность». И должно сказать, что все или по крайней мѣрѣ многое подавало самыя благопріятныя надежды на успѣхъ подобнаго предпріятія. Предшествовавшій опытъ и въ особенноти отступленіе 10.000 грековъ убѣждали въ возможности и даже легкости

исполненія его и указали необходимыя для исполненія онаго средства. Агезилай пользовался въ малой Азіи такими уваженіемъ, любовію и вліяніемъ, которыхъ до него въ странѣ этой еще никто изъ грековъ не пріобрѣталъ въ такой степени, и начальствовалъ такимъ войскомъ, равнымъ которому по числу и превосходнымъ устройству и духу дотолѣ никто еще изъ грековъ не предводительствовалъ внѣ предѣловъ Греціи. И флотъ спартанскій также въ это время былъ уже поставленъ подъ главное его начальство. Наконецъ — вѣрность нѣкоторыхъ знатныхъ и сильныхъ персидскихъ сатраповъ, вельможъ и данниковъ уже была поколеблена и многіе изъ нихъ были готовы, при первомъ удобномъ случаѣ, отложиться отъ Артаксеркса и поднять противъ него оружіе. И сильный сознаниемъ всѣхъ этихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствъ, Агезилай уже неуклонно стремился къ великой, предположенной имъ цѣли. По заключеніи договора съ Тиеравстомъ, онъ двинулся осенью 394 года чрезъ Виѣнцію въ Пафлагонію. Фарнабазъ не былъ приготовленъ къ оборонѣ, и потому движеніе Агезилая чрезъ Виѣнцію было совершено безъ сопротивленія. Въ Пафлагоніи нѣкоторые города сдались, другіе были взяты силою, а край разграбленъ и разоренъ, чѣмъ ускорено заключеніе тѣснаго союза между Агезилаемъ и подвластнымъ персамъ, владѣтелемъ или царемъ Пафлагоніи Кописсомъ. Получивъ отъ послѣдняго въ подкрѣпленіе 1.000 человекъ конницы и 2.000 человекъ пѣхоты, Агезилай изъ Пафлагоніи повелъ войско къ Даскилію, для расположенія его тамъ на зимнихъ квартирахъ, доставленія ему обильнаго содержанія на счетъ непріятельской страны и вознагражденія его, богатою въ ней добычею, за его труды и хорошую службу. Такъ какъ Фарнабазъ не имѣлъ пѣхоты, которую могъ бы съ успѣхомъ противопоставить греческой тяжелой пѣхотѣ, то все его и подданныхъ его достояніе и досталось въ добычу Агезилаеву войску. Однакоже Агезилай, при всѣхъ своихъ предусмотрительности и строгости, не могъ отвратить неизбежныхъ при грабежѣ безпорядковъ. У Фарнабаза же войскъ было, хотя и недостаточно для веденія надлежащимъ образомъ войны оборонительной въ большомъ размѣрѣ, но весьма довольно для веденія малой войны, да притомъ

и онъ самъ не былъ чуждъ необходимыхъ для того дѣятельности и искусства. И такимъ образомъ онъ довольно успѣшно велъ малую войну противъ отдѣльныхъ отрядовъ Агезилаева войска, выходившихъ для сбора продовольствія и на грабежъ. Разъ случилось, что отрядъ человѣкъ въ 700 Агезилаевыхъ войскъ, въ безпорядкѣ вышедшій съ этою цѣлію въ поле, былъ внезапно атакованъ Фарнабазомъ съ 400 человѣкъ конницы и 2-мя военными колесницами, приведенъ въ разстройство и разсѣянъ съ урономъ 100 человѣкъ. Въ отмщеніе за то, три дня спустя сильный отрядъ Агезилаева войска, составленный большею частію изъ добровольно вызвавшихся охотниковъ, въ свою очередь произвелъ рано на разсвѣтѣ внезапное нападеніе на станъ Фарнабаза. Войска послѣдняго бѣжали, покинувъ и станъ, и богатую въ немъ добычу. Строгость, употребленная при этомъ спартанскимъ предводителемъ отряда для воспрепятствованія разграбленію стана, возбудила такое неудовольствіе въ пафлагонскихъ войскахъ, что они ушли отъ Агезилая въ Сардесъ и тамъ передались персамъ. Этотъ случай былъ крайне непріятенъ Агезилаю, который именно заключеніемъ союзовъ и привлеченіемъ на свою сторону и правителей, и народа хотѣлъ облегчить исполненіе своего замысла касательно персидскаго государства; заключеніе же союза съ владѣтелемъ Пафлагоніи было первымъ къ тому шагомъ. Но вскорѣ представилась возможность вознаградить этотъ непріятный случай другаго рода выгодами. Одинъ грекъ изъ Кизика, другъ Фарнабаза, вызвался быть посредникомъ между нимъ и Агезилаемъ. Слѣдствіемъ этого были личныя свиданіе и переговоры Агезилая съ Фарнабазомъ, утвердившіе между ними взаимныя дружбу и уваженіе, и по данному Фарнабазу обѣщанію, Агезилай вывелъ войско свое изъ его областей. Расположивъ оное на эолійскомъ берегу, въ ѳивской долинѣ, и намѣреваясь весною 393 года уже предпринять походъ во внутреннія области персидскаго государства, онъ зимою съ 394 на 393 годъ дѣятельно занялся всѣми необходимыми для того приготовленіями и въ особенности усиленіемъ своего войска, для чего пригласилъ малоазіатскихъ грековъ произвести новые наборы.

И въ это самое время, когда предъ нимъ открывалось новое,

обширное и блистательное поприще военной славы — спартанское правительство повелѣло ему сколь можно поспѣшнѣе возвратиться въ Спарту... Съ глубокою горестью повиновался Агезилай, но, покидая малую Азію, хотѣлъ по крайней мѣрѣ обезпечить греческія поселенія въ ней и привести съ собою въ Грецію сильное и хорошее войско. Съ этою цѣлію, оставивъ 4.000 спартанскихъ и пелопоннезскихъ войскъ въ малой Азіи, а спартанскій флотъ у береговъ ея, самъ Агезилай, значительно усилясь малоазіатскими греческими войсками, вновь и большею частию добровольно вызвавшимися послѣдовать за нимъ, переправился (въ половинѣ іюля 393 года) чрезъ Геллеспонтъ и быстро двинулся въ Грецію тѣмъ же путемъ, которымъ нѣкогда слѣдовалъ Ксерксъ. Походъ чрезъ Θракію и Македонію онъ совершилъ безпрепятственно, потому что страны эти частию были въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Спартѣ, частию же опасались непріязненно дѣйствовать противъ ея царя и войска. Въ Θессаліи онъ встрѣтилъ сопротивленіе, но слабое и незначущее, ибо, хотя часть Θессаліи была въ союзѣ съ врагами Спарты, но ѳессалыне были раздираемы междоусобіями и потому не могли дѣйствовать противъ Агезилая совокупностію силъ своихъ и съ надлежащимъ единствомъ. Такимъ образомъ Агезилай безъ всякаго препятствія миновалъ горные проходы, ведущіе изъ Македоніи въ Θессалію, а въ равнинахъ послѣдней ѳессалійская конница, хотя и пыталась тревожить его войско, но была съ успѣхомъ отражена его конницею, поддержанною пѣхотою. Послѣ того Агезилай до самыхъ предѣловъ Віотіи шелъ уже вполне безпрепятственно. Вообще весь походъ его отъ Геллеспонта до предѣловъ Віотіи замѣчателенъ необыкновенною быстротою, съ которою былъ совершенъ, и строгимъ воинскимъ порядкомъ, въ которомъ Агезилай во все время онаго содержалъ свое войско.

Но между тѣмъ, какъ онъ шелъ въ Грецію, въ сей послѣдней, нѣсколько времени спустя, у береговъ малой Азіи произошли два событія, имѣвшія важное вліяніе на ходъ войны.

Греческій союзъ успѣлъ вооружить до 50.000 войскъ (около 24.000 человѣкъ тяжелой пѣхоты и столько же легкой и болѣе 1.500 человѣкъ конницы), съ которыми и положилъ произ-

вестъ вторженіе въ самую Лаконію, по той причинѣ, какъ объявилъ одинъ изъ членовъ общаго совѣта союзниковъ, что «въ Лаконіи Спарта имѣла для своей обороны одни собственные войска, — по мѣрѣ же удаленія отъ Лаконіи, войско спартанское, подобно потоку, усиливалось бы болѣе и болѣе войсками союзниковъ Спарты». Дѣйствительно, Спарта значительнымъ силамъ, вооруженнымъ греческимъ союзомъ, могла противопоставить въ это время всего только около 14.000 собственныхъ и союзныхъ пелопоннезскихъ войскъ (около 13.400 человекъ пѣхоты и 600 человекъ конницы). Но относительная слабость силъ ея была уравниваема единствомъ въ начальствованіи ими: ибо вмѣсто малолѣтняго спартанскаго царя Агезиполя войскомъ предводительствовалъ одинъ, нераздѣльно, знатный спартанецъ Аристодемъ. Это доставило спартанцамъ важныя преимущества. Пока войско греческаго союза было собрано въ Коринѣ еще только въ числѣ около 22 или 24.000 человекъ и союзники еще спорили о главномъ начальствованіи и мѣстахъ въ боевомъ порядкѣ, Аристодемъ успѣлъ собрать все спартанское войско, выступить въ походъ, прибыть къ Коринѣу и застигнуть союзное войско, такъ сказать, врасплохъ. Здѣсь произошло (лѣтомъ 393 года) сраженіе, съ самаго начала котораго ахеяне, составлявшіе лѣвое крыло спартанскаго войска и имѣвшіе противъ себя, на правомъ крылѣ союзнаго, еивянь — бѣжали. Примѣру ихъ послѣдовали всѣ прочіе союзники Спарты. Но сами спартанцы, составлявшіе правое крыло, нанесли находившимся противъ нихъ на лѣвомъ крылѣ союзнаго войска аеинянамъ сильное пораженіе и окончательно, благодаря мужеству и въ особенности отличному воинскому порядку своимъ, одержали надъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ побѣду, нанеся ему значительный уронъ, сами же претерпѣвъ лишь маловажную потерю. Разбитое союзное войско удалилось изъ Пелопоннеза и намѣреніе союзниковъ напасть на Лаконію не могло быть приведено въ исполненіе. Но тѣмъ и ограничились всѣ выгоды побѣды спартанцевъ при Коринѣѣ, ибо они не воспользовались одержаннымъ успѣхомъ и воротились въ Лаконію. Такимъ образомъ побѣда при Коринѣѣ была побѣдою нерѣшительною.

Напротивъ на морѣ, нѣсколько времени спустя, Спартѣ нанесъ былъ такой ударъ, который далъ войнѣ рѣшительный оборотъ въ пользу греческаго союза и персовъ. Главнымъ виновникомъ этого былъ Кононъ. Спасшись, какъ выше было сказано (глава VIII, § 59), отъ пораженія при Эгосъ-Потамосѣ, съ 9-ю триремами на островъ Кипръ, онъ жилъ у владѣтеля города Саламина на этомъ островѣ, Эвагора, до тѣхъ поръ, пока открывшаяся между Спартою и персами война не представила ему удобнаго случая унижить Спарту и снова возвысить свое отечество, Аѣины. Онъ склонилъ Эвагора и Фарнабаза къ совокупнымъ съ нимъ дѣйствіямъ на морѣ противъ Спарты и предложилъ свои услуги Артаксерксу. Артаксерксъ принялъ ихъ съ радостію, значительно усилилъ флотъ свой и назначилъ Конона предводителемъ его подъ главнымъ начальствомъ Фарнабаза. Въ половинѣ 393-го года Фарнабазъ и Кононъ явились уже въ Эгейскомъ морѣ, имѣя превосходство силъ на своей сторонѣ, и отправились отыскивать спартанскій флотъ. Они нашли его расположеннымъ при мысѣ Книдѣ, къ сѣверу отъ Родоса *). Агезилай, получивъ главное надъ нимъ начальство, съ правомъ назначенія ему предводителя, имѣлъ неблагоразуміе избрать въ это званіе не какого-либо опытнаго моряка, но вовсе несвѣдущаго въ морскомъ дѣлѣ, зятя своего, Пизандра. Неопытность послѣдняго и искусство Конона имѣли слѣдствіемъ то, что въ произшедшей при мысѣ Книдѣ (въ августъ 393 года) битвѣ спартанскій флотъ претерпѣлъ совершенное пораженіе. 50 триремъ его были взяты, а самъ Пизандръ палъ въ бою.

Вѣсть объ этой побѣдѣ дошла до Агезилая въ то самое время, когда онъ, прибывъ къ предѣламъ Віотіи, готовился чрезъ нѣсколько дней встрѣтиться и сразиться съ вновь собраннымъ уже, сильнымъ войскомъ греческаго союза. Уныніе и даже страхъ овладѣли имъ, какъ онъ ни былъ твердъ и отваженъ. Но онъ тща-

*) Ксенофонтъ, вообще пристрастный въ своихъ Эленикахъ къ Агезилаю и Спартѣ, говоритъ, что уже одинъ греческій флотъ Конона и Эвагора силою превосходилъ спартанскій. По Діодору же у Фарнабаза, Конона и Эвагора вмѣстѣ было всего немного болѣе 90, а у Пизандра 85 триремъ. Но Ксенофонтово показаніе сомнительно, а Діодорово недостоверно.

тельно скрылъ отъ своего войска и собственные чувства, и истину о побѣдѣ при Книдѣ, и напротивъ, для сильнѣйшаго одушевленія его, объявилъ, что Пизандръ палъ, но цѣною своей жизни купилъ побѣду. Затѣмъ онъ бодро и смѣло двинулся въ Віотію, къ Орхомену, а оттуда къ Коронѣ. Долина коронейская замыкалась къ с. горою Кефиссомъ, а къ ю. Геликономъ. Съ высоты Кефисса Агезилай усмотрѣлъ на Геликонѣ войско греческаго союза. Усиленный на походѣ чрезъ Фокиду и Віотію войсками фокейскими и орхоменскими, одною морюю спартанской тяжелой пѣхоты, присланною ему изъ Спарты и полъ-морюю, бывшею въ Орхоменѣ, онъ имѣлъ числомъ — почти равныя съ непріателемъ (сколько именно — неизвѣстно), но качествомъ — значительно уступавшія ему силы. Ибо собственныхъ войскъ Спарты у Агезилая было мало, а всѣ прочія, большею частію малоазіятскія, никакъ не могли сравняться съ европейскими войсками союзниковъ. Въ глубокой тишинѣ спустились оба войска въ одно время въ долину коронейскую (въ августѣ 393 года, вскорѣ послѣ битвы при Книдѣ) и неподалеку отъ стѣнъ Короней построились въ боевой порядокъ. На правомъ крылѣ Агезилая стали спартанцы, а на лѣвомъ орхоменяне, — въ войскѣ союзниковъ же на правомъ крылѣ, противъ орхоменянъ — ѳивяне (которымъ принадлежало и главное начальствованіе), а на лѣвомъ, противъ спартанцевъ — аргивяне. Въ тылу за Агезилаевымъ войскомъ находилась спартанская запасная конница, а еще далѣе — тяжести и обозы войска. Союзники первые открыли бой фронтальнымъ нападеніемъ. Съ самаго начала ѳивяне опрокинули орхоменянъ, Агезилай съ спартанцами — аргивянъ, а кировы, іонійскія, эолійскія и геллеспонтскія войска — средину войска греческаго союза. Послѣдняя и аргивяне бѣжали къ Геликону и были преслѣдованы туда срединною Агезилаева войска. ѳивяне же, разсѣявъ и преслѣдуя орхоменянъ, проникли до самыхъ тяжестей и обозовъ Агезилаева войска, но здѣсь были удержаны запасною конницею и, видя бѣгство лѣваго крыла и средины своихъ, двинулись, для соединенія съ ними, также къ Геликону. Въ то же самое время Агезилай съ спартанскою тяжелою пѣхотою обратился противъ ѳивянъ. Такимъ образомъ на полѣ сраженія

остались одни еивяне и спартанцы, и притомъ въ такомъ положеніи, что первые въ тылу имѣли уже Кефиссъ, а послѣдніе — Геликонъ. Увлеченный своею отвагою и увѣренный въ побѣдѣ, Агезилай двинулся прямо на встрѣчу еивянамъ, имѣя фалангу свою построенною въ одну сомкнутую линію и намѣреваясь удержать и опрокинуть ею еивянъ съ фронта и совершенно отрѣзать ихъ отъ Геликона. Но еивяне построились, по своему обыкновенію, въ нѣсколько глубокихъ, сомкнутыхъ четвероугольниковъ (по нынѣшнему — колоннъ) и въ этомъ строѣ двинулись на встрѣчу Агезилаевой фалангѣ съ тѣмъ, чтобы прорвать ее, пробиться чрезъ нее и соединиться съ остальными своими войсками. Завязался упорнѣйшій рукопашный бой. Обѣ стороны сражались съ необыкновенными ожесточеніемъ, порядкомъ и отличіемъ. Еивяне между прочимъ оказали такіе стойкость, воинскій порядокъ, твердость въ глубокомъ своемъ строѣ и искусство въ дѣйствіи ручнымъ оружіемъ, что хотя и понесли большой уронъ, но большая часть ихъ успѣла наконецъ прорвать спартанскую фалангу и въ порядкѣ отступить къ Геликону. Остальные же еивяне были отражены и большею частію истреблены.

Такъ описываетъ сраженіе при Коронѣ очевидецъ и участникъ его — Ксенофонтъ. Но, по пристрастію его къ Агезилаю, описанію его нельзя вполне довѣрять. Агезилай точно одержалъ побѣду, но побѣда его вовсе не была, кажется, столь рѣшительною, какъ ее изображаетъ Ксенофонтъ. Это можно заключить, между прочимъ, изъ словъ Плутарха, который именно говоритъ, что еивяне отступили въ совершенномъ порядкѣ. Тяжело раненый въ жестокомъ бою съ ними, Агезилай отправился сначала въ Дельфы, а потомъ въ Спарту лечиться отъ раны. Войско же его расположилось на зиму въ Фокидѣ.

И такъ, обѣ побѣды спартанцевъ, и при Коринѣ, и при Коронѣ, славныя для оружія спартанскаго, не имѣли однакоже никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій, никакой особенной, существенной пользы для Спарты, обезпечили на время Пелопоннезъ, Лаконію и Спарту, но не возвратили ей господства на твердой землѣ. Напротивъ, побѣда при Книдѣ лишила ее флота, а съ нимъ и

господства на морѣ, на островахъ и надъ европейскими и малоазіатскими греческими поселеніями. Всѣ они (за исключеніемъ Абидоса и Сестоса), одни вслѣдъ за другими, отложились отъ нея и присоединились къ ея врагамъ. Спартанскія же войска, оставленныя Агезилаемъ въ малой Азіи, были принуждены очистить города, въ которыхъ находились, и искать убѣжища въ Абидосѣ, гдѣ начальствовалъ доблестный Деркиллидъ.

Съ этого времени война до самаго конца своего (393 — 387) содѣлывается, на твердой землѣ Греціи, на морѣ и на берегахъ малой Азіи—самою рѣшительною наступательною со стороны греческаго союза и персовъ, слабою оборонительною со стороны Спарты и притомъ по большей мѣрѣ неудачною для нея, успѣшною для ея враговъ.

Война, производившаяся на твердой землѣ Греціи, извѣстна въ исторіи подъ названіемъ коринѣской, потому что главнымъ поприщемъ ея были коринѣскіе: перешеекъ и область, равно и область сикіонская, а главными пунктами, къ которымъ устремлялись и изъ которыхъ производились дѣйствія съ обѣихъ сторонъ, были: Коринѣъ, какъ единственный въ Пелопоннезѣ участникъ греческаго союза, и Сикіонъ, какъ ближайшій къ нему и вѣрный союзникъ Спарты. Коринѣскій же перешеекъ сдѣлался особенно важнымъ для обѣихъ сторонъ, какъ ключъ для входа изъ собственной Греціи въ Пелопоннезъ и обратно, и они постоянно стремились овладѣть имъ и утвердиться на немъ для того, чтобы имѣть возможность удалять войну отъ собственныхъ предѣловъ и вносить ее въ предѣлы непріятельскіе.

Такъ съ самаго начала (въ исходѣ 393 года) спартаецъ Пракситъ, начальствовавшій спартанскими войсками въ Сикіонѣ, успѣлъ, при содѣйствіи коринѣскихъ аристократовъ, проникнуть въ длинныя стѣны или укрѣпленныя линіи, соединявшія Коринѣъ съ гаванью его на берегу коринѣскаго залива, Лехэемъ, и нанести въ нихъ рѣшительное пораженіе и огромный уронъ коринѣскимъ, аргивскимъ и віотійскимъ войскамъ. Затѣмъ, сдѣлавъ въ этихъ стѣнахъ широкій проломъ для всегдашняго, удобнаго прохода чрезъ нихъ, онъ утвердился на коринѣскомъ перешейкѣ, поставивъ

на немъ въ нѣсколькихъ пунктахъ гарнизоны. Обезпеченная тѣмъ съ сухаго пути и усиѣвъ одержать за собою господство и въ коринѣскомъ заливѣ, Спарта могла бы уже внести войну въ собственную Грецію. Но опасность, возставшая противъ нея со стороны моря, не только воспрепятствовала ей въ томъ, но и заставила помышлять уже единственно объ оборонѣ Пелопоннеза, Лаконіи и собственной своей.

Значительно усиливъ флотъ свой и посадивъ на него большое число вновь собранныхъ греческихъ наемныхъ войскъ, Фарнабазъ и съ нимъ Кононъ весною 392 года безпрепятственно разграбили и разорили берега Лаконіи. Затѣмъ Фарнабазъ снабдилъ совѣтъ греческаго союза, собравшійся въ Коринѣ, денежными средствами для веденія войны съ Спартою, а Конону доставилъ средства и возможность возстановить укрѣпленія Пирея и длинныя стѣны, соединявшія Пирей съ Аѣинами. Такъ какъ, сверхъ того, аѣиняне уже немедленно послѣ побѣды при Книдѣ начали дѣятельно усиливать свой флотъ, и теперь, какъ и всегда, не имѣли недостатка въ способныхъ и искусныхъ государственныхъ людяхъ и полководцахъ, — правительство же аѣинское дѣйствовало съ рѣшительностію и энергіею, а персы дѣятельно помогали ему деньгами, — то Аѣины въ скоромъ времени и успѣли снова приобрѣсть и господство на морѣ, и вліяніе въ Греціи, и даже отважились открыть военныя дѣйствія и на сухомъ пути, въ самомъ Пелопоннезѣ. Предводительствуемые отличными полководцами своими, на морѣ — Конономъ, Өрасивуломъ и Хабріемъ, а на сухомъ пути — Ификратомъ, они, въ союзѣ съ персами, съ 392 года являются уже главными дѣйствующими въ войнѣ, какъ сухопутной, такъ и морской.

Въ сухопутной или коринѣской съ этого времени въ особенности замѣчательны дѣйствія Агезилая и Ификрата. Первые успѣхи, доставившіе Ификрату, вновь учрежденнымъ имъ пелтастамъ и усовершенствованной имъ тактикѣ пзвѣстность и славу, были одержаны этимъ полководцемъ надъ фліунтянами. Не смотря на демократическій образъ правленія своего, фліунтяне, пзъ ненависти къ аргивянамъ, твердо держались союза съ Спартою. Такъ

какъ Фліунтъ сверхъ того былъ важенъ по своему положенію между Арголидою, Коринѳіею, Сикіоніею и Аркадіею, то противъ него и былъ посланъ аѳинянами Ификратъ съ аѳинскими пелтастами. Успѣвъ пройти чрезъ коринѳскій перешеекъ, разграбивъ и разоривъ край на пути, Ификратъ притворнымъ отступленіемъ завлекъ фліунтянъ въ преслѣдованіе и засаду, и истребилъ бѣольшую часть немногочисленной ихъ тяжелой пѣхоты. Остатки ея были слишкомъ слабы для защиты Фліунта и обезпеченія земель его, и потому фліунтяне были принуждены отдаться подъ покровительство Спарты и передать спартанцамъ замокъ Фліунта (393). Тогда Ификратъ занялъ значительную часть Аркадіи, и такъ великъ былъ страхъ, внушаемый его пелтастами, что даже самые оплиты аркадскіе не отваживались выходить изъ своихъ городовъ. Но спартанцы менѣе опасались Ификратовыхъ пелтастовъ. Разъ, когда, Ификратъ встрѣтилъ спартанскія войска, и пелтасты, по обыкновенію, послѣ дѣйствія метательнымъ оружіемъ, начали отступать для уклоненія отъ рукопашнаго боя, спартанскіе оплиты бросились преслѣдовать ихъ съ такою стремительностью, что нѣкоторыхъ изъ нихъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Съ этихъ поръ уже трудно было заставить аѳинскихъ пелтастовъ сражаться съ спартанскими оплитами на близкомъ разстояніи. Но противъ другихъ пелопоннезскихъ войскъ они вообще дѣйствовали съ успѣхомъ и пользою. Такъ, на примѣръ, Ификратъ разбилъ съ ними при коринѳской гавани Лехэѳ отрядъ мантинейской тяжелой пѣхоты. За всѣмъ тѣмъ аѳиняне все еще опасались, чтобы спартанцы не возобновили вторженій въ Аттику, которыя такъ часто и съ такимъ вредомъ для нея производили во время пелопоннезской войны. Дабы обезпечить себя отъ того, они положили отнять у спартанцевъ коринѳскій перешеекъ и возстановить полуразрушенныя длинныя стѣны Коринѳа. Вслѣдствіе того всѣ аѳинскія войска двинулись на коринѳскій перешеекъ, и, подъ прикрытіемъ ихъ, множество рабочихъ въ нѣсколько дней возстановили сначала западную стѣну, со стороны Сикіона, а потомъ и восточную.

Дабы положить конецъ опустошеніямъ Ификрата въ Пелопоннезѣ и обратно завладѣть коринѳскимъ перешейкомъ, спартанское

правительство снова ввѣрило Агезилаю главное начальствованіе надъ войскомъ, а брата его, Телевтія, назначило предводителемъ флота для содѣйствія Агезилаю съ моря (392). Агезилай разорилъ Арголиду, а Телевтій явился съ 12-ю триремами въ сароническомъ заливѣ. Привлекши туда такимъ образомъ вниманіе и силы греческаго союза, Агезилай быстро перешелъ чрезъ горы, отдѣлявшія Арголиду отъ Коринѳа, произвелъ внезапное нападеніе на длинныя стѣны и корабельныя верфи Коринѳа, и овладѣлъ ими. Дѣйствія эти были искусны, успѣхъ ихъ былъ важенъ, но, какъ почти обыкновенно случалось, Спарта не воспользовалась тѣмъ и не продолжала удачно-начатыхъ дѣйствій. Союзныя войска были распущены, а Агезилай съ спартанскими войсками долженъ былъ воротиться въ Лаконію, для исполненія обрядовъ Гіацинтова праздника. Такъ, связанный зависимостью отъ эфоровъ, онъ не могъ дать войнѣ того благопріятнаго для Спарты оборота, котораго можно было бы ожидать, еслибы Агезилай дѣйствовалъ совершенно независимо. Въ слѣдующемъ 391 году эфоры поручили ему съ предводительствуемымъ имъ войскомъ — отбить скотъ, собранный въ коринѳской гавани Пирей, въ Сароническомъ заливѣ, для продовольствованія Коринѳа! Эта ничтожная цѣль повлекла однако за собою весьма замѣчательныя дѣйствія Агезилая и Ификрата, одного противъ другаго, на коринѳскомъ перешейкѣ и въ Коринѳѣ. Для нападенія на Пирей избрано было время совершенія истмійскихъ игръ, въ продолженіе которыхъ въ Пелопоннезѣ обыкновенно соблюдался общій миръ. Пользуясь этимъ, Агезилай повелъ войско прямо на коринѳскій перешеекъ и прибылъ туда въ то самое время, когда коринѳяне и аргивяне, предсѣдательствовавшіе на играхъ, уже готовились приступить къ нимъ. Внезапное появленіе Агезилая обратило ихъ въ бѣгство, и Агезилай, совершивъ игры подъ предсѣдательствомъ изгнанныхъ изъ Коринѳа аристократовъ, двинулся къ Пирею. Здѣсь онъ нашелъ Ификрата съ такимъ сильнымъ войскомъ и на такой выгодной для обороны мѣстности, что, не надѣясь на успѣхъ нападенія открытою силою, прибѣгнулъ къ хитрости. Именно, онъ распустилъ слухъ, что Коринѳъ переданъ ему измѣною, и затѣмъ, снявъ станъ свой, немедленно пошелъ

къ этому городу. Коринфское правительство, мало довѣряя народу, поспѣшило призвать Ификрата на помощь, и Ификратъ, быстро двинувшись къ Коринѣу, успѣлъ съ своими легкими пелтастами ночью опередить спартанскую тяжелую пѣхоту. Едва узнавъ о томъ, Агезилай немедленно воротился къ Пирею и занялъ ближайшія высоты, — вслѣдствіе чего всѣ оставшіяся въ Пиреѣ войска и находившіеся въ немъ жители сдались. Агезилаю и почти всѣ были проданы въ неволю.

Успѣхи Агезилаева оружія распространили между союзниками страхъ и безпокойство, и нѣкоторые изъ нихъ, особенно віотійскіе, прислали уже въ станъ Агезилая пословъ для переговоровъ о мирѣ. Но въ это самое время частное пораженіе спартанскихъ войскъ внезапно дало дѣламъ опять другой оборотъ. Двигаясь къ Пирею, Агезилай отпустилъ, согласно съ изстари существовавшимъ, священнымъ обычаемъ, всѣхъ амиклеянъ *), бывшихъ въ составѣ его войска, въ Лаконію для совершенія обрядовъ Гіацинтова праздника, поручивъ начальствовавшему въ Лехѣ спартанскому полемарху обезпечить возвращеніе амиклеянъ въ Лаконію. Полемархъ ввѣрилъ защиту Лехэа союзнымъ войскамъ, а самъ съ одною морской тяжелой пѣхоты, силою не болѣе 600 человекъ, и одною морскою конницей, которая вѣроятно была гораздо слабѣе пѣшей, повелъ амиклеянъ чрезъ Сикіонъ дальнимъ, но за то менѣе труднымъ и опаснымъ путемъ, нежели прямой и ближайшій, ведшій въ Лаконію. Миновавъ безпрепятственно Коринѣ, но находясь еще въ одномъ большомъ переходѣ отъ Сикіона, онъ передалъ амиклеянъ начальнику конницы, приказавъ препроводить ихъ такъ далеко, какъ они сами того пожелаютъ, и затѣмъ немедленно поспѣшить назадъ, дабы нагнать пѣхоту еще на обратномъ походѣ къ Лехэю. Полемархъ зналъ, что въ Коринѣ много войскъ: но успѣхи спартанскаго оружія внушили ему смѣлость и самоувѣренность, и онъ нимало не опасался, чтобы кто-либо отважился напасть на спартанскую тяжелую пѣхоту. Къ несчастію для него, въ Коринѣ находился въ это время Ификратъ съ аѳинскими пелтастами и

*) Амиклы — городъ въ Лаконіи, къ ю. отъ Спарты.

оплитами. Едва открылъ онъ обратное движеніе полемарха съ одною пѣхотой, безъ конницы, какъ немедленно вышелъ изъ Коринѳа и между тѣмъ, какъ тяжелая аѳинская пѣхота слѣдовала нѣсколько поодаль, аѳинскіе пелтасты начали дѣйствіемъ метательнаго оружія беспокоить правый, аѳинянамъ выставленный и щитами не прикрытый бокъ спартанской пѣхоты. Въ этомъ трудномъ положеніи полемархъ продолжалъ идти до тѣхъ поръ, пока многіе изъ его оплитовъ не были ранены, а другіе убиты. Тогда онъ велѣлъ всѣмъ младшимъ лѣтами оплитамъ напасть на аѳинскихъ пелтастовъ, опрокинуть и преслѣдовать ихъ. Но предшествовавшее пораженіе аѳинскихъ пелтастовъ спартанскою тяжелою пѣхотою, о которомъ говорено выше, послужило Ификрату полезнымъ урокомъ, и теперь пелтасты стали дѣйствовать уже совсѣмъ иначе. Легко и ловко уклоняясь отъ преслѣдованія спартанскихъ, тяжеловооруженныхъ оплитовъ, они немедленно обращались назадъ противъ нихъ, коль скоро послѣдніе отступали, — многихъ изъ нихъ ранили или убивали, а остальныхъ заставляли отступать подъ прикрытіе главныхъ ихъ силъ. Такимъ образомъ полемархъ былъ принужденъ ввести въ бой и всѣхъ старѣйшихъ оплитовъ. Уже лучшіе и храбрѣйшіе оплиты были большею частію ранены или убиты, когда наконецъ подоспѣла спартанская конница. Полемархъ приказалъ ей напасть, вмѣстѣ съ младшими оплитами, на аѳинскихъ пелтастовъ. Но вмѣсто того, чтобы отразить преслѣдованіе пелтастовъ, плохая спартанская конница постоянно оставалась въ одной линіи съ своею пѣхотою, вмѣстѣ съ нею останавливаясь и отступая, и столько же, сколько и она, терпя отъ метательнаго оружія пелтастовъ. Болѣе и болѣе ослабляемые убылью, между тѣмъ, какъ аѳиняне становились чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ сильнѣе, спартацы остановились наконецъ на небольшой высотѣ стадіяхъ въ двухъ (немного болѣе $\frac{1}{4}$ версты) отъ берега моря и въ полупереходѣ отъ Лехея. Здѣсь, вполне подверженные дѣйствію метательнаго оружія пелтастовъ, сами же не имѣя возможности причинять имъ никакого вреда, они въ одно и тоже время увидали, съ одной стороны, что изъ Лехея къ нимъ поспѣшно плывутъ лодки съ подкрѣпленіемъ, а съ другой — что аѳинская тяжелая пѣхота дви-

гаются противъ нихъ для произведенія нападенія. Немедленно и пѣхота, и конница спартанскія обратились въ бѣгство: изъ нихъ послѣдняя успѣла спастись въ Лехэй, первая же, преслѣдованная и опрокинутая въ море, большею частію погибла въ немъ.

Это небольшое дѣло любопытно и замѣчательно тѣмъ, что свидѣтельствуеть и о недостаткахъ и невыгодахъ греческой фаланги, лишенной легкой пѣхоты и хорошей конницы, и о плохихъ устройствѣ и качествахъ спартанской конницы, и о хорошемъ устройствѣ и пользѣ пелтастовъ, въ особенности же — объ искусствѣ Ификрата. Необыкновенно важно, почти столько же, сколько и взятіе спартанскихъ оплитовъ на Сфактеріи въ пелопоннесской войнѣ, было и пораженіе спартанскихъ оплитовъ при Лехэѣ. Аѣиняне нанесли спартанцамъ меньшій уронъ, нежели нѣкогда при Сфактеріи, а въ плѣнъ и вовсе не взяли ни одного спартанца; но важно было то, что непобѣдимые спартанцы были разбиты и что спартанскіе оплиты были побѣждены наемными пелтастами — дѣло неслыханное въ Греціи, разрушившее все уваженіе и весь страхъ, внушаемые дотолѣ спартанскими войсками.

При вѣсти о пораженіи спартанцевъ при Лехэѣ, послы союзниковъ прервали переговоры о мирѣ и возвратились въ Віотію. Агезилай же, поставивъ въ Лехэй полную мору пѣхоты, съ остатками разбитыхъ войскъ воротился въ Спарту. Ксенофонтъ не говоритъ, какая была причина его отступленія, имъ-ли самимъ оно рѣшено, или эфорами, и было-ли оно дѣйствительно необходимо. Впрочемъ нельзя, кажется, сомнѣваться, что оно было дѣло не Агезилая, а эфоровъ, не представляло крайней необходимости и, слѣдовательно, было неблагоприятно. По удаленіи Агезилая, Ификратъ занялъ всю сѣверную и западную часть Коринѣи и поставилъ въ нее гарнизоны.

Вскорѣ греческій союзъ принялъ участіе въ войнѣ этолянъ и акарнанянъ съ ахэянами и, поддерживая первыхъ, произвелъ нападеніе на послѣднихъ (391). Ахэяне просили помощи Спарты и спартанское правительство рѣшилось, безъ всякой особенной для себя пользы, употребить свои силы внѣ Пелопоннеза. Агезилай

былъ посланъ изъ Ахаіи (на судахъ чрезъ коринескій заливъ) въ Акарнанію съ двумя морями спартанской пѣхоты, всѣми войсками Ахаіи и войсками прочихъ союзниковъ Спарты. Акарнаняне имѣли гораздо менѣе войскъ, нежели Агезилай, однако отвергли предложенный имъ миръ и Агезилай началъ жестоко разорять Акарнанію. Медленное по этой причинѣ движеніе его ободрило акарнанянъ и они снова воротились съ стадами своими изъ горъ на равнины и занялись полевыми работами. Едва узнавъ, что лучшіе въ странѣ продовольственные запасы, съ большимъ числомъ рабовъ и сбораны переходахъ въ 6-7-отъ его стана, Агезилай быстро двинулся туда и, произведя внезапное нападеніе, завладѣлъ почти всѣмъ. На другой день онъ далъ войскамъ отдыхъ, а между тѣмъ на высотахъ кругомъ его стана собралось множество акарнанянъ, которые, какъ тяжелая пѣхота, далеко уступали пелопоннезцамъ, но за то славились своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ луковъ. Они причинили Агезилаеву войску столько вреда, что принудили его къ вечеру перенести станъ свой въ такое мѣсто, гдѣ оно было менѣе подвержено ихъ стрѣльбѣ. На другой день Агезилай едва отважился снова двинуться въ походъ. Высоты, которыя могли благопріятствовать его движенію, уже были заняты, и тщетно старались младшіе воины его войска отражать нападенія непріятеля. Конница же Агезилаева съ трудомъ могла дѣйствовать на этой пересѣченной холмами мѣстности. Агезилаево войско въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда всѣ пелопоннезскія арміи, имѣло недостатокъ въ легкихъ войскахъ, и этотъ важный недостатокъ поставилъ его теперь въ величайшую опасность со стороны такого непріятеля, который въ другихъ обстоятельствахъ, даже при превосходствѣ въ силахъ, никакимъ образомъ не могъ бы выдержать нападенія малаго числа хорошо-устроенныхъ войскъ. По счастію, Агезилай открылъ удобную для движенія впередъ мѣстность, и такъ какъ она была занята акарнанскою тяжелою пѣхотою, то и рѣшился немедленно напасть на эту послѣднюю. Ему удалось оттѣснить акарнанянъ, хотя, по причинѣ сильной и мѣткой стрѣльбы ихъ, и не безъ урона для себя, и затѣмъ снова достигнуть наконецъ равнинъ. Здѣсь онъ распространилъ по-

всюду опустошеніе, напалъ, по просьбамъ ахэянъ, на нѣкоторые акарнанскіе города, однако безъ успѣха, и такъ какъ приближалась осень, то предложилъ удалиться изъ Акарнаніи. Ахэяне, недовольные тѣмъ, что не взято было даже ни одного города, усиленно убѣждали Агезилая остаться по крайней мѣрѣ столько времени, сколько нужно было для воспріятствованія акарнанянамъ въ озимыхъ посѣвахъ. Но Агезилай отвѣчалъ, что они не разумѣютъ собственныхъ выгодъ: намѣреваясь воротиться слѣдующимъ лѣтомъ назадъ, онъ представилъ, что непріятель тѣмъ сильнѣе будетъ тогда желать мира, чѣмъ болѣе станетъ опасаться за истребленіе богатыхъ своихъ жатвъ.

Не легкое и безопасное дѣло было впрочемъ воротиться на зиму въ Пелопоннезъ. Въ слѣдствіе предшествовавшаго отступленія Агезилая изъ Коринѳа въ Лаконію и пораженія спартацевъ при Лехэѣ, Спарта утратила господство на перешейкѣ, а переправу на судахъ чрезъ коринѳскій заливъ преграждала аѳинская эскадра. По необходимости должно было отступать чрезъ Этолію, враждебно расположенную и притомъ столь гористую и пересѣченную, что противъ воли воинственныхъ ея жителей никакое войско, ни большое, ни малое, не могло пройти чрезъ нее. По счастью, Агезилаю удалось, обѣщаніемъ обратнаго покоренія столь давно уже занимаемаго мессенянами Навпакта, склонить этолянъ къ безпрепятственному пропуску его войска (391).

Въ слѣдующемъ году (390) дѣйствительно случилось то, что предвидѣлъ Агезилай. Акарнаняне, узнавъ, что Агезилаево войско снова собралось идти въ страну ихъ, и усматривая, съ одной стороны, что подвергаются истребленію своихъ жатвъ, а съ другой, что не имѣютъ гаваней и подвозовъ продовольствія, вскорѣ заключили мирный договоръ съ Спартою и миръ съ ахэянами.

Таковы были дѣйствія Агезилая и Ификрата, замѣчательнѣйшія изъ всѣхъ дѣйствій сухопутной коринѳской войны. Всѣ прочія заключались въ частныхъ предпріятіяхъ, набѣгахъ и стычкахъ, разореніи края и т. п. и не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Между тѣмъ на морѣ и берегахъ малой Азіи производилась

дѣятельная война, въ которой успѣхъ былъ почти постоянно на сторонѣ аѳинянъ, спартанцы же претерпѣвали безпрестанныя неудачи и пораженія. Чтобы возстановить дѣла Спарты въ малой Азіи, въ 392-мъ году туда вторично былъ посланъ неспособный Θимвронъ. Сатрапъ Лидіи, Струтъ, завлекъ Θимврона въ засаду и нанесъ его войску сильное пораженіе и большой уронъ, причемъ самъ Θимвронъ былъ убитъ. Для собранія остатковъ Θимврово-ва войска, обезпеченія нѣкоторыхъ, снова принявшихъ сторону Спарты городовъ и веденія войны противъ Струта, спартанское правительство въ 391-мъ году послало въ малую Азію новаго предводителя, Дифрида. Дѣятельностью, благоразуміемъ и особенно удачею Дифридъ успѣлъ значительно возстановить дѣла Спарты въ малой Азіи и даже пріобрѣсть денежныя средства для набора и содержанія новыхъ наемныхъ войскъ. Но братъ Агезилаевъ, Телевтій, посланный въ 390-мъ году съ небольшою эскадрою къ Родосу, не могъ отторгнуть отъ Аѳинъ присоединившагося къ нимъ, этого острова.

Напротивъ, со стороны аѳинянъ Θрасивулъ, направившійся съ 40 аѳинскими триремами въ Геллеспонтъ, возстановилъ демократію въ сдавшихся ему: Византіи, Халкедонѣ, почти всѣхъ городахъ Лесбоса, на островѣ Θасѣ и наконецъ (весною 389 года) въ Аспендѣ. Но озлобленные грабительствами Θрасивуловыхъ войскъ, жители Аспенда напали на нихъ ночью врасплохъ, разбили ихъ, убили самого Θрасивула и снова отложились отъ Аѳинъ. На мѣсто Θрасивула былъ посланъ Ификратъ съ 8-ю триремами и 1.200 пелтастовъ въ то самое время, когда и спартанцы отправили туда же, съ 3-мя триремами и деньгами для набора 1000 наемниковъ, новаго предводителя, Анаксибія. Вскорѣ по наборѣ Анаксибіемъ наемниковъ, Ификратъ, высадясь на малоазіятскій берегъ, напалъ на Анаксибія, неподалеку отъ Абидоса, врасплохъ изъ засады, и истребилъ почти весь его отрядъ, при чемъ самъ Анаксибій былъ убитъ (389). Наконецъ въ 388 году Хабріій, посланный аѳинянами съ сильнымъ войскомъ къ острову Эгинѣ, жители котораго производили жестокіе морскіе разбои и грабежи на берегахъ Аттики, нанесъ находившемуся на этомъ островѣ

отряду спартанскихъ войскъ подъ начальствомъ Горгона столь сильное пораженіе, что совершенно обезпечилъ тѣмъ берега Аттики отъ нападеній эгинянъ.

Послѣднимъ замѣчательнымъ и на этотъ разъ успѣшнымъ для Спарты дѣйствіемъ морской войны было внезапное нападеніе Телевтія на аѳинскій Пирей (387). Приведя всѣ найденныя въ немъ суда въ негодность къ употребленію, Телевтій съ богатою добычею удалился еще прежде, нежели жители Пирея и Аѳинъ могли противопоставить ему дѣятельное сопротивленіе.

Тѣснимая съ сухаго пути и моря, Спарта уже въ 392-мъ году пыталась примириться съ персами и посылала въ малую Азію, для переговоровъ съ тогдашнимъ сатрапомъ Лидіи, Терибазомъ, знатнаго спартадца Анталкида. Но Кононъ умѣлъ въ то время воспрепятствовать заключенію между Спартою и Терибазомъ договора. Теперь же, отчаяваясь въ возможности возстановить политическое первенство свое въ Греціи безъ денежныхъ пособій персовъ, Спарта рѣшилась какою бы то ни было цѣною примириться съ послѣдними и прекратить войну, которая могла быть только вредною для нея и выгодною для Аѳинъ. Вслѣдствіе того въ малую Азію снова посланъ былъ Анталкидъ для мирныхъ переговоровъ съ Терибазомъ. И вскорѣ (въ іюнѣ 387-го года) Терибазъ именемъ Артаксеркса объявилъ посламъ греческихъ республикъ нижеслѣдующія условія мира: 1) всѣ греческіе города въ Азіи, равно и острова Клазомены и Кипръ, должныствовали обратнo поступить въ подданство Артаксеркса, и 2) всѣ другіе, большіе и малые, греческіе города должныствовали быть признаны самоуправляющимися (αὐτόνομοι), за исключеніемъ острововъ Лемноса, Имброса и Скіроса, которые имѣли, какъ и прежде, оставаться подъ властію аѳинянъ. Непринявшимъ этихъ условій Артаксерксъ грозилъ войною на сушѣ и морѣ, въ союзѣ съ тѣми, которые примутъ оныя и которымъ обѣщалъ помогать деньгами и флотомъ. Но всѣ безъ исключенія греческія республики приняли предписанныя имъ Артаксерксомъ условія, и выгодный для персовъ, но постыдный для грековъ и въ особенности для спартацевъ миръ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Анталки-

дова, положилъ копецъ 12-ти лѣтней войнѣ Спарты съ персами и греческимъ союзомъ.

Война эта вообще представляетъ почти тотъ же характеръ, что и пелопоннесская, которой была какъ-бы продолженіемъ, съ нѣкоторымъ только различіемъ во взаимномъ, относительномъ положеніи, цѣляхъ и средствахъ воевавшихъ сторонъ. Въ особенности она имѣетъ большое сходство съ послѣдними восемью годами пелопоннесской войны (412 — 404). Дѣйствія Ификрата и особливо Агезилая были искуснѣйшими и замѣчательнѣйшими въ ней и заслуживаютъ особенныхъ вниманія и изученія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВОЙНА МЕЖДУ СПАРТОЮ И ЭИВАМИ. ПОХОДЫ АГЕЗИЛАЯ, ПЕЛОПИДА И ЭПАМИНОНДА (378 — 362).

§ 69. Причины войны. — I. Первая половина войны до сражения при Левктрѣ включительно (378 — 371). — § 70. Война въ Віотин. — Дѣйствія Агезилая и Пелопида. — § 71. Война Аѣинъ съ Спартою на морѣ. — Дѣйствія Хабрія, Тимоѳея и Ификрата. — § 72. Общій миръ, за исключеніемъ Эивъ; — война Спарты съ одними Эивами; — сраженіе при Левктрѣ (372 — 371). — II. Вторая половина войны со времени побѣды при Левктрѣ (371 — 362). — § 73. Слѣдствія побѣды при Левктрѣ. — Война въ Пелопоннезѣ. — 1-й и 2-й походы Эпаминонда въ Пелопоннезѣ (371 — 368). — § 74. Война въ Θεссалии. — 1-й и 2-й походы Пелопида въ Θεссалии (368 — 367). — § 75. Война въ Пелопоннезѣ (366 — 365). — 3-й походъ Эпаминонда въ Пелопоннезѣ (366). — § 76. 3-й походъ Пелопида въ Θεссалии (365). — Дѣйствія Эпаминонда на морѣ. — § 77. Война въ Пелопоннезѣ (364 — 362). — 4-й и послѣдній походъ Эпаминонда въ Пелопоннезѣ (362). — Сраженіе при Мантинее. — Общій миръ. — § 78. Общій выводъ о военномъ устройствѣ грековъ и состояніи у нихъ военного искусства вообще и искусства веденія войны въ особенности, отъ нашествія персовъ на Грецію до временъ Филиппа македонскаго.

—оо—

Источники: Ксенофонта Элленики, Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій Корнелій, Непотъ, Полибій и указанные выше.

—♦♦—

§ 69.

Причины войны.

Поставленная, въ силу Анталкидова договора, исполнительницей онаго, Спарта снова пріобрѣла верховную власть въ Греціи, снова начала дѣйствовать съ надменностью и самоуправствомъ, притѣсняя слабѣйшихъ, строго наблюдая за автономіею (самоуправленіемъ) городовъ и не допуская образованія нигдѣ и ника-

кихъ союзовъ. Между прочимъ, въ 382 году она вѣроломно овладѣла, при пособіи ѳивскихъ аристократовъ, ѳивскимъ замкомъ Кадмеею, поставила въ него спартанскій гарнизонъ, измѣнила демократическій образъ правленія въ ѳивахъ въ олигархическій и вполнѣ подчинила себѣ эту республику. По взятіи войсками ея, послѣ двухъ-лѣтней, трудной осады (382 — 380), Олинѳа, богатаго и сильнаго греческаго города на берегахъ Македоніи, вокругъ котораго, подъ первенствомъ его, началъ образоваться союзъ, — въ Греціи, казалось, уже не было болѣе ни одной республики, ни одного города, которые смѣли и могли бы возстать противъ Спарты, какъ вдругъ переворотъ въ ѳивахъ измѣнилъ все. Нѣсколько ѳивскихъ изгнанниковъ-демократовъ (въ числѣ ихъ находился и знаменитый въ послѣдствіи Пелопидъ) въ декабрѣ 379 года успѣли скрытно пробраться въ ѳивы, умертвили начальниковъ олигархической партіи и овладѣли замкомъ Кадмеею, спартанскій гарнизонъ котораго, не имѣя продовольствія, сдалъ оный на условіи свободнаго выхода (въ январѣ 378 года)!

Возстановивъ независимость ѳивъ и демократическій образъ правленія въ нихъ, ѳивяне приготовились къ упорнѣйшей оборонѣ. Спартанское же правительство немедленно послало въ Віотію войско, предводительство надъ которымъ, отклоненное Агезилаемъ подъ предлогомъ старости, ввѣрило другому спартанскому царю, молодому Клеомброту, съ приказаніемъ обезпечить независимость віотійскихъ городовъ отъ ѳивъ и автономію ихъ.

I.

Первая половина войны до сраженія при Левктрѣ
включительно (378 — 371).

§ 70.

Война въ Віотіи. — Дѣйствія Агезилая и Пелопида.

Клеомбротъ, вступивъ въ Віотію, ограничился буквальнымъ исполненіемъ даннаго ему назначенія: поставилъ въ города Віотіи спартанскихъ армоствоу или правителей, съ спартанскими гарнизо-
нами, а самъ съ главными силами воротился въ Целопоннезъ. По удаленіи его, армость города Эеспія, Сфодрій, какъ кажется подкупленный эивянами, самовольно двинулся къ аѣинскому Пирею, въ намѣреніи овладѣть имъ посредствомъ внезапнаго ночнаго нападенія. Но не успѣвъ прибыть къ Пирею до разсвѣта, онъ воротился въ Эеспій, разграбивъ и сжегши нѣсколько сельскихъ жилищъ на пути чрезъ Аттику. Аѣиняне жаловались на него Спартѣ, но когда онъ, вліяніемъ Агезилая, былъ оправданъ, то немедленно приняли сторону эивянъ, послали имъ Хабріа съ вспомогательнымъ отрядомъ войскъ и начали вооружать сильный флотъ для веденія войны противъ Спарты на морѣ (378).

Съ своей стороны Спарта вторично послала въ Віотію войско, уже подъ предводительствомъ Агезилая, который на этотъ разъ не могъ болѣе отказаться отъ начальствованія (378).

Съ этого времени начинается и семь лѣтъ до самаго сраженія при Левктрѣ (378 — 371) почти непрерывно продолжается война въ Віотіи, весьма замѣчательная тѣми: искусствомъ и постояннымъ успѣхомъ, съ которыми ее вели эивяне. Съ спартанской же стороны, въ войнѣ этой заслуживаютъ нѣкотораго вниманія только дѣйствія Агезилая въ первыхъ двухъ годахъ (378 — 377).

Въ первомъ походѣ 378 года Агезилай началъ съ того, что обезпечилъ себѣ средства вступленія изъ Пелопоннеза въ Віотію, уже затрудненнаго присоединеніемъ Аѳинъ къ Ѳивамъ. Чтобы проникнуть въ Віотію, необходимо было имѣть въ своей власти горные проходы между этою областью и Аттикою. Для достиженія этого, Агезилай искусно и удачно воспользовался войною, происходившею въ это время между орхоменянами и клиторянами, гражданами небольшого, сосѣдственнаго съ Орхоменомъ городка. Онъ приказалъ тѣмъ и другимъ немедленно прекратить войну и потребовалъ, чтобы наемныя войска клиторянъ заняли горные проходы между Віотіею и Аттикою, обѣщая за то обезпечить земли клиторянъ отъ внѣшнихъ нападеній. Орхоменяне и клиторяне не смѣли ослушаться изъ опасенія мщенія Спарты — и входъ въ Віотію былъ открытъ Агезилаю. Ѳивское правительство приняло между тѣмъ всевозможныя мѣры для прикрытія и обезпеченія Ѳивскихъ земель, и оградило ихъ предѣлы укрѣпленными линіями. Но такъ какъ Ѳивскихъ войскъ было мало и для обороны линій недостаточно, и слѣдовательно линіи эти были на всѣхъ пунктахъ слабы, то Агезилай и прорвался сквозь нихъ безъ труда. Онъ не могъ однако принудить Ѳивянъ къ общей битвѣ, отъ которой они постоянно уклонялись, укрываясь за стѣнами Ѳивъ. И потому, разграбивъ и разоривъ Ѳивскія земли до самыхъ Ѳивъ, онъ воротился въ Пелопоннезъ. По удаленіи его, Фебидъ, начальникъ спартанскаго гарнизона въ Ѳеспіѣ, продолжалъ грабить и разорять Ѳивскія земли. Но Ѳивяне, уклонявшіеся отъ битвы со всѣмъ спартанскимъ войскомъ, лично предводимымъ Агезилаемъ, уже смѣло двинулись противъ слабѣйшаго въ силахъ Фебидова отряда и, предводимые Пелопидомъ, разбили его при Ѳеспіѣ, послѣ чего разорили сосѣдственныя віотійскія земли, ободрились и усилились (378).

Въ слѣдующемъ 377 году Агезилай, занявъ заблаговременно проходы чрезъ Киѳеронъ, снова вторгнулся въ Віотію — и снова Ѳивяне стали уклоняться отъ общей битвы съ нимъ, дѣятельно ведя однако малую войну, и нанесли ему столько-же вреда, сколько и онъ причинилъ имъ разграбленіемъ и разореніемъ ихъ

земель. Этимъ впрочемъ и ограничились дѣйствія и успѣхи его въ Віотіи. Онъ возвратился въ Пелопоннезъ и по причинѣ тяжелой болѣзни уже долгое время не могъ предводительствовать войскомъ, которымъ съ тѣхъ поръ начальствовалъ неопытный и неспособный Клеомбротъ. Предводительствуемые имъ спартанцы продолжали почти ежегодно вторгаться въ Віотию, но уже съ постояннымъ неуспѣхомъ и постепенно возрастающимъ вредомъ для себя. Ибо еивяне попрежнему продолжали уклоняться отъ общей битвы и дѣятельно, искусно и успѣшно вели малую войну, пользуясь всѣми возможными случаями для одержанія надъ спартанцами частныхъ успѣховъ и пораженій ихъ по частямъ. Ежедневныя стычки съ ними, хотя и нерѣшительныя, были однако-же важны 1) тѣмъ, что служили къ упражненію еивянъ въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ они были далеко не столь опытны и искусны, сколько спартанцы, цѣлую жизнь свою упражнявшіеся въ немъ, и 2) тѣмъ, что воспламеняли мужество еивянъ, укрѣпляли ихъ тѣло, доставляли имъ военную опытность и внушали необходимое самодовѣріе. Такимъ образомъ спартанцы, такъ сказать, сами, противъ своей воли, были наставниками еивянъ въ военномъ дѣлѣ. Но еще болѣе, нежели спартанцамъ, еивяне были обязаны въ этомъ отношеніи достойнымъ своимъ предводителямъ, которые удачно избирали удобныя для нападеній на спартанцевъ случаи, вводили еивянъ въ бой въ-время и кстати, и безпрестанно одерживали надъ спартанцами болѣе или менѣе важные успѣхи. Пелопиду, бывшему въ это время однимъ изъ 7-ми еивскихъ віотарховъ и лично начальствовававшему только-что учрежденною еивскою священной дружиною, въ особенности принадлежатъ честь и слава такого рода дѣйствій и успѣховъ еивянъ. Онъ преимущественно руководилъ и управлялъ первыми и способствовалъ одержанію послѣднихъ. Изъ частныхъ успѣховъ предводительствуемыхъ имъ еивянъ надъ спартанцами, замѣчательнѣйшими, послѣ пораженія Фебида, были одержанные при Танагрѣ и особенно при Тегирѣ. Уже давно выжидалъ Пелопидъ удобнаго случая для овладѣнія, посредствомъ внезапнаго нападенія, Орхоменомъ, который, держась стороны Спарты, получилъ отъ послѣдней въ защиту отрядъ пѣхоты. Однажды,

узнавъ, что отрядъ этотъ вышелъ изъ Орхомена для произведенія набѣга на Локриду, и надѣясь застигнуть Орхомень беззащитнымъ, Пелопидъ двинулся къ нему съ священною дружиною и небольшимъ числомъ конницы. Но приблизясь къ Орхомену, онъ узналъ, что изъ Спарты идетъ отрядъ войскъ на смѣну орхоменскаго гарнизона, и потому двинулся назадъ чрезъ Тегиру (лежавшую между копаисскимъ озеромъ въ Віотіи и эвбейскимъ проливомъ). То былъ единственный путь, которымъ онъ могъ слѣдовать вдоль подошвы горъ, ибо вся сосѣдственная равнина была понята разливомъ рѣки Меласа. На этомъ пути ѳивяне неожиданно встрѣтили спартанскій отрядъ, возвращавшійся изъ Локриды. Выйдя съ боку изъ горнаго ущелья, онъ преградилъ ѳивянамъ путь. Пелопидъ немедленно выдвинулъ впередъ свою конницу, шедшую въ хвостѣ, а священную дружину построилъ между тѣмъ въ тѣсно-сжатый четвероугольникъ *). Спартанцы, которыхъ было 2 моры пѣхоты, первые стремительно напали на ѳивянъ. Произошелъ упорный рукопашный бой, въ которомъ оба начальствовавшіе спартацами полемарха и съ ними множество оплитовъ были убиты, а оставшіяся спартанскія войска были принуждены разступиться, чтобы пропустить Пелонида. Но Пелопидъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ и свободно продолжать движеніе, снова напалъ на спартацевъ, еще находившихся въ строю, нанесъ имъ большой уронъ и принудилъ остатки ихъ спастись бѣгствомъ. ѳивяне преслѣдовали ихъ, однако-же, недалеко, опасаясь находившихся по близости орхоменянъ и вновь прибывшаго спартанскаго отряда. Довольные тѣмъ, что пробились сквозь непріятеля, нанеся ему сильныя пораженіе и уронъ, они воздвигли трофей и воротились въ ѳивы.

Вообще война, веденная ѳивянами въ Віотіи подъ главнымъ руководствомъ Пелопида, заслуживаетъ полныхъ вниманія и похвалы. Она безспорно принесла ѳивамъ болѣе пользы, а Пелопиду болѣе чести, нежели сколько оныхъ снискали бы имъ,

*) Въ первый разъ, ибо дотолъ священная дружина въ бою была распредѣляема по переднимъ шеренгамъ фаланги. Съ этого же времени она всегда составляла отдѣльную, самостоятельную часть.

можетъ быть, самыя блистательныя и громкія побѣды. Она собственно положила основаніе силѣ и величію ѳивъ. Въ ней ѳивяне значительно усовершенствовались въ военномъ дѣлѣ, снова утвердили господство свое надъ городами Віотіи, совершенно вытѣснили спартапцевъ изъ этой области, уничтожили вліяніе ихъ на нее, усилились и начали уже вторгаться въ союзную съ Спартою Фокиду. Фокеяне просили помощи Спарты, и спартанское правительство послало въ Фокиду Клеомброта съ войскомъ, но уже не чрезъ коринѳскій заливъ. ѳивяне очистили Фокиду, а Клеомбротъ остался въ ней для обезпеченія ея впредь отъ нападеній ѳивянъ (372).

§ 71.

Война Аѳинъ съ Спартою на морѣ. — Дѣйствія Хабрія, Тимоеея и Иѳикрата.

Между тѣмъ, какъ ѳивяне удачно воевали противъ Спарты на твердой землѣ, въ Віотіи, — союзники ихъ, аѳиняне вели противъ нее не менѣе дѣятельную, искусную и успѣшную войну на морѣ. Въ войнѣ этой особенно отличились аѳинскіе полководцы: Хабрій, достойный сынъ Конона — Тимоеей, и Иѳикратъ.

Неудачи и вообще вялое веденіе войны въ Віотіи побудили эѳоровъ въ 376 году подкрѣпить сухопутныя дѣйствія морскими. — Имѣя въ виду пресѣчь подвозы продовольствія въ Аѳины моремъ, и голодомъ принудить эту республику къ отложенію отъ союза съ ѳивами и примиренію съ Спартою, они поставили 60 спартанскихъ триремъ, подъ начальствомъ Поллія, при островахъ Эгинѣ, Косѣ и Андросѣ, съ приказаніемъ перехватывать всѣ суда съ продовольствіемъ, плывшія въ Аѳины. Но Хабрій, предводительствуя аѳинскимъ флотомъ, разбилъ Поллія при Наксосѣ, взялъ у него 24 триремы и значительную добычу, и возстановилъ свободный подвозъ продовольствія въ Аѳины. Затѣмъ Тимоеей, посланный съ 60-ю аѳинскими триремами кругомъ Пелопоннеза въ коринѳскій заливъ, чрезъ который спартапцы намѣревались переправить войско въ Віотію, опустошилъ берега Пелопоннеза, утвердился въ коринѳ-

скомъ заливѣ и принудилъ спартанцевъ не только отказаться отъ переправы войска въ Віотію, но и помышлять объ оборонѣ Пелопоннеза. Послѣ того, обратясь къ Корцирѣ, онъ успѣлъ привлечь этотъ богатый и сильный островъ, имѣвшій довольно значительный флотъ, на сторону Аѣинъ. Завидуя такому усиленію морскихъ силъ Аѣинъ и вмѣстѣ тревожась имъ, Спарта послала къ Корцирѣ 55 триремъ подъ предводительствомъ Николоха. Но Тимоеей разбилъ Николоха при Корцирѣ и усилился послѣ того присоединеніемъ корцирскихъ судовъ, до числа 70-ти триремъ. Совершенный недостатокъ денегъ для веденія войны принудилъ однако аѣинянь искать примиренія съ Спартою. Миръ былъ заключенъ — и вскорѣ прерванъ Спартою подъ тѣмъ предлогомъ, что Тимоеей, на обратномъ плаваніи съ флотомъ въ Аѣины, способствовалъ возвращенію на Закинѣ и нѣкоторыхъ изгнанниковъ этого острова. Пользуясь тѣмъ, что аѣинскій флотъ уже былъ разоруженъ, спартанское правительство отправило 60 триремъ подъ предводительствомъ Мнасиппа къ Корцирѣ для обратнаго покоренія этого острова. Мнасиппъ обложилъ на немъ главный городъ Корциру; но жители его оборонялись упорно и долго, а между тѣмъ аѣиняне послали имъ въ помощь Ификрата съ флотомъ. Ификратъ, во время плаванія кругомъ Пелопоннеза, непрерывно занималъ людей на флотѣ морскими упражненіями, былъ во всегдашней готовности къ бою и вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь по возможности ускорить плаваніе, продолжалъ оное, сверхъ обыкновенія, даже и по ночамъ. Прибывъ къ устью р. Алфея (въ Элидѣ), онъ свѣдалъ, что при одной вылазкѣ корцирянъ Мнасиппъ былъ разбитъ и убитъ, а остатки его войска воротились въ Пелопоннезъ. Тогда Ификратъ направился къ острову Кефалленіи, привелъ его въ подданство Аѣинъ, затѣмъ захватилъ при Корцирѣ 9 триремъ, присланныхъ Діонисіемъ старшимъ, тиранномъ сиракузскимъ, въ подкрѣпленіе спартанскому флоту, утвердилъ вліяніе Аѣинъ въ Акарнаніи и, усиливъ флотъ свой уже до числа 90 триремъ, готовился напасть на Пелопоннезъ (372). Но въ это самое время Аѣины вторично вступили съ Спартою въ мирные переговоры.

§ 72.

Общій миръ, за исключеніемъ Эивъ; война Спарты съ одними Эивами; сраженіе при Левктрѣ (372—371).

Причины, побудившія Аѣины искать примиренія съ Спартою, заключались во 1-хъ въ недостаткѣ денежныхъ средствъ для веденія войны, во 2-хъ въ усиленіи Эивъ уже до такой степени, что они не нуждались болѣе въ помощи Аѣинъ, и въ 3-хъ въ неудовольствіи, возбужденномъ въ аѣинянахъ жестокимъ поступкомъ эивянъ съ ѳеспійцами и въ особенности съ платейнами, всегда усердствовавшими аѣинянамъ, всегда сопротивлявшимся власти эивянъ, а именно—эивяне изгнали и ѳеспійцевъ, и платейнъ изъ ихъ городовъ. Изгнанники просили помощи Аѣинъ—и аѣиняне, давъ имъ убѣжище у себя, отправили въ Спарту посольство для переговоровъ о мирѣ. Вскорѣ въ Спартѣ собрались послы всѣхъ вообще греческихъ республикъ, въ томъ числѣ и эивской, и въ іюлѣ 372-го года заключенъ былъ мирный договоръ, подтверждавшій договоръ Анталкидовъ и автономію греческихъ городовъ. Эивскіе послы, имѣя во главѣ Эпаминонда, настоятельно требовали утвержденія ими договора своею подписью не за одни Эивы, но и за всѣ города Віотіи, представляя, что Эивы имѣютъ такое же право господствовать надъ городами Віотіи, какъ Аѣины надъ городами Аттики и Спарта надъ городами Лаконіи. Но Агезилай возсталъ противъ этого—и Эивы, исключенные изъ общаго договора и оставшись одни, безъ союзниковъ, противъ Спарты, хотѣвшей принудить ихъ къ признанію автономіи віотійскихъ городовъ, рѣшились всѣми силами сопротивляться ей и не только удержать за собою господство надъ Віотіею, но даже сокрушить власть Спарты и достигнуть первенства въ Греціи. Такова уже дѣйствительно была цѣль, предположенная эивскимъ правительствомъ или лучше сказать двумя отличнѣйшими членами онаго—Пелопидомъ и Эпаминондомъ. Многія обстоятельства подавали достаточный поводъ

надѣяться на успѣхъ столь важнаго и труднаго предпріятія. Съ одной стороны всѣ народы и республики Греціи, и даже давнишніе союзники Спарты въ Пелопоннезѣ, были болѣе или менѣе одушевлены непріязнію къ этой высокомерной республикѣ. Съ другой стороны, почти въ каждомъ греческомъ городѣ и даже въ самомъ Клеомбровомъ войскѣ была преданная еивянамъ партія. Эивяне достигли уже числительной и нравственной силы и совершенства въ воинскихъ устройствѣ, порядкѣ и искусствѣ — въ достаточной степени для того, чтобы съ вѣроятностью успѣха отважиться на рѣшительную борьбу съ Спартою, войска которой они уже не разъ побѣждали въ частныхъ встрѣчахъ. Но всего важнѣе было рѣшительное превосходство ихъ въ начальствованіи войсками. Между тѣмъ, какъ со стороны спартанцевъ Агезилай былъ дряхлъ и боленъ, а Клеомбротъ неспособенъ, малоуважаемъ и даже обвиняемъ нѣкоторыми въ тайныхъ: расположеніи и дѣйствіяхъ въ пользу эивянъ, въ главѣ послѣднихъ были два вождя, ознаменовавшіе себя, одинъ въ высшихъ, другой — еще въ низшихъ званіяхъ и чинахъ, необыкновенными доблестями души и дарованіями военными. Предводимые ими, эивяне, при всѣхъ другихъ, благопріятныхъ Спартѣ обстоятельствахъ, уже могли имѣть не только вѣроятность, но и полную надежду на успѣхъ.

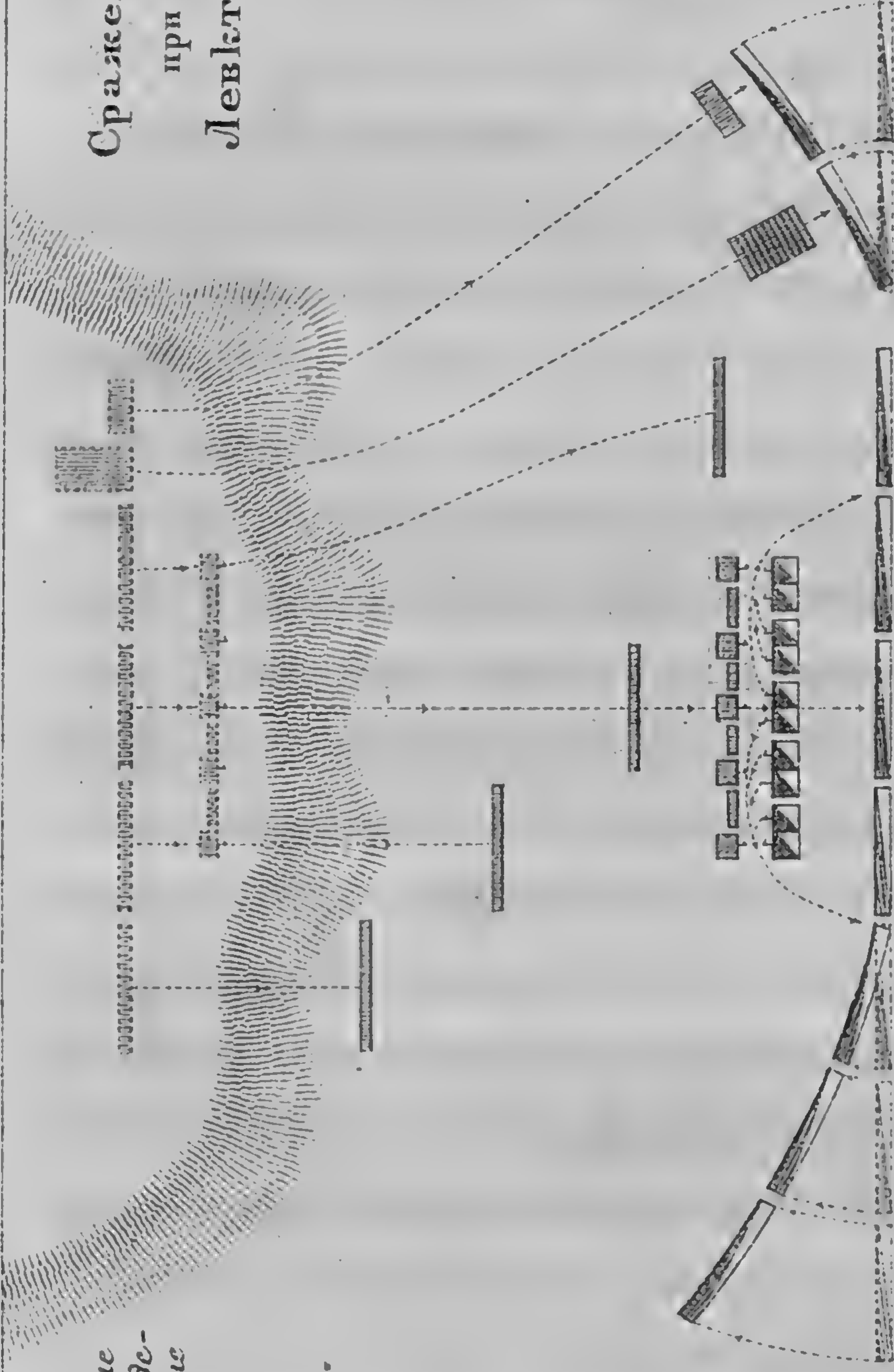
И съ самаго начала надежда эта начала осуществляться подъ блистательнѣйшими предзнаменованіями. Ожидая вторженія Клеомброта изъ Фокиды, Целопидъ и Эпаминондъ укрѣпили съ этой стороны границы Віотіи и заняли войсками горные проходы между Віотіею и Фокидою. Дѣйствительно, Клеомбротъ получилъ приказаніе вступить изъ Фокиды въ Віотію, для возстановленія автономіи ея городовъ. Но онъ обманулъ ожиданія Целопида и Эпаминонда, скрытно и безпрепятственно совершивъ движеніе, вмѣсто востока — къ югу, малоизвѣстнымъ горнымъ путемъ, къ Креузѣ, віотійской пристани на берегу коринѣскаго залива. Овладевъ горнымъ проходомъ изъ мегарской области въ Віотію, онъ безъ сопротивленія вступилъ въ еспійскій округъ и расположился станомъ при Левктрѣ. Это фланговое, скрытное движеніе Клеомброта изъ Фокиды — чужой, хотя и союзной, области, отдѣленной отъ

Пелопоннеза коринѣскимъ заливомъ—на главный, прямой путь изъ Пелопоннеза въ Віотію чрезъ коринѣскій перешеекъ, было не безъ достоинства и заставляеть предполагать, что Клеомбротъ произвелъ его не по собственному соображенію, а по чьему-либо чужому внушенію. Между аивянами оно распространило величайшій страхъ. Віотархи собрались на совѣтъ, и здѣсь произошло тоже самое, что и въ совѣтѣ аѣинскихъ стратиговъ передъ сраженіемъ при Мараѣонѣ. Большинство мнѣній требовало того или другаго рода оборонительныхъ дѣйствій: но Эпаминондъ, бывшій въ это время віотархомъ, рѣшительно потребовалъ, подобно Мильтіаду, немедленныхъ: движенія противъ Клеомброта и вступленія съ нимъ въ битву. Повидимому, это было весьма естественно, но если принять въ соображеніе, что здѣсь дѣло шло уже о нападеніи аивянъ впервые на цѣлое спартанское войско, и притомъ превосходное въ силахъ, то мнѣніе Эпаминонда дѣйствительно должно быть признано необыкновенно рѣшительнымъ и смѣлымъ, особенно при тогдашнемъ нравственномъ состояніи аивянъ. Пелопидъ первый присоединился къ этому мнѣнію, и такъ какъ онъ пользовался чрезвычайными уваженіемъ и довѣріемъ аивянъ, хотя и не былъ въ это время віотархомъ, а начальствовалъ только священной дружиною, то и всѣ віотархи также согласились на битву въ открытомъ полѣ. Употребивъ всевозможныя средства для ободренія и одушевленія аивянъ, сильными, убѣдительными рѣчами, благоприятными предзнаменованіями и т. п., они ввѣрили Эпаминонду главное начальствованіе и всѣ распоряженія къ битвѣ—и двинулись къ Левктрѣ.

Здѣсь, между тѣмъ, Клеомбротъ оставался въ непостижимомъ бездѣйствіи. Подчиненные военачальники всѣми силами старались внушить ему дѣятельность и мужество, которыхъ, если вѣрить Ксенофону, онъ не оказывалъ нимало, и совѣтовали ему немедленно идти противъ аивянъ и вступить съ ними въ битву. Собранъ былъ военный совѣтъ: но пока въ немъ происходили совѣщанія и прѣнія, приблизилось аивское войско и по необходимости должно было изготовиться къ бою (8-го іюля 371-го года по полудни). Войско построили впереди стана слѣдующимъ образомъ: Клеомбротъ сталъ на

Оуваге
Лакед-
моице

Сраженіе
при
Левктръ.

правомъ крылѣ съ спартанскою фалангою, имѣвшею 12 шеренгъ въ глубину; впереди ея, безъ всякой основательной причины, безъ всякой видимой пользы, потому только, что тутъ была ровная мѣстность, поставлена спартанская конница, въ это время въ особенности плохая; въ срединѣ же и на лѣвомъ крылѣ расположены союзныя войска. Всего въ спартанскомъ войскѣ было, по свидѣтельству Плутарха, 10.000 челов. пѣхоты и 1.000 челов. конницы; другіе писатели не означаютъ числительной его силы и говорятъ только, что оно было почти вдвое сильнѣе ѳивскаго или же значительно превосходило его числомъ.

Въ ѳивскомъ войскѣ было всего только 8.000 челов., а именно: 6.000 челов. тяжелой и 1.500 чел. легкой пѣхоты, и 500 чел. ѳессалійской конницы. Приблизясь къ непріятельскому войску и усмотрѣвъ числительное его превосходство, Эпаминондъ убѣдился въ невыгодѣ и даже опасности фронтальнаго нападенія на него—и мысль новая, блистательная, родилась въ умѣ его. Онъ рѣшился произвести ударъ не цѣлымъ своимъ фронтомъ на цѣлый же фронтъ непріятеля, но усиленнымъ лѣвымъ крыломъ своимъ на правое крыло непріятельскаго войска, т. е. на лучшую, надежнѣйшую часть и главную силу его—спартанскую фалангу, удерживая между тѣмъ на мѣстѣ правое свое крыло, а въ срединѣ наступая, для поддержанія лѣваго крыла, уступами съ лѣваго фланга, словомъ — лѣвымъ своимъ крыломъ произвести нападеніе на правое крыло непріятеля въ косвенномъ боевомъ порядкѣ. Для этого онъ построилъ оконечность лѣваго крыла ѳивской фаланги въ одинъ сомкнутый, глубокій четвероугольникъ (по нынѣшнему въ колонну), имѣвшій 32 ряда во фронтѣ и 48 шеренгъ въ глубину, слѣдовательно всего 1.536 оплитовъ. Средину же и правое крыло фаланги (остальныхъ 4.464 оплитовъ) онъ построилъ глубиною только въ 8 шеренгъ и придалъ имъ всю легкую пѣхоту *). Священную

*) Если принять, что обыкновенною глубиною ѳивской фаланги была 8-ми шереножная, то съ вѣроятностью предположить можно, что ѳивская боевая колонна была составлена или 1) изъ 6-ти частей, имѣвшихъ каждая по 32 ряда во фронтѣ и 8 шеренгъ въ глубину, и построенныхъ одна позади дру-

дружину онъ поставилъ на лѣвомъ флангѣ своего четвероугольника. Расположеніе же спартанской конницы впереди спартанской фаланги побудило его, въ намѣреніи воспользоваться этою ошибкою, расположить отличную, бывшую у него ессалійскую конницу, также впереди своего лѣваго крыла, насупротивъ спартанской. Построивъ такимъ образомъ эивское войско, онъ лично повелъ боевой четвероугольникъ прямо на средину и правый флангъ спартанской фаланги.

Изумленные при видѣ новыхъ для нихъ построенія и наступленія эивянъ, спартанцы продолжили—какъ выражаются Ксенофонтъ, Плутархъ и другіе древніе писатели—правое крыло свое, т. е. двинули собственную свою фалангу вправо для удержанія Эпаминонда съ фронта и воспрепятствованія ему взять фалангу ихъ во флангъ и въ тылъ. Но въ то самое время, когда спартанская фаланга шла шеренгами на право и между нею и серединою спартанскаго войска образовался промежутокъ, болѣе и болѣе увеличивавшійся, ессалійская конница напала на спартанскую и опрокинула ее на двигавшуюся позади спартанскую фалангу. Приведенная тѣмъ въ разстройство и еще не успѣвъ оправиться, спартанская фаланга была стремительно атакована эивскимъ четвероугольникомъ съ фронта, а священной дружиною во флангъ и въ тылъ. Произошелъ жестокій и кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ Клеомбротъ былъ одинъ изъ первыхъ смертельно раненъ и съ нимъ пало множество спартанскихъ военачальниковъ и оплитовъ. Наконецъ спартанская фаланга была прорвана эивскимъ четвероугольникомъ, и съ огромнымъ урономъ, въ довольно большомъ безпорядкѣ отступила въ находившійся позади станъ. Между тѣмъ, какъ ее преслѣдовала ессалійская конница, Эпаминондъ съ четвероугольникомъ и священной дружиною обратился вправо противъ середины непріятельскаго войска, оставшейся открытою съ праваго фланга. Но угрожаемые имъ справа, а остальнымъ эивскимъ войскомъ — съ фронта, непріятельскіе центръ и лѣвое крыло не выждали нападенія и бѣжали назадъ въ станъ,

гой,—или же, что вѣроятно, 2) изъ 12 частей, имѣвшихъ каждая по 16-ти рядовъ во фронтѣ и 8 шеренгъ въ глубину и построенныхъ по двѣ въ рядъ одинъ позади другихъ.

вовсе не участвовавъ въ битвѣ. Потерявъ убитыми, сверхъ Клеомброта, болѣе 400 спартанскихъ оплитовъ (изъ числа 700) и до 1.000 лакседемонянъ, спартанцы просили перемирія для погребенія убитыхъ, и тѣмъ признали себя побѣжденными;—ѳивяне же, понесъ незначительный уронъ, воздвигли на полѣ битвы побѣдные трофеи, но не отваживаясь напасть на укрѣпленный, выгодно-расположенный на высотахъ станъ спартанскаго войска, обложили его, въ намѣреніи отрѣзать это войско отъ подкрѣпленій и подвозовъ продовольствія изъ Пелопоннеза, и голодомъ принудить его наконецъ къ сдачѣ.

Такова была знаменитая битва при Левктрѣ, въ которой ѳивяне, благодаря превосходнымъ тактическимъ распоряженіямъ Эпаминонда и впервые употребленному имъ, косвенному боевому порядку, одержали рѣшительнѣйшую побѣду надъ превосходнымъ въ силахъ спартанскимъ войскомъ и на-голову разбили самихъ спартанцевъ!

II.

Вторая половина войны со времени побѣды при Левктрѣ (371 — 362).

§ 73.

Слѣдствія побѣды при Левктрѣ. Война въ Пелопоннезѣ. 1-й и 2-й походы Эпаминонда въ Пелопоннезѣ (371—368).

Побѣда при Левктрѣ была рѣшительною и сама по себѣ, и по своимъ послѣдствіямъ. Она нанесла Спартѣ жестокій ударъ въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, унизивъ гордую республику сію и сокрушивъ господство ея надъ Греціею, и послужила началомъ быстрыхъ: усиленія и возвеличенія ѳивъ, и распространенія вліянія ихъ въ Греціи. Сообразно съ тѣмъ измѣ-

няется и война между этими двумя республиками. ѳивы дѣйствуютъ уже рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ, Спарта же является стороною обороняющеюся. Подобно тому, какъ до битвы при Левктрѣ, спартанцы вели наступательную войну въ Віотіи, такъ теперь ѳивяне, вмѣшавшись въ дѣла Пелопоннеза и пріобрѣвъ въ немъ союзниковъ, начали вносить войну во внутренность его и даже самой Лаконіи. И они вели войну съ замѣчательными искусствомъ и успѣхомъ: ибо главными дѣйствующими въ ней съ ихъ стороны были Пелопидъ и особенно Эпаминондъ. Послѣдній явился въ ней столько же искуснымъ политикомъ, сколько и великимъ полководцемъ, и едва не сокрушилъ совершенно Спарты.

При вѣсти о пораженіи спартанскаго войска при Левктрѣ, спартанцы явили большую твердость, и правительство ихъ немедленно призвало къ оружію всѣхъ гражданъ Спарты и лакедемонянъ свѣше 40-ка-лѣтняго возраста, не исключая и должностныхъ лицъ. По усиленіи ихъ вскорѣ вспомогательными войсками пелопоннезскихъ союзниковъ Спарты, они были отправлены, подъ предводительствомъ Агезилаева сына, Архидама, въ помощь войску, обложенному при Левктрѣ.

Съ своей стороны ѳивяне предложили аѳинянамъ и Іасону, тирану Феръ въ Ѳессаліи, вступить въ союзъ съ ними. Аѳиняне, уже завидуя возраставшей силѣ ѳивъ и тревожась ею, отказали ѳивянамъ въ союзѣ. Но Іасонъ, могущественнѣйшій въ это время въ Ѳессаліи владѣтель, быстро двинулся съ сильнымъ войскомъ въ Фокиду и, не встрѣтивъ въ ней сопротивленія, въ Віотіи соединился съ ѳивянами. Здѣсь онъ явился посредникомъ между ѳивами и Спартою, способствовалъ заключенію между ними перемирія и тѣмъ доставилъ возможность обложенному при Левктрѣ спартанскому войску отступить чрезъ Киѳеронъ въ мегарскую область, гдѣ оно соединилось съ войскомъ Архидама и вмѣстѣ съ нимъ возвратилось въ Пелопоннезъ (371).

Въ слѣдующемъ году (370) Эпаминондъ успѣлъ возбудить противъ Спарты враговъ въ самомъ Пелопоннезѣ — и съ этого времени Пелопоннезъ сдѣлался поприщемъ раздоровъ и междуусобій, подававшихъ ѳивамъ поводъ постоянно вмѣшиваться въ дѣла этой

части Греції и вносить въ нее войну. Мантинеяне возстановили Мантинею, а города Аркадіи (исключая Орхомена) составили новый, самостоятельный, демократическій союзъ, средоточіемъ котораго содѣлался вновь сооруженный для того аркадянами городъ Мегалополь (370). Недовольная этимъ, противная олигархическая партія просила помощи Спарты. Но всѣ усилія Агезилая и спартанцевъ остались тщетными. Зимой съ 370 на 369 годъ Агезилай совершилъ походъ въ Аркадію, имѣлъ верхъ во всѣхъ стычкахъ и частныхъ дѣлахъ съ аркадянами, ведшими малую войну, но не могъ принудить ихъ къ общей битвѣ, отъ которой они постоянно уклонялись. И потому, разграбивъ и разоривъ земли аркадскія и мантинейскія, онъ безъ дальнѣйшихъ успѣховъ возвратился въ Лаконію. Эпаминондъ воспользоваться такимъ раздѣленіемъ Пелопоннеза въ самомъ себѣ. Ѡивы приняли сторону аркадскаго союза, возбудили сосѣдственныя съ ними республики противъ Спарты и въ январѣ 369 года Ѡивское войско (числомъ около 6.000 чел.), усиленное вспомогательными войсками фокеевъ, локрянъ, акарнанянъ, мелосцевъ, эвбеянъ и нѣкот. друг., двинулось, подъ предводительствомъ Эпаминонда, въ Пелопоннезъ. Не найдя уже болѣе Агезилая въ Аркадіи и усиленный вспомогательными войсками аргивянъ, элеевъ, аркадянъ и даже бѣглецами изъ самой Лаконіи, уже до числа 70.000 чел. (между которыми одной тяжелой пѣхоты было уже до 40.000 чел.), Эпаминондъ обезпечилъ независимость Мантинеи и самобытность аркадскаго союза, утвердилъ вліяніе Ѡивъ въ Пелопоннезѣ и затѣмъ хотѣлъ уже предпринять обратный походъ въ Віотію. Но пелопоннезскіе союзники Ѡивянъ представили ему, что въ Лаконіи было множество недовольныхъ, готовыхъ къ возстанію, войско распущено и въ скорости могли быть выставлены только одни спартапскія войска, ибо бѣольшая часть лакедемонянъ отказалась бы стать подъ оружіе, — а съ другой стороны, что Ѡивяне имѣли на своей сторонѣ рѣшительное превосходство въ силахъ, устройствѣ и одушевленіи. И потому они убѣдительно просили Эпаминонда двинуться въ Лаконію и напасть на самую Спарту. Эпаминондъ склонился на ихъ просьбы, и хотя время было зимнее, віотархамъ оставался только мѣсяцъ

до срока ихъ начальствованія, границы Лаконіи были защищены горами, проходы въ горахъ заняты спартанскими войсками и въ Спартѣ должно было ожидать упорнѣйшаго сопротивленія, однако онъ рѣшился идти въ Лаконію. Целопидъ присоединился къ его мнѣнію, а затѣмъ и прочіе віотархи изъявили также свое согласіе и ввѣрили Эпаминонду и Целопиду главное начальствованіе. Вслѣдствіе того, въ томъ же январѣ мѣсяцѣ 369-го года 70.000 войскъ двинулись въ Лаконію по двумъ главнымъ направленіямъ. Вспомогательныя войска еивскихъ союзниковъ пошли туда чрезъ Іонскій горный проходъ въ горномъ хребтѣ Бореонѣ, на сѣв.-зап. границѣ Лаконіи съ Аркадіею, близъ одного изъ источниковъ р. Еврота. Проходъ этотъ былъ занятъ довольно значительнымъ числомъ лакедемонскихъ неодамовъ и тегейскихъ бѣглецовъ, подъ начальствомъ спартанца Исхолая. Расположенный на невыгодной мѣстности, Исхолай былъ окруженъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, разбитъ и самъ убитъ, а бѣольшая часть его отряда истреблена. Въ то же время собственныя еивскія войска двинулись чрезъ другой, гораздо труднѣйшій, но непріателемъ незанятый горный проходъ, нѣсколько къ сѣв.-вост. отъ Іонскаго, при городкѣ Каріи, близъ истока рѣчки Эна, впадавшей въ Евротъ. Миновавъ этотъ проходъ безпрепятственно, еивяне соединились съ войсками союзниковъ и, не встрѣчая сопротивленія, двинулись въ долину Еврота и потомъ внизъ по лѣвому берегу этой рѣки къ Спартѣ, сожгли Селлазію и на пути все кругомъ предавали разоренію и огню. На второй день, при переходѣ черезъ горы, они прибыли къ мосту на Евротѣ, по другую сторону котораго, въ недалекомъ разстояніи лежала неукрѣпленная, со всехъ сторонъ открытая Спарта. Найдя мостъ сильно занятымъ и избѣгая взятія онаго приступомъ, Эпаминондъ и Целопидъ двинулись далѣе внизъ по Евроту, перешли черезъ него при Амиклахъ и оттуда направились уже къ Спартѣ, продолжая грабить и разорять край. Этимъ они хотѣли, какъ кажется, выманить спартанцевъ изъ Спарты и разбить ихъ въ открытомъ полѣ.

Спарта была въ ужасѣ и волненіи. Никогда еще дотолѣ, въ теченіе 600 лѣтъ, Лаконія не видала въ предѣлахъ своихъ непріателя и никогда еще спартанцы не являли такого малодушія,

такъ мало любви къ отечеству и преданности, повиновенія своему правительству! Въ самой Спартѣ открытъ былъ заговоръ, и правительство, не довѣряя свободнымъ гражданамъ Спарты и лакедемонянамъ, не смѣло вооружить ихъ. Но престарѣлый Агезилай, твердыми, рѣшительными, дѣятельными и строгими мѣрами своими спасъ Спарту или по крайней мѣрѣ много способствовалъ спасенію ея. Онъ казнилъ заговорщиковъ, вооружилъ 6.000 илотовъ, обѣщавъ имъ за вѣрную службу свободу, и расположилъ ихъ въ срединѣ и на важнѣйшихъ пунктахъ города, твердо намѣренный принять бой въ немъ, а не въ открытомъ полѣ, какъ того желали ѳивяне. Коль же скоро онъ открылъ, что непріятель переходитъ черезъ Евротъ для нападенія на Спарту, то немедленно сосредоточилъ всѣ свои войска на высотахъ въ самой срединѣ города, здѣсь уже намѣреваясь противупоставить упорнѣйшее сопротивление. Въ то же время къ союзникамъ Спарты въ сѣверо-западномъ Пелопоннезѣ, равно и къ аѳинянамъ, отправлены были послы съ просьбою о помощи. Коринѣ, Сикіонѣ, Фліунтѣ, Эпидаврѣ и нѣкоторые другіе города сѣверо-западнаго Пелопоннеза немедленно послали Спартѣ вспомогательныя войска. Аѳиняне же раздѣлились на двѣ партіи: одна хотѣла, чтобы Спарта была предоставлена грозившей ей участи, другая, напротивъ, движимая признательностью за великодушіе Спарты послѣ побѣды при Эгосъ-Потамосѣ и вмѣстѣ завистью къ возрастающему могуществу ѳивъ и опасеніемъ онаго, требовала, чтобы Спартѣ была подана просимая ею помощь. Последняя партія взяла наконецъ верхъ и Ифигратъ былъ посланъ съ аѳинскимъ войскомъ въ Пелопоннезъ.

Между тѣмъ ѳивское войско подступило къ Спартѣ съ южной ея стороны. Здѣсь показанія историковъ чрезвычайно разногласны и даже противурѣчатъ одни другимъ. Такъ Плутархъ въ жизнеописаніи Агезилая говоритъ только, что Эпаминондъ хотѣлъ вступить съ спартацами въ бой въ самой Спартѣ и тамъ воздвигнуть трофей, но не могъ принудить Агезилая ни къ вступленію въ бой, ни къ сходу съ занятыхъ имъ въ срединѣ города высотъ, и потому принужденъ былъ отступить. Въ жизнеописаніи Пелопида онъ вовсе не говоритъ о дѣйствіяхъ при Спар-

тѣ и причинахъ отступленія отъ нее. Плутархово же жизнеописаніе Эпаминонда, къ сожалѣнію, утрачено. Діодоръ сицилійскій говоритъ, что спартанцы вышли изъ Спарты на встрѣчу эивскому войску во время перехода его черезъ Евротъ, вступили съ нимъ въ битву, нанесли ему большой уронъ, но по причинѣ значительнаго превосходства его въ силахъ, отступили съ боемъ къ Спартѣ. Здѣсь, на краю города, произошла вторичная, упорнѣйшая и кровопролитнѣйшая битва, въ которой эивяне нѣсколько разъ уже почти совершенно овладѣвали Спартою, но при этомъ понесли такой уронъ, что Эпаминондъ былъ принужденъ отступить и затѣмъ продолжалъ разорять Лаконію. Наконецъ Ксенофонтъ въ своихъ эленикахъ говоритъ, что когда эивское войско, предшествуемое многочисленною конницею (эивскою, фокейскою, локрійскою, элейскою и ессалійскою), подступило къ Спартѣ, на встрѣчу ему вышла спартанская конница. Съ презрѣніемъ взирая на нее и ея малочисленность, эивское войско продолжало идти впередъ, но едва изъ близъ-лежавшаго храма выступилъ скрытно-расположенный въ немъ, въ засадѣ, небольшой отрядъ спартанской пѣхоты, показывая видъ, что хочетъ поддержать свою конницу, какъ вся конница и по ея примѣру многочисленная пѣхота эивскаго войска начали отступать въ безпорядкѣ — таковы будто еще были, по словамъ Ксенофонта, слава спартанскихъ войскъ и внушаемый ими страхъ. Не имѣя въ виду ни преслѣдовать непріятеля, ни вступать съ нимъ въ битву, но желая только угрожать ему боемъ, Агезилай расположилъ спартанскія войска на выгоднѣйшихъ пунктахъ впереди города. Эивское войско, отступивъ на нѣкоторое разстояніе отъ Спарты, расположилось станомъ. Возбудивъ противъ Спарты грозу, Эпаминондъ вскорѣ не могъ болѣе совладѣть съ нею. Въ собственныхъ эивскихъ войскахъ онъ постоянно соблюдалъ строгіе воинскіе подчиненность, порядокъ и осторожность; — но въ войскахъ аркадянъ и другихъ союзниковъ никакъ не могъ воспрепятствовать безпорядкамъ, неосторожности и оплошности, неразлучнымъ съ грабежемъ, которому войска эти предавались въ высочайшей степени. Аркадяне, аргивяне и элеяне удалились даже, безъ вѣдома и согласія Эпа-

минонда и віотарховъ, въ свои области, съ пріобрѣтенною ими добычею. Остальная же войска начали нуждаться въ продовольствіи, время года было неблагопріятное для дѣйствій, и потому совѣтъ віотарховъ рѣшилъ отступить отъ Спарты внизъ по Евроту къ морю и потомъ, чрезъ Мессенію, изъ Пелопоннеза въ Віотію.

Изъ этихъ разнорѣчащихъ показаній (изъ коихъ сомнительнѣе всѣхъ Ксенофонтово) можно вообще заключить, что Эпаминондъ и Пелопидъ первоначально хотѣли выманить спартанцевъ изъ Спарты и разбить ихъ въ открытомъ полѣ, но что Агезилай не отважился выйти изъ Спарты и хотѣлъ принять бой въ самомъ городѣ. Тогда віотархи рѣшились перейти черезъ Евротъ и напасть на Спарту. Но или нападеніе было произведено только частію силъ и отражено, или віотархи, видя Агезилаево войско расположеннымъ на высотахъ въ срединѣ города, не зная, какія оборонительныя мѣры приняты Агезилаемъ внутри города, опасаясь, можетъ быть, отчаянной обороны и упорной, кровопролитной битвы въ немъ, не полагаясь на союзныя войска свои, не въ силахъ будучи удерживать ихъ въ повиновеніи и порядкѣ, ослабленные самовольнымъ удаленіемъ бѣльшей части оныхъ, нуждаясь въ продовольствіи и слыша о приближеніи къ Спартѣ изъ сѣверо-западнаго Пелопоннеза вспомогательныхъ войскъ, и о движеніи Ификрата съ аѣинскимъ войскомъ въ Пелопоннезъ—вовсе не произвели нападеніе на Спарту и рѣшились отступить отъ нее и изъ Пелопоннеза.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно однако то, что они или, лучше сказать, Эпаминондъ и Пелопидъ положили, еще до отступленія изъ Лаконіи и Пелопоннеза, довершить разореніе первой изъ нихъ и возстановить свободу и самобытность Мессеніи. Вслѣдствіе того аѣвское войско двинулось внизъ по правому берегу Еврота, грабя города и селенія, разоряя край и предавая все огню. Такъ безъ сопротивленія достигло оно Гиеія, на берегу моря, и, по словамъ Ксенофонта, три дня безъ успѣха нападало на этотъ городъ, а по болѣе вѣроятному свидѣтельству другихъ писателей—овладѣло имъ и истребило находившіеся въ немъ, единственные у

спартанцевъ морскіе склады. Затѣмъ, вступивъ въ Мессенію, віотархи возстановили независимость мессенянъ, находившихся столь-ко вѣковъ подъ игомъ Спарты, основали и укрѣпили для нихъ у подошвы горы Иѳома новый городъ, названный Мессеною, оставили въ немъ еивскій гарнизонъ и затѣмъ двинулись къ коринѳскому перешейку.

На пути изъ Тегей въ Аргосъ, имѣя уже одни войска еивскія и вспомогательныя сѣверныхъ еивскихъ союзниковъ, віотархи встрѣтили при Кенхреѣ (въ Арголидѣ, близъ границъ ея съ Аркадіею и Лаконіею) аѳинское войско подъ предводительствомъ Ификрата. Здѣсь, по свидѣтельству Плутарха, Ификратъ былъ разбитъ и отступилъ, не на коринѳскій перешеекъ, для занятія на немъ горныхъ проходовъ и прегражденія віотархамъ пути, но къ Коринѳу, чѣмъ и дозволилъ еивскому войску свободно отступить изъ Пелопоннеза въ Віотію. Пристрастный къ Аѳинамъ и Спартѣ, и несправедливый въ отношеніи къ Энаминонду, Ксенофонтъ ничего не упоминаетъ о пораженіи Ификрата и говоритъ только, что Ификратъ, принадлежа къ той именно партіи, которая противилась оказанію Спартѣ помощи, съ намѣреніемъ отступилъ въ сторону къ Коринѳу и что, слѣдовательно, еивское войско одному этому обстоятельству, будтобы, было обязано свободнымъ отступленіемъ изъ Пелопоннеза. Какъ бы то ни было впрочемъ, еивское войско прошло чрезъ коринѳскій перешеекъ и возвратилось въ Віотію, свершивъ первый, 85-ти дневный (по Діодору) походъ свой въ Пелопоннезъ, результаты котораго были столь же полезны и блистательны для Еивъ, сколько вредны и унижительны для Спарты.

По удаленіи еивянъ изъ Пелопоннеза, Спарта, окруженная въ немъ врагами (аргивянами, аркадянами и мессенянами) и волнуемая внутренними смутами (вся сѣверо-западная часть ея была въ возстаніи), видѣла необходимость соединиться сколь можно тѣснѣйшимъ союзомъ съ Аѳинами, и вступила съ ними въ переговоры о совокупныхъ дѣйствіяхъ въ предстоявшемъ походѣ. Оба правительства согласились было уже, чтобы верховное начальствованіе на твердой землѣ было предоставлено спартанцамъ, а на

морѣ аѳинянамъ. Но духъ партій взялъ верхъ надъ благоразуміемъ и выгодами обѣихъ республикъ — и рѣшено было, чтобы верховное начальствованіе на твердой землѣ и морѣ принадлежало аѳинянамъ и спартанцамъ по-очередно въ продолженіе 5-ти сутокъ. Весною 368-го года соединенное спартанско-аѳинское войско собралось при Коринѣ для того, чтобы преградить еивянамъ путь въ Пелопоннезъ, а между тѣмъ часть силъ была выдвинута впередъ для занятія проходовъ въ онейскихъ горахъ, въ срединѣ коринесскаго перешейка. Но Эпаминондъ, снова двинувшійся съ еивскимъ войскомъ въ Пелопоннезъ, успѣлъ, вслѣдствіе измѣны или, можетъ быть, слабости силъ начальствовавшего въ онейскихъ горахъ спартанскаго полемарха, заключить съ нимъ перемиріе и, пользуясь тѣмъ, пройти чрезъ коринескій перешеекъ и спокойно соединиться съ аргивянами, аркадянами и элѣянами. Значительно уступая ему въ силахъ, войска спартанскія и аѳинскія оставались въ оборонительномъ положеніи подъ защитою стѣнъ Коринѳа, отразили, предводительствуемая Хабріемъ, нападеніе еивянъ и союзниковъ ихъ на одни изъ воротъ этого города, но позволили имъ безпрепятственно разграбить и разорить владѣнія его и Эпидавра. Вскорѣ военныя дѣйствія, открытыя Александромъ, тиранномъ ферскимъ, противъ сѣверныхъ союзниковъ еивянъ, побудили Эпаминонда поспѣшно идти изъ Пелопоннеза въ Віотію. По удаленіи его, вспомогательныя войска, присланныя Діонисіемъ старшимъ, тиранномъ сиракузскимъ, въ помощь Спартѣ, и состоявшія изъ галльской и испанской пѣхоты и изъ греко-сицилійской конницы, одержали немаловажные успѣхи надъ союзниками еивянъ въ Пелопоннезѣ, причинили имъ много вреда и, взявъ у нихъ богатую добычу, возвратились въ Сицилію.

Угрожаемая бѣдственной участію, Спарта снова обратилась между тѣмъ къ персамъ — и въ Греціи явился нѣкто Филискъ, грекъ изъ Абидоса, въ званіи посла персидскаго сатрапа Виоиніи, Аріобарзана, и съ предложеніемъ посредничества Артаксеркса для заключенія общаго между греками мира (368). Но еивяне никакъ не хотѣли согласиться, чтобы Мессенія была снова возвращена подъ власть Спарты. Тогда Филискъ, не успѣвъ примирить гре-

ковъ, снабдилъ спартанцевъ данными ему Аріобарзаномъ деньгами, и вскорѣ сынъ Агезилая, Архидамъ, съ набранными помощію этихъ денегъ наемниками и снова прибывшими изъ Сициліи вспомогательными сиракузскими войсками, двинулся въ Аркадію. Руководимые знатымъ, способнымъ и честолюбивымъ согражданиномъ своимъ, Ликомедомъ, и стремясь къ равной съ ѳивами власти, аркадяне уже прервали связи свои съ ними и съ элѣянами, и подъ предводительствомъ Ликомеда одержали въ Пелопоннезѣ многіе важные успѣхи надъ спартанцами и аѳинянами. Но Архидамъ, вступивъ въ Аркадію, нанесъ соединенному аркадскому, аргивскому и мессенскому войску жестокое и рѣшительное пораженіе (368) въ битвѣ, въ которой, по Діодору, пало болѣе 10.000 человѣкъ союзниковъ и ни одного спартанца (почему спартанцы и называли ее безслезною). Побѣда Архидамы положила конецъ успѣхамъ аркадянъ и была, какъ означено ниже, не безъ пользы для Спарты.

§ 74.

Война въ Ѳессаліи. 1-й и 2-й походы Пелопида въ Ѳессаліи (368—367).

Между тѣмъ, какъ это происходило въ Пелопоннезѣ, ѳивяне на сѣверѣ вмѣшались также и въ дѣла Ѳессаліи. Жестоко угнетаемые Александромъ ферскимъ, родственникомъ убитаго Іасона, ѳессаляне просили помощи и защиты ѳивъ — и ѳивское правительство, радуясь случаю утвердить вліяніе свое въ многочисленныхъ и сильныхъ, но дурно-управляемыхъ городахъ Ѳессаліи, послало въ эту область Пелопида съ войскомъ и полномочіемъ дѣйствовать сообразно съ выгодами ѳивъ (368). Пелопидъ проникъ до Лариссы, вытѣснилъ изъ нея, съ помощію народа, Александровъ гарнизонъ, затѣмъ открылъ переговоры со всѣми городами Ѳессаліи, обезпечилъ ихъ со стороны Александра, отправился въ Македонію, явился посредникомъ между царемъ ея, Александромъ, и братомъ его, Птолемеемъ, заключилъ съ первымъ изъ

нихъ союзъ, взялъ отъ него заложникомъ младшаго, еще малолѣтнаго брата его, Филиппа (отца Александра Великаго), и утвердивъ вліяніе Ѡивъ въ Ѡессаліи и Македоніи, возвратился въ Ѡивы.

По Діодору, на слѣдующій годъ (367) Пелопидъ совершилъ вторичный и — по собственной его неосторожности — неудачный для него походъ въ Ѡессалію. Движимый великодушнымъ рвеніемъ положить конецъ бѣдствіямъ войны и вступить въ полезные для Ѡивъ переговоры, онъ явился невооруженный, съ малымъ числомъ сопровождавшихъ его лицъ, на совѣщаніе съ Александромъ ферскимъ — и былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Поступокъ, столь вѣроломный, побудилъ Ѡивы къ мщенію; но віотархи, посланные въ Ѡессалію, проникнувъ далеко во внутренность этой области и не встрѣтивъ ожиданнаго со стороны Ѡессаліянъ содѣйствія, были принуждены отступать передъ многочисленнымъ войскомъ Александра ферскаго, имѣя всего только 8.000 человѣкъ пѣхоты и 600 человѣкъ конницы. На равнинахъ Ѡессаліи превосходная числомъ Ѡессалійская конница настигла ихъ и нанесла имъ довольно сильный уронъ. Тогда войско Ѡивское единогласно провозгласило своимъ предводителемъ Эпаминонда, служившаго въ это время въ низшемъ военачальническомъ званіи, и его искусству и отличнымъ распоряженіямъ было обязано спасеніемъ своимъ отъ совершеннаго истребленія. Сверхъ того переговорами, подкрѣпленными вѣроятно силою оружія, Эпаминондъ освободилъ наконецъ Пелопида изъ плѣна, хотя и не безъ пожертвованій (367 — 366).

§ 75.

Война въ Пелопоннезѣ (366—363).—3-й походъ Эпаминонда въ Пелопоннезѣ (366).

Содѣйствіе Спартѣ аѣинянъ, наемныхъ и сиракузскихъ войскъ и особенно персовъ, — побѣда Архидама, — раздоры между Ѡивскими союзниками въ Пелопоннезѣ, — война Ѡивянъ съ Александромъ ферскимъ и успѣхи оружія сего послѣдняго — все это,

вмѣстѣ взятое, казалось, уже готово было доставить Спартѣ перевѣсъ въ войнѣ. Усматривая, что главною причиною тому было содѣйствіе Спартѣ персовъ, ѳивяне отпразднили Пелопида къ Артаксерксу, чтобы склонить его на свою сторону. Пелопидъ искусными переговорами вполне успѣлъ въ этомъ; но новое вмѣшательство персовъ въ дѣла Греціи, бывшее слѣдствіемъ того, не имѣло для ѳивъ желанныхъ ими послѣдствій. Греческія республики, и особенно аркадскій союзъ, рѣшительно воспротивились заключенію мира, предписываемаго ѳивами чрезъ посредничество персовъ.

Тогда Эпаминондъ, всегда дѣятельный въ заботливости о благѣ своей родины, положилъ принудить Ахаію, въ Пелопоннезѣ, отложиться отъ союза съ Спартою и присоединиться къ союзу съ ѳивами — и въ третій разъ двинулся въ Пелопоннезъ (366). Для воспрепятствованія вступленію его въ оный, спартанцы и аѳиняне заняли проходы въ онейскихъ горахъ двумя отрядами войскъ, изъ коихъ одинъ имѣлъ спартанскаго, а другой аѳинскаго начальника. Но пелопоннезскіе союзники ѳивянъ помогли имъ пройти, не смотря на то, чрезъ перешеекъ. Вслѣдствіе безопасности и оплошности обоихъ непріятельскихъ военачальниковъ, аргивскій полководецъ Писій успѣлъ занять 2-мя тысячами человѣкъ войскъ одну высоту, обладаніе которою доставило Эпаминонду возможность безъ большаго затрудненія вступить въ Пелопоннезъ. Соединясь съ войсками пелопоннезскихъ союзниковъ, онъ двинулся въ Ахаію. Но знатнѣйшіе ахѣяне, съ полною довѣренностью къ благороднымъ свойствамъ души Эпаминонда, предоставили на его волю судьбу страны своей. И онъ не обманулъ довѣрія ихъ: взявъ съ ахѣянъ только обѣщаніе и заложниковъ въ вѣрности ѳивамъ, вывелъ войско изъ Ахаіи и воротился въ Віотію (366).

Сильнѣе и сильнѣе разгорались между тѣмъ внутренніе раздоры и междуусобія въ Пелопоннезѣ, въ которыхъ принимали участіе, съ одной стороны — ѳивы, а съ другой — Спарта и Аѳины. Аргивяне и аркадяне, поддерживаемые ѳивянами, вели войну съ фліунтянами, которымъ вслѣдствовали аѳиняне, и въ то же время аркадяне были въ войнѣ съ элѣянами (366 — 365). Среди этихъ междуусобій, ничѣмъ особеннымъ незамѣчательныхъ, поли-

тическія отношенія враждовавшихъ часто измѣнялись. Такъ Аркадія вступила въ союзъ съ Аѣинами, а Коринѣъ, Фліунтъ и Эпидавръ — съ Ѳивами.

§ 76.

3-й походъ Пелопида въ Ѳессаліи (365). Дѣйствія
Эпаминонда на морѣ.

Новыя жестокости Александра ѳерскаго принудили Ѳессаліянъ снова просить помощи Ѳивъ, и Пелопида въ предводители, — вслѣдствіе чего Пелопидъ и былъ опять посланъ въ Ѳессалію съ 7.000 человѣкъ войскъ (365). Вступивъ туда чрезъ Ѳермопилы и излишне полагаясь, можетъ быть, на превосходство віотійской тяжелой пѣхоты, онъ слишкомъ поторопился напасть на Александра, ожидавшаго его съ превосходнымъ въ силахъ (до 20.000 человѣкъ) войскомъ на крѣпкой, выгодной мѣстности при Киноскефалахъ. Съ самаго начала происшедшаго здѣсь сраженія, Пелопидова конница опрокинула Александрову. Но такъ какъ пѣхота Александрова заняла высоты, охватывавшія Пелопидово войско, то оно и было принуждено отступать. Пелопидъ бросился впередъ съ конницею, чтобы возстановить бой, опрокинулъ Ѳессаліянъ и, увлеченный боевымъ пыломъ, устремился противъ самаго Александра, но здѣсь, къ сожалѣнію, былъ убитъ. Ожесточенные тѣмъ, Ѳивяне произвели новое, сильнѣйшее нападеніе и, наконецъ, совершенно разбили войско Александра, нанеся ему уронъ, простиравшійся до 3.000 человѣкъ. Такъ повѣтствуютъ Діодоръ, Непотъ и Плутархъ. Изъ сказаній же Ксенофонта и Полибія должно заключить, что битва при Киноскефалахъ не имѣла рѣшительнаго успѣха ни для той, ни для другой стороны. По смерти Пелопида, Ѳивское войско оставалось еще въ Ѳессаліи, и по свидѣтельству Діодора и Плутарха вторично одержало побѣду надъ Александромъ, разбивъ его на голову: но изъ Ксенофонта и Полибія этого заключить нельзя. Вообще обстоятельства Ѳессалійской войны мало извѣстны. Досто- вѣрно однако-же то, что она кончилась столь же выгодно для Ѳивъ,

сколько и для Ѳессаліи — миромъ и союзомъ ѳивянъ съ Александромъ ѳерскимъ, и примиреніемъ послѣдняго, чрезъ посредничество первыхъ, съ ѳессалійскими городами.

И такъ, благодаря Пелопиду и Эпаминонду, оружіе ѳивянъ вѣнчалось успѣхомъ и на югѣ, и на сѣверѣ, и въ Пелопоннезѣ, и въ Ѳессаліи. Но доселѣ Ѳивы вели войну только на твердой землѣ Греціи и въ войнѣ этой ѳивяне и аѳиняне сражались одни противъ другихъ только въ чужихъ владѣніяхъ, ни разу не внеся войны, ѳивяне — въ Аттику, а аѳиняне — въ Віотію, не смотря на сопредѣльность этихъ двухъ областей. Теперь же Эпаминондъ составилъ смѣлый замысль — отнять у аѳинянъ господство на морѣ и сдѣлать Ѳивы морскимъ государствомъ. Соорудивъ флотъ и лично предводительствуя имъ, онъ защитилъ Родосъ, Хіосъ и Византію отъ нападеній аѳинскаго флота, предводительствуемаго Лахесомъ (365). Но Тимоѳей, главный предводитель сухопутныхъ и морскихъ силъ Аѳинъ, освободилъ обложенный ѳивянами Кизикъ въ малой Азіи и отнялъ у нихъ Торону и Потидею на берегахъ Македоніи. Вообще окончательно аѳиняне успѣли удержать за собою господство на морѣ, Эпаминондъ же послѣдовавшими обстоятельствами былъ принужденъ отложить исполненіе своихъ замысловъ касательно морскаго господства.

§ 77.

Война въ Пелопоннезѣ (364—362). — 4-й и послѣдній походъ Эпаминонда въ Пелопоннезѣ (362). — Сраженіе при Мантинеѣ. — Общій миръ.

Въ 364-мъ и 363-мъ годахъ Пелопоннезъ продолжалъ быть раздираемъ междуусобіями. Главными виновниками ихъ и дѣйствователями въ нихъ были аркадяне, уже союзники не Ѳивъ, а Аѳинъ. Но со смертію главы аркадскаго союза, Ликомеда, убитаго изгнанными аркадскими аристократами, рушился и союзъ Аркадіи съ Аѳинами. Аркадія раздѣлилась на двѣ враждебныя между собою стороны: одна держалась Ѳивъ, другая — Спарты и

Аѳинъ. Отъ этого безпорядки въ Пелопоннезѣ увеличились еще болѣе. Чтобы положить конецъ имъ и поддержать вліяніе Ѳивъ въ Пелопоннезѣ, Эпаминондъ положилъ снова двинуться въ него съ войскомъ. Съ своей стороны Спарта, Аѳины, Элида и часть Аркадіи и Ахаіи соединились тѣснымъ союзомъ и вооружились противъ Ѳивъ.

Усиленный войсками союзныхъ съ Ѳивами городовъ Эвбеи и Локриды, и многочисленными вспомогательными войсками, присланными отъ Александра ферскаго и городовъ Ѳессаліи, Эпаминондъ лѣтомъ 362-го года успѣшилъ предупредить противниковъ на коринѣскомъ перешейкѣ. Успѣвъ въ этомъ, онъ остановился при Немеѣ, надѣясь встрѣтить и разбить здѣсь аѳинскія войска, долженствовавшія соединиться съ войсками спартанскаго союза. Но аѳиняне имѣли предосторожность отправить войска свои въ Лаконію моремъ, и Эпаминондъ двинулся къ Тегеѣ. Здѣсь къ нему присоединились войска пелопоннезскихъ союзниковъ ѳивянъ: аргивянъ, мессенянъ и аркадскихъ городовъ Мегалополя, Тегеи, Ассей и Палантія. Соединенное при Тегеѣ подъ его предводительствомъ войско имѣло, по Діодору, болѣе 30.000 чел. пѣхоты и около 3.000 чел. конницы. Въ то же время при Мантинеѣ собрались войска пелопоннезскихъ союзниковъ Спарты. Лучшими между ними были аркадскія, элѣйскія и ахѣйскія. Аѳинскія еще не успѣли прибыть, а спартанцы присоединили къ союзникамъ только свою конницу, отрядъ своихъ наемниковъ и небольшое число спартанской пѣхоты, большая часть которой осталась съ Агезилаемъ въ Спартѣ. Собранныя при Мантинеѣ войска были числомъ (сколько именно—неизвѣстно) гораздо слабѣе Эпаминондовыхъ и расположены на крѣпкой, выгодной для обороны мѣстности.

Эпаминондъ оставался нѣкоторое время при Тегеѣ въ бездѣйствіи, подлинныя причины котораго не объяснены ни Ксенофонтомъ, ни другими историками. Судя по послѣдующимъ дѣйствіямъ Эпаминонда, должно однако предполагать, что ставъ съ превосходными силами между Спартою и собранными при Мантинеѣ войсками ея союзниковъ, и угрожая той и другимъ, онъ хотѣлъ выждать присоединенія пелопоннезскихъ союзниковъ Спарты къ Ѳи-

вамъ, или выманить войска ихъ изъ выгоднаго ихъ расположенія при Мантинеѣ, а Агезилая съ спартанскою пѣхотою — изъ Спарты, и разбить ихъ по частямъ, или же овладѣть беззащитною Спартою посредствомъ внезапнаго нападенія. Какъ бы то ни было, бездѣйствіе такого полководца и съ такимъ сильнымъ войскомъ привело союзниковъ Спарты, собранныхъ при Мантинеѣ, въ сильное безпокойство и они убѣдительно просили спартанское правительство прислать имъ Агезилая съ остальною спартанскою пѣхотою. Довольно странно то, что спартанское правительство, для поддержанія союзниковъ своихъ, рѣшилось оставить Спарту безъ защиты и отправило Агезилая къ Мантинеѣ.

Едва Эпаминондъ узналъ, что Агезилай выступилъ изъ Спарты (онъ пошелъ, вѣроятно, по направленію къ іонскому проходу), какъ немедленно вечеромъ двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ кратчайшею, весьма слабо и небрежно занятою спартанцами дорогою чрезъ Селлазію къ Спартѣ. И на этотъ разъ онъ весьма вѣроятно овладѣлъ бы ею, еслибы одинъ критянинъ не увѣдомилъ Агезилая о движеніи Эпаминонда, и Агезилай, поспѣшно воротясь назадъ, не успѣлъ предупредить Эпаминонда въ Спартѣ. Такъ какъ вся спартанская конница и часть спартанской пѣхоты находились при Мантинеѣ, то остальныхъ у Агезилая войскъ едва было достаточно для обороны открытаго со всѣхъ сторонъ города противъ сильнаго еивскаго войска. Но Агезилай вооружилъ всѣхъ остававшихся въ Спартѣ гражданъ, даже стариковъ, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, и размѣстилъ ихъ по краямъ и во внутренности города, выгоднѣйшимъ для обороны онаго образомъ.

Прибывъ къ Спартѣ, Эпаминондъ, по свидѣтельству Полибія, произвелъ на Спарту нападеніе и проникъ до самой Агоры (главной народной площади въ срединѣ города, гдѣ происходили общественныя собранія), но отступилъ и поѣтому, какъ предполагать должно, былъ отраженъ. Другіе писатели: Ксенофонтъ, Діодоръ, Корнелій Непотъ и Плутархъ ничего не упоминаютъ объ этомъ, но говорятъ только, что Эпаминондъ не захотѣлъ напасть на Спарту съ одной изъ тѣхъ сторонъ, гдѣ прилежащая мѣстность была ровная и открытая, откуда спартанцы именно ожидали нападенія и гдѣ приготовились къ наибо-

лѣе сильному отпору, но обходомъ занялъ одну высоту, съ которой удобно могъ дѣйствовать противъ спартанцевъ сильною стрѣльбою изъ луковъ. Къ этому Ксенофонтъ присовокупляетъ, будто бы Архидамъ, не болѣе, какъ со 100 спартанцами, двинулся къ занятой Эпаминондомъ высотѣ, чтобы отнять ее—и изумленные этимъ неожиданнымъ наступленіемъ, войска Эпаминонда, занимавшія высоту, обратились въ бѣгство, были преслѣдованы и потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми, — что еивяне просили выдачи тѣлъ убитыхъ воиновъ и тѣмъ признали себя побѣжденными. Но это свидѣтельство Ксенофонта не заслуживаетъ вѣроятія. Вѣрнѣе предположить можно, что Эпаминондъ, обманутый въ надеждѣ овладѣть Спартою посредствомъ внезапнаго нападенія и притомъ нуждаясь въ продовольствіи, безъ боя отступилъ отъ Спарты обратно къ Тегеѣ. Остановившись здѣсь съ пѣхотою для того, чтобы, послѣ усиленнаго, быстрого и труднаго движенія чрезъ горы, дать ей кратковременный отдыхъ, и предполагая, что мантинеяне, пользуясь его удаленіемъ, выйдутъ съ рабами и скотомъ на жатву, онъ послалъ конницу свою впередъ къ Мантинеѣ для завладѣнія, посредствомъ внезапнаго нападенія, и жатвою, и рабами, и скотомъ мантинеянъ. Этимъ онъ хотѣлъ, какъ кажется, выманить непріятельское войско изъ его расположенія. Мантинеяне дѣйствительно находились на жатвѣ и, въ ужасѣ при внезапномъ появленіи Эпаминондовой конницы, просили помощи небольшого аѣинскаго коннаго отряда, только-что прибывшаго изъ Элевзиса чрезъ Клеону къ Мантинеѣ. Хотя и всадники, и кони этого отряда были весьма утомлены усиленнымъ и быстрымъ походомъ, однако, по убѣдительнымъ просьбамъ мантинеянъ, отрядъ этотъ двинулся на встрѣчу превосходной числомъ и качествомъ Эпаминондовой конницѣ, и въ происшедшемъ вслѣдствіе того конномъ бою окончательно одержалъ, по увѣренію Ксенофонта, успѣхъ, что весьма сомнительно.

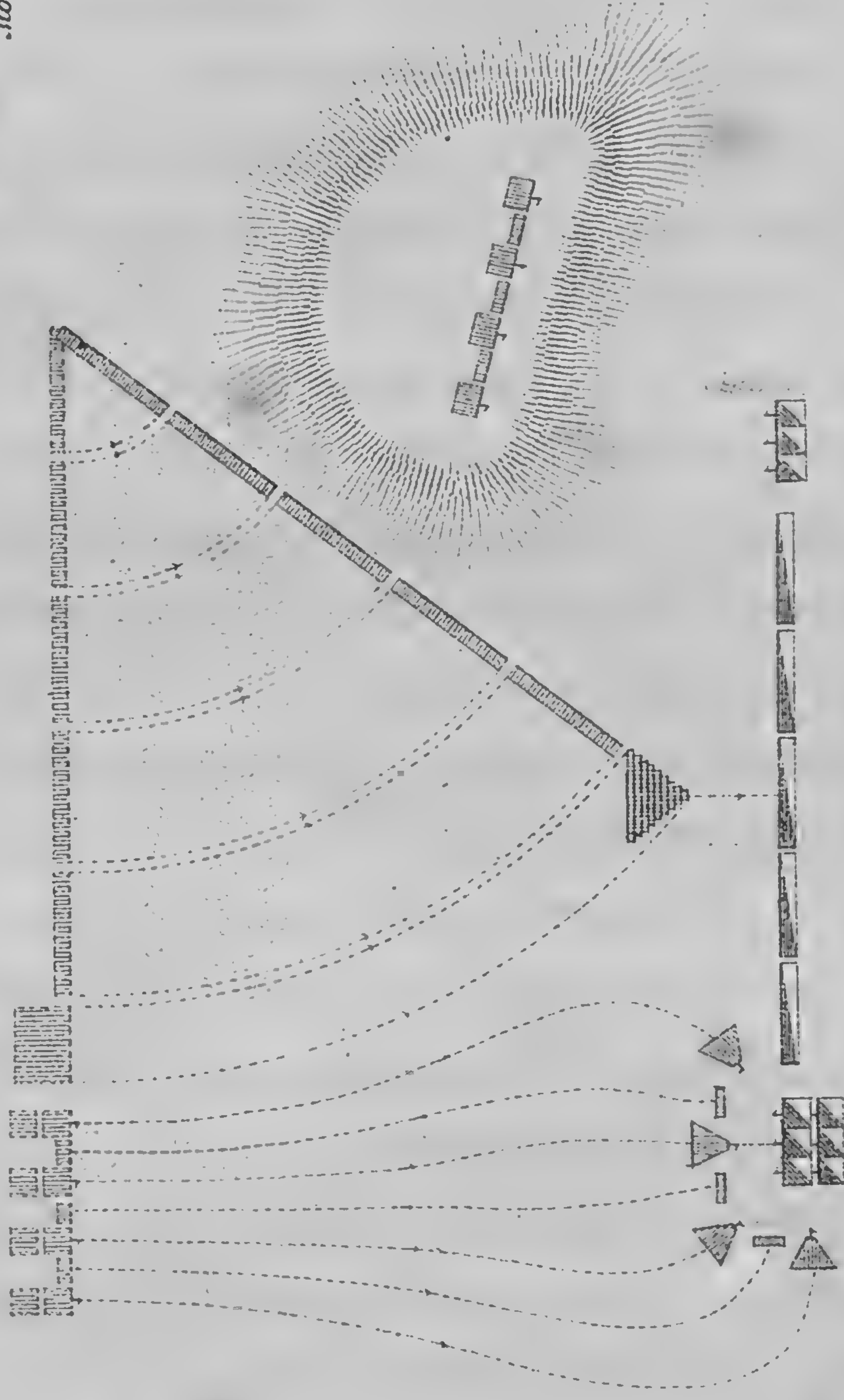
Между тѣмъ войско союзниковъ Спарты (которое для краткости будемъ называть спартанскимъ, такъ какъ Эпаминондово-еивскимъ) продолжало оставаться въ прежнемъ своемъ расположеніи при Мантинеѣ. Усиленное уже прибывшими аѣинскими войсками, оно имѣло (по Діодору) около 20.000 чел. пѣхоты и около 2.000 чел.

конницы. По условію между союзниками, главное начальствованіе надъ нимъ, пока оно находилось во владѣніяхъ одной изъ союзныхъ республикъ, долженствовало принадлежать полководцамъ этой республики, подъ руководствомъ ея правительства. Поэтому здѣсь, во владѣніяхъ мантинейскихъ, начальствовали мантинейскіе полководцы и на правомъ крылѣ войска стояла мантинейская пѣхота. Возлѣ нея находилась спартанская, въ срединѣ—аркадская, элейская и ахейская, а на лѣвомъ крылѣ—аѣинская. Спартанская конница была расположена на правомъ, а аѣинская — на лѣвомъ флангахъ пѣхоты, элейская же позади ахейской и аѣинской пѣхоты.

Не успѣвъ выманить спартанскаго войска изъ его расположенія, нуждаясь въ продовольствіи и видя приближеніе срока своего начальствованія и времени распущенія войскъ еивскихъ союзниковъ, и необходимость сильнаго удара и блистательнаго успѣха, Эпаминондъ рѣшился уже немедленно напасть на спартанское войско и двинулся отъ Тегей къ Мантинеѣ, имѣя въ головѣ священную дружину и еивскую тяжелую пѣхоту. Приблизясь къ Мантинеѣ (4-го іюля 362 года) и обозрѣвъ силу и расположеніе спартанскаго войска, онъ положилъ, какъ при Левктрѣ, лѣвымъ усиленнымъ крыломъ своимъ напасть на правое крыло непріятеля, въ косвенномъ боевомъ порядкѣ. Съ этою цѣлію онъ построилъ свое войско нижеслѣдующимъ образомъ: еивскую тяжелую пѣхоту поставилъ на лѣвомъ крылѣ, аргивскую на правомъ, а остальную въ срединѣ, конницу же, перемѣшанную съ легкою пѣхотою—по флангамъ, и именно—большую ея часть на лѣвомъ, а меньшую—на правомъ. Лѣвое крыло еивской фаланги онъ построилъ въ такой же четвероугольникъ, какъ и при Левктрѣ, и на лѣвомъ его флангѣ также поставилъ священную дружину. Въ этомъ порядкѣ онъ двинулся впередъ и, прибывъ на высоты, противоположныя тѣмъ, на которыхъ находилось спартанское войско, остановился и велѣлъ сложить оружіе, какъ бы для разбивки стана. Обманутые этимъ и полагая, что Эпаминондъ въ этотъ день сражаться не будетъ, непріятельскіе полководцы велѣли также сложить оружіе, отъ чего въ войскѣ ихъ произошелъ безпорядокъ и боевой пылъ охладѣлъ совершенно. Эпаминондъ того только и ожидалъ:

2^е сраженіе при Мангилеъ.

Оживле-
ніе
Лакеды-
монцев

войско его, заблаговременно имъ предваренное, немедленно вооружилось, спустилось съ высотъ и двинулось противъ непріятеля. Лично ведя лѣвый фланговый четвероугольникъ ѳивской тяжелой пѣхоты и священную дружину, онъ приказалъ: 1) лѣвой фланговой конницѣ—идти на одной съ ними высотѣ и напасть на спартанскую конницу въ то самое время, когда они нападутъ на правое крыло непріятельской пѣхоты; 2) правой фланговой конницѣ—остаться на мѣстѣ и въ такомъ только случаѣ двинуться впередъ, когда ей представится возможность съ несомнѣннымъ успѣхомъ напасть на непріятеля; — 3) правой фланговой тяжелой пѣхотѣ (аргивской)—поддерживать, въ случаѣ надобности, эту конницу, и наконецъ 4) всей остальной тяжелой пѣхотѣ въ срединѣ войска — слѣдовать за движеніемъ священной дружины и четвероугольника уступами съ лѣваго фланга впередъ.

Усмотрѣвъ наступленіе его, спартанское войско бросилось къ оружію, отчего безпорядокъ въ немъ увеличился еще болѣе. Однако, оно успѣло построиться еще прежде, нежели Эпаминондъ произвелъ на него натискъ. Битва началась нападеніемъ лѣвой фланговой ѳивской конницы на спартанскую. Превосходство числа и качества первой изъ нихъ и содѣйствіе ей легкой пѣхоты были причинами, что спартанская конница была тотчасъ опрокинута и разсѣяна. Между тѣмъ, какъ ѳивская конница преслѣдовала ее, предводимые Эпаминондомъ священная дружина и четвероугольникъ ѳивской тяжелой пѣхоты произвели стремительный натискъ съ фронта на правое крыло непріятельскаго войска (т. е. на мантинейскую и спартанскую пѣхоту),—послѣ упорнаго и жестокаго рукопашнаго боя съ нимъ, успѣли прорвать, разстроить и опрокинуть его, и затѣмъ преслѣдовали спартанскую тяжелую пѣхоту, отступавшую съ боемъ. При видѣ пораженія праваго своего крыла и наступленія противъ нее средины ѳивскаго войска съ фронта, середина спартанскаго войска обратилась въ бѣгство. Но аѳинскія пѣхота и конница, равно и элѣйская конница, на лѣвомъ крылѣ спартанскаго войска, стояли твердо на своихъ мѣстахъ. Противъ нихъ и двинулась правая фланговая ѳивская конница. Видя пораженіе праваго и бѣгство средины непріятельскаго войска, она сочла

это мгновеніе удобнѣйшимъ для произведенія удара, и напавъ на противустоявшую аѳинскую конницу, опрокинула ее и пала на аѳинскую пѣхоту во флангъ и въ тылъ; но здѣсь, сама въ свою очередь взятая во флангъ элейскою конницею и атакованная аѳинскою, была опрокинута и принуждена отступить къ занимаемому ею въ началѣ боя мѣсту. Не смотря на то, побѣда, казалось, уже совершенно склонялась на сторону ѳивянъ, какъ въ это самое время Эпаминондъ, лично сражавшійся съ спартанцами въ головѣ ѳивскаго четвереугольника, палъ смертельно раненый дротикомъ въ грудь. Лишась любимаго своего вождя, пораженное скорбію объ утратѣ его, ѳивское войско пришло, если и не въ безпорядокъ, то въ педоумѣніе и смятеніе,—не отступило, но и не продолжало болѣе своего наступленія. Съ обѣихъ сторонъ произошло кратковременное бездѣйствіе—и затѣмъ оба войска въ одно время отступили въ противоположныя стороны, оба хвалясь побѣдою, ѳивское однако съ большею справедливостію. Ибо въ немъ одна только конница праваго крыла была опрокинута, но и та сохранила прежнее свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ. Въ спартацкомъ же войскѣ, напротивъ, одни только аѳинскія пѣхота и конница, и конница элейская удержались на своихъ мѣстахъ, всѣ-же прочія войска были опрокинуты. За всѣмъ тѣмъ побѣда ѳивянъ въ битвѣ при Мантинѣ, столь удачно начатой ими и столь замѣчательной превосходными тактическими распоряженіями Эпаминонда, была сама по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ побѣдою нерѣшительною. Вскорѣ послѣ нея общій между греками миръ, коимъ признана независимость Мессеніи (362), положилъ конецъ войнѣ; но не побѣда ѳивянъ при Мантинѣ была причиною его, а общее, совершенное истощеніе силъ и въ особенности двухъ главныхъ, враждовавшихъ республикъ, Спарты и ѳивъ, ослабленныхъ 16-ти лѣтнею войною и сверхъ того, Спарта—утратою Мессеніи, а ѳивы—Пелопида и Эпаминонда.

§ 78.

Общій выводъ о военномъ устройствѣ грековъ и состояніи у нихъ военнаго искусства вообще и искусства веденія войны въ особенности, отъ нашествія персовъ на Грецію до временъ Филиппа македонскаго.

Нашествіе персовъ на Грецію, побудивъ грековъ къ развитію всѣхъ своихъ силъ и дѣятельности для сохраненія своей независимости, сдѣлалось первою и главною причиною быстрого усовершенствованія греческаго военнаго искусства. Обязанныя успѣхамъ своими надъ персами преимущественно правильнымъ устройству и дѣйствіямъ войскъ своихъ, греки приложили особенное попеченіе о дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи ихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что всѣ отрасли военнаго искусства, и въ особенности тактика, постепенно достигли въ Греціи высокой степени развитія и совершенства, и военное искусство впервые возведено было греками на степень науки. Тщательно изслѣдуя, изучая и совершенствуя его, греки начертали правила онаго, изъ которыхъ съ ходомъ времени постепенно образовалась первая теорія или наука военнаго искусства.

Изъ числа всѣхъ народовъ Греціи, слава наибольшаго участія въ усовершенствованіи греческаго военнаго искусства принадлежитъ аѳинянамъ, спартацамъ и подъ конецъ елліянамъ. Они первенствовали въ немъ надъ всѣми народами Греціи и имѣли на нихъ рѣшительное въ этомъ отношеніи вліяніе.

Собственно искусство веденія войны у грековъ въ этомъ періодѣ слѣдовало тому же постепенному ходу, который усматривается и въ прочихъ отрасляхъ военнаго искусства. Еще весьма мало развитое до войны пелопоннесской, оно значительно развилось въ ней и еще болѣе послѣ нея. Частое веденіе греками, въ пространствѣ времени отъ окончанія ея до Филиппа македонскаго, войнъ внѣ предѣловъ Греціи, и въ особенности вы-

сокія военныя дарованія и искусство трехъ значитѣйшихъ греческихъ полководцевъ этого времени — Ксенофонта, Агезилая и Эпаминонда, были причинами, что искусство веденія войны у грековъ, сравнительно съ прежнимъ, получило гораздо большіе объемы и размѣры, значеніе и важность.

За всѣмъ тѣмъ, говоря вообще, войны, веденныя греками въ предѣлахъ самой Греціи, равно и искусство веденія ихъ, по необходимости должны были имѣть и дѣйствительно имѣли чрезвычайно малые и тѣсные объемы и размѣры, и характеръ малой войны и набѣговъ. Причины этого, какъ равно и самый характеръ внутреннихъ, междоусобныхъ греческихъ войнъ, уже были изображены выше, въ общемъ выводѣ о войнѣ пелопоннесской (глава VIII § 60).

Что касается военнаго устройства и военныхъ учрежденій грековъ, то они слѣдовали иному ходу, нежели греческое военное искусство. Между тѣмъ, какъ послѣднее постоянно и быстро развивалось, совершенствовалось и возвышалось, военное устройство и военныя учрежденія, вмѣстѣ съ постепеннымъ нравственнымъ упадкомъ народа и войска греческихъ, болѣе и болѣе измѣнялись въ духѣ и характерѣ, и приходили въ упадокъ, хотя и сохраняли, болѣе или менѣе, прежнія, наружныя, формы свои.

Заключая этимъ военную исторію грековъ въ блистательнѣйшемъ ихъ періодѣ, переходимъ къ тому народу, который, заимствовавъ военное искусство ихъ, превзошелъ въ немъ самихъ наставниковъ своихъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

МАКЕДОНЫЯНЕ.

I. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. — § 79. Военныя устройство и учрежденія. — § 80. Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ. — § 81. Составъ, сила, раздѣленіе, строй и образъ дѣйствій войскъ. — Македонская фаланга и македонская тактика. — § 82. Внутреннее устройство македонскаго войска, кастраметация, фортификація, полорцетика и состояніе военнаго искусства вообще у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. — II. Войны Филиппа македонскаго (360 — 336). — § 83. Первые походы Филиппа въ Пэоніи, Иллирии, Тракіи и Тессалии (360 — 356). — § 84. Война съ 355-го по 336-й годъ вообще. — Походы во Тракію и Тессалию, — война съ аѳинянами и 1-й походъ въ Грецію (355 — 346). — § 85. Походы съ 345-го по 341-й годъ. — Война во Тракіи (340). — Походъ противъ скифовъ къ нижнему Дунаю (339). — 2-й походъ въ Грецію и сраженіе при Херонее (338). — § 86. Общій выводъ о Филиппѣ, какъ полководцѣ, и его войнахъ.

—oo—

Источники: Геродотъ, Фукидидъ, Иустинъ, Арріанъ, Діодоръ Сицилійскій, Guthrie et Gray, Hübler, Olivier, de Bury, Leland и указанные выше.

—♦♦—

I.

Военныя: устройство, учрежденія и искусство у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.

§ 79.

Военныя: устройство и учрежденія.

До временъ Филиппа, отца Александра В., военный бытъ македонянъ и военное дѣло у нихъ представляютъ тѣже черты, что и у грековъ во времена героическія. Правильнаго военнаго

устройства не было, а военное дѣло находилось на низкой степени совершенства.

Но Филиппъ произвелъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ такой переворотъ, которому исторія представляетъ немного примѣровъ. Въ продолженіе 8-ми лѣтняго (368 — 360) пресбыванія своего заложникомъ въ Фивахъ, имѣя наставникомъ и образцомъ Эпамипонда (которому фивяне ввѣрили его воспитаніе), онъ получилъ отличное греческое образованіе и въ совершенствѣ изучилъ военныя учрежденія и военное искусство грековъ. Одаренный необыкновеннымъ умомъ, онъ вполне постигнулъ и всѣ преимущества, и всѣ недостатки ихъ, и уже питая обширные честолюбивые замыслы въ отношеніи къ Македоніи и Греціи, угадалъ, какія чрезвычайныя выгоды могло доставить ему учрежденіе постоянного, народнаго македонскаго войска, правильно-устроеннаго по образцу греческихъ, но чуждаго ихъ недостатковъ и лично имъ предводимаго. И едва, по смерти старшаго брата своего, македонскаго царя Пердикки III, убитаго въ сраженіи съ иллиріянами (360), бѣжавъ изъ Фивъ въ Македонію, онъ обезпечилъ страну эту извнѣ, возстановилъ въ ней внутреннѣе порядокъ и тишину, и былъ провозглашенъ царемъ ея (359), какъ немедленно занялся приведеніемъ мысли своей въ исполненіе. Установивъ гражданское устройство и образъ правленія македонскаго царства такъ, что древнѣйшія, патріархальныя формы греческаго общественнаго быта, оставшія въ сущности неизмѣнными, слились въ нихъ съ позднѣйшими — плодомъ высокоразвитыхъ гражданственности и образованности грековъ, Филиппъ далъ Македоніи и сообразное съ тѣмъ правильное военное устройство. Подробности онаго, къ сожалѣнію, неизвѣстны; но въ сущности оно заключалось въ нижеслѣдующемъ:

Чтобы привязать къ себѣ и престолу высшее, благородное сословіе македонскаго народа, искони имѣвшее большія силу и вліяніе на общественныя дѣла, и дабы тѣмъ возвысить царскій санъ и усилить царскую власть, Филиппъ окружилъ себя македонскою знатью, въ видѣ пышнаго царскаго двора, а изъ благороднаго и знатнаго македонскаго юношества образовалъ отборныя

дружины царскихъ тѣлохранителей, подъ названіемъ агемы *) этеровъ (братьевъ, сообщниковъ, сподвижниковъ царя, потому что они постоянно пользовались его сообществомъ). Всегда окружая царя, всюду сопровождая его, и въ битвахъ сражаясь подъ личнымъ его предводительствомъ, этеры были, такъ сказать, заложниками въ вѣрности высшаго сословія царю и въ то же время составляли разсадникъ македонскихъ военачальниковъ и полководцевъ. Изъ нихъ дѣйствительно вышли всѣ лучшіе полководцы и сподвижники Филиппа и Александра В. Сверхъ агемы этеровъ, Филиппъ учредилъ еще другую отборную дружину царскихъ тѣлохранителей, подъ названіемъ песэтеровъ, составленную, какъ кажется, также изъ лицъ благороднаго сословія; по крайней мѣрѣ песэтеры пользовались равнымъ съ этерами правомъ царскаго сообщества.

Затѣмъ изъ отборнѣйшихъ македонянъ низшаго, но свободнаго сословія народнаго Филиппъ образовалъ постоянное, правильно-устроенное войско, въ составѣ котораго первое мѣсто занимала знаменитая македонская фаланга тяжелой пѣхоты.

Въ случаѣ войны, постоянное войско было усиливается, во 1-хъ, смотря по надобности и по востребованію царя, земскими или народными ополченіями различныхъ областей Македоніи, во 2-хъ, по мѣрѣ распространенія предѣловъ Македоніи и вліянія македонянъ — вспомогательными войсками македонскихъ данниковъ (ѳракіянъ, пѳонянъ, трибалловъ, одризовъ, иллиріянъ и ѳессаліянъ) и союзниковъ (грековъ), и въ 3-хъ, войсками наемными, какъ греческими, такъ и изъ числа нѣкоторыхъ ѳракійскихъ, иллирійскихъ и другихъ племенъ, оставшихся независимыми отъ македонянъ.

Такимъ образомъ во 1-хъ ядро и главную силу македонской арміи составляла отборнѣйшая, лучшая и надежнѣйшая часть при-

*) Агемою у македонянъ до Филиппа называлась дружина отборныхъ войскъ, служившая тѣлохранителями царямъ. Нѣкоторые полагаютъ, что она была первымъ опытомъ фаланги у македонянъ до Филиппа. Названіе агемы сохранилось и при Филиппѣ и Александрѣ В. и при всѣхъ почти царяхъ, преемникахъ Александровой монархіи, и означало всегда дружину царскихъ тѣлохранителей.

родныхъ македонянъ — царскіе тѣлохранители и постоянныя войска, и во 2-хъ, вообще составомъ своимъ изъ племенъ мужественныхъ, воинственныхъ, чуждыхъ разврата и пороковъ грековъ, и вполне покорныхъ волѣ македонскаго царя-вождя, армія македонская имѣла значительное превосходство надъ арміями греческихъ республикъ, составленными въ это время отчасти изъ воинственныхъ гражданъ и большею частію изъ корыстолюбивыхъ, буйныхъ и своевольныхъ наемниковъ.

Изъ греческихъ и римскихъ историковъ можно, кажется, заключить, что Филиппомъ введена въ Македоніи правильная система наборовъ и что съ этою цѣлію, равно и для удобства въ военномъ управленіи, Македонія была раздѣлена имъ на извѣстное число военныхъ округовъ.

Правильное военное устройство, которымъ македонское царство было обязано Филиппу, вполне развилось и утвердилось уже въ царствованіе этого государя, благодаря мудрымъ его мѣрамъ и постоянной, дѣятельной о немъ заботливости, и сохранилось въ неизмѣнности и при Александрѣ В. Вступивъ на престолъ Македоніи (336), Александръ В. нашелъ ее уже сильнымъ и превосходноустроеннымъ въ военномъ отношеніи государствомъ, и только увеличилъ числительную силу македонской арміи вообще и македонскихъ постоянныхъ войскъ въ особенности, и учредилъ нѣкоторыя новыя, отборныя дружины, важнѣйшими между которыми были иппасписты и аргираспиды (см. ниже). Составъ македонской арміи при немъ былъ тотъ же, что и при Филиппѣ, съ тою только разницею, что въ войнѣ съ персами, сверхъ означенныхъ выше войскъ, въ него входили также и войска азійскія, набираемые въ завоеванныхъ областяхъ персидскаго государства.

§ 80.

Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ.

Македонская армія отличалась превосходнымъ, въ правильной соразмѣрности, составомъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, различныхъ

и по вооруженію, и по образу дѣйствій. Главными и лучшими были тяжелыя и среднія: пѣхота и конница; — легкія же пѣшія и конныя войска были второстепенными, вспомогательными.

Пѣхоту составляли: 1) тяжелую — песэтеры, иппасписты и македонская фаланга, 2) среднюю — аргираспиды и пелтасты, и наконецъ 3) легкую — еракійскіе, агріянскіе, пэонійскіе и иллирійскіе стрѣлки и пращники.

Песэтеры (пѣшіе братья, сообщники или сподвижники царя) при Филиппѣ, числомъ 3.000 челов., были выставлемы 6-ю назначенными для того округами Македоніи и раздѣлены на такое же число дружинъ или частей, каждая въ 500 челов.

Иппасписты при Александрѣ В. служили добровольно, 3.000 отборнѣйшихъ изъ нихъ составляли, подобно песэтерамъ при Филиппѣ, пѣшую дружину царскихъ тѣлохранителей, подъ названіемъ пѣшей агеми или пѣшихъ агемаговъ, и имѣли своего особеннаго начальника, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ высшихъ сановниковъ двора и войска. Прочіе иппасписты раздѣлялись на части, каждая силою въ 500 и позже въ 1000 слишкомъ челов., подъ начальствомъ хиліарха. Иппасписты занимали при Александрѣ В. первое послѣ этеровъ мѣсто въ арміи.

Составъ, сила и устройство фаланги означены особо ниже (§ 81).

Аргираспиды или среброщитники, названные такъ по своимъ легкимъ, покрытымъ серебряными листами щитамъ, составляли при Александрѣ В. также дружину царскихъ тѣлохранителей, и по вооруженію своему принадлежали къ одному разряду съ македонскими пелтастами.

Въ легкой пѣхотѣ лучшими стрѣлками были агріянскіе, выставлемые агріянами, воинственнымъ и храбрымъ еракійскимъ племенемъ, обитавшимъ въ срединѣ Гэмскаго (нынѣ Балканскаго) хребта.

Конницу составляли: 1) тяжелую — этеры, 2) среднюю — димахи, и наконецъ 3) легкую — македонскіе, ессалійскіе и въ особенности пэонійскіе и еракійскіе легкіе всадники.

Первое мѣсто между дружинами царскихъ тѣлохранителей и въ

цѣломъ войскѣ занимали этеры—постоянные, доблестные, достойно-знаменитые сообщники и сподвижники Филиппа и въ особенности Александра В., который всегда и во всѣхъ своихъ битвахъ сражался въ головѣ ихъ или окруженный ими, и съ ними дѣлилъ всѣ военные труды и опасности. Этеры раздѣлялись на 8 иловъ (эскадроновъ) въ 200, а по инымъ въ 225 челов. каждый,—слѣдовательно всего этеровъ было 1.600 или 1.800 челов.—1-й илъ былъ сильнѣе прочихъ, считался почетнѣйшимъ и назывался царскимъ.

Димахи, учрежденные Александромъ В., были тоже въ конницѣ, что пелтасты въ пѣхотѣ, имѣли подобное имъ, среднее по роду и тяжести, вооруженіе и сражались конными, но въ случаѣ надобности спѣшивались и дѣйствовали въ пѣшемъ строѣ.

Вооруженіе македонскихъ войскъ вообще было греческое, но значительно усовершенствованное. Тяжелая пѣхота имѣла мечи, которыми одинаково могла и колоть, и рубить, и большіе щиты, въ ростъ человѣческой. Но главнымъ ея оружіемъ была сарисса или копье длиною до 24-хъ футовъ. Аргираспиды и пелтасты были вооружены легче тяжелой пѣхоты, а димахи—легче тяжелой конницы, а именно: легкими латами и щитами, мечами, и копьями, удобными также для метанія. Тяжелая конница была вооружена мечами, щитами и длинными копьями, а легкая—отчасти легкими копьями и дротиками, и отчасти луками. Въ тяжелой конницѣ и лошади, и всадники были покрыты чешуйчатыми латами.

Филиппъ и Александръ В. первые начали употреблять метательныя орудія въ полѣ, впрочемъ довольно рѣдко, только въ пѣхотныхъ особенныхъ случаяхъ, какъ-то: для очищенія тѣснинъ и береговъ рѣкъ отъ непріятеля и т. п. Въ большихъ же полевыхъ сраженіяхъ ихъ, употребленія метательныхъ орудій не усматривается.

Въ концѣ жизни Александра В. относятъ также первоначальное введеніе въ македонское войско слоновъ, употребленіе которыхъ столь распространилось въ послѣдствіи на востокѣ. Въ битвѣ на Гидаспѣ съ индійскимъ царемъ Поромъ и вообще въ индійскомъ походѣ, Александръ пріобрѣлъ большое число этихъ животныхъ и

привелъ ихъ съ собою въ Персію. Но онъ употреблялъ ихъ только для перевозки тяжестей, въ полевыхъ же сраженіяхъ они начали быть употребляемы уже по смерти его.

§ 81.

Составъ, сила, раздѣленіе, строй и образъ дѣйствіе войскъ.
Македонская фаланга и македонская тактика.

Діодоръ сицилійскій и всѣ римляне, писавшіе объ исторіи Греціи, утверждаютъ, что Филиппъ въ первый годъ своего царствованія изобрѣлъ и первый учредилъ фалангу, изъ 6.000 челов. тяжелой пѣхоты, сражавшейся въ 16-ти-шереножномъ строѣ. Но это не совсѣмъ справедливо: Филиппъ не изобрѣлъ, а только усилилъ и усовершенствовалъ греческую фалангу, учрежденную имъ въ Македоніи не ранѣе 359 года. По Эліену первоначальная сила македонской фаланги, въ совокупности съ состоявшими при ней среднею и легкою пѣхотою и конницею, простиралась до 6.500 человѣкъ, а Александромъ В. была увеличена вдвое, т. е. до 13.000 человѣкъ (также съ среднею и легкою пѣхотою и съ конницею). Но изъ Арріана и другихъ историковъ видно, что при выступленіи Александра изъ Македоніи въ малую Азію, македонская фаланга состояла изъ 12.000, а при Арбелѣ уже изъ 16.400 оплитовъ, въ томъ и другомъ случаѣ не считая средней и легкой пѣхоты и конницы. Усовершенствованія фаланги Филиппомъ заключались въ томъ, что онъ соединилъ въ ней въ одинъ нераздѣльный составъ тяжелыя и среднія: пѣхоту и конницу, опредѣливъ относительную соразмѣрность ихъ такъ, что конница вообще составляла $\frac{1}{4}$, а средняя пѣхота — $\frac{1}{2}$ тяжелой пѣхоты. Такимъ образомъ, названіе фаланги получило у македонянъ уже болѣе обширное значеніе, нежели какое дотолѣ имѣло у грековъ: ибо у первыхъ оно означало правильную македонскую армію, а у послѣднихъ собственно одну, дѣйствовавшую въ этомъ строѣ, тяжелую пѣхоту. Александръ В., удвоивъ численную силу фаланги, сохранилъ установленный Филиппомъ со-

ставъ ея, съ тѣмъ только различіемъ, что увеличилъ число состоявшихъ при ней легкихъ пѣхоты и конницы: ибо войну съ персами велъ частію въ горахъ и частію въ открытыхъ равнинахъ.

Позднѣйшіе греческіе и римскіе, равно и новѣйшіе тактики опредѣлили нормальные составъ и силу правильной македонской фаланги или арміи, въ полномъ ея развитіи, нижеслѣдующимъ образомъ:

Въ фалангѣ было:

Тяжелой пѣхоты или оплитовъ	16.384 чел.
Средней — — — — — пелтастовъ	8.192 —
Конницы тяжелой и средней	4.096 —
<hr/>	
Итого	28.672 чел.

А съ начальствующими чинами всего до . . . 30.000 —

Слѣдовательно:

Кон. состав. $\frac{1}{2}$ сред. пѣх., $\frac{1}{4}$ тяж. пѣх. $\frac{1}{6}$ всей пѣх. и $\frac{1}{7}$ цѣл. ар.	
Сред. пѣх. — » — — — $\frac{1}{2}$ — — — » — — — $\frac{2}{7}$ — — —	
Тяж. — — — » — — — » — — — » — — — $\frac{4}{7}$ — — —	

Филиппъ принялъ для строя тяжелой пѣхоты 16-ти-шеренжную глубину, потому что она доставляла тяжелой пѣхотѣ достаточныя твердость и силу для нападенія и обороны, и легко могла быть увеличиваема вдвое и болѣе, для усиленія натиска, либо уменьшаема на половину, безъ уменьшенія однако же твердости и силы строя.

Первою, основною частію македонской фаланги былъ лохосъ или рядъ изъ 16-ти оплитовъ. Онъ раздѣлялся на 2 димеріи, а димерія на 2 эномотіи. Передній въ лохосѣ воинъ начальствовалъ имъ и назывался лохагосомъ, а послѣдній или задній, урагосъ, былъ обязанъ наблюдать за порядкомъ въ лохосѣ.

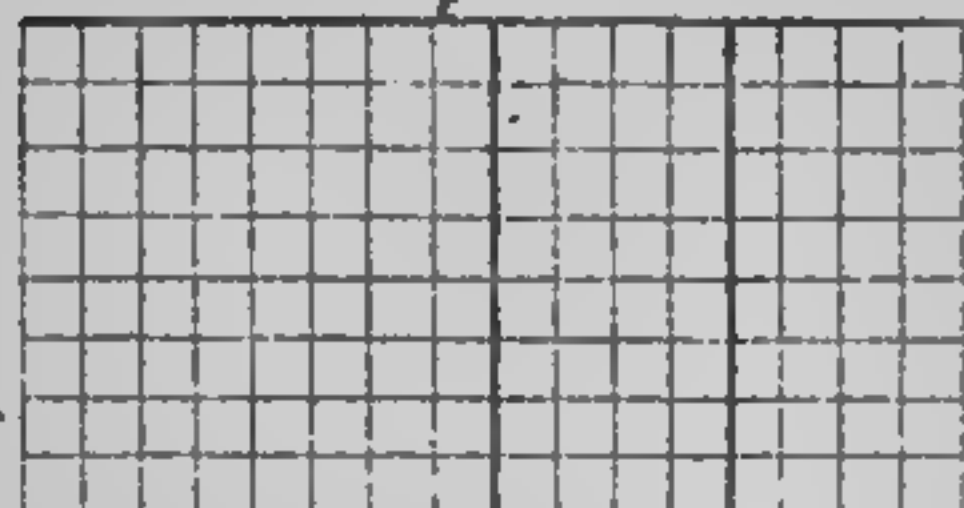
- Фалангархи
- Мелархи
- Лилиархи

Фронтъ

Первая теренга 1,024

Экатортархія

64 часть фаланги
пятистовъ
128 чел.

32 ч.
64 ч.

Пятистовъ
Система

Эпиксенагия

Система

2,048 ч

1,024 ч

256

128

512 ч.

Ксипархія

4,096 ч

Стифосъ или крыло

8,192

Эпитарма или Фал

Контръ-марши

Македонскій

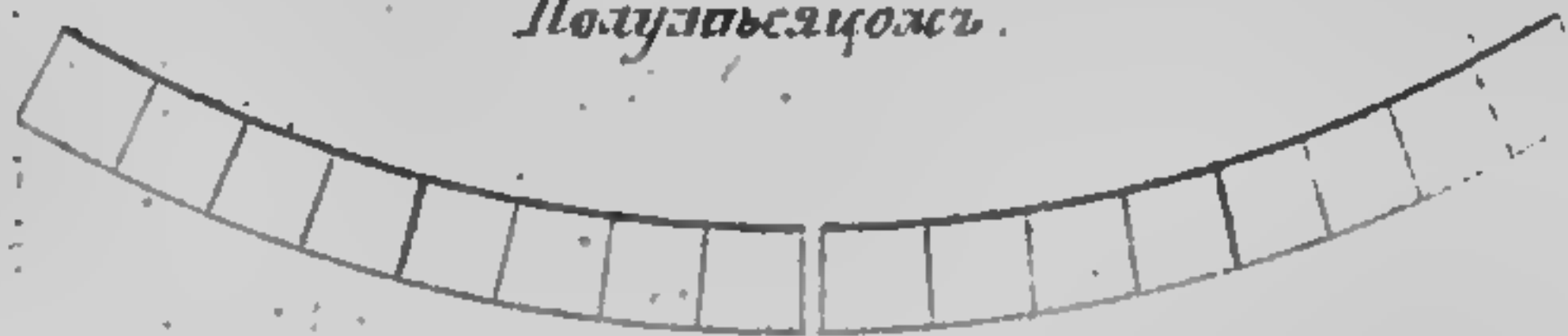
Лакедонскій

Критскій

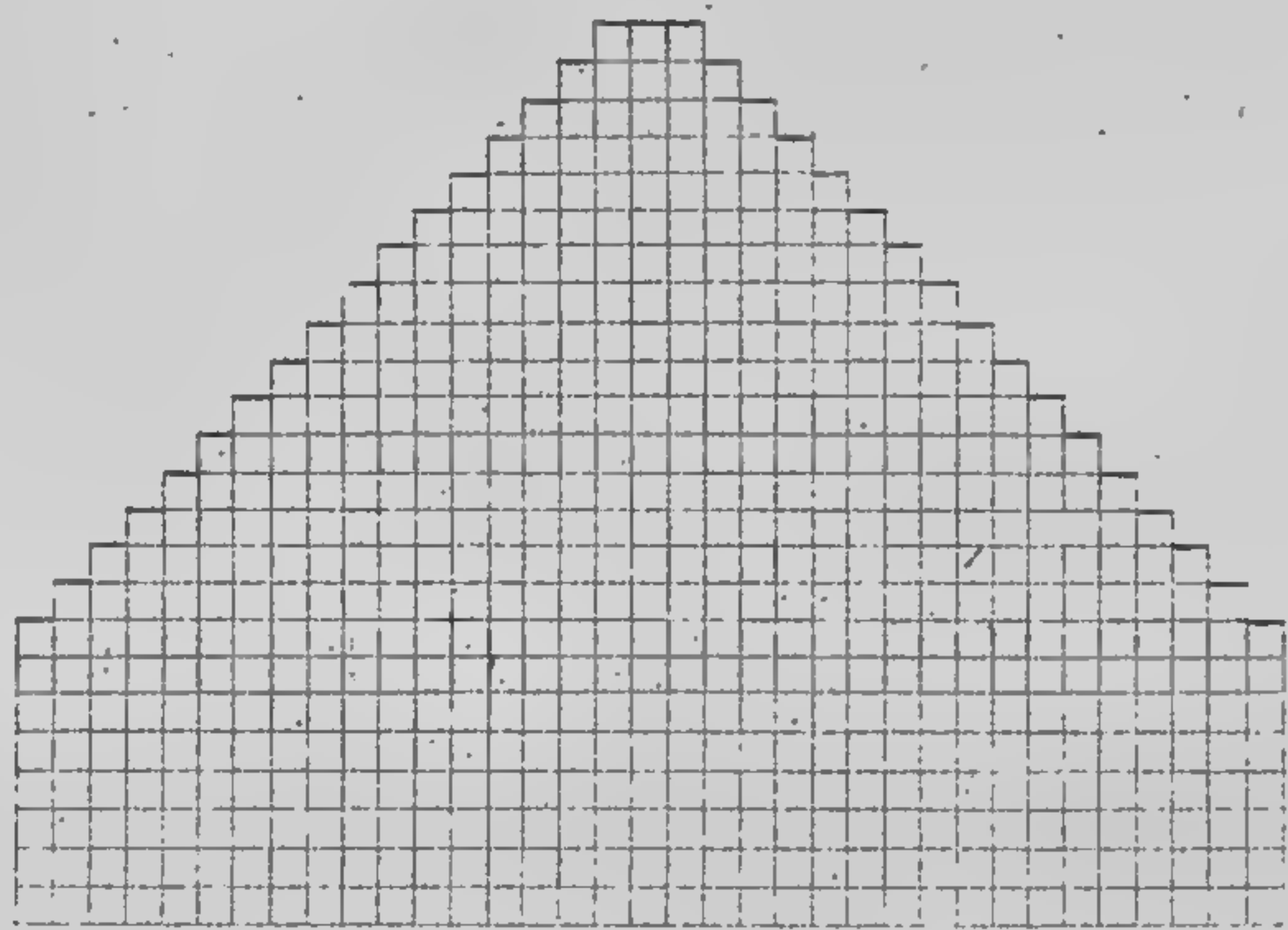

Строй

Полукругомъ

Эмволонъ или Клинь

РАЗЛ

построения

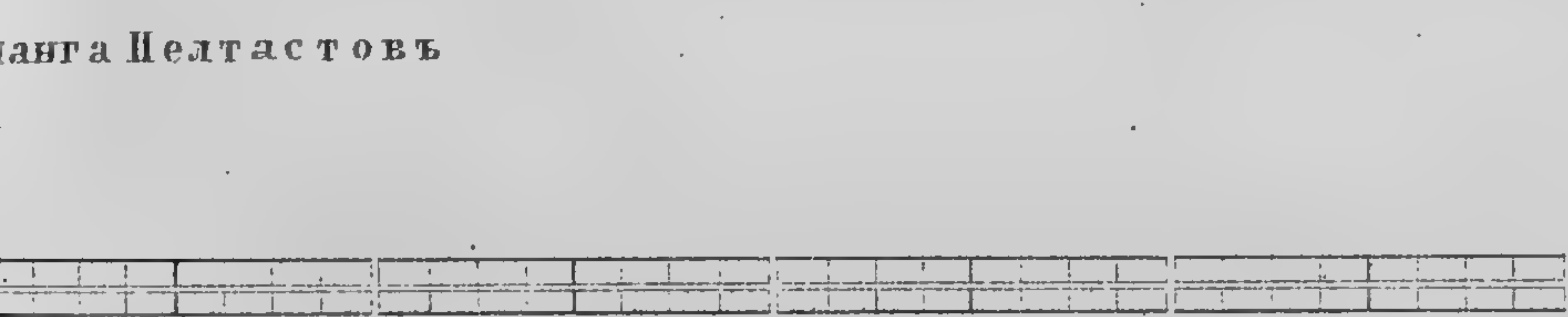
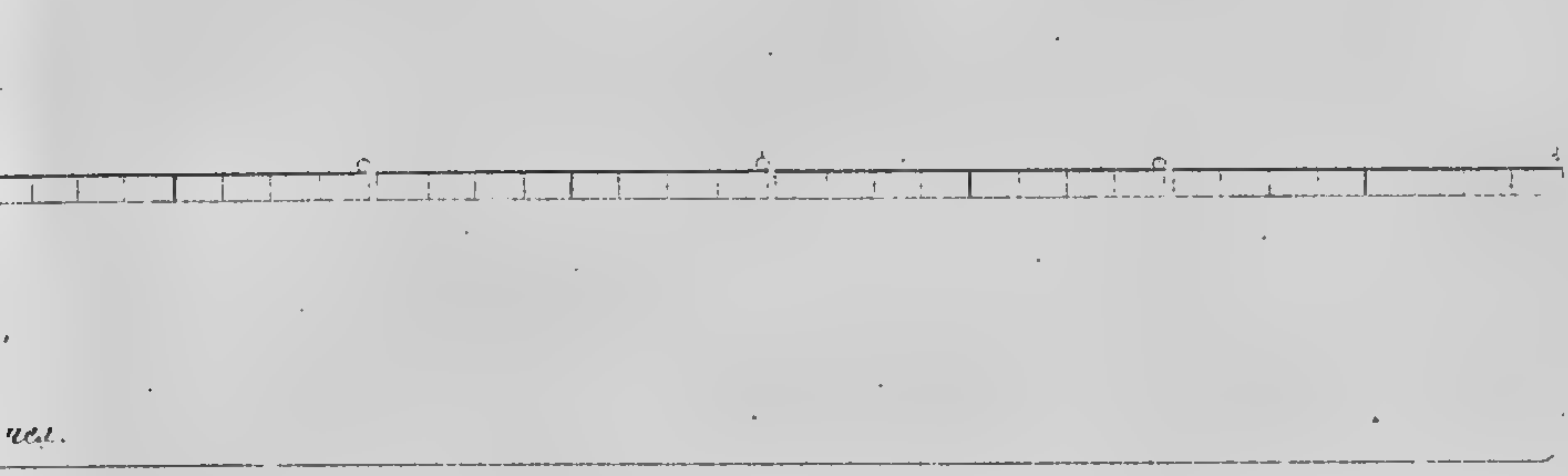
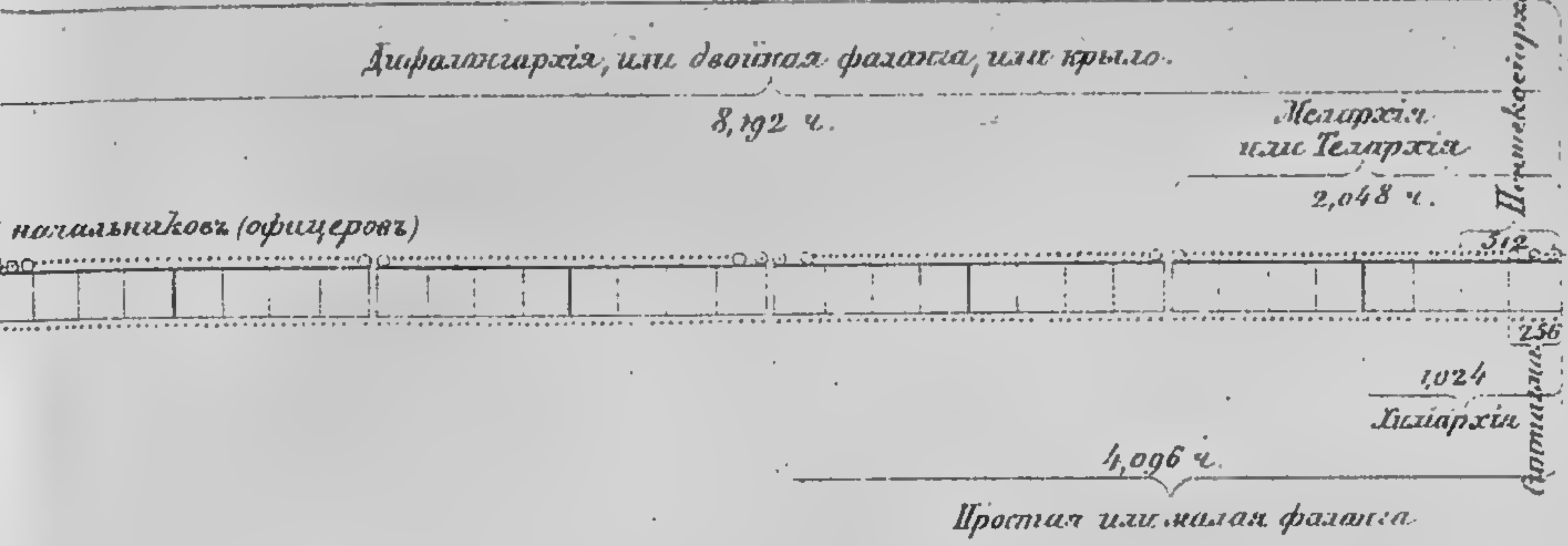
МАКЕД

усовершен

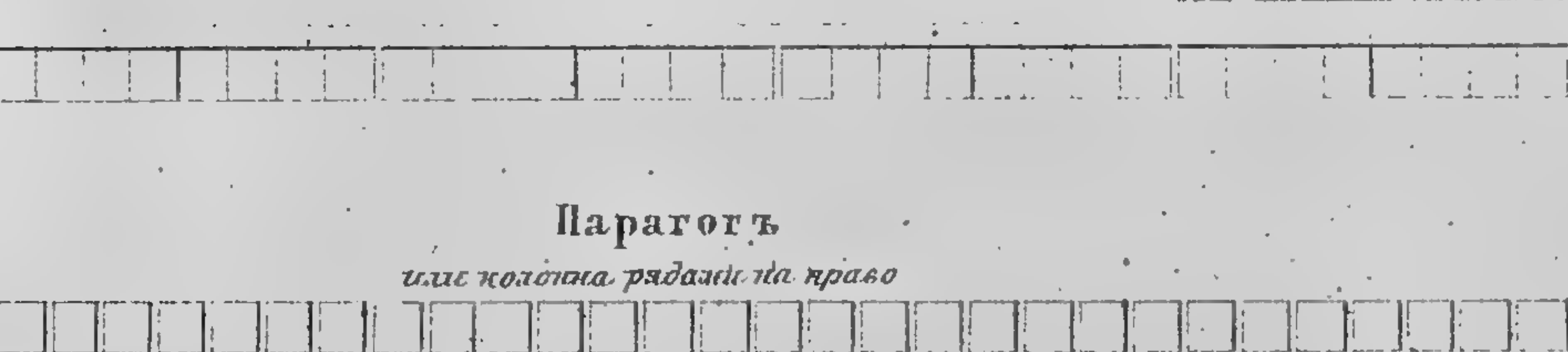
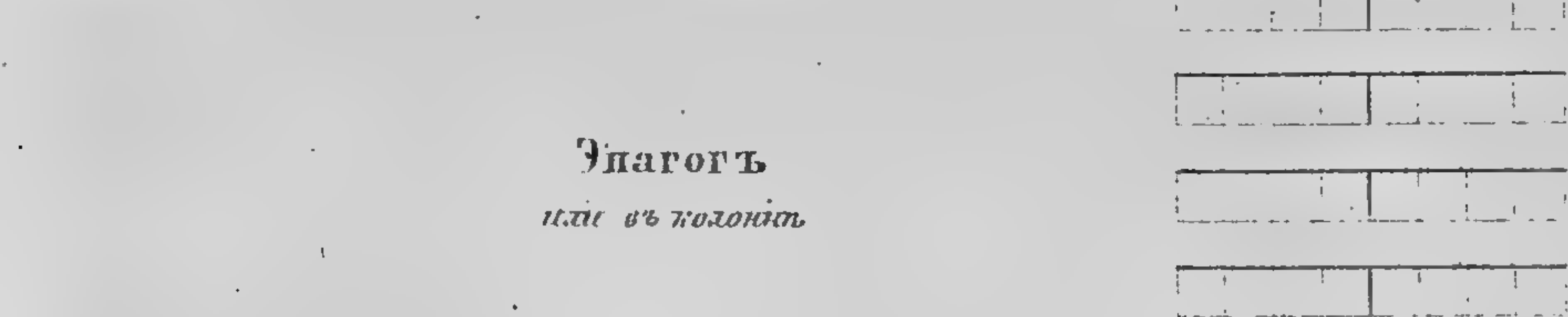
ГРЕЧ

ФАЛ

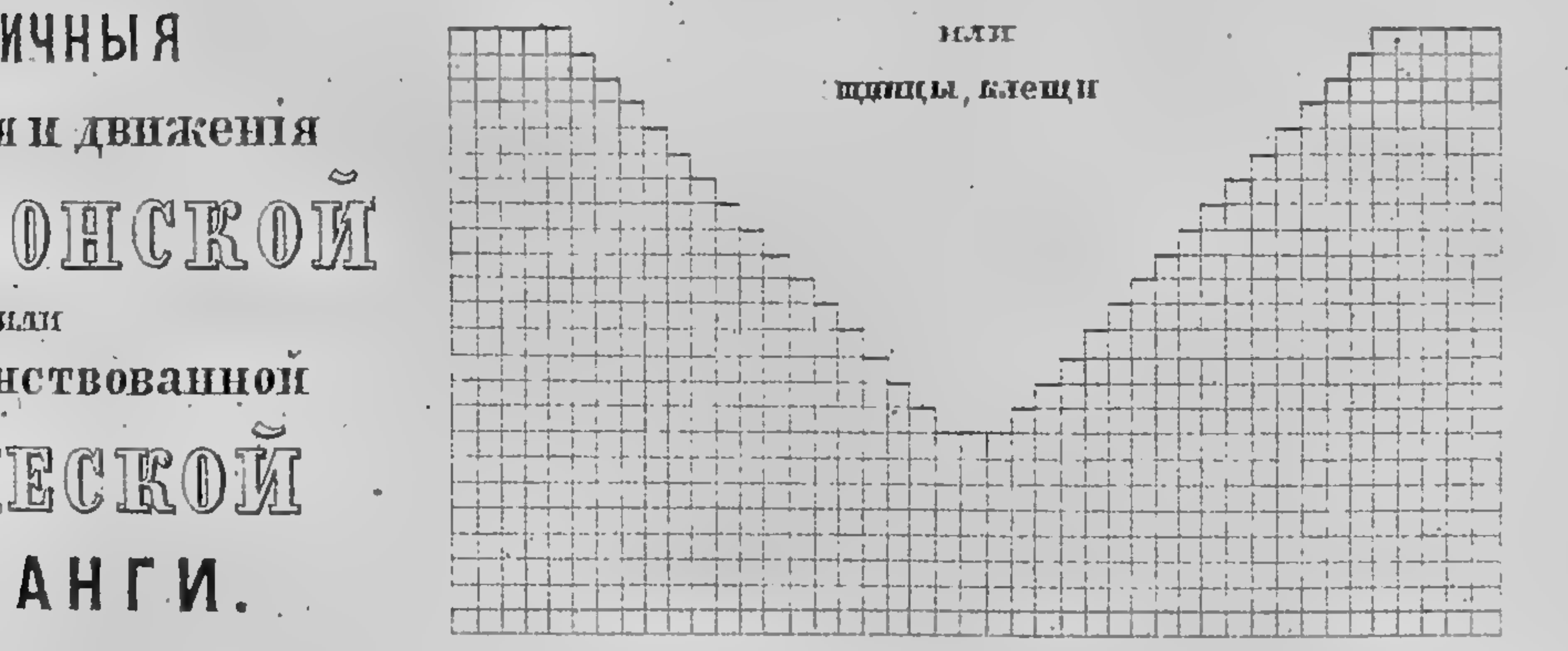
большая фаланга въ 16384 Оплита

Фронтами впередъ и назадъ

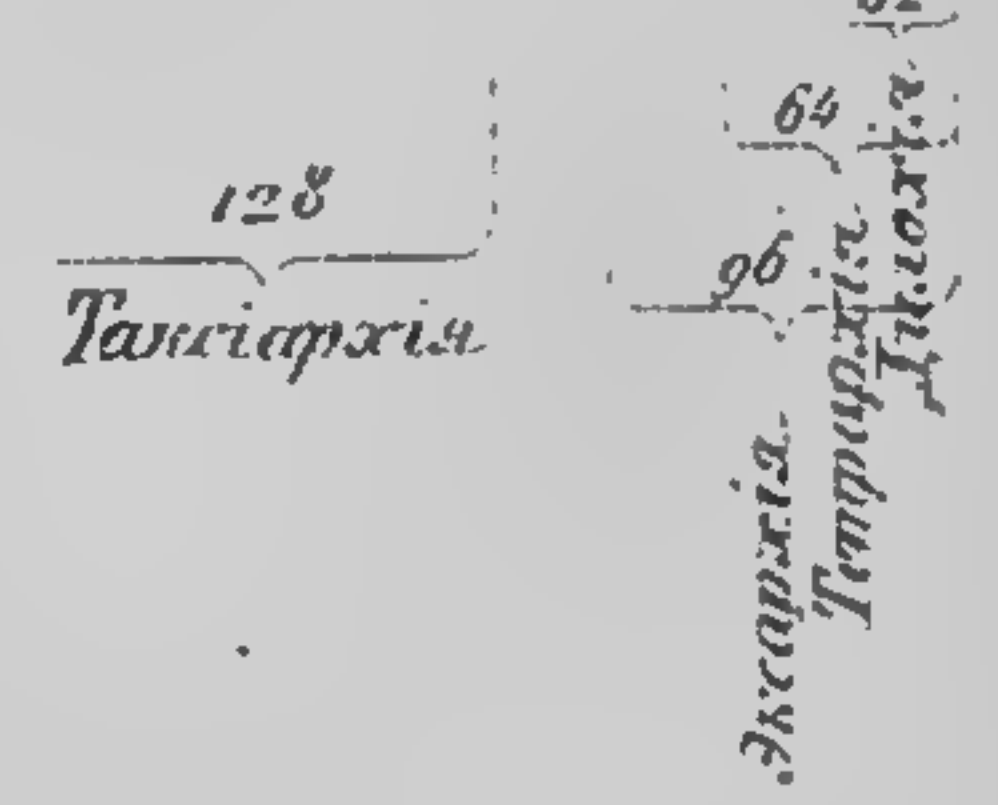
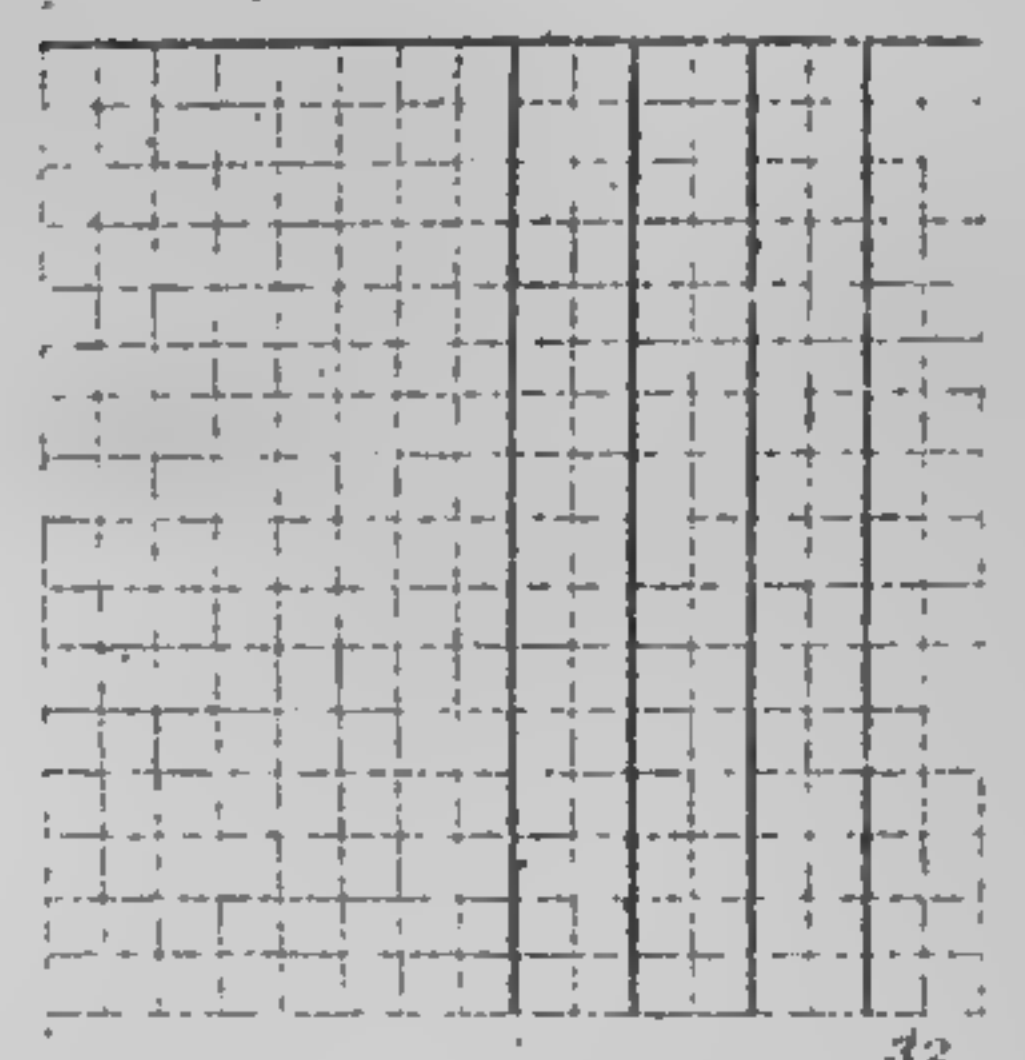

Келэмволонъ или щипцы, вѣщи

Синтагма или Ксенатія

64^я часть фаланги 256 тлитоу

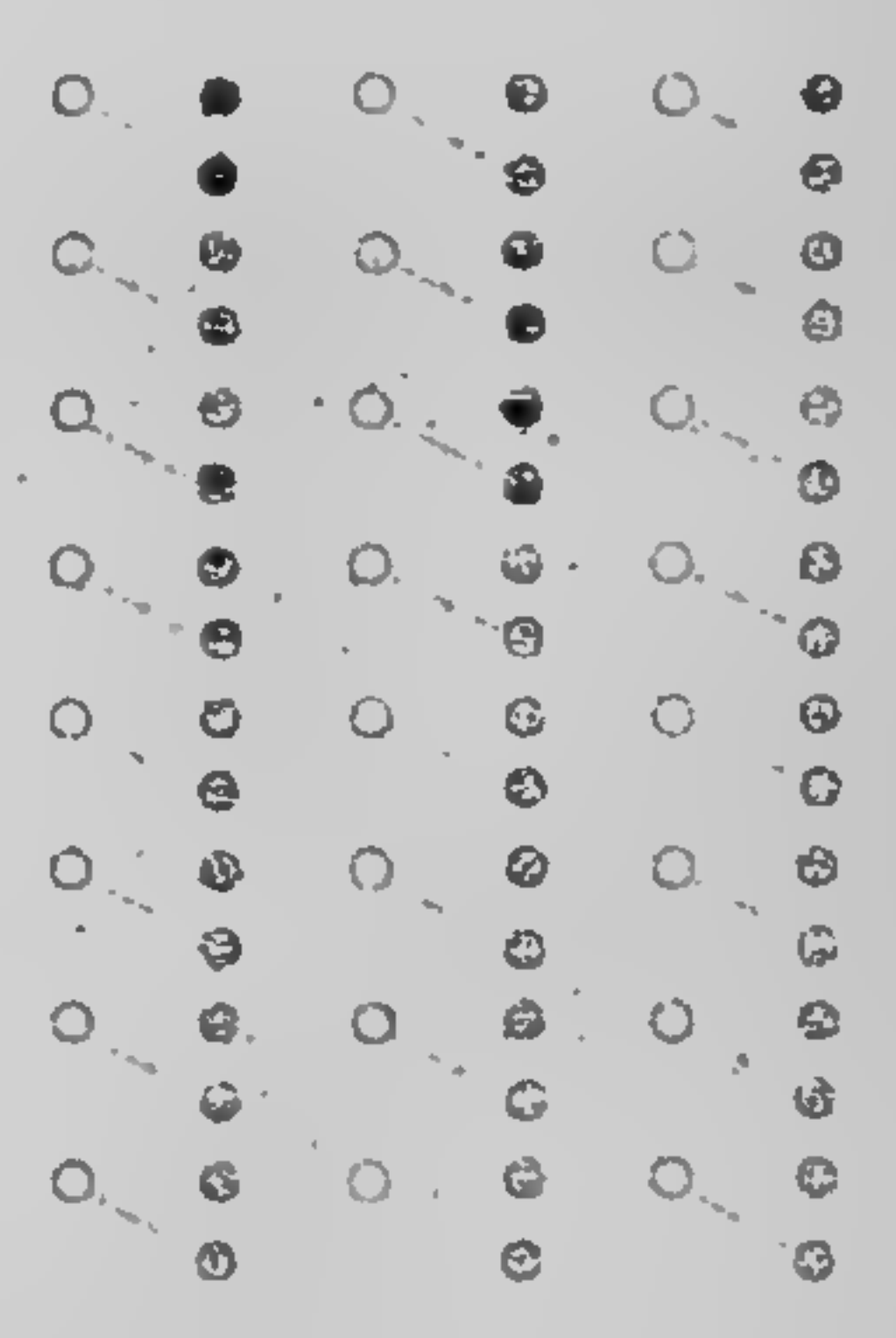

Эпиксеатархія
Бистре-матархія

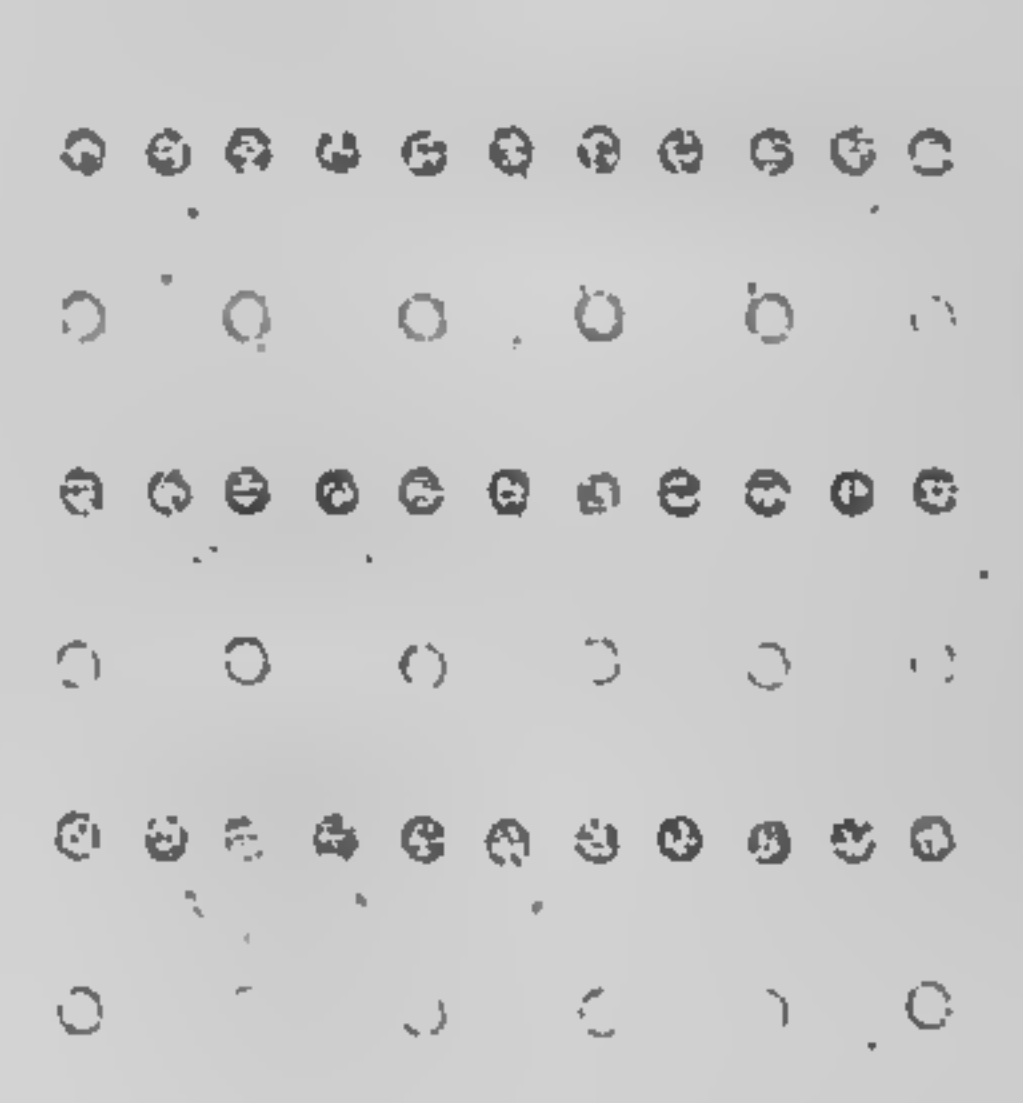
Силохизмъ

- въ 2 ряда
- 9 10 Протостатъ
- 10 11 Эпистатъ
- 11 12 Пр.
- 12 13 Эп.
- 13 14 Пр.
- 14 15 Эп.
- 15 16 Пр.
- 16 17 Эп.

Вздвижаніе глубины

Вздвижаніе фронты

Оба были назначаемы изъ числа лучшихъ, надежнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ.

Дальнѣйшія подраздѣленія фаланги были образуемы посредствомъ постепеннаго соединенія лохосовъ въ числѣ 2-хъ, 4-хъ, 8-ми и 16-ти. Такъ 2 лохоса составляли дилохію, 2 дилохіи—тетрархію, 2 тетрархіи—таксіархію, и наконецъ 2 таксіархіи—синтагму или ксенагію, т. е. правильный квадратъ изъ 16-ти оплитовъ во фронтѣ и столько же въ глубину (всего 256 человекъ). Синтагма составляла низшую самостоятельную часть или тактическую единицу фаланги. Первымъ, главнымъ начальникомъ оной былъ синтагматархъ, а вторымъ главный урагосъ. Первый въ бою стоялъ на правомъ флангѣ передней шеренги, а послѣдній въ замкѣ за серединою синтагмы. При синтагматархѣ состояли: 1 вѣстовой (или адъютантъ), для передачи его командныхъ словъ. Каждая синтагма имѣла свое знамя, одного знаменосца и одного трубача.

Свыше синтагмы, дальнѣйшія раздѣленія фаланги были образуемы посредствомъ постепеннаго соединенія синтагмъ въ числѣ 2-хъ, 4-хъ, 8-ми и 16-ти. Такимъ образомъ, 2 синтагмы составляли пентекосіархію, 2 пентекосіархіи—хиліархію, 2 хиліархіи—мелархію или телархію, и наконецъ 2 мелархіи или телархіи (т. е. 16 синтагмъ, 256 оплитовъ во фронтѣ, 16 въ глубину, а всего 4.096 оплитовъ)—простую или малую фалангу, подъ начальствомъ фалангарха.

Затѣмъ 2 простыя или малыя фаланги (512 оплитовъ во фронтѣ, 16 въ глубину, а всего 8.192 человекъ) составляли двойную фалангу или дифалангархію, иначе крыло, подъ начальствомъ дифалангарха, и наконецъ 2 двойныя фаланги (1.024 оплита во фронтѣ, 16 въ глубину, а всего 16.384 человекъ)—большую фалангу или тетрафалангархію, подъ начальствомъ тетрафалангарха.

Пелтасты имѣли одинаковое съ оплитами число рядовъ во фронтѣ, но вдвое меньшую глубину, т. е. 8 шеренгъ. Раздѣленія ихъ соотвѣтствовали раздѣленіямъ оплитовъ, а именно:

1 декурія пелтастовъ

или рядъ изъ 8 воиновъ соотвѣтств. лохосу оплитовъ.

4 декуріи или систасъ — тетрархія —

2 систаса или пентаконтархія — таксіархія —

2 пентаконтархіи или экатонтархія — синтагмъ —

2 экатонтархіи или псилагія — пентекосіархія —

2 псилагіи или ксенагія — хиліархія —

2 ксенагіи или систрема — мелархія —

2 систремы или эпиксенагія — малой фалангъ —

2 эпиксенагіи или стиφοςъ, крыло — двойн. фалангъ —

и 2 стифоса или

крыла или эпитагма — больш. фалангъ —

Конница (тяжелая и средняя) имѣла одинаковое съ тяжелою и среднею пѣхотою число рядовъ во фронтѣ, но вдвое меньшую противъ средней и вчетверо меньшую противъ тяжелой пѣхоты глубину, т. е. 4 шеренги. Раздѣленія ея соотвѣтствовали раздѣленіямъ тяжелой и средней пѣхоты, а именно:

1 или 2 конницы (16 всад-

никовъ во фронтѣ и 4 въ глу- оплитовъ пелтастовъ

бину, всего 64 человекъ) соотвѣт. синтагмъ и экатонтархія

8 иловъ или ипархія — мерархія и систремъ

2 ипархіи или эфипархія — малой фалангъ и эпиксенагіи

2 эфипархіи или телосъ, крыло — двойн. фалангъ и стифосу

и 2 телоса или

крыла, или эпитагма — больш. фалангъ и эпитагмъ.

Строй и образъ дѣйствій войскъ у македонянъ были въ главныхъ основаніяхъ тѣ же, что и у грековъ, но значительно усовершенствованы Филиппомъ и Александромъ В. во многихъ отношеніяхъ.

Усовершенствованія ихъ заключались главнѣйше въ томъ: 1) что тяжелая и средняя пѣхота дѣйствовала преимущественно на-

Македонская армія

Конница

Фаланга 0

Фаланга II

Эпитагма ко

Прямоугольные

Различные пост

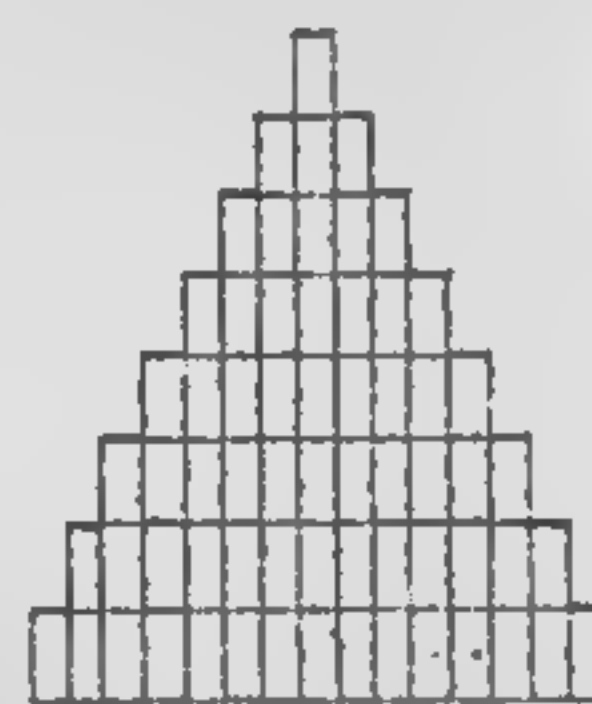
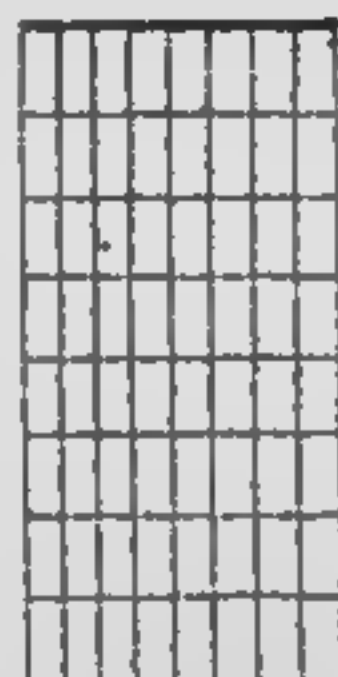
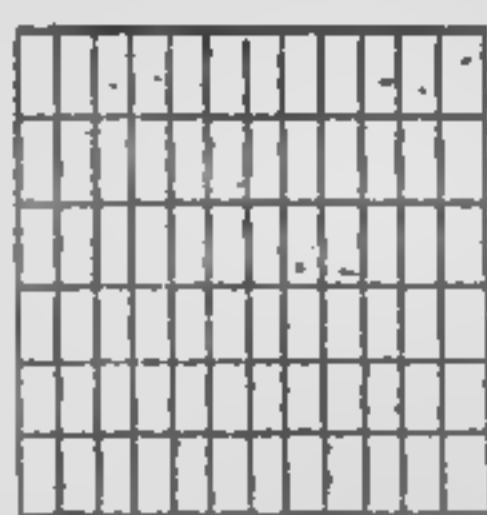
Каре

Каре

Глубокое каре

Фракійскій
взвѣ

Опрок
взвѣ

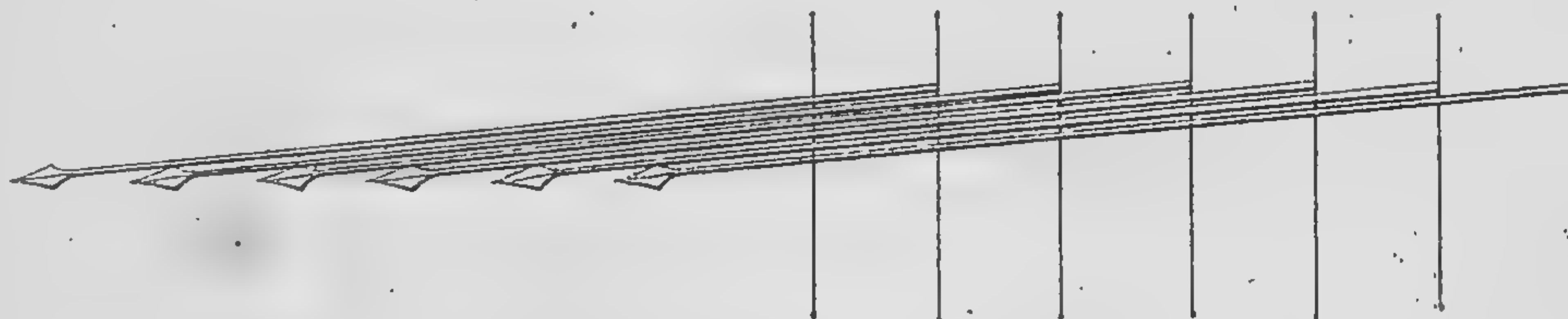

Конница

въ боевомъ строѣ

Расположеніе копій пѣхоты

РАЗ

ПОСТ

МАКЕД

КОН

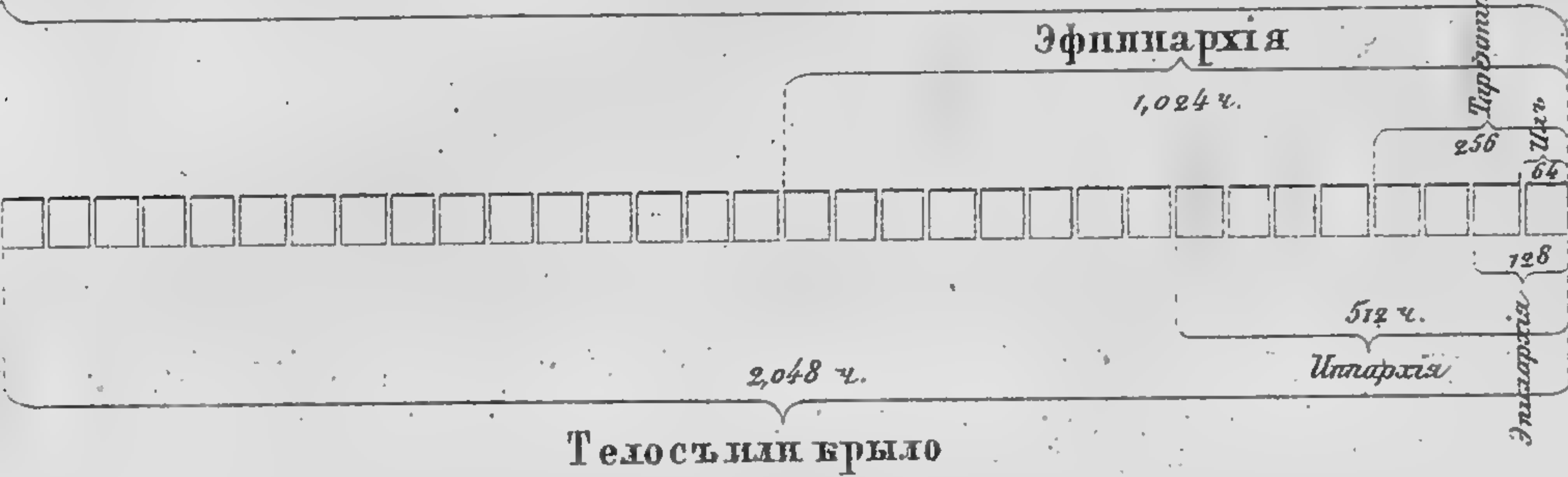
въ боевомъ порядкѣ

плитовъ

конница

еластовъ

иницы въ 4096 чел.

роенія конницы

пнутый
ицъ

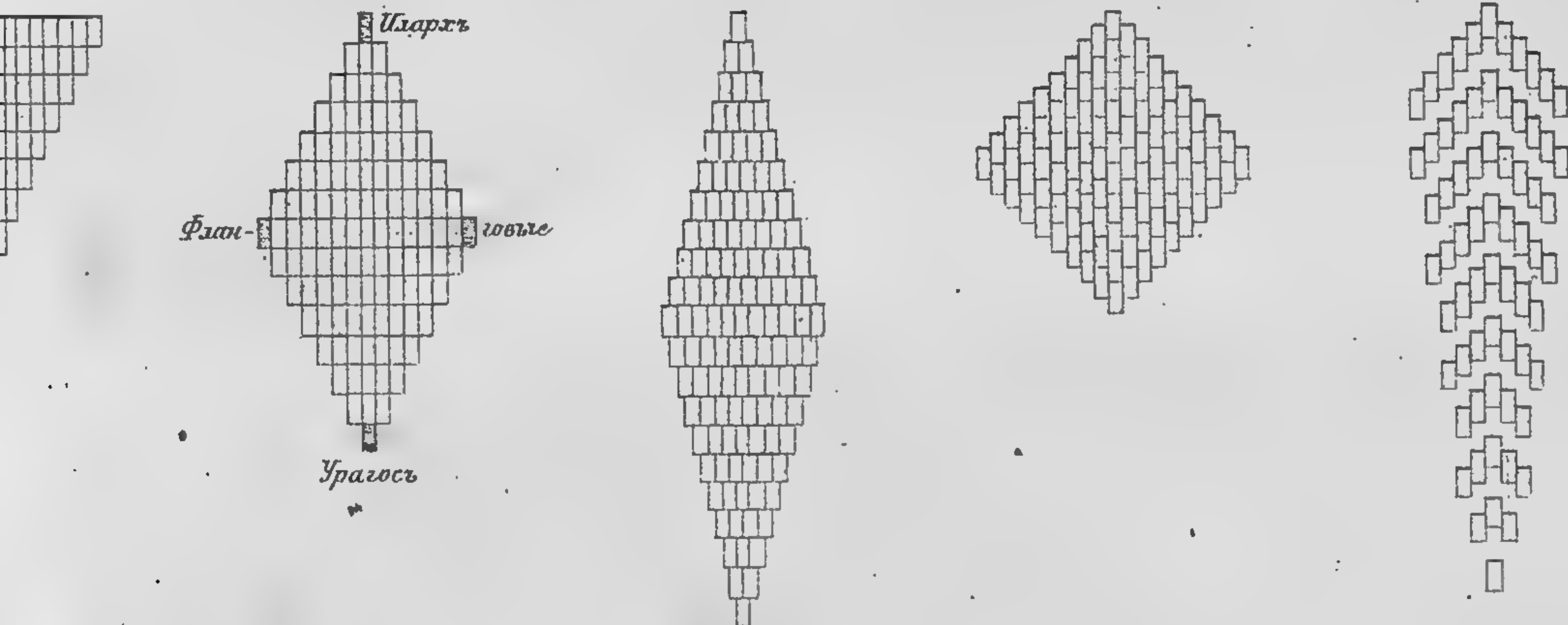
Тессалійскій ромбъ

по шеренгамъ и рядамъ

По шеренгамъ безъ рядовъ

По рядамъ безъ шеренгъ

Безъ рядовъ и шеренгъ

личныя

Расположеніе щитовъ пѣхоты

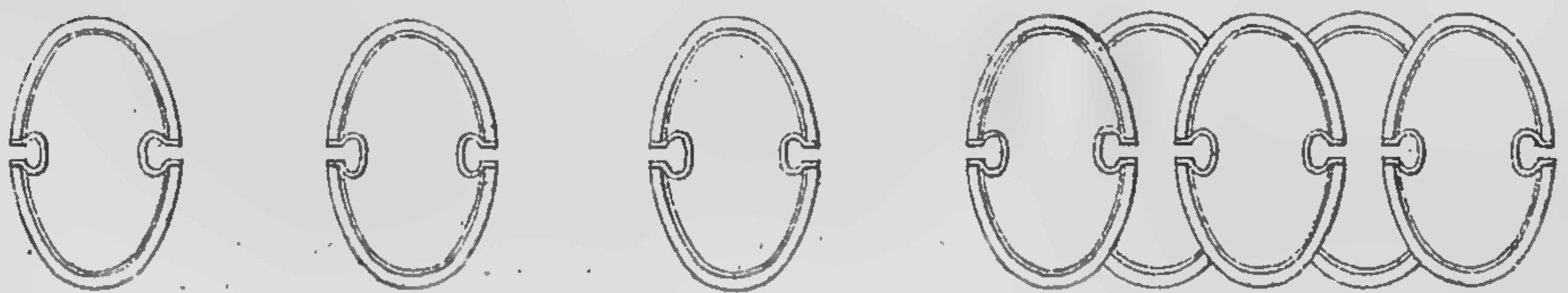
роенія

Разомкнутыми рядами

Синаспизмомъ

донской

иницы.

ступательно и притомъ болѣе или менѣе дробными частями, взаимно однѣ другія поддерживавшими, чѣмъ вознаграждался нѣ-
которымъ образомъ недостатокъ резервовъ, 2) что конница вообще производила нападенія съ большими быстротою и рѣшительностью, а тяжелая въ особенности всегда въ сомкнутомъ строѣ, производя ударъ копьями, и наконецъ 3) что легкія войска, какъ пѣшія, такъ и конныя, вообще не имѣвшія опредѣленнаго мѣста въ общемъ строѣ, и въ бою сражавшіяся въ разсыпную, большую частію однакоже становились и дѣйствовали въ промежуткахъ дробныхъ частей тяжелыхъ и среднихъ пѣхоты и конницы, дѣйствіемъ изъ метательнаго оружія облегчая и усиливая наступленіе ихъ и ударъ ручнымъ оружіемъ.

Тяжелая пѣхота имѣла три рода строя: 1) разомкнутый для смотра, 2) полусомкнутый для движеній въ виду непріятеля и для нападенія, и 3) сомкнутый или синаспизмъ для обороны, стоя на мѣстѣ, и преимущественно противъ конницы,

Въ бою, при длинѣ сариссъ въ 24 фута, только первыя 6 шеренгъ брали сариссы на руку; остальные же 10 шеренгъ, сариссы которыхъ не переступали за черту фронта фаланги, опирали ихъ о плеча непосредственно впереди стоявшихъ оплитовъ, для ослабленія дѣйствія непріятельскихъ стрѣлъ и камней.

Для пропуска легкихъ войскъ и облегченія движеній, между 1-ю и 2, 3 и 4-ю малыми фалангами было оставляемо 20, а между 2-ю и 3-ю — 40 шаговъ промежутка.

Построеніями тяжелой пѣхоты и боевыми порядками фаланги или арміи, наиболѣе употребительными, были: 1) построенія клиномъ (эмболомъ) или глубокими четвероугольниками, подобными египетскимъ, уступами съ фланговъ или изъ середины, и щипцами или клещами (келэмволонъ) и 2) нападенія однимъ или обоими крылами на одно или оба крыла непріятельскія — въ косвенномъ боевомъ порядкѣ.

Вообще значительнымъ усовершенствованіемъ вооруженія, устройства и образа дѣйствій фаланги, и искуснѣйшимъ употребленіемъ оной въ битвахъ и примѣненіемъ къ разнообразнымъ видамъ мѣстности и къ различнымъ случаямъ и обстоятель-

ствамъ войны, Филиппъ и Александръ В. умножили преимущества и выгоды ея, ослабили ея недостатки и невыгоды, и доказали, какую необыкновенную пользу можно было извлекать изъ нея искуснымъ, сообразнымъ съ обстоятельствами, употребленіемъ ея. Зато она и послужила имъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ одержанію блистательнѣйшихъ побѣдъ, распространенію предѣловъ Македоніи и покоренію Греціи и персидскаго государства.

Въ отношеніи къ походнымъ движеніямъ македонской фаланги или арміи особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) превосходный, всегда сообразный съ мѣстностью и обстоятельствами, и сопряженный со всѣми возможными военными предосторожностями, порядокъ, которымъ движенія эти были совершаемы, и еще болѣе 2) необыкновенная дальность, продолжительность и быстрота ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возбуждающія невольное удивленіе.

§ 82.

Внутреннее устройство македонскаго войска, кастраметація, фортификація, поліорцетика и состояніе военнаго искусства вообще у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.

Значительно превосходя современныя греческія войска составомъ и тактическимъ устройствомъ, македонское войско не менѣе того превосходило ихъ и образомъ начальствованія, и воинскими: подчиненностью, порядкомъ и духомъ. Начальствованіе войскомъ, у грековъ раздѣляемое между нѣсколькими полководцами, избираемыми народомъ и подчиненными ему, у македонянъ было сосредоточено, вмѣстѣ съ властію царскою, въ рукахъ царя и потому имѣло необыкновенное преимущество единства и силы. Строгіе воинскіе подчиненность и порядокъ, неослабно соблюдаемые въ македонскомъ войскѣ Филиппомъ и Александромъ В., составляли рѣзкую противоположность съ непокорностью, своеволіемъ и мятежнымъ духомъ греческихъ войскъ. Царская власть доставляла Филиппу и Александру средства и возможность строгимъ наказаніемъ безпорядковъ и преступленій, и щедрымъ награжденіемъ за-

слугъ и отличій военныхъ постоянно поддерживать въ войскѣ подчиненность, повиновеніе, отличный порядокъ, истинный воинскій духъ, чувства чести, любовь къ славѣ, пламенное усердіе и рвеніе, неутомимую дѣятельность, удивительныя мужество, твердость и терпѣніе, и непоколебимыя преданность и довѣріе къ царственнымъ вождямъ его. Строги, иногда даже жестоки были Александровы наказанія, но великодушіе его и щедрость его наградъ, всегда соединенныя съ справедливостію, далеко превосходили строгость наказаній. Оттого войска въ полномъ смыслѣ слова боготворили его и по одному слову его готовы были на всѣ возможные труды, лишенія и опасности.

О содержаніи македонскихъ войскъ нельзя сказать ничего положительнаго. Кажется, впрочемъ, что царскіе тѣлохранители и нѣкоторыя изъ отборныхъ дружинъ получали царское содержаніе натурою, постоянныя войска и наемники—денежное жалованье (сколько именно — неизвѣстно), а всѣ другія войска служили на собственныхъ иждивеніи и содержаніи. Въ войнѣ противъ персовъ македонское войско было довольствуемо преимущественно правильнымъ сборомъ съ края. Достойна вниманія заботливость Александра В. о своевременномъ, достаточномъ снабженіи войска продовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — о всевозможномъ сбереженіи края и облегченіи жителей во время войны.

Военные права и обычаи у македонянъ были совершенно тѣже, что и у грековъ. И Филиппъ, и Александръ В. всѣми мѣрами старались сблизить и соединить македонянъ съ греками и заставить послѣднихъ взирать на первыхъ, не какъ на чужеплеменныхъ варваровъ, но какъ на единоплеменныхъ эллиновъ. Такимъ образомъ то, что выше (глава VI § 41) было сказано о военныхъ правахъ и обычаяхъ грековъ, можетъ быть отнесено также и къ македонянамъ. Къ этому должно присовокупить, что особеннаго вниманія заслуживаютъ: тщательное соблюденіе и совершеніе Александромъ В. религіозныхъ обрядовъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ на войнѣ, и употребленіе имъ, между прочимъ, религіознаго вліянія, какъ одного изъ главныхъ средствъ для одушевленія войскъ.

Кастраметація, фортификація и поліорцетика у македонянъ были не только поставлены Филиппомъ и Александромъ В. на ту же степень, на которой находились у грековъ, но и значительно усовершенствованы ими, въ особенности искуснымъ, практическимъ примѣненіемъ къ мѣстности и обстоятельствамъ. Царствованіе Александра В. было даже замѣчательнѣйшею въ этомъ періодѣ, въ поліорцетическомъ отношеніи, эпохою. Осады Милета, Галикарнасса, Тира, Газы и Аорнскои скалы несомнѣнно свидѣтельствуютъ какъ о личномъ поліорцетическомъ искусствѣ Александра, такъ и о тѣхъ успѣхахъ, которые поліорцетика сдѣлала въ его время и которыми была обязана лично ему.

Вообще, во времена Филиппа и Александра В., всѣ отрасли военнаго искусства, и въ особенности тактика, достигли у македонянъ полнѣйшаго развитія и высшей степени пракческаго совершенства въ современномъ мірѣ. Македоняне первенствовали въ нихъ надъ всѣми народами тогдашняго міра и даже надъ греками, и имѣли на нихъ рѣшительное въ этомъ отношеніи вліяніе. И слава такихъ развитія и усовершенствованія военнаго искусства вполне принадлежатъ лично Филиппу и Александру В.

II.

Войны Филиппа македонскаго (360 — 336).

§ 83.

Первые походы Филиппа въ Пэоніи, Иллиріи Тракіи и Тессаліи (360 — 336 г.).

По смерти Пердикки III (360), Филиппъ, прибывъ въ Македонію, нашелъ несчастную страну эту въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Дикіе и воинственные жители Пэоніи и Иллиріи, сопредѣльныхъ съ нею на сѣверѣ и западѣ, жестоко и безнаказанно грабили и разоряли предѣлы ея, а два искателя македонскаго престола, Аргей и Павзаній, поддерживаемые, первый — аѳинянами,

а послѣдній — еракіянами, оспаривали его у малолѣтняго сына Пердикки, Аминта.

Неразъ побѣжденные хищными сосѣдями своими, македоняне еще не были впрочемъ покорены ими, имѣли большое число крѣпостей и въ нихъ многочисленное войско. Первымъ дѣйствіемъ Филиппа было — принять, въ званіи правителя, власть вмѣсто племянника своего и избавить Македонію отъ иллиріянъ, пэонянъ и еракіянъ. Изъ нихъ первые удалились сами съ награбленною ими добычею, а пэонянъ и еракіянъ Филиппъ успѣлъ удалить отчасти льстивыми обѣщаніями и преимущественно подкупомъ корыстолюбивыхъ вождей ихъ. Такимъ образомъ и Павзаній былъ приведенъ въ бездѣйствіе. Снискавъ этимъ любовь македонянъ и провозглашенный ими царемъ, Филиппъ обратилъ всѣ свои силы противъ Аргея и аѣинянъ, которые, прибывъ между тѣмъ на флотѣ къ Меѡону, двинулись сначала къ Едессѣ или Эгамъ, древней македонской столицѣ, но не впущенные въ нее жителями, обратились назадъ къ Меѡону. Здѣсь настигъ ихъ Филиппъ: сначала онъ истребилъ передовой отрядъ ихъ, а въ послѣдовавшей за ней близъ Меѡона битвѣ наголову разбилъ войско Аргея. Самъ Аргей былъ убитъ, а большая часть спасшихся отъ истребленія македонянъ и аѣинянъ была взята въ плѣнъ. Плѣнникамъ Филиппъ оказалъ рѣдкое въ тѣ времена великодушіе: македонскихъ опредѣлилъ въ свое войско, принявъ отъ нихъ только присягу въ вѣрности, а аѣинскимъ возвратилъ оружіе и отпустилъ ихъ въ Аѣины. Расположивъ аѣинянъ въ свою пользу какъ этимъ поступкомъ, такъ еще болѣе тѣмъ, что на время отказался отъ правъ своихъ на Амфиполь и согласился признать независимость его, — Филиппъ на этомъ послѣднемъ условіи легко заключилъ съ аѣинянами мирный договоръ (359 г.).

Затѣмъ, давъ македонскому войску правильное устройство, о которомъ говорено выше, Филиппъ въ 358 году обратилъ свое оружіе противъ пэонянъ и иллиріянъ. Пэонія была разграблена, разорена и принуждена покориться. Усилвъ себя вспомогательными войсками пэонянъ, Филиппъ съ 10.000 человѣкъ пѣхоты и 600 человѣкъ конницы совершилъ зимній походъ противъ иллиріянъ.

Вождь этого народа, Бардиллъ, двинулся на встрѣчу Филиппу съ большимъ числомъ пѣхоты и 400 человекъ конницы — и былъ разбитъ наголову (мѣсто битвы неизвѣстно). Опрокинувъ конницу лѣваго крыла иллиріянъ, конница праваго Филиппова крыла взяла во флангъ и въ тылъ иллирійскую пѣхоту, построившуюся (по Діодору) въ нѣсколько пустыхъ внутри четвероугольниковъ, — и въ то же время фаланга Филиппова напала на нее съ фронта. Четвероугольники иллирійской пѣхоты были прорваны, приведены въ разстройство, опрокинуты и разсѣялись въ безпорядкѣ, оставивъ на полѣ битвы 7.000 человекъ убитыхъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Бардиллъ. Иллиріяне просили мира — и Филиппъ, даровавъ имъ оный, присоединилъ всю восточную часть Иллиріи до Лихнитскаго озера къ Македоніи (358).

Обезпечивъ и распространивъ такимъ образомъ Македонію съ сѣвера и запада, Филиппъ приступилъ къ постепеннымъ, покоренію греческихъ приморскихъ поселеній въ Македоніи и завоеванію ближайшихъ, богатыхъ золотомъ и кораблестроительнымъ лѣсомъ, земель Тракіи, что должноствовало обогатить казну его и доставить ему какъ средство создать флотъ, такъ и обладаніе множествомъ превосходныхъ приморскихъ гаваней и самимъ моремъ. Греческія поселенія въ Македоніи составляли тѣсный союзъ, повиновавшійся богатѣйшему и могущественнѣйшему между ними городу, Олинѳу. Отложивъ до времени войну съ олинѳскимъ союзомъ, Филиппъ обратился сначала противъ Амфиполя, важнаго потому, что онъ имѣлъ превосходную гавань и что близъ него именно находились лѣса и золотые рудники горы Пангэя. Амфиполь приступилъ къ олинѳскому союзу и просилъ помощи аѳинянъ. Но Филиппъ лукавою политикою и льстивыми обѣщаніями склонилъ олинѳянъ на свою сторону и воспрепятствовалъ союзу Амфиполя съ аѳинянами, которымъ обѣщалъ отдать Амфиполь съ тѣмъ, чтобы они уступили ему Пидну. Осадивъ Амфиполь и принудивъ жителей его, послѣ упорной обороны, сдаться на его волю, — Филиппъ, вмѣсто передачи этого города аѳинянамъ, присоединилъ его къ Македоніи, — лестію и золотомъ усыпилъ аѳинянъ, а Олинѳу уступилъ покоренные имъ вслѣдъ за Амфиполемъ Пидну

и Потидею. Затѣмъ онъ завоевалъ всю богатую золотомъ часть Эракіи между рѣками Стримономъ и Нестомъ, овладѣлъ золотыми рудниками близъ Кренида у подошвы Пангэя, поселилъ въ этомъ городѣ македонянъ, укрѣпилъ его и назвалъ Филиппами (356).

Изъ Эракіи Филиппъ обратился въ Тессалію и съ этой поры началъ вмѣшиваться въ дѣла ея, для того, чтобы постепенно утвердить господство свое надъ нею и тѣмъ открыть себѣ путь въ Грецію и приготовить средства къ покоренію сей послѣдней. Въ концѣ 356 года онъ явился съ войскомъ въ Тессалію, обезпечилъ ее отъ жестокихъ угнетеній трехъ родственниковъ и преемниковъ Александра ферскаго, и, въ знакъ благодарности тессаліянъ, получилъ отъ нихъ уступку различныхъ земскихъ доходовъ.

§ 84.

Война съ 355-го по 336-й годъ вообще.—Походы во Эракію и Тессалію, — война съ аеинянами и 1-й походъ въ Грецію (355 — 346 г.).

Въ 355-мъ году, 6-мъ своего царствованія, Филиппъ, усмиривъ происшедшія въ Иллиріи, Пэоніи и Эракіи возстанія, уже являлся могущественнымъ государемъ. Предѣлы Македоніи были распространены на западъ до Лихнитскаго озера, на востокъ до р. Неста, Пэонія была уже областію, а Тессалія — данницею Македоніи, наконецъ — Филиппъ обладалъ богатымъ, торговымъ Амфиполемъ, отличною приморскою гаванью близъ него и имѣлъ многочисленное, превосходно устроенное войско и богатую казну.

Съ этого времени внѣшнія: политика Филиппа и войны, веденныя имъ, имѣли тройкую цѣль: 1) на западѣ—распространеніе предѣловъ Македоніи, завоеваніемъ Иллиріи, до береговъ адріатическаго моря, 2) на востокѣ—покореніе греческихъ поселеній въ Македоніи и особливо во Эракіи, и овладѣніе Геллеспонтомъ, Пропонтидою и эракійскимъ Босфоромъ, важнымъ путемъ сообщеній Греціи съ плодородными берегами Эвксинскаго Понта, снабжавшими ее хлѣбомъ, и наконецъ 3) и важнѣйшее—совершенное покореніе

реніе Тессаліи и овладѣніе вратами Греціи — еермопилами, дабы имѣть всегда возможность проникнуть во внутренность ея и вмѣшательствомъ въ ея дѣла достигнуть наконецъ господства надъ нею.

Сообразно съ тѣмъ Иллирія, въ особенности Тракія, Тессалія и наконецъ собственная Греція были главнымъ поприщемъ военныхъ дѣйствій Филиппа въ теченіе 20-ти лѣтъ (съ 355-го по 336-й годъ). Туда попеременно обращалъ онъ оружіе свое изъ Македоніи, какъ изъ средоточія, и однажды распространилъ успѣхи его даже за хребетъ Гѣмскій, до береговъ Дуная.

Такъ въ 353-мъ году междуусобія, происшедшія во Тракіи, въ одно и тоже время обратили на себя вниманіе и аѳинянь, и Филиппа. Между тѣмъ, какъ первые утверждали власть свою во тракійскомъ Херсоннесѣ, Филиппъ осадилъ Меонъ въ піерійской области Тракіи и, овладѣвъ имъ послѣ упорной его обороны, жителямъ его далъ свободный выходъ, а самый городъ разрушилъ и земли его раздѣлилъ между македонскими воинами. Отсюда онъ двинулся въ Тессалію. Въ это время въ Греціи происходила фокейская или 2-я священная война между фокейцами съ одной, еивянами и локринами съ другой стороны. Предводитель фокеевъ, Ономархъ, вторгнувшись въ Дориду, Локриду и Віотію, и одержавъ надъ войсками ихъ довольно значительные успѣхи, послалъ брата своего Фаилла съ 7.000 войскъ въ Тессалію, на помощь тирану ферскому Ликофрону, находившемуся въ войнѣ съ возставшими противъ него тессаліанами. Филиппъ, вторично явившись въ Тессаліи избавителемъ угнетенныхъ жителей ея, разбилъ, усиленный ими, Фаилла, осадилъ и взялъ городъ Пегассы и двинулся къ предѣламъ Фокиды. Ономархъ со всѣми своими силами пошелъ изъ Віотіи ему на встрѣчу, разбилъ его и принудилъ отступить изъ Тессаліи (352). Но Филиппъ, собравъ новое, многочисленное войско, въ томъ же году вступилъ опять въ Тессалію. Ономархъ снова двинулся противъ него изъ Віотіи съ 25.000 челов. пѣхоты и 500 челов. конницы, но при Магнесіи былъ наголову разбитъ превосходнымъ въ силахъ войскомъ Филиппа и самъ палъ въ бою. Эта рѣшительная побѣда утвердила вліяніе

Филиппа въ Фессалии и уже почти совершенно подчинила эту область его власти. Утвердясь въ ней поставленіемъ сильныхъ гарнизоновъ въ Ферахъ, Пегассахъ и Магнесіи, Филиппъ съ многочисленнымъ войскомъ двинулся къ Термопиламъ, уже пытаясь проникнуть въ Грецію подъ предлогомъ содѣйствія союзникамъ своимъ аѳинянамъ, дорянамъ и локрянамъ въ священной войнѣ. Но эта первая попытка его не имѣла успѣха, чему причинами были собственная его поспѣшность и въ особенности отправление Аѳинами флота и войска къ Термопиламъ и занятіе ими этого прохода еще до прибытія Филиппа. Съ досадою принужденный еще на время отказаться отъ намѣренія своего проникнуть въ Грецію, Филиппъ отступилъ и съ этого времени сталъ помышлять объ ослабленіи аѳинянъ, которые одни изъ всѣхъ народовъ Греціи препятствовали исполненію честолюбивыхъ его замысловъ. Тщетно Демосѳенъ обращалъ вниманіе аѳинянъ на огромныя вооруженія Филиппа: легкомысленный и безпечный народъ аѳинскій не внялъ его предостереженіямъ. Вскорѣ Филиппъ кончилъ свои вооруженія, но, не успѣвъ возмутить Эвбеи противъ Аѳинъ и овладѣть этимъ островомъ, со всѣми своими силами обратился противъ Олинѳа (349). Аѳиняне, по совѣту Демосѳена, два раза посылали въ помощь Олинѳу флотъ и войско, но ввѣряли оныя неспособнымъ предводителямъ, которые каждый разъ возвращались безъ всякой пользы для Олинѳа, безъ всякаго вреда для Филиппа и безъ малѣйшаго успѣха для аѳинянъ. А Филиппъ между тѣмъ покорилъ и разрушилъ Стагиру, овладѣлъ Мициберною и Тороною, и дважды разбивъ олинѳянъ въ открытомъ полѣ, обложилъ Олинѳъ. Послѣ кратковременнаго обложенія, измѣна предала этотъ городъ во власть Филиппа, который поступилъ съ нимъ жестоко: жители были проданы въ рабство, а городъ разграбленъ и разрушенъ (348).

Избавясь такимъ образомъ отъ сильного и безпокойнаго врага, и обезпечивъ южныя границы Македоніи, Филиппъ произвелъ внезапное морское нападеніе на собственные владѣнія аѳинянъ: Эвбею, берега Аттики и Саламинъ, разграбилъ и разорилъ ихъ и занялъ Эвбею отрядомъ войскъ. Аѳиняне вступили съ нимъ въ

переговоры, которые продолжались весьма долго и были ведены со стороны Филиппа столь искусно, что кончились мирным договоромъ, открывшимъ ему свободный входъ въ Грецію почти въ то самое время, когда онъ совершенно изгонялъ аеинянъ изъ Эвбеи (346). Едва былъ заключенъ этотъ договоръ, какъ Филиппъ прошелъ съ сильнымъ войскомъ чрезъ Термопилы, вступилъ въ Фокиду и предоставилъ совѣту амфиктіоновъ рѣшить споръ между фокеянами и ихъ противниками. Совѣтъ амфиктіоновъ, дѣйствуя по его вліянію, приговорилъ фокеяпъ, какъ святотатцевъ, къ лишенію политической свободы, обезоруженію, платѣ дани и разрушенію всѣхъ фокейскихъ городовъ. Приведеніемъ этого жестокаго приговора въ исполненіе посредствомъ своего войска, Филиппъ положилъ конецъ фокейской войнѣ (346) и тѣмъ доказалъ, до какой степени вліяніе его уже было утверждено въ Греціи.

§ 85.

Походы съ 343-го по 342-й годъ. Война во Фракіи (340). Походъ противъ скиеовъ къ нижнему Дунаю (339). 2-й походъ въ Грецію и сраженіе при Херонее (338).

Въ слѣдующіе затѣмъ три года (345—343) Филиппъ совершилъ удачный походъ въ Иллирію и завоевалъ остальную ея часть до адріатическаго моря, вполне обратилъ Фессалію въ македонскую область, утвердилъ власть свою въ Віотіи, Фокидѣ и на островѣ Эвбее, покорилъ часть владѣній Мегары, устроилъ дѣла Пелопоннеза, распространилъ предѣлы Эпира, наконецъ усмирилъ возстанія въ верхней Фракіи, покорилъ многія племена ея и сдѣлалъ новыя завоеванія въ ней.

Въ продолженіе всего этого времени, аеиняне, отчасти по необходимости, отчасти изъ безпечности, въ бездѣйствіи взирали на успѣхи Филипповыхъ политики и оружія. Но въ 343-мъ году, какъ бы пробудясь отъ усыпленія, они рѣшились возстать противъ Филиппа войною и вести ее самымъ дѣятельнымъ и рѣши-

тельнымъ образомъ. Аѳинскій полководецъ Діоніеъ былъ посланъ съ сильными аѳинскими флотомъ и войскомъ въ Геллеспонтъ. Подкрѣпивъ и ободривъ жителей греческихъ городовъ въ ѳракійскомъ Херсоннесѣ, Діоніеъ вторгнулся въ сосѣдственныя македонскія владѣнія, разграбилъ и разорилъ ихъ, и воротился съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Аѳиняне послали еще другой флотъ къ берегамъ Ѳессаліи, возбуждали всю Грецію противъ Филиппа и склонили Эвбею отложиться отъ него и снова присоединиться къ Аѳинамъ. Филиппъ направился къ Эвбеѣ для обратнаго покоренія ея и уже успѣлъ овладѣть нѣкоторыми городами на ней, — но посланный противъ него аѳинянами Фокіонъ, искусными своими дѣйствіями, принудилъ его отказаться отъ надежды покорить Эвбею (342).

Неудачу предпріятія противъ Эвбеи Филиппъ рѣшился вознаграждать новыми завоеваніями во Ѳракіи и особенно покореніемъ греческихъ поселеній на берегахъ Геллеспонта и Пропонтиды, чему вторженія Діоніеа служили достаточнымъ предлогомъ. Произведя большія вооруженія, весною 340 года онъ открылъ походъ съ 30.000 челов. отличныхъ войскъ — осадю Перинѳа. Онъ истощилъ, для овладѣнія этимъ городомъ, всѣ извѣстныя въ это время поліорцетическія средства. Но жители, при пособіи крѣпкаго и выгоднаго для обороны, мѣстнаго положенія города, и подкрѣпленные прибывшими изъ Византіи вспомогательными греческими и персидскими войсками, оборонялись столь же искусно, сколько мужественно и упорно, содѣлали всѣ усилія Филиппа тщетными и принудили его превратить осаду въ обложеніе. Назначивъ для того часть войска, другую Филиппъ послалъ осаждать Селимврию и Византію. Но города ѳракійскіе, дѣятельно помогая одинъ другому и получая пособія войсками и оружіемъ отъ союзниковъ своихъ въ Греціи и на островахъ егейскаго моря, мужественно сопротивлялись Филиппу. Онъ разбилъ однако Діоніеа, производившаго изъ ѳракійскаго Херсоннеса опустошительные набѣги на македонскія владѣнія. Вскорѣ македонскій флотъ перехватилъ 20 судовъ съ продовольствіемъ, посланныхъ аѳинянами въ Селимврию. Филиппъ повелѣлъ возвратить эти суда, надѣясь тѣмъ угодить аѳинянамъ и отклонить ихъ

отъ вспомошествованія еракійскимъ городамъ. Но аеиняне, убѣжденные Демосееномъ, послали въ Пропонтиду 120 триремъ подъ начальствомъ Хареса. Не впущенный въ византійскую гавань византійцами, знавшими его корыстолюбіе, Харесъ былъ разбитъ на противоположномъ берегу еракійскаго Босфора, близъ Халкедона, предводителемъ македонскаго флота Аминтомъ. Тогда аеиняне ввѣрили начальство надъ своимъ флотомъ Фокиону. Еще до прибытія его, Филиппъ, осадивъ Византію, пытался взять этотъ сильно-укрѣпленный городъ посредствомъ внезапнаго ночнаго нападенія, но былъ отраженъ. Прибывшій же вслѣдъ затѣмъ съ аеинскимъ флотомъ Фокионъ одержалъ неоднократные успѣхи надъ войсками Филиппа, сдѣлавъ тщетными всѣ его покушенія къ овладѣнію Византіею, обезпечилъ отъ него всѣ города еракійскаго Херсонеса и на сѣверныхъ берегахъ Пропонтиды, и разорилъ сосѣдственныя македонскія владѣнія (340). И въ это самое время, когда оружіе Филиппа претерпѣвало такія неудачи, когда противъ него собрались сильные враги, предводимые искуснымъ полководцемъ, онъ, изъ честолюбія, взявшаго верхъ надъ благоразуміемъ, рѣшился ослабить себя, а затѣмъ и совершенно обратить оружіе свое въ другую сторону. Аеей, царь скиѳовъ, обитавшихъ на правой сторонѣ нижняго Дуная, обратился къ Филиппу съ просьбою о помощи противъ истріянъ, напавшихъ на скиѳовъ, обѣщая, въ случаѣ отраженія ихъ, объявить Филиппа наслѣдникомъ скиѳскаго царства. Обольщенный этимъ, Филиппъ отправилъ въ помощь Аеію сильный отрядъ войскъ, обѣщая, еслибы надобность того требовала, прибыть лично со всѣмъ своимъ войскомъ (339). Случилось, что когда македонскій отрядъ шелъ къ Аеію, истріяне, лишась умершаго вождя своего, пришли въ разстройство и были разбиты и прогнаны Аеемъ. Когда же македонскій отрядъ прибылъ, то Аеей, не имѣя болѣе въ немъ надобности, отказалъ ему въ условленныхъ платѣ и содержаніи, а Филиппу — въ вознагражденіи за убытки. Рѣшась наказать его, Филиппъ снялъ осаду Византіи и двинулся въ страну скиѳовъ, разорилъ ее огнемъ и мечомъ, раздѣливъ для того войско свое на нѣсколько отдѣльно дѣйствовавшихъ отрядовъ, потерпѣлъ въ нѣкоторыхъ сшиб-

кахъ съ скиѳами неудачу, но во всѣхъ прочихъ разбилъ ихъ наголову и, наложивъ на нихъ, какъ кажется, дань, съ огромною добычею, состоявшею изъ оружія, колесницъ, коней и 20.000 плѣнниковъ, двинулся обратно, обѣщая себѣ въ скоромъ времени совершенно покорить скиѳовъ (339). Въ ущеліяхъ Гэмскаго хребта хищные трибаллы напали изъ засады на македонское войско, которое хотѣли ограбить и истребить. При этомъ случаѣ Филиппъ явилъ большое присутствіе духа и блистательную личную храбрость, и въ бою, сверженный съ коня и въ паденіи раненый, спасенъ отъ смерти 17-лѣтнимъ сыномъ своимъ, Александромъ, который, принявъ начальство надъ войскомъ, наголову разбилъ трибалловъ.

Между тѣмъ аѳиняне, ободренные своими успѣхами, положили дѣйствовать противъ Филиппа самымъ рѣшительнымъ образомъ, продолжали возбуждать противъ него всю Грецію и вооружили сильный флотъ. Но аѳинскій народный витія Эсхинъ и другіе, подобно ему подкупленные Филиппомъ, дѣятельно приготавливали и облегчали послѣднему средства къ совершенію, наконецъ, рѣшительнаго предиріятія противъ Греціи. Жители локрійскаго города Амфиссы воздѣлали Циррейскую равнину, почти за 300 лѣтъ предъ тѣмъ (въ 1-й священной войнѣ противъ Криссы, Цирры и Антицирры) опустошенную амфиктіонами, торжественно посвященную ими Апполону дельфійскому и обреченную на вѣчное безплодіе. Эсхинъ, въ собраніи амфиктіоновъ, торжественно обвинилъ амфиссянъ въ этомъ новомъ святотатствѣ, возбудилъ 3-ю священную и локрійскую войну и предложилъ амфиктіонамъ просить Филиппа о принятіи главнаго начальствованія надъ ихъ войскомъ, долженствовавшимъ наказать амфиссянъ и локрянъ. Предложеніе его было принято и амфиктіоны отправили на встрѣчу Филиппу во Фракію пословъ. Филиппъ, лицемѣрно изъяснивъ изумленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ волѣ амфиктіоновъ, положилъ немедленно моремъ перенравиться съ войскомъ въ Локриду (на берегахъ эгейскаго моря, между Фокидою и Тессаліею) и собралъ нужное для того число судовъ. Но такъ какъ аѳинскій флотъ былъ сильнѣе македонскаго и имѣлъ назначеніе препятствовать пере-

правъ Филиппа, то сей послѣдній употребилъ хитрость: отправилъ къ намѣстнику своему, Антипатру, легкое судно съ письмомъ немедленно возвратиться во Фракію. Судно и письмо были перехвачены аѳинянами—и аѳинскій флотъ, удалясь, открылъ Филиппу свободный путь въ Грецію (338). Высадившись на берегахъ Локриды, Филиппъ, по присоединеніи къ нему вспомогательнаго ѳивскаго отряда, разбилъ аѳинское наемное войско, осадилъ и покорилъ Амфиссу, и поставилъ въ этотъ городъ сильный гарнизонъ. Объятые ужасомъ, аѳиняне вступили съ Филиппомъ въ переговоры, но между тѣмъ склонили Эвбею, Мегару, Коринѳъ, Ахаію, Левкадію и Корциру къ союзу съ ними противъ Филиппа. ѳивяне, неавидя аѳинянъ и опасаясь Филиппа, долго колебались между первыми и послѣднимъ: но Филиппъ рѣшился страхомъ принудить ихъ къ присоединенію къ нему. Быстро и смѣло овладѣлъ онъ Елатеею, важною, какъ по мѣстному положенію ея, такъ и потому, что она удобно могла получать подкрѣпленія изъ Ѳессаліи и Македоніи, повелѣвала входомъ въ Віотію и могла безпрестанно тревожить и ѳивы, и Аѳины. Занявъ Елатею сильнымъ гарнизономъ, возстановивъ и усиливъ ея укрѣпленія, и тѣмъ обезопасивъ себя отъ внезапнаго вторженія непріятелей, Филиппъ ждалъ удобнаго случая для нанесенія рѣшительнаго удара аѳинянамъ.

Взятіе Елатеи снова привело ихъ въ ужасъ,—но Демосѳенъ ободрилъ ихъ, побудилъ къ мужественному и упорному сопротивленію Филиппу на твердой землѣ и морѣ, и, посланный къ ѳивянамъ, убѣдилъ ихъ присоединиться къ аѳинянамъ противъ общаго врага. Вслѣдъ затѣмъ аѳинское войско двинулось къ ѳивамъ и было дружелюбно принято ѳивянами и впущено въ ѳивы.

Между тѣмъ Филиппъ отъ Елатеи двинулся въ Віотію, умышленно, кажется, допустилъ непріятелей разбить два отряда, посланные имъ впередъ, имѣя тѣмъ въ виду выманить ѳивянъ и аѳинянъ изъ ѳивъ, и, наконецъ, расположилъ свое войско, состоявшее изъ 30,000 челов. пѣхоты и 2,000 чел. конницы, близъ Херонеи, на равнинѣ, омываемой рѣчкою Ѳермодономъ и представлявшей всѣ удобства для дѣйствій фаланги и конницы. Вскорѣ

приблизилось и союзное войско, въ которомъ, кромѣ еивянъ и аѳинянъ, были еще вспомогательныя войска пѣкоторыхъ городовъ Пелопоннеза и острововъ эгейскаго моря. Числительною силою своею оно превосходило войско Филиппово и было хорошо одушевлено, но весьма дурно предводительствуемо, именно: аѳинянами Харесомъ и Лисикломъ, и еивяниномъ Теогеномъ, изъ коихъ первый былъ извѣстенъ своею неспособностью, второй—неизвѣстенъ никакими военными подвигами и заслугами, послѣдній—сильно подозрѣваемъ въ измѣнѣ, а всѣ трое, оглашенные корыстолюбцы и низкіе мздоимцы, были умышленно избраны приверженцами Филиппа.

2-го августа 338 года, на разсвѣтѣ, оба войска построились одно противъ другого въ боевой порядокъ. Союзники, имѣя въ тылу за собою городъ Херонею и возлѣ него станъ свой, расположились: еивяне на правомъ, аѳиняне на лѣвомъ крылѣ;—еивская священная дружина стала на правомъ флангѣ еивянъ. Правымъ крыломъ македонскаго войска, расположеннымъ противъ аѳинянъ, начальствовалъ самъ Филиппъ; — лѣвое же, насупротивъ еивянъ, онъ ввѣрилъ начальству 18-ти лѣтняго Александра, которому для совѣта придалъ опытнѣйшихъ македонскихъ военачальниковъ. Съ обѣихъ сторонъ вспомогательныя войска были поставлены въ серединѣ, а конница по флангамъ.

Александръ первый быстро и смѣло напалъ на еивянъ. Они оборонялись весьма упорно, особливо священная дружина, но, наконецъ, были охвачены (захожденіемъ Александрова крыла на право), прорваны, разстроены и опрокинуты. Священная дружина, сражавшаяся съ отчаянною храбростію и долѣе всѣхъ, вся до единого человѣка легла на мѣстѣ. Между тѣмъ конница праваго македонскаго крыла напала на аѳинскую, которая, опрокинувъ ее, преслѣдовала въ большомъ безпорядкѣ. Филиппъ, расположившійся съ правою фланговою частію своей фаланги на близъ-лежавшихъ справа высотахъ, въ порядкѣ двинулся съ нихъ противъ аѳинской конницы и безъ труда опрокинулъ и прогналъ ее, съ большимъ для нея урономъ. Затѣмъ правый флангъ македонской фаланги, сдѣлавъ захожденіе налѣво, взялъ аѳинскую пѣхоту во

флангъ, а середина македонской фаланги въ то же время двинулась съ фронта противъ ѳивянъ и аѳинянъ, уже охваченныхъ съ обоихъ фланговъ. Все союзное войско было приведено въ величайшее разстройство, опрокинуто и въ безпорядкѣ бѣжало въ свой станъ, преслѣдуемое македонскою конницею. Вспомогательныхъ войскъ ѳивянъ и аѳинянъ, которыя почти вовсе не участвовали въ битвѣ, погибло и взято въ плѣнъ мало; но аѳиняне потеряли около 1,000 человѣкъ убитыми и 2,000 человѣкъ взятыми въ плѣнъ, а ѳивяне гораздо болѣе первыми, нежели послѣдними.

Таково было сраженіе при Херонѣѣ, весьма замѣчательное искусными распоряженіями Филиппа, новымъ, усовершенствованнымъ примѣненіемъ косвеннаго боеваго порядка, отличными дѣйствіями македонской фаланги и торжествомъ ея надъ ѳивскою и аѳинскою. Еще важнѣе была побѣда при Херонѣѣ въ политическомъ отношеніи: ибо въ этотъ день, какъ почти одинаково выражаются и Демосѳенъ, и Діодоръ, и Страбонъ, и Павзаній—положенъ конецъ и славѣ господства Греціи, и древнѣйшей ея свободѣ.

Одержавъ полную и рѣшительную побѣду, Филиппъ велѣлъ щадить побѣжденныхъ, дозволилъ аѳинянамъ взять и погребсти тѣла убитыхъ воиновъ своихъ, отпустилъ аѳинскихъ плѣнниковъ безъ выкупа, даже возвратилъ имъ тяжести, ихъ и вскорѣ послалъ Александра и Антипатра предложить миръ на такихъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ, которыхъ они нисколько не ожидали. Напротивъ, съ ѳивянами онъ поступилъ съ большою строгостью, какъ съ коварными и вѣроломными мятежниками. Приверженцевъ демократіи онъ наказалъ съ жестокостью, изгнанниковъ ѳивскихъ призвалъ обратно и возвратилъ имъ гражданскія права, а въ ѳивы поставилъ сильный македонскій гарнизонъ.

Въ слѣдующемъ 337-мъ году, на общемъ сеймѣ греческихъ республикъ въ Коринѣѣ, рѣшена была давно уже желанная и предположенная, общенародная война грековъ съ персами, и Филиппъ единогласно назначенъ верховнымъ предводителемъ вооруженныхъ силъ Греціи. Безпримѣрная дотолѣ единодушіе и рвеніе овладѣли всѣми греками. Уже готово было многочисленнѣйшее войско, которое когда-либо вооружала Греція, ибо въ немъ считалось до

220,000 человекъ пѣхоты и до 15,000 человекъ конницы. Уже Филиппъ отправилъ Парменіона съ сильнымъ отрядомъ войскъ въ малую Азію для охраненія греческихъ поселеній, и самъ готовился слѣдовать за нимъ туда-же съ главными силами. Но въ это самое время мятежъ въ Иллиріи и раздоры въ собственномъ семействѣ удержали Филиппа въ Греціи. А едва онъ успѣлъ усмирить мятежъ иллиріянъ и возстановить семейное согласіе, какъ рука убійцы внезапно пресѣкла жизнь его (336)—и довершеніе обширныхъ и важныхъ его замысловъ судьба предоставила 20-лѣтнему сыну и преемнику его; Александру.

§ 86.

Общій выводъ о Филиппѣ, какъ полководцѣ, и его войнахъ.

Войны Филиппа, въ глазахъ внимательнаго изслѣдователя, безспорно составляютъ замѣчательное явленіе и важный успѣхъ въ исторіи искусства веденія войны въ древнія времена. Утомленное изслѣдованіемъ мелкихъ, сложныхъ и запутанныхъ междуусобныхъ греческихъ войнъ, вниманіе военнаго наблюдателя отрадно останавливается на картинѣ войнъ или, лучше сказать, одной непрерывной войны Филиппа, въ которой единствѣ цѣли, соображеній и исполненія вполне соотвѣтствуютъ постоянство неизмѣнное, сила и рѣшительность воли и дѣйствій необыкновенныя.

Распространить, усилить, возвеличить Македонію, покорить своей власти Грецію и сдѣлать изъ македонянъ и грековъ одинъ народъ, изъ Македоніи и Греціи одно могущественное государство подъ властію единодержавною—такова была важная политическая цѣль, къ которой стремился Филиппъ въ продолженіе всего своего царствованія, съ удивительнымъ постоянствомъ, дѣятельностью и благоразуміемъ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли служила ему политика—хитрая и нерѣдко коварная, но тѣмъ не менѣе твердая и вполне искусная. Переговорами, лестію, обманомъ, подкупомъ онъ усыплялъ своихъ враговъ, приводилъ ихъ въ бездѣйствіе либо заставлялъ ихъ дѣйствовать сообразно съ своими видами, осторожно и искусно вмѣшивался въ ихъ дѣла;

возбуждалъ ихъ другъ противъ друга, ослаблялъ ихъ, постоянно усиливая себя, то ловко уклонялся, то дѣйствовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, вѣрно угадывая благопріятнѣйшее для того время, пользуясь всѣми выгодными обстоятельствами, отстраняя всѣ затрудненія и препятствія, и исподоволь, но неуклонно стремился къ цѣли, никогда не выпуская ее изъ виду.

И то, что столь искусно было приготавливаемо его политикою, онъ не менѣе искусно довершалъ оружіемъ. Обладая всѣми качествами великаго полководца, онъ съ такими же твердостью воли и искусствомъ приводилъ въ исполненіе свои военныя соображенія и предначертанія, съ какою силою ума созидалъ ихъ. Орудіемъ исполненія ихъ было войско сильное, имъ самимъ превосходно устроенное, вполне преданное и покорное ему, притомъ неразвращенное, воинственное, храброе, которымъ онъ, соединяя въ лицѣ своемъ власть политическую, гражданскую и военную, санъ монарха и званіе полководца, начальствовалъ нераздѣльно, единовластно. Съ предприимчивостью и отважностью соединяя благоразумную осторожность, онъ обнаруживалъ, когда надобность того требовала, необыкновенную энергію, былъ неустрашимъ въ бою и твердъ въ неудачахъ. Приготавливая и облегчая себѣ побѣду средствами политическими, онъ дѣйствовалъ преимущественно самымъ рѣшительнымъ образомъ, быстро двигаясь соединенными силами прямо на встрѣчу непріятелю и вступая съ нимъ въ бой въ открытомъ полѣ. Но, отъ природы хитрый и лукавый, онъ часто прибѣгалъ и къ разнаго рода военнымъ хитростямъ, — тамъ, напримѣръ, гдѣ онѣ могли содѣйствовать употребленію открытой силы и еще болѣе облегчить побѣду въ бою, или же гдѣ одною открытою силою нельзя было одолѣть противника. Согласно съ обычаемъ и духомъ времени, онъ прибѣгалъ къ разграбленію и разоренію непріятельскаго края, какъ средству принудить непріятеля къ покорности или бою. Дѣйствуя преимущественно съ быстротою и рѣшительностью, онъ довольно рѣдко производилъ осады, въ такихъ только случаяхъ, когда не могъ избѣжать ихъ, но и тогда напрягалъ всѣ свои силы, истощалъ всѣ извѣстныя средства тогдашней поліорцетики, либо прибѣгалъ къ

внезапнымъ нападеніямъ, хитростямъ, переговорамъ, подкупу и т. п., для скорѣйшаго овладѣнія непріятельскимъ городомъ. Еще рѣже встрѣчаются въ его дѣйствіяхъ продолжительныя обложенія городовъ, съ цѣлію принудить ихъ къ сдачѣ единственно голодомъ. По самымъ составу, устройству и свойствамъ его войска, походы его всегда могли быть болѣе дальними и продолжительными, нежели походы греческихъ ополченій. По тѣмъ же причинамъ, Филиппъ дѣйствовалъ во всѣ времена года безъ различія, и въ числѣ его походовъ встрѣчается нѣсколько зимнихъ, что въ греческихъ войнахъ случалось весьма рѣдко. Прибавимъ еще, что Филиппъ превосходно умѣлъ упрочивать сдѣланныя имъ завоеванія, пользоваться побѣдою и даже изъ самыхъ неудачъ извлекать для себя выгоды. Строгостію содержа союзниковъ и данниковъ въ повиновеніи, и нерѣдко съ жестокостію карая измѣну, онъ являлъ рѣдкое въ тѣ времена великодушіе и милосердіе къ побѣжденнымъ и плѣннымъ, и тѣмъ умѣлъ внушать признательность и преданность къ себѣ, и пріобрѣтать друзей и союзниковъ. Вообще войны его, хотя и были неизбѣжно сопряжены съ жестокостію, но несравненно менѣе, нежели предшествовавшія и современныя войны греческія.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Филиппъ справедливо можетъ и долженъ быть поставленъ въ число лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ полководцевъ древности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (336 — 324).

§ 87. Первые годы жизни Александра В. (356 — 336). — § 88. Первые походы Александра В. противъ трибалловъ и иллиریانъ (335). — § 89. Походъ противъ оивъ (335). — § 90. Война съ персами (334—327). — Причины и цѣль ея. — Относительное положеніе, силы и первоначальныя предположенія дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ. — I. Завоеваніе восточныхъ береговъ средиземнаго моря. — § 91. 1-й походъ въ малой Азии (334). — Сраженіе на Граникѣ — § 92. 2-й походъ въ малой Азии (333). — Сраженіе при Иссъ. — § 93. 3-й походъ въ Сирию и Египтъ (333 — 332).

Источники: Арріанъ, Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ, Иустинъ, Квинтъ Курцій, de Bury, Ste Croix, Napoleon I Mémoires de Montholon, Lössau и указанные выше.

§ 87.

Первые годы жизни Александра В. (356 — 336).

Александръ В. родился въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, 22-го іюля 356 года — въ одинъ день со взятіемъ Филиппомъ Потидеи, присужденіемъ ему первой награды на олимпійскихъ играхъ, одержаніемъ Парменіономъ большой побѣды надъ иллиріянами и сожженіемъ храма Діаны въ Ефесѣ — что и македоняне, и греки, и самъ Филиппъ признали явнымъ предзнаменованіемъ будущей необыкновенной судьбы новорожденного. Матерью Александра была Олимпія, дочь эпирскаго царя Неоптолема. Преданіе народное и всеобщее повѣрье производили происхожденіе Александра, по отцу, отъ Геркулеса, а по матери отъ Ахилла. Уже съ самой ранней молодости Александръ отличался силою, крѣпостію и изящною, величественною красотою тѣлесными, и обнаружилъ необыкновенныя

способности ума и души, чрезвычайно пылкій, но сильный и великій характеръ, строжайшую умѣренность въ жизненныхъ наслажденіяхъ и — неограниченное честолюбіе. Успѣхи и побѣды Филиппа огорчали его: отецъ мой — говорилъ онъ — не оставитъ мнѣ совершить ничего великаго и славнаго! Филиппъ далъ ему тщательнѣйшее воспитаніе. Сначала воспитателемъ его былъ Леонидъ, родственникъ его матери и человекъ весьма строгихъ правилъ, а наставникомъ — акарнанининъ Лисимахъ. Самъ Филиппъ старался управлять имъ болѣе убѣжденіемъ, нежели силою, замѣтивъ, что онъ упорно сопротивлялся послѣдней, но легко покорялся первому. Вскорѣ, однакоже, найдя, что данные ему преподаватели не имѣли достойныхъ его дарованій, Филиппъ ввѣрилъ воспитаніе его Аристотелю, ученѣйшему и знаменитѣйшему философу того времени. Мѣстомъ же воспитанія Александрова онъ назначилъ царскій увеселительный замокъ Нимфей близъ города Міесы (и, какъ полагаютъ, неподалеку отъ родины Аристотеля, Стагиры). Здѣсь, вдали отъ двора, въ безмятежной тишинѣ садовъ нимфейскихъ, Александръ изучилъ у Аристотеля науки словесныя, нравственныя, философическія, политическія, словомъ — всѣ отрасли тогдашнихъ человѣческихъ знаній, во всемъ ихъ объемѣ. Чтобы внушить ему и развить въ немъ геройскія чувства и качества, Аристотель заставлялъ его читать «Иліаду» и Александръ такъ пристрастился къ ней, что она навсегда сдѣлалась любимымъ его чтеніемъ. Онъ называлъ ее лучшимъ запасомъ или матеріаломъ для военнаго искусства, всегда и вездѣ имѣлъ ее при себѣ и даже, по свидѣтельству Онесикрита, вмѣстѣ съ мечомъ клалъ ее на время сна подъ голову. Но изъ всѣхъ предметовъ человѣческихъ знаній, Аристотель съ особенною заботливостію старался посвятить царственнаго питомца своего въ таинства высокой и трудной науки царствованія и даже написалъ собственно для него сочиненіе объ этомъ предметѣ, къ сожалѣнію до насъ недошедшее. Страстно преданъ былъ Александръ и чтенію, и ученію, и такъ легко и скоро усвоивалъ себѣ все преподаваемое ему и изучаемое имъ, что уже въ 16 лѣтъ отъ роду ничто не было чуждо ему и онъ обладалъ всеобъемлющими свѣдѣніями.

Образуя умъ и сердце свои, онъ въ тоже время не пренебрегалъ и тѣлесными упражненіями, и съ удивительною силою соединялъ необыкновенныя ловкость и смѣлость. Такъ, еще отрокомъ, онъ укротилъ свирѣпаго коня Букефала, на котораго никто не смѣлъ сѣсть. 340 годъ былъ началомъ политическаго и военнаго его поприща. Въ этомъ году именно Филиппъ, отправляясь въ походъ во Фракію, ввѣрилъ 16-ти-лѣтнему Александру, на время своего отсутствія, управленіе Македоніею. Первымъ военнымъ подвигомъ Александра было покореніе возставшаго фракійскаго племени мѣдаровъ или мѣдовъ. Онъ взялъ приступомъ главный ихъ городъ, изгналъ его жителей, населилъ его другими изъ иныхъ племенъ и назвалъ его Александрополемъ. Въ слѣдующемъ 339 году, въ бою Филиппа съ трибаллами, въ Гемскомъ хребтѣ, онъ спасъ жизнь отцу своему и разбилъ трибалловъ (глава XII § 85). Въ 338-мъ же году онъ участвовалъ съ Филиппомъ въ послѣднемъ его походѣ въ Грецію и въ сраженіи при Херонѣѣ оказалъ чудеса храбрости, разбилъ ѳивянъ и истребилъ ѳивскую священную дружину (глава XII § 85). «Сынъ мой» — сказалъ ему Филиппъ, обнимая его послѣ сраженія — «ищи себѣ другаго, достойнаго тебя царства: Македоніи для тебя слишкомъ мало». Но вскорѣ изгнаніе Филиппомъ Олимпіи нарушило всегдашнія, неизмѣнныя дотолѣ, доброе согласіе между отцомъ и нѣжно-любимымъ имъ сыномъ, и взаимныя, самыя дружескія отношенія ихъ. Александръ принялъ сторону своей матери и удалился съ нею въ Эпиръ, подвергшись гнѣву Филиппа (337). А едва Филиппъ примирился съ Олимпіею и Александромъ, и они воротились изъ Эпира, какъ убіеніе Филиппа открыло Александру путь къ престолу (336).

§ 88.

Первые походы Александра В. противъ трибалловъ и иллиріянъ (335).

Со смертію Филиппа, вся Греція и всѣ завоеванныя имъ страны пришли въ движеніе и грозили возстаніемъ. Трудность и опасность положенія Александра увеличились неопредѣленностію по-

рядка наследованія македонскаго престола и притязаніями на него братьевъ Александровыхъ, Птолэмея и Арридэя, и племянника Аминта. Но Александръ устранилъ, съ помощію своихъ приверженцевъ, искателей македонскаго престола, и признанный царемъ Македоніи, казнивъ убійцъ отца своего, отправился въ Грецію. На пути туда онъ строго наказалъ вѣроломныхъ ессаянъ и, подобно Филиппу, былъ облеченъ греческимъ сеймомъ въ Коринѣ въ званіе верховнаго предводителя силъ, вооруженныхъ Греціею противъ персовъ. Убѣжденный въ необходимости сначала обезпечить внѣшнюю безопасность Македоніи и внутреннюю тишину въ Греціи, онъ, прежде всего, обратился противъ трибалловъ, одного изъ многочисленныхъ племенъ Θρακίη, обитавшаго на правой сторонѣ Истра или нижняго Дуная, нѣсколько выше устьевъ этой рѣки, и возставшаго въ союзъ съ гетами, которые жили на лѣвой сторонѣ. Выступивъ съ войскомъ, весною 335-го года, изъ Амфиноля (близъ нынѣшняго Орфано въ Македоніи), въ направленіи къ сѣверо-востоку, онъ слѣдовалъ чрезъ земли независимыхъ θρακίηскихъ племенъ (въ нынѣшней Румелии) и по 10-ти дневномъ походѣ прибылъ къ Гэмскому хребту (нынѣ Балканы). Θρακίηне преградили ему путь, занявъ горныя ущелья, входы и вершины ихъ, и оградивъ себя повозками, Александръ послалъ правое крыло фаланги, предшествуемое стрѣлками. на вершины горъ съ такой стороны, гдѣ имѣлись болѣе удобные на нихъ всходы, и приказалъ рядамъ оплитовъ разступаться, гдѣ только было возможно;—самъ же, въ головѣ пѣшей агемы, съ лѣвымъ крыломъ, усиленнымъ иппаспистами и агріянами, стремительно, напалъ на θρακίηнъ слѣва. Θρακίηне были опрокинуты съ урономъ до 1.500 человекъ убитыми и нѣсколькихъ взятыхъ въ плѣнъ, и разсѣялись въ горахъ, оставивъ во власти македонянъ семейства и тяжести свои. Перейдя чрезъ Гэмскій хребетъ, Александръ вступилъ въ земли трибалловъ (въ нынѣшней Болгаріи) и направился чрезъ нихъ къ Истру. Бóльшая часть трибалловъ, съ семействами, имуществомъ и множествомъ независимыхъ θρακίηнъ, укрылись на островѣ Истра, Певкеяхъ. Остальные же трибаллы засѣли въ лѣсу на берегу рѣки. Александръ, выманивъ ихъ оттуда первоначально

стрѣлками, стремительно напалъ на нихъ въ открытомъ полѣ фалангою и построеною по флангамъ оной конницею, и разбилъ ихъ наголову, нанеся имъ до 3.000 человѣкъ урону. На 3-й день послѣ того, онъ прибылъ къ Истру, завладѣлъ нѣсколькими длинными (военными) судами, прибывшими изъ Византіи, посадилъ на нихъ столько стрѣлковъ и оплитовъ, сколько они могли вмѣстить, и направился съ ними къ Певкеямъ. Но малое число судовъ и войскъ, многочисленность непріятеля, сильная стрѣльба его изъ луковъ, крутые берега острова и быстрота теченія Истра сдѣлали тщетными всѣ усилія Александра для произведенія высадки. Тогда онъ рѣшился подняться выше, переправиться черезъ Истръ и напасть на гетовъ, собравшихся на противоположномъ берегу, для обороны его, въ числѣ около 4.000 человѣкъ конныхъ и болѣе 10.000 человѣкъ пѣшихъ. Помощію плотовъ, устроенныхъ изъ шкуръ, которыя служили войскамъ ставками и были наполнены соломой, равно и собранныхъ на Истрѣ разныхъ родовъ и величины судовъ, онъ переправился ночью съ 1.500 человѣкъ конницы и 4.000 человѣкъ пѣхоты на лѣвый берегъ. Подступивъ къ гетамъ скрытно и въ величайшей тишинѣ, — на разсвѣтѣ онъ двинулся противъ нихъ въ стройномъ боевомъ порядкѣ, имѣя конницу на правомъ, а пѣхоту на лѣвомъ крылѣ. Изумленные внезапнымъ появленіемъ Александровыхъ войскъ и опрокинутые сильнымъ ударомъ македонской конницы, геты въ ужасѣ бѣжали въ находившійся позади укрѣпленный городъ и сначала хотѣли было обороняться въ немъ. Но, при видѣ грознаго наступленія македонской фаланги и конницы въ боевомъ порядкѣ, они бѣжали съ семействами и имуществомъ въ степи, на сѣверъ. Овладѣвъ покинутымъ ими городомъ и въ немъ значительною добычею, Александръ разрушилъ его и затѣмъ возвратился на правый берегъ Истра. Побѣда, одержанная имъ надъ гетами, произвела такое сильное впечатлѣніе на сосѣдственные племена, что они, и въ томъ числѣ боіи и сенноны — племена кельтовъ или германовъ (каковыя названія греки нерѣдко смѣшивали), равно и трибаллы, отправили Александру дары и изъявили ему свою покорность.

Затѣмъ Александръ съ Пистра двинулся въ земли агріянъ и пѣонянъ, и на пути узналъ, что автаріаты, тавланты и многія другія племена какъ независимой, такъ и македонской Иллиріи *) возстали противъ него и что автаріаты рѣшились преградить ему путь. Лангаръ, царь или вождь агріянъ, еще при жизни Филиппа бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Александромъ, вторгнулся съ агріянами, по собственному вызову, въ земли автаріатовъ, разграбилъ и разорилъ ихъ, и тѣмъ удержалъ въ нихъ автаріатовъ. А между тѣмъ Александръ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Эригону (нынѣ р. Кучукъ-Карасу, впадающая въ р. Вардаръ, въ западной Румиліи), прибылъ къ Пелліону (около нынѣшняго Стоба на р. Кучукъ-Карасу, къ в. отъ Битоліи или Монастыря), сильнѣйшему изъ укрѣпленныхъ городовъ въ земляхъ возставшихъ племенъ независимой Иллиріи. Иллиріяне расположились на окружавшихъ Пелліонъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ горахъ, намѣреваясь оттуда произвести внезапное на Александра нападеніе: но усмотрѣвъ, что онъ готовится взять Пелліонъ приступомъ, спустились съ горъ и заперлись въ этомъ городѣ. Въ помощь къ нему прибыли тавланты и тогда въ странѣ вокругъ Пелліона и на берегахъ Эригона, покрытой горами и дремучими лѣсами, завязалась дѣятельная и упорная малая война. Но Александръ, различными военными хитростями и искусными дѣйствіями македонскихъ войскъ, особливо стрѣлковъ и пращниковъ, равно и метательныхъ орудій (послѣднія были употреблены имъ для

*) Подъ названіемъ Иллиріи или Иллирика греки и римляне разумѣли, въ обширномъ смыслѣ—всѣ вообще земли къ югу отъ средняго Дуная до адріатическаго моря и предѣловъ Эпира, Македоніи и Θракіи (точно также, какъ подъ названіемъ Θракіи разумѣли вообще всѣ земли къ югу отъ нижняго Дуная или Истра);—въ тѣсномъ же смыслѣ—собственно только приморскую страну вдоль восточнаго берега адріатическаго моря (нынѣ австрійскія: Иллирія и Далмація, турецкія: Герцоговина и Албанія, и Черногорія), отъ Истріи (нынѣ Триестъ) до рѣкъ Сава и Дрина. Филиппъ, отецъ Александра В., завоевалъ южную ея часть, которая въ послѣдствіи стала называться греческою Иллиріею, остальную же наывали независимой. Тавланты принадлежали къ племенамъ первой, а автаріаты, обитавшіе на границахъ съ Македоніею, къ племенамъ послѣдней.

очищенія лѣсовъ и противуположнаго берега рѣки), въскорѣ совершенно разбилъ и разсѣялъ тавлантовъ и прочихъ иллиріянъ, которыя затѣмъ сожгли Пелліонъ и укрылись въ тавлантскихъ горахъ.

§ 89.

Походъ противъ ѳивъ (335).

Между тѣмъ въ Греціи распространился слухъ, что Александръ убитъ въ бою съ иллиріянами. Греческіе демагоги воспользовались этимъ для возбужденія всей Греціи къ возстанію. ѳивяне первые подали знакъ къ тому, призвавъ обратно своихъ изгнанниковъ, вѣроломно умертвивъ начальниковъ македонскаго гарнизона въ ѳивскомъ замкѣ Кадмеѣ и готовясь изгнать изъ него и самый гарнизонъ.

Узнавъ объ этомъ, Александръ немедленно и съ чрезвычайною быстротою двинулся отъ Пелліона чрезъ Ѳессалію и Ѳермопилы въ Віотію. Приближаясь къ ѳивамъ, онъ неоднократно останавливался, однакоже, дабы дать мятежникамъ время образумиться и смириться, а прибывъ въ Онхестъ, потребовалъ отъ ѳивянъ, чтобы они покорились и выдали ему зачинщиковъ мятежа. Но эти послѣдніе, вмѣстѣ съ возвратившимися изгнанниками, увѣрили ѳивянъ, что Александръ дѣйствительно убитъ въ Иллиріи и что войско, находящееся въ Онхестѣ, прислано изъ Македоніи Антипатромъ, подъ начальствомъ другаго Александра. Побудивъ народъ къ упорному сопротивленію, они обложили кадмейскій замокъ циркумъ-и контръ-валаціонными линіями, и выйдя изъ ѳивъ съ конницею и легкою пѣхотою, напали на передовыя войска Александра, уже шедшаго отъ Онхеста къ ѳивамъ, и убили нѣсколькихъ македонянъ, но были опрокинуты обратно въ ѳивы. На другой день Александръ подступилъ въ ѳивамъ и расположился станомъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Кадмейскаго замка. Избѣгая, однакоже, кровопролитія, онъ медлилъ приступомъ и снова убождалъ ѳивянъ покориться: но изгнанники и прочіе мятежники упорствовали въ сопротивленіи. Между тѣмъ, случилось, что одинъ изъ македонскихъ военачальниковъ, Пердикка, расположенный

съ начальствуемою имъ частию фаланги ближе всѣхъ къ ѳивскимъ укрѣпленнымъ линіямъ, самъ собою, безъ вѣдома и приказанія Александра, напалъ на нихъ и взялъ наружную часть оныхъ приступомъ. За нимъ послѣдовалъ другой военачальникъ, Аминтъ, съ ближайшею, начальствуемою имъ частию фаланги. Но оба встрѣтили между линіями такое сильное сопротивленіе, что Александръ, опасаясь пораженія и истребленія ихъ превосходными силами непріятеля, счелъ необходимымъ поддержать ихъ всѣми остальными войсками. Сначала ѳивяне были опрокинуты и преслѣдованы до самаго храма Геркулеса, близъ городскихъ стѣнъ, — но здѣсь внезапно обратились назадъ и въ свою очередь опрокинули македонянъ. Тогда Александръ двинулъ въ бой пѣшую агему и остальные части фаланги. ѳивяне не устояли противъ натиска ихъ, въ безпорядкѣ бѣжали въ городъ и въ замѣшательствѣ даже позабыли или не успѣли запереть за собою городскихъ воротъ. Македоняне ворвались вслѣдъ за ними въ городъ, вмѣстѣ съ кадмейскимъ гарнизономъ заняли городскія стѣны и площади, и, крайне ожесточенные противъ ѳивянъ, произвели между ними страшное кровопролитіе. 36.000 ѳивянъ были проданы въ рабство, немногіе спаслись въ Аѳины, всѣ же остальные были истреблены. Городъ былъ разрушенъ до основанія, но кадмейскій замокъ сохраненъ въ цѣлости и занятъ сильнымъ македонскимъ гарнизономъ.

Такъ кончился походъ противъ ѳивъ, продолжавшійся, со времени полученія Александромъ въ Пелліонѣ перваго извѣстія о возстаніи, всего только 14 сутокъ — быстрота необыкновенная и спасительная. Ибо взятіе и разрушеніе ѳивъ, бывшія слѣдствіемъ необходимости и противъ воли Александра сопряженные съ такимъ кровопролитіемъ, мгновенно положили конецъ безпокойствамъ въ Греціи и готовности грековъ къ общему возстанію.

Затѣмъ, получивъ отъ всѣхъ греческихъ республикъ, исключая Спарты, увѣренія въ покорности и преданности, и вторично провозглашенный предводителемъ грековъ въ войнѣ съ персами, Александръ возвратился въ Македонію и дѣятельно занялся приготовленіями къ этой войнѣ.

§ 90.

Война съ Персами. (334—327)

Причины и цѣль ея. — Относительное положеніе, силы и первоначальныя предположенія дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ.

Война съ персами въ Азіи уже давно составляла предметъ общихъ и живѣйшихъ желаній всѣхъ грековъ, была любимой ихъ мечтою. — Предшествовавшія войны ихъ съ этимъ народомъ, особливо отступление 10.000. грековъ и походы Деркиллида и Агезилая, вполне убѣдили ихъ въ слабости персидскаго государства и въ рѣшительномъ превосходствѣ ихъ надъ персами въ устройствѣ войскъ и военномъ искусствѣ. — Успѣхъ казался несомнѣннымъ и общій голосъ Греціи требовалъ войны, долженствовавшей навсегда освободить малоазіатскихъ грековъ отъ власти персовъ, покорить Греціи обширныя и богатыя страны и многочисленныя народы и племена востока, и распространить славу ея до предѣловъ міра. — Филиппъ македонскій вполне постигалъ прозорливымъ умомъ своимъ пользу войны съ персами для себя и для Греціи, и вѣроятность успѣха ея. — По этому-то война сія и была, въ продолженіи всего его царствованія, постояннымъ предметомъ его мыслей и желаній. — Нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что онъ завоевалъ бы персидское государство, еслибы не былъ убитъ въ то самое время, когда уже готовился открыть войну противъ него. — Александръ, вмѣстѣ съ престоломъ, наслѣдовалъ отъ Филиппа и великую мысль его о покореніи персидскаго государства. — Жажда славы и порожденное его ученымъ, всеобъемлющимъ образованіемъ и пылкимъ воображеніемъ, воспламененнымъ чтеніемъ Иліады, желаніе узнать и покорить невѣдомыя дотолѣ страны отдаленнаго востока — могли быть сильнымъ, но, безъ сомнѣнія, не были единственнымъ побуж-

деніемъ Александра къ предпринятію войны противъ персовъ. — Сверхъ общаго голоса греческаго народа, войны этой требовали и выгоды Греціи, и собственныя выгоды Александра.

Подобно отцу своему, онъ вполне постигалъ, что война противъ персовъ была лучшимъ средствомъ для совершеннаго утвержденія власти его надъ Греціею, еще недавно покоренною, — что греки, сражаясь противъ общаго врага подъ знаменами македонянъ, необходимо должны были соединиться съ сими послѣдними — тѣсными узами братства и повиновенія одному, общему царю, — наконецъ, что, приводя въ исполненіе давнишнее желаніе грековъ, онъ изъ македонянина, т.е., по мнѣнію грековъ, варвара, содѣлывался эллиномъ. — Къ этому должно, сверхъ того, присовокупить, что по смерти Филиппа война съ персами представляла еще болѣе надежды на успѣхъ, нежели затрудненій. — Чтобы удостовѣриться въ томъ, стоитъ только сличить относительное положеніе персидскаго государства съ одной, Македоніи и Греціи съ другой стороны.

Персидское государство было обширѣйшимъ и богатѣйшимъ, которое когда-либо существовало въ мірѣ. — Оно обладало берегами четырехъ морей и заключало въ себѣ лучшія страны Азіи и Африки, богатая и отъ природы, и отъ сосредоточивавшейся въ нихъ, почти всемірной торговли. — Правительство персидское получало, какъ платимою подвластными народами данію, такъ и изъ множества разныхъ другихъ источниковъ, огромнѣйшіе доходы. — Сверхъ того, въ Персеполѣ, Экбатанѣ, Сузѣ, Вавилонѣ, Арбелѣ, Дамаскѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ были собраны сокровища и богатства, подлинно несмѣтныя.

Изъ четырехъ морей, омывавшихъ предѣлы персидскаго государства, берега одного средиземнаго отъ Геллеспонта до Ливіи достаточны были для того, чтобы изъ царства персидскаго содѣлать могущественную, первостепенную морскую державу. — На этихъ берегахъ находились богатѣйшіе строевые лѣса и многочисленныя, торговые и богатые приморскіе города съ превосходными гаванями, а жители этихъ городовъ были отличными мореходцами. — По всѣмъ этимъ причинамъ персы и имѣли на средиземномъ морѣ многочисленный и весьма хорошій флотъ. — Суда для него были выставлены

финикиянами, египтянами и въ особенности жителями малоазіятскихъ греческихъ поселеній и прилежащихъ къ нимъ острововъ средиземнаго моря. — Между ними были почти исключительно набираемы и люди во флотъ. — На этихъ же берегахъ находились богатые морскіе склады и разнаго рода морскія заведенія. — Не менѣе военныхъ способовъ и средствъ персидское правительство могло извлекать и на твердой землѣ, изъ внутреннихъ своихъ областей. — Покрытая и обширными равнинами, и высокими горами, онѣ изобиловали многочисленными и превосходными конницею и легкою пѣхотою — стрѣлками и пращниками. — Такъ какъ выставленіе войскъ по востребованію было, вмѣстѣ съ платежемъ дани, одною изъ главныхъ обязанностей подвластныхъ областей къ персидскому правительству, то послѣднее и имѣло всегда возможность собирать огромныя ополченія, составленныя преимущественно изъ конницы и легкой пѣхоты. — Богатая же казна государственная доставляла ему средство, со времени пелопоннесской войны, всегда имѣть въ своей службѣ большое число греческой паемной пѣхоты. — Въ это время такого рода пѣхоты въ персидскомъ государствѣ было до 50.000 чел., что доставляло ему немаловажную силу. — Содержаніе войска въ мирѣ и войнѣ не стоило правительству ничего, ибо лежало на краѣ и попеченіи сатраповъ. — Ко всему этому должно присовокупить, что самая обширность персидскаго государства представляла большія выгоды для обороны и значительныя затрудненія для завоеванія его, и что на персидскомъ престолѣ въ это время былъ (съ 336 года) Дарій III Кодоманъ, превосходившій своихъ предшественниковъ мужествомъ, воинственнымъ воспитаніемъ и многими частными и государственными добродѣтелями, и притомъ любимый персами.

Но все это было ничтожно при совершенномъ разстройствѣ государства—политическомъ, гражданскомъ, военномъ и нравственномъ. Персидское государство въ это время было не что иное, какъ безсвязное совокупленіе самыхъ разнородныхъ областей, народовъ и племенъ. Персидскіе правители и разноплеменные обитатели этихъ областей, не связанные между собою, ни съ отдаленнымъ царскимъ престоломъ, общими: вѣроисповѣданіемъ, языкомъ,

правами и обычаями, прочными и надежными узами политическими и гражданскими, находились въ состояніи почти непрерывнаго возстанія противъ персидскихъ царей, либо всегда были готовы отложиться отъ нихъ, сдѣлаться независимыми или покориться чуждому властителю либо счастливому завоевателю. Многіе изъ подвластныхъ персамъ народовъ и племенъ уже давно ни дани не платили, ни войскъ не выставляли, и были почти независимыми. Другіе часто отказывали и въ дани, и въ войскѣ. Внутри и на предѣлахъ (сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ) государства находилось множество полудикихъ, воинственныхъ племенъ, которыя никогда не признавали власти персовъ надъ собою и вели съ ними почти непрерывную войну. Малоазіятскія греческія поселенія, болѣе полутора вѣка сражавшіяся съ персами за свою независимость, поддерживаемыя европейскими греками,—въ это время, болѣе нежели когда-либо, помышляли объ освобожденіи своемъ навсегда отъ ненавистнаго подданства персамъ. Что касается Египта, то онъ, съ самаго покоренія его Камбизомъ, находился, можно сказать, постоянно въ возстаніи и въ это время, подобно малоазіатскимъ грекамъ, ждалъ только перваго удобнаго случая для совершеннаго своего освобожденія. Вообще всѣ подвластные персамъ народы и племена были въ сильнѣйшей степени одушевлены ненавистію къ нимъ и желаніемъ возстановленія своей независимости. Сами же персы совершенно утратили воинственный духъ и суровыя добродѣтели предковъ, были до крайности изнѣжены, развращены, преданы роскоши и неумѣренности, и неспособны къ мужественному сопротивленію вышнему врагу. При томъ они не сдѣлали ни малѣйшихъ успѣховъ въ военномъ искусствѣ, и имѣли о немъ самыя несовершенныя и грубыя понятія, а общенародныя ополченія персидскія представляли такой-же безсвязный и безобразный хаосъ, какъ и самое государство. Въ нихъ не было ни правильнаго устройства, ни воинскихъ подчиненности и порядка, и единственною правильно-устроенною, надежною частію персидскихъ армій была греческая наемная пѣхота.

Съ другой стороны, Македонія и Греція, пространствомъ и военными способами своими, далеко уступали персидскому государ-

ству, составляя едва $\frac{1}{5}$ часть онаго. Денежныя средства Александра были ничтожны въ сравненіи съ персидскими: казна его была истощена, царскія помѣстья розданы имъ, большая часть податей прощена македонянамъ, и для начатія войны или для перваго похода онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, по свидѣтельству Аристовула—не болѣе 70-ти талантовъ (около 91,000 руб. сер.) и по свидѣтельству Дурія—только на мѣсяць продовольствія *). Самымъ большимъ числомъ войскъ и морскихъ судовъ, которое Македонія и Греція могли выставить, должно, кажется, признать: 220,000 человѣкъ пѣхоты и 15,000 человѣкъ конницы, вооруженныхъ передъ смертію Филиппа, для войны съ персами, и не болѣе 500 или 600 триремъ и другихъ, разной величины, военныхъ и перевозныхъ судовъ. Сравнивъ эти силы съ тѣми, съ которыми Ксерксъ произвелъ нашествіе на Грецію, легко убѣдиться въ относительной слабости ихъ. Особенно чувствительною была слабость флота: ибо, для завоеванія персидскаго государства, превосходство или, по крайней мѣрѣ, равновѣсіе и дѣятельное содѣйствіе греческаго флота были существенно необходимы и чрезвычайно важны. Къ недостаточности военныхъ силъ и средствъ Македоніи и Греціи должно присовокупить: 1) ненадежное внутреннее состояніе Греціи и отношенія ея къ Македоніи; 2) необходимость постоянно занимать ее сильнымъ войскомъ, для наблюденія за нею, сохраненія въ ней порядка и тишины, и обезпеченія оной отъ покушеній какъ персовъ, такъ и самихъ грековъ, и 3) неопредѣленность наслѣдованія македонскаго престола.

Но за то, сколь далеко превосходили персовъ македоняне и греки, какъ народъ и какъ войско, въ нравственномъ и военномъ отношеніяхъ. Хотя греки и утратили уже добродѣтели, которыми отличались въ прежнія времена, однакоже, движимые одинаковымъ чувствомъ ненависти къ персамъ, желаніемъ войны съ ними, увѣренностію въ своемъ превосходствѣ и въ успѣхѣ этой войны, и славолюбіемъ,—они являли рѣдкое единодушіе въ томъ, что

*) Онесикритъ увѣряетъ, впрочемъ, что онъ сдѣлалъ заемъ въ 200 талантовъ (около 260,000 руб. сер.).

касалось этого великаго, общенароднаго предпріятія. Притомъ они были образованнѣйшимъ, просвѣщеннѣйшимъ народомъ, флотъ ихъ былъ первымъ, а войска лучшими послѣ македонскихъ—на востокъ тогдашняго міра. Македоняне, уступая имъ въ гражданской образованности, превосходили ихъ, однако же, мужественнымъ и воинственнымъ своимъ духомъ, всѣми добродѣтелями народа еще юнаго, военнымъ устройствомъ, строгими воинскими подчиненностію и порядкомъ, полною покорностію и искреннею преданностію юному царю своему. А онъ, съ властію царскою соединявшій военную и являвшійся верховнымъ, единовластнымъ предводителемъ македонянъ и грековъ противъ персовъ, одаренъ былъ всѣми качествами великаго человѣка, великаго государя и великаго полководца, и уже явилъ опыты своихъ искусства и счастья. Такимъ образомъ, единодушіе, нравственное превосходство, отличные войско и флотъ, и единство власти надъ ними, находившейся въ рукахъ способнѣйшаго и искуснѣйшаго вождя, который когда-либо дотолъ являлся въ мірѣ—все это обѣщало македонянамъ и грекамъ рѣшительный перевѣсъ надъ персами и содѣлывало успѣхъ предпринимаемой ими войны несомнѣннымъ.

Александръ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, исполненъ такой увѣренности въ искусство и счастье свои, такъ сильно одушевленъ великою мыслию завоевать персидскую державу, подчинить Азію вліянію Греціи, распространить въ ней греческое просвѣщеніе, образовывать всемірную монархію и учредить всемірную торговлю, что не захотѣлъ даже внимать предостереженіямъ Парменіона и Антипатра, ни принимать въ уваженіе побочныхъ, второстепенныхъ соображеній. Парменіонъ и Антипатръ именно совѣтовали ему—прежде, нежели предпринять войну противъ персовъ—обезпечить самостоятельность македонскаго престола, вступивъ въ бракъ и дождавшись рожденія сына. Но Александръ не только отвергнулъ ихъ совѣтъ, но и положилъ немедленно предупредить персовъ открытіемъ наступательной противъ нихъ войны въ собственныхъ ихъ предѣлахъ, и начать войну эту завоеваніемъ восточныхъ береговъ средиземнаго моря, дабы съ самаго начала уничтожить главную силу

персовъ, заключающуюся въ ихъ флотѣ, завладѣть огромными морскими средствами и способами ихъ, и обезпечить тѣмъ Македонію, Грецію и свои сообщенія съ ними. Вслѣдствіе того, назначивъ Антипатра намѣстникомъ своимъ въ Македоніи и Греціи, и оставивъ ему (по Діодору) 12,000 человѣкъ пѣхоты и 1,500 человѣкъ конницы, весною 334 года онъ двинулся изъ Македоніи берегомъ моря чрезъ Ѳракію къ Сестосу *), въ Ѳракійскомъ Херсонесѣ, съ войскомъ, состоявшимъ, по Арріану, изъ 30,000 человѣкъ тяжелой и легкой пѣхоты и болѣе 5,000 человѣкъ конницы **). Если къ этому прибавить 4—5,000 македонскихъ войскъ, находившихся уже съ Атталомъ (при Филиппѣ съ Парменіономъ) въ малой Азіи, то всѣ силы, съ которыми Александръ готовился начать войну, должныствовавшую рѣшить судьбу тогдашняго міра, составятъ не болѣе 40,000 человѣкъ! Но эта сорока-тысячная армія, была большею, частію составлена изъ отборнѣйшихъ македонскихъ и греческихъ войскъ, и лично предводительствуема Александромъ. Изъ нихъ македонскія (12-ти тысячная

*) Къ с. отъ нынѣшняго Майта и къ ю. отъ Галлиполи.

**) По Діодору составъ войска былъ нижеслѣдующій:

10,000	чел.	македонской пѣхоты	}	подъ начальствомъ Парменіона.
7,000	„	вспомогательной пѣхоты союзныхъ грековъ и		
5,000	„	греческ. наемниковъ		
5,000	„	пѣшихъ одризовъ, трибалловъ и иллиріянъ	}	„ „ Филота.
1,000	„	агріанскихъ стрѣлковъ и		
1,500	„	македонской тяжелой конницы		
1,500	„	еессалійской конницы.	„ „	Каласа.
600	„	греческой тяжелой конницы	„ „	Эригія и
900	„	Ѳракійской и пэонійской легкой пѣхоты.	„ „	Кассандра.

Всего 28,900 человѣкъ тяжелой и легкой пѣхоты, 3,600 человѣкъ конницы, а вмѣстѣ 32,500 человѣкъ.

фаланга и 1,500 человекъ тяжелой конницы), составляли лучшую и надежнѣйшую часть и главную силу арміи. Весьма хороша была также ессалійская конница (1,500 человекъ). Греческимъ войскамъ, бывшимъ въ составѣ арміи, Александръ сохранилъ собственные ихъ вооруженіе и устройство, за исключеніемъ 600 знатнѣйшихъ юношей изъ различныхъ греческихъ республикъ, взятыхъ имъ въ видѣ заложниковъ, — вооруженныхъ на подобіе македонской тяжелой конницы и присоединенныхъ къ этой послѣдней, съ тою только разницею, что они не пользовались его сообществомъ. Флотъ Александровъ состоялъ изъ 160-ти триремъ и большаго числа разной величины перевозныхъ судовъ.

Походъ изъ Македоніи до Сестоса совершенъ былъ съ чрезвычайною быстротою: на 20-тыя сутки Александръ былъ уже въ Сестосѣ и немедленно по прибытіи туда переправилъ войско на флотъ черезъ Геллеспонтъ и расположилъ оное станомъ близъ Абидоса — безъ всякаго со стороны персовъ сопротивленія.

Персы уже давно знали о его намѣреніяхъ, но не приняли никакихъ мѣръ ни для воспрепятствованія его переправѣ, ни для обороны западныхъ береговъ малой Азіи. Персидскіе правители приморскихъ областей на этихъ берегахъ нимало не помышляли объ употребленіи съ этою цѣлію ни превосходнаго въ силахъ персидскаго флота, ни собранныхъ ими при Зеліи (городъ, лежавшемъ въ предѣлахъ древней Троады, къ ю.-в. отъ Кизика), 20-ти тысячъ человекъ греческой наемной пѣхоты подъ начальствомъ родосца Мемнона и 20-ти тысячъ человекъ азіатской конницы, и дозволили Александру не только безпрепятственно переправиться черезъ Геллеспонтъ, но и спокойно расположиться станомъ на мало-азіатскомъ берегу. Въ начальствованіи персидскимъ войскомъ вовсе не было единства, ибо оно было раздѣлено между Мемнономъ и 6-ю персидскими военачальниками. По переправѣ Александра, они составили совѣтъ. Мемнонъ, одинъ способный и знающій между ними, предложилъ — на твердой землѣ уклоняться отъ общей битвы съ македонянами, имѣвшими превосходную числомъ пѣхоту и лично предводительствуемыми царемъ своимъ, между тѣмъ какъ Дарія при персидскомъ войскѣ не было, — потоптать

луга, истребить жатвы, даже разорить приморскіе города, словомъ — опустошить страну и лишить Александра средствъ продовольствованія и возможности продолжать войну. На морѣ же онъ совѣтовалъ между тѣмъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ, произвести съ персидскимъ флотомъ нападеніе на Грецію и Македонію, взволновать ихъ, отрѣзать Александру сообщенія съ ними и тѣмъ принудить его къ возвращенію для ихъ защиты. Александръ вполне оцѣнилъ это мудрое предначертаніе дѣйствій; но невѣжественные и своекорыстные персидскіе предводители отвергли его, одни потому, что признавали его противнымъ достоинству царя и царства персидскихъ, другіе потому, что не хотѣли допустить разоренія своихъ областей, а нѣкоторые и потому, что завидовали и недоброжелательствовали Мемнону и подозрѣвали его даже въ измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, не довѣряли ему, какъ греку. Отвергнувъ умный и полезный совѣтъ его, они вмѣсто того рѣшили расположить 40,000 войскъ своихъ на правомъ берегу рѣчки Граника (истекавшей изъ горы Иды и изливавшейся въ Пропонтиду между Лампсакомъ и Кизикомъ, нынѣ рѣчка Салатдере), и тамъ дать Александру отпоръ.

I.

Завоеваніе восточныхъ береговъ Средиземнаго моря.

§ 91.

1-й походъ въ малой Азіи (334). Сраженіе на Граникѣ.

Первымъ дѣйствіемъ Александра по переправѣ чрезъ Геллеспонтъ было — двинуться прямо противъ персидскаго войска къ Гранику, съ тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Присоединивъ къ себѣ отрядъ Аттала, онъ слѣдовалъ съ 40-ка тысячнымъ (или около того) войскомъ своимъ мимо Ламисака (нынѣ

Сраженіе
на
рѣкѣ Граникѣ.

Армія Александра.

А. Движеніе Птоломея.

Б. Конница Александра.

В. Движеніе Парменіона

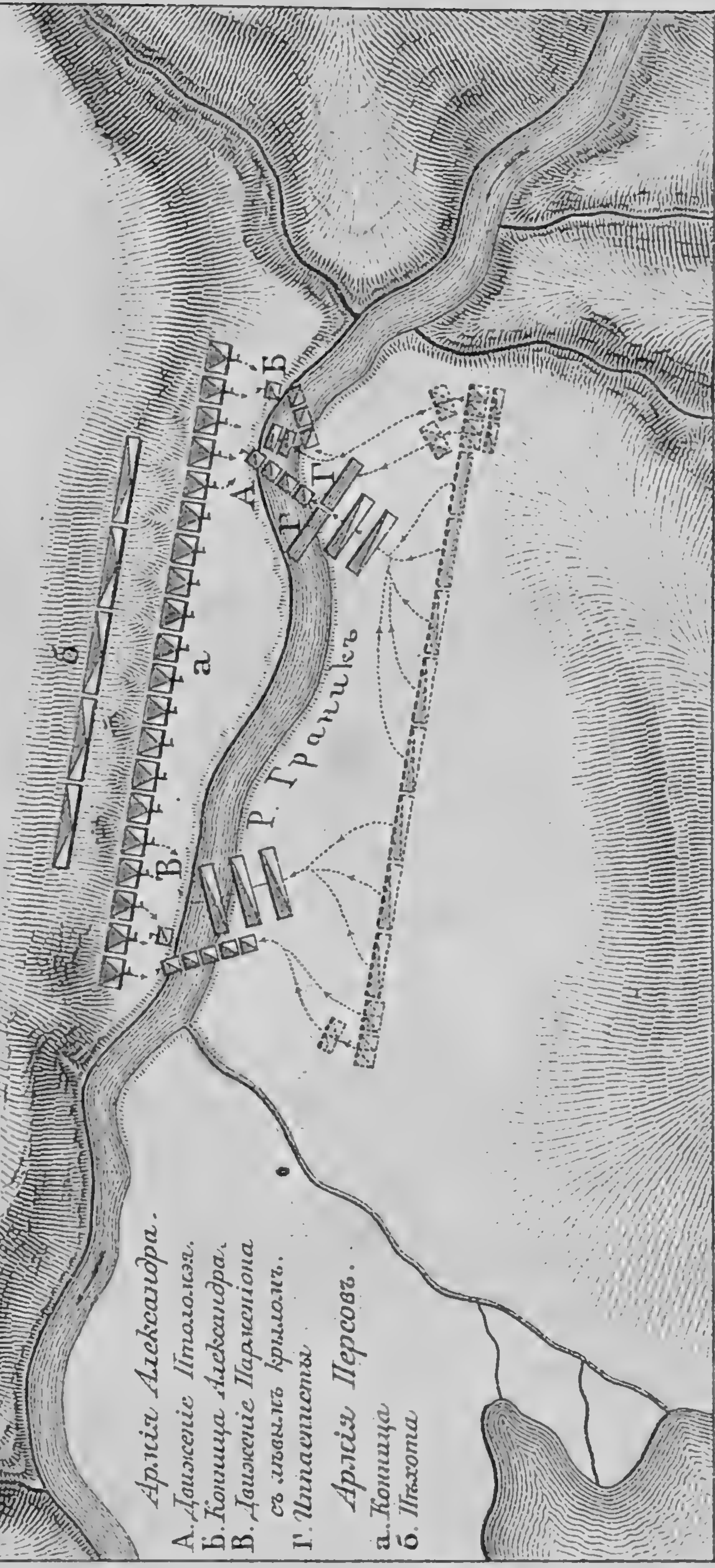
съ лѣвыми крыльми.

Г. Инженеры.

Армія Персовъ.

а. Конница

б. Пѣхота

Ламсаки) къ Гранику, имѣя въ срединѣ вдвоенную фалангу, по флангамъ — конницу, впереди для наблюденія и развѣдыванія — часть легкихъ пѣхоты и конницы, а позади — тяжести и обозы. Приблизясь къ Гранику (22-го мая), легкія войска открыли всю персидскую конницу, расположенную на краю праваго, обрывистаго берега рѣки, а греческую наемную пѣхоту — на отлогіхъ высотахъ позади конницы. Александръ немедленно рѣшился перейти, въ виду персовъ, чрезъ Граникъ въ бродъ и напасть на нихъ съ обоихъ фланговъ. Парменіонъ совѣтовалъ ему отложить переходъ до слѣдующаго дня, представляя, что опасно было бы въ виду непріятеля переходить чрезъ довольно глубокую и весьма быструю рѣчку съ обрывистыми берегами и что персы, имѣя менѣе пѣхоты, ночью сами отступятъ. Но Александръ отвѣчалъ, что стыдно было бы остановиться передъ ручьемъ, перешагнувъ чрезъ Геллеспонтъ, и что македоняне должны съ самаго начала оправдать внушаемый ими страхъ. Дѣйствительно, трудность перехода чрезъ Граникъ въ виду персовъ не только не устрашила, но еще болѣе воспламенила его: ему нуженъ былъ мощный и рѣшительный ударъ, который уже при самомъ началѣ войны ужаснулъ бы персовъ и поколебалъ ихъ огромное, но слабое государство. Поручивъ Парменіону начальствованіе лѣвымъ крыломъ, онъ предоставилъ себѣ личное начальствованіе правымъ — и оба крыла въ одно время двинулись къ рѣкѣ и чрезъ рѣку въ косвенномъ положеніи (вѣроятно уступами съ обоихъ фланговъ впередъ). Въ головѣ праваго шли этеры, стрѣлки и агріане, за ними конница, вооруженная копьями, пеоны, конный плъ Сократа, дружина аргираспидовъ и наконецъ фаланги: Пердикки, Кэна и Аминта. Въ головѣ лѣваго крыла шла конница ѳессалійская, вспомогательная союзничья и ѳракійская, а за нею фаланги Кратера, Филиппа и Мелеагра. Бóльшая часть легкихъ войскъ и всѣ метательныя орудія были оставлены на лѣвомъ берегу для того, чтобы дѣйствіемъ своимъ тревожить непріятеля и развлекать вниманіе его. Персы, узнавъ Александра, ѣхавшаго на конѣ въ головѣ праваго крыла, по богатству его вооруженія, значительно усилили лѣвое крыло своей конницы. Здѣсь и произошелъ упорнѣйшій

конный бой. Македонская конница сначала была опрокинута въ рѣку, но наконецъ сломила персовъ. При этомъ случаѣ Александръ, сражавшійся въ головѣ этеровъ, едва не былъ убитъ, но Клитъ спасъ ему жизнь. Между тѣмъ Парменіонъ съ лѣвымъ крыломъ одержалъ такой же успѣхъ надъ правымъ флангомъ персидской конницы. Когда такимъ образомъ оба фланга ея были опрокинуты, тогда и центръ пришелъ въ разстройство и вся персидская конница, потерявъ около 1.000 человекъ убитыми, въ безпорядкѣ обратилась въ бѣгство. Александръ не преслѣдовалъ ее, но немедленно напалъ съ фронта—фалангою, а съ обоихъ фланговъ—конницею на греческую наемную пѣхоту, которая, болѣе отъ изумленія, нежели вслѣдствіе твердой рѣшимости обороняться, еще неподвижно стояла на своемъ мѣстѣ. Она не выдержала однакоже удара фаланги и конницы македонскихъ, была прорвана, приведена въ разстройство и, за исключеніемъ 2.000 человекъ, взятыхъ въ плѣнъ и нѣкотораго числа укрывшихся подъ тѣлами убитыхъ, была совершенно истреблена.

Такимъ образомъ персидское войско было разбито и частію истреблено, частію разсѣялось. Александръ удовольствовался тѣмъ и не преслѣдовалъ его. Онъ щедро наградилъ своихъ воиновъ: павшимъ въ бою (25-ти этерамъ, 60-ти челов. конницы и 30-ти челов. пѣхоты) приказалъ воздвигнуть памятники, 300 персидскихъ dospѣховъ отослалъ въ храмъ Минервы въ Аѣинахъ, а взятыхъ въ плѣнъ греческихъ наемниковъ отправилъ въ око-вахъ въ Македонію для продажи въ рабство, за то, что они, измѣнивъ отечеству, сражались вмѣстѣ съ персами противъ грековъ. Всѣми этими мѣрами онъ имѣлъ въ виду усилить рвеніе и усердіе всего войска, распространить на всю Грецію славу одержанной имъ побѣды и навсегда отнять у грековъ охоту вступать въ службу персовъ наемниками.

Дѣйствіе побѣды на Граникѣ было необыкновенное. Открывъ войну ударомъ, который, подобно громовому, на самомъ первомъ шагу Александра въ малой Азіи, со всею силою разразился надъ персами, она имѣла столь же важныя послѣдствія, сколько рѣшительны были результаты ея въ самомъ сраженіи. Сокрушивъ пер-

выя силы, противопоставленные персами Александру, она уничтожила или по крайней мѣрѣ чрезвычайно ослабила средства дальнѣйшаго ихъ сопротивленія въ малой Азіи и, можно сказать, почти безъ боя покорила Александру страну эту. Другихъ войскъ въ сборѣ въ ней персы не имѣли, а остальные силы ихъ, состоявшія частію изъ персидскихъ, большею же частію изъ греческихъ наемныхъ войскъ, были разсѣяны по гарнизонамъ. Подвластные же персамъ малоазіятскіе города и племена одни за другими покорялись Александру. Прежде всѣхъ, непосредственно послѣ побѣды на Граникѣ, покорились ближайшіе — мизійскіе и виѳинскіе (въ нынѣшней сѣверозападной Анатоліи), въ томъ числѣ и городъ Даскилій (нынѣ Діаскилло). Оставивъ въ этихъ городахъ часть войскъ съ македонскими военачальниками и приказаніемъ взимать ту же дань, которая была платима Дарію, и такимъ образомъ устроивъ себѣ первоначальное основаніе дѣйствій и обезпечивъ тылъ свой, Александръ съ главными силами двинулся въ Лидію, къ Сардесу (нынѣ Сартъ, къ в. отъ Смирны). Сардесъ и вся Лидія покорились ему добровольно. Оставивъ сардійцамъ и лидянамъ ихъ законы и образъ правленія, съ условіемъ быть ему вѣрными, и поставивъ въ сардійскій замокъ гарнизонъ, онъ направился далѣе къ Ефесу (близъ нынѣшняго селенія Аясулука, къ ю. отъ Смирны). Бывшіе въ Ефесѣ греческіе наемники бѣжали моремъ на судахъ, и Александръ, вступивъ въ Ефесъ, возстановилъ въ немъ прежній демократическій образъ правленія. Отсюда онъ послалъ Парменіона и Алкимала, каждого съ отрядомъ изъ 5.000 человекъ пѣхоты и 200 этеровъ, въ города Іоніи и Эоліи (на берегахъ Архипелага), для уничтоженія въ нихъ олигархіи, возстановленія демократіи и прежнихъ законовъ, и прекращенія платежа персамъ дани. Съ остальными силами онъ двинулся къ Милету (близъ нынѣшняго селенія Паладжа, при устьѣ р. Мэандра). Градоначальникъ Милета, Эгезистратъ, сначала предложилъ Александру сдать ему этотъ городъ, но вскорѣ потомъ, ободренный слухами о близкой помощи персовъ съ сухаго пути и моря, рѣшился сохранить имъ Милетъ. Вслѣдствіе того, очистивъ городъ, онъ заперся во внутренней его крѣпости. Александръ обложилъ

ее съ сухаго пути и моря, а персидскій флотъ, не смотря на то, что состоялъ изъ 400 судовъ, не отважился предпринять что-либо для освобожденія Милета и удалился къ мысу Микале. Парменіонъ совѣтовалъ Александру вступить въ битву съ нимъ. Но Александръ не согласился на это потому, что флотъ былъ слабѣе персидскаго числомъ судовъ, а гребцы на немъ состояли большею частію изъ грековъ, которымъ Александръ мало довѣрялъ; персидскій же флотъ былъ составленъ большею частію изъ судовъ опытныхъ и искусныхъ въ морскомъ дѣлѣ кипрянъ и финикіянъ. Слѣдовательно успѣхъ битвы былъ невѣренъ, а пораженіе македонянъ на морѣ могло уничтожить всю пользу первоначальныхъ, одержанныхъ ими успѣховъ, поколебать Грецію и произвести въ ней возстаніе. Напротивъ, успѣхи македонянъ на твердой землѣ и завоеваніе ими морскихъ береговъ сами собою должны были лишить персовъ флота и господства на морѣ. Между тѣмъ въ стѣнахъ милетской крѣпости сдѣланъ былъ стѣнобитными орудіями проломъ, и Александръ двинулъ чрезъ него войска свои на приступъ. Тѣснимые македонянами и отрѣзанные отъ персидскаго флота, милетяне и бывшія съ ними греческія наемныя войска частію были истреблены, частію пытались пробраться на лодкахъ въ море, но были взяты македонскимъ флотомъ, частію же спаслись на близъ-лежавшій въ гавани островъ, но, обложенные македонскими войсками, вступили (300 греческихъ наемниковъ) въ службу Александра. Персидскій флотъ, тщетно пытавшійся выманить флотъ Александровъ въ море и принудить его къ битвѣ, удалился къ Самосу, — послѣ чего Александръ отослалъ свой флотъ совсѣмъ въ Грецію; ибо, сверхъ всѣхъ вышеозначенныхъ причинъ, не имѣлъ довольно денегъ для содержанія его и не хотѣлъ безъ особенной пользы раздѣлять своихъ силъ и подвергать ихъ пораженію по частямъ.

Затѣмъ онъ двинулся къ Галикарнассу (нынѣ Будрунъ), приморскому городу Каріи, гдѣ въ большомъ числѣ собрались персы и бывшія въ ихъ службѣ греческія наемныя войска, подъ начальствомъ Мемнона, которому Дарій ввѣрилъ главное управленіе малою Азіею и предводительствованіе сухопутными и морскими силами. Уже давно и весьма сильно укрѣпивъ Галикарнассъ, и безъ

того весьма крѣпкій отъ природы, Мемнонъ поставилъ въ его гавани персидскія триремы и, въ случаѣ надобности, хотѣлъ употребить находившихся на нихъ гребцовъ для обороны города.

Овладевъ всѣми городами на пути отъ Милета къ Галикарнассу, Александръ обложилъ и осадилъ сей послѣдній. Осада его — одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ числѣ Александровыхъ, въ поліорцетическомъ отношеніи — продолжалась однакоже, не смотря на все искусство веденія оной Александромъ и необыкновенныя усилія и мужество македонскихъ войскъ, довольно долго, по причинѣ трудной мѣстности, сильныхъ укрѣпленій и упорной обороны, была весьма кровопролитна и стоила Александру довольно большаго урона въ людяхъ. Два раза войска его едва не взяли Галикарнасса приступомъ; но въ первый разъ на приступъ ходила только часть войскъ, а во второй, Александръ, щадя городъ и надѣясь и безъ того принудить его къ скорой сдачѣ, велѣлъ войскамъ отступить. Дѣйствительно, Мемнонъ и начальствовавшій подъ нимъ персидскій полководецъ Оронтобатъ, видя разрушеніе или поврежденіе стѣнъ, ослабленіе осажденныхъ множествомъ убитыхъ и раненыхъ, и невозможность долго сопротивляться, зажгли и очистили городъ, и удалились въ два, лежавшіе на островахъ въ гавани, укрѣпленные замка. Городъ былъ немедленно занятъ македонскими войсками, и затѣмъ разрушенъ до основанія. Замковъ же, въ которые удалились Мемнонъ и Оронтобатъ, Александръ осаждать не хотѣлъ, потому что они были сильно защищены мѣстностію, осада ихъ требовала много времени, а взятіе ихъ, послѣ разрушенія Галикарнасса, уже было неважно. И потому онъ только оставилъ часть войскъ для наблюденія за ними. Затѣмъ всѣхъ женатыхъ воиновъ онъ отослалъ на зиму въ ихъ семейства въ Македонію, съ приказаніемъ воротиться къ слѣдующей веснѣ. Къ тому же времени онъ приказалъ набрать въ Македоніи и Греціи, и прислать ему въ малую Азію, сколько можно болѣе пѣхоты и конницы. Парменіона съ эгерами, Ѳессалійскою и союзничьею конницею и всѣми обозами онъ отправилъ въ Сардесъ. Воспользовавшись споромъ двухъ карійскихъ владѣтелей, Пексодара и сестры его Ады, о власти надъ Каріею, онъ принялъ сторону послѣдней, имѣвшей

болѣе правъ на нее, и отдавъ ей Карію, тѣмъ приобрѣлъ себѣ въ ней вѣрную союзницу. Самъ же съ остальными войсками двинулся берегомъ моря далѣе на востокъ въ Ликию и Памфилію. Всѣ города этихъ двухъ приморскихъ областей (въ томъ числѣ Фазелисъ, къ югу отъ нынѣшней Адаліи или Саталіи, Перга и Аспендъ), исключая нѣкоторыхъ, взятыхъ приступомъ или принужденныхъ сдаться, покорились ему добровольно (въ концѣ зимы съ 334 на 333 годъ).

Такимъ образомъ, въ теченіе перваго похода и менѣе, нежели одного года времени, Александръ овладѣлъ всѣмъ западнымъ и половиною южнаго берега малой Азіи отъ Даскилія до Аспенда — безъ сопротивленія (за исключеніемъ Милета и Галикарнасса), вслѣдствіе побѣды на Граникѣ, кроткаго и справедливаго обхожденія съ покорившимися и оставленія неприкосновенными либо возстановленія прежнихъ ихъ законовъ и образа правленія.

§ 92.

2-й походъ въ малой Азіи (333) Сраженіе при Иссъ.

2-й походъ Александра въ малой Азіи въ 333-мъ году былъ посвященъ на покореніе внутреннихъ ея областей, что, по покореніи областей приморскихъ, было уже дѣломъ менѣе труднымъ и совершенно съ еще меньшимъ сопротивленіемъ.

Приказавъ Парменіону, съ бывшими подъ его начальствомъ войсками и прибывшими изъ Македоніи и Греціи подкрѣпленіями, идти изъ Сардеса на соединеніе съ нимъ къ Гордію въ Фригіи (близъ нынѣшняго Севригиссара на р. Сангаріѣ или Сакаріѣ), Александръ весною 333-го года двинулся туда отъ Аспенда и Перги чрезъ земли воинственныхъ псидійскихъ горцевъ. Они встрѣтили его упорнымъ сопротивленіемъ: но онъ разбилъ ихъ въ кровопролитномъ бою, на мѣстности, почти неприступной, взявъ приступомъ одну и принудилъ сдаться другую часть ихъ крѣпостей. Затѣмъ, безпрепятственно прибывъ чрезъ Келаны къ Гордію, онъ соединился въ немъ съ Парменіономъ, послѣ чего

имѣлъ въ совокупности, подъ рукою, опять столько же войскъ, сколько и на Граникѣ. Вся Фригія покорилась ему добровольно, чему значительно способствовало между прочимъ разрѣшеніе имъ Гордіева узла. Разрѣшившему оный древнее, суевѣрное преданіе предрекало господство надъ Азією—и Александръ искусно воспользовался тѣмъ для усиленія нравственного вліянія своего на азіятцевъ и мнѣнія о предопредѣленномъ ему судьбою всемірномъ владычествѣ, равно и для сильнѣйшаго одушевленія собственного войска. Изъ Гордіа онъ двинулся къ Анкирѣ (нынѣ Ангора), и принявъ, чрезъ высланныхъ ему пословъ, покорность Пафлаго-ніи, обратился, даже не вступая въ эту область, къ юговостоку чрезъ Каппадокію въ Киликію. Поспѣшая овладѣть киликійскими вратами (нынѣ горныя ущелья, образуемая въ хребтѣ Таврусѣ рѣкою Чахытъ-чаемъ)—единственнымъ проходомъ въ горахъ, отдѣлявшихъ Каппадокію отъ Киликіи, на пути изъ Тіаны въ Тарсъ (нынѣ Тарсусъ), онъ слѣдовалъ чрезъ Каппадокію не останавливаясь и предоставивъ покореніе ея оставленному въ ней съ частію войскъ намѣстнику своему. Приблизясь къ киликійскимъ вратамъ, онъ послалъ противъ персидскихъ войскъ, занимавшихъ ихъ, Парменіона съ фронта, а самъ двинулся въ обходъ. Персидскія войска, не выждавъ нападенія, бѣжали въ Тарсъ, а оттуда, вмѣстѣ съ сатрапомъ Киликіи, Арзамомъ—въ Сирію. Александръ же безпрепятственно вступилъ въ Киликію и Тарсъ, жителями котораго былъ принятъ, какъ избавитель. Здѣсь онъ опасно занемогъ, по инымъ — отъ предшествовавшихъ непомѣрныхъ трудовъ, а по другимъ—отъ неосторожнаго купанья въ рѣкѣ Кпидѣ (нынѣ Турсусъ-чай). Болѣзнь замедлила нѣсколько дѣйствія его войскъ. Однакоже Парменіонъ, съ вспомогательною пѣхотою, наемными греками, еракіянами и ессалійскою конницею, былъ отряженъ впередъ для овладѣнія сирійскими вратами—проходомъ изъ Киликіи въ Сирію между псскимъ заливомъ и аманійскимъ хребтомъ, отдѣлявшимъ эти двѣ области одну отъ другой (при нынѣшнемъ Бейлакѣ, между Мессисомъ и Скандеруномъ, на самой сѣверной оконечности скандерунскаго залива).

Между тѣмъ, какъ Александръ шелъ изъ Памфили чрезъ Писидію,

Фригію и Каппадокію въ Киликію (весною, лѣтомъ и въ началѣ осени 333-го года), персы дѣйствовали наступательно на морѣ. Имѣя въ виду перенести войну въ Македонію и Грецію. Мемнонъ еще въ концѣ 334-го года, вскорѣ по взятіи Галикарнасса, овладѣлъ Хіосомъ, покорилъ всѣ города на Лесбосѣ, осадилъ на немъ Митиленъ; но во время осады его заболѣлъ и умеръ. Смерть его была большою потерєю для Дарія, а Александра избавила отъ опаснаго противника. Персы продолжали однакоже осаду Митилена и, когда онъ вскорѣ сдался имъ на уговоръ, принудили покориться и Теведосъ, и отрядили 10 триремъ къ цикладскимъ островамъ. Но эти триремы были разбиты при островѣ Кионѣ небольшою греческою эскадрою, собранною, по приказанію Александра, у Эвбеи, для прикрытія береговъ Греціи и Македоніи. Послѣ того персы не смѣли уже болѣе ничего предпринимать ни противъ береговъ Греціи, ни противъ греческихъ острововъ.

Съ своей стороны Дарій, послѣ претерпѣннаго на Грацикѣ пораженія, началъ собирать при Вавилонѣ многочисленное войско, а между тѣмъ, видя быстрые успѣхи Александра, положилъ избавиться отъ него—убійствомъ. Съ этою цѣлію персы успѣли подкупить начальника теессалійской конницы въ македонскомъ войскѣ, именемъ Александра, но это низкое злоумышленіе было, по счастію, открыто Пармениономъ, и Александръ В., великодушно простивъ измѣнника, снискалъ тѣмъ новыя права на уваженіе и любовь своего войска (въ концѣ зимы съ 334-го на 333-й годъ). Лѣтомъ 333-го года при Вавилонѣ (близъ нынѣшняго городка Хиллаха, на правомъ берегу Евфрата, къ ю. отъ Багдада, въ Иракъ—Араби) собралось многочисленное персидское войско, лучшую часть и главную силу котораго составляла греческая наемная пѣхота. По свидѣтельству Курція, оно состояло изъ 250.000 челов. пѣхоты и 60.000 челов. конницы, а по Арріану — изъ 30.000 греческихъ наемниковъ, 70.000 челов. персидской пѣхоты и 30.000 челов. персидской же конницы, 50.000 мидійскихъ, столькихъ же арменскихъ войскъ и соразмѣрнаго числа ополченій бактрійскихъ, гирканскихъ и различныхъ другихъ, подвластныхъ персамъ народовъ и племенъ средней Азіи, а всего изъ 600.000

войскъ. Но исчисленіе Арріана, какъ кажется, преувеличено. Лично предводительствуя этимъ войскомъ и окруженный семействомъ и всемъ дворомъ, Дарій двинулся отъ Вавилона въ Сирію, въ то самое время, когда Александръ шелъ изъ Фригіи чрезъ Каппадокію въ Киликію.

Здѣсь Александръ, какъ сказано выше, заболѣлъ; — но едва собравшись съ силами, онъ обратился изъ Тарса чрезъ Солю противъ хищныхъ обитателей западной или гористой Киликіи (позже Исавріи), и послѣ 7-ми-дневнаго похода принудивъ ихъ къ покорности, далъ войску своему въ Солахъ кратковременный отдыхъ, во время котораго совершилъ торжественныя игры. Восточная или луговая Киликія была уже покорена и Александръ, въ 1 годъ и 8 мѣсяцовъ завоевавъ приморскія и внутреннія области малой Азіи, намѣревался уже приступить къ дальнѣйшему покоренію восточныхъ береговъ средиземнаго моря—Сиріи, Финикіи и Палестины, когда узналъ (въ ноябрѣ), что Дарій съ войскомъ стоитъ станомъ въ Сиріи, въ двухъ дняхъ пути отъ Аманійскаго хребта и предѣловъ Киликіи. Македонскія войска, которымъ онъ объявилъ о томъ, единогласно просили немедленно вести ихъ противъ Дарія — и Александръ тотчасъ двинулся берегомъ моря на востокъ къ сирійскимъ вратамъ, чтобы, проникнувъ чрезъ нихъ въ Сирію, вступить съ Даріемъ въ рѣшительную битву. Оставивъ въ Иссѣ (какъ полагаютъ—близъ нынѣшняго Паіаса или Баіаса, между Мессисомъ и Бейланомъ) небольшой гарнизонъ и всѣхъ раненыхъ и больныхъ македонскаго войска, онъ прошелъ чрезъ сирійскія врата и, продолжая движеніе къ югу вдоль морскаго берега, прибылъ въ Миріандръ (въ 200-хъ стадіяхъ или 35-ти верстахъ отъ Исса). Здѣсь, къ крайнему своему удивленію, онъ узналъ, что Дарій находится въ тылу его — въ Иссѣ, откуда онъ самъ недавно передъ тѣмъ вышелъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы персы были до такой степени безразсудны и изъ равнинъ Сиріи, гдѣ превосходство ихъ въ силахъ и особенно въ конницѣ представляло имъ большія выгоды, рѣшился вступить въ горныя тѣсины и ущелья аманійскаго хребта, гдѣ всѣ эти выгоды обращались въ ничто. Но вскорѣ, чрезъ посланныхъ имъ моремъ къ Иссѣ нѣсколькихъ этеровъ, онъ удо-

стовѣрился, что Дарій дѣйствительно находится при Иссъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Прибывъ въ Сирію и внимая благоразумнымъ совѣтамъ военачальниковъ наемныхъ грековъ, Дарій сначала дѣйствительно хотѣлъ выждать Александра на равнинахъ Сиріи. Но вскорѣ льстецы увѣрили его, будто замедленіе въ дѣйствіяхъ Александра (слѣдствіе болѣзни его въ Тарсѣ, похода его противъ киликійскихъ горцевъ и пребыванія въ Солахъ) происходило отъ того, что онъ опасался Дарія и избѣгалъ битвы съ нимъ. Ослѣпленный лестію и надеждою на числительное превосходство силъ своихъ, не предполагая, чтобы Александръ могъ отважиться на движеніе противъ него изъ Киликіи въ Сирію, и увлекаемый, по убѣжденію древнихъ, судьбою, Дарій презрѣлъ всѣ совѣты и предостереженія греческихъ военачальниковъ — и двинулся изъ Сиріи чрезъ аманійскія врата (въ аманійскомъ хребтѣ, что нынѣ Алма-Дагъ, ущелье между Бейланомъ и Аинъ-Табомъ) въ Киликію. Найдя аманійскія врата незанятыми, онъ прошелъ чрезъ нихъ безпрепятственно, обратился на югъ къ Иссу, и прибывъ къ нему въ то самое время, когда Александръ шелъ къ Мириандру, овладѣлъ этимъ городомъ и предалъ найденныхъ въ немъ раненыхъ и больныхъ македонскаго войска и небольшой македонскій гарнизонъ — жестокой казни.

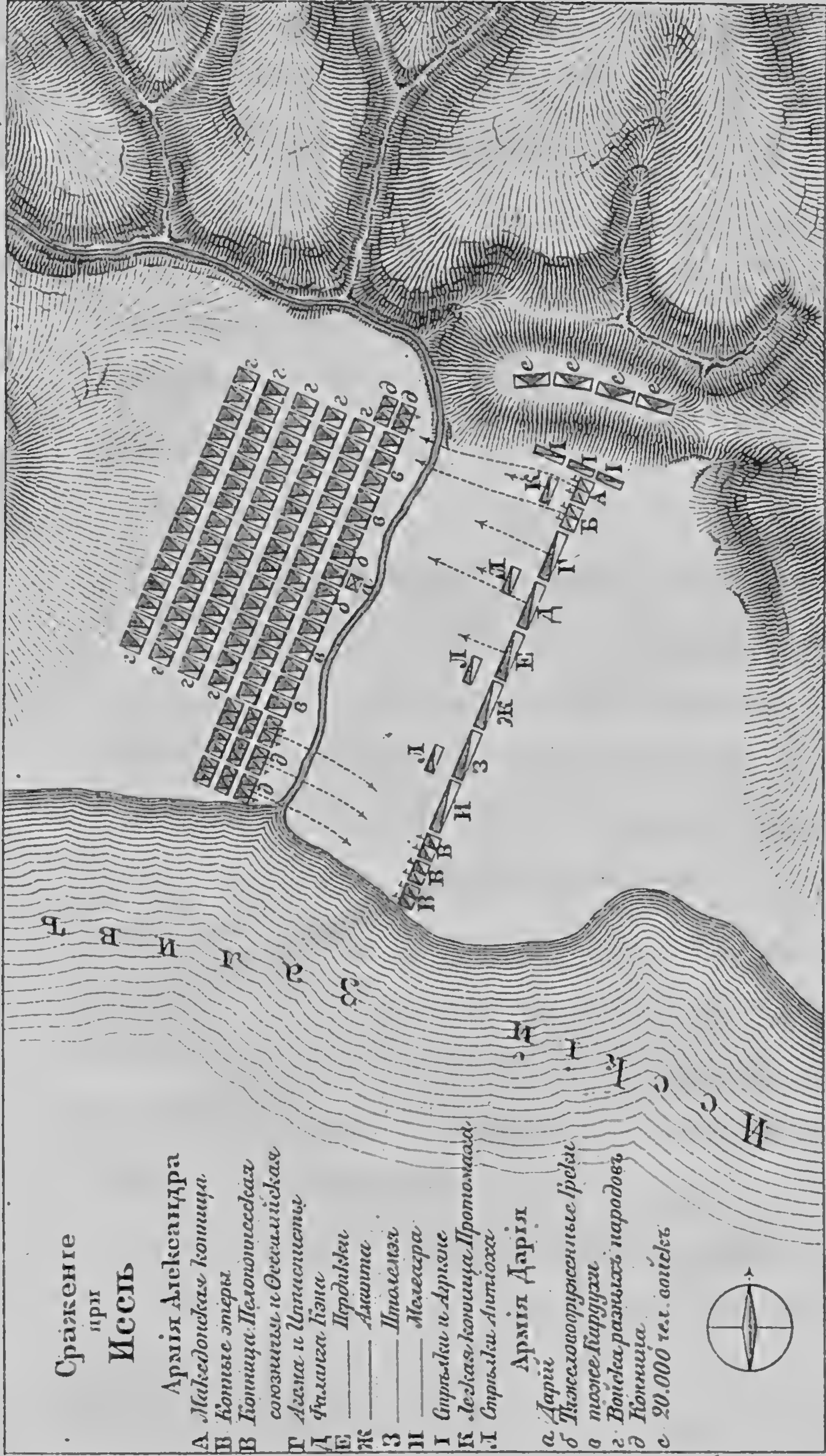
И такъ оба противныя войска, раздѣленные горами, внезапно очутились одно у другаго въ тылу, одно у другаго на сообщеніяхъ, такъ, что персидское уже было расположено тыломъ къ Греціи, а Александрово тыломъ къ Персіи! Странный случай и странное положеніе, происшедшіе отъ того, что Александръ, занявъ сирійскія врата, не занялъ аманійскихъ, неподалеку отъ нихъ лежавшихъ; — по крайней мѣрѣ ни Арріанъ, ни другіе историки о томъ не упоминаютъ. Преднамѣренности со стороны Александра оплошности въ этомъ видѣть нельзя; доказательствомъ тому служитъ удивленіе и невѣріе его при вѣсти, что Дарій въ Иссъ. Что Александръ пошелъ въ Сирію не чрезъ аманійскія врата, а чрезъ сирійскія, можно объяснить тѣмъ, что Дарій, по слухамъ, стоялъ станомъ ближе къ послѣднимъ, нежели къ первымъ, и притомъ сирійскія врата находились на главномъ, прямомъ пути дѣйствій Александра вдоль восточныхъ береговъ Средиземнаго моря. Но причина, почему ама-

нійскія врата не были заняты хотя небольшимъ наблюдательнымъ отрядомъ легкихъ войскъ, не инымъ чѣмъ можетъ быть объяснена, какъ малымъ развитіемъ и несовершеннымъ состояніемъ въ это время, какъ и вообще, болѣе или менѣе, въ древнія времена, полевой службы легкихъ войскъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, Александръ находился въ положеніи весьма трудномъ и въ случаѣ пораженія подвергался большой опасности. Но въ томъ именно, что устрашило бы обыкновеннаго или посредственнаго полководца, онъ видѣлъ лишь залогъ побѣды для себя и гибели для персовъ. И дѣйствительно, побѣда надъ Даріемъ, который съ многочисленнымъ своимъ войскомъ углубился въ горы, могла-ли быть для Александра хотя малѣйше сомнительною? А потому, если первымъ чувствомъ его было, какъ сказано, удивленіе, то непосредственно послѣдовавшими за нимъ были радость и твердая увѣренность въ побѣдѣ. И эту увѣренность онъ вполне умѣлъ сообщить и своему войску. Собравъ всѣхъ военачальниковъ его, онъ въ сильной, увлекательной рѣчи представилъ имъ всѣ выгоды собственнаго положенія, всѣ невыгоды положенія персовъ, обѣщавшія македонянамъ несомнѣнную побѣду, а побѣда — завоеваніе персидскаго государства, поставилъ имъ на видъ все превосходство македонскаго войска надъ персидскимъ и предшествовавшіе его успѣхи, и до такой степени воспламенилъ ихъ, что они радостно потребовали немедленно идти въ бой. Всѣ послѣдующія затѣмъ распоряженія Александра заслуживаютъ полнаго вниманія. Приказавъ войску сначала подкрѣпить свои силы пищею, онъ немедленно послалъ часть легкой пѣхоты и конницы впередъ для занятія сирійскихъ вратъ и наблюденія за персами, а въ полночь (въ ноябрѣ 333 года) послѣдовалъ за ними съ главными силами. Сдѣлавъ въ сирійскихъ вратахъ кратковременный привалъ, съ разсвѣтомъ онъ выступилъ на равнину. Стѣсненная между горами и моремъ, она была весьма узка и едва достаточна для построенія македонскаго и еще менѣе — персидскаго войска въ боевой порядокъ. Небольшая рѣчка Пинаръ, съ обрывистыми берегами, изливавшаяся изъ горъ въ море, пересѣкала ее подъ прямымъ угломъ: за нею находилось Даріево войско. Положивъ правымъ своимъ крыломъ произвести, со стороны горъ, нападеніе на лѣвое крыло

непріятеля въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, удерживая лѣвое свое крыло, близъ моря, на мѣстѣ, и такимъ образомъ отбросить персовъ отъ горъ и опрокинуть ихъ въ море, — Александръ, по выходѣ на равнину, развернулъ фалангу и поставилъ: на правомъ ея флангѣ — пѣшую агему, иппаспистовъ и на оконечности — этеровъ и конницу македонскую и ѳессалійскую, а на лѣвомъ — пѣхоту и на оконечности конницу пелопоннезскія и прочія вспомогательныя союзничьи. Въ этомъ порядкѣ онъ двинулся впередъ, ввѣривъ лѣвое крыло Пармениону, а начальствованіе надъ правымъ предоставивъ лично себѣ.

Усмотрѣвъ наступленіе его, Дарій выслалъ впередъ за Пинаръ до 30,000 челов. конницы и около 20,000 стрѣлковъ, и подъ прикрытіемъ ихъ построилъ за Пинаромъ: въ 1-й линіи — 30,000 челов. греческой наемной пѣхоты, — за ними, для поддержанія ихъ — 60,000 челов. тяжело-вооруженной кардухійской пѣхоты, — на лѣвомъ флангѣ грековъ, частію въ одну линію съ ними и частію подъ угломъ впередъ (*en potence*), на предгорныхъ высотахъ — 20,000 челов. пѣхоты, всѣ же остальные затѣмъ войска — во многихъ линіяхъ, тѣсно расположенныхъ одна за другою. Затѣмъ Дарій отозвалъ конницу и стрѣлковъ изъ-за Пинара назадъ и расположилъ наибольшую часть своей конницы на правомъ флангѣ у моря, гдѣ ей удобнѣе и выгоднѣе было дѣйствовать, а самъ въ колесницѣ, окруженный дворомъ и тѣлохранителями, сталъ въ срединѣ своего войска. И такъ многочисленное войско его, стѣсненное между горами и моремъ, имѣло фронтъ весьма узкій, а глубину непомерно большую и было совершенно лишено свободы въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Обозрѣвъ расположеніе персовъ, Александръ счелъ нужнымъ сдѣлать нижеслѣдующія дополнительные распоряженія: 1) ѳессалійскую конницу передвинулъ позади линіи съ праваго фланга на лѣвый, — 2) правую фланговую конницу прикрылъ съ фронта легкою пѣхотою и пѣоными, правое крыло фаланги стрѣлками, а все лѣвое крыло Пармениона критскими стрѣлками, ѳракіянами, легкою конницею и греческими наемниками; — 3) Даріевой пѣхотѣ, расположенной справа подъ угломъ на высотахъ, онъ противопоставилъ сначала агріянъ и небольшое число легкой конницы и стрѣлковъ; но оттѣснивъ ее на вершины горъ, онъ оставилъ

противъ нея у подошвы послѣднихъ, для наблюденія, только 300 челов. конницы; всѣ же остальные, тутъ находившіяся войска, вмѣстѣ съ греческими наемниками, расположилъ въ одной линіи съ правымъ крыломъ своего войска и тѣмъ далъ фронту этого крыла большее протяженіе, нежели то, которое имѣло противу-стоявшее лѣвое крыло персовъ.

Между тѣмъ македонское войско продолжало подвигаться впередъ (вѣроятно уступами съ праваго фланга, или же однимъ правымъ крыломъ, между тѣмъ какъ лѣвое стояло на мѣстѣ, а не захожденіемъ цѣлою линіею на лѣво, какъ полагаютъ нѣкоторые). Александръ велъ его медленно, въ избѣжаніе колебанія и разстройства фаланги. Но едва правое крыло приблизилось къ Пинару на полетъ стрѣлы, какъ Александръ, всѣ окружавшіе его и за ними вся правая фланговая конница устремились чрезъ Пинаръ противъ лѣваго Даріева крыла съ величайшею быстротою, для того, чтобы устрашить персовъ и скорѣе выйти изъ подъ дѣйствія метательнаго оружія и вступить въ рукопашный бой. При первомъ ударѣ, лѣвое Даріево крыло (пѣхота, стоявшая на лѣвомъ флангѣ греческой наемной) было опрокинуто и бѣжало. Голова (или правое крыло) македонской фаланги послѣдовала за конницею, но середина, при переходѣ чрезъ обрывистые берега Пинара, нѣсколько отдѣлилась отъ нее и притомъ разстроилась въ шеренгахъ и рядахъ. Даріевы наемные греки воспользовались тѣмъ и стремительно ударили на нее. Завязался упорнѣйшій рукопашный бой, въ которомъ македоняне и греки, какъ бы споря о первенствѣ, сражались съ остервененіемъ. Но Александръ, опрокинувъ и разсѣявъ лѣвое Даріево крыло, обратился влево и ударилъ Даріевымъ наемнымъ грекамъ во флангъ, разстроилъ ряды ихъ, произвелъ въ нихъ жестокое опустошеніе и наконецъ отбросилъ Даріевыхъ наемниковъ съ огромнымъ урономъ отъ Пинара. Дарій немедленно бѣжалъ лично назадъ въ горы. Между тѣмъ правая фланговая конница его въ самомъ началѣ сраженія устремилась чрезъ Пинаръ на находившуюся противъ нея ѳессалійскую конницу Парменионова крыла. Послѣдняя уклонилась отъ удара и отступила. Персидская конница преслѣдовала ее въ большомъ без-

порядкѣ; но- внезапно атакованная всею конницею Пармениона, послѣ упорнаго, кровопролитнаго коннаго боя, видя поражение лѣваго крыла и средины собственнаго войска и бѣгство Дарія, бѣжала также за Пинаръ и далѣе. Повсюду опрокинутыя и разбитыя, преслѣдуемыя и жестоко поражаемыя македонскою конницею, войска Даріевы разсѣялись въ горахъ, потерявъ, по свидѣтельству греческихъ историковъ, до 100.000 челов. убитыми, въ томъ числѣ до 10.000 человѣкъ конницы. Весь станъ ихъ, со всѣми находившимися въ немъ сокровищами, достался въ руки побѣдителей. Въ числѣ взятыхъ въ немъ плѣнниковъ были мать, супруга, сестра, сынъ и двѣ дочери Дарія, съ которыми Александръ поступилъ самымъ великодушнымъ образомъ. Потеря македонскаго войска не превышала, по свидѣтельству греческихъ историковъ, 4501 убитыхъ, въ числѣ которыхъ находились 120 изъ-шихъ военачальниковъ фаланги.— Самъ Александръ былъ довольно тяжело раненъ.

Разбитое персидское войско бѣжало разсѣянными толпами изъ Киликіи въ Каппадокію и Фригію, гдѣ большею частію было истреблено македонскими гарнизонами. Остатки греческихъ наемниковъ (12.000 чел.) спаслись въ Триполь, въ Сиріи, а оттуда моремъ на островъ Кипръ, въ Грецію и Египетъ. Самъ Дарій едва съ 4-мя тысячами воиновъ бѣжалъ въ Тапсакъ и за Евфратъ.

Такова была вторая большая битва Александра съ персами, въ которой превосходно соображенныя и разчитанныя распоряженія его и отличныя дѣйствія его войскъ были увѣнчаны полною, рѣшительнѣйшею побѣдою, имѣвшею еще большія значеніе и важность, нежели первая побѣда на Граникѣ. Въ ней уже не часть, а всѣ вооруженныя Даріемъ силы были сокрушены совершенно. Чтобы собрать новыя, столь же значительныя, потребно было много времени. Самъ Дарій спасался бѣгствомъ, почти безъ войска, персы были въ ужасѣ, подвластные имъ народы готовы немедленно возстать противъ нихъ и вмѣстѣ съ многочисленными внутренними врагами ихъ присоединиться къ счастливому побѣдителю. Такимъ образомъ путь въ среднюю Азію былъ совершенно открытъ Александру и появленіе его въ ней въ этихъ обстоятельствахъ неминусемо повлекло бы за со-

бою внутренний переворотъ въ персидскомъ государствѣ и облегчило, ускорило бы завоеваніе его. Слѣдственно, что, казалось бы, могло быть естественнѣе немедленнаго движенія Александра въ среднюю Азію, въ средоточіе персидскаго государства? Что ближе и скорѣе могло вести къ цѣли войны? Но вѣрный первоначальному, глубоко-соображенному, основательному предначертанію своему, Александръ не увлекся побѣдою, не пошелъ въ среднюю Азію, а продолжалъ движеніе вдоль восточныхъ береговъ средиземнаго моря. Онъ нимало не опасался оставлять въ тылу за собою такого противника, какъ Дарій, послѣ такого пораженія, какъ нанесенное ему при Иссъ, зная, что успѣетъ покорить и Сирію, и Финикію, и Палестину, и Египетъ еще прежде, нежели Дарій успѣетъ собрать новое, достаточно-сильное войско. Но идти въ среднюю Азію, доколѣ финикійскіе, палестинскіе и египетскіе берега и съ ними флотъ и господство на морѣ еще находились во власти персовъ, доколѣ собственные тылъ и сообщеніе съ Македонією и Грецією еще не были вполне обезпечены, Александръ считалъ слишкомъ отважнымъ, неосторожнымъ, неблагоразумнымъ. Эта осторожность дѣйствій его, эти твердость и постоянство его въ исполненіи первоначальнаго предначертанія войны заслуживаютъ особеннаго вниманія. Ничто не могло поколебать ихъ, даже выгодныя и заманчивыя предложенія Дарія, который вскорѣ послѣ битвы при Иссъ предлагалъ Александру миръ, союзъ, малую Азію до р. Галиса и уплату военныхъ издержекъ. Но Александръ отвергъ эти предложенія. Въ отвѣтъ своемъ Дарію, доказавъ законность войны, предпринятой имъ, какъ верховнымъ предводителемъ грековъ, въ отмщеніе за нашествія персовъ на Грецію, а какъ царемъ македонскимъ—за вражду ихъ къ отцу его, содѣйствіе врагамъ его и возбужденіе противъ него убійцы, объявивъ, что, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, Азія принадлежитъ ему, онъ требовалъ, чтобы Дарій явился къ нему, какъ къ законному ея властителю, увѣряя, что въ такомъ случаѣ можетъ отъ великодушія Александрова получить болѣе, нежели сколько ожидаетъ; еслиже хочетъ рѣшить споръ о господствѣ въ Азій оружіемъ, то не бѣжалъ бы болѣе: ибо Александръ всюду его настигнетъ.

§ 93.

3-й походъ въ Сирію и Египтъ (333-332.)

Положивъ идти въ Сирію и Египетъ, Александръ послалъ Парменіона съ частию войскъ къ Дамаску, для завладѣнія находившимися тамъ казною и сокровищами Дарія, а самъ съ главными силами двинулся отъ Исса чрезъ сирійскія врата вдоль морскаго берега къ югу. Парменіонъ исполнилъ данное ему порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ и безъ малѣйшаго сопротивленія, а Арадъ (нынѣ Тортоза), Сидонъ (нынѣ Саидъ) и всѣ города Сиріи до самаго Тира (нынѣ Сиръ) покорились Александру добровольно. Жители обширнаго, торговаго и богатаго Тира изъявили готовность соблюдать нейтралитетъ и обязывались не впускать персовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣли также впускать въ Тиръ ни македонянъ, ни грековъ. Раздраженный этимъ и убѣжденный въ необходимости обладанія Тиромъ для совершеннаго покоренія Финикіи, овладѣнія морскими ея силами и средствами, завоеванія острова Кипра и Египта, и господства на морѣ, признавая сверхъ того неблагоразумнымъ оставлять Тиръ, при движеніи въ Египетъ, въ тылу за собою, — Александръ положилъ осадить этотъ городъ, не смотря на то, что осада его представляла чрезвычайныя затрудненія. Тиръ лежалъ на острову въ 4 стадіяхъ (около 1¹/₂ версты) отъ берега и былъ весьма обширенъ и сильно укрѣпленъ. Однакоже между берегомъ и Тиромъ море въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было довольно мелко и Александръ, пользуясь этимъ, построилъ на этомъ пространствѣ деревянную плотину, для подвоза стѣнобитныхъ орудій. — Тиряне, сильнымъ дѣйствіемъ метательныхъ орудій и оружія, и множествомъ морскихъ судовъ, чрезвычайно затрудняли работы македонянъ, наносили послѣднимъ большой уронъ и, наконецъ, помощію зажигательнаго судна (брандера) успѣли сжечь плотину и стѣнобитныя орудія. Эта неудача нимало не поколебала Александра: онъ велѣлъ немедленно устраивать новую плотину, болѣе крѣпкую и прочную, и изготовить новыя стѣнобитныя орудія. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, плотина была

наконецъ построена и поставленная на ней орудія открыли сильное дѣйствіе противъ городск~~ихъ~~ стѣнъ. Въ тоже время къ Александру прибыло до 220 морскихъ судовъ изъ городовъ финикійскихъ, Кипра, Родоса и малой Азіи. Тириане оборонялись стольже искусно, сколько мужественно и упорно, и дѣлали тщетными всѣ усилія Александра къ овладѣнію Тиромъ посредствомъ правильной осады, доколѣ наконецъ не были разбиты на морѣ, вслѣдъ за чѣмъ Тиръ, послѣ 7-мѣсячной осады и 3-хъ-дневнаго, кровопролитнаго приступа, былъ взятъ (въ іюнѣ 332 г.) и разрушенъ, а изъ жителей его 8.000 чел. пали на приступѣ, 2.000 были казнены, 30.000 проданы въ рабство, а остальные успѣли бѣжать въ Кароагенъ. По свидѣтельству Арріана, македоняне въ продолженіе 7-мѣсячной осады Тира потеряли не болѣе 400 чел.

Между тѣмъ Дарій, имѣвшій въ эти 7 мѣсяцевъ довольно времени для сбора новаго войска и освобожденія Тира, вмѣсто того снова прибѣгнулъ къ переговорамъ, уступалъ Александру Азію уже до Евфрата и предлагалъ ему богатый выкупъ за плѣнное семейство свое, руку своей дочери и союзъ. Но отвѣтъ Александра на это былъ тотъ же, что и прежде, и Дарій, не видя надежды на примиреніе, снова началъ собирать войско.

Не обращая на это вниманія, Александръ, по взятіи Тира и покореніи всей Финикіи, двинулся берегомъ моря далѣе въ Палестину. Всѣ города въ ней, какъ приморскіе, такъ и внутренніе, въ томъ числѣ и Іерусалимъ, покорились ему безъ сопротивленія, исключая сильноукрѣпленной Газы, которую полководецъ Дарія, Бетисъ, рѣшился оборонять съ наемными аравійскими войсками. Послѣ 2-хъ-мѣсячной, трудной осады упорнообороняемой Газы, Александръ взялъ этотъ городъ приступомъ, сдѣлавъ изъ него военное складочное мѣсто и поставилъ въ него гарнизонъ. Изъ жителей же его, всѣ мужескаго пола погибли при осадѣ и на приступѣ, а женщины и дѣти были проданы въ рабство.

Покоривъ Финикію и Палестину, и имъ равномерно оставивъ внутреннее ихъ устройство и образъ правленія, Александръ отъ Газы двинулся берегомъ моря въ Египетъ, сопровождаемый флотомъ, нѣсколько судовъ котораго были посланы впередъ къ Пелу-

сію (близъ нынѣшняго Типеха). По 7-дневныхъ походѣ и плаваніи, войско и флотъ прибыли къ Пелусію. Предшествовавшіе успѣхи Александра, покореніе имъ Сиріи, Финикіи и Палестины, беззащитное состояніе Египта и ненависть жителей его къ персамъ, открывъ Александру свободный входъ въ него и въ богатую его столицу, Мемфисъ (на Нилѣ, нѣсколько выше нынѣшняго Каира), были причинами, что Александръ покорилъ Египетъ безъ всякихъ сопротивленія и труда. Заложивъ въ устьяхъ Нила городъ, названный по его имени Александріею и совершивъ путешествіе въ ливійскія степи къ храму Юпитера Аммона, Александръ возстановилъ древніе египетскіе: вѣру, законы и обычаи, устроилъ дѣла Египта, назначилъ номархами или правителями областей природныхъ египтянъ, а начальниками войскъ, оставленныхъ въ Египтѣ, и гарнизоновъ въ Мемфисѣ и Пелусіѣ—знатныхъ македонскихъ военачальниковъ, и затѣмъ весною 331 года возвратился въ Финикію къ Тиру.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (336 — 324).

II. ЗАВОЕВАНІЕ ВНУТРЕННИХЪ ОБЛАСТЕЙ ПЕРСИДСКАГО ГОСУДАРСТВА.—§ 94. 4-й походъ въ Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи, Сузіянь и Персіи (331). — Сраженіе при Арбелѣ. — Бой при вратахъ персидскихъ. — III. ЗАВОЕВАНІЕ СѢВЕРОВОСТОЧНЫХЪ ОБЛАСТЕЙ ПЕРСИДСКАГО ГОСУДАРСТВА.— § 95. 5-й походъ въ Мидіи, Парѣи, Гирканіи, Аріянь, Бактріянь и Согдіянь (330). — § 96. 6-й походъ въ Согдіянь (329). — § 97. 7-й и 8-й походы въ Согдіянь и Бактріянь (328 — 327).

II.

Завоеваніе внутреннихъ областей персидскаго государства.

§ 94.

4-й походъ въ Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи, Сузіянь и Персіи (331).—Сраженіе при Арбелѣ.—Бой при вратахъ персидскихъ.

Годъ и 3 мѣсяца (отъ битвы при Иссъ въ ноябрѣ 333 года до возвращенія въ Финикію весною 331 года), употребленные на покореніе Сиріи, Финикіи, Палестины, Египта и преимущественно Тира и Газы, Александръ оставлялъ Дарія безъ малѣйшаго вниманія. Но когда покореніе восточныхъ береговъ средиземнаго моря было вполнѣ совершено и обезпечено, и уже настало время приступить къ завоеванію внутреннихъ областей персидскаго государ-

ства, тогда Александръ, какъ ни мало уважалъ Дарія и персовъ, однакоже явилъ замѣчательную осторожность. Шестъ мѣсяцевъ оставался онъ, по возвращеніи изъ Египта, въ Финикіи и употребилъ это время на окончательное устройство дѣлъ и утвержденіе свое въ покоренныхъ областяхъ, прочнѣйшее обезпеченіе тыла и сообщеній своихъ, усиленіе своего войска подкрѣпленіями изъ Македоніи и Греціи, и принятіе всѣхъ необходимыхъ для успѣха предстоявшаго предпріятія мѣръ. Такимъ образомъ, онъ лучше хотѣлъ нѣсколько долѣе остаться въ Финикіи и потомъ однимъ быстрымъ, рѣшительнымъ ударомъ, въ нѣсколько дней или недѣль дѣйствій вознаградить многіе мѣсяцы военного бездѣйствія, нежели дѣйствовать на удачу и поспѣшностью въ самое рѣшительное мгновеніе войны предоставить все случаю. Такого-то рода сочетаніе, въ его дѣйствіяхъ, дѣятельности и медленія, рѣшительности и осторожности, всегда сообразное съ обстоятельствами, и составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ въ искусствѣ веденія имъ войны.

Наконецъ, въ исходѣ августа или началѣ сентября 331 года, опъ двинулся отъ Тира къ Тапсаку на Евфратѣ (нынѣ Эль-Деръ, къ в. отъ Керкисіа, въ Аль-Джезирѣ, въ азіатской Турціи), съ войскомъ, состоявшимъ болѣе, нежели изъ 40.000 человекъ пѣхоты и 7-ми тысячъ человекъ конницы.

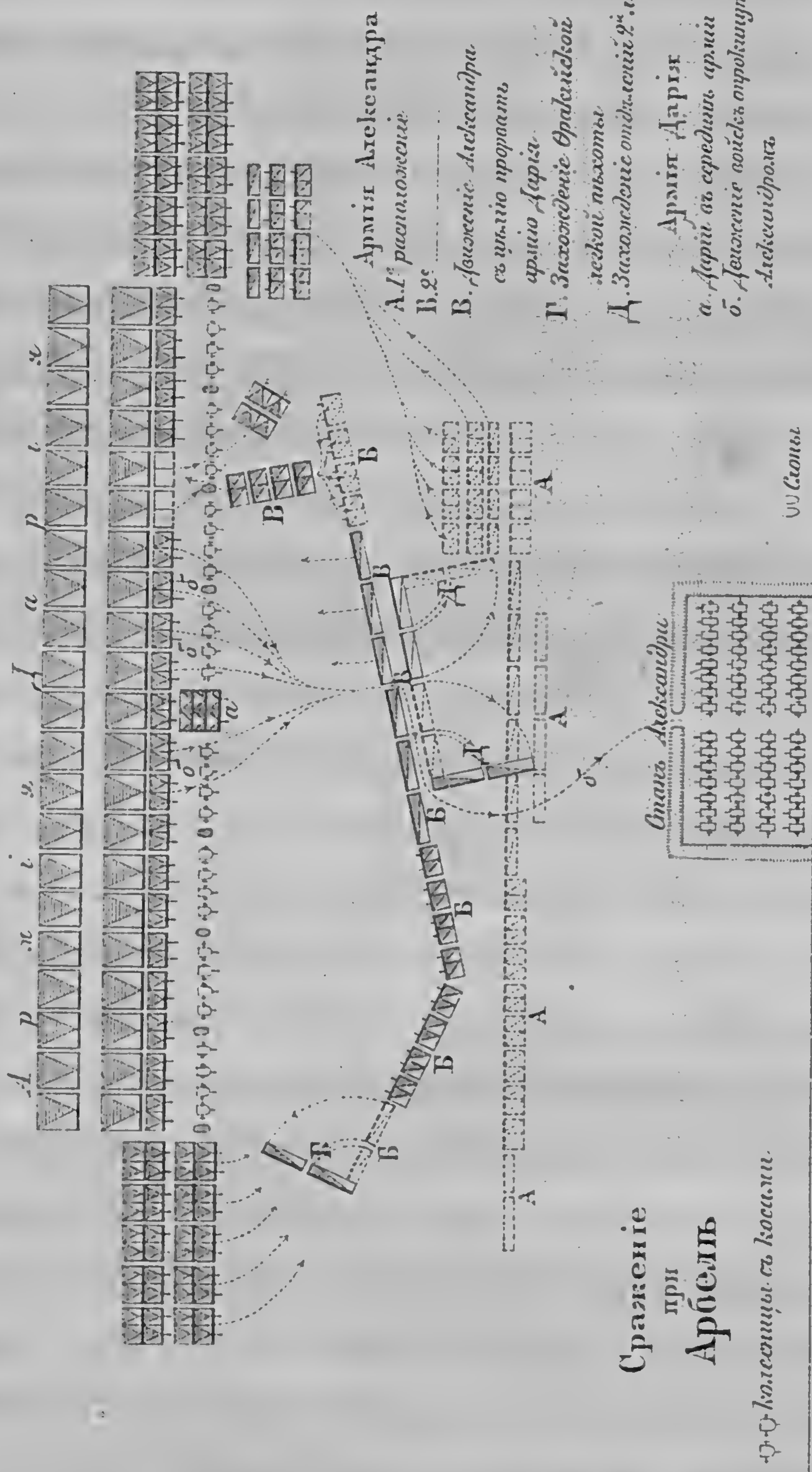
Между тѣмъ Дарій, еще обладавшій значительною частию своего государства и въ ней большими военными силами и средствами, успѣлъ собрать при Вавилонѣ новыя, многочисленнѣйшія полчища. Сила ихъ показана у греческихъ лѣтописцевъ весьма различно. По инымъ она простиралась до 400.000 человекъ пѣхоты и 40.000 человекъ конницы, по другимъ до 600.000 человекъ пѣхоты и 145.000 человекъ конницы, — по нѣкоторымъ до 800.000 человекъ пѣхоты и 200.000 человекъ конницы, а по Арріану даже до милліона человекъ пѣхоты съ 40.000 человекъ конницы. Всѣ эти исчисленія не заслуживаютъ большаго вѣроятія: во всякомъ случаѣ достовѣрно однакоже то, что войско, собранное Даріемъ послѣ битвы при Иссъ, значительно превосходило числомъ собранное имъ передъ нею и было составлено изъ народовъ и племенъ,

болѣе воинственныхъ и мужественныхъ. При войскѣ находилось 200 военныхъ колесницъ и 15 слоновъ. Что касается употребленія этого войска, то одни изъ Даріевыхъ совѣтниковъ предлагали ему очистить и разорить всѣ страны до Евфрата и Тигра, другіе — не отваживаться на рѣшительную битву, а противудѣйствовать осторожными медленіемъ и выжиданіемъ. Но Дарій не принялъ ни того, ни другаго способа обороны, а рѣшился защищать частію силъ — переправу чрезъ Евфратъ въ Тапсакъ, съ главными же силами — трудный, по его мнѣнію, переходъ чрезъ средній Тигръ. Вслѣдствіе этого, въ то самое время, когда Александръ шелъ отъ Тира къ Тапсаку, къ послѣднему посланъ былъ персидскій полководецъ Мазей съ 3-мя тысячами человѣкъ конницы и 2-мя тысячами человѣкъ греческой наемной пѣхоты, а самъ Дарій съ главными силами расположился на лѣвой сторонѣ средняго Тигра, близъ селенія Гавгамелы, лежавшаго къ з. отъ ассирійскаго города Арбелы (нынѣ Эрбиль, а Гавгамелы между Эрбилемъ и Моссуломъ, въ Курдистанѣ, въ азіатской Турціи).

Но по приближеніи Александра къ Тапсаку, Мазей и его войска безъ боя бѣжали къ Тигру. Перейдя въ Тапсакъ по двумъ, построеннымъ македонскими войсками, мостамъ чрезъ Евфратъ, и еще предполагая, что Дарій и его войско находятся при Вавилонѣ, Александръ двинулся къ сему послѣднему, но не по прямому и кратчайшему направленію отъ Тапсака, а на с. в. къ Тигру, путемъ хотя и болѣе дальнимъ, но за то и несравненно болѣе удобнымъ для движенія войскъ, обильнымъ продовольственными для людей и лошадей способами, и притомъ страною, въ которой жары были сноснѣе. Эта черта столько же свидѣтельствуешь о заботливости и попечительности Александра о его войскахъ, сколько и о твердой увѣренности его въ себѣ, въ свое счастіе и въ успѣхъ. Свѣдавъ на походѣ отъ взятыхъ плѣнниковъ, что Дарій съ многочисленнымъ войскомъ находится на лѣвой сторонѣ Тигра, онъ ускорилъ движеніе свое къ этой рѣкѣ въ преждепринятомъ направленіи. Прибывъ на правый берегъ ея, насупротивъ кардухійскихъ горъ (выше Моссула), и не видя на другомъ берегу персидскихъ войскъ, онъ безпрепятственно и безъ большаго труда

переправился чрезъ Тигръ и двинулся внизъ по лѣвому его берегу. На четвертыя сутки встрѣчены были небольшіе персидскіе отряды, которые немедленно бѣжали. Отъ взятыхъ у нихъ плѣнниковъ Александръ узналъ наконецъ, что Дарій расположенъ при Гавгамелѣ, въ разстояніи не болѣе перехода отъ македонскаго войска. Александръ продолжалъ идти далѣе: но твердая рѣшимость его вступить съ Даріемъ въ битву, долженствовавшую окончательно рѣшить, кому изъ нихъ двухъ владѣть Азіею, была соединена съ величайшею осторожностью. Во-первыхъ, приблизясь къ Гавгамелѣ; онъ остановился, расположилъ войско въ укрѣпленномъ станѣ, далъ ему четырехъ-дневный отдыхъ и соблюдалъ всевозможныя военныя предосторожности. Затѣмъ на пятыя сутки (1-го октября 331 года), рано утромъ, оставивъ въ станѣ всѣ обозы и тяжести, и всѣхъ несражавшихся или нестроевыхъ людей, онъ двинулся впередъ на-легкѣ и въ боевомъ порядкѣ. И наконецъ, приблизясь къ персамъ, которые также построились въ боевой порядокъ, онъ послѣдовалъ совѣту Парменіона и отложилъ нападеніе до слѣдующаго дня, а на этотъ день ограничился тщательнымъ обзрѣніемъ мѣстности и расположенія персовъ.

Персидское войско, остававшееся въ продолженіе этого и предшествовавшихъ дней въ бездѣйствіи, было расположено на обширной и открытой равнинѣ, находившейся къ сѣверу отъ Гавгамелы и ограниченной съ запада цѣпью небольшихъ высотъ. На лѣвомъ крылѣ, его отъ фланга къ центру, были расположены бактріане, даги, арахоты, персы, сузіане и кадузіане, пѣшіе и конные, имѣя впереди себя бактрійскую и скиѣскую конницу, прикрытую 100 военными колесницами. Въ срединѣ войска находился самъ Дарій, окруженный дворомъ и имѣя впереди себя 50 военныхъ колесницъ, 15 слоновъ и расположенныхъ за ними мардскихъ стрѣлковъ. По обѣ стороны Дарія и его двора, въ линіи боеваго порядка, стояли индійцы, карійцы, 15.000 безсмертныхъ и 20.000 человѣкъ греческой наемной пѣхоты. На правомъ крылѣ, отъ центра къ флангу, стояли: сакесиняне, албанцы, гирканцы, тспиріане, саки, парѣяне, мидяне, мессопотамляне и келесиріане. Впереди праваго крыла была расположена арменская и каппадо-

кійская конница, прикрытая 50-ю военными колесницами. Наконецъ позади, во 2-й линіи, находились уксійскія, вавилонскія, аравійскія и многія другія ополченія. Какъ пѣхота, такъ и конница, были построены въ большія, сомкнутыя и глубокія массы. Въ этомъ расположеніи персы, ожидая дневнаго, а потомъ ночнаго нападенія, провели весь день 1-го и всю ночь на 2-ое октября подъ оружіемъ, что чрезвычайно утомило и людей, и лошадей.

Обозрѣвъ мѣстность и расположеніе персовъ, Александръ кратко, но сильною рѣчью одушевилъ военачальниковъ, и полный надежды на ихъ мужество и храбрость, приказалъ войску подкрѣпить силы свои пищею и затѣмъ отдыхать въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ оно передъ тѣмъ слѣдовало. Парменіонъ предложилъ произвести на персовъ внезапное ночное нападеніе, но Александръ не согласился на это, какъ потому, что считалъ такого рода нападеніе недостойнымъ себя и своего войска, такъ и потому, что персы, опасаясь ночнаго нападенія, приняли противъ него свои мѣры. Ночью Александръ заснулъ столь крѣпкимъ сномъ, что на разсвѣтѣ съ трудомъ могъ быть пробужденъ Парменіономъ—обстоятельство, доказывающее совершенное спокойствіе духа съ его стороны, его рѣшимость и увѣренность въ побѣдѣ. Еще наканунѣ, по обозрѣніи мѣстности и расположенія персидскаго войска, онъ положилъ напасть на лѣвое крыло персовъ правымъ своимъ крыломъ, усиленнымъ отборнѣйшими войсками, въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, удерживая лѣвое крыло, наиболѣе подвергавшееся обходу, на мѣстѣ. Этотъ планъ атаки, безъ сомнѣнія, былъ основанъ на томъ, что къ з. или влѣво отъ персидскаго войска лежали упомянутыя выше небольшія высоты, и слѣдовательно обезпечивавшія правое македонское крыло отъ обхода и нападенія во флангъ и въ тылъ. Лѣвое же македонское крыло ничѣмъ отъ этого обезпечено не было, ибо находилось среди совершенно открытой равнины. Вслѣдствіе того, 2-го октября на разсвѣтѣ Александръ и построилъ армію свою нижеслѣдующимъ образомъ:

На правомъ крылѣ онъ поставилъ, подъ главнымъ начальствомъ Филота, 8 иловъ этеровъ, изъ коихъ 1-й или царскій

находился впереди прочихъ; на правомъ флангѣ этеровъ — македонскихъ стрѣлковъ и половину агріянъ, поддерживаемыхъ греческими наемными дружинами; — впереди агріянъ и македонскихъ стрѣлковъ — легкую конницу и пэонянъ, а еще далѣе впереди — иностранную конницу, которой приказалъ взять персовъ во флангъ въ случаѣ, еслибы они захотѣли охватить ее. Съ фронта онъ прикрылъ правое крыло остальными агріянами, стрѣлками и пращниками. Начальство надъ всѣмъ правымъ крыломъ онъ предоставилъ лично себѣ.

Въ серединѣ онъ расположилъ македонскую фалангу, состоявшую изъ 16.400 оплитовъ и раздѣленную на 8 мелархій. На правомъ флангѣ ея находились пѣшая агема и иппасписты.

На лѣвомъ крылѣ, нѣсколько загнутомъ назадъ, онъ поставилъ вспомогательную союзничью пѣхоту подъ начальствомъ Кратера, а на флангѣ — союзную греческую и ессалійскую конницу, подъ начальствомъ Парменіона. Съ фронта и фланга онъ прикрылъ это крыло конницею: греческою наемною, еракійскою, вспомогательною и одризскою. Главное начальство надъ лѣвымъ крыломъ онъ поручилъ Парменіону.

Такова была 1-я боевая линія Александрова войска. Во 2-й, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ 1-й, Александръ расположилъ 8.200 пелтастовъ, раздѣленныхъ на 8 систремъ, приказавъ начальникамъ ихъ обратиться фронтомъ назадъ въ случаѣ, еслибы персы охватили войско и напали на него съ тыла, а также, въ случаѣ надобности — разомкнуть или сомкнуть строй свой.

Еракійская пѣхота была оставлена въ станѣ, для охраненія его.

Всего въ войскѣ Александра было 40.000 человѣкъ пѣхоты и 7.000 человѣкъ конницы, изъ коихъ: 16.400 оплитовъ, 8.200 пелтастовъ и 4.100 человѣкъ тяжелой конницы, а остальные 18.300 состояли частью изъ тяжелой пѣхоты, большею же частью изъ легкихъ пѣхоты и конницы.

Построивъ войско, Александръ двинулся впередъ и, сблизясь съ непріателемъ, приказалъ обѣимъ своимъ линіямъ двинуться вправо, имѣя въ виду, чтобы македонское правое крыло поравня-

лось съ лѣвымъ непріятельскимъ: ибо дотолѣ этеры, которыхъ онъ лично велъ, находились насупротивъ Дарія и середины его войска.

Усмотрѣвъ движеніе македонскаго войска вправо и опасаясь, чтобы македоняне не заняли высотъ, Дарій сначала продолжилъ лѣвое свое крыло влѣво, а потомъ приказалъ бактрійской и скиѣской конницѣ напасть на правый флангъ македонянъ, дабы удержать дальнѣйшее движеніе ихъ вправо. Но Александръ послалъ противъ нея съ фронта и во флангъ иностранную конницу праваго своего крыла, поддержанную стрѣлками. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, бактрійская и скиѣская конница была приведена въ разстройство и персы устремили противъ Александра военныя колесницы свои, вооруженныя косами. Но отъ сильной стрѣльбы македонскихъ стрѣлковъ потерявъ многихъ возничихъ и лошадей убитыми и ранеными, колесницы не причинили почти никакого вреда македонянамъ и болѣею частію были взяты ими. Тогда Дарій двинулъ все свое войско. Александръ, приказавъ легкой конницѣ своего праваго крыла ударить на Даріеву лѣвую фланговую конницу, угрожавшую охватить это крыло, построилъ этеровъ и македонскую фалангу (по Арріану) клиномъ и лично произвелъ съ ними стремительное нападеніе на середину Даріева войска. Бой продолжался недолго: тѣснимыя со всѣхъ сторонъ, прорванныя македонскою фалангою, войска персидскаго центра вскорѣ были совершенно опрокинуты. Дарій обратился въ бѣгство первый, а за нимъ послѣдовала и вся середина его войска, исключая греческой наемной пѣхоты, которая защищалась упорно и почти вся легла на мѣстѣ. Подобнымъ образомъ и лѣвая фланговая конница Даріева была съ огромнымъ урономъ опрокинута и разсѣяна легкою конницею праваго крыла Александра.

Между тѣмъ часть индійской и персидской конницы воспользо- валась промежуткомъ, образовавшимся, при нападеніи Александра на центръ персовъ, между серединою и лѣвымъ крыломъ македонскаго войска, — бросилась въ этотъ промежутокъ, проникла до македонскаго стана, напала на безоружную еракійскую пѣхоту совершенно неожиданно и вмѣстѣ съ находившимися въ станѣ и присо-

единившимися къ ней персидскими плѣнниками истребила большое число этой пѣхоты и начала грабить станъ. Но 2-я линія македонскаго войска (пелтасты) обратилась фронтомъ назадъ, напала на непріятельскую конницу съ тыла, и часть оной истребила, а остальную прогнала.

Въ то же самое время правое крыло Дарія охватило лѣвое крыло Александрово и напало на Парменіона во флангъ. Парменіонъ, увѣдомивъ Александра объ опасности, въ которой находился, просилъ у него помощи. Александръ, преслѣдовавшій разбитое лѣвое крыло и центръ персовъ, немедленно и быстро обратился съ этерами противъ праваго непріятельскаго крыла, но на половинѣ пути встрѣтилъ прогнанную изъ македонскаго стана индійскую и персидскую конницу. Чтобы пробиться, она напала на него одною, плотно-сомкнутою массою и сражалась съ отчаянною храбростью. Отъ того ударъ и бой были жестоки: 60 этеровъ были убиты, многіе ранены, но Александръ сломилъ наконецъ непріятельскую конницу и почти всю ее положилъ на мѣстѣ;—спаслись только немногіе, успѣвшіе пробиться. Затѣмъ, прибывъ къ лѣвому своему крылу, Александръ нашелъ, что персы, благодаря храбрости вессалійской конницы, уже были отражены. Конница эта, при содѣйствіи стрѣлковъ, напала съ фронта и фланга на правое крыло персовъ и тѣмъ удержала его, и вскорѣ, свѣдавъ о пораженіи и бѣгствѣ Дарія, оно также бѣжало.

Такимъ образомъ персы, имѣя на своей сторонѣ превосходство въ силахъ, почти охватили македонское войско съ обоихъ фланговъ. Но македоняне не только отразили фланговые ихъ нападенія, но и сами разбили центръ и оба крыла ихъ.

Разбитое персидское войско бѣжало за находившуюся въ тылу его рѣчку Ликъ (нынѣ Зарбъ) и черезъ Арбелу. Александръ и Парменіонъ, каждый съ своимъ крыломъ, преслѣдовали персовъ до Лика. При этомъ Парменіонъ завладѣлъ станомъ, всѣми тяжестями, слонами и верблюдами персовъ. Перейдя черезъ Ликъ, Александръ къ вечеру расположилъ войско на другомъ берегу станомъ, для отдохновенія, а въ полночь продолжалъ преслѣдованіе и на другой день овладѣлъ Арбелою и въ ней сокровищами и оружіемъ Дарія.

По свидѣтельствѣ греческихъ историковъ, потеря персовъ въ

гавгамельской битвѣ (болѣе извѣстной подъ названіемъ арбельской) простиралась, по инымъ, до 40,000, а по другимъ—до 100,000 и даже до 300,000 челов.,— потеря же македонянъ — по инымъ до 500, а по другимъ только до 100 челов. и около 1,000 лошадей. Эти показанія весьма сомнительны;— достоверно однакоже то, что вообще со стороны персовъ уронъ былъ весьма значительный, а со стороны македонянъ—маловажный.

Такова была третья большая битва Александра съ персами,— которая, по искусству его распоряженій, отличнымъ дѣйствіямъ его войска, рѣшительности и важности одержанной въ ней побѣды и ея послѣдствій стоитъ еще выше двухъ предшествовавшихъ битвъ на Граникѣ и при Иссъ. Разсматривая ихъ въ совокупности, можно сказать, что онѣ составляютъ какъ бы три отдѣльныя, но тѣсно-связанныя между собою части одного стройнаго цѣлаго, три послѣдовательныя, въ борьбѣ Азіи съ Европою, развязки, важность и значеніе которыхъ возвышались постепенно болѣе и болѣе.

Предполагая, что Александръ, одержавъ побѣду, пойдетъ къ Вавилону и Сузѣ (въ окрестностяхъ нынѣшняго Шушдѣра или Шустѣра, въ персидскомъ Хузистанѣ), путь къ которымъ представлялъ болѣе удобствъ для движенія и продовольствованія македонскаго войска, нежели путь въ Мидію, Дарій бѣжалъ въ Экбатану (въ окрестностяхъ нынѣшняго Гамадана, въ персидской области Иракъ-Аджеми), сопровождаемый небольшимъ числомъ своихъ войскъ, остальная часть которыхъ разсѣялась по всѣмъ направленіямъ. Александръ дѣйствительно не преслѣдовалъ его далѣе Арбелы, но двинулся прямо къ Вавилону, а оттуда къ Сузѣ. Оба эти города покорились ему добровольно. Давъ войску въ обоихъ кратковременный отдыхъ, устроивъ управленіе Арменіи, Мессопотаміи, Ассирии, Вавилоніи и Сузіяны (нынѣшнихъ турецкихъ: Арменіи, Курдистана, Аль-Джезирѣ и Иракъ-Араби, и персидскаго Хузистана) и усилясь подкрѣпленіями, прибывшими изъ Македоніи и Греціи въ числѣ около 10,000 челов., и вспомогательными войсками многихъ, добровольно покорившихся ему персидскихъ владѣтелей и вельможъ, и подвластныхъ персамъ племенъ, — Александръ двинулся чрезъ земли уксіянъ въ собственную Персію къ Персеполю (въ окрест-

ностяхъ и къ с. в. отъ нынѣшняго Шираза, въ персидской области Фарсиستانѣ). Тѣ изъ уксіянъ, которые обитали на равнинахъ, покорились ему; жившіе же въ горахъ хотѣли преградить ему путь въ своихъ ущельяхъ. Но Александръ быстрымъ ночнымъ движеніемъ съ отборными войсками, по едва-проходимымъ горнымъ путямъ, предупредилъ, окружилъ и разбилъ уксіянъ въ ихъ ущельяхъ, нанесъ имъ большой уронъ, взялъ у нихъ значительную добычу и принудилъ ихъ покориться. Затѣмъ онъ послалъ Парменіона съ обозами, ѳессалійскою, союзничьею и иностранною конницею и съ тяжело-вооруженными войсками въ Персію равнинами между горами и моремъ; — самъ же съ македонскою пѣхотою, этерами, легкою конницею, агріянами и стрѣлками быстро двинулся чрезъ горы къ персидскимъ вратамъ — горному проходу изъ Сузіяны въ Персію (въ бахтіярскомъ горномъ хребтѣ, между нынѣшними Шушдѣромъ и Ширазомъ). Здѣсь его ожидалъ персидскій сатрапъ Аріобарзанъ съ 40,000 чел. пѣхоты и 700 чел. конницы, заградивъ входъ въ ущелье каменнымъ валомъ.

Хотя Арріанъ не объясняетъ причины, почему Александръ раздѣлилъ свое войско и лично пошелъ къ занятому персами ущелью, тогда какъ могъ обойти оное большою дорогою, но вѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ это во 1-хъ для того, чтобы не оставлять персовъ въ тылу за собою, во 2-хъ для того, чтобы рѣшительнымъ пораженіемъ Аріобарзана на такой мѣстности, гдѣ онъ считалъ себя непобѣдимымъ, тѣмъ сильнѣйшее произвести нравственное впечатлѣніе на персовъ и облегчить, ускорить покореніе родной страны ихъ Персіи и священныхъ для нихъ мѣстъ, Персеполя и Пасаргады, — и наконецъ въ 3-хъ по страсти своей къ преодолѣнію препятствій, затрудненій и опасностей.

Прибывъ къ персидскимъ вратамъ, онъ расположился станомъ у подошвы горъ и на слѣдующее утро произвелъ нападеніе на укрѣпленное ущелье. Подступы къ нему были такъ трудны и персы производили изъ него такую сильную стрѣльбу изъ луковъ и метательныхъ орудій, что Александръ былъ принужденъ прекратить нападеніе. Узнавъ отъ плѣнниковъ, что ущелье можно было обойти, хотя и весьма труднымъ путемъ, слѣва чрезъ горы, онъ оставилъ

Кратера съ начальствуемыми имъ и Мелеагромъ войсками, нѣсколькими стрѣлками и 500 чел. конницы противъ ущелья, съ приказаніемъ напасть на него, какъ скоро услышитъ условный знакъ, поданный Александромъ, по другую сторону ущелья, на трубахъ. Самъ же Александръ съ иппаспистами, войсками Пердикки, лучшими стрѣлками, первымъ (царскимъ) иломъ этеровъ и частию конницы ночью двинулся въ обходъ чрезъ горы. Амицъ, Филоть и Кэнъ повели остальную часть войска чрезъ равнины и получили приказаніе построить мостъ на рѣкѣ, преграждавшей входъ въ Персію. Пройдя около 100 стадій (17½ верстъ), не смотря на весьма трудную мѣстность, съ чрезвычайною быстротою, бѣольшую часть времени бѣгомъ, Александръ еще до разсвѣта встрѣтилъ и истребилъ сначала одну; а потомъ другую передовую, охранную стражу персовъ;—третья, по приближеніи его, бѣжала не къ войску своему, а на вершины горъ. Такимъ образомъ Александръ на разсвѣтѣ совершенно неожиданно явился въ тылу Аріобарзана, отрядилъ Птолемея съ 3,000 чел. пѣхоты для овладѣнія станомъ персовъ, находившимся влѣвѣ отъ него близъ ущелья, а самъ, построивъ войска въ боевой порядокъ и подавъ условный знакъ на трубахъ, стремительно напалъ на правое крыло выступившаго къ нему на встрѣчу Аріобарзана и взялъ оное во флангъ. Въ то же самое время Кратеръ взялъ ущелье съ противоположной стороны приступомъ и напалъ на лѣвое крыло Аріобарзана съ тыла и во флангъ, а Птолемей овладѣлъ станомъ персовъ. Атакованные съ фронта и тыла, охваченные съ обѣихъ фланговъ и отрѣзанные отъ своего стана, персы были опрокинуты, разбиты и большею частию истреблены, либо, спасаясь бѣгствомъ, погибли въ пропастяхъ. Самъ Аріобарзанъ ускакалъ въ горы.

Одержавъ такимъ образомъ, помощію превосходныхъ распоряженій своихъ, рѣшительный и блистательный успѣхъ, Александръ снова соединился съ главными силами своего войска, перешелъ по построенному уже ими мосту черезъ рѣку и двинулся къ Персеполю усиленными переходами, дабы предупредить расхищеніе царскихъ сокровищъ. На 11-я сутки по выходѣ изъ Вавилона (въ послѣднихъ числахъ октября или первыхъ ноября 333 года) онъ

торжественно вступилъ въ Персеполь, посильшиишій покориться ему, завладѣлъ въ немъ всѣми царскими сокровищами, устроилъ управление Персіи и, въ отмщеніе за разрушеніе Аѳинъ, сожженіе храмовъ и разореніе Греціи персами при Даріѣ и Ксерксѣ, сжегъ въ Персеполѣ царскіе чертоги, — поступокъ невеликодушный, неблагоприятный и недостойный Александра.

Итакъ, послѣ 6-ти мѣсячныхъ: пребыванія въ Финикіи и мудраго, осторожнаго медленія, Александръ послѣдующими: быстротою и искусствомъ своихъ дѣйствій, и рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ Дарію при Арбелѣ, не болѣе, какъ въ два мѣсяца времени, совершилъ покореніе внутреннихъ областей и трехъ столицъ или самаго средоточія персидскаго государства, успѣвъ еще въ теченіе того же времени покорить уксіанскихъ горцевъ и разбить Аріобарзана.

III.

Завоеваніе сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства.

§ 95.

3-й походъ въ Мидіи, Парѣи, Гирканіи, Аріанѣ, Бактріанѣ и Согдіанѣ (330 г.).

Съ вступленіемъ Александра въ Персеполь, цѣль войны съ персами была уже вполнину достигнута. Наибольшая часть персидскаго государства была въ его власти и непокоренными оставались только однѣ восточныя области. Но обширныя завоеванія, совершенныя Александромъ, необходимо требовали твердаго упроченія ихъ, а войско, посредствомъ котораго они свершены были — отдыха, пополненія, усиленія и устройства послѣ 4-хъ лѣтней трудной войны, и надлежащаго изготовленія къ дальнѣйшему ея продолженію. Дарій, жалкій бѣглець, безъ власти и почти безъ войска и приверженцевъ, царь персидскій только по имени, не

возбуждалъ ни малѣйшаго опасенія, а походъ въ сѣверовосточныхъ, чрезвычайно гористыхъ областяхъ персидскаго государства, въ зимнее время былъ труденъ и опасенъ. А потому Александръ и провелъ въ Персеполѣ 4 мѣсяца (ноябрь и декабрь 331-го, январь и февраль 330-го годовъ), употребивъ ихъ на устройство внутреннихъ дѣлъ и управленія завоеванныхъ областей, покореніе въ нихъ нѣкоторыхъ, еще непокоренныхъ племенъ, и на усиленіе и устройство своего войска. Весною же (въ мартѣ) 330-го года, оставивъ въ Персеполѣ тяжести и обозы, онъ двинулся въ Мидію (нынѣшнюю персидскую область Иракъ-Аджеми) противъ Дарія, уже не съ тѣмъ, чтобы разбить его въ новой битвѣ, но чтобы захватить его въ плѣнъ, низложить съ престола, провозгласить себя его преемникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покорить Мидію, Парею и Гирканію. Онъ шелъ съ такою быстротою, что уже на 15-я сутки былъ въ Экбатанѣ, находившейся въ разстояніи около 4.000 стадій (700 верстъ) отъ Персеполя, пройдя, такимъ образомъ, среднимъ числомъ по 46-ти верстъ слишкомъ въ сутки и успѣвъ еще на пути покорить племя паретакеновъ. Но Дарія уже не было въ Экбатанѣ. Оставаясь въ ней постоянно со времени битвы при Арбелѣ, съ небольшимъ числомъ собравшихся около него войскъ (до 6.000 человекъ пѣхоты и 3.000 человекъ конницы), онъ положилъ ждать въ Мидіи какого-либо благопріятнаго для себя переворота обстоятельствъ, въ случаѣ, если-бы Александръ остался въ Вавилонѣ или Сузѣ, — въ случаѣ же преслѣдованія его Александромъ — продолжать бѣгство свое далѣе на сѣверовостокъ чрезъ Парею и Аріану въ Бактріану (чрезъ нынѣшній персидскій Хорасанъ въ сѣверный Кабулъ и южный Туркестанъ), опустошивъ край на пути. Съ этою цѣлію онъ заблаговременно отправилъ къ каспійскимъ вратамъ (проходу въ горахъ между Мидіею и Пареіею, нынѣ Хаварское ущелье нѣсколько къ в. отъ Тегерана) всѣ обозы и драгоцѣнности свои; — при вѣсти же о движеніи Александра къ Экбатанѣ, и самъ съ войсками бѣжалъ къ каспійскимъ вратамъ и далѣе въ Парею и Аріану. Александръ оставался въ Экбатанѣ самое непродолжительное время, необходимое только для нѣкоторыхъ гражданскихъ и военныхъ распоряженій. Именно онъ

приказалъ Парменіону собрать въ экбатанской крѣпости казну и всѣ сокровища персидскаго государства, и потомъ съ греческими войсками, еракіянами и большею частію конницы (исключая этеровъ) идти чрезъ земли кадузіянъ въ Гирканію (нынѣшній персидскій Мазандеранъ). Для охраненія казны и сокровищъ онъ оставилъ въ экбатанской крѣпости 6.000 человѣкъ македонской пѣхоты и небольшое число конницы подъ начальствомъ Гарпала. Тессалійскую и союзничью конницу онъ отправилъ въ малоазійскія приморскія области, наградивъ ее прибавкою жалованья и удержавъ лошадей ея и тѣхъ изъ всадниковъ, которые сами того пожелали и число которыхъ было довольно значительно. Наконецъ Клиту онъ приказалъ изъ Сузы прибыть въ Экбатану и оттуда съ отрядомъ Гарпала идти въ Парѣю на соединеніе съ нимъ. Самъ же онъ съ этерами, легкими войсками, иностранною наемною конницею, македонскою фалангою, стрѣлками и агріянами быстро двинулся къ Рагамъ (нѣсколько къ с. в. отъ Тегерана). Около 350-ти верстъ до этого города онъ прошелъ въ 11 сутокъ, оставивъ множество больныхъ и потерявъ большое число лошадей на пути. Въ Рагахъ онъ оставался 5 сутокъ, какъ для необходимаго отдохновенія войскъ, такъ и потому, что не надѣялся болѣе настигнуть Дарія, уже находившагося по ту сторону каспійскихъ вратъ. На 6-я сутки, пройдя чрезъ каспійскія врата, онъ вступилъ въ Парѣю (персидскій Хорасанъ), и не доходя города Экатомпилона (совратнаго, позже Савлы, въ окрестностяхъ нынѣшнихъ Семнана и Дамгана), узналъ, что Бессъ, сатрапъ Бактріяны, Бразъ, сатрапъ Арахотовъ и Дранговъ, и Набарзанъ, сопровождавшій Дарія съ 1.000 человѣкъ конницы, захватили сего послѣдняго и держатъ его въ плѣну. Это извѣстіе побудило Александра снова и съ сугубою быстротою двинуться впередъ, на этотъ разъ уже для спасенія жизни несчастнаго своего соперника. Взявъ съ собою этеровъ, легкую конницу и отборнѣйшихъ воиновъ фаланги, и приказавъ имъ имѣть на себѣ только оружіе и на двое сутокъ продовольствія, а Кратеру съ остальнымъ войскомъ слѣдовать за нимъ небольшими переходами, — Александръ шелъ всю ночь и остановился для отдыха только на

слѣдующій день около полудня. Вечеромъ онъ продолжалъ движеніе, снова шелъ цѣлую ночь и на разсвѣтѣ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ былъ расположенъ станъ Бесса и его сообщниковъ; но уже не нашелъ ихъ тамъ и узналъ, что они увлекли за собою Дарія въ оковахъ, и что Бессъ замышляетъ провозгласить себя царемъ сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства. Это извѣстіе возбудило въ Александрѣ еще сильнѣйшее желаніе настигнуть Бесса и спасти Дарія. Не смотря на то, что находившіяся при немъ войска были до крайности утомлены усиленнымъ и быстрымъ движеніемъ, и что число ихъ постепенно уменьшалось по мѣрѣ того, какъ число больныхъ, слабыхъ и отсталыхъ увеличивалось, Александръ снова двинулся быстро впередъ, шелъ цѣлую ночь и на слѣдующій день въ полдень прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ похитители Дарія въ предшествовавшую ночь были расположены станомъ. Узнавъ, что они должны продолжать бѣгство ночью, Александръ рѣшился пресѣчь имъ путь, направляясь кратчайшею, хотя и безводною дорогою. Чтобы идти скорѣе и чтобы пѣхота не задерживала его, онъ спѣшилъ 500 всадниковъ, посадилъ на лошадей ихъ столько же отборныхъ оплитовъ и ввечеру поскакалъ съ ними и эскадрами по означенной выше дорогѣ. Иппасписты, агріане и часть легкой пѣхоты и конницы направились по той дорогѣ, по которой бѣжалъ непріатель, а остальная пѣхота слѣдовала за ними въ строѣ пустаго четвероугольника. Всю ночь, на разстояніи 400 стадій (70-ти верстъ) скакалъ Александръ съ своимъ коннымъ отрядомъ и подъ утро, имѣя при себѣ, по свидѣтельству Плутарха, уже не болѣе 60-ти всадниковъ, настигнулъ, наконецъ, непріателей, бѣжавшихъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Немногихъ изъ нихъ, отважившихся сопротивляться, онъ опрокинулъ и истребилъ; — прочіе, въ томъ числѣ Бессъ и его сообщники, успѣли ускакать. Уже настигаемые Александромъ, они нанесли Дарію смертельныя раны и, бросивъ его умирающимъ на дорогѣ, сами съ 600 всадниками продолжали бѣжать далѣе. Вскорѣ послѣ того прибылъ Александръ и найдя Дарія уже мертвымъ, пролилъ искреннія слезы надъ тѣломъ злополучнаго царя, котораго хотѣлъ спасти.

сандръ сосредоточилъ при Экатомпилонѣ всѣ оставшіяся на-
 зади войска и вскорѣ двинулся къ сѣверу въ Гирканію (Мазан-
 деранъ). Для скорѣйшаго и легчайшаго покоренія ея, равно и для
 того, чтобы принудить къ сдачѣ наемныхъ грековъ, дотолѣ быв-
 шихъ въ Даріевой службѣ, а теперь укрывавшихся въ горахъ и
 ущельяхъ между Парѣіею и Гирканіею, онъ раздѣлилъ войско
 свое на три части. Кратера съ одной послалъ чрезъ земли тапу-
 ровъ, Эригія съ другою и со всѣми тяжестями и обозами—даль-
 нимъ путемъ чрезъ равнины, а самъ съ третьею и сильнѣйшею,
 составленною преимущественно изъ легкихъ войскъ, направился
 труднѣйшимъ, но кратчайшимъ путемъ чрезъ горы. Мѣстомъ со-
 единенія всѣхъ трехъ частей была назначена Зевдракарта въ Гир-
 каніи (въ окрестностяхъ нынѣшняго Балфруха въ Мазандеранѣ).
 Результатами были: безпрепятственное вступленіе Александра, Кра-
 тера и Эригія въ Гирканію, соединеніе ихъ при Зевдракартѣ и
 добровольное покореніе Александру тапуровъ, многихъ персидскихъ
 сатраповъ и вельможъ, и, наконецъ, наемныхъ грековъ въ числѣ
 около 1,500 человекъ. Обласкавъ и наградивъ персидскихъ сатра-
 повъ и вельможъ, пребывшихъ вѣрными Дарію даже до конца его
 жизни, и принявъ наемныхъ грековъ въ свою службу на жало-
 ванье, — Александръ взялъ иппастистовъ, стрѣлковъ, агріанъ и
 часть: этеровъ, фаланги и легкой конницы, и произвелъ быстрое
 вторженіе въ земли воинственнаго племени мардовъ, лежавшія
 между Гирканіею и Мидіею (къ с.-з. отъ нынѣшняго Тегерана) и
 покрытыя высокими горами и дремучими лѣсами. Атакованные со-
 вершенно неожиданно, врасплохъ, марды нигдѣ не могли укрыться
 отъ него, и тѣснимые, поражаемые всюду, были принуждены по-
 кориться. Такимъ образомъ Александръ безъ труда покорилъ Пар-
 еію и Гирканію, завладѣлъ горными проходами изъ Парѣи и Ми-
 діи въ Гирканію и обезпечилъ сообщенія свои какъ съ гиркан-
 скимъ (каспійскимъ) моремъ, такъ и съ Экбатаною, откуда Пар-
 меніонъ долженъ былъ присоединиться къ нему съ главными си-
 лами македонскаго войска.

Покоривъ мардовъ, Александръ далъ войскамъ 15-ти-дневный
 отдыхъ въ Зевдракартѣ. Въ это время дѣйствующія силы его

были расположены нѣсколькими частями (эшелонами) между Экбатаною и Зевдракартою. Изъ нихъ главныя, какъ сказано, находились съ Пармениономъ въ Экбатанѣ и Мидіи, а до 20,000 человекъ пѣхоты и около 3,000 человекъ конницы съ самимъ Александромъ въ Зевдракартѣ. Сверхъ того, во всѣхъ завоеванныхъ областяхъ находились гарпизоны, обеспечивавшіе какъ покорность и спокойствіе ихъ, такъ и сообщенія Александра съ Македонією и Грецією (330 г.).

Въ это же самое время счастье благопріятствовало Александру и въ Греціи. Антипатръ, бдительностію и твердостію своими, три года (334—332) сохранялъ въ ней спокойствіе и тишину. Но когда на четвертый годъ (331) онъ былъ принужденъ обратиться во Фракію, для усмиренія возникшаго въ ней мятежа, тогда спартанцы, движимые непріязнію къ Александру, честолюбіемъ царя своего, Агиса, и золотомъ Дарія, возбудили общее въ Пелопоннезѣ возстаніе и собрали до 22,000 войскъ. Антипатръ, усмиривъ мятежъ во Фракіи, быстро двинулся съ сильнымъ войскомъ въ Пелопоннезъ и въ битвѣ при Мегалополѣ (330) на-голову разбилъ спартанцевъ и ихъ союзниковъ, 3,000 которыхъ, и въ томъ числѣ самъ Агисъ, пали въ бою. Этотъ быстрый и рѣшительный ударъ смирилъ грековъ и упрочилъ въ Греціи спокойствіе, которое съ тѣхъ поръ до самой смерти Александра уже ни разу не было нарушено.

Послѣ 15-ти дневнаго пребыванія въ Зевдракартѣ, Александръ положилъ съ находившимися при немъ 23,000 войскъ двинуться въ Бактріяну противъ бѣжавшаго туда Бесса, постепенно присоединяя къ себѣ находившіяся въ тылу войска. Вслѣдствіе того, изъ Зевдракарты онъ направился сначала въ Аріяну, къ одному изъ ея городовъ, Сузіѣ (на предѣлахъ Аріяны, Гирканіи и Маргіяны, нѣсколько къ ю.-з. отъ нынѣшняго Серахса на р. Тедженѣ, Серахсѣ или Гератѣ). Сатрапъ Аріяны, Сатибарзанъ, покорился ему добровольно и былъ оставленъ имъ въ своемъ званіи. Здѣсь Александръ узналъ, что Бессъ провозгласилъ себя царемъ Азіи и, поддерживаемый бактріянами и собравшимися вокругъ него персами, ожидаетъ сверхъ того помощи союзниковъ своихъ,

скифовъ. Вслѣдствіе того, Александръ немедленно двинулся изъ Сузіи въ Бактріяну по прямому направленію на Бактру (нынѣ Балхъ въ южномъ Туркестанѣ, недалеко отъ лѣваго берега рѣки Джейгуна или Аму-Дарьи). На пути туда къ нему уже присоединилась часть войскъ, прибывшихъ изъ Мидіи. Но едва онъ удалился изъ Сузіи, какъ вѣроломный Сатибарзанъ возсталъ, съ намѣреніемъ присоединиться къ Бессу и вмѣстѣ съ нимъ въ общей битвѣ подавить Александра превосходствомъ силъ. Узнавъ объ этомъ, Александръ ввѣрилъ главныя силы Кратеру, а самъ съ отборнѣйшими войсками, усиленными переходами двинулся быстро назадъ и, въ двое сутокъ пройдя 600 стадій (105 верстъ), совершенно неожиданно явился передъ Артакоаною (городомъ въ срединѣ Аріяны, между нынѣшними Хаффомъ въ персидскомъ Хорасанѣ и Гератомъ въ Кабулѣ)—средоточіемъ возстанія. Сатибарзанъ и собранныя имъ войска бѣжали, были быстро преслѣдованы и частію истреблены, частію взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, упрочивъ покорность Аріяны назначеніемъ поваго, надежнаго сатрапа и основаніемъ македонскаго поселенія, названнаго Александріею (нынѣ Гератъ), Александръ воротился къ своему войску.

Въ это время открытъ былъ заговоръ Филота, сына Парменионова, и многихъ другихъ македонскихъ военачальниковъ, противъ жизни Александра. Поводомъ къ тому послужила перемѣна, произшедшая, со времени битвы при Арбелѣ и особенно по смерти Дарія, какъ въ самомъ Александрѣ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ его и знатныхъ македонскихъ военачальниковъ. Со времени смерти Дарія, Александръ, уже объявивъ себя царемъ персидскимъ и признанный въ этомъ санѣ большею частію персовъ, сталъ окружать себя ими, принимать ихъ въ дружины своихъ тѣлохранителей, всячески ласкать ихъ и оказывать предпочтеніе нравамъ и обычаямъ востока. Но этимъ онъ оскорблялъ македонянъ и грековъ, и возбуждалъ противъ себя ихъ неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что постоянные успѣхи его оружія породили въ немъ высокомѣріе и усилили его честолюбіе, нравъ его сдѣлался чрезвычайно раздражительнымъ, а страсти и воля—неукротимыми. Возрастая постепенно, неудовольствіе македонскихъ военачальниковъ

повело къ преступному заговору. По открытіи его, Филотъ и его соумышленники были суждены и казнены по обычаю македонянъ, и вскорѣ самъ Парменіонъ, достойный сподвижникъ Филиппа и Александра, былъ умерщвленъ въ Экбатанѣ, какъ весьма вѣроятно, по повелѣнію Александра, или подозрѣвавшего его въ соумышленности съ сыномъ, или опасавшагося его мщенія послѣ казни Филота. Казнь злоумышленниковъ, заслуженная и необходимая для поддержанія порядка, еще болѣе усилила однако неудовольствіе македонскихъ военачальниковъ и войскъ, и охладила любовь ихъ къ нему и усердіе къ его пользамъ.

Между тѣмъ онъ продолжалъ движеніе въ Бактріану. Чтобы обезпечить себя отъ измѣны въ тылу, онъ покорилъ владѣнія сатрапа Барзанта и другія земли въ странѣ паропамисадовъ, до самой Арахозіи (отъ нынѣшняго Герата до р. Гелмюнда или Гирмюнда въ Кабулѣ). Затѣмъ онъ слѣдовалъ далѣе, чрезъ покрытыя горами земли первыхъ индійскихъ племенъ, къ горному хребту индійскаго Кавказа или паропамизскому, отдѣлявшему земли паропамисадовъ отъ Бактріаны (нынѣ горный хребетъ Гиндукушъ—одинъ изъ высочайшихъ въ Азіи, на предѣлахъ Кабула и Туркестана). Этотъ походъ былъ крайне тягостенъ и стоилъ македонскому войску довольно большой потери въ людяхъ. Уже наступила зима, въ этихъ гористыхъ странахъ весьма суровая; страдая отъ стужи, войско не менѣе того терпѣло недостатокъ въ продовольствіи и даже голодъ,—съ неимовѣрнымъ трудомъ двигалось чрезъ почти непроходимыя, покрытыя глубокимъ снѣгомъ горы Кавказа, и сверхъ всего этого должно было производить неоднократныя въ обѣ стороны экспедиціи противъ туземныхъ жителей. Такъ, наконецъ, оно дошло до перваго бактрійскаго города Драпсаки (близъ истоковъ нынѣшней р. Балха изъ Гиндукуша, къ югу отъ города Балха). Вслѣдъ затѣмъ столица Бактріаны, Бактра (Балхъ), была взята приступомъ, и вся Бактріана (нынѣ юго-восточный Туркестанъ) покорена.

Бессъ бѣжалъ на сѣверъ, за рѣку Оксъ (нынѣ Джейгунъ или Аму-Дарья), въ Согдіану (нынѣ ханства: Гиссарское, Коканъ и Бухара). Александръ послѣдовалъ за нимъ туда-же и въ 5 су-

токъ переправился черезъ Оксъ, по свидѣтельству Арріана, помощію плотовъ, составленныхъ изъ шкуръ, которыя служили воинамъ вмѣсто ставокъ, были сшиты вмѣстѣ и наполнены соломой и сухими виноградными лозами. Затѣмъ Александръ продолжалъ быстро преслѣдовать Бесса. Вскорѣ сообщники послѣдняго выдали его Александру, который, подвергнувъ его жестокимъ истязаніямъ, отправилъ въ Бактру, гдѣ онъ впослѣдствіи былъ казненъ.

§ 96.

6-й походъ въ Согдіанѣ (329).

Пополнивъ свою конницу найденными въ краю лошадьми (ибо большое число ихъ погибло при переходѣ чрезъ Кавказъ и Оксъ), Александръ продолжалъ движеніе на сѣверъ и прибылъ сначала въ Мараканду (нынѣ Самаркандъ въ Бухарѣ), главный городъ Согдіаны, а потомъ къ рѣкѣ Яксарту (нынѣ Сейгунъ или Сыръ-Дарья), составлявшей крайній на сѣверѣ предѣлъ персидскаго государства (по ту сторону ея находились уже обширныя степи азіатской Скиѣи). На пути отъ Мараканды къ Яксарту, при переходѣ черезъ хребтъ Оксіейскихъ горъ (нынѣ западный отрогъ Мусъ-Дага и Белурбъ-Дага), Александръ имѣлъ жаркій бой съ дикими, туземными жителями, собравшимися въ числѣ около 30.000 человекъ, разбилъ ихъ, но самъ былъ тяжело раненъ.

По прибытіи къ Яксарту, онъ принудилъ жителей лѣваго его берега покориться и поставилъ въ важнѣйшіе города ихъ македонскіе гарнизоны. Но вскорѣ племена эти, къ которымъ присоединилось множество согдіанъ и бактріанъ, произвели возстаніе, вырѣзали македонскіе гарнизоны и, запершись въ семи городахъ, привели ихъ въ оборонительное состояніе. Александръ, не смотря на рану, немедленно и быстро двинулся къ ближайшему изъ воставшихъ городовъ, Газѣ (въ окрестностяхъ нынѣшняго Кокана), и взялъ его приступомъ. Въ наказаніе за возстаніе, городъ этотъ былъ разрушенъ, мужское населеніе его истреблено, а женщины и дѣти обращены въ рабство. Затѣмъ сильнѣе

всѣхъ укрѣпленный городъ Кирополь, построенный, по преданію, Киромъ старшимъ, и два другіе города были также взяты приступомъ и имѣли ту же участь. Жители остальныхъ трехъ городовъ бѣжали изъ нихъ, но были настигнуты и окружены Александровою конницею, и частью истреблены или взяты въ плѣнъ, частью же сдались. Для удержанія впередъ этой страны въ повиновеніи, Александръ началъ строить на Яксартѣ, въ недалекомъ разстояніи къ в. отъ разрушеннаго Кирополя, обширный укрѣпленный городъ, названный Александресхатою или Александріею дальнею (около нынѣшняго Марашана, къ в. отъ Кокана). Между тѣмъ скиѣы, при вѣсти о возстаніи племенъ на Яксартѣ, двинулись въ большомъ числѣ къ этой рѣкѣ, намѣреваясь, въ случаѣ успѣха возстанія, напасть на Александра. Въ то же самое время въ тылу Александра произошло другое возстаніе, виновникомъ и главою котораго былъ Спитаменъ, одинъ изъ бывшихъ сообщниковъ Бесса. Положеніе Александра было трудное, но онъ вышелъ изъ него побѣдителемъ. Скиѣы, прибывъ на правый берегъ Яксарта, насупротивъ сооружаемаго Александромъ города, начали тревожить македонянъ сильною стрѣльбою изъ луковъ, дерзко вызывая Александра на бой. Раздраженный этимъ, Александръ сначала дѣйствіемъ большихъ метательныхъ орудій принудилъ скиѣовъ отступить отъ берега рѣки, а затѣмъ первый устремился въ нее съ конницею, прикрытый съ фронта легкою пѣхотою и сопровождаемый всѣми остальными войсками. Перейдя черезъ Яксартъ, онъ немедленно послалъ противъ скиѣовъ часть конницы. Но скиѣы выдержали ея ударъ, охватили ее, поразили сильною стрѣльбою изъ луковъ и отступили въ порядкѣ. Александръ поддержалъ свою конницу стрѣлками, агріянами и легкою пѣхотою, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ легкая пѣхота охватывала скиѣовъ и поражала ихъ съ фланговъ, самъ онъ со всею конницею ударилъ на нихъ съ фронта. Атакованные съ трехъ сторонъ, скиѣы обратились въ бѣгство, потерявъ до 1.000 челов. убитыми и 150 взятыми въ плѣнъ, и были довольно далеко преслѣдованы македонскимъ войскомъ, которое при этомъ случаѣ много потерпѣло отъ зноя и жажды. Самъ Александръ, напившись

стоячей воды, опасно занемогъ и воротился съ войскомъ въ Александресхату. Вскорѣ однакоже онъ выздоровѣлъ и заключилъ миръ съ скиѳами, приславшими къ нему пословъ съ мирными предложеніями.

Между тѣмъ Спитаменъ осадилъ Мараканду, занятую македонскими войсками. Но свѣдавъ о приближеніи посланнаго противъ него Александромъ отряда войскъ (60 этеровъ, 1.500 пѣшихъ и 30 конныхъ наемныхъ грековъ, всего 2.360 человѣкъ) подъ начальствомъ Андромаха, Менедема и Карана, онъ снялъ осаду и бѣжалъ къ границамъ Согдіяны съ Скиѳіею (къ Сейгуну или Сыръ-Дарьѣ). Усиленный 600-ми челов. скиѳской конницы, онъ вскорѣ двинулся на встрѣчу Фарнуку, начальствовавшему въ Маракандѣ и преслѣдовавшему его въ соединеніи съ Андромахомъ, Менедемомъ и Караномъ. Имѣя хорошую и свѣжую конницу, между тѣмъ, какъ македонская была утомлена дальнимъ походомъ и недостаткомъ продовольствія, онъ началъ тревожить послѣднюю частными нападеніями въ разсыпную и наконецъ довелъ македонянъ до того, что они были принуждены отступать къ лѣсу близъ рѣки Политимета (нынѣ р. Зарявшанъ, на которой лежатъ Бухара и Самаркандъ). Каранъ съ конницею, безъ вѣдома другихъ предводителей, сталъ переходить черезъ рѣку (въ окрестностяхъ Бухары либо Самарканда), надѣясь на другомъ берегу найти выгодную для дѣйствія конницы мѣстность. При видѣ этого, македонская пѣхота, отступавшая въ строѣ плэсіона или продолговатаго четвероугольника, въ безпорядкѣ устремилась также въ рѣку. Спитаменъ воспользовался этимъ, ударилъ на македонянъ, охватилъ ихъ, окружилъ, разбилъ наголову и истребилъ почти всѣхъ, за исключеніемъ только 300 человѣкъ пѣхоты и 40 всадниковъ, которые успѣли пробиться и спастись. Одержавъ такой важный успѣхъ дѣйствіями, которыя были не безъ искусства, Спитаменъ воротился къ Маракандѣ и снова осадилъ ее.

Узнавъ о происшедшемъ, Александръ немедленно двинулся отъ Александресхаты къ Маракандѣ, взявъ съ собою половину этеровъ, всѣхъ иппаспистовъ, стрѣлковъ, агріянъ и часть фаланги; осталь-

ное войско слѣдовало позади. Пройдя 1.600 стадій (262¹/₂ версты) въ трое сутокъ, онъ на четвертыя поутру прибылъ къ Маракандѣ. Спитаменъ уже снялъ осаду и бѣжалъ въ скиѣскія стени. Александръ быстро преслѣдовалъ его, загналъ въ стени и воровившись въ Согдіяну, наказалъ жителей ея, принимавшихъ участіе въ возстаніи, истребленіемъ ихъ, разрушеніемъ ихъ жилищъ и разореніемъ ихъ земель. Затѣмъ, оставивъ въ Согдіянѣ, для занятія ея, нѣсколько тысячъ человѣкъ войскъ, онъ перешелъ обратно черезъ Оксъ и зиму съ 329-го на 328-й годъ провелъ въ Заріаспѣ, въ Бактріянѣ (близъ Бактры или нынѣшняго Балха). Здѣсь, окруженный азіятскою пышностію, среди государственныхъ занятій, празднествъ и пиршествъ, Александръ являлся уже на высшей степени силы и славы, но стремясь еще далѣе, уже замышлялъ въ умѣ своемъ дальнѣйшія завоеванія на востокъ. Здѣсь также македонское войско было усилено вновь прибывшими изъ Македоніи, Греціи и разныхъ областей средней Азіи подкрѣпленіями.

§ 97.

7-й и 8-й походы въ Согдіянѣ и Бактріянѣ (328—327).

Весною 328-го года Александръ двинулся опять въ Согдіяну, въ которой произошли новыя безпокойства. Оставивъ половину всего войска въ Бактріянѣ, для содержанія ея въ повиновеніи и предупрежденія или усмиренія мятежей, другую его половину Александръ раздѣлилъ на 5 частей, съ одною изъ которыхъ лично направился къ Маракандѣ. Пройдя Согдіяну въ различныхъ направленіяхъ и принудивъ мятежниковъ, которые заперлись въ городахъ, къ сдачѣ или покорности, всѣ 5 частей войска снова соединились при Маракандѣ.

Между тѣмъ Спитаменъ, съ толпою согдіянъ и 600 челов. массагетской или скиѣской конницы, внезапно напалъ на одну пограничную бактрійскую крѣпость, овладѣлъ ею, вырѣзалъ ея гарнизонъ, разорилъ окрестности Бактры, разбилъ изъ засады македонянъ, вышедшихъ противъ него въ небольшомъ числѣ изъ

этого города, но вскорѣ въ свою очередь былъ разбитъ и прогнанъ въ степи Кратеромъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ снова явился однако въ Бактріянѣ съ скиѣами и мятежными согдіянами и бактріянами. Кэнъ, начальствовавшій въ это время македонскими войсками въ Бактріянѣ, двинулся противъ него и въ упорномъ, кровопролитномъ бою разбилъ его на-голову. Послѣ этого пораженія, бывшіе съ Спитаменомъ согдія не и бактріяне сдались Кэну, а скиѣы бѣжали въ степи и увлекли за собою Спитамена. Но узнавъ о движеніи противъ нихъ Александра, они послали ему, для умиловленія и удержанія его, голову Спитамена.

Затѣмъ Александръ соединился съ Кратеромъ и Кэномъ въ Навтакѣ (близъ Мараканды), гдѣ и провелъ зиму съ 328-го на 327-й годъ.

Весною 327-го года онъ двинулся къ согдіанской нагорной крѣпости (въ западномъ отрогѣ Кашгаръ-даванъ нынѣшняго Белурбъ-Дага), послѣднему убѣжищу мятежныхъ согдіанъ и вождя ихъ Оксіарта. Не видя никакой возможности осадой взять этой крѣпости, расположенной на вершинѣ высокой, крутой, неприступной, покрытой снѣгомъ скалѣ, Александръ вызвалъ изъ войска, за необыкновенно щедрую плату, 300 охотниковъ на приступъ. Они съ неимовѣрнымъ трудомъ, но удачно взобрались ночью на вершину скалы—и крѣпость была принуждена сдаться. Александръ великодушно простилъ Оксіарта и женился на дочери его Роксанѣ.

Такимъ образомъ Согдіана, послѣ многихъ и долговременныхъ усилій, была наконецъ совершенно покорена и Александръ двинулся противъ парэтаковъ, знатнѣйшіе изъ которыхъ, и между ними главный — Хоріенъ, заключились въ хоріенской нагорной крѣпости, расположенной на высокой, неприступной скалѣ, окруженной пропастями *). Чтобы взобраться на нее, Александръ велѣлъ сру-

*) Ни изъ Арріана, ни изъ другихъ историковъ нельзя положительно заключить, гдѣ обитали эти парэтаки и гдѣ находилась хоріенская нагорная крѣпость: въ нынѣшнемъ-ли Белурбъ-Дагѣ, или въ западномъ его отрогѣ, или же въ Гиндукушѣ? Но безъ сомнѣнія — въ одномъ изъ нихъ, а не въ Парэтакенѣ, лежащей къ с. отъ собственной Персіи и къ з. отъ Мидіи, слѣдовательно слишкомъ далеко отъ Бактры и Александра.

бить въ сосѣднемъ лѣсу и построить лѣстницы, спуститься по нимъ на дно пропастей и оттуда земляными и деревянными работами подниматься на вершину скалы. Когда македоняне поднялись на такую вышину, что могли уже беспокоить осажденных стрѣльбою изъ луковъ, тогда Хоріенъ, имѣя передъ собою примѣръ великодушнаго обращенія Александра съ Оксіартомъ, вступилъ въ переговоры и сдалъ крѣпость. Александръ дѣйствительно и съ нимъ также поступилъ весьма великодушно и милостиво, и снова ввѣрилъ его управленію и крѣпость, и округъ ея. Хоріенъ же, въ благодарность за то, снабдилъ македонское войско продовольствіемъ, въ которомъ оно крайне нуждалось. Затѣмъ Александръ послалъ Кратера съ частию войскъ довершить покореніе парэтаковъ, а самъ воротился въ Бактру. Кратеръ одержалъ, въ кровопролитномъ бою съ парэтакими, рѣшительную надъ ними побѣду и, покоривъ ихъ совершенно, присоединился къ Александру въ Бактрѣ.

Въ это время Эрмолай и пять другихъ македонскихъ юношей, бывшіе ближними царскими служителями, составили новый заговоръ противъ жизни Александра. Но онъ былъ открытъ и злоумышленники, сужденные и обличенные, были, по македонскому обычаю, побиты каменьями, а обвиненный въ сообщничествѣ съ Эрмолаемъ философъ Каллисѣенъ заключенъ въ оковы и, какъ полагаютъ нѣкоторые, казненъ.

Взятіемъ хоріенской нагорной крѣпости довершено было покореніе сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства, стоившее Александру, по причинѣ гористыхъ свойствъ страны и воинственнаго духа горскихъ жителей, несравненно большихъ усилій и пожертвованій, и потребовавшее гораздо болѣе времени (3½ года), нежели покореніе приморскихъ и внутреннихъ областей, каждахъ порознь. Дѣйствія Александра въ сѣверовосточныхъ областяхъ, и весь вообще періодъ отъ движенія его изъ Персеполя до покоренія хоріенской крѣпости включительно, и каждая отдѣльная часть, каждое отдѣльное дѣйствіе этого періода составляютъ предметъ высокихъ занимательности и поучительности. Непрерывныя напряженіе силъ и бой, изумительныя: быстрота, смѣ-

лость, рѣшительность и разнообразіе дѣйствій, и длинный рядъ частныхъ, отдѣльныхъ, наступательныхъ предпріятій (экспедицій), таковы главныя, отличительныя черты ихъ. Каждое изъ этихъ предпріятій и дѣйствій составляетъ какъ бы отдѣльный эпизодъ одного стройнаго, великаго цѣлаго, имѣетъ свои особенности, замѣчательно само по себѣ, но всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же, общимъ имъ всѣмъ, духомъ, всѣ въ одинаковой степени и въ новомъ, большемъ еще блескѣ являютъ всю силу генія и все искусство Александра.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (336 — 324).

§ 98. Походъ въ Индію (327 — 326).— Сраженіе на Гидаспѣ.— § 99. Последний,— обратный походъ изъ Индіи въ Персію (326—325).— § 100. Общий выводъ объ Александрѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

§ 98.

Походъ въ Индію (327-326.) Сраженіе на Гидаспѣ.

Завоевавъ персидское государство, Александръ предпринялъ завоеваніе Индіи, побуждаемый къ тому и пылкимъ своимъ воображеніемъ, плѣнявшимся всѣмъ чуднымъ, необычайнымъ, и стремленіемъ къ осуществленію обширныхъ политическихъ и торговыхъ замысловъ своихъ, и честолюбіемъ, которое, съ тѣхъ поръ, какъ онъ заставилъ признавать себя происходящимъ отъ боговъ и требовалъ себѣ воздаванія божескихъ почестей, уже переступило за предѣлы благоразумія. Желая къ завоеваннымъ, богатымъ странамъ Азіи и Африки присоединить страну, прославленную еще болѣе, неисчерпаемымъ богатствомъ, которымъ она, по общему повѣрью, въ изобиліи снабжала всю Азію,—Александръ въ то же время хотѣлъ распространить предѣлы новой обширной монархіи своей до крайнихъ на востокъ, по тогдашнимъ географическимъ понятіямъ, предѣловъ міра—рѣки Ганга и индійскаго океана.

Предпринимая завоеваніе Индіи, онъ могъ имѣть лишь самыя неполныя и невѣрныя свѣдѣнія о ней.— Они ограничивались тѣмъ, что могли развѣдать его лазутчики или сообщить ему жители восточныхъ, сопредѣльныхъ съ Индіею, областей бывшего персидскаго

государства. А потому особенно благопріятнымъ для него обстоятельствомъ было то, что двое главныхъ и могущественнѣйшихъ царей или владѣтелей (раджей) верхней Индіи, Таксилъ и Поръ, господствовавшіе, первый — между Индомъ и Гидаспомъ, (*) второй — между Гидаспомъ и Гангомъ, надъ мелкими владѣтелями или раджами этой части Индіи, находились во враждѣ между собою. — Александръ искусно воспользовался тѣмъ для легчайшаго покоренія Индіи. Призываемый Такспломъ, онъ уже съ самаго начала весны 327 года началъ готовиться къ походу за Индъ, а по взятіи хориенской нагорной крѣпости, обезпечивъ тылъ свой оставленіемъ Амина съ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 3.500 конницы въ Бактріанѣ, въ половинѣ весны тогоже 327 года двинулся отъ Бактры (Балха) въ земли паропамисадовъ (сѣверный Кабуль) съ войскомъ, простиравшимся до 135,000 человѣкъ, т. е. уже болѣе, нежели въ три раза превосходившимъ то, съ которымъ началъ войну. Оно составлено было, сверхъ македонянъ и грековъ, изъ парянъ, аріянъ, бактріянъ, согдіянъ, скиновъ и другихъ народовъ, еще недавно столь враждебныхъ Александру. Азіятцевъ въ немъ было, какъ кажется, около $\frac{2}{3}$ (отъ 90 до 95.000 человѣкъ,) а македонянъ и грековъ — $\frac{1}{3}$ (отъ 40 до 45.000 чел.) Въ 10 сутокъ перейдя отъ Бактры до индійскаго Кавказа или Паропамиза (Гиндукуша) и чрезъ этотъ хребетъ, Александръ вступилъ въ земли паропамисадовъ, и хотя имѣлъ сильное и отличное войско и могъ смѣло двинуться впередъ, однако не прежде хотѣлъ перейти чрезъ Индъ, какъ покоривъ земли на правой его сторонѣ и прочно утвердись въ нихъ, и въ достиженіи этой цѣли явилъ особенную заботливость. Онъ потребовалъ къ себѣ Таксила и ближайшихъ мелкихъ индійскихъ владѣтелей, заключилъ съ Таксисомъ союзъ и получилъ отъ него обѣщаніе содѣйствія и необходимыя объ Индіи свѣдѣнія. Достигнувъ р. Кофена (нынѣ Кабуль), онъ раздѣлилъ войско свое на двѣ части. Одну, подъ начальствомъ Эфестіона и Пердикки, послалъ чрезъ Певкелаотиду или страну певкеловъ (нынѣ джеллалабадскій и пешаверскій округи на правой сторонѣ нижня-

(*) Гидаспъ — нынѣ Джхеламъ или Бехатъ (Djhelam, Jhylum, Behat).

го Кабула) прямо къ Инду, съ приказаніемъ покорить всѣ города на пути и, достигнувъ Инда, сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ переправѣ черезъ него. Съ другою частію онъ лично направился также къ Инду, но лѣвѣе Эфестіона и Пердикки или болѣе къ сѣверу, ближе къ главному хребту Кавказа, по лѣвой сторонѣ Кофена (Кабула). Движеніе обѣихъ частей войска, и въ особенности Александровой, было чрезвычайно затруднено какъ свойствомъ страны, покрытой высокими, неудобопроходимыми горами, такъ и необыкновенно упорнымъ сопротивленіемъ туземныхъ, воинственныхъ и отменно храбрыхъ жителей, принадлежавшихъ преимущественно, какъ полагаютъ, къ кастамъ индійскихъ воиновъ. Войско Александра на каждомъ шагу должно было сражаться въ горахъ, ущельяхъ и долинахъ, либо брать приступомъ укрѣпленные города и замки, болышею частію расположенные на вершинахъ высокихъ и неудобоступныхъ горъ и скалъ. Но повсюду успѣхъ вѣнчалъ оружіе Александра, повсюду туземцы были разбиты и принуждены покориться. При этомъ случаѣ Александръ дѣйствовалъ, когда надобность того требовала, съ удивительною быстрою и постоянно съ необыкновенными: напряженіемъ силъ, рѣшительностію и отважностію. Онъ нападалъ на непріятеля — всюду, гдѣ его ни находилъ, даже послѣ утомительныхъ переходовъ, а на города и крѣпости — сколь неприступными они ни казались. Съ побѣжденными онъ поступалъ съ большою строгостію, особливо въ началѣ, пользовался каждымъ средствомъ и случаемъ для одержанія рѣшительнѣйшихъ успѣховъ, не щадилъ ни войскъ, ни себя, — былъ нѣсколько разъ раненъ и примѣромъ своимъ сильно одушевлялъ и военачальниковъ, и войско. Вѣнцомъ кратковременнаго, но блистательнаго похода его на правой сторонѣ Инда было взятіе аорнской нагорной скалы, на правомъ берегу этой рѣки, нѣсколько выше впаденія въ нее Кофена (около нынѣшняго города Коты, Cota.) Скала эта славилась такими мѣстною силою и неприступностію, что, по преданіямъ, самъ Геркулесъ не могъ овладѣть ею. Этого было достаточно для сильнѣйшаго воспламененія Александра и возбужденія въ немъ твердаго намѣренія овладѣть аорнскою скалою. Она имѣла, по Арріану, 200 стадій (35 верстъ) въ

окружности и 11 стадій (около 2 верстъ) наименьшей высоты, была покрыта густымъ лѣсомъ и служила убѣжищемъ воинственнымъ базирамъ и другимъ жителямъ сосѣдственныхъ земель. Враждовавшіе съ базами племена указали Александру входъ на скалу. Александръ послалъ туда Птолемѣя съ частию войскъ, и съ двухъ сторонъ неоднократно ходилъ на приступъ, но безуспѣшно. Наконецъ однакоже онъ успѣлъ занять двѣ, лежавшія напротивъ скалы, высоты, — построилъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій и трудовъ, но весьма скоро, деревянные ходы съ вершинъ этихъ высотъ на скалу, поставилъ на эти ходы метательныя орудія и стрѣлковъ, и уже готовился открыть по оборонявшимся сильнѣйшую стрѣльбу, когда устрашенные базирь вступили съ нимъ въ переговоры, въ намѣреніе продлить ихъ до вечера, а вечеромъ бѣжать. Узнавъ объ этомъ, Александръ дождался вечера и, взявъ съ собою 700 отборныхъ воиновъ, первый въ головѣ ихъ взобрался на скалу въ то самое время, когда базирь только что начали уходить съ нее. Македоняне немедленно устремились на нихъ и множество ихъ истребили, а большое число остальныхъ погибло въ пропасть.

Оставивъ на аорнской скалѣ отрядъ войскъ, Александръ двинулся въ земли племени ассакиновъ, лежавшія на правомъ берегу Инда, выше аорнской скалы. Но предшествовавшіе его успѣхи такъ устрашили ассакиновъ, собравшихся въ числѣ около 20.000 чел., что, по приближеніи его, они умертвили своего вождя и разсѣялись.

Тогда Александръ обратился назадъ, внизъ по Инду къ югу, принялъ покорность города Нисы (около нынѣшней Акоры, на нижнемъ Кибулѣ), основаннаго, по баснословнымъ преданіямъ, самимъ Вакхомъ, — оставилъ неприкосновенными собственное управленіе и всѣ права его, и взявъ только 300 нисскихъ всадниковъ, прибылъ наконецъ (на 16-я сутки по выступленіи изъ Бактры) къ тому мѣсту на правомъ берегу Инда, гдѣ Эфестіонъ и Пердикка, при дѣятельномъ содѣйствіи Таксила и другихъ сосѣдственныхъ индійскихъ владѣтелей, уже успѣли собрать большее число судовъ и построить мостъ (какъ полагаетъ Арріанъ — на судахъ). Здѣсь (по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей — въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ впаденія рѣки Аттоки въ

Индъ, тамъ, гдѣ нынѣ городъ Аттека, во время лѣтняго солнцестоянія, Александръ перешелъ черезъ Индъ и вступилъ въ Таксилу (около нынѣшнихъ Футшъ - Юнга и Равиль - Пиндея въ землѣ сейковъ или Пенджабѣ), наибольшій, многолюднѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ между Индомъ и Гидаспомъ. Принятый въ немъ самымъ дружелюбнымъ со стороны Таксила и жителей образомъ, онъ не только оставилъ Таксилу его владѣнія, но увеличилъ ихъ присоединеніемъ сосѣдственныхъ земель и тѣмъ приобрѣлъ въ немъ вѣрнаго союзника, а войско свое усилилъ 5-ю тысячами челов. Таксировыхъ индійскихъ войскъ.

Между тѣмъ Поръ, котораго союзъ Александра съ Таксиломъ побудилъ къ дѣятельнѣйшему сопротивленію, собралъ болѣе 30.000 челов. пѣхоты и 6.000 челов. конницы, съ 420-ю военными колесницами и болѣе, нежели 200-ми вооруженными слонами, и расположился съ ними на лѣвомъ берегу Гидаспа, въ намѣреніи преградить на немъ Александру путь или вступить съ нимъ въ битву. Узнавъ объ этомъ, Александръ приказалъ разобрать мостъ на Индѣ и перевезти его, равно и суда, сухимъ путемъ къ Гидаспу, оставилъ въ Таксилѣ, въ видѣ гарнизона, всѣхъ раненыхъ, а самъ, со всѣми, находившимися при немъ войсками, двинулся къ Гидаспу и расположился станомъ на правомъ берегу его (близъ нынѣшняго Пиндей - Дадень - Хана въ Пенджабѣ), насупротивъ Пора. По прибытіи его къ Гидаспу, Поръ съ главными своими силами остался въ прежнемъ своемъ расположеніи на лѣвомъ берегу рѣки, а выше и ниже по теченію ея расположилъ небольшіе наблюдательные отряды. Александръ, имѣя въ виду тревожить его и ввести въ заблужденіе касательно своихъ намѣреній, раздѣлилъ и свое войско также на нѣсколько частей, которыя подступали попеременно и въ различныхъ мѣстахъ къ правому берегу рѣки, высматривали мѣстность на немъ и на противоположномъ берегу, и изслѣдовали глубину рѣки. Въ то же время суда, перевезенныя съ Инда, были спущены въ Гидаспъ, распредѣлены по разнымъ мѣстамъ его и вмѣстѣ съ отрядами, подступавшими къ правому его берегу, постоянно держали непріятеля въ недоумѣніи и тревогѣ, и не позволяли ему принимать никакихъ рѣшительныхъ

мѣрь. Сверхъ того Александръ приказалъ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія къ сбору огромныхъ запасовъ продовольствія и выпустилъ слухъ, что намѣренъ выждать въ этомъ мѣстѣ зимы, когда вода въ Гидаспѣ обыкновенно сбывала, тогда какъ лѣтомъ, отъ частыхъ и сильныхъ дождей и отъ таянія снѣговъ на вершинахъ горъ, она, напротивъ, необыкновенно поднималась, выступала изъ береговъ и затопляла окрестности. А между тѣмъ Александръ зорко и неусыпно наблюдалъ и слѣдилъ за всѣми движеніями Пора и выжидалъ благопріятѣйшихъ случая и времени для внезапнаго и скрытнаго перехода черезъ Гидаспъ: ибо убѣжденъ былъ въ трудности перехода черезъ эту рѣку силою, въ виду непріятеля. Сверхъ того, что при самомъ вступленіи его на противуположный берегъ онъ былъ бы атакованъ большимъ числомъ войскъ, военныхъ колесницъ и слоновъ Пора, онъ въ особенности опасался, чтобы видъ слоновъ не устрасилъ непривычныхъ къ нему лошадей его конницы и чтобы всадники, не въ состояніи будучи укротить ихъ и управлять ими, не были занесены ими въ рѣку. А потому онъ прибѣгнулъ къ хитрости: нѣсколько ночей сряду приказывалъ своей конницѣ скакать вверхъ и внизъ вдоль праваго берега Гидаспа, производя большіе крикъ, шумъ и трубный звукъ, какъ будто переходъ черезъ рѣку совершался или уже былъ совершенъ. Коль скоро Поръ, встревоженный тѣмъ, подступалъ къ лѣвому берегу, македонское войско становилось на противуположномъ берегу въ боевой порядокъ. Убѣдясь наконецъ, что весь этотъ шумъ по ночамъ былъ лишь пустою тревогою, Поръ пересталъ беспокоиться имъ и подступать къ рѣкѣ, и только подтвердилъ боковымъ отрядамъ по прежнему тщательно наблюдать вдоль рѣки за непріателемъ. Тогда Александръ немедленно приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Кратера съ частію войска (съ начальствуемыми имъ, Алкетомъ и Полисперхономъ войсками и 5-ю тысячами индійцевъ) онъ оставилъ въ станѣ противъ Гюра, съ приказаніемъ: если Поръ двинется противъ Александра со всѣми своими силами, то переправиться черезъ Гидаспъ и напасть на него немедленно, а если только съ частію силъ — то тогда только, когда онъ уже будетъ въ бою съ Александромъ.

Самъ Александръ со всѣмъ остальнымъ войскомъ ночью отступилъ на нѣкоторое разстояніе отъ рѣки и затѣмъ, подъ прикрытіемъ лѣса, незамѣтно для Пора и его войскъ, двинулся внизъ по правой сторонѣ Гидаспа. Въ 150-ти стадіяхъ (26¹/₄ верстахъ) отъ македонскаго стана, внизъ по теченію Гидаспа, находились покрытые густымъ лѣсомъ: высокая скала на правомъ берегу рѣки и противъ нея, на срединѣ рѣки, островъ. Рѣка, обтекая эту скалу, образовала здѣсь исходящую къ сторонѣ непріятеля дугу. Это мѣсто именно Александръ и избралъ для переправы. На полпути между нимъ и станомъ онъ поставилъ, на самомъ берегу рѣки, Мелеагра, съ отрядомъ конницы и пѣхоты, и приказаніемъ — переправиться черезъ рѣку, какъ только Поръ вступитъ съ Александромъ въ битву. Въ ту же ночь къ мѣсту переправы собраны были всѣ находившіяся на Гидаспѣ суда. По прибытіи Александра къ мѣсту переправы, разразилась сильная гроза съ дождемъ и громомъ, воспрепятствовавшая непріятелю слышать шумъ работъ, оружія и переправы Александрова войска. На разсвѣтѣ, когда гроза утихла, Александръ переправилъ уже (частію на судахъ и частію на плотяхъ) довольно большое число пѣхоты и конницы на островъ. Сторожевые отряды Пора открыли македонянъ тогда только, когда послѣдніе уже вступили на берегъ по другую сторону острова. Отряды эти немедленно извѣстили о томъ Пора. Между тѣмъ Александръ, шедшій въ головѣ своихъ войскъ, открылъ, что находился еще не на лѣвомъ берегу рѣки, а на другомъ, ббльшемъ островѣ, отдѣленномъ отъ лѣваго берега узкимъ рукавомъ. Хотя вода въ этомъ рукавѣ поднялась отъ дождя очень высоко, однакоже и конница, и пѣхота успѣли перейти черезъ него въ бродъ. Коль скоро войско совершенно переправилось на лѣвый берегъ, тогда Александръ поставилъ: на своемъ правомъ крылѣ — конныхъ агематовъ съ отборнѣйшими иппархами, впереди ихъ — конныхъ стрѣлковъ, за ними — иппаспистовъ и пѣшую агему, а по обѣимъ сторонамъ фаланги — стрѣлковъ, агріанъ и пращниковъ. Затѣмъ самъ онъ съ 5.000 чел. конницы быстро двинулся впередъ противъ Пора, приказавъ 6-ти тысячамъ чел. пѣхоты слѣдовать за собою. Между тѣмъ Поръ, по первой вѣ-

Сраженіе

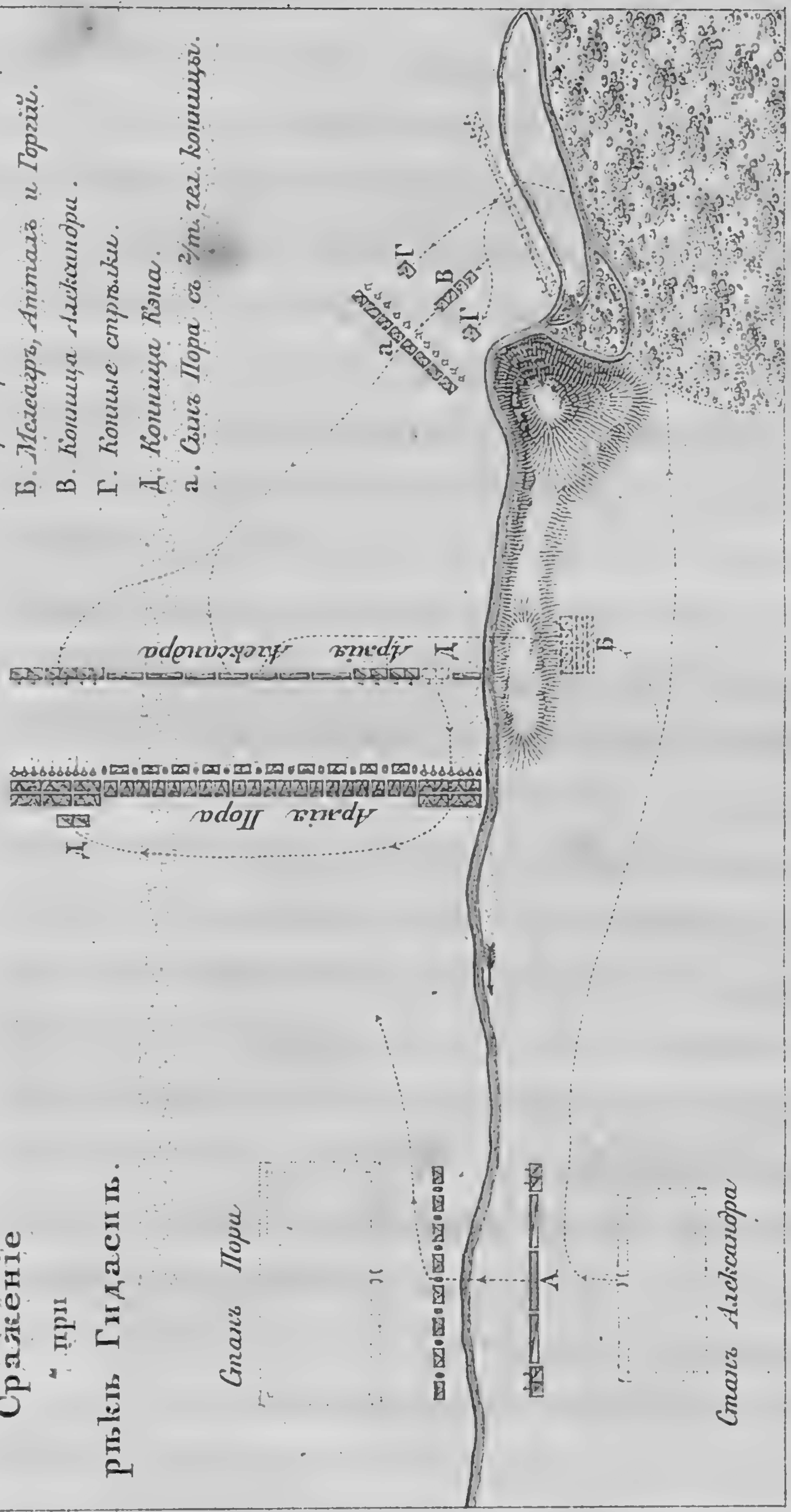
" при

рѣкѣ Гидаспѣ.

Станъ Пора

Станъ Александра

- А. Кратеръ.
- Б. Мелесаръ, Антипатръ и Горцій.
- В. Конница Александра.
- Г. Конные стрѣлки.
- Д. Конница Кэна.
- а. Сынъ Пора съ 2/3 тел. конницы.

Сраженіе Гидаспѣ. С. 406. 407. 408.

сти, что македоняне переправляются, отрядилъ противъ нихъ сына своего съ 2.000 челов. конницы и 120-ю военными колесницами. Но сынъ Пора прибылъ, когда переправа была уже совершена. Александръ немедленно произвелъ на него нападеніе всею своею конницею въ массѣ и опрокинулъ его. При этомъ сынъ Пора и съ нимъ 400 его всадниковъ были убиты, а военные колесницы и бóльшая часть лошадей его захвачены македонянами. Затѣмъ Александръ немедленно продолжалъ свое наступленіе. Поръ, узнавъ о пораженіи и смерти сына, оставилъ на лѣвомъ берегу Гидаспа, противъ Кратера, для удержанія его, небольшую часть войскъ и слоновъ, а самъ съ 30.000 челов. пѣхоты, 4.000 человѣкъ конницы, 300-ми военныхъ колесницъ и 200-ми слоновъ двинулся на встрѣчу Александру. Достигнувъ на пути такого рода мѣстности, которая была удобна для дѣйствій конницы и колесницъ, онъ построилъ на ней войско свое въ боевой порядокъ. Впереди онъ поставилъ слоновъ, шаговъ во 100 одного отъ другаго, — за ними 1-ю линію пѣхоты, нѣкоторыя отдѣленія которой расположились впереди, въ промежуткахъ слоновъ, — а за 1-ою—2-ю линію пѣхоты, простиравшуюся справа и слѣва до конницы, расположенной на обоихъ флангахъ и прикрытой военными колесницами. Александръ, приблизясь къ Порову войску, остановилъ свою конницу, дабы дать время подойти пѣхотѣ. А между тѣмъ, осмотрѣвъ расположеніе Пора, сильно прикрытое въ центрѣ съ фронта, и угадавъ намѣреніе противника, онъ положилъ напасть на лѣвое его крыло правымъ своимъ крыломъ въ косвенномъ боевомъ порядкѣ съ фронта, во флангъ и въ тылъ. Съ этою цѣлію, по прибытіи пѣхоты, онъ лично направился съ большею частію конницы прямо противъ оконечности лѣваго Порова крыла. Кѣну съ начальствуемыми имъ и Димитріемъ частями конницы онъ приказалъ обойти лѣвое крыло Пора и напасть на Порово войско съ тыла въ то самое время, когда онъ самъ нападетъ на то же крыло съ фронта и во флангъ. Флангъ же онъ велѣлъ оставаться на своемъ мѣстѣ и тогда только напасть на непріятеля съ фронта, когда конница уже приведетъ его въ разстройство на лѣвомъ флангѣ.

Приблизясь къ лѣвому Порову крылу на полеть стрѣлы, Александръ двинулъ противъ него съ фронта 1,000 чел. конныхъ стрѣлковъ, которые сильною стрѣльбою изъ луковъ должны были разстроить, ослабить и поколебать его. Самъ же съ этерами и остальною конницею онъ охватилъ это крыло и двинулся во флангъ ему. Индійская конница этого крыла сомкнула свои ряды, чтобы выдержать натискъ Александра, какъ вдругъ увидала въ тылу у себя Кэна, подкрѣпленнаго перешедшимъ черезъ рѣку Мелеагромъ. Тогда сильнѣйшая и храбрѣйшая часть этой конницы осталась противъ Александра, а другая, меньшая, обратилась назадъ противъ Кэна. Пользуясь происшедшимъ при этомъ безпорядкомъ, Александръ стремительно напалъ на непріятельскую конницу. Она была опрокинута и бросилась подъ защиту слоновъ. Ближайшая часть этихъ послѣднихъ была немедленно обращена и устремлена противъ Александра и въ то же время македонская фаланга двинулась впередъ, подъ прикрытіемъ сильной стрѣльбы македонскихъ стрѣлковъ. Завязался бой, жесточайшій изъ всѣхъ, въ которыхъ когда-либо находились македоняне и греки. Слоны разрывали и ломили самые тѣсные ряды македонской фаланги, а индійская конница, ободренная тѣмъ, напала на конницу Александрову, однако-же снова была опрокинута ею на слоновъ. Вскорѣ густыя, тѣсно-сомкнувшіяся массы македонскихъ: фаланги—съ фронта, а конницы съ лѣваго фланга и тыла начали сильнѣе и сильнѣе тѣснить индійскихъ: слоновъ, конницу и пѣхоту, и производить между ними жестокаго кровопролитіе и опустошеніе. При этомъ слоны наносили еще болѣе вреда собственнымъ войскамъ, нежели непріятельскимъ: лишенные вожатыхъ своихъ, которые всѣ были перебиты македонскими стрѣлками, разсвирѣпѣвъ отъ ранъ и боли, они въ ярости метались во всѣ стороны и все попирали ногами. Но македоняне, имѣя болѣе, нежели индійцы, мѣста и свободы для своихъ движеній и дѣйствій, разступались и, пропуская слоновъ, осыпали ихъ стрѣлами и убивали. Наконецъ македонская фаланга произвела послѣдній, рѣшительный ударъ и вмѣстѣ съ конницею окончательно сломила Порово войско. Половина индійской конницы была совершенно истреблена, большая часть индійской пѣхоты—также, а остальная успѣла спастись сквозь

промежутки Александровой конницы. Кратеръ, видя успѣхъ Александра, переправился черезъ Гидаспъ, опрокинулъ оставленные противъ него Порома войска и вмѣстѣ съ Александромъ преслѣдовалъ разбитыхъ индійцевъ. Они понесли огромный уронъ, потерявъ около 23.000 чел. (тысячъ 20 пѣхоты и тысячи 3 конницы) убитыми, въ числѣ которыхъ находились два Порова сына, всѣ предводители войска, возникшіе колесницы и вожатые слоновъ. Колесницы-же и оставшіеся въ живыхъ слоны, съ множествомъ плѣнниковъ и богатѣйшею добычею достались въ руки побѣдителей. Самъ Поръ оказалъ необыкновенныя мужество и храбрость, сражался какъ простой воинъ до послѣдней крайности, былъ раненъ и съ трудомъ убѣжденъ наконецъ сдать Александру. Уважая доблести его, Александръ не только возвратилъ ему свободу, но сохранилъ и царскій санъ, и царство, которое въ послѣдствіи еще значительно увеличилъ, и побѣдивъ Пору сначала силою оружія въ бою, потомъ побѣдилъ его великодушіемъ и тѣмъ снискалъ въ немъ вѣрнаго и преданнаго союзника.

И такъ, результатами битвы на Гидаспѣ были полныя и совершенныя: пораженіе Пору и побѣда Александра. Не легко однакоже досталась побѣда Александру и, безъ всякаго сомнѣнія, съ несравненно большими усиліями и трудомъ, нежели въ трехъ предшествовавшихъ большихъ битвахъ съ персами на Граникѣ, при Иссъ и Арбелѣ. Битва на Гидаспѣ была самая жаркая изъ всѣхъ Александровыхъ: ни въ одной дотолѣ Александръ не встрѣчалъ такого храбраго и упорнаго сопротивленія, и, чтобы одержать побѣду, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ напряженію всѣхъ своихъ силъ, всего своего генія. За то и битва на Гидаспѣ, и предшествовавшій ей переходъ Александра чрезъ Гидаспъ, принадлежащій къ числу самыхъ смѣлыхъ, искусныхъ и блистательныхъ военныхъ дѣйствій этого рода, могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ слова образцовыми. Особеннаго вниманія въ нихъ заслуживаютъ: во 1-хъ искусство, съ которымъ Александръ показывалъ, на различныхъ пунктахъ рѣки, головы своихъ войскъ и притомъ такъ распредѣлилъ послѣднія, что они легко и скоро могли быть сосредоточены на любомъ пунктѣ берега; во 2-хъ, всѣ

хитрости, употребленныя Александромъ для введенія Пора въ заблужденіе и оплошность; въ 3-хъ мѣсто, избранное имъ для переправы; въ 4-хъ оставленіе Кратера и Мелеагра, данныя имъ наставленія и всѣ вообще распоряженія къ переправѣ и битвѣ; въ 5-хъ самая переправа и битва, въ которыхъ индійцы были поколеблены сначала съ фланга, тыла и наконецъ съ фронта, и въ 6-хъ превосходныя дѣйствія въ битвѣ на Гидаспѣ, не только македонскихъ и греческихъ войскъ, но и азійскихъ, бывшихъ въ составѣ Александровой арміи. Войска эти, тѣ же самыя, которыя у персовъ и другихъ восточныхъ народовъ сражались подобно стадамъ безпорядочнымъ, — въ битвѣ на Гидаспѣ, начальствуемая македонскими и греческими военачальниками, лично предводительствуемая великимъ македонскимъ царемъ-полководцемъ употребленныя каждая соотвѣственно своимъ: вооруженію, устройству и преимущественному образу дѣйствій, сражались отлично, въ величайшемъ порядкѣ, взаимно другъ друга поддерживали и значительно способствовали одержанію Александромъ побѣды.

Уронъ Александрова войска въ битвѣ на Гидаспѣ простирался, по свидѣтельству Арріана, основанному на сказаніяхъ Птолемѣя и Аристовула, только до 310-ти человѣкъ (80-ти пѣшихъ воиновъ, 10-ти конныхъ стрѣлковъ, 20-ти этеровъ и 200 человѣкъ конницы) и потому кажется несообразнымъ съ упорствомъ обороны и силою нападенія, и сомнительнымъ. Впрочемъ, если даже онъ былъ и значительнѣе показаннаго Арріаномъ, то во всякомъ случаѣ, по свойству битвъ древнихъ временъ и ихъ обыкновенныхъ результатовъ, легко могъ быть несравненно слабѣе урона индійскаго войска.

Положивъ, въ память побѣды на Гидаспѣ, основаніе двумъ городамъ: Букефаліи (по имени павшаго въ этой битвѣ коня своего, Букефала) — на мѣстѣ переправы черезъ Гидаспъ, и Никей — на мѣстѣ самой битвы, и оставивъ Кратера съ частию войска для сооруженія этихъ городовъ, Александръ двинулся далѣе къ р. Акесину (нынѣ Дженабъ), впадавшему въ Гидаспъ. На пути къ нему онъ покорилъ сопредѣльныя съ царствомъ Пора индійскія племена, и земли ихъ съ 37-ю городами присоединилъ къ владѣ-

ніямъ Пора. Принявъ сверхъ того покорность нѣкоторыхъ другихъ индійскихъ владѣтелей и независимыхъ племенъ, онъ переправился на плотахъ и судахъ черезъ Акесинъ (по мнѣнію Арріана — въ самомъ широкомъ его мѣстѣ, гдѣ теченіе его было менѣе быстро) и, оставивъ на переправѣ Кэна съ частию войска, быстро преслѣдовалъ индійскаго владѣтеля, именемъ также Пора, который передъ битвой на Гидаспѣ изъявилъ готовность покориться, а потомъ бѣжалъ изъ своихъ владѣній. На пути къ р. Гидраоту (нынѣ Равей или Рауви), впадавшему также въ Гидаспѣ, Александръ оставилъ гарнизоны во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, для обезпеченія Кэна и Кратера, а прибывъ къ Гидраоту, отрядилъ Эфестіона съ частию войскъ для покоренія всѣхъ независимыхъ племенъ на берегахъ этой рѣки и для вторженія потомъ во владѣнія бѣжавшаго Пора. Самъ же онъ переправился черезъ Гидраотъ (близъ нынѣшняго Лагора) и покорилъ часть прибрежныхъ его жителей. Узнавъ, что каѳэяне, оксидраки, маллы и многія другія, независимыя, воинственныя индійскія племена составили между собою союзъ противъ него и собрались подъ стѣнами крѣпости Сангалы на лѣвомъ берегу р. Гипаниса, четвертаго притока Инда (нынѣ рѣка Беджахъ или Біасъ) (*), Александръ немедленно и быстро двинулся туда. На вторыя сутки онъ прибылъ къ городу Пимпрамѣ, жители котораго покорились ему, — далъ въ немъ войску сутки отдыха и на слѣдующій день прибылъ къ Сангалѣ. Индійцы были расположены на высотахъ близъ этой крѣпости и ограждены тройнымъ рядомъ повозокъ. Александръ подступилъ къ нимъ сначала съ конницею; но встрѣченный сильною стрѣльбою изъ луковъ съ вершины повозокъ, и видя, что съ конницею ничего невозможно было сдѣлать, двинулъ впередъ фалангу противъ слабѣйшей части укрѣпленія. Индійцы были легко опрокинуты изъ-за перваго ряда повозокъ, но упорно оборонялись за вторымъ; когда же были выбиты и изъ-за него, то покинувъ укрѣпленный

(*) Сангала находилась противъ нынѣшняго Гурейпура или недалеко отъ этого мѣсто.

станъ свой, бѣжали въ Сангалу и заперлись въ ней. Александръ немедленно обложилъ ее пѣхотою и конницею. Въ слѣдующую ночь индійцы пытались бѣжать изъ Сангалы; но наткнулись на македонскую конницу и частью были изрублены, а остальные воротились въ Сангалу. Тогда Александръ устроилъ вокругъ всей крѣпости два ряда земляныхъ валовъ со рвами, прерванные только въ одномъ мѣстѣ болотомъ: здѣсь Александръ поставилъ двойныя стражи. Затѣмъ къ крѣпостнымъ стѣнамъ начали придвигать стѣнобитныя орудія. Вскорѣ переметчики увѣдомили Александра, что индійцы положили ночью выйти изъ Сангалы и прорваться сквозь стражи у болота. Александръ скрытно поставилъ тамъ Птолемѣя съ 3.000 иппаспистовъ, отрядомъ стрѣлковъ и всѣми агріянами, и приказалъ ему удерживать индійцевъ, а между тѣмъ подать на трубахъ знакъ, по которому другія части войска немедленно должны были поспѣшить на подкрѣпленіе ему. Около 4-й стражи ночи (3 часовъ утра) индійцы дѣйствительно вышли изъ крѣпости и направились къ болоту: но встрѣченные и отовсюду тѣснимые македонянами, были отражены и съ урономъ болѣе 500. челов. откупты обратно въ крѣпость. Между тѣмъ царь и вѣрный союзникъ Александра Поръ прибылъ съ 5-ю тысячами вспомогательныхъ индійскихъ войскъ и большимъ числомъ слоновъ, а вскорѣ и стѣнобитныя орудія были придвинуты къ стѣнамъ. Но еще прежде, нежели было открыто дѣйствіе ими, македоняне успѣли подкопать стѣны, сдѣлать обвалы, приставить лѣстницы — и взяли крѣпость приступомъ. При этомъ, по свидѣтельству Арріана, убито 17.000 и взято въ плѣнъ 70.000 индійцевъ и 500 чел. конницы съ 300 военными колесницами, — македоняне же въ продолженіе осады и на приступъ потеряли только 100 челов. и около 1.200 чел. ранеными. Сангала была разрушена до основанія, земли ея отданы независимымъ, добровольно-покорившимся Александру племенамъ, а союзные съ нею два города, покинутые жителями — заняты македонянами.

Ввѣривъ Пору и его войскамъ занятіе и обезпеченіе покореннаго края, Александръ двинулся далѣе къ рѣкѣ Гифазу (пынѣ Сутледжъ или Сетледжъ), крайнему на востокъ изъ 5-ти прито-

ковъ Инда съ лѣвой стороны (*). Прибывъ къ Гиѳазу (**), онъ намѣревался уже переправиться черезъ него, дабы, какъ говоритъ Арріанъ, покорить лежавшія за этою рѣкою до самаго Ганга плодородныя и богатыя страны, процвѣтавшія въ мирѣ и изобиліи, и обитаемыя земледѣльческими, трудолюбивыми и воинственными племенами,—и дабы разпространить свои завоеванія до того предѣла, гдѣ уже не встрѣтилъ бы болѣе сопротивленія. Но—македонскія и греческія войска, не видя конца его походамъ и своимъ трудамъ, начали роптать и большею частію рѣшительно отказывались идти далѣе. Тщетно Александръ прибѣгалъ ко всему вліянію своему на нихъ, ко всему своему краснорѣчію, для убѣжденія ихъ къ послѣдованію за нимъ и довершенію завоеванія Азіи. Кѣмъ, отъ лица всѣхъ македонянъ и грековъ, представилъ ему, сколь мало ихъ уже оставалось въ войскѣ, сколько силы и мужество ихъ истощились, сколь живо они желали возвратиться на родину, предаться послѣ трудовъ покою и насладиться приобрѣтенными богатствами, сколь неблагеразумно было бы принудить ихъ идти далѣе противъ воли, наконецъ сколь необходимо было самому Александру явить благоразумныя умѣренность и осторожность и, не опасаясь болѣе никакихъ враговъ, предостеречься однакоже отъ внезапныхъ переворотовъ судьбы и счастья. Александръ не далъ на это никакого отвѣта и три дня ждалъ, чтобы войско образумилось и перемѣнило свое намѣреніе. Но видя противное, объявилъ наконецъ свое согласіе на обратный походъ и тѣмъ возбудилъ въ войскѣ общіе восторгъ и признательность.

(*) Изъ 5-ти притоковъ Инда съ лѣвой стороны, Дженабъ (древній Акесинъ) есть главный, сохраняющій свое названіе до самаго впаденія въ Индъ. Въ Дженабъ впадаютъ: съ правой стороны — Джхеламъ или Бехатъ (древній Гидаспъ), — а съ лѣвой стороны ниже—Равей (древній Гидраотъ), и еще ниже—Гарра или Сутледжъ (древній Гиѳазъ), образуемый сліяніемъ Беджаха или Біаса (древняго Гипависа) и Сутледжа. Александръ перешелъ черезъ каждый изъ этихъ притоковъ особенно въ верхнихъ его частяхъ, по направленію отъ нынѣшняго Аттока черезъ Лагоръ на Дели.

(**) По Реннелю — между нынѣшними Аджодиномъ и Дебалпуромъ, а по Данвиллю и Гиббону — на прямомъ направленіи отъ Лагора къ Дели,

§ 99.

Послѣдній, обратный походъ изъ Индіи въ Персію
(326 — 325).

Соорудивъ на берегу Гифаза, въ ознаменованіе дальнѣйшаго предѣла своихъ завоеваній, 12 возвышенныхъ жертвенниковъ (Alexandri Aræ) на подобіе башенъ, свершивъ жертвоприношенія, гимнастическія игры и конскія ристанія, и подчинивъ всѣ страны до Гифаза Пору, — Александръ пройденнымъ путемъ воротился назадъ черезъ Гидраотъ къ тому мѣсту на Акесинѣ, гдѣ Эфестіонъ уже воздвигнулъ новый городъ. Принявъ покорность индійскаго царя Абиссара, онъ перешелъ черезъ Акесинъ и прибылъ къ Никеѣ и Букефалии на Гидаспѣ. Здѣсь, побуждаемый желаніемъ открыть торговый путь изъ средней Азіи океаномъ и Индомъ въ Индію, онъ положилъ построить на Гидаспѣ флотъ и спуститься на немъ въ Индъ и по Инду въ океанъ, тщательно развѣдывая всѣ лежавшія на пути страны и мѣста. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ концѣ 326-го и началѣ 325-го годовъ) на Гидаспѣ были частію собраны съ индійскихъ рѣкъ и частію вновь построены іонянами, кипрянами, финикіянами, египтянами и другими, находившимися въ македонскомъ войскѣ уроженцами приморскихъ странъ — около 2.000, разныхъ величины и рода, судовъ военныхъ и перевозныхъ для конницы и продовольствія. Когда флотъ былъ готовъ, Александръ съ иппаспистами, стрѣлками, агріянами и конными агематами поплылъ на немъ внизъ по Гидаспу въ Индъ и по Инду въ океанъ, сопровождаемый на правомъ берегу частію пѣхоты и конницы подъ начальствомъ Кратера, а на лѣвомъ — главными силами войска и 200-ми слоновъ, подъ начальствомъ Эфестіона. Въ продолженіе 7-ми-мѣсячныхъ плаванія и похода (въ 325 году) внизъ по Гидаспу и Инду (черезъ нынѣшнія земли сейковъ и Синдъ), Александръ весьма часто принужденъ былъ сражаться съ прибрежными индійскими племенами, изъ коихъ важнѣйшими и самыми сильными и воинственными были

маллы (въ нынѣшнемъ Мултанѣ), оксидраки (Птолемей тѣхъ и другихъ называетъ каспирянами) и музыкане. Племена эти сопротивлялись упорно, но были неоднократно разбиваемы и одни вслѣдъ за другими покорены, города ихъ частью разрушены, частью заняты гарнизонами или заселены македонянами и греками, а земли ихъ, въ которыхъ сооружены многіе новые города и крѣпости, и устроены пристани — подчинены правильному управленію и назначеннымъ отъ Александра правителямъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ этихъ племенъ Александръ, по прежнему, былъ всюду первый, нимало не щадилъ себя и въ одномъ случаѣ — при взятіи приступомъ главнаго города малловъ, до того увлекся своею запальчивою храбростью, что едва не погибъ, исполняя долгъ не полководца, а простаго воина. Когда македоняне ворвались въ городъ, маллы заперлись во внутренней крѣпости, защищенной толстою стѣною, которая, будучи построена на скатѣ горы, съ наружной стороны была весьма высока, а съ внутренней напротивъ довольно низка. Раздраженный упорнымъ сопротивленіемъ малловъ, Александръ приказалъ подкапывать стѣну и приставить къ ней лѣстницы. Медленность этихъ работъ возбудила въ немъ живѣйшее нетерпѣніе: схвативъ лѣстницу, онъ устремился по ней на стѣну. За нимъ бросились и иппасписты; но лѣстницы подломились подъ ними — и Александръ остался на вершинѣ стѣны, противъ множества малловъ, только съ тремя военачальниками: Певкестомъ, Леоннатомъ и Абреемъ. Соскочивъ съ ними во внутренность крѣпости и прислонясь къ стѣнѣ, онъ долго защищался съ отчаянною храбростью, но наконецъ изнемогъ отъ необыкновенно глубокой, тяжелой и опасной раны стрѣлою въ верхнюю часть груди. Изъ трехъ военачальниковъ, бывшихъ съ нимъ, Абрей былъ убитъ, а Певкестъ и Леоннатъ, сами тяжело раненые, съ трудомъ могли защищать Александра, лежавшаго у ногъ ихъ безъ чувствъ. По счастью македоняне успѣли въ это время взобраться на стѣну, ворваться въ крѣпостныя ворота и выручить Александра, послѣ чего, овладѣвъ крѣпостію, всѣхъ находившихся въ ней малловъ истребили. Къ общей, искренней и живѣйшей радости всего войска, Александръ, бывшій нѣсколько дней при смерти, наконецъ выздоровѣлъ и продолжалъ плаваніе внизъ по Инду въ океанъ. Во время этого пла-

ванія, онъ овладѣлъ главнымъ, сильно-укрѣпленнымъ городомъ музиканянъ, не доходя Паталы—города, лежавшаго на острову, образуемомъ двумя рукавами Инда, близъ устья этой рѣки (гдѣ нынѣ городъ Татта), послалъ Кратера съ войсками Аттала, Мелеагра и Антигена, нѣсколькими стрѣлками, ранеными, больными и неспособными сражаться этерами и македонянами, и всѣми слонами, чрезъ Арахозію и Дрангіяну въ Карманію, и построилъ при Паталѣ крѣпость и пристань для военныхъ судовъ, а къ югу отъ Паталы, въ самомъ устьѣ Инда—городъ, названный Келленомъ (деревяннымъ городомъ, потому, что онъ былъ построенъ изъ дерева.) Отсюда Александръ послалъ Неарха съ флотомъ, моремъ, вдоль берега, въ устья Евфрата и Тигра, а самъ съ главными силами войска двинулся берегомъ моря на западъ чрезъ Гедрозію (нынѣ южная часть Белуджистана и въ ней самая южная область Мекранъ). Страна эта образовала сплошную песчаную стену, на югѣ ограниченную Эриѳрейскимъ моремъ, а съ сѣвера загражденную, какъ стѣною, неприступными скалами. Покрытая глубокими, сыпучими песками, лишенная воды, ибо рѣки и ручьи только во время дождей наполнялись водою, она была обитаема лишь на сѣверѣ, близъ горъ, гедрозянами, и вдоль морскаго берега—бѣдными рыбаками, которыхъ греки называли ихтіофагами (рыбоѣдами). Александру небезъизвѣстно было, какіе труды и лишенія ему предстояло перенести на походѣ чрезъ Гедрозію. Онъ зналъ, что никогда и ни одно войско не возвращалось изъ нея, что, по преданіямъ, Семирамида возвратилась оттуда только съ 20, а Киръ съ 8 чел. Но это только воспламенило его еще болѣе: онъ захотѣлъ совершить то, чего не могли совершить ни Семирамида, ни Киръ. Къ походу чрезъ Гедрозію побуждала его, впрочемъ, также и необходимость сопровождать вдоль берега моря и снабжать по возможности продовольствіемъ и водою флотъ свой, долженствовавшій впервые совершить плаваніе въ Эриѳрейскомъ морѣ и развѣдать персидскій заливъ и устья Евфрата и Тигра. Дорого стоилъ ему однакоже походъ чрезъ Гедрозію. Большая часть войска и почти весь вьючный скотъ погибли отъ зноя, жажды и истомленія, среди песчаныхъ степей, подъ палящимъ зноемъ солнца. Войска тай-

но убивали лошадей и лошаковъ, чтобы питаться ихъ мясомъ, а при уменьшеніи отъ того перевозочныхъ способовъ, по необходимости должно было бросать множество больныхъ и слабыхъ. Большое число отсталыхъ погибло, заблудившись въ степяхъ. Нерѣдко шли столь обильные дожди, что станы войска были совершенно затопляемы водою. Неразъ войско заблуждалось въ степяхъ и лишь съ трудомъ снова находило настоящее направленіе. И среди этихъ бѣдствій, Александръ, самъ изнуренный и слабый, шелъ обыкновенно пѣшій въ головѣ войска, подавая личный примѣръ мужества, твердости и терпѣнія.

Наконецъ, по 70-ти или 80-ти дневномъ походѣ отъ устьевъ Инда чрезъ Гедрозію, Александръ прибылъ въ Пуру, главный городъ гедрозянъ (нынѣ также Пура, въ сѣверозападной области Белуджистана, Кохистанѣ), и далъ въ немъ изнуренному войску отдыхъ.

По свидѣтельству древнихъ историковъ, всѣ бѣдствія, перенесенныя Александровымъ войскомъ въ Азіи, вмѣстѣ взятые, далеко не могли сравниться съ претерпѣнными имъ въ одномъ походѣ чрезъ Гедрозію, и Александръ привелъ только четвертую часть его изъ этого похода. По словамъ Плутарха, онъ потерялъ въ одномъ этомъ походѣ около 100.000 войскъ;—но это слишкомъ преувеличено: ибо, по словамъ самаго же Плутарха, Александръ при выступленіи изъ Индіи, отъ устьевъ Инда, имѣлъ всего около 125.000 чел. пѣхоты и около 15.000 чел. конницы. Изъ нихъ часть была посажена на флотъ, другая послана съ Кратеромъ въ Карманію, а третья, главная (вѣроятно не болѣе 60-ти или 70-ти тысячъ человѣкъ), двинулась чрезъ Гедрозію. Слѣдовательно, если даже допустить, что изъ этой послѣдней воротилась только $\frac{1}{4}$ (отъ 15.000 до 17.500 челов.), то весь уронъ Александра будетъ простираться отъ 45.000 до 52.500 челов., число, хотя и весьма значительное, но все же меньшее, нежели приводимое Плутархомъ.

По отдохновеніи въ Пурѣ, Александръ вступилъ въ Карманію (нынѣ юговосточная персидская область Керманъ), лежавшую къ западу отъ Гедрозіи вдоль по берегу моря,—степную на сѣверѣ, но богатую плодородными и хорошо-воздѣланными полями и виноградниками на югѣ. Въ Карманіи къ Александру присоединились:

Кратеръ съ его войсками и слонами, Клеандръ, Ситалкъ и Гераконъ съ войсками, остававшимися въ Мидіи, и сверхъ того множество верблюдовъ и вьючнаго скота, чѣмъ пополнена убыль людей и приобрѣтены достаточные перевозочные способы. Затѣмъ зимою съ 325-го года на 324-й Эфестіонъ съ бѣльшею частію войска, вьючнымъ скотомъ и слонами былъ посланъ изъ Карманіи берегомъ моря въ Персію, Неархъ съ флотомъ сопровождалъ его вдоль берега, а самъ Александръ съ легкими войсками, этерами и отрядомъ стрѣлковъ слѣдовалъ къ Пассаргардѣ (*) и оттуда въ Персеполь и Сузу, куда и прибылъ въ февралѣ 324 года. Здѣсь онъ съ необыкновенною щедростію наградилъ войско: уплатилъ долги военачальниковъ и воиновъ, по Арріану на сумму свыше 20.000 талантовъ (около 28-ми милліоновъ рублей серебромъ), — уволеннымъ отъ службы выплатилъ недоданное жалованье, поденную плату до прибытія на родину и сверхъ того по таланту каждому; даровалъ имъ на всю жизнь разнаго рода значительныя и почетныя преимущества, а главнымъ военачальникамъ (Эфестіону, Неарху, Певкесту, Онесикриту и др.), равно и всѣмъ македонскимъ царскимъ тѣлохранителямъ роздалъ золотыя вѣнцы. Затѣмъ, осмотрѣвъ лично Персидскій заливъ и устья Тигра и Евфрата, онъ поднялся вверхъ по Тигру до города Описа въ Мидіи (нѣсколько выше нынѣшняго Багдада) и посѣтилъ Экбатану, всюду занимаясь внутреннимъ устройствомъ завоеванныхъ областей и стараясь слить македонянъ и грековъ съ азіятцами въ одинъ народъ, соединилъ азіятскія войска съ македонскими и греческими, и образовалъ новыя, по европейски вооруженныя и устроенныя войска азіятскія. Между тѣмъ онъ лично свершилъ походъ противъ коссѣянъ, дикаго и хищнаго племени на южныхъ предѣлахъ Мидіи, въ продолженіе 40 дней совершенно покорилъ ихъ, взялъ у нихъ заложниковъ и въ земляхъ ихъ построилъ крѣпости. Затѣмъ, прибывъ въ Вавилонъ, онъ началъ готовиться къ новому походу въ Аравію, но — заболѣлъ и, имѣя уже разстроенное 12-ти лѣтними

(*) Пассаргарда находилась, какъ полагаютъ, на нынѣшней равнинѣ Мурхабъ, къ ю. в. отъ Шираза и къ ю. отъ озера Бахтегіана.

трудами и дѣятельностью здоровье, послѣ 12-ти-дневной болѣзни, 11-го іюня 323-го года, на 33-мъ году отъ рожденія, кончилъ жизнь, исполненную великихъ и дивныхъ подвиговъ!

Изъ нихъ послѣдній, предсмертный походъ его въ Индію едва-ли не самый замѣчательный, хотя и кратковременный. Дѣйствительно, геній Александра, прежде нежели угаснуть на вѣки, проявился съ новою, еще большею силою, въ новомъ, еще болѣе яркомъ блескѣ, и въ приготовленіяхъ къ этому походу, и въ первоначальныхъ, и въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ, и въ цѣломъ его объемѣ, и въ малѣйшихъ его подробностяхъ.

Должно замѣтить однакоже, что въ обратномъ походѣ отъ Гифаза къ устьямъ Инда и отсюда въ Персію, равно и въ послѣдующихъ затѣмъ до смерти своей дѣйствіяхъ, Александръ является уже не столько полководцемъ-завоевателемъ, сколько государемъ, заботливо пекущимся объ упроченіи своихъ завоеваній и благосостояніи своего обширнаго государства. Какъ полководецъ, онъ уже на Гифазѣ, отказомъ своего войска слѣдовать за нимъ далѣе, принужденъ былъ положить предѣлъ своему побѣдоносному шествію на востокъ. Впервые воля его встрѣтила такое сопротивленіе, котораго онъ не въ состояніи былъ преодолѣть ни строгостью, ни кротостью, и, покоряясь необходимости, онъ предпринялъ обратный походъ, въ видахъ болѣе политическихъ и торговыхъ, нежели военныхъ.

§ 100.

Общій выводъ объ Александрѣ Великомъ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

Изложеніе походовъ Александра Великаго заключимъ общимъ выводомъ о немъ самомъ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

И здѣсь обратимся сначала къ лучшему, добросовѣстнѣйшему и правдивѣйшему изъ его историковъ, глубокомысленному философу, свѣдущему и опытному въ военномъ дѣлѣ Арріану. Такъ из-

ображаетъ онъ Александра (*): «Александръ былъ одаренъ прекрасною наружностію, рѣшимостью быстрою, неутомимою, храбростью, все преодолевавшею. Онъ жаждалъ опасностей, еще болѣе чести и славы. Довольно равнодушный къ чувственнымъ удовольствіямъ, онъ былъ ненасытенъ въ алчбѣ наслажденій болѣе возвышенныхъ, благородныхъ. Онъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ избирать лучшія средства, взвѣшивать, предугадывать вѣроятности успѣха. Онъ не имѣлъ равнаго себѣ въ искусствѣ устраивать войска, вооружать ихъ, управлять ими, внушать имъ довѣріе къ себѣ и ободрять ихъ, самъ первый подавая имъ примѣръ преодоленія опасностей съ твердостью непоколебимою. Въ предпріятіяхъ сомнительныхъ, отважность его рѣшала побѣду. Кто лучше его умѣлъ предупреждать непріятеля и побуждать его тогда, когда онъ и не подозрѣвалъ еще движенія противъ него Александра? Онъ свято соблюдалъ данное слово, умѣлъ остерегаться всякаго обмана и, не оставляя себѣ ничего, являлъ щедрость къ друзьямъ своимъ необыкновенную. Рожденный въ мірѣ по особливому предопредѣленію боговъ, онъ не былъ подобенъ никому изъ смертныхъ».

И дѣйствительно, Александръ, какъ человѣкъ, стоитъ на высотѣ, едва доступной смертнымъ, — какъ полководецъ, являетъ въ себѣ соединеніе всѣхъ дарованій, всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ совершенствъ военныхъ, въ тѣлесномъ, душевномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Съ раннихъ лѣтъ величайшая простота въ образѣ жизни, строгія: умѣренность и воздержность, и непрерывная дѣятельность еще болѣе развили въ немъ необыкновенныя крѣпость и силу тѣлесныя, которыми онъ былъ одаренъ отъ природы, и до того закалили его тѣло, что и стужу, и зной, и холодъ, и жажду, и величайшіе труды и лишенія, и тяжкія болѣзни, и жестокія раны онъ былъ въ состояніи переносить и переносилъ почти невѣроятнымъ образомъ.

И въ этомъ, можно сказать, желѣзномъ тѣлѣ была заключе-

(*) Походы Александра В. книга VII глава 7-я.

на и душа, столь же мощная и твердая, дѣятельная и неутомимая, — душа пылкая и восторженная, жаждавшая всего великаго, благаго и полезнаго, исполненная самыхъ возвышенныхъ, благородныхъ чувствъ.

И съ волею твердою, непреклонною, съ рѣшимостью быстрою, смѣлою; въ немъ былъ соединенъ геніальный, свѣтлый, прозорливый умъ, пылкій—какъ его душа, быстрый—какъ его воля, обширный—какъ его замыслы. Но сознаніе собственныхъ силъ, вѣра въ свое предназначеніе, довѣріе къ своему счастью и пылкость души, тѣмъ болѣе, что военные подвиги его свершены въ лѣта самаго сильнаго дѣйствія страстей (отъ 20-ти до 32-хъ), все это было причиною, что воля въ немъ часто брала верхъ надъ разсудкомъ и, неумѣряемая имъ, вела иногда къ излишней и даже дерзкой отважности. Но счастье, всегда болѣе или менѣе благопріятствующее смѣлымъ и искуснымъ полководцамъ, всегда болѣе или менѣе вѣрующимъ въ него, всегда и во-время спасало въ этихъ случаяхъ и Александра.

До провозглашенія себя царемъ персидскимъ, Александръ пребылъ неизмѣнно-вѣрнымъ простотѣ въ образѣ жизни, умѣренности и воздержности, къ которымъ былъ пріученъ съ молода. Если же подъ конецъ жизни онъ и окружилъ себя восточными роскошью и пышностью, и нарушалъ иногда законы умѣренности и воздержности, то вовсе не по врожденной склонности, а вслѣдствіе необходимости сообразоваться, съ одной стороны—съ персидскими, а съ другой—съ македонскими обычаями.

Но необыкновенныя его: дѣятельность, неутомимость въ трудахъ, терпѣливость въ лишеніяхъ и нуждѣ, неустрашимость и присутствіе духа въ опасностяхъ, и пылкая, кипучая, отважная храбрость въ бояхъ были, въ теченіе цѣлой его жизни, всегда одинаковыми, неизмѣнными. И въ трудахъ, и въ опасностяхъ онъ всегда былъ первымъ и, личнымъ примѣромъ своимъ сильно одушевляя войска, неодолимо увлекалъ ихъ за собою. Въ бояхъ же онъ являлся истиннымъ героемъ, превыше смертныхъ, грознымъ и великимъ, искалъ опасностей, устремлялся въ самую жаркую сѣчу и, мощною рукою сокрушая все вокругъ себя, распространялъ смятеніе и ужасъ, смерть и опустошеніе въ рядахъ непріятельскихъ.

Если ко всему этому присовокупить его благодушное, кроткое, ласковое обхожденіе съ войсками, его необыкновенная попечительность и заботливость о нихъ, чрезвычайную щедрость и всегдашнюю справедливость его наградъ, наконецъ—его величественный видъ и увлекательный даръ слова, то легко будетъ понять необыкновенное нравственное вліяніе, которое онъ имѣлъ на свои войска, неограниченныя: любовь, преданность и довѣріе, которыя внушалъ имъ къ себѣ, и то рѣдкое искусство, съ какимъ умѣлъ побуждать ихъ къ труднѣйшимъ и опаснѣйшимъ подвигамъ, ободрять, одушевлять, воспламенять ихъ и внушать имъ мужество, твердость, терпѣніе и благородныя, возвышенныя чувства чести и славы. При всемъ томъ, онъ постоянно соблюдалъ между ними строгіе воинскіе подчиненность и порядокъ, и если, при всей любви своей къ нему, войскамъ его случалось упадать духомъ, роптать и отказывать ему въ повиновеніи, то присутствіемъ духа, силою убѣжденія, кротостию, соединенною съ твердостью и, въ случаѣ нужды, съ немедленными, справедливыми мѣрами строгости и наказаній, онъ всегда и скоро умѣлъ снова обращать ихъ къ чувству долга и повиновенію. Только разъ въ жизни—на Гифазѣ—вся власть его, все нравственное его вліяніе оказались тщетными и онъ по необходимости принужденъ былъ покориться волѣ войска.

Онъ не былъ ни жестокимъ, ни мстительнымъ, но во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ являлъ истинныя челоѣколюбіе и великодушіе. Еслиже подъ конецъ жизни онъ обнаруживалъ иногда особенную строгость, то былъ побуждаемъ къ ней обстоятельствами и необходимостью, а если предавался порывамъ гнѣва, то это должно отнести къ его молодости, вспыльчивости и естественнымъ слѣдствіямъ вліянія постоянного счастья и ласкательствъ, раздражительности и нетерпѣнію противурѣчія и сопротивленія.

Честолюбіе его было неограниченное, но благородное и возвышенное. Онъ хотѣлъ завоевать міръ, но для того, чтобы распространить въ немъ греческое просвѣщеніе и учредить всемірную торговлю. Онъ открылъ войну съ персами, но для того, чтобы отмстить имъ за разоренія Греціи и обогатить послѣднюю, а не самого себя, доказательствомъ чему служить то, что большую часть сокровищъ,

пріобрѣтенныхъ въ Азіи, онъ роздалъ бывшимъ съ нимъ македонянамъ и грекамъ, отослалъ въ Грецію, употребилъ на сооруженіе городовъ и дѣла общепользныя, и.т.п.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ постоянно являлъ политику необыкновенно мудрую и осторожную, справедливую, благую и полезную. Ею онъ пріуготовлялъ и облегчалъ успѣхи своего оружія, ею же онъ утверждалъ и упрочивалъ свои завоеванія. И если обширная монархія его распалась, виною тому были: ранняя, преждевременная смерть его и то, что ни одинъ изъ его преемниковъ не имѣлъ дарованій, необходимыхъ для поддержанія и продолженія его дѣлъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ несоразмѣрность его силъ, средствъ и способовъ съ огромностью и величіемъ его предпріятія, обширностью, дальностью и быстротою его завоеваній, и многочисленностью, важностью и блескомъ его успѣховъ и побѣдъ. Лишь съ 40.000 войскъ и 200-ми талантовъ открылъ онъ войну противъ персидскаго царя, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи огромныя силы, средства и способы, и несмѣтныя богатства. Въ продолженіе войны онъ не могъ легко и скоро пополнять убыли своихъ войскъ, и только позже, по завоеваніи внутреннихъ областей персидскаго государства, пріобрѣлъ значительныя силы, способы и денежные средства. А до того времени онъ былъ обязанъ своими успѣхами гораздо болѣе мужеству, дарованіямъ и искусству, нежели силамъ и средствамъ своимъ.

Военную славу его особенно возвышаетъ то, что онъ никогда и никѣмъ не былъ побѣжденъ, но всегда и надъ всѣми былъ побѣдителемъ. Правда, что военное поприще его было непродолжительно, и неизвѣстно, въ случаѣ, еслибы онъ прожилъ долѣе, всегда-ли бы ему благопріятствовало счастье и не измѣнило-ли бы оно наконецъ и ему, какъ измѣняло многимъ другимъ великимъ людямъ и полководцамъ? Правда также, что въ войнѣ съ персами ему чрезвычайно благопріятствовали: 1) превосходство македонянъ и грековъ надъ персами, и собственное его превосходство надъ Даріемъ, въ особенности же 2) то, что онъ, при своихъ гениальныхъ дарованіяхъ, соединялъ въ своихъ рукахъ и власть полководца, и власть

монарха, и 3) то, что онъ имѣлъ такихъ противниковъ, какъ персы. Изъ всѣхъ народовъ Азіи только тиряне, согдіяне, бактріяне, скиѣ и индійцы сопротивлялись ему храбро и упорно, персы же — крайне малодушно и слабо. Но все это не только нимало не унижаетъ достоинства его подвиговъ и не помрачаетъ славы его завоеваній, но и еще болѣе возвышаетъ ихъ. Ибо въ умѣніи его всегда сообразовать свои дѣйствія съ средствами и обстоятельствами, свойствами мѣстности и непріятеля, и дѣйствіями послѣдняго, и въ чрезвычайномъ вслѣдствіе того разнообразіи его дѣйствій противъ различныхъ народовъ и въ различныхъ странахъ Азіи, именно и заключается главнѣйшее достоинство искусства веденія имъ войны.

Его образъ веденія войны—говоритъ Наполеонъ (*)—былъ методическій и заслуживаетъ величайшихъ похвалъ (**). Онъ велъ войну по предварительно и глубоко соображенному предначертанію, никогда не отступая отъ него въ главныхъ основаніяхъ, никогда не выпуская изъ виду главной его цѣли, но согласуя его въ подробностяхъ исполненія съ средствами и непрерывно измѣняющимися на войнѣ обстоятельствами.

Онъ дѣйствовалъ не иначе, какъ выполнѣ обезпечивъ себя съ тыла и фланговъ, прикрывъ ту страну или тотъ край, которые должны были служить опорою, основаніемъ его дѣйствій, и сообщенія свои съ ними, и принявъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Для этого въ тылу за собою онъ оставлялъ болѣе или менѣе сильные отряды, а въ важнѣйшихъ городахъ и крѣпостяхъ гарнизоны, назначалъ военныхъ начальниковъ и гражданскихъ правителей, обезпечивалъ себя и мѣрами кротости, и мѣрами строгости, и безусловною покорностью побѣжденныхъ, и выгодными, надежными союзами.

Обезпеченный такимъ образомъ въ тылу своемъ, онъ устремлялся прямо къ ближайшему предмету своихъ дѣйствій — странѣ,

(*) Mémoires de Montholon, II, 10.

(**) Подъ методическимъ образомъ веденія войны Наполеонъ разуметъ дѣйствія, сообразныя съ средствами и обстоятельствами, т. е. разсудительныя, обдуманныя, основательныя.

краю, городу и преимущественно тому пункту, гдѣ находилось войско непріятельское.

Онъ двигался и дѣйствовалъ преимущественно совокупными силами;—но, когда надобность и обстоятельства того требовали, раздѣлялъ свои силы, для того однако, чтобы затѣмъ снова сосредоточить ихъ.

Онъ двигался и дѣйствовалъ всегда съ величайшими: быстрою и рѣшительностью, стараясь предупреждать непріятеля, приводить его въ изумленіе и замѣшательство внезапностію, нечаянностію своихъ появленія и нападенія, и поражать его — стремительною и силою своего удара.

Онъ велъ войну съ необыкновенною дѣятельностію;—но, когда надобность и обстоятельства того требовали, медлилъ, выжидалъ удобныхъ времени и случая, а между тѣмъ усиливался и давалъ своему войску необходимый отдыхъ.

Онъ дѣйствовалъ во всѣ времена года безъ различія, зимою какъ и лѣтомъ, въ странахъ горныхъ и ровныхъ, плодородныхъ и безплодныхъ, населенныхъ и безлюдныхъ, всегда сообразуя съ ними свои дѣйствія, никогда не затрудняясь представляемыми ими препятствіями. Ни широкія и быстрыя рѣки, ни высокія, неприступныя горы, ни песчаная степь—ничто не было въ состояніи устрашить и задержать его. Напротивъ, гдѣ наиболѣе было препятствій и опасностей, туда онъ охотнѣе и направлялъ свое шествіе, если только предвидѣлъ отъ того какую-либо пользу или выгоду. Иногда однако заботливость о своемъ войскѣ заставляла его предпочитать дальнѣйшіе, но удобнѣйшіе пути кратчайшимъ, но труднѣйшимъ, и даже прибѣгать къ обходамъ естественныхъ препятствій и расположеннаго при нихъ непріятеля.

При всей своей дѣятельности, при всей быстротѣ своихъ движеній, онъ всегда прилагалъ особенное попеченіе о сбереженіи своихъ войскъ и обладалъ рѣдкимъ искусствомъ—по мѣрѣ движенія впередъ не только не ослабляться, но и усиливаться. Имѣвъ на Граникѣ 40.000 войскъ, въ послѣдующихъ битвахъ, не смотря на убыль въ промежуткахъ между ними (оставленными въ тылу гарнизонами, убитыми въ дѣлахъ съ непріятелемъ, умершими отъ

болѣзней, ранеными, больными, отосланными въ Македонію и Грецію, и поселенными въ Азіи), онъ имѣлъ при Иссъ — также 40.000, при Арбелѣ — 47.000, а при выступленіи въ индійскій походъ — до 135.000 войскъ. Онъ достигалъ этого усиленіемъ своего войска подкрѣпленіями изъ Македоніи и Греціи (до 38,000 челов. въ продолженіе цѣлой войны) и въ особенности наборами войскъ въ завоеванныхъ имъ областяхъ Азіи.

Онъ продовольствовалъ войска свои преимущественно правильнымъ сборомъ съ края, чрезъ который проходило или въ которомъ дѣйствовало его войско, что, какъ весьма естественно, было удобнѣйшимъ и даже единственно-возможнымъ способомъ продовольствованія при его быстрыхъ и дальнихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Но въ извѣстныхъ разстояніяхъ онъ учреждалъ большіе склады продовольствія, изъ которыхъ войска, при движеніи впередъ, запасались и несли на себѣ или перевозили съ собою на столько времени продовольствія, на сколько имъ было назначаемо Александромъ. Во время плаванія же по Гидаспу и Инду, и похода чрезъ Гедрозію, продовольственные запасы были перевозимы на флотѣ.

Сраженія Александра отличаются необыкновеннымъ искусствомъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія въ тактическомъ отношеніи. Отличительною чертою ихъ было нападеніе однимъ (преимущественно правымъ) усиленнымъ крыломъ, либо обоими, въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, на одно или оба крыла непріятельскія, съ фронта, во флангъ и въ тылъ. При этомъ всѣ движенія и дѣйствія Александровыхъ войскъ были производимы съ величайшими правильностью и точностью, и каждая часть, каждый родъ войскъ всегда были употребляемы вполне сообразно съ ихъ назначеніемъ, вооруженіемъ и устройствомъ, съ мѣстностью, расположеніемъ и дѣйствіями непріятеля, и обстоятельствами.

Обладая въ высшей степени искусствомъ побѣждать въ бою, Александръ обладалъ и неменьшимъ искусствомъ извлекать изъ побѣдъ своихъ наибольшія выгоды и пользу. Но онъ никогда не увлекался побѣдою, никогда преслѣдованію разбитаго и неопаснаго болѣе врага не жертвовалъ выгодами болѣе важными и положительными. За то, если надобность и обстоятельства того требо-

вали, онъ преслѣдовалъ непріятеля съ неимовѣрными напряженіемъ силъ, быстротою и рѣшительностью. Самымъ изумительнымъ въ этомъ отношеніи было преслѣдованіе имъ Дарія и Бесса.

Наконецъ — осады Александра безспорно ставятъ его въ число искуснѣйшихъ поліорцетовъ древности, изъ коихъ немного было ему подобныхъ, еще менѣе равныхъ.

И въ справедливомъ удивленіи къ его геніяльнымъ дарованіямъ и дивнымъ подвигамъ военнымъ, потомство включило его въ малый, избранный сонмъ величайшихъ въ мірѣ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, и признало его образцомъ, вполне достойнымъ изученія и подражанія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

КАРѢАГЕНЯНЕ.

§ 101. Военное устройство и военныя учрежденія.— § 102. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.— § 103. Войны карѣагенянъ.

Источники: Діодоръ Сицилійскій, Діонисій Галикарнассскій, Полибій, Folarд, Guischarд, St-Cyr Chantreaux, Carrion Nisas, Kausler, Handbibliothek für Officiere & Rosquancourt, Баронъ Зедделеръ, Rolin, Heeren (въ особенности), Доренцъ и др., указанные въ главахъ I — XV.

§ 101.

Военное устройство и военныя учрежденія.

Карѣагенъ—торговое поселеніе, основанное на берегахъ сѣверной Африки, за 878 лѣтъ до Р.Х., тирскими и другими финикійскими выходцами, съ самаго начала велъ безпрерывныя войны съ цѣлію учрежденія торговыхъ поселеній и распространенія своихъ владѣній и торговли. Въ концѣ 6-го вѣка (550-500), когда онъ успѣлъ уже стать во главѣ союза финикійскихъ поселеній въ сѣверной Аѳрикѣ и сдѣлать обширныя въ ней завоеванія и еще значительнѣйшія внѣ ея предѣловъ, полководецъ его, Магонъ I или старшій, родоначальникъ знаменитаго поколѣнія, въ которомъ званіе карѣагенскаго полководца было около полутора вѣка (550-400) наслѣдственнымъ; положилъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, первыя основанія правильному военному устройству Карѣагена. Но въ 5-мъ

и 4-мъ вѣкахъ, равно и въ первой половинѣ 3-го вѣка передъ Р.Х. — періодъ наибольшаго могущества и славы Карфагена, уже сильной на морѣ военноторговой республики, стремившейся путемъ завоеваній довершить господство свое на островахъ и побережьяхъ западной части средиземнаго моря, военное устройство ся достигло также наибольшаго своего развитія и представляетъ вообще нижеслѣдующія главныя черты:

Географическое положеніе и торговая политика Карфагена, почти непрерывныя войны, веденныя имъ, и защита собственныхъ владѣній, вѣроятно, уже съ раннихъ временъ сдѣлали необходимыми для него образованіе и содержаніе сильнаго флота и многочисленнаго, нѣкоторымъ образомъ постоянного, сухопутнаго войска. Но будучи государствомъ преимущественно торговымъ, Карфагенъ щадилъ жизнь собственныхъ подданныхъ и предпочиталъ, для веденія кровопролитныхъ войнъ своихъ, нанимать иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе наемниковъ служило ему средствомъ сообщенія съ различными, даже отдаленнѣйшими народами и основою торговыхъ сношеній съ ними. По этимъ причинамъ флоты и арміи карфагенскіе были составлены преимущественно изъ иноплеменныхъ наемниковъ, и ни у одного изъ народовъ древности обычай содержать наемныя войска не былъ развитъ до такой степени, какъ у карфагенянъ.

Морскія военныя силы занимали у нихъ первое мѣсто и были весьма значительны. Средоточіемъ ихъ былъ самый городъ Карфагенъ. Здѣсь находились: сильно-укрѣпленная военная гавань, главное: мѣстопробываніе и пристанище карфагенскихъ флотовъ, многочисленные морскіе склады и заведенія, верфи и т. п. Военными судами были обыкновенно (до пуническихъ войнъ) триремы, число которыхъ во время сицилійскихъ войнъ простиралось до 150 и даже 200. На военныхъ судахъ у карфагенянъ, какъ у грековъ, были частію сухопутныя войска и частію гребцы (первыхъ около $\frac{1}{4}$, послѣднихъ около $\frac{3}{4}$). Гребцами были рабы, покупаемые для этого правительствомъ и вѣроятно всѣ или болѣею частію постоянно содержимые и въ мирное время. Флоты карфагенскіе имѣли своихъ особенныхъ предводителей, отличныхъ отъ предводи-

телей сухопутныхъ войскъ, и подчиняемыхъ послѣднимъ только при совокупныхъ дѣйствіяхъ флотовъ и армій; въ противномъ же случаѣ они зависѣли и всѣ приказанія получали непосредственно отъ самаго сената.

Военносухопутныя силы Карѣагена занимали второе мѣсто, хотя были весьма многочисленны. Составъ ихъ былъ самый разнородный, а именно онѣ состояли: 1) изъ собственныхъ гражданъ Карѣагена, 2) изъ различныхъ данниковъ и союзниковъ его, и 3) изъ иноплеменныхъ наемниковъ.

Наименѣе въ войскѣ было собственныхъ гражданъ Карѣагена. Лишь незначительное число ихъ, большею частію изъ высшаго, знатнѣйшаго и богатѣйшаго сословія, служило въ войскѣ и преимущественно въ конницѣ, служба въ которой, по дороговизнѣ, была доступна только богатымъ людямъ и считалась почетнѣйшею, — отчасти же составляло особенную, отборную и почетную пѣшую дружину подъ названіемъ священной. Священная карѣагенская дружина служила, какъ кажется, тѣлохранителями главнымъ предводителямъ войскъ, практическимъ военнымъ училищемъ для знатныхъ карѣагенянъ, разсадникомъ карѣагенскихъ полководцевъ и военачальниковъ, и отличалась какъ роскошью въ одеждѣ и вооруженіи, такъ и храбростью.

Въ случаяхъ особенной важности или большой опасности, и прочіе граждане Карѣагена и другихъ городовъ карѣагенскихъ были однако обязаны вооружаться. Въ такомъ случаѣ одинъ городъ Карѣагенъ могъ выставять 40,000 чел. пѣхоты и 1.000 чел. конницы.

Второе мѣсто послѣ собственныхъ карѣагенскихъ войскъ занимали войска африканскихъ данниковъ Карѣагена, происшедшихъ изъ смѣшенія карѣагенянъ съ туземцами Африки и извѣстныхъ въ исторіи подъ названіемъ ливіо-финикіянъ. Этихъ войскъ было гораздо болѣе, нежели собственныхъ карѣагенскихъ.

Но наибольшую часть карѣагенскихъ армій составляли иноплеменные наемники. Карѣагеняне набирали ихъ въ самыхъ противоположныхъ странахъ Африки и Европы, между самыми разнородными племенами ихъ, съ тѣмъ, по словамъ Полибія, намѣреніемъ,

чтобы наборомъ разноплеменныхъ наемниковъ, говорившихъ непонятными другъ другу нарѣчіями, предупреждать заговоры, измѣны и возмущенія между ними. Наборъ наемниковъ въ Африкѣ и Европѣ производился чрезъ особо-посылаемыхъ для того правительствомъ сенаторовъ, которые заключали съ правителями народовъ и вождями племенъ условія о наймѣ у нихъ опредѣленнаго числа войскъ и количествѣ денежнаго имъ жалованья. Лучшими между иноплеменными наемниками, по устройству и военному порядку, были войска испанскія. Галльскія, служившія у карѣагенянъ наемниками уже съ весьма раннихъ временъ, были изъ числа храбрѣйшихъ. Многочислениѣйшую же часть карѣагенскихъ наемниковъ составляли войска кочевыхъ племенъ, обитавшихъ въ сѣверной Африкѣ, на всемъ пространствѣ отъ Египта до западнаго океана.

Вообще карѣагенскія арміи, по составу, представляли большое сходство съ персидскими: подобно тому, какъ послѣднія заключали въ себѣ почти всѣ народы востока, такъ въ первыхъ были почти всѣ народы запада. Составъ ихъ преимущественно изъ наемниковъ достаточно объясняетъ, почему числительная сила ихъ была всегда такъ значительна. Однако греческіе и римскіе историки большею частію уже слишкомъ преувеличиваютъ ее, и исчисленіямъ ихъ довѣрять нельзя. Но во всякомъ случаѣ достоверно то, что, при огромныхъ денежныхъ средствахъ Карѣагена, выставить 100.000 войскъ ему не стоило большаго труда. Всего многочисленнѣе карѣагенскія арміи были, сколько кажется, во времена сицилійскихъ войнъ.

Въ мирное время Карѣагенъ содержалъ также нѣкоторое число войскъ, большею частію наемныхъ, которыя составляли стражу столицы и городовъ въ областяхъ. Войска эти, равно какъ и принадлежавшіе къ нимъ лошади, склады запасовъ и проч., были располагаемы обыкновенно въ особо-устроенныхъ для того въ стѣнахъ внутреннихъ городскихъ крѣпостей (цитаделей) помѣщеніяхъ. Въ каждомъ городѣ былъ особый военный градоначальникъ, начальствовавшій и всѣми находившимися въ городѣ войсками.

Говоря вообще, военное устройство Карѣагена, при нѣкоторыхъ выгодахъ, имѣло большіе недостатки и невыгоды. Съ одной сторо-

ны внѣшнія неудачи не причиняли Карөагену чувствительнаго вреда: ему нечего было щадить и жалѣть полудикихъ наемниковъ, и пока у него не было недостатка въ деньгахъ для ихъ пайма, онъ всегда легко и скоро могъ пополнять даже величайшую убыль своихъ войскъ, ибо охотниковъ служить въ нихъ наемниками было всегда множество. Содержаніе разноплеменныхъ наемныхъ войскъ согласовалось и съ торговою политикою Карөагена, какъ объяснено выше, и съ внутреннимъ его благосостояніемъ, ибо народонаселеніе государства не было ни отвлекаемо отъ промышленности и торговли, ни истощаемо войною. Но, съ другой стороны, наемники нисколько не могли замѣнять природныхъ войскъ, ибо въ нихъ не было ни преданности къ чуждому имъ государству, ни единодушія, ни благородныхъ побужденій чести и славы. Разнородныя составныя части карөагенскаго войска не были соединены между собою никакими естественными и тѣсными узами, никакими общими и важными выгодами, и не составляли одного, неразрывнаго цѣлаго. Данники всегда были готовы возстать и отложиться, а наемники, при малѣйшемъ неудовольствіи, невыдачѣ или даже неисправной выдачѣ имъ жалованья, либо предложеніи кѣмъ-либо другимъ большей платы, возмущались, предавались безпорядкамъ и всегда были готовы обратить оружіе противъ самаго Карөагена. Отъ того Карөагенъ былъ слабъ и почти беззащитенъ внутри. Внезапное нападеніе непріятеля на собственные его предѣлы, отъ котораго флоты его не всегда были въ состояніи защитить его, при невозможности сверхъ того въ скорости собрать въ такомъ случаѣ наемное войско, подвергало Карөагенъ величайшей опасности. Внутреннія же войны, гораздо болѣе опасныя для него, нежели внѣшнія, нерѣдко поставляли его на край гибели.

Къ этому должно еще присовокупить важные недостатки въ начальствованіи карөагенскими арміями. Предводители ихъ были избираемы (всегда изъ собственныхъ гражданъ Карөагена) народомъ и большею частію не по личнымъ способностямъ и дарованіямъ, не за заслуги и отличія, оказанныя отечеству, но по особеннымъ прихоти или благорасположенію народа, либо господствующей политической партіи, по знатности рода или богатству, связямъ или про-

искалъ. Безпрерывная же борьба политических партій и попере-
мѣнное торжество одной надъ другими, зависть народа къ побѣ-
дамъ и завоеваніямъ искусныхъ или счастливыхъ полководцевъ,
и еще болѣе опасеніе, чтобы предводители армій не употребили сво-
ей власти противъ свободы Карфагена—все это было причиною, что
ихъ часто смѣняли, даже въ продолженіе самой войны, самыхъ
военныхъ дѣйствій, отказывали имъ въ требуемыхъ ими подкрѣп-
леніяхъ и денежныхъ средствахъ, всячески стѣсняли ихъ и на-
конецъ совершенно ограничили власть ихъ. Уже и прежде военная
власть, вполнѣ отдѣленная отъ гражданской, была ограничена тѣмъ,
что при предводителяхъ армій во время войны постоянно находи-
лись особо-назначаемые сенатомъ, для надзора за ихъ дѣйствіями,
сановники, отъ которыхъ они болѣе или менѣе зависѣли. Но
послѣ попытки одного полководца, именемъ Малха, захватить верхов-
ную въ Карфагенѣ власть и превратить ее въ неограниченную воен-
ную, въ 5-мъ вѣкѣ (между 480-мъ и 410-мъ годами) учреждено
было верховное судилище (герусія) изъ 100 сенаторовъ, предназна-
ченное для обезпеченія государственныхъ устройства и учрежде-
ній отъ властолюбія аристократовъ и особенно предводителей армій.
Имѣя постоянное пребываніе въ Карфагенѣ, судилище это управляло
оттуда войною и военными дѣйствіями, даже въ самыхъ отдален-
ныхъ странахъ, составляло военные предначертанія, требовало отъ
полководцевъ непремѣннаго и точнаго исполненія ихъ, и строго,
нерѣдко жестоко наказывало предводителей армій за отступленія
отъ нихъ, неудачныя предпріятія и пораженія. Естественнымъ слѣд-
ствіемъ этого было то, что военные предначертанія верховнаго су-
дилища были рѣдко сообразны съ обстоятельствами, непрерывно
измѣняющимися на войнѣ, — полководцы, страшась ответствен-
ности и наказанія за неудачи, не отваживались на предпріятія и
дѣйствія смѣлыя и рѣшительныя, и вслѣдствіе того военные дѣй-
ствія и войны карфагенянъ были ведены большею частію медлен-
но, нерѣшительно, вяло и слабо. И если Карфагенъ успѣлъ до та-
кой степени распространить свои предѣлы и могущество, то этимъ
былъ гораздо болѣе обязанъ политикѣ и золоту своимъ, и грубо-
му невѣжеству своихъ враговъ, нежели превосходству военного

устройства и нравственной силѣ войска и народа своихъ. Надъ народами дикими и неустроенными, и надъ врагами безсильными, карѣагеніане торжествовали болѣе или менѣе легко. Но тамъ, гдѣ они имѣли противъ себя благоустроенныя, храбрыя войска и искусныхъ полководцевъ, тамъ большею частію претерпѣвали неудачи и пораженія, даже со стороны гораздо слабѣйшаго въ силахъ непріятели. Побѣды, одержанныя надъ ними (500-324) Гелономъ, Діонисіемъ старшимъ и Тимолеономъ въ сицилійскихъ войнахъ, служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

§ 102.

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

(Карѣагенскія войска были пѣшія и конныя, тяжелыя и легкія, правильно - устроенныя и неустроенныя. Вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ были, какъ и самый составъ карѣагенскихъ армій, чрезвычайно разнообразны, ибо разноплеменные войска, составлявшія эти арміи, большею частію сохраняли вооруженіе, устройство и образъ дѣйствій, свойственные ихъ отечественнымъ странамъ.

| Священная дружина была, по Діодору, пѣшая и тяжело-вооруженная. Прочіе карѣагенскіе граждане, служившіе въ войскѣ, составляли тяжелую конницу.

Ливіо-финикіане сражались и пѣшими, и конными, и составляли, первые—часть тяжелой пѣхоты, а послѣдніе—часть тяжелой конницы.

Какъ они, такъ и дружина собственныхъ гражданъ Карѣагена были вооружены длинными копьями и имѣли подъ конецъ этого періода правильное устройство.

Испанскіе наемники составляли отличную тяжелую пѣхоту и отчасти тяжелую конницу. Главнымъ оружіемъ ихъ былъ большой мечъ, которымъ одинаково можно было и колоть, и рубить.

Галлы сражались пѣшими (до пуническихъ войнъ) и почти нагими. Главнымъ оружіемъ ихъ былъ мечъ, которымъ можно было только рубить.

Балеарскіе пращники, особенно свойственные въ этомъ періодѣ карфагенскимъ арміямъ, отличались необыкновенно сильнымъ и мѣткимъ метаніемъ каменьевъ и свинцовыхъ пуль изъ пращей.

Но многочисленнѣйшимъ родомъ войскъ въ составѣ карфагенскихъ армій была превосходная, хотя и неустроенная, легкая конница кочевыхъ африканскихъ племенъ: массилянъ, массессилянъ, маковъ и маврузянъ, извѣстная подъ общимъ названіемъ нумидійской. По позднѣйшему свидѣтельству Страбона и Аппіана, она имѣла жалкую наружность, но отличныхъ всадниковъ и коней. Всадники, полунагіе, едва прикрытые плащами, навернутыми на лѣвыя руки и служившими вмѣсто щитовъ, либо львиными или тигровыми шкурами, вооруженные легкими дротиками и мечами, сражались на малорослыхъ и тощихъ степныхъ коняхъ. Но воинственные, мужественные, неутомимые, довольствовавшіеся самою скудною пищею и отмѣнно храбрые, они были и отличными наѣздниками: ибо росли, можно сказать, на конѣ и съ дѣтства свыкались съ верховой ѣздой. Кони же ихъ были необыкновенно крѣпки, быстры на скаку и неутомимы. Нападеніе нумидійской конницы было всегда чрезвычайно пылкое и стремительное; она не стыдилась бѣгства: ибо бѣжала только для того, чтобы, обратясь назадъ, снова нападать. Превосходно обезпечивая собственное войско отъ внезапныхъ нападеній, она въ тоже время сама непрерывно тревожила непріятеля нечаянными, частными со всѣхъ сторонъ нападеніями, быстро и неутомимо преслѣдовала его въ отступленіи и отлично вела малую войну небольшими отрядами.

Карфагеняне употребляли также на войнѣ и въ битвахъ, сначала—военныя колесницы, а потомъ—слоновъ. Неизвѣстно, принесенъ-ли ими обычай употребленія военныхъ колесницъ изъ Финикіи, или заимствованъ у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ. Употребленію слоновъ на войнѣ они научились, впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, у Пирра, уже передъ пуническими

войнами, и ввели у себя этотъ обычай тѣмъ легче, что Африка изобиловала слонами.

Въ общемъ строѣ карѣагенское войско представляло странный видъ. Средину или главныя силы составляли: пѣхота и конница карѣагенскія, ливіо-финикійскія, галльскія, испанскія и другія. Впереди были разсыпаны Балеарскіе пращники и построены военныя колесницы, а по флангамъ находились многочисленныя толпы нумидійской конницы. Образъ дѣйствій въ бою, за нѣкоторыми исключеніями, сходствовалъ съ тѣмъ, который былъ въ употребленіи у восточныхъ, невѣжественныхъ въ военномъ искусствѣ народовъ.

Вообще карѣагенскія арміи, составленныя преимущественно изъ легкихъ и неустроенныхъ войскъ, имѣли всѣ выгоды и невыгоды такого рода состава. Сверхъ обезпеченія своего отъ внезапныхъ нападеній, онѣ легко и удобно совершали большія и дальнія движенія. Но, разоряя край вокругъ, легкія войска лишали ихъ средствъ продовольствованія и удобнаго отступленія. Въ арміяхъ карѣагенскихъ не только не было никакого воинскаго порядка, но и происходили большіе беспорядки и часто свирѣпствовали жестокія заразительныя болѣзни. По причинѣ множества лошадей (и позже слоновъ), ихъ было весьма трудно перевозить моремъ, а отъ беспорядковъ въ управленіи и частыхъ недостатка въ продовольствіи и заразныхъ болѣзней, онѣ претерпѣвали неизбѣжныя, огромныя потери.

О кастраметаціи, фортификаціи и поліорцетикѣ у карѣагенянъ — нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Состояніе ихъ было, вѣроятно, болѣе или менѣе, то же, что и у современныхъ образованныхъ народовъ. Можно замѣтить только: во 1-хъ, что карѣагеняне имѣли обыкновеніе всюду, гдѣ высаживали войска свои на берегъ, располагать ихъ въ укрѣпленныхъ станахъ; это усматривается, между прочимъ, и изъ перваго торговаго договора между Карѣагеномъ и Римомъ (509-го года), — и во 2-хъ, что самый городъ Карѣагенъ былъ укрѣпленъ тремя рядами каменныхъ стѣнъ, вышиною въ 30 локтей (около 6—7 сажень,) съ брустверами и 4-хъ-ярусными башнями, изъ коихъ послѣднія были построены въ рав-

ныхъ одна отъ другой разстояніяхъ; стѣны имѣли 2 яруса со сводами, и въ нихъ были устроены помѣщенія на 20.000 человѣкъ пѣхоты, на 4.000 чел. конницы и на 400 лошадей, съ пужными для нихъ складами продовольствія, оружія и другихъ военныхъ запасовъ.

§ 103.

Войны карѣагенянъ.

Подробности войнъ, веденныхъ карѣагенянами въ первые четыре вѣка существованія Карѣагена (878—480) въ сѣверной Африкѣ и на островахъ и берегахъ западной части Средиземнаго моря, неизвѣстны въ исторіи. — Несомнѣннымъ кажется, однакоже, во 1-хъ, что съ 550-го года по 480-й войны карѣагенянъ были ведены съ успѣхомъ и славою, — во 2-хъ, что передъ началомъ сицилійскихъ войнъ (480 г.) карѣагеняне владѣли уже завоеванными ими: въ сѣверной Африкѣ — землями между моремъ, Нумидіей, Киренаикой и внутренними степями, а внѣ Африки — островами Сардиніей, Балеарскими, нѣкоторыми другими меньшими, частію Сициліи и даже, какъ кажется, Корсикою, Мадерою и Канарскими островами, — и, сверхъ того, основали поселенія на берегахъ Испаніи и по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ (Гибралтарскаго пролива), на сѣверо-западныхъ берегахъ Африки, — и въ 3-хъ, что успѣхами и славою этихъ войнъ и завоеваній они были обязаны преимущественно Магону I и его знаменитому роду.

Съ 480-го года и до самаго начала пуническихъ войнъ (264), въ періодъ цвѣтущаго состоянія Карѣагена, главною цѣлію его политики было совершенное завоеваніе Сициліи. — Такъ какъ къ этой же цѣли стремились и Сиракузы, могущество которыхъ возрастало все болѣе и болѣе, то между этими двумя сосѣдственными республиками и происходили, въ теченіе всего этого времени, почти непрерывныя, жестокія и кровопролитныя войны. — Въ войнахъ этихъ карѣагеняне претерпѣвали неоднократныя и сильныя пораженія, и цѣли своей окончательно не достигли, однакоже часто и

значительно приближались къ ней и едва не покорили всей Сициліи.

Въ первый разъ карѣагеняне пытались покорить Сицилію въ 480-мъ году, въ то самое время, когда на востокъ Ксерксъ I совершалъ грозное нашествіе свое на Грецію. — Въ это время въ первый и послѣдній разъ міръ былъ свидѣтелемъ союза Карѣагена съ персами — западныхъ, африканскихъ завоевателей съ восточными, азіатскими, противъ всѣхъ вообще грековъ въ Европѣ. — Готовясь къ нашествію на Грецію съ востока, Ксерксъ предложилъ Карѣагену союзъ, съ тѣми условіями и цѣлію, чтобы, когда персы нападутъ на Грецію съ востока, карѣагеняне напали на сицилійскихъ и италійскихъ грековъ, препятствовали имъ подавать помощь родной своей странѣ и даже совершенно вытѣснили ихъ изъ Сициліи и великой Греціи (южной Италіи). — Карѣагеняне охотно согласились на предложенія Ксеркса, вполне согласовавшіяся съ собственною ихъ политикою, — и въ 480-мъ году сильные флотъ и войско ихъ (по сомнительнымъ показаніямъ греческихъ и римскихъ историковъ — 300.000 чел. сухопутныхъ войскъ на 2-хъ тысячахъ военныхъ и 3-хъ тысячахъ перевозныхъ судовъ), подъ главнымъ предводительствомъ Амилькара I, сына Магона I, направились къ Панорму (нынѣ Палермо) въ Сицилію. — Высадясь безпрепятственно близъ Панорма, Амилькаръ осадилъ сильно укрѣпленный городъ Гимеру и устроилъ два укрѣпленныхъ стана: одинъ для сухопутныхъ войскъ къ югу отъ Гимеры, а другой для морскихъ войскъ и гребцовъ къ западу отъ этого города, на берегу моря. — Внутри приморскаго стана онъ помѣстилъ и всѣ вытащенные на берегъ суда флота. — Тиронъ, тиранъ или правитель Агригента, властвовавшій также и надъ Гимерою, просилъ помощи зятя своего, Гелона, тирана сиракузскаго, который и послѣшилъ къ Гимерѣ съ 30.000 чел. пѣхоты и 5.000 ч. конницы. — Расположась скрытно въ лѣсу, на горѣ, недалеко отъ Гимеры, онъ перехватилъ письмо селинунтянъ, въ которомъ они извѣщали союзниковъ своихъ, карѣагенянъ, что на слѣдующій день (6-го іюля 480-го года, день боя при Термопилахъ), отрядъ селинунтской конницы присоединится къ Амилькару въ станъ морскихъ

войскъ, въ то самое время, когда онъ будетъ приносить въ этомъ станѣ жертву Нептуну.—Гелонъ воспользовался этимъ и приказалъ равносильному отряду своей конницы идти въ назначенные день и станъ, и выдать себя за селипунтянъ. Впущенная въ станъ конница Гелонова напала на безоружныхъ карфагенянъ и почти всѣхъ ихъ истребила, въ томъ числѣ и самаго Амилькара, а флотъ карфагенскій сожгла. Узнавъ объ успѣхѣ своей конницы, Гелонъ съ своей стороны немедленно напалъ на станъ сухопутныхъ карфагенскихъ войскъ и взялъ его приступомъ. Огорченные и уstraшенные смертію Амилькара и сожженіемъ своего флота, карфагенскія сухопутныя войска сопротивлялись слабо и искали спасенія въ бѣгствѣ. Гелонъ преслѣдовалъ ихъ и истребилъ до 150.000 (?) челов. Остальныя собрались на одной высотѣ, къ востоку отъ Гимеры, гдѣ, окруженные сиракузянами и терпя недостатокъ въ продовольствіи, принуждены были сдаться. Такъ повѣствуютъ Геродотъ и Діодоръ, присовокупляя, что изъ 300-тысячнаго карфагенскаго войска въ Карфагенъ не воротилось даже ни одного (?) человѣка, который могъ бы увѣдомить о бѣдствіи, постигшемъ войско.

Такимъ образомъ побѣда сиракузянъ надъ карфагенянами при Гимерѣ была еще рѣшительнѣе, нежели та, которую нѣсколько недѣль спустя (23-го сентября 480-го года) греки одержали надъ персами при Саламинѣ. Слѣдствіемъ ея было то, что карфагеняне были принуждены заключить постыдный для нихъ миръ.

Затѣмъ въ продолженіе 70-ти лѣтъ (480 — 410 г.) исторія Карфагена весьма мало извѣстна. Но, съ 409-го года, войны между карфагенянами и сицилійскими греками возобновились и до самыхъ пуническихъ войнъ продолжались почти непрерывно и съ постепенно возрастающими съ обѣихъ сторонъ упорствомъ, силою и ожесточеніемъ. Причинами этого были: со стороны Карфагена—то, что онъ въ это самое время находился въ наибольшихъ своихъ силѣ и стремленіи къ завоеваніямъ, а со стороны сицилійскихъ грековъ—честолюбивые замыслы Діонисія I или старшаго, тирана сиракузскаго, и его преемниковъ, клонившіеся къ распространенію власти Сиракузъ надъ всею Сициліею и великою Греціею.

Въ 409-мъ году карфагеняне вмѣшались въ распри Селинунта и Эгесты (или Сегесты), и послали въ помощь эгестинцамъ сильное войско подъ предводительствомъ Аздрубала III (правнука Магона I). Аздрубаль разбилъ селинунтянъ, осадилъ, взялъ и разрушилъ Селипунтъ (409) и, покоривъ Гимеру, возвратился въ Карфагенъ, гдѣ былъ принятъ, какъ побѣдитель, съ большимъ торжествомъ (408).—Этотъ успѣхъ сильно поощрилъ карфагенянъ къ завоеванію Сициліи. Въ 407-мъ году Аздрубаль былъ снова посланъ туда съ войскомъ, силы котораго простирались, по Эфору—до 300.000 челов. (что весьма сомнительно), а по Тимэю—только до 120.000 челов. на 2-хъ тысячахъ перевозныхъ судовъ. Аздрубаль за старостію взялъ въ сотоварищи двоюроднаго брата своего, Имилька II. Высадясь въ Сицилію, они заложили новый городъ Оермы и осадили Агригентъ. Въ изобиліи снабженный военными и продовольственными запасами, Агригентъ оборонялся упорно и долго; въ карфагенскомъ же войскѣ появилась чума, отъ которой погибъ и самъ Аздрубаль. Имильконъ однакоже продолжалъ осаду и выслалъ часть арміи къ р. Гимерѣ, на встрѣчу сиракузскимъ войскамъ, шедшимъ изъ Сиракузъ на помощь Агригенту;—но она была разбита и преслѣдована до самаго своего стана подъ Агригентомъ. Послѣ 8-ми мѣсячной осады Агригентъ былъ наконецъ взятъ (406) карфагенянами, которые овладѣли въ немъ богатѣйшею добычею и провели въ немъ зиму. Въ 405-мъ году, разрушивъ его и разоривъ камарійскій округъ, они осадили Гелу, оградивъ себя со стороны поля укрѣпленною линіею, состоявшею изъ каменнаго вала съ широкимъ рвомъ.—Діонисій I сиракузскій поспѣшилъ на помощь Гелѣ, но, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ воспрепятствовать взятію ея карфагенянами. Большая часть жителей Агригента и Гелы спаслись въ Сиракузы. Однако Имильконъ, ослабленный потерями, не считалъ себя въ силахъ съ успѣхомъ продолжать войну въ Сициліи и предложилъ Діонисію миръ, который этотъ послѣдній принялъ охотно потому, что и самъ находился въ трудномъ положеніи. По этому миру карфагеняне, сверхъ прежнихъ владѣній своихъ въ Сициліи, приобрѣли вновь земли Селинунта, Гимеры, Агригента и нѣкоторыхъ

другихъ городовъ, а Гела и Камаріна обязались платить имъ дань (404).

Діонисій, въ теченіе слѣдующихъ 6-ти лѣтъ (403 — 398), усмиривъ возстаніе сиракузянъ, утвердивъ власть свою и покоривъ многіе сицилійскіе города, вооружился противъ Карѣагена и рѣшился совершенно изгнать карѣагенянъ изъ Сициліи. — Въ 397 году, приказавъ истребить находившихся въ Сиракузахъ и сиракузскихъ городахъ карѣагенянъ, онъ объявилъ Карѣагену войну, обложилъ и взялъ островокъ Мотію, на которомъ находился карѣагенскій гарнизонъ, и, за исключеніемъ 5-ти, покорилъ всѣ союзныя съ Карѣагеномъ въ Сициліи города.

Карѣагеняне, хотя и значительно ослабленные чумою и потерями въ войнахъ, рѣшились однакоже употребить всѣ усилія для спасенія своихъ владѣній въ Сициліи. Въ 396-мъ году 300.000 чел. пѣхоты и 4.000 чел. конницы, съ 400-ми военныхъ колесницъ (по Тимѣю же только 100 000 карѣагенянъ, къ которымъ по высадкѣ присоединились 3.000 сицилійцевъ) были посланы, подъ предводительствомъ Имилькона, на 28-ми военныхъ и 1.000 перевозныхъ судахъ, въ Сицилію. Близъ Панорма сиракузскій флотъ напалъ на карѣагенскій и нанесъ ему уронъ въ 50 судовъ и 5.000 чел. — Не смотря на то, Имильконъ высадился, взялъ Эриксъ и Мотію, и чтобы отрѣзать сиракузянъ отъ всякой помощи изъ Италіи и Греціи, обложилъ на сушѣ и морѣ и вскорѣ взялъ приступомъ Мессену. Между тѣмъ онъ заключилъ союзъ съ Гимерой и нѣкоторыми другими городами, и взялъ Липару, главный городъ Липарскихъ острововъ. Эти успѣхи побудили многіе сицилійскіе города отложиться отъ Діонисія и присоединиться къ Имилькону. Діонисій успѣлъ однакоже вооружить 180 судовъ и собрать 30.000 чел. пѣхоты и 3.000 чел. конницы, съ которыми направился отъ Сиракузъ вдоль морскаго берега противъ Имилькона; — но при Катанѣ, вслѣдствіе непослушанія и нерадѣнія предводителя своего флота, былъ разбитъ съ потерей 100 судовъ и 20.000 чел. и обложенъ Имилькономъ въ Сиракузахъ на сушѣ и морѣ. Имильконъ взялъ приступомъ Ахрадину, самую обширную часть города; — но когда сиракузяне полу-

чили подкрѣпленія изъ Греціи и Италіи, карфагеняне были постоянно отражаемы и на сухомъ пути, и на морѣ. Къ этому присоединилась чума, сильно свирѣпствовавшая между ними и чрезвычайно ослабившая ихъ. Діонисій воспользовался тѣмъ и однажды въ полночь произвелъ съ 10-ю тысячами отборныхъ войскъ внезапное нападеніе на два укрѣпленные стана карфагенянъ и на два отдѣльныя укрѣпленія ихъ, прикрывавшія большую гавань. Въ то же самое время 80 сиракузскихъ судовъ напали въ большой гавани на карфагенскій флотъ. Въ сухопутномъ войскѣ и флотѣ карфагенскихъ распространился ужасъ и произошелъ величайшій безпорядокъ, пользуясь которыми сиракузяне взяли приступомъ оба стана и оба укрѣпленія, и большую часть находившихся въ нихъ карфагенскихъ войскъ истребили; — флотъ же частью сожгли и частью потопили или истребили. При этомъ карфагеняне потеряли (по Діодору и Плутарху) до 150.000 челов. (?). За 300 талантовъ серебра Діонисій дозволилъ Имилькону со всѣми оставшимися въ живыхъ карфагенскими гражданами ночью спастись въ Карфагенъ. Оставшіеся же наемныя карфагенскія войска были отчасти взяты въ плѣнъ, а большею частью поступили въ сиракузскую службу. Имильконъ не хотѣлъ пережить своей неудачи и уморилъ себя голодомъ. Бѣдственный конецъ его предпріятія противъ Сициліи весьма сходствуетъ съ концомъ подобнаго предпріятія афинянъ противъ нея въ 415—413-мъ годахъ. Карфагеняне не отказались однакоже отъ намѣренія своего завоевать Сицилію и въ 392-мъ году послали оставленному въ ней Имилькономъ полководцу Магону въ подкрѣпленіе 80.000 наемныхъ войскъ, къ которымъ въ Сициліи присоединилось еще множество сицилійцевъ. Магонъ со всѣми своими силами двинулся къ городу Агирію; — но Діонисій успѣлъ склонить тирана агирскаго на свою сторону и Магонъ былъ принужденъ заключить съ Діонисіемъ мирный договоръ, уступивъ ему городъ Тавромений и его земли.

Затѣмъ до 345-го года карфагеняне отчасти вели съ перемѣннымъ успѣхомъ войну съ Діонисіемъ старшимъ въ Сициліи, отчасти же были въ мирѣ съ нимъ. Но во время и послѣ прав-

ленія Діонисія II или младшаго, они воспользовались, снова съ цѣлію завоеванія Сициліи, междуусобіями сицилійцевъ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, сиракузяне въ 347-мъ году просили помощи богатаго Коринеа, который и послалъ въ Сицилію войско подъ предводительствомъ храбраго и искуснаго полководца своего Тимолеона. Но въ то же время сиракузяне призвали также Икетъ, тиранна леонтинскаго; на помощь противъ Діонисія. Икетъ прибылъ къ Сиракузамъ прежде Тимолеона, заключивъ съ карфагенянами договоръ, въ силу котораго послѣдніе обязывались содѣйствовать Икету и возвестъ его въ званіе тиранна сиракузскаго, какъ скоро Діонисій будетъ изгнанъ (346). Икетъ увѣдомилъ коринѣское правительство, что помощь Коринеа болѣе не нужна; но Тимолеонъ, прибывъ уже въ Регій (345) и узнавъ, что Икетъ обложилъ Діонисія въ сиракузской крѣпости и что карфагенскій флотъ заграждаетъ коринѣскимъ войскамъ путь въ Сицилію, успѣлъ искусно и удачно обмануть предводителей этого флота, пробраться сквозь него съ 10-ю судами и высадиться въ Тавроменіѣ. Икетъ пошелъ ему на встрѣчу; — но при Адранѣ коринѣяне произвели внезапное на него нападеніе, нанесли ему уронъ въ 900 чел. и взяли его станъ и обозы. Адранъ и многіе другіе сицилійскіе города впустили Тимолеона безъ сопротивленія и вскорѣ онъ принудилъ Діонисія сдать сиракузскую крѣпость (343). — Самъ Діонисій былъ отосланъ плѣннымъ въ Коринѣ.

Тогда карфагеняне усилили свое войско въ Сициліи. Полководецъ ихъ Магонъ вступилъ (342) съ 150 ю судами въ гавань Сиракузъ, высадивъ около 60.000 войскъ, овладѣлъ частию города, и одною половиною войскъ осадивъ крѣпость, съ другою двинулся къ Катанѣ. Въ отсутствіи его, Тимолеонъ произвелъ сильную вылазку, истребилъ одну и опрокинулъ другую часть осаждавшихъ, и завладѣлъ Ахрадиной. Вскорѣ потомъ, получивъ изъ Коринеа подкрѣпленія, онъ освободилъ Мессену отъ ея тиранна и подступилъ къ той части Сиракузъ, которая еще была занята карфагенянами. Магонъ былъ принужденъ удалиться изъ Сициліи и по прибытіи въ Карфагенъ—казненъ (341).

Едва Тимолеонъ успѣлъ освободить всѣ сицилійскіе города, какъ новое войско карфагенское, силою до 70.000 челов. подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ, Аздрубала и Амилькара, переправилось на 200-хъ военныхъ и 1000 перевозныхъ судахъ въ Сицилію (340). Тимолеонъ, собравъ едва 11.000 войскъ, двинулся послѣшно противъ карфагенянъ и встрѣтилъ ихъ на берегахъ рѣки Кримисса, гдѣ они были расположены станомъ. Появленіе его привело карфагенянъ въ замѣшательство, которымъ онъ воспользовался для стремительнаго нападенія на 10.000 передовыхъ карфагенскихъ войскъ, перешедшихъ рѣку. Войска эти были разбиты еще прежде, нежели главные силы карфагенянъ подошли къ нимъ на помощь. Коль же скоро послѣднія перешли черезъ рѣку нѣсколько лѣвъѣ Тимолеона, битва возобновилась и побѣда долго склонялась то на ту, то на другую сторону. Но въ то самое время, когда карфагенское войско уже готовилось охватить и окружить малочисленное войско Тимолеоново, разразилась сильная гроза съ проливнымъ дождемъ и градомъ, ударявшими прямо въ лицо карфагенянамъ, которые пришли отъ того въ безпорядокъ и, не могши устоять, начали отступать къ рѣчкѣ. Тогда Тимолеонъ произвелъ на нихъ стремительное и сильное нападеніе съ фронта и во флангъ, и бѣольшую часть ихъ опрокинулъ въ рѣку. Священная карфагенская дружина защищалась храбро, упорно и долго, и вся легла на мѣстѣ. — Изъ остающаго карфагенскаго войска 10.000 были убиты, а 15.000 взяты въ плѣнъ. Сверхъ того въ руки побѣдителей достались всѣ обозы и продовольственные запасы, множество повозокъ, оружія, золота, серебра и другихъ сокровищъ.

Это жестокое пораженіе карфагенянъ, третье послѣ претерпѣнныхъ ими при Гимерѣ и Сиракузахъ, не воспрепятствовало имъ однакоже послать въ Сицилію, въ томъ же 340-мъ году, на 70-ти военныхъ судахъ, подъ предводительствомъ полководца Гискона, новое войско, состоявшее большею частію изъ греческихъ наемниковъ. Но Тимолеонъ, разбивъ сначала Икета, обратился противъ Гискона и союзника его, Мамерка, тирана катанскаго, и послѣ продолжительнаго, кровопролитнаго боя близъ Катаны, на берегахъ

рѣки Алаба, разбилъ Гискона и Мамерка, нанеся карѣагенянамъ уронъ въ 2.000 челов. (339). Тогда Карѣагенъ просилъ мира, который и былъ заключенъ въ 338-мъ году, на выгодныхъ для греческихъ городовъ въ Сициліи условіяхъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

РИМЛЯНЕ.

І. Военное устройство и военное искусство. --- § 104. Военное устройство и военные учреждения. — § 105. Различные роды войскъ, вооружение, строй и образъ дѣйствій ихъ. — § 106. Фортификація, полиорцетика и военное искусство вообще. — II. Войны римлянъ. — § 107. Войны при царяхъ (754—509). — § 108. Войны римлянъ со времени введенія народнаго правленія до осады Веій (509—405). — § 109. Война съ веіентянами и осада Веій (404—395). — § 110. 1-е нашествіе галловъ (389—388). — Битва на р. Алліи. — § 111. 2-ое нашествіе галловъ (366). — Битва на р. Аніо. — § 112. Война съ тарквиньянами, герниками и галлами (358). — Битва Суллиція съ галлами. — § 113. Войны римлянъ послѣ осады Веій вообще. § 114. Общій выводъ о войнахъ римлянъ и ихъ характеръ, и объ образъ и искусствѣ веденія римлянами войны въ этомъ періодѣ.

—oo—

Источники: Діодоръ Сицилійскій, Діонисій Галикарнаскій, Титъ Ливій, Montesquieu, Rollin, Fergusson, Niebuhr, и новѣйшіе, указанные выше.

—♦♦♦—

I.

Военное устройство и военное искусство.

§ 104.

Военное устройство и военные учрежденія.

Изложивъ начало и послѣдующіе ходъ и развитіе военныхъ: устройства, учрежденій и искусства у восточныхъ народовъ, у грековъ, у македонянъ и у карфагенянъ, наконецъ приступаемъ къ разсмотрѣнію ихъ у знаменитѣйшаго народа древности—римлянъ. Предметъ высокой занимательности, ибо превосходство военныхъ:

устройства, учреждений и искусства римлянъ было одною изъ главнѣйшихъ причинъ могущества, величія и славы Рима.

Уже первые два съ половиною вѣка отъ основанія Рима до введенія народнаго правленія (754-509) достойны всякаго вниманія тѣмъ, что въ теченіе этого именно періода получили свое начало всѣ основныя военныя учрежденія Рима, образовалось во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ своихъ военное устройство его, которыя, развиваясь въ послѣдствіи по мѣрѣ и сообразно съ обстоятельствами, въ главныхъ основаніяхъ до самыхъ временъ упадка Рима оставались неизмѣнными.

Основанный за 754 г. до Р. Х. выходцами изъ Альбалонга, главнаго города латинянъ, и изъ другихъ городовъ средней. Италіи, Римъ былъ первоначально не иное что, какъ укрѣпленный притонъ грабителей и хищниковъ, которые и по страсти, и по нуждѣ жили въ непрерывной войнѣ съ ближайшими, сосѣдственными городами и племенами, и грабили ихъ земли. Сосѣди мстили хищникамъ нападеніями на Римъ, и римская военная община, не смотря на быстрое приумноженіе свое новыми удалцами, по необходимости должна была, и для нападенія, и для обороны, относительную слабость силъ своихъ вознаграждать правильнымъ и хорошимъ военнымъ устройствомъ ихъ. Но и при этомъ едва-ли бы она устояла противъ усилій враговъ своихъ, еслибы всѣ семь первыхъ правителей или царей ея не были людьми необыкновенными. Первый изъ нихъ, Ромуль (754-717), основатель Рима, положилъ также и первыя основанія военнымъ устройству и учрежденіямъ его. Онъ раздѣлилъ все населеніе Рима на 3 трибы (или колѣна), а каждую трибу на 10 курій. Всѣ совершеннолѣтніе и способные сражаться римляне были обязаны находиться во всегдашней готовности къ войнѣ. Изъ числа ихъ, каждая триба, въ случаѣ войны, выставяла 1.000 чел. пѣхоты и 100 конныхъ вооруженныхъ воиновъ. Пѣхота раздѣлялась на 10 центурій или сотень, а конница на 10 декурій или десятковъ. Конница была набираема между знатнѣйшими и достаточнѣйшими римлянами. 3000 пѣшихъ и 300 конныхъ воиновъ всѣхъ трибъ вмѣстѣ составляли легіонъ (названный такъ отъ слова *legere*, связывать, или *eligere*, избирать, т.е. соеди-

ненная или, что вѣроятнѣе—отборная дружина). Сверхъ того Ромулъ учредилъ особую дружину изъ 300 знатныхъ и отборныхъ воиновъ, которые находились всегда при немъ, служили ему тѣлохранителями и должны были быстро передавать и исполнять его приказанія, отъ чего и были названы *celeres* (быстрыми). Всѣмъ войскомъ предводительствовалъ самъ царь, а подъ нимъ начальствовали трибуны или тысячники, центурионы или сотники и декуріоны или десятники. За исключеніемъ дружины 300 царскихъ тѣлохранителей (*celeres*), получавшихъ содержаніе отъ царя, всѣ прочія войска служили на собственномъ иждивеніи, т. е. съ своимъ оружіемъ и на своемъ продовольствіи.

Таковы были первыя, основныя начала военныхъ устройства и учрежденій римлянъ. Прибавимъ къ этому, что главную силу ихъ составлялъ превосходный воинскій духъ римлянъ, источникомъ котораго было сильное чувство любви ихъ къ новому, общему отечеству своему—Риму. Отсюда проистекали всѣ суровыя военныя добродѣтели, которыми римляне отличались при Ромулѣ: умеренность, мужество, дѣятельность и повиновеніе властямъ. Любви своей къ отечеству и твердымъ, мудрымъ мѣрамъ Ромула римляне его временъ были обязаны также и первыми началами воинскаго между ними порядка, залога не только силы и успѣховъ, но и самаго бытія подобнымъ образомъ составленной военной общины.

Преемники Ромула продолжали развивать и совершенствовать военныя устройство и учрежденія Рима сообразно съ обстоятельствами, но на положенныхъ Ромуломъ основаніяхъ и въ томъ же самомъ духѣ. Нума Помпилій (717—679) скрѣпилъ, и упрочилъ ихъ религіею. Туллъ Гостилій (679—640) умножилъ конницу вдвое, т. е. до числа 600 чел., дабы имѣть оной во всегдашней готовности на 2 легіона, ввелъ между римлянами тѣлесныя (гимнастическія) и военныя упражненія, и утвердилъ въ римскомъ войскѣ воинскіе: подчиненность и порядокъ. Тарквиній Прискъ или старшій (617—578) умножилъ конницу еще вдвое, т. е. до числа 1,200 чел. (на 4 легіона.) Но въ особенности важны военныя учрежденія 6-го и замѣчательнѣйшаго изъ римскихъ царей—Сервія Туллія (578—534). Имѣя въ виду ограничить вліяніе низшихъ и увеличить

вліяніе высшихъ сословій народа на общественныя дѣла, Сервій Туллій, сверхъ прежняго раздѣленія на трибы, раздѣлилъ всѣхъ гражданъ, по состоянію и платимымъ податямъ, на 6 классовъ. 1-й былъ составленъ изъ богатѣйшихъ гражданъ и раздѣленъ на 80 центурій, къ которымъ были причислены также 18 центурій всадниковъ и патриціевъ. 2-й, 3-й и 4-й классы были раздѣлены каждый на 20, а 5-й на 30 центурій, 6-й же составленъ изъ бѣднѣйшихъ и неимущихъ гражданъ и изъ одной только центуріи, хотя былъ самый многочисленный. Такъ какъ общественныя дѣла, дотолѣ рѣшаемыя въ народныхъ собраніяхъ по куріямъ, съ этого времени начали быть рѣшаемы по центуріямъ, то 1-й классъ, въ которомъ было болѣе центурій, нежели во всѣхъ прочихъ вмѣстѣ, имѣлъ въ народныхъ собраніяхъ рѣшительный перевѣсъ; но за то на него преимущественно были возложены военныя повинности; между тѣмъ, какъ граждане 6-го класса были вовсе освобождены отъ военной службы. Сверхъ того Сервій Туллій 1) опредѣлилъ срокомъ вступленія въ дѣйствительную военную службу, гражданъ, обязанныхъ оною—17-ти лѣтній, а срокомъ увольненія отъ нея—45-лѣтній возрастъ, т.е. набору подлежали граждане не моложе 17-ти и не старѣе 45-ти лѣтъ; 2) опредѣлилъ сроками службы: въ пѣхотѣ—16 и въ случаѣ надобности 20, а въ конницѣ—10 лѣтъ (или правильнѣе—полныхъ 6-ти мѣсячныхъ походовъ), 3) установилъ, что никто изъ гражданъ, не прослужа въ пѣхотѣ 10, а въ конницѣ 5-ти лѣтъ или полныхъ походовъ, не могъ имѣть права на получение гражданскихъ званій и должностей; 4) къ тремъ прежнимъ трибамъ прибавилъ четвертую, чѣмъ увеличилъ число пѣшихъ воиновъ въ легіонѣ до 4.000 чел.; наконецъ 5) общее число римской конницы увеличилъ до 2,400 челов. (на 8 легіоновъ).

Раздѣленіемъ народа и войска на классы, и войско, и военная служба были, такъ сказать, облагоустроены и положено начало важному у римлянъ праву служить въ войскѣ (*jus militiae*). Чѣмъ болѣе каждый изъ 5-ти первыхъ классовъ возвышался одинъ надъ другимъ знатностію и состояніемъ, тѣмъ значительнѣе были: право его служить въ войскѣ и сопряженные съ нимъ обязанности и преимущества, и наоборотъ. 6-й же, бѣднѣйшій классъ,

равно: граждане предосудительной нравственности, преступники, вольноотпущенники, рабы, гладиаторы или бойцы, граждане слабые, болѣзненные, подверженные тѣлеснымъ недостаткамъ и проч. были лишены и означеннаго права, и его преимуществъ.

Введеніе народнаго правленія (509 г.) не произвело никакого особеннаго измѣненія въ военномъ устройствѣ Рима, за исключеніемъ того, что войсками во время войны стали предводительствовать, вмѣсто царей, два, ежегодно вновь избираемые народомъ, консула, которые въ военное время имѣли надъ войскомъ внѣ Рима власть почти неограниченную. Если въ полѣ была одна армія, то, по жребію, одинъ изъ консуловъ начальствовалъ ею, а другой оставался въ Римѣ для управленія общественными дѣлами. Если въ полѣ были двѣ отдѣльно-дѣйствовавшія арміи, то каждою начальствовалъ консулъ. Наконецъ, если обѣ арміи соединялись, то каждый консулъ начальствовалъ обѣими поочередно въ продолженіе сутокъ.

Въ 498 году внутреннія смуты и война съ латинянами послужили поводомъ къ первому учрежденію званія диктатора. Съ этого времени, въ случаяхъ особенной важности или крайней опасности, когда сенатъ и народъ усматривали необходимость единства власти, обыкновенно былъ избираемъ диктаторъ, имѣвшій полную власть набирать и распускать войска, объявлять войну и заключать миръ, и проч., но только до минованія опасности и обыкновенно, не долѣе 6-ти мѣсячнаго срока, по истеченіи котораго былъ обязанъ дать сенату отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ употребленіи своей власти. Диктаторъ избиралъ себѣ самъ, а иногда сенатъ или народъ назначали ему товарища и помощника въ званіи начальника конницы (Magister equitum), такъ какъ самъ диктаторъ считался непосредственнымъ начальникомъ главнаго рода войскъ—пѣхоты.

Наборъ войскъ производился, со времени введенія народнаго правленія, слѣдующимъ образомъ: сенатъ опредѣлялъ число войскъ, долженствовавшихъ быть набранными, и въ назначенный день въ Капитоліѣ, а со времени учрежденія народныхъ трибуновъ (493 г.) большею частію внѣ городскихъ стѣнъ, на Марсовомъ полѣ,

одинъ или оба консула, смотря по числу армій, производили, между собранными гражданами опредѣленныхъ для службы лѣтъ, наборъ первоначально въ пѣхоту, а потомъ въ конницу. По окончаніи набора, новопабранные воины приносили, сначала каждый порознь, а потомъ всѣ вмѣстѣ, присягу въ вѣрности республикѣ и долгу, въ повиновеніи начальникамъ, единодушіи и мужествѣ. Народонаселеніе Рима умножилось уже до того, что въ годъ введенія народнаго правленія (509 г.) простиралось до 440.000 чел., изъ коихъ $\frac{1}{4}$, т.е. 110.000 считалось совершеннолѣтнихъ, способныхъ, по закону, къ военной службѣ.

Въ первые три вѣка отъ основанія Рима (754—450) римляне не имѣли другихъ войскъ, кромѣ своихъ собственныхъ, составленныхъ изъ римскихъ гражданъ: ибо рѣдко имѣли союзниковъ, а жителей покоренныхъ городовъ и земель обыкновенно переселяли въ Римъ и давали имъ права римскаго гражданства, чѣмъ вознаграждалась убыль народонаселенія отъ войны и побѣжденные были соединяемы въ одинъ народъ съ побѣдителями. Съ 4-го же вѣка по основаніи Рима или съ половины 5-го вѣка передъ Р.Х. римляне начали употреблять, сверхъ собственныхъ войскъ, войска своихъ союзниковъ (Socii)—жителей городовъ латинскихъ или Лація, и другихъ. Оставляя союзникамъ собственные ихъ законы и образъ правленія, они набирали между ними союзные легіоны, которые имѣли одинаковые съ римскими составъ и устройство. Сенатъ назначалъ число войскъ, долженствовавшихъ быть набранными между союзниками, мѣсто и время ихъ сбора, и затѣмъ наборъ оныхъ производился въ одно время съ наборомъ римскихъ войскъ и въ такомъ же точно порядкѣ, чрезъ сановниковъ, нарочно для того посылаемыхъ сенатомъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что римскія войска, набираемая весною передъ самымъ походомъ, распускаемая осенью по окончаніи его и служившія на собственномъ содержаніи, были, подобно греческимъ до 4-го вѣка, войсками временными и имѣли тѣже недостатки въ смыслѣ военномъ и государственномъ. Они не могли удаляться на большія разстоянія отъ Рима, совершать дальнихъ и продолжительныхъ походовъ, одерживать прочныхъ успѣ-

ховъ, содержать покоренныхъ народовъ въ повиновеніи и утверждаться въ ихъ земляхъ. Недостатокъ войскъ, постоянно содержимыхъ правительствомъ, при внутреннихъ распряхъ патриціевъ съ плебеями лишавшихъ правительство возможности обращать всѣ силы Рима противъ внѣшнихъ враговъ, былъ причиною, что покоренные народы безпрестанно возставали и нерѣдко доводили Римъ до самаго крайняго положенія, и что при всемъ превосходствѣ римлянъ надъ ихъ врагами въ устройствѣ войскъ и военномъ дѣлѣ, при всемъ мужествѣ и храбрости ихъ, власть Рима распространялась и силы его возрастали весьма медленно.

Но война римлянъ въ веіентянами и почти 10-ти лѣтняя осада первыми города Веій (404-395) послужили поводомъ къ нѣкоторымъ важнымъ нововведеніямъ въ военныхъ: устройствѣ и учрежденіяхъ римлянъ, и потому составляютъ замѣчательную эпоху въ исторіи ихъ. Важнѣйшимъ въ числѣ этихъ новыхъ учрежденій было введеніе выдачи войскамъ денежнаго жалованья, продовольствія и оружія. Твердо рѣшась покорить богатый, сильный и крайне непріязненный Риму городъ Веіи, и предвидя, что оборона его будетъ упорная, а осада трудная и продолжительная, сенатъ римскій, самъ собою, безъ всякаго требованія со стороны народа, постановилъ, передъ самымъ началомъ войны (въ концѣ 405 или началѣ 404 годовъ), что пѣхота будетъ впредь получать изъ общественной казны денежное жалованье, а два года спустя (въ 402 г.) даровалъ тоже преимущество и конницѣ. Жалованья первоначально было назначено по 3 асса (около 6¹/₂ или 7 к. серебромъ) въ сутки на каждаго пѣшаго воина, вдвое болѣе низшимъ военачальникамъ и втрое—римскимъ всадникамъ. Послѣ осады Веій, какъ пѣхотѣ, такъ и конницѣ начали во время войны выдавать также продовольствіе, а пѣхотѣ сверхъ того и оружіе. Продовольствіе людямъ выдавалось хлѣбомъ въ зернѣ, который войска сами уже перемалывали ручными мельницами и пѣкли изъ него на угляхъ хлѣбъ (или правильнѣе лепешки). Такимъ образомъ, римскія войска изъ временныхъ сдѣлались постоянными, хотя еще не вполне, и правительство, не имѣя болѣе надобности распускать ихъ, получило возможность предпринимать походы и войны, болѣе отдаленные, продолжительные и важные, нежели прежде.

Къ всему вышесказанному должно присовокупить еще нижеслѣдующее:

До 17-ти лѣтняго возраста молодые граждане тѣхъ классовъ, которые имѣли право служить въ войскѣ, назывались тиронами (Tyrones) или нѡвиками, и были непрерывно и тщательно приуготовляемы къ военной службѣ, обыкновенно на Марсовомъ полѣ, подъ надзоромъ и руководствомъ военачальниковъ и опытныхъ воиновъ, не одними гимнастическими, но преимущественно военными упражненіями. Упражненіе эти состояли въ изученіи военныхъ: стойки, ходьбы и бѣга, скаканіи чрезъ преграды, взлѣзаніи на высоты, плаваніи, дѣйствованіи всякаго рода оружіемъ, пошеніи большихъ тяжестей и проч.

Такого же рода, но болѣе усиленными и разнообразными военными упражненіями были занимаемы и совершеннолѣтніе граждане, и войска въ свободное отъ службы время.

Въ этомъ періодѣ римляне рѣдко имѣли болѣе двухъ армій въ полѣ въ одно время, и сначала рѣдко болѣе двухъ, а потомъ болѣе четырехъ легіоновъ въ арміи; легіоны же были силою, сначала въ 3.300, а потомъ отъ 5.100 до 5.400 чел. (въ томъ числѣ легкая пѣхота и конница). Поэтому числительная сила одной римской арміи простиралась первоначально отъ 3.300 до 6.600 чел., а позже до 20—22.000 человекъ.

Военачальниками въ легіонахъ были: 1) легаты или посланые, называемые такъ потому, что со времени введенія народнаго правленія были избираемы сенатомъ и назначаемы состоять во время войны или похода при консулѣ, въ случаѣ отсутствія, болѣзни или смерти его временно начальствовать арміею, засѣдать въ военномъ совѣтѣ и представлять при арміи довѣренное лицо сената; 2) военные трибуны, которыхъ до Сервія Туллія было по 3, а со временъ Сервія Туллія по 4 (1 старшій и 3 младшихъ) на каждый легіонъ, по одному съ каждой трибы. Съ 444-го же года, въ тѣхъ случаяхъ, когда при распряхъ патриціевъ съ плебеями, народные трибуны препятствовали набору войскъ, патриціи противудѣйствовали тому, ежегодно избирая военныхъ трибуновъ между плебеями. Такимъ образомъ, съ 444-го

года въ продолженіи почти 80-ти лѣтъ (363 г.), за исключеніемъ нѣсколькихъ диктаторовъ и консуловъ, войсками большею частію начальствовали военные трибуны, числомъ обыкновенно 6. Военные трибуны были избираемы, до 363-го года—консулами или диктаторами, а съ 363-го года — народомъ. Прочими военачальниками были: 3) центуріоны, назначаемые полководцемъ по выбору трибуновъ,— 4) подцентуріоны, назначаемые трибунами по выбору центуріоновъ и 5) декуріоны. Частными военачальниками конницы были декуріоны и поддекуріоны. Союзными легіонами начальствовали прѣфекты, назначаемые полководцами.

Сначала сенатъ раздавалъ римскимъ воинамъ земли побѣжденных народовъ; но, со времени введенія денежныхъ окладовъ жалованья, раздача земель была прекращена. Жалованье выдавалось за полный походъ, хотя бы воины служили въ полѣ и менѣе 6-ти мѣсяцевъ. Изъ жалованья производился вычетъ за продовольствіе, одежду, оружіе и ставки. Союзныя войска жалованья не получали, но имъ выдавалось: пѣхотѣ—продовольствія столько же, а въ конницѣ—продовольствія и фуража менѣе, нежели римскимъ войскамъ.

Военныя тяжести при войскѣ въ походѣ состояли изъ оружія, поклажи и продовольствія, носимыхъ воинами на себѣ, и изъ повозокъ и вьючнаго скота съ ставками и нужными военными запасами и принадлежностями. Римляне считали и называли военныя тяжести препятствіями (*impedimenta*) для войска и потому старались, по возможности, переносимыя воинами на себѣ — увеличивать, а перевозимыя за войсками—уменьшать.

Въ продолженіе всего этого періода римскія войска отличались превосходными воинскими духомъ и порядкомъ, которые были неослабно поддерживаемы чрезвычайно строгостью военныхъ законовъ и поощряемы почетностью и щедростью наградъ. Римскіе легіоны были всегда непобѣдимы, когда въ нихъ соблюдался строгій воинскій порядокъ, и тогда только подвергались пораженіямъ, когда полководцы допускали ослабленіе его. Наказанія за военныя преступленія состояли: 1) въ смертной казни отсѣченіемъ головы,

совершаемой какъ надъ отдѣльными лицами, такъ и надъ цѣлыми частями войскъ, въ которыхъ казнили 10-го человѣка, а иногда и болѣе, что называлось децимаціей (*decimatio*), 2) въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, 3) въ денежныхъ пеняхъ и 4) въ по-срамленіи. Награды за отличія и заслуги военныя состояли, для простыхъ воиновъ и низшихъ военачальниковъ—въ производствѣ въ высшіе классы войскъ и чины, въ увеличеніи жалованья, въ различныхъ дарахъ: богатомъ оружіи, вѣнкахъ и вѣнцахъ, ожерельяхъ и проч., раздаваемыхъ въ присутствіи цѣлаго войска или народа, въ дарованіи различныхъ льготъ и преимуществъ, и проч. а для полководцевъ—въ большомъ триумфѣ (*triumphus*) и маломъ (*ovatio*).

Въ заключеніе должно упомянуть о нѣкоторыхъ военныхъ обычаяхъ, бывшихъ уже съ самыхъ первыхъ временъ въ употребле-ніи у римлянъ. Такъ войну они объявляли черезъ феціаловъ или жрецовъ, нарочно для того учрежденныхъ Нумою Помпиліемъ въ числѣ двухъ, но впослѣдствіи постепенно умноженныхъ до числа 5-ти, 10-ти и болѣе. Феціалы были отправляемы къ тѣмъ народамъ, со стороны которыхъ римляне считали себя оскорбленными, требовали отъ нихъ удовлетворенія и, въ случаѣ отказа, бросали на ихъ землю окровавленное копье, что и означало торже-ственное объявленіе войны. Передъ началомъ каждой войны и каж-дой битвы римляне, подобно грекамъ, совершали религіозные обря-ды: моленія, жертвоприношенія, наблюденія надъ полетомъ птицъ и внутренностями животныхъ и. т. п. Войско, по объявленіи ему полководцемъ о намѣреніи своемъ вступить въ битву, подкрѣпля-ло себя пищею, вооружалось, строилось въ боевой порядокъ и за-тѣмъ нападало на непріятеля съ боевымъ крикомъ (*barritus*), при звукахъ военной музыки. Послѣ битвы, въ случаѣ побѣды, вся добыча была собираема и распредѣляема по установленію, съ вели-чайшими порядкомъ и справедливостью.

§ 105

Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ.

Главнымъ, многочисленнѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ у римлянъ была пѣхота. По вооруженію и образу дѣйствій она была тяжелая и легкая. Вообще до осады Веій граждане болѣе достаточные были вооружены лучше и тяжелѣ и составляли тяжелую, а граждане бѣдные, вооруженные хуже и легче, легкую пѣхоту. Должно полагать, что въ первыя времена легкой пѣхоты было болѣе, нежели тяжелой. Со времени раздѣленія Сервіемъ Тулліемъ народа на классы, и войска были также раздѣлены на 5 классовъ, отличавшихся одинъ отъ другаго вооруженіемъ, строемъ и образомъ дѣйствій. Первый или богатѣйшій имѣлъ, подобно греческимъ оплитамъ, полное оборонительное и наступательное вооруженіе: шлемы, грудныя латы или кольчуги, ножныя латы, щиты, мечи и длинныя копья, 2-й классъ не имѣлъ ножныхъ латъ, 3-й ни грудныхъ, ни ножныхъ, а 4-й шлемовъ, 5-й же классъ былъ вооруженъ, подобно греческимъ псиламъ, однимъ метательнымъ оружіемъ, а оборонительнаго не имѣлъ вовсе.

Конница у римлянъ была малочисленнѣйшимъ и худшимъ, хотя и почетнымъ, родомъ войскъ. До Сервія Туллія она составляла $\frac{1}{10}$, а со временъ Сервія Туллія съ небольшимъ $\frac{1}{13}$ числа пѣхоты. Причинами такой малочисленности ея, въ сравненіи съ пѣхотою, были: недостатокъ лошадей у римлянъ, гористыя свойства Италіи и предпочтеніе, оказываемое римлянами пѣхотѣ передъ конницею. По тѣмъ же причинамъ конница римская всегда была весьма посредственной доброты и гораздо хуже римской пѣхоты. Сначала она имѣла вооруженіе весьма простое и легкое: небольшой кожаный щитъ, длинное, легкое и гибкое копье и мечъ. Съ ходомъ времени вооруженіе ея сдѣлалось сложнѣе, тяжелѣ и лучше, состояло изъ шлемовъ, грудныхъ и ножныхъ латъ, щитовъ, мечей и

копій. Послѣднія были довольно легки и одинаково удобны для дѣйствій какъ тяжелой, такъ и легкой конницы, и даже, въ случаѣ надобности, въ пѣшемъ строѣ.

Вообще первоначальное вооруженіе римскихъ войскъ было сходно съ вооруженіемъ войскъ греческихъ и, вѣроятно, заимствовано римлянами, также какъ и латинянами, у италійскихъ грековъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что римляне съ самыхъ первыхъ временъ существованія Рима всегда заимствовали у народовъ, съ которыми воевали, все, что находили у нихъ лучшаго въ вооруженіи и устройствѣ войскъ. Такъ, напримѣръ, уже въ первыхъ войнахъ съ сабинянами, Ромулъ заимствовалъ у нихъ большіе ихъ щиты, которыми замѣнилъ прежніе малые или аргивскіе.

Первоначальные: строй, образъ дѣйствій и вообще тактика римскихъ войскъ были, также, какъ и вооруженіе ихъ и, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, подобны греческимъ. Легіонъ, раздѣленный на 3 (по числу трибъ) большія части или отдѣленія и на 30 меньшихъ или центурій, строился и дѣйствовалъ подобно греческой фалангѣ. Четыре первые класса войскъ, составляя тяжелую пѣхоту, стояли одинъ вплотъ позади другого въ 2 и иногда въ 3 шеренги каждый, — 5-й же классъ, составляя легкую пѣхоту, дѣйствовалъ въ разсыпную и опредѣленнаго мѣста въ строѣ не имѣлъ. Такимъ образомъ легіонъ имѣлъ въ глубину — отъ 8 до 12 шеренгъ, во фронтѣ же — 3-хъ тысячный отъ 250 до 375, а 4-хъ тысячный отъ 333 до 500 рядовъ. Конница располагалась обыкновенно по флангамъ тяжелой пѣхоты.

Но одинаковыя причины имѣли у грековъ и у римлянъ совершенно различныя дѣйствія и послѣдствія. При одинаковой, и въ Греціи, и въ Италіи, гористой, пересѣченной мѣстности, греки навсегда сохранили, римляне же, напротивъ, вскорѣ измѣнили и вооруженіе своихъ войскъ, и строй, и образъ дѣйствій ихъ въ видѣ фаланги. Убѣжденные въ необходимости часто раздробляться на мелкія отдѣленія, имѣть большее число легкой пѣхоты и возможность нѣсколько разъ сряду возобновлять бой съ свѣжими силами, римляне не могли свыкнуться съ совершенно неспособнымъ къ тому, хотя твердымъ и непроницаемымъ, строемъ въ видѣ фа-

ланги и мало по малу начали совершенствовать его, стараясь придать ему болѣе ломкости, удободвижимости и средствъ вредить не-пріятелю издали и возобновлять нѣсколько разъ бой. Съ этою цѣлію они причислили 4-й классъ воиновъ къ легкой пѣхотѣ, а первые три класса начали строить въ три линіи такъ, что воины 1-го, какъ надежнѣйшіе, находились въ 3-й, задней, 2-го во 2-й, а 3-го въ 1-й линіяхъ, и что въ каждой линіи центуріи строились съ извѣстными промежутками, для бѣльшаго удобства прохожденія одной линіи сквозь другую. Это былъ первый усовершенствованный строй легіона по центуріямъ, употреблявшійся уже, какъ кажется, въ первыя времена по учрежденіи народнаго правленія (съ 509 г.). Позже этотъ строй былъ еще усовершенствованъ тѣмъ, что центуріи въ 3-хъ линіяхъ тяжелой пѣхоты стали строить съ промежутками, равными длинѣ ихъ фронта и притомъ въ шахматномъ порядкѣ, для удобства прохожденія центурій заднихъ линій сквозь промежутки переднихъ цѣлымъ фронтомъ, безъ удвоиванія. Отъ этого строй въ шахматномъ порядкѣ и былъ названъ квинкупціальнымъ (*quincupcialis*) или шахматобразнымъ. Онъ впервые былъ введенъ, какъ полагаютъ, знаменитымъ диктаторомъ Фуриемъ Камилломъ во время осады Веій (въ 395 г.) и въ главныхъ основаніяхъ сохранялся въ неизмѣнности до пуническихъ войнъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ строя легіона измѣнилось и вооруженіе войскъ, преимущественно тяжелой пѣхоты. Длинные и тяжелыя греческія копья были замѣнены болѣе короткими и легкими (*hasta*), и тяжелыми полукопьями или дротиками (*pilum*). Тѣ и другіе могли быть употребляемы и какъ ручное, и какъ метательное оружіе, были гораздо удобнѣе для дѣйствій въ горахъ и лѣсахъ, нежели греческія копья, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли всѣ нужныя условія для удобнаго дѣйствія противъ конницы. Въ легкой пѣхотѣ, за исключеніемъ стрѣлковъ и пращниковъ, луки и пращи были замѣнены легкими дротиками. Наконецъ употребленіе мечей, какъ главнаго оружія для рѣшенія боя, стало постепенно болѣе и болѣе распространяться и укореняться у римлянъ.

Измѣненіемъ и усовершенствованіемъ вооруженія, точно также,

какъ и строя своихъ войскъ, римляне были много обязаны Камиллу. Такъ, между прочимъ, при второмъ нашествіи на Римъ галловъ (366 г.), чтобы ослабить страхъ, внушаемый ими римскимъ войскамъ, онъ далъ послѣднимъ новое вооруженіе, болѣе сообразное съ вооруженіемъ и образомъ дѣйствій галловъ. Зная по опыту, что главнымъ оружіемъ галловъ были большіе, тяжелые мечи, а опаснѣйшимъ мгновеніемъ битвы съ ними—первый натискъ ихъ, онъ далъ римскимъ воинамъ стальные шлемы, щиты, окованные по краямъ желѣзомъ, и длинныя полукопья или дротики, и научилъ ихъ сверхъ того, какъ искуснѣе и успѣшнѣе дѣйствовать послѣдними въ рукопашномъ бою съ галлами.

Въ концѣ этого періода (въ половинѣ IV вѣка предъ Р. Х.), строй и образъ дѣйствій легіона и различныхъ родовъ войскъ въ немъ, въ порядкѣ квинкунціальномъ, были нижеслѣдующіе:

Воины 2-го класса стояли уже не во 2-й, а въ 1-й линіи, почему и были названы принципами (*principi*), — воины 3-го класса — во 2-й линіи и отъ гастъ, которыми были вооружены, названы гастатами (*hastati*), — а воины 1-го класса — въ 3-й линіи и потому названы тріаріями (*triarii*). Принципы, гастаты и тріаріи составляли тяжелую пѣхоту легіона, въ числѣ 3.000 человекъ. Въ этомъ числѣ, тріаріевъ было, какъ кажется, всегда 600 человекъ. Принциповъ же и гастатовъ вмѣстѣ 2.400 чел., а порознь каждаго иногда болѣе, иногда менѣе 1.200 человекъ. Воины 4-го и 5-го классовъ, называвшіеся, первые—рораріями, а послѣдніе акценсами, составляли легкую пѣхоту, въ неодинаковомъ числѣ, отъ 1.000 до 1.600 человекъ, — въ обыкновенномъ строѣ образовали двѣ заднія линіи, въ бою же дѣйствовали въ разсыпную и опредѣленнаго мѣста не имѣли. Каждая линія тяжелой пѣхоты дѣлилась на 15 центурій, а каждая центурія принципозъ и гастатовъ состояла изъ 2-хъ центуріоновъ, 60 воиновъ, одного трубача и одного знаменосца, всего изъ 64 человекъ и строилась въ 10 рядовъ во фронтѣ и 6 шеренгъ въ глубину. Центуріи тріаріевъ имѣли вдвое менѣе рядовъ и протяженія во фронтѣ, но ту же глубину. Промежутки между центуріями были равны длинѣ фронта послѣднихъ, а линія отъ линіи находилась въ

разстояніи отъ 30 до 50 шаговъ. Центуріи принциповъ и гастатовъ были располагаемы въ шахматномъ порядкѣ, послѣднія противъ промежутковъ первыхъ.

При легіонѣ состояли: 300 чел. конницы и 300 чел. стрѣлковъ и пращниковъ. Конница располагалась, въ обыкновенномъ строѣ— по флангамъ тяжелой пѣхоты, а въ бою—смотря по обстоятельствамъ, то на обоихъ флангахъ, то на одномъ, то позади пѣхоты. Въ бою она нерѣдко спѣшивалась и этимъ иногда (какъ, на примѣръ, въ битвѣ при Велитрахъ въ 486 и при Сутріѣ въ 379 году) даже рѣшала побѣду. Стрѣлки и пращники, подобно легкой пѣхотѣ легіона, дѣйствовали въ разсыпную и не имѣли опредѣленнаго мѣста.

Такимъ образомъ римскій легіонъ, въ полномъ своемъ составѣ съ начальствующими чинами, имѣлъ отъ 5.100 до 5.400 человекъ. Квинкунціальный строй его очевидно и значительно превосходилъ во всѣхъ отношеніяхъ строй греческой фаланги и справедливо долженъ быть признанъ важнымъ усовершенствованіемъ въ тактикѣ римскихъ войскъ.

Общій строй римской арміи былъ подобенъ строю легіона, т. е. армія строилась большею частію въ двѣ линіи съ резервомъ, имѣя конницу по флангамъ. Иногда случалось, однакоже, что между двумя линіями пѣхоты былъ располагаемъ резервъ изъ пѣхоты и конницы, тріаріи были оставляемы въ станѣ позади арміи, для охраненія его, конница была располагаема между линіями пѣхоты, либо за флангами или серединою ихъ и т. п.

Со времени измѣненія строя римскаго легіона въ строй по центуріямъ и квинкунціальный, арміи римскія, особливо болѣе многочисленныя, нежели обыкновенно, рѣдко могли находить совершенно ровныя и открытыя мѣста для боя. А потому съ этого времени битвы римлянъ представляютъ болѣе примѣровъ примѣненія расположенія и дѣйствій войскъ къ различнымъ видамъ мѣстности и въ нихъ часто усматривается расположеніе римскихъ армій флангами къ рѣкамъ, горамъ и лѣсамъ, въ долинахъ и на высотахъ. Впрочемъ, дѣйствія римскихъ армій въ бою были еще очень просты. Римляне производили нападенія свои обыкновенно въ параллельномъ боевомъ порядкѣ и въ случаѣ превосходства своего въ

силахъ — бѣльшею частію обоими своими крылами, въ одно время или послѣдовательно, на оба крыла непріятеля, во флангъ и въ тылъ, посредствомъ захожденія, для того, чтобы охватить и со всѣхъ сторонъ окружить непріятельское войско. Въ случаѣ же превосходства силъ на сторонѣ непріятеля, они старались достигнуть той же цѣли посредствомъ особо назначаеваемыхъ для того отрядовъ, обыкновенно конныхъ, скрытно посылаемыхъ въ обходъ или располагаемыхъ въ засадѣ. Иногда они производили также нападенія въ строѣ на подобіе клина — на средину непріятельскаго войска, съ цѣлію прорвать ее и разбить оба крыла отдѣльно. Нападеній же въ косвенномъ боевомъ порядкѣ на одинъ изъ фланговъ непріятельскаго войска не усматривается. Каковъ впрочемъ ни былъ образъ нападенія римскихъ армій, отличительными чертами битвъ римлянъ уже съ самыхъ первыхъ временъ вообще были: во 1-хъ, то, что битвы эти почти всегда были наступательныя, а не оборонительныя, такъ какъ у грековъ; по крайней мѣрѣ римляне всегда старались сами первые нападать на непріятеля, — и во 2-хъ, то, что въ битвахъ главныя: вниманіе и усилія римлянъ были обращаемы на непрерывныя поддержаніе и возобновленіе боя свѣжими силами. Въ этомъ заключается существенное отличіе римской тактики отъ греческой и значительное превосходство первой надъ послѣднею.

Что касается походныхъ движеній и порядка расположенія войскъ въ станахъ, то въ продолженіе всего этого періода римляне имѣли о нихъ, какъ кажется, еще весьма несовершенныя понятія. Въ станахъ они располагались первоначально подъ открытымъ небомъ, позже въ ставкахъ изъ овечьихъ шкуръ, а въ зимнихъ походахъ, со времени осады Веій, въ шалахахъ, но безъ всякаго опредѣленнаго, постояннаго порядка. Притомъ какъ въ станахъ, такъ и въ походныхъ движеніяхъ они не соблюдали надлежащихъ мѣръ предосторожности, отъ чего нерѣдко подвергались нечаяннымъ нападеніямъ или попадали въ засады. Вообще полевая, охранная служба легкихъ войскъ еще была у нихъ въ большомъ несовершенствѣ. Зато, съ другой стороны, римскія арміи отличались быстротою своихъ движеній и строгимъ воинскимъ порядкомъ, который соблюдали какъ на походѣ, такъ и въ станахъ. Онѣ лег-

ко могли производить и часто производили движенія весьма быстрыя и усиленные, хотя и не очень дальнія; ибо кругъ военныхъ дѣйствій римлянъ въ этомъ періодѣ ограничивался еще пространствомъ не далѣе 100 верстъ отъ Рима—къ сѣверу, востоку и югу.

§ 106.

Фортификація, поліорцетика и военное искусство вообще

Фортификація и поліорцетика были еще мало развиты у римлянъ въ этомъ періодѣ, хотя правила ихъ, болѣе или менѣе заимствованныя у народовъ Италіи и италійскихъ грековъ, были извѣстны римлянамъ уже съ равныхъ временъ.

Такъ, не смотря на ранній обычай располагаться каждую ночь въ укрѣпленныхъ станахъ, римляне, по свидѣтельству Тита-Ливія, до самой войны съ Пирромъ, въ началѣ 3-го вѣка передъ Р. Х., станы свои располагали весьма неправильно. Укрѣпленія становъ состояли изъ земляной насыпи со рвомъ впереди, тыномъ, утвержденнымъ на гребнѣ вала, и съ выходами или воротами. Станы свои римляне располагали преимущественно на ровныхъ и открытыхъ мѣстахъ, либо на отлогихъ скатахъ, но иногда и на высотахъ или пересѣченной мѣстности.

Искусство укрѣпленія городовъ было развито у римлянъ болѣе, нежели искусство укрѣплять станы и брать города осадой, но имѣло общія ему у всѣхъ народовъ древности черты. Обширнѣе, лучше и важнѣе всѣхъ были, какъ естественно, укрѣпленія Рима. По свидѣтельству Тита-Ливія и Діонисія Галикарнаскаго, первымъ дѣйствіемъ Ромула при основаніи Рима было начертаніе (посредствомъ борозды, проведенной сохою), на горѣ Палатинской, четвероугольника, на краяхъ котораго должны были быть возведены стѣны, а внутри — зданія новаго города. При этомъ на бокахъ четвероугольника назначены были мѣста для 4-хъ городскихъ воротъ, а впереди и позади черты, назначенной для городскихъ стѣнъ, оставлено пустое пространство (promerium), на которомъ

запрещено внутри—строить дома, а извнѣ—воздѣлывать землю. Стѣны Ромулова четырехграннаго Рима (*Roma quadrata*) были не иное что, какъ земляной валъ съ тыномъ и рвомъ. Тарквиній Прискъ оградилъ Римъ каменными стѣнами и башнями, и въ 614 году началъ постройку знаменитаго Капитолія или замка (цитадели) Рима на Капитолійскомъ холмѣ (прежде сатурновомъ, часть котораго называлась Тарпейскою скалою). При Сервіѣ Туллиѣ Римъ уже былъ обширнымъ и сильно укрѣпленнымъ городомъ, расположеннымъ, сверхъ Палатинской горы, на шести другихъ, окружавшихъ ее холмахъ (почему и названъ седмихолмнымъ, *Urbs septicollis seu septimontium*). Вообще хорошимъ и сильнымъ укрѣпленіемъ своимъ Римъ былъ весьма много обязанъ царямъ, которые ничего не жалѣли ни для украшенія, ни для укрѣпленія его, и бѣольшую часть общественныхъ: добычи и казны употребляли на эти два предмета. Тарквиній Гордый, расточительностію своею, между прочимъ, и на нихъ, даже истощилъ общественную казну и, предпринявъ, для пополненія ея, несправедливую осаду богатаго города Ардеи. подалъ тѣмъ недовольнымъ имъ римлянамъ поводъ къ изгнанію его со всѣмъ его родомъ (509 года). Капитолій оконченъ постройкою уже по уничтоженіи царской власти. Онъ состоялъ собственно изъ трехъ храмовъ: Юпитера, Юноны и Минервы, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго стѣнами, и имѣлъ всего до 200 футовъ длины и 185-ти ширины. Въ 390-мъ году Римъ и укрѣпленія его, за исключеніемъ Капитолія, были разрушены галлами, но вскорѣ потомъ возстановлены.

Непріятельскіе города римляне первоначально брали преимущественно внезапнымъ нападеніемъ, приступомъ посредствомъ эскалады или всхода на стѣны по лѣстницамъ, образуя изъ щитовъ черепаху, или же разнаго рода военными хитростями. Но вскорѣ они начали, для овладѣнія ими, постепенно употреблять различныя искусственныя работы и средства, какъ-то: подкопы, штурмовые щиты (первые употреблены въ 1-й разъ при осадѣ Фиденъ, въ 617 году, а послѣдніе — при осадѣ Суессы-Пометіи, въ 502 году), и др. За всѣмъ тѣмъ и не смотря на частыя оса-

ды, которыя они были принуждены производить, поліорцетическое искусство у нихъ до самой осады Веій развивалось довольно медленно. Продолжительность самой осады Веій, сверхъ силы этого города и мужественной, упорной и искусной обороны его жителей, доказываетъ также и то, что римляне въ это время были еще не весьма искусны въ поліорцетикѣ. Осада Веій весьма замѣчательна, впрочемъ, тѣмъ, что въ ней они впервые начали устраивать контръ-и циркумъ-валаціонныя линіи, и насыпи (agger) для прикрытаго подступа къ городскимъ стѣнамъ. На 9-й годъ осады (395) Веіи были взяты Камилломъ посредствомъ подземнаго хода въ средину города и храма Юноны, служившаго ему замкомъ или цитаделью. Со времени осады Веій успѣхи поліорцетики у римлянъ становятся нѣсколько быстрѣе и значительнѣе; — по полныя: развитіе и усовершенствованіе ея произошли уже въ слѣдующемъ періодѣ, во время и особенно послѣ пуническихъ войнъ.

Съ достовѣрностью неизвѣстно, но очень вѣроятно, что въ пространствѣ времени отъ осады Веій до войнъ съ самнитянами (395 — 343) римляне начали впервые употреблять при осадахъ катапульты, заимствовавъ ихъ у сицилійскихъ грековъ, у которыхъ онѣ были въ употребленіи со времени изобрѣтенія ихъ, по свидѣтельству Діодора сицилійскаго, въ 397-мъ году или около того времени, Діонисіемъ сиракузскимъ старшимъ. Стѣнобитныя же орудія римляне начали употреблять позже.

Сообразивъ все, что сказано выше о различныхъ отрасляхъ военнаго искусства у римлянъ въ этомъ періодѣ, о состояніи его вообще въ это время можно сдѣлать нижеслѣдующее заключеніе:

Особенная склонность и способность римлянъ къ войнѣ, необходимость вести ее для собственныхъ усиленія и защиты противъ многочисленныхъ враговъ, непрерывныя войны, бывшія слѣдствіемъ того, многообразная военная опытность, пріобрѣтенная въ нихъ, и постоянное стремленіе римлянъ къ усовершенствованію всего, что относилось къ войску и военному дѣлу — все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что военное искусство у римлянъ уже въ этомъ періодѣ получило превосходныя основанія и, гово-

ря вообще, сдѣлало, въ особенности со времени осады Веій, довольно значительные успѣхи, а около половины 4-го вѣка передъ Р. Х. находилось уже на довольно высокой степени развитія и совершенства, по крайней мѣрѣ сравнительно съ состояніемъ его въ то же время у народовъ Италіи и италійскихъ грековъ. Въ нѣкоторыхъ же отрасляхъ своихъ, особенно въ тактикѣ, оно сдѣлало даже большіе успѣхи и едва-ли не стояло уже выше военного искусства греческаго. Такъ легіонъ уже въ концѣ этого періода имѣлъ важныя преимущества надъ греческою фалангою: 1) въ государственномъ отношеніи—тѣмъ, что устройство его находилось въ тѣснѣйшей связи съ политическимъ и гражданскимъ устройствомъ Рима и съ воинственными правами, обычаями и духомъ римлянъ, соединяло въ себѣ всѣ выгоды въ отношеніи къ внутреннему управленію Рима и вполне соответствовало устройству, образованію и управленію вооруженныхъ силъ его, и 2) въ тактическомъ отношеніи—превосходными: вооруженіемъ и обученіемъ воиновъ, тѣснымъ соединеніемъ всѣхъ родовъ войскъ въ одно нераздѣльное, самостоятельное цѣлое, ломкостью, гибкостью и удободвижимостью своего строя и отличною способностью своею поддерживать и возобновлять бой взаимными: подкрѣпленіемъ и смѣною линій.

II.

Войны римлянъ.

§ 107.

Войны при царяхъ (754 — 509).

Съ самаго основанія Рима и въ продолженіе всего этого періода римляне вели почти непрерывныя войны съ ближайшими сосѣдственными народами средней Италіи: сабинянами, эквами,

волсками, латинянами, герниками, аврунками и этрусками, а съ 389-го года и съ галлами, водворившимися въ сѣверной Италіи.

Въ самомъ началѣ, войны эти были не иное что, какъ набѣги, производимые: римлянами—на земли и городки ближайшихъ ихъ сосѣдей, съ цѣлію грабежа, а этими послѣдними—на Римъ и его земли, въ отмщеніе за грабежи и хищничества римлянъ. При этомъ римляне, отбивъ у сосѣдей хлѣбъ, скотъ и нужныхъ для своего усиленія плѣнниковъ, возвращались съ добычею въ Римъ, или же нападали на ближайшіе городки, стараясь взять ихъ, не осадою или обложеніемъ, но приступомъ, хитростью либо измѣною. Если они успѣвали въ этомъ, то или разрушали города, или ставили въ нихъ гарнизоны, или переселяли жителей ихъ въ Римъ. Въ случаѣ же неуспѣха возвращались, по истощеніи продовольствія, въ Римъ, разграбивъ и разоривъ край. При набѣгахъ сосѣдей, они смѣло шли имъ на встрѣчу, вступали съ ними въ бой и большею частію съ успѣхомъ отражали ихъ и принуждали къ миру. Такимъ образомъ они, даже и въ оборонѣ, дѣйствовали преимущественно наступательно и окончательный успѣхъ былъ почти всегда на ихъ сторонѣ. За всѣмъ тѣмъ до Тулла Гостилія, 3-го римскаго царя (679—640), войны ихъ, кромѣ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ грабежемъ, взятіемъ нѣсколькихъ ближайшихъ городковъ, основанія по близости нѣсколькихъ поселеній и умноженія числа римскихъ гражданъ плѣнниками и переселенцами, никакихъ важныхъ и прочныхъ результатовъ не имѣли.

Но война, произшедшая, вскорѣ по воцареніи Тулла Гостилія, между римлянами и жителями Альбы-Лонги, главнаго города латинянъ, имѣла уже, по своимъ послѣдствіямъ, большее значеніе и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніяхъ. Въ самомъ началѣ война эта была рѣшена единоборствомъ въ пользу римлянъ (676) и имѣла слѣдствіемъ подданство имъ альбанцевъ. По три года спустя (673), царь или вождь альбанцевъ, Метій Суффетій, втайнѣ возбудилъ фиденатовъ и веіентянъ противъ римлянъ, обѣщая въ битвѣ обратить оружіе свое противъ этихъ послѣднихъ. Фиденаты и веіентяне вооружились и собрали войска свои въ Фиденгахъ. Узнавъ объ этомъ, Туллъ Гостилій перешелъ съ рим-

скими и альбанскими войсками черезъ рѣку Аніо и въ произшедшей при Фиденахъ битвѣ разбилъ веіентянъ и фиденатовъ. За измѣну же Метія Суффетія во время битвы, онъ казнилъ его, а городъ Альбу-Лонгу вскорѣ послѣ того взялъ и стѣны его разрушилъ, а жителей переселилъ въ Римъ (673).

Покореніе римлянами Альбы-Лонги было первымъ шагомъ къ распространенію ими своей власти въ Италиі. Съ этого времени они начали стремиться къ поставленію Рима въ главѣ союза латинскихъ городовъ, а сообразно съ тѣмъ и войны ихъ стали отличаться отъ предшествовавшихъ отчасти тѣмъ, что ведены были силами болѣе значительными и съ цѣлію болѣе важною, и что кругъ военныхъ дѣйствій римлянъ уже нѣсколько распространился противъ прежняго. Но, какъ и прежде, войны римлянъ имѣли характеръ набѣговъ и окончательный успѣхъ въ нихъ оставался почти всегда на сторонѣ римлянъ. Общимъ же результатомъ ихъ было утвержденіе римлянами власти своей надъ Лациемъ.

Вообще войны римлянъ при царяхъ были свойства преимущественно наступательнаго, ведены съ большими энергіею и рѣшительностью, и ознаменованы почти постоянными успѣхами, чему главными причинами были: единство царской власти, хотя и ограниченной сенатомъ и народомъ, высокія личныя дарованія римскихъ царей, единодушіе римлянъ и первое, сильное развитіе страстей и дѣятельности ихъ, при отличномъ съ самаго начала военномъ устройствѣ ихъ.

§ 108.

Войны римлянъ со времени введенія народнаго правленія до осады Веій (509 — 403).

По уничтоженіи царской власти и введеніи народнаго правленія, безпрестанныя и жестокія распри патриціевъ и плебеевъ, и происходившія отъ того внутреннія смуты, ослабивъ внѣшнюю военную дѣятельность Рима, измѣнили отчасти и характеръ войнъ

его. Пользуясь раздорами римлянъ, союзники Рима безпрестанно отлагались отъ него, составляли между собою и съ другими народами средней Италіи сильныя союзы противъ него и нападали на римлянъ въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ и иногда на самый Римъ. Близкая опасность пробуждала однакоже въ римлянахъ чувства любви къ отечеству и единодушія, и предводимые доблестными и искусными вождями, они успѣвали отражать враговъ и даже неоднократно одерживали надъ ними блистательные успѣхи. Но распри и смуты, затѣмъ снова возраждавшіяся между ними, препятствовали имъ пользоваться этими успѣхами и одерживать новыя, дальнѣйшія и, такимъ образомъ, при недостаткѣ постоянныхъ войскъ, войны ихъ въ эти съ небольшимъ 100 лѣтъ были уже свойства преимущественно оборонительнаго, сохраняя впрочемъ прежній характеръ набѣговъ и, по прежнему, и въ самой оборонѣ являя смѣлыя наступательныя дѣйствія противъ непріятеля.

§ 109.

Война съ веіентянами и осада Веіи (404 — 393).

Въ 405 году римляне рѣшились разъ на всегда положить конецъ безпрерывнымъ кознямъ веіептянъ въ средней Италіи противъ Рима и нападеніямъ ихъ на него и на римскія земли. Съ этою цѣлію положено было осадить и взять Веіи—предпріятіе весьма трудное: ибо Веіи, многочислѣннѣйшій городъ въ Этруріи, былъ сильно укрѣпленъ и мѣстностью, и искусствомъ, снабженъ на нѣсколько лѣтъ продовольствіемъ и со стороны жителей его должно было ожидать упорнѣйшей и продолжительной обороны. Но римляне не утрашили этого и приняли всѣ мѣры для дѣятельнѣйшаго и успѣшнѣйшаго веденія осады и войны. Набрано было многочисленное войско, составленное бѣльшею частію изъ вольнослужащихъ,—сенатъ положилъ выдавать нѣхотѣ жалованье и въ 404 году римское войско, предводимое 6-ю военными трибунами, осадило Веіи. Сначала осада шла медленно, потому что Римляне

были принуждены отрядить противъ волсковъ часть войска, которая воротилась тогда только, когда, разбивъ волсковъ въ двухъ битвахъ, взяла и разрушила одинъ изъ ихъ городовъ, Артену. Веіентяне, усиливъ укрѣпленія города и храма Юнопы, встрѣтили римлянъ упорнѣйшимъ сопротивленіемъ. Не надѣясь взять Веіи открытою силою, военные трибуны рѣшились принудить городъ этотъ къ сдачѣ голодомъ и для этого окружили его циркумъ-и контръ-валаціонными линіями, положивъ продолжать осаду и въ зимнее время, и расположивъ войска на зиму въ шалашахъ. Веіентяне производили частыя и сильныя вылазки, и нерѣдко ночью разрушали осадныя работы римлянъ. Въ одной изъ такихъ ночныхъ вылазокъ, они нанесли римлянамъ большой уронъ въ людяхъ и сожгли всѣ осадныя машины ихъ. При вѣсти объ этомъ, часть достаточныхъ гражданъ Рима добровольно вызвалась поставить и образовать конницу, а плебеи — служить въ пѣхотѣ, обѣщая возвратиться изъ подъ Веіи не прежде, какъ по взятіи этого города. Сенатъ, въ благодарность за то, установилъ и конницѣ, подобно пѣхотѣ, производить денежное жалованье, а плебеемъ, добровольно вызвавшимся на службу — считать года оной подобно войскамъ, служившимъ по набору. По прибытіи подъ Веіи, повое римское войско не только возстановило разрушенныя, но и сдѣлало новыя работы и машины, и дѣятельно повело осаду (402). Вскорѣ однако римляне претерпѣли неудачу вслѣдствіе несогласій, происшедшихъ между двумя военными трибунами, начальствовавшими подъ Веіями, М. Сергіемъ и Л. Виргиніемъ. Фиденаты и фалиски соединили свои силы и напали со стороны поля на ту часть римской контръ-валаціонной линіи, въ которой начальствовалъ Сергій. Въ то же время осажденные произвели сплную вылазку. Виргиній не поддержалъ Сергія и войска послѣдняго, разбитыя, бѣжали въ другую часть укрѣпленныхъ линій, большею же частию и съ ними самъ Сергій — въ Римъ (401). Затѣмъ въ продолженіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ (400—399) осада Веіи производилась медленно и безъ особенно примѣчательныхъ событій: римляне не претерпѣвали пораженій, но и не одерживали успѣховъ. Въ 398 году капенаты и фалиски напали на укрѣпленныя

линіи римлянъ, и въ тоже время веіентіе произвели вылазку; но тѣ и другіе были отражены съ большимъ урономъ. Въ 397 г. Римляне разорили земли капенатовъ и фалисковъ, а въ 396 году съ урономъ отразили тарквинянъ, вторгнувшихся въ римскія владѣнія для грабежа. Но въ 395 году двое изъ 6-ти военныхъ трибуновъ, Титиній и Генуцій, посланные противъ капенатовъ и фалисковъ, попали, по излишней запальчивости и собственной неосторожности, въ засаду и претерпѣли пораженіе. Вѣсть объ этомъ, увеличенная молвою, произвела такой страхъ въ римскомъ войскѣ подъ Веіями, что оно почти все разбѣжалось, и въ Римѣ съ ужасомъ ждали уже нападенія капенатовъ и фалисковъ. Въ этихъ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ избранъ былъ въ диктаторы Фурій Камиллъ, котораго, по словамъ Тита-Ливія, сама судьба предназначила для взятія Веій и спасенія отечества. Камиллъ былъ уже передъ тѣмъ военнымъ трибуномъ и отличился рѣдкою храбростью и замѣчательными военными дарованіями. Съ назначеніемъ его, немедленно и Римляне ободрились, и дѣла приняли другой оборотъ. Строго наказавъ воиновъ, мало-душно бѣжавшихъ изъ подъ Веій, онъ набралъ новое войско, усилилъ его союзными войсками латинянъ и герниковъ, пошелъ противъ капенатовъ и фалисковъ, и не только разбилъ ихъ, но овладѣлъ ихъ станомъ и богатою добычею въ немъ. Затѣмъ онъ повелъ войско свое подъ Веіи и стѣснилъ обложеніе этого города, возстановивъ и въ римскомъ войскѣ, и въ его дѣйствіяхъ строгій порядокъ, прекратилъ малыя и бесполезныя стычки, ежедневно происходившія на пространствѣ между городомъ и римскими укрѣпленными линіями, заставлялъ войска производить работы нужныя и полезныя, и устроилъ много новыхъ укрѣпленій. Убѣдясь однако, сколько труда и опасности представляло овладѣніе городскими стѣнами приступомъ, и щадя жизнь римскихъ воиновъ, онъ началъ устраивать подземный ходъ въ середину храма Юноны. Для ускоренія и облегченія работы, онъ раздѣлилъ работавшихъ на 6 смѣнъ, каждая изъ которыхъ рыла землю, днемъ и ночью, въ продолженіе 6-ти часовъ. Когда подземный ходъ былъ подведенъ подъ храмъ Юноны, Римское войско устремилось со всѣхъ

сторонѣ на приступѣ городскихъ стѣнъ, и между тѣмъ, какъ веіентяне были заняты отраженіемъ его, отрядъ отборнѣйшихъ воиновъ, вскрывъ подземный ходъ, овладѣлъ храмомъ Юноны, напалъ на веіентянъ съ тыла и отворилъ римскому войску ворота. Ворвавшись въ городъ, римляне произвели въ немъ жестокое кровопролитіе, которое кончилось бы истребленіемъ всѣхъ веіентянъ, еслибы человеколюбивый Камиллъ не повелѣлъ щадить безоружныхъ и сдававшихся въ плѣнъ. Городъ былъ разграбленъ и обращенъ въ римское поселеніе. Римляне овладѣли въ немъ несмѣтными богатствами, а военноплѣнниковъ продали въ неволю (395). Покоритель Веій, Камиллъ былъ почтенъ тріумфомъ, но вскорѣ, обвиненный народными трибунами въ несправедливомъ назначеніи части добычи и во властолюбіи, удалился въ городъ Ардею.

Таковъ былъ конецъ войны съ веіентянами и осады Веій, представляющихъ сходство съ троянскою войною и осадой Трои тѣмъ, что Веіи также были осаждаемы около 10-ти лѣтъ и взяты наконецъ не приступомъ, а хитростью.

§ 110.

1-е нашествіе галловъ (389—388). Битва на рѣкѣ Алліи.

Шесть лѣтъ спустя по взятіи Веій (389), Римъ впервые подвергся нашествію съ сѣвера новыхъ, страшныхъ враговъ — галловъ. Нашествіе это было гораздо опаснѣе, нежели всѣ набѣги сосѣдственныхъ народовъ средней Италіи дотолѣ, и едва не сокрушило Рима совершенно.

Одно изъ племенъ септонскихъ или кельтическихъ галловъ, уже давно поселившихся въ сѣверной Италіи, вторглось, подъ руководствомъ вождя своего, Бренна, въ Этрурію и осадило Клузій, городъ, съ давнихъ временъ союзный съ Римомъ. Жители Клузія просили помощи Рима. Римляне отказали имъ въ войскахъ, но отправили трехъ пословъ изъ рода Фабіевъ къ Бренну, дабы

переговорами склонить его къ снятію осады Клузія и къ миру. Но высокомерныя требованія Фабіевъ Бреннъ отвергнулъ съ равною гордостью и продолжалъ осаду Клузія. Тогда Фабіи, нарушивъ права своего званія, побудили клузіянъ произвести вылазку и сами стали въ главѣ ихъ; но были узнаны въ бою и Бреннъ потребовалъ отъ римлянъ удовлетворенія за эту обиду. Римляне, вмѣсто наказанія Фабіевъ, назначили ихъ военными трибунами и начали набирать войско. Тогда Бреннъ немедленно двинулся на Римъ, съ храбрымъ и опытнымъ въ военномъ дѣлѣ войскомъ, силою около 70-ти тысячъ человѣкъ. Главные между римлянами виновники этой войны были избраны предводителями римскихъ войскъ и съ 40 тысячами оныхъ, наскоро собранными и худо вооруженными, двинулись на встрѣчу галламъ, съ такою же увѣренностью въ побѣдѣ, какъ будто шли противъ обыкновенныхъ своихъ враговъ средней Италіи. Оба войска сошлись на половинѣ пути, на берегу р. Алліи. Римляне построились въ боевой порядокъ лѣвымъ флангомъ къ Тибру, а правымъ къ одной высотѣ, позади которой поставили отрядъ войскъ въ засадѣ. Бреннъ напалъ первоначально на этотъ отрядъ, опрокинулъ и почти совершенно истребилъ его, а затѣмъ и все правое крыло римлянъ. Лѣвое же, пораженное ужасомъ, разсѣялось въ безпорядкѣ. Разбитое римское войско бѣжало черезъ Тибръ въ Веи, а Бреннъ, взявъ станъ римлянъ, двинулся къ Риму. Но опасаясь засады и подступа къ неизвѣстному ему городу ночью, онъ расположился станомъ между рѣкою Аніо и Римомъ. Въ Римѣ между тѣмъ распространился такой ужасъ, что всѣ сокровища были поспѣшно отправлены въ городъ Цэры, а большая часть жителей спаслась бѣгствомъ. Сенаторы же и прочія правительственныя лица заперлись въ Капитоліѣ со всѣми, способными сражаться гражданами, какіе только остались въ Римѣ. На 4-й день послѣ битвы при Алліи, галлы вступили безпрепятственно въ Римъ, нѣсколько дней сряду грабили его и наконецъ сожгли и разрушили, послѣ чего напали на Капитолій, но отраженные съ урономъ, обложили его половиною своего войска, пославъ другую къ Ардеѣ для сбора продовольствія. Камиллъ, находившійся въ это время въ Ардеѣ, ночью на-

скоро собралъ въ этомъ городѣ сколько могъ войскъ, и внезапно напавъ на ту часть галловъ, которая была послана къ Ардеѣ и расположилась по близости безъ всякихъ предосторожностей, почти всю ее истребилъ. Тогда римскій сенатъ вызвалъ его изъ изгнанія и назначилъ во второй разъ диктаторомъ. Присоединивъ къ себѣ римскія войска, спасшіяся, послѣ битвы при Алліп, въ Веин, и имѣя всего около 20.000 человѣкъ, Камиллъ двинулся къ Риму. Здѣсь между тѣмъ галлы снова произвели приступъ къ Капитолію и снова были отражены. Обложеніе Капитолія продолжалось уже почти 6 мѣсяцовъ. Между галлами сильно свирѣпствовали заразительныя болѣзни, а римляне, заключенные въ Капитоліѣ, не имѣли болѣе продовольствія. Крайность положенія вынудила ихъ наконецъ вступить съ галлами въ мирныя переговоры. Уже они согласились купить миръ цѣною 1.000 талантовъ золота, какъ вдругъ въ Римѣ явился Камиллъ съ войскомъ (388 г.), объявилъ, что не золотомъ, а мечомъ должно избавиться отъ враговъ и спасти Римъ, и что онъ, какъ диктаторъ, уничтожаетъ заключенный съ галлами, безъ его вѣдома, договоръ. Слѣдствіемъ этого былъ жаркій и кровопролитный бой въ самомъ Римѣ, кончившійся совершенною побѣдою римлянъ. Галлы были разбиты, прогнаны, преслѣдованы, въ недалекомъ разстояніи отъ Рима вторично разбиты и большею частію истреблены, а остатки ихъ совершенно изгнаны изъ римскихъ владѣній.

§ 111.

2-е нашествіе галловъ (366 г.). Битва на рѣкѣ Аніо.

Новое нашествіе галловъ на Римъ въ 366 году, побудило римлянъ избрать Камилла, уже 80-ти-лѣтняго старца, въ 5-й разъ диктаторомъ. Давъ римскому войску новое вооруженіе, онъ двинулся противъ галловъ и встрѣтилъ ихъ на берегу р. Аніо, расположенныхъ въ неукрѣпленномъ станѣ, ибо они были увѣрены въ побѣдѣ. Камиллъ поставилъ небольшую часть своего вой-

ска на гребнѣ высотъ, лежавшихъ въ недалекомъ разстояніи отъ стана галловъ, а главныя свои силы расположилъ скрытно за скатомъ этихъ высотъ. Расположенный такимъ образомъ, онъ оставался въ бездѣйстви, какъ бы изъ робости, и выказывая только часть войска, до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что большая часть галловъ удалилась изъ стана для грабежа, а оставшіеся въ немъ, упившись виномъ, были не въ состояніи сражаться. Тогда Камиллъ въ слѣдующую ночь послалъ легкую свою пѣхоту на лѣвый флангъ галловъ съ тою цѣлію, чтобы она тревожила ихъ стрѣльбою изъ луковъ, привела ихъ въ разстройство и препятствовала имъ въ порядкѣ встрѣтить римлянъ. Самъ же Камиллъ со всѣми остальными, многочисленными, тяжеловооруженными и хорошо-одушевленными войсками двинулся, по восхожденіи солнца, впередъ и построился противъ галловъ съ фронта въ боевой порядокъ. Галлы, дѣйствительно приведенные легкою римскою пѣхотою въ разстройство, вышли на встрѣчу Камиллу въ большомъ безпорядкѣ. Камиллъ напалъ на нихъ въ одно время съ фронта и обоехъ фланговъ, и совершенно охватилъ, опрокинулъ и разбилъ ихъ, причемъ вооруженіе, данное имъ римскимъ войскамъ, оказало большую пользу и было причиною малой потери римлянъ и огромнаго урона галловъ. Остатки галловъ бѣжали и были преслѣдованы, а станъ ихъ, съ богатою въ немъ добычею, взятъ римлянами.

§ 112.

Война съ тарквиньянами, герниками и галлами (358). Битва Сулпиція съ галлами.

Въ 358 году римляне, принужденные въ одно и тоже время вести оборонительную войну противъ тарквинянъ, герниковъ и галловъ, избрали въ диктаторы Каія Сулпиція Петика и поручили ему дѣйствовать противъ галловъ, а консуламъ: Фабію—противъ тарквинянъ и Плавтію—противъ герниковъ. Сулпицій, зная, что галлы не запаслись продовольствіемъ, хотѣлъ медленіемъ довести

ихъ до голода и охладить боевой пылъ ихъ, и потому строго запретилъ войскамъ своимъ завязывать съ ними бой. Наконецъ однакоже онъ не могъ долѣе противиться неотступнымъ просьбамъ войскъ своихъ, нетерпѣливо желавшихъ сразиться съ галлами, и сдѣлалъ для нападенія на послѣднихъ слѣдующія распоряженія: вооружилъ 1.000 рабовъ, находившихся при войскѣ, посадилъ ихъ на вьючныхъ муловъ и лошадей, придалъ имъ 100 человекъ конницы, расположилъ ихъ далеко впереди лѣваго своего крыла, почти противъ праваго фланга галловъ, скрытно въ засадѣ на лѣсистыхъ высотахъ, и приказалъ имъ по условленному знаку показаться на флангѣ и въ тылу непріятеля. Войско же свое онъ построилъ, по восхожденіи солнца, на равнинѣ, ограниченной слѣва и справа высотами. Галлы напали сперва на правое, а потомъ на лѣвое крыло римлянъ и оттѣснили ихъ. Но вскорѣ римляне, ободренные Сулпиціемъ, напали на оба крыла галловъ, пѣхотою съ фронта, а конницею съ фланговъ, и въ свою очередь отразили и спрокинули ихъ. Въ это самое время за правымъ крыломъ галловъ показался отрядъ, находившійся въ засадѣ. Опасаясь быть отрѣзанными отъ своего стана, галлы поспѣшно бросились къ нему, но къ ужасу своему уже нашли его занятымъ частію римской конницы, посланной Сулпиціемъ, съ самаго начала битвы, въ обходъ справа позади высотъ. Тогда галлы бросились къ лежавшимъ вправо отъ нихъ лѣсистымъ высотамъ, но встрѣченные отрядомъ, вышедшимъ изъ засады, большею частію были истреблены, а станъ ихъ съ богатою въ немъ добычею достался въ руки побѣдителей.

§ 113.

Войны римлянъ послѣ осады Веій вообще.

Со времени осады римлянами Веій, въ образѣ веденія ими войны и въ самомъ характерѣ войнъ ихъ произошла важная перемѣна. Введеніе выдачи римскимъ войскамъ жалованья, продовольствія и оружія, къ которой осада Веій подала первый поводъ, доставило

римскому правительству возможность вести войны болѣе отдаленныя и продолжительныя и съ цѣлію болѣе важною, пріобрѣтать успѣхи болѣе значущіе и достигать результатовъ болѣе положительныхъ и прочныхъ, нежели дотолѣ. А потому съ этого времени войны римлянъ уже не имѣютъ прежняго характера набѣговъ, но мало по малу начинаютъ принимать характеръ болѣе правильный и распространяться въ объемѣ и размѣрахъ. Еще 52 года послѣ взятія Веій (395-343) онѣ были, какъ и въ предшествовавшія 100 лѣтъ, преимущественно оборонительнаго въ политическомъ отношеніи свойства, потому что въ это именно время Римъ внутри былъ въ особенности сильно потрясаетъ распрями патриціевъ и плебеевъ, а извнѣ, сверхъ нападеній народовъ средней Италіи, подвергался еще нашествіямъ галловъ. Но, съ ходомъ времени, римляне вполне восторжествовали надъ ближайшими сосѣдственными народами, утвердили власть свою надъ ними и въ 343 году уже были въ состояніи предпринять первую наступательную войну свою противъ самнитянъ, которая проложила имъ путь къ завоеванію Италіи.

§ 114.

Общій выводъ о войнахъ римлянъ и ихъ характерѣ, и образѣ и искусствѣ веденія римлянами войны въ этомъ періодѣ.

Разсматриваемыя вообще, войны, веденныя римлянами въ этомъ періодѣ, были въ политическомъ отношеніи оборонительнаго, а въ военномъ наступательнаго свойства. Римляне, съ самаго начала, и въ войнахъ, какъ и въ битвахъ своихъ, любили предупреждать враговъ нападеніемъ, и даже въ оборонѣ дѣйствуя наступательно, большею частію имѣли на своей сторонѣ выгоды и преимущества назначенія и предупрежденія, уравнивавшія нѣкоторымъ образомъ неравенство силъ, и при превосходныхъ своихъ, сверхъ того, устройствѣ, духѣ, порядкѣ и единодушій воинскихъ, почти всегда выходили изъ битвъ и войнъ побѣдителями. Каждая война, удачно оконченная, не ослабляла, но болѣе или менѣе усиливала ихъ, а всѣ, вмѣстѣ

взятыя, чрезвычайно развивали воинственный духъ ихъ, способствовали пріобрѣтенію ими многообразной военной оытности, усовершенствованію ихъ въ военномъ дѣлѣ, содѣланію изъ нихъ воинственнѣйшаго народа древнихъ временъ и прочному основанію того могущества, которое въ послѣдствіи покорило имъ полъ-міра. Въ этомъ отношеніи войны римлянъ въ этомъ періодѣ стоятъ несравненно выше междуусобныхъ войнъ грековъ и вполне заслуживаютъ вниманія. Сами же по себѣ и въ отношеніи собственно къ образу и искусству веденія войны онѣ представляютъ многія черты сходства съ войнами, веденными въ предѣлахъ Греціи греками, довольно маловажны и, за нѣкоторыми исключеніями, ничего особенно замѣчательнаго не представляютъ. Вообще, по наборѣ войскъ и объявленіи непріятелю чрезъ феціаловъ войны, одна, рѣдко болѣе двухъ армій, силою отъ 6-ти или 7-ми до 20-ти или 22-хъ тысячъ войскъ, подъ предводительствомъ царя и позже консуловъ или диктатора, обыкновенно въ самомъ началѣ быстро вторгалась въ земли непріятеля или шла ему на встрѣчу и боемъ рѣшала войну, либо нападала на города и брала ихъ приступомъ, хитростью или измѣною, либо болѣе или менѣе долго осаждала или всѣми или частію силъ, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ другою частію оныхъ оборонительно и преимущественно наступательно въ полѣ. Грабежъ непріятельскаго края служилъ первоначально цѣлію войнъ, а позже, какъ и у всѣхъ вообще народовъ древности, средствомъ отмщенія непріятелю или принужденія его къ битвѣ, покорности или миру, но былъ употребляемъ не иначе, какъ по волѣ полководца. Запрещалъ онъ грабить—и никто не смѣлъ ослушаться, подъ страхомъ обвиненія въ непослушаніи и измѣнѣ отечеству. Походы и самыя войны римлянъ ограничивались сначала ближайшими окрестностями Рима и даже позже не распространялись далѣе 100 верстъ въ окружности, продолжались же не болѣе 6-ти мѣсяцовъ, прекращаясь обыкновенно съ наступленіемъ осени; тогда войска возвращались въ Римъ и были распускаемы. Такимъ образомъ войны римлянъ были недалекия и непродолжительныя. Причинами этого было въ 1-хъ то, что войска римлянъ до осады Веій состояли изъ гражданъ, вооружавшихся только на время войны или похода, служившихъ на

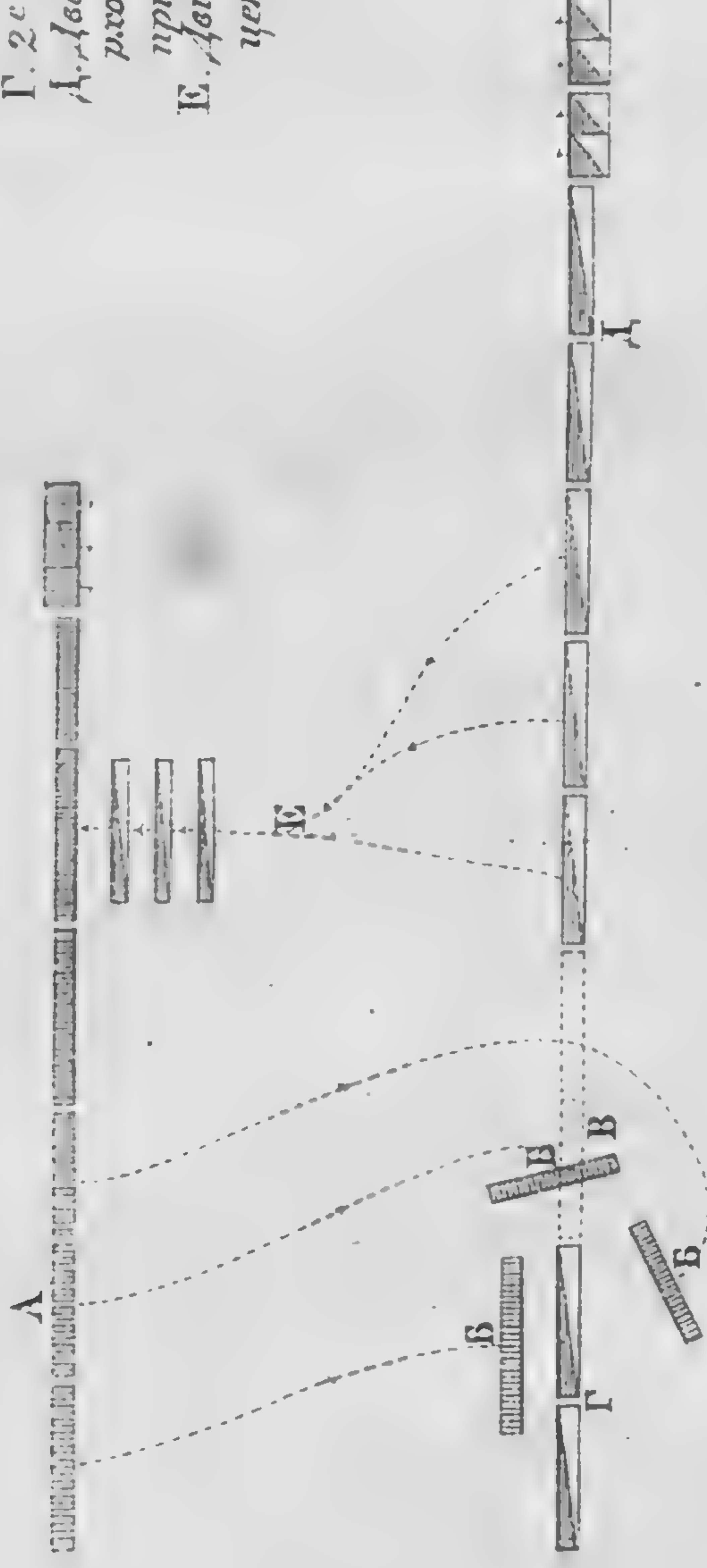
собственномъ содержаніи и потомъ возвращавшихся къ мирнымъ занятіямъ;—во 2-хъ то, что внутреннія смуты со временъ учрежденія народнаго правленія не позволяли правительству употреблять противъ внѣшнихъ враговъ всѣхъ силъ Рима, на дальнихъ разстояніяхъ и продолжительное время,—и въ 3-хъ то, что войны римлянъ были оборонительнаго въ политическомъ отношеніи свойства и ведены съ ближайшими народами, нападавшими на римлянъ въ собственныхъ ихъ предѣлахъ. Движенія и дѣйствія были быстрыя и рѣшительныя. Главною цѣлію ихъ былъ бой и рѣшеніе онымъ войны. Поэтому соображенія и дѣйствія тактическія имѣли, какъ у грековъ, первенствующую важность, а тѣ, которыя выходили изъ круга ихъ, были весьма ограничены и принадлежали болѣе къ разряду военныхъ хитростей. Собственно же искусство веденія войны было еще мало развито у римлянъ.

1° спражение

xxii

Мачтынь.

Архивъ

А. Іс расположеніє
дружизнъ и изъ союзникоу.
Б. Движеніе изъ въ обходъ
много крыла перигити.

Далекодемие

В. 1^е распоряженіе Скуриловъ
и Бразидовыхъ войскъ.
Г. 2^е — — — — —
А. Два лотоса дуча. Поле-
ровъ, не исполняющихъ
приказанія Агуса.
Е. Движеніе Агуса противъ
центра Аргиванъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ главѣ VIII: Пелопоннесская война, къ страницѣ 189-й.

1-е сраженіе при Мантинеѣ или Тегеѣ, въ августѣ 418 г.
передъ Р. Х. (*).

(по Фукидиду).

Въ войнѣ, произшедшей въ 418 г. (во время пелопоннесской войны) между Спартой и Аргосомъ съ ихъ союзниками, спартанское войско, подъ предводительствомъ спартанскаго царя Агиса I, двинулось къ Тегеѣ и, соединившись здѣсь съ аркадскими войсками, вступило въ земли мантинейскаго округа, расположилось близъ храма Геркулеса или Гераклеи (Ираклеи) и стало разорять окрестности. Напротивъ него, союзное войско аргивянъ, мантинейцевъ и аѳинянъ, расположилось на неудободоступныхъ высотахъ. Агисъ двинулся противъ него и уже приблизился къ нему на полетъ дротика, какъ вдругъ, по совѣту одного старца (вѣроятно изъ лицъ, состоявшихъ при арміи) повернулъ назадъ, отступилъ въ земли

(*) Мантинея, въ древности значительный и сильный городъ Аркадіи, въ Пелопоннесѣ, нынѣ развалины близъ Горацы, къ сѣверу отъ Триполлицы, особенно ознаменовалась тремя сраженіями близъ нея, въ 418-мъ, 363-мъ и 207-мъ годахъ передъ Р. Х. Изъ нихъ два послѣднія, прославившіяся замѣчательными побѣдами, 2-е—Эпаминонда, а 3-е—Филопемена, описаны: 2-е—въ I части настоящей Всеобщей военной исторіи древнихъ временъ, въ главѣ XI, § 77, стран. 303—306, а 3-е — во II части той же исторіи, въ главѣ XVIII, § 118. О 1-мъ же сраженіи, менѣе замѣчательномъ, только упомянуто въ своемъ мѣстѣ, въ I части, въ главѣ VIII, § 56, стран. 189; но дабы дать понятіе также и объ этомъ, 1-мъ изъ трехъ сраженій при Мантинеѣ, здѣсь представляется, въ приложеніи, описаніе его, на основаніи поясненнаго разсказа (не совсѣмъ яснаго) Фукидида.

Тегей и отвелъ, къ сторонѣ Мантиней, воды, которыя постоянно служили причиною распрей между мантинейцами и тегейцами, потому что, куда бы ни текли, вездѣ причиняли много вреда. Этимъ отступленіемъ Агисъ надѣялся выманить союзниковъ съ высотъ на равнину. Дѣйствительно, союзники, крайне изумленные внезапнымъ отступленіемъ спартанскаго войска, сначала недоумѣвали, что это значило, а затѣмъ стали обвинять своихъ предводителей въ измѣнѣ и требовать, чтобы они спустились на равнину для преслѣдованія спартанскаго войска. На другой день Агисъ двинулся обратно къ мѣсту прежняго своего расположенія и, подходя къ нему въ походномъ порядкѣ, къ немалому удивленію и — по словамъ Фукидида — ужасу всего спартанскаго войска, увидѣлъ, что союзники стоятъ уже противъ него, на равнинѣ, совершенно построенными и готовыми къ бою, между тѣмъ какъ войско Агиса находилось еще въ движеніи, въ походномъ порядкѣ, чѣмъ и объясняются изумленіе и ужасъ его. Вслѣдствіе того, войско Агиса немедленно и съ величайшею поспѣшностью стало перестраиваться изъ походнаго порядка въ боевой, а именно: на правомъ флангѣ стали аркадскія войска и возлѣ нихъ на лѣво спартанская отборная дружина, въ серединѣ — спартанская фаланга, на лѣвомъ флангѣ — спартанскіе неодамы (или новые граждане), войска, служившія съ Бразидомъ во Фракіи, и 600 чел. скирптовъ, и наконецъ, на окончностяхъ обоихъ фланговъ — конница. У союзниковъ же правое крыло составляли мантинейскія войска (такъ какъ это происходило въ земляхъ Мантиней), въ серединѣ стояли 1000 чел. отборной дружины и остальные войска Аргоса, а на лѣвомъ крылѣ аѳинскія войска, имѣя на лѣвомъ флангѣ свою конницу. Фукидидъ не означаетъ числа войскъ съ той и съ другой стороны, но известно, что спартанское войско было сильнѣе.

Пока спартанское войско строилось, союзное не трогалось съ мѣста, но когда первое построилось, то оба въ тоже время двинулись одно противъ другаго, союзное стремительно, а спартанское, по своему обыкновенію, мѣрнымъ шагомъ подъ звуки флейтъ. При этомъ правыя крыла обоихъ войскъ двинулись въ обходъ лѣвыхъ крылъ и мантинейцы (правое крыло союзниковъ) зашли уже такъ

далеко, что Агисъ, опасаясь, чтобы лѣвое крыло его не было охвачено, приказалъ: скиритамъ и Бразидовымъ войскамъ передвинуться (на походѣ) влѣво противъ мантинейцевъ, а двумъ полемархамъ, съ двумя лохосами или отдѣленіями спартацкой фаланги, также подвинуться (на походѣ) влѣво на мѣсто скиритовъ и Бразидовыхъ войскъ. Эти ошибочныя распоряженія Агиса едва не повлекли за собой пораженія всего его войска. Скириты и Бразидовы войска передвинулись влѣво, но два полемарха не послушались Агиса, отчего образовался пустой промежутокъ или перерывъ линіи. Мантинейцы воспользовались этимъ и охватили лѣвое крыло Агиса съ обоихъ фланговъ, опрокинули его и гнали до самыхъ обозовъ. Къ счастью для Агиса, онъ замѣтилъ нѣкоторое колебаніе и разстройство рядовъ въ серединѣ союзнаго войска, и стремительно ударивъ противъ нея съ спартацкою отборною дружиною, опрокинулъ центръ союзниковъ (аргивянъ) и затѣмъ напалъ справа на аѳинянъ, уже обойденныхъ слѣва. Аѳинская конница защищала нѣсколько времени свою пѣхоту и удержала преслѣдованіе ея. Агисъ же, усмотрѣвъ пораженіе своего лѣваго крыла, поспѣшилъ на помощь ему и принудилъ мантинейцевъ къ отступленію. Такимъ образомъ это сраженіе, въ которомъ обѣ стороны сдѣлали много ошибокъ, а искусства оказали мало, началось пораженіемъ лѣваго крыла Агиса, а кончилось пораженіемъ союзнаго войска и побѣдой спартацкаго. Уронъ съ обѣихъ сторонъ простирался, какъ полагаютъ, у аргивянъ до 700 чел., у мантинейцевъ до 200, у аѳинянъ съ эгинянами также до 200, а у спартацевъ и аркадянъ до 300.

КАРТЫ И ПЛАНЫ СРАЖЕНИЙ,

приложенные къ I-й части всеобщей военной исторіи древнихъ временъ.

(по порядку помѣщенія ихъ).

	страниц.
1. Планъ сраженія при Оимврѣ	57
2. Оружіе и военныя орудія и машины, бывшія въ употребленіи въ древности у Грековъ.	111
3. Планъ сраженія при Марафонѣ	145
4. » » » Термопилахъ	153
5. Карта Пелопоннеса	171
6. » отступленія 10.000 грековъ.	213
7. Планъ сраженія при Левктрѣ	287
8. » 2-го сраженія при Мантинѣ	305
9. Строй, построенія и движенія македонской фаланги.	315
10. » » » » конницы	315
11. Планъ сраженія на р. Граникѣ.	355
12. » » при Иссъ	367
13. » » » Арбелѣ	377
14. » » на р. Гидаспѣ	405
15. » 1-го сраженія при Мантинѣ	479
16. Карта древней Азіи	} въ концѣ книги.
17. » » Греціи.	
18. » » Италіи	

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

	страни.
ГЛАВА I. Древніе азіатскіе и африканскіе народы и государ- ства	3
§ 1. Начало и постепенное развитіе военнаго устройства гражданскихъ обществъ, военнаго искусства и искусства веденія войны	3
§ 2. Общія понятія о военномъ устройствѣ, военномъ дѣлѣ и войнахъ древнихъ народовъ Азіи и Африки	8
I. Ассиріяне, вавилоняне и мидяне	13
§ 3. Военное устройство и военныя учрежденія ихъ	13
§ 4. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	14
§ 5. Фортификація и поліорцетика	16
§ 6. Войны ассиріянъ, вавилонянъ и мидянъ	18
ГЛАВА II. Древніе азіатскіе и африканскіе народы и государ- ства	23
II. Евреи	23
§ 7. Военное устройство и военныя учрежденія ихъ	23
§ 8. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	26
§ 9. Фортификація и поліорцетика	27
§ 10. Войны евреевъ	28
III. Египтяне	33
§ 11. Военное устройство и военныя учрежденія ихъ	33
§ 12. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	38
§ 13. Фортификація и поліорцетика	40
§ 14. Войны египтянъ	41

	стран.
ГЛАВА III. Персы	46
§ 15. Воинскій бытъ персовъ до Кира и военное устройство персидской монархіи при Кирѣ и Камбизѣ . .	46
§ 16. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	48
§ 17. Фортификація и полиорцетика	51
§ 18. Войны персовъ при Кирѣ и Камбизѣ	53
ГЛАВА IV. Греки	62
I. Военное дѣло у грековъ въ первобытныя и героическія времена Греціи.	62
§ 19. Времена первобытныя.	62
§ 20. Времена героическія	63
§ 21. Войны еивская и троянская	65
II. Военное дѣло у грековъ въ періодъ отъ войны троянской до начала греко-персидскихъ войнъ .	69
§ 22. Военное устройство и военныя учрежденія вообще .	69
§ 23. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	71
§ 24. Внутреннее устройство и духъ войскъ; — военные нравы и обычаи грековъ.	73
III. Республики спартанская и афинская	75
§ 25. Военныя учрежденія Спарты.	75
§ 26. Устройство и духъ спартанскихъ войскъ	77
§ 27. Военныя учрежденія афинянъ	80
§ 28. Устройство и духъ афинскихъ войскъ	81
IV. Войны грековъ въ періодъ отъ войны троянской до начала греко-персидскихъ войнъ.	83
§ 29. Характеръ греческихъ войнъ этого времени вообще. .	83
§ 30. 1-я мессенская война (742—722 г. передъ Р. Х.) .	84
§ 31. 2-я мессенская война (682—668 г. передъ Р. Х.) .	87
§ 32. 1-я священная война (594—585 г. передъ Р. Х.) .	89

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА V. Персы	93
§ 33. Военное устройство персидской монархіи	93
§ 34. Устройство войскъ и военное дѣло вообще	99
§ 35. Походъ Дарія Гистаспа противъ скивовъ (513) . .	103

	стр.
ГЛАВА VI. Греки	107
I. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у грековъ вообще	107
§ 36. Военное устройство и военныя учрежденія	107
§ 37. Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ	110
§ 38. Строй и образъ дѣйствій войскъ. — Греческая фаланга и греческая тактика	113
§ 39. Преимущества и недостатки, выгоды и невыгоды фаланги	116
§ 40. Походныя движенія и боевые порядки	117
§ 41. Внутреннее устройство и духъ войскъ, воинскій порядокъ, военные нравы и обычаи грековъ	119
§ 42. Кастраметация, фортификація и полиорцетика	123
§ 43. Морское дѣло у грековъ	128
II. Республика спартанская	133
§ 44. Военное устройство и военныя учрежденія ея	133
§ 45. Устройство спартанскихъ войскъ	135
III. Республика афинская	136
§ 46. Военное устройство и военныя учрежденія ея	136
§ 47. Устройство афинскихъ войскъ	140
ГЛАВА VII. Первая греко-персидская война (504—449)	141
§ 48. Причины и начало войны. — 1-е нашествіе персовъ на Грецію въ 490-мъ г. — Сраженіе при Марафонѣ	141
§ 49. 2-е нашествіе персовъ на Грецію подъ предводительствомъ Ксеркса I въ 480-мъ году. — Бой при Термопилахъ. — Морская битва при Саламинѣ	147
§ 50. Походъ 479-го года. — Сраженія при Платеѣ и Микале	158
§ 51. Война съ 478-го по 449-й годъ	167
ГЛАВА VIII. Пелопоннесская война (431—404)	171
§ 52. Причины войны. — Цѣль, силы и средства каждой стороны	171
I. Первая половина войны (431—422)	174
§ 53. Начало и первые два года войны (431—430)	174
§ 54. Слѣдующія пять лѣтъ войны отъ смерти Перикла до взятія пелопоннесскихъ оплотовъ на Сфактеріи (429—425)	176
§ 55. Послѣдніе три года первой половины войны до заключенія между Спартой и Афинами отдѣльнаго мира (424—422 г.)	184

§ 56. Шесть лѣтъ мира между Спартою и Аѣнинами (421—416).	188
II. Вторая половина войны (415—404)	189
§ 57. Предпріятіе аѣинянъ противъ Сициліи (415—413)	189
§ 58. Слѣдующія пять лѣтъ войны (412—408).	199
§ 59. Послѣдніе три года войны (407—404).	202
§ 60. Общій выводъ о пелопоннесской войнѣ	208
ГЛАВА IX. Возстаніе Кира младшаго и отступленіе 10,000 грековъ (401—400).	212
§ 61. Возстаніе Кира младшаго — Походъ его къ Вавлону.—Битва при Кунаксѣ (401)	212
§ 62. Отступленіе 10,000 грековъ (401—400). — Отступленіе до р. Забата	218
§ 63. Отступленіе отъ р. Забата до р. Кентрита.	221
§ 64. Походъ отъ Кентрита до Трапезунта	232
§ 65. Походъ отъ Трапезунта до Хрисополя и дѣйствія во Фрагіи	237
§ 66. Заключеніе	243
ГЛАВА X. Война Спарты съ персами и греческимъ союзомъ.— Походы Агезилая (399—387)	246
§ 67. Война Спарты съ персами (399—394)	246
§ 68. Война Спарты съ персами и греческимъ союзомъ (394—387)	253
ГЛАВА XI. Война между Спартою и Фивами. — Походы Агезилая, Пелопида и Эпаминонда (378—362).	274
§ 69. Причины войны	274
I. Первая половина войны до сраженія при Левктрѣ включительно (378—371)	276
§ 70. Война въ Віотіи.—Дѣйствія Агезилая и Пелопида	276
§ 71. Война Аѣинъ съ Спартою на морѣ.—Дѣйствія Хабріа, Тимофея и Ификрата	280
§ 72. Общій миръ за исключеніемъ Фивъ;—война Спарты съ одними Фивами;—сраженіе при Левктрѣ (372—371)	282
II. Вторая половина войны со времени побѣды при Левктрѣ (371—362).	287
§ 73. Слѣдствія побѣды при Левктрѣ.—Война въ Пелопоннесѣ.—1-й и 2-й походы Эпаминонда въ Пелопоннесъ (371—368).	287
§ 74. Война въ Фессаліи.—1-й и 2-й походы Пелопида въ Фессаліи (368—367).	296

- § 75. Война въ Пелопоннесѣ (366—365).—3-й походъ Эпа-
минонда въ Пелопоннесѣ (366) 297
- § 76. 3-й походъ Пелопида въ Тессаліи (365). — Дѣйствія
Эпаминонда на морѣ 299
- § 77. Война въ Пелопоннесѣ (364—362).—4-й и послѣдній
походъ Эпаминонда въ Пелопоннесѣ (362). — Сраже-
ніе при Мантинѣ.—Общій миръ. 300
- § 78. Общий выводъ о военномъ устройствѣ грековъ и состо-
яніи у нихъ военного искусства вообще и искусства ве-
денія войны въ особенности, отъ нашествія персовъ
на Грецію до временъ Филиппа македонскаго 307

ГЛАВА XII. Македоняне 309

- I. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у маке-
донянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. 309
- § 79. Военныя устройство и учрежденія 309
- § 80. Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ 312
- § 81. Составъ, сила, раздѣленіе, строй и образъ дѣйствій
войскъ.—Македонская фаланга и македонская тактика. 315
- § 82. Внутреннее устройство македонскаго войска, кастра-
метація, фортификація, поліорцетика и состояніе воен-
наго искусства вообще у македонянъ при Филиппѣ и
Александрѣ В. 320

II. Войны Филиппа македонскаго (360—336 г.). . . 322

- § 83. Первые походы Филиппа въ Пэоніи, Иллиріи, Тракіи
и Тессаліи (360—356) 322
- § 84. Война съ 355-го по 336-й годъ вообще. — Походы
во Тракіи и Тессаліи, — война съ аецианами и 1-й
походъ въ Грецію (355—346) 325
- § 85. Походы съ 345-го по 341-й годъ.—Война во Тра-
кіи (340). — Походъ противъ скифовъ къ нижнему
Дунаю (339). — 2-й походъ въ Грецію и сраженіе
при Херонѣ (338 г.). 328
- § 86. Общий выводъ о Филиппѣ, какъ полководцѣ, и его
войнахъ. 335

ГЛАВА XIII. Походы Александра Великаго (336—324 г.) . . 338

- § 87. Первые годы жизни Александра В. (356—336). . 338
- § 88. Первые походы Александра В. противъ трибалловъ
и иллирійцевъ (335) 340
- § 89. Походъ противъ Фивъ (335) 344
- § 90. Война съ персами (334—327). — Причины и цѣль

ея. — Относительное положеніе, силы и первоначальныя предположенія дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ	346
I. Завоеваніе восточныхъ береговъ средиземнаго моря .	354
§ 91. 1-й походъ въ малой Азіи (334). — Сраженіе на р. Граникѣ	354
§ 92. 2-й походъ въ малой Азіи (333). — Сраженіе при Иссѣ	360
§ 93. 3-й походъ въ Сиріи и Египтѣ (333—332).	370
ГЛАВА XIV. Походы Александра Великаго (336—324) (продолженіе)	378
II. Завоеваніе внутреннихъ областей персидскаго государства.	373
§ 94. 4-й походъ въ Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи, Сузіанѣ и Персіи (331). — Сраженіе при Арбелѣ. — Бой при вратахъ персидскихъ	373
III. Завоеваніе сѣверо-восточныхъ областей персидскаго государства.	384
§ 95. 5-й походъ въ Мидіи, Парѣи, Гирканіи, Аріянѣ, Бактріянѣ и Согдіянѣ (330)	384
§ 96. 6-й походъ въ Согдіянѣ (329).	393
§ 97. 7-й и 8-й походы въ Согдіянѣ и Бактріянѣ (328—327).	396
ГЛАВА XV. Походы Александра Великаго (336—324) (окончаніе)	400
§ 98. 9-й походъ въ Индіи (327—326). — Сраженіе на р. Гидаспѣ.	400
§ 99. 10-й и послѣдній, обратный походъ изъ Индіи въ Персію (326—325).	414
§ 100. Общій выводъ объ Александрѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.	419
ГЛАВА XVI. Карѳагеняне.	428
§ 101. Военное устройство и военныя учрежденія	428
§ 102. Различныя роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	434
§ 103. Войны карѳагенянъ	437
ГЛАВА XVII. Римляне.	446
I. Военное устройство и военное искусство	446
§ 104. Военное устройство и военныя учрежденія	446

	стр.
§ 105. Различные роды войскъ, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій ихъ	456
§ 106. Фортификація, поліорцетика и военное искусство вообще.	462
II. Войны римлянъ	465
§ 107. Войны при царяхъ (754—509).	465
§ 108. Войны римлянъ со времени введенія народнаго правленія до осады Веій (509—405)	467
§ 109. Война съ веіентянами и осада Веій (404—395)	468
§ 110. 1-е нашествіе галловъ (389—388). — Битва на р. Алліи	471
§ 111. 2-е нашествіе галловъ (366).—Битва на р. Аніо	473
§ 112. Война съ тарквинянами, герниками и галлами (358).— Битва Суллиція съ галлами	474
§ 113. Войны римлянъ послѣ осады Веій вообще	475
§ 114. Общій выводъ о войнахъ римлянъ и ихъ характерѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія римлянами войны въ этомъ періодѣ	476

Приложеніе къ главѣ VIII: Пелопоннесская война, къ стр. 189-й: 1-е сраженіе при Мантинеѣ или Тегеѣ, въ августѣ 418 г. передъ Р. Х.	479
--	-----

ВАЖНѢЙШІЯ

поправки, измѣненія и прибавленія, которыя необходимо *предварительно имѣть въ виду* (опечатки означены особо въ концѣ книги).

Въ предисловіи, введеніи и оглавленіи:

Стрин.	Строки.	Напечатано:	Должно быть:
13	56 снизу въ выносѣ	древнѣйшихъ НВ.	древнихъ
21	13 сверху	значительной силы.	значительнаго разви-
		НВ.	тія. .
32	12 »	до 1-го сраженія	до 2-го сраженія при
		при Мантинеѣ, НВ.	Мантинеѣ,
36	14 снизу	сочиненіе есть	сочиненіе его есть
40	12 »	(101—180)	(161—180)

Въ текстѣ:

65	1 сверху	денія и личнымъ при-	сколько силою убѣж-
		мѣромъ. НВ.	денія и личнымъ
			примѣромъ.
66	12—13 сверху	пелопоннезскими	пелопоннесскими
и вездѣ въ I-й части		Пелопоннезъ	Пелопоннесъ
		пелопоннезскій	пелопоннесскій
100	2 сверху	многочисленнѣе	малочисленнѣе
176	15 снизу	къ сдачѣ НВ.	къ взятію
203	5 »	} стратиги	} стратеги
204	12, 14 и 15 снизу		
205	5 сверху		
205	2 снизу		
206	1 сверху		
206	17, 13 и 3 снизу и вездѣ далѣе	} Гіацинтова	} Якинеова
265	13 сверху		
266	16 »		
266	15 снизу		
274	16 и 17 сверху	морской НВ.	морой
		Сраженіе при Ман-	2-е сраженіе при Ман-
		тинеѣ. НВ.	тинеѣ.

<i>Стран.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
274	21 и 22 сверху	Сицилійскій Корне- лій, Непотъ,	Сицилійскій, Корне- лій Непотъ,
287	3 и 4 »	гордую республику сію	эту гордую респуб- лику
300	8 »	Сраженіе при Ман- тинѣ. NB.	2-е сраженіе при Мантинѣ.
334	4 и 3 »	верховнымъ предво- дителемъ воору- женныхъ силъ Греціи.	стратегомъ Греции или верховнымъ предводителемъ во- оруженныхъ силъ ея.
341	8 »	верховнаго предво- дителя и пр.	стратега Греции или верховнаго предво- дителя вооружен- ныхъ силъ ея и пр.
361	14 »	Таврусъ	Тавръ
405	4 снизу	Гюра NB.	Пора
420	5 »	и холодъ, NB.	и голодъ,
437	3 сверху	400 лошадей, NB.	4000 лошадей,
447	11 »	изъ Альбалонга,	изъ Альбы-Лонги,
456	16 снизу	2-й классъ	2-й классъ
458	18 »	квинкуціальнымъ	квинкуціальнымъ

ОПЕЧАТКИ.

Въ текстѣ:

<i>Стран.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
17	9 снизу	и по скатамъ его.	и по скатамъ ея.
28	4 »	укрѣпшему	окрѣпшему
36	16 и 17 сверху	преслѣдовать	преслѣдовалъ
76	6 сверху	смѣренности	умѣренности
101	17 »	пѣхота	пѣхоты
—	10 »	строилась	строились
102	11 сверху	разсѣивалось	разсѣивалось
103	7 снизу	по нимъ,	по немъ,
120	3, 2 и 1 снизу	было ...перевозимо... переносимо...	были ...перевозимы ... переносимы ...
129	11 снизу	самая Спарта	сама Спарта
133	6 сверху	осадѣ	осадѣ
148	3 снизу	мараонской	мараѳонской
—	4 снизу	была	было
178	9 »	внѣзапно	внезапно
198	2 сверху	къ нимъ	съ нимъ
235	12 »	фроттъ	фронтъ
251	12 »	полая,	полагая,
262	8 »	Сикіонѣ,	Сикіонѣ,
285	14 »	но цѣлымъ	не цѣлымъ
—	7 снизу	возстановить	возстановить
320	13 сверху	необыкновенныя	необыкновенныя
326	1 »	ѳермопилами	Ѳермопилами
330	12 »	Аѳею	Аѳею
341	2 сверху	Птолемея	Птолемѣя
—	15 снизу	повозками,	повозками.
342	17 »	къ гѣтамъ	къ гетамъ
343	4 и 3 въ выноскѣ сн.	{ на ывали	{ на- зывали
348	5 снизу	врамя	время
355	9 »	аргираспидовъ	аргираспидовъ
376	12 »	крылѣ, его	крылѣ его,
397	7 сверху	{ согдія не ибак- тріяне	{ согдіяне и бак- тріяне
—	12 »	гди	гдѣ
403	13 »	въ намѣреніе	въ намѣреніи
—	17 снизу	войскъ	войскъ
—	10 »	Кибулѣ	Кабулѣ
—	3 »	большее	большое
411	1 снизу въ выноскѣ	этого мѣсто	этого мѣста.
453	9 сверху	Упражненіе эти	Упражненія эти

КАРТА
части древней
АЗИИ.

Европейская Сарматія
Азиатская Сарматія
Кавказскія земли
Понть Евксинскій
Арменія
Ассирія
Вавилонія
Персія
Ливійскій округъ
Средний
Верхний
Средиземное море
Пустая
Оулата

Масштабъ въ дюймахъ 45

КАРТА
древней
ГРЕЦИИ

Масштабъ 120 миль въ дюймахъ

36

34

32

30

28

26

КАРТА

древней

ИТАЛІИ.

ЗЕМЛЯ

ГРЕЦІЯ

ИЛИЯ

ЧЕКОСКОЕ

ГЛАВНОУСТАВНОУ

ТАВРИЯ

ТРАНСИЛВАНИЯ

ПАННОНИЯ

СЛАВОНІЯ

ВЕНЕЦІЯ

КАРІЯ

ПАДЮ

ПОНТИКЪ

МАКИДОНІЯ

БЕЛЛА

ПЕЛОПОНЕСЪ

САРДІИ

РИМСКІЯ

КАРІЯ

ПАДЮ

ПОНТИКЪ

МАКИДОНІЯ

БЕЛЛА

ПЕЛОПОНЕСЪ

САРДІИ

АДРИАТИЧЕСКОЕ

МОРЕ

ИЛИЯ

ЧЕКОСКОЕ

МОРЕ

КАРІЯ

ПАДЮ

ПОНТИКЪ

МАКИДОНІЯ

БЕЛЛА

ПЕЛОПОНЕСЪ

САРДІИ

АДРИАТИЧЕСКОЕ

МОРЕ

ИЛИЯ

ЧЕКОСКОЕ

МОРЕ

КАРІЯ

ПАДЮ

ПОНТИКЪ

МАКИДОНІЯ

БЕЛЛА

ПЕЛОПОНЕСЪ

САРДІИ

АДРИАТИЧЕСКОЕ

МОРЕ

ИЛИЯ

ЧЕКОСКОЕ

МОРЕ

КАРІЯ

ПАДЮ

ПОНТИКЪ

МАКИДОНІЯ

БЕЛЛА

ПЕЛОПОНЕСЪ

САРДІИ

АДРИАТИЧЕСКОЕ

МОРЕ

ИЛИЯ

ЧЕКОСКОЕ

МОРЕ

КАРІЯ

ПАДЮ

ПОНТИКЪ

МАКИДОНІЯ

БЕЛЛА

ПЕЛОПОНЕСЪ

САРДІИ

АДРИАТИЧЕСКОЕ

МОРЕ

ИЛИЯ

ЧЕКОСКОЕ

МОРЕ

12-

made

29

